

Հարգելի՛ ընթերցող.

ԵՊՀ հայագիտական հետազոտությունների ինստիտուտը, չհետապնդելով որևէ եկամուտ, իր կայքերում ներկայացնելով հայագիտական հրատարակություններ, նպատակ ունի հանրությանն ավելի հասանելի դարձնել այդ ուսումնասիրությունները:

Մենք շնորհակալություն ենք հայտնում հայագիտական աշխատասիրությունների հեղինակներին, հրատարակիչներին:

Մեր կոնտակտները՝

Պաշտոնական կայք՝ <http://www.armin.am>

Էլ. փոստ՝ info@armin.am

ИСТОРИЯ АРМЯНСКОГО ГЕНОЦИДА

**К 90-летию геноцида армян
в Турции
(1915-1923)**

Типография "Ноян Тапан"
Печать офсетная, формат 60x84 1/16, Усл. печ. л. 36.5
Подписано к печати 20/01/07, Тираж 1000
РА, Ереван 0009, Исаакян 28
тел.: (374 10)565965
E-mail: contact@nt.am
URL: <http://www.nt.am>

**ИСТОРИЯ АРМЯНСКОГО
ГЕНОЦИДА**

**К 90-летию геноцида армян
в Турции
(1915-1923)**

Ваагн Н. Дадрян получил степень доктора философии в Чикагском университете и был профессором социологии Нью-Йоркского государственного университета Джениско. Данное исследование было проведено благодаря двум грантам, полученным от Фонда Г.Ф. Гугенгейма, которые позволили начать большой проект по изучению геноцида. В настоящее время профессор Дадрян в качестве руководителя этого проекта продолжает свои исследования и публикации под эгидой Института Зоряна, Кембридж, США/Торонто/Канада.

За исключением цитирования коротких отрывков для критики или рецензий, ни одна из частей этой книги не может быть воспроизведена ни в какой форме и никакими средствами, будь то электронными или механическими, включая фотокопирование, запись или любую другую известную или еще не изобретенную систему сохранения или воспроизведения, без письменного разрешения **Berghahn Books**.

Vahakn N. Dadrian

Ваакн Н. Дадрян

**THE HISTORY
OF THE ARMENIAN
GENOCIDE**

*Ethnic Conflict from the Balkans
to Anatolia to the Caucasus*

**ИСТОРИЯ
АРМЯНСКОГО
ГЕНОЦИДА**

*Этнический конфликт от
Балкан до Анатолии и Кавказа*

Ереван - 2007

УДК 941(479.25)
ББК 63.3(2Ар)
Д 142

Издаётся по решению учёного совета
Ереванского университета “Гладзор”

Спонсор издания
Ж. Д. Джангирян

Перевод сделан с 6-го английского пересмотренного издания

Перевод **С. Д. Оганесян**

Научный редактор
док. ист. наук **А.В. Акопян**

Д 142 **Дадрян В.**
К 90-летию геноцида армян в Турции (1915-1923).-
Ер.: “Ноян Тапан” из-во, 2007. - 620 ст.

All rights reserved.

Несмотря на то, что к Армянскому геноциду не было выказано столь существенного отношения, сколь к Холокосту евреев, которому он предшествовал, он все еще продолжает преследовать Западный мир, приобретя еще большую значимость в свете “этнических чисток” в Боснии. Этот труд самого выдающегося исследователя армянской трагедии является капитальным анализом геноцида одной нации, рассматриваемого как исторический процесс, в котором внутренний конфликт, накалившись, был в конечном итоге поглощен мировой войной. В нем прослеживается также связь между геноцидом и национальными конфликтами на Балканском полуострове и турецко-армянских территориях.

Данная книга содержит результаты двадцати лет исследований и анализа и, вне всякого сомнения, в обозримом будущем будет считаться самым основным трудом по данной теме.

0503020913
Д 804(01)2007 2007 г.

ББК 63.3(2Ар)

© Ереванский университет “Гладзор”, 2007 г.

ISBN 978-99941-44-52-5

СОДЕРЖАНИЕ

Уведомление	XII
Сокращения.....	XIII
Книга В. Дадряна “История Армянского геноцида”.....	XV
Предисловие	XX
Введение	XXIV

Часть I

ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ ДЕРЖАВ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

1. Исламский священный закон как матрица османского правового порядка и конфликты на национальной почве. 3
2. Гуманитарная интервенция как ответ на национальные конфликты на Балканах. 8

*Гуманитарная интервенция и османско-турецкое владычество
Сербское восстание и российская интервенция
Греческая война за независимость и европейская интервенция
Крымская война: новый стимул для гуманитарной интервенции
Акт о реформах 1856 г. и его расторжение воинствующими исламистами*

3. Эскалация конфликтов и османские полумеры.
Истоки Восточного вопроса, предзнаменующие Армянский вопрос..... 26

*Неубедительное политико-правовое принятие Европой теократической Турции
Резня христиан-маронитов и новый протокол по защите христиан
Балканские восстания. Появление нового поколения господ мусульман среди ортодоксальных славян.
Конституция Мидхата
От Лондонского протокола к Берлинскому договору
Губительная разобщенность общественного и общего права в османской Турции
Провокационная суть Армянского вопроса. Французский документ
От отчаяния к отчаянным действиям: появление армянских революционеров*

Часть II

**ИСТОКИ АРМЯНСКОГО ВОПРОСА
И ТУРЕЦКО-АРМЯНСКИЙ КОНФЛИКТ**

4. Злополучная интернационализация
внутригосударственного межнационального конфликта 53

*Расхождения во взглядах армянских и турецких революционеров,
совместно искавших пути свержения Абдул-Гамида.*

*Тщетность усилий армян в достижении административных
средств по защите своих прав*

5. Интерактивная динамика Восточного и
Армянского вопросов 61

Общий знаменатель, связывающий оба вопроса

Армяно-македонское сотрудничество

Греция, Крит и Зейтун

Сходство истоков и несходство исходов

Часть III

**ДИСФУНКЦИИ ГУМАНИТАРНЫХ ИНТЕРВЕНЦИЙ
ПРИ ПОСТАНОВКЕ АРМЯНСКОГО ВОПРОСА
И ПРОЯВЛЕНИИ ОТНОШЕНИЯ К НЕМУ**

6. Манипулятивная дипломатия взамен идеалов
гуманитарной интервенции 75

Армянский вопрос - пешка в британской партийной политике.

Влияние моральной дилеммы

Австрийская политика попустительства резне

Изменение роли России: суть армянского бедствия

Приверженность Франции России и напряжение между гуманизмом и

оппортунизмом во французской внешней политике

Сага о французском после-диссиденте

Немецкая политика отвергающая как гуманитаризм, так и интервенцию

7. Бесплодность противоречивой дипломатии:
разоблачающая уязвимость армян 131

Факторы, препятствовавшие поиску армянами путей освобождения

Бесплодные договорные обязательства

Под прикрытием дипломатической семантики

Часть IV

ОЗНАМЕНОВАНИЕ ПРОТОГЕНОЦИДАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

8. Абдулгамидовская эра массовых убийств 143

Сасунское восстание. Бесплодность реакции Европы на резню в Сасуне

Гнчакская демонстрация: последствие сасунской резни

Элементы, формирующие субкультуру массовых истреблений армян

Зейтунское восстание 1895-96 гг.

толковения в Ване

Захват Банка Оттомани

Развязывание спланированных властями массовых убийств

Особый случай коллективного наказания посредством массовых убийств

Религиозные аспекты массовых убийств

Демография массовых убийств и разрушений на всей территории империи:

природа и масштаб понесенных армянами потерь

Еще раз о культурных и субкультурных компонентах массовых убийств

Резня как инструмент радикальной политики

9. Массовые убийства эры Абдул-Гамида как предвестник
больших злодеяний 220

Часть V

**ВОЙНЫ И МАССОВЫЕ УБИЙСТВА В ЭПОХУ МЛАДОТУРЕЦКОГО
РЕЖИМА И КОНЕЦ ГУМАНИТАРНОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА**

10. 1909 год: два совершенно одинаковых погрома в Адане 229

Скрытые замыслы захвативших власть младотурок

Возобновление массовых убийств: подготовка к геноциду

11. Изгнание турок с Балканского полуострова: новое чувство
опасности за Анатолию 237

Военные поражения Турции в Балканской войне 1912 г.

Восточный вопрос растворяется в Армянском вопросе

Часть VI

**НАЧАЛО И ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ГЕНОЦИДА ПОД ПОКРОВОМ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

12. Политико-правовой контекст начала. 260

Союз с имперской Германией и фактор подвернувшейся возможности.

Внешняя война как испытание на поражение "внутреннего врага"

13. Международное право как испытание на правовую ответственность 272

Аннулирование договоров

*Предупреждение союзников и введение принципа "преступления
против человечества"*

14. Осуществление геноцида 181

<i>Мобилизация и депортация</i> <i>Экспроприация и конфискация имущества и капиталов</i> <i>Убийства во время геноцида</i>	
15. Поддельный характер закона о депортации и сопутствующие действия	302
<i>Основная ответственность за депортацию</i> <i>Специальная организация (Teşkilâti Mahsusa)</i> <i>Попытки утаить намерения и степень ответственности</i> <i>Проблема наказания Teşkilâti Mahsusa</i>	
16. К вопросу о соучастии Германии	319
<i>Возобновление Армянского вопроса и новое турецко-германское сотрудничество</i> <i>Вторжение германской военной миссии в Турцию. Аспекты идеологических перспектив Германии. Соучастие военных. Приказ о “депортациях”</i> <i>Политические индикаторы соучастия в преступлении</i> <i>Посол и морской атташе: кто был больше причастен к преступлению?</i> <i>Турецкие подтверждения соучастия немцев</i> <i>Соккрытие и обнаружение фактов</i> <i>Антирусская идеология в турецко-германском сотрудничестве и ее антиармянские последствия</i> <i>Немецкие политэкономисты и геноцид армян</i> <i>Мнения немецких экспертов по уголовному и международному праву относительно соучастия Германии как побочного проявления милитаризма</i> <i>Значение тайной деятельности императора Вильгельма II</i> <i>Заключительные комментарии к вопросу причастности Германии</i>	
Часть VII В ПОИСКАХ ПРАВОСУДИЯ ПОСЛЕ ВОЕННОГО ПОРАЖЕНИЯ ТУРЦИИ	
17. Попытки союзников добиться карательного правосудия	389
<i>Судебная ветвь Парижской мирной конференции</i> <i>Британцы в поисках правосудия</i> <i>Судебное преследование окончательно приостановлено</i> <i>Комментарий по поводу неудавшегося правосудия союзников</i>	
18. О турецких механизмах отправления правосудия	408
<i>Предварительное следствие и расследование</i> <i>Формирование Военного суда</i> <i>Начало судебного преследования</i> <i>Основной обвинительный акт</i> <i>Юрисдикционное возражение защиты</i> <i>Конституционный спор</i> <i>Основной вердикт</i>	

<i>Дополнительные вердикты и завершение судебных процессов</i> <i>Политические препятствия на пути внутренних судебных процессов</i>	
Часть VIII ВЫХОД ГЕНОЦИДА ЗА ПРЕДЕЛЫ ГОСУДАРСТВА. НОВАЯ МИШЕНЬ – РОССИЙСКИЕ АРМЯНЕ	
19. Иттихадисты наносят удар Российской Армении	445
<i>Показания немецких военных</i> <i>Другие мнения</i> <i>Свидетельства австрийцев</i> <i>Политическое подстрекательство военных</i>	
20. Кемалисты наносят удар Российской Армении	456
<i>Секретный приказ Анкары о “физическом уничтожении Армении”</i> <i>Бывшие иттихадистские главари снова задействованы</i> <i>Подстрекательства иттихадистских главарей</i> <i>Сотрудничество правительства султана</i> <i>Карабекир: враг Армении и покровитель Азербайджана</i> <i>Руководство Специальной организации военного времени снова активизируется</i> <i>Возвращение полевых офицеров Специальной организации</i>	
Часть IX ОБЗОР ГЕНОЦИДА АРМЯН В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	
21. Очевидность некоторых факторов, определивших геноцид армян	483
<i>Некоторые замечания по поводу динамики безнаказанности</i>	
22. Параллельные проблемы в послевоенных судах над немецкими военными преступниками Первой мировой войны	499
23. Геноцид армян в сравнении с Холокостом. Нюрнбергский процесс	504
<i>Проблема уязвимости евреев и армян как потенциальных объектов мученичества</i> <i>Некоторые соображения по поводу Армянского геноцида как прецедента и предвестника Холокоста</i> <i>Нюрнбергское испытание</i>	
Заключение	537
Эпилог	542
Библиография	556
Указатель тем и географических названий	576
Указатель имен	579

УВЕДОМЛЕНИЕ

Материалы данной рукописи были использованы при подготовке статьи, опубликованной в *Yale Journal of International Law*, том 14, по. 2, (лето, 1989 г.).

СОКРАЩЕНИЯ

AA	=	<i>Auswärtigen Amt</i> . Архивы министерства иностранных дел Германии. Политический отдел 1А, (Bonn).
Am.	=	American (американский).
BA/MA	=	<i>Bundesarchiv/Militärarchiv</i> . Военные архивы Федеративной Республики Германия, Freiburg im Breisgau.
Brit.	=	British (британский).
C.J.	=	Chief Justice (член Верховного суда в Англии).
Cmd.	=	Command Papers, British Parliament, Session Papers (Нормативные документы, британский парламент, документы заседаний).
Cong. Rec.	=	Congressional Record (отчеты Конгресса).
DAA	=	Diplomatic Archives of Austria, 19 th Century (Дипломатические архивы Австрии, 19 в.).
DAF	=	Diplomatic Archives of France, 19 th Century (Дипломатические архивы Франции, 19 в.).
DAG	=	Diplomatic Archives of Germany, 19 th Century (Дипломатические архивы Германии, 19 в.).
Doc.	=	Document (документ).
DZA	=	Deutsches Zentralarchiv. Архивы бывшей Германской Демократической Республики (Восточная Германия), Потсдам.
ESCOR	=	U.N.'s Economic and Social Council. Official Records (Официальные отчеты Совета ООН по экономическим и социальным вопросам).
Eur. Parl.	=	European Parliament (Европейский Парламент).
FO	=	British Foreign Office Archives (Архивы Министерства иностранных дел Великобритании).
For.	=	Foreign (иностраный).
F.R.D.	=	Federal Rules Decisions (Решения по федеральным законам).
G.A.O.	=	General Assembly Official Records (United Nations) (Официальные протоколы Генеральной Ассамблеи ООН).
G.A. Res	=	General Assembly Resolutions (Резолюции Генеральной Ассамблеи).
Gr. Brit.	=	Great Britain (Великобритания).

Int'l	=	International (международный).
K.M.	=	<i>Kriegsministerium</i> . Военное министерство, Германия, Австрия.
l.	=	Law (право/закон).
L.N.T.S.	=	League of Nations Treaty Series (Серия договоров Лиги Наций).
M.P.	=	Member of Parliament (Член парламента).
N.S.	=	<i>Nouvelle Série</i> . Архивы министерства иностранных дел Франции (АМАЕ), Отделы <i>Turquie (Arménie)</i> и <i>Jeunes Turcs. Guerre</i> : тома 887-889, относящиеся к событиям, связанным с Арменией с августа 1914 г. по май 1918 г. под правлением Турции.
RG (L)	=	Record Groups, Национальные архивы США, документы, связанные с внешней политикой Соединенных Штатов 1915 г. Приложение: Первая мировая война.
St.	=	State (государство/государственный).
stat.	=	Statute (устав).
Supp.	=	Supplement (Приложение).
T.I.A.S.	=	Treaties and Other International Acts Series (Серии договоров и других международных актов).
T.V.	=	<i>Takvimi Vekayi</i> . Официальная газета османского правительства, специальные приложения которой освещали слушания Чрезвычайного турецкого военного трибунала и служили в качестве судебной газеты.
U.N.T.S.	=	United Nations Treaty Series (Серия договоров ООН).
Y.B.	=	Yearbook (ежегодник).

Замечание по поводу использования двойных дат:

В связи с тем, что в обсуждаемый период 20 столетия существовала разница в 13 дней (12 дней для 19 столетия) между османским календарем, который иначе назывался *gimî*, Юлианским календарем или календарем по старому стилю (с.с.) и Европейским-Западным, иначе называемым *miladi*, Григорианским календарем или календарем по новому стилю (н.с.), при обозначении некоторых особо важных событий были приведены оба варианта; для разграничения двух дат использовалась косая скобка. Смотри, к примеру, дату захвата Банка Оттомани — 14/26 августа 1896 г. на сс. 46 и 175, а также дату 31 марта/13 апреля 1909 г., когда в османской столице началась антииттихадистская контрреволюция, на с. 232-233.

Книга В. Дадряна “История Армянского геноцида”

Автор данной книги Ваагн Дадрян является одним из известных, если не самым известным знатоком истории геноцида армян в Османской империи в 1915-23 гг. и Армянского вопроса в целом. Он получил степень доктора философии в Чикагском университете и преподавал социологию в государственном университете Нью-Йорка. В настоящее время продолжает свою исследовательскую деятельность и публикации под эгидой института Зорян (Кембридж-США/Торонто-Канада). Его перу принадлежат ряд монографий и десятки статей по Армянскому вопросу, опубликованных на армянском, английском и французском языках. В. Дадрян по праву считается наиболее глубоким и плодотворным исследователем истории геноцида армян не только в Диаспоре, но и в армянской научной действительности вообще. Немецкая газета “Франкфуртер альгемайне цайтунг” охарактеризовала его как одного из наиболее известных и высоко уважаемых историков своего народа. Поистине капитальный труд В. Дадряна “История Армянского геноцида”, явившийся, по его же выражению, кульминацией десятилетий труда, включая многочисленные исследовательские поездки в Европу, Средний Восток и Северную Америку, вызвал широкий отклик в научных и общественных кругах по обе стороны Атлантики. Стивен Кац из Корнельского университета считает, что “он является, несомненно, самым важным трудом когда-либо написанным на эту тему”. А Еуда Бауэр из Института Современного Еврейства Еврейского университета в Иерусалиме находит, что это самое важное исследование, которое должен прочесть любой человек, интересующийся подобными темами.

В. Дадрян родился в Стамбуле, столице Турецкой империи, откуда начался геноцид армян, первым актом которого принято считать арест и изгнание правительством младотурок 24 апреля 1915 г. представителей армянской интеллигенции и духовенства. Поэтому еще в детстве Дадрян знал о геноциде и его ужасах. Однако он стал исследователем истории величайшей трагедии своего народа по воле судьбы.

Особые склонности к математике привели молодого В. Дадряна в Венский университет, где он изучал отношение этой науки к философии. И вот однаж-

ды его профессор Фридрих Кайнц, узнав о его армянском происхождении, порекомендовал прочесть роман своего бывшего одноклассника Франца Верфеля “Сорок дней горы Муса”¹.

“Сила этой книги, несмотря на ее мрачную, даже трагическую суть, — пишет В. Дадрян, — оказала неослабевающее влияние на молодой ум”. Студент математики оставил любимую науку и решил “перенаправить свой интерес и сконцентрироваться на новой области исследования, а именно на изучении проблемы мученичества уязвимого коллектива преступной группой облаченной властью”.

Впрочем, не исключено, что математика все же сыграла здесь свою роль, ибо, как говорил Стендаль, она “не допускает лицемерия и неопределенности...” И В. Дадряну удалось с математической точностью и определенностью извлечь из архивов правду о геноциде и с достоверностью изложить ее в уникальной работе, которая призвана сыграть ключевую роль в справедливом решении, в соответствии с общечеловеческими ценностями и фундаментальными принципами международного права, Армянского вопроса, старейшего заложника международной дипломатии.

Отметим некоторые из достоинств работы В. Дадряна, делающих ее действительно уникальной:

1. Это наиболее цельное, всестороннее и полноценное исследование на данную тему.
2. Автор использовал богатейший материал из государственных и национальных архивов Турции (Османской империи и Турецкой Республики), Германии, Австро-Венгрии, Англии, Франции и США. Он особое значение придает документам, найденным в архивах Турции и ее союзников в первой мировой войне: государственным актам, донесениям и рапортам, письмам и воспоминаниям государственных деятелей, послов, консулов, дипломатов и военных-очевидцев и участников событий. Вполне понятно, что достоверность этих документов не может подвергаться сомнению.
3. В. Дадрян тщательно изучал книги и статьи Турецких авторов, работы ученых других стран, а также прессу, но главным образом стамбульскую (1908-20 гг.).

¹ Роман австрийского писателя, еврея по происхождению, рассказывает о героическом сопротивлении небольшого по численности армянского населения горы Муса, у побережья Средиземного моря, регулярным войскам турецкой армии в 1915 г.

4. Историко-политический, международно-правовой и морально-психологический анализ геноцида армян, как международного преступления против человечества. Он сравнивает Геноцид армян с еврейским Холокостом и приходит к справедливому выводу о том, что если бы Геноцид армян был бы соответствующим образом осужден в свое время, и преступники были бы наказаны, то еврейского Холокоста могло и не быть.

5. Книга В. Дадряна содержит огромную дополнительную информацию в примечаниях и даже в библиографии.

“История армянского геноцида” приобретает особое значение в наше время, когда факт геноцида армян признан парламентами и правительствами ряда государств, в том числе и Государственной Думой Российской Федерации, и процесс этот продолжается. Вместе с тем Турция пытается всячески приостановить этот процесс, прямо отрицая факт геноцида армян и наличие Армянского вопроса вообще. К сожалению это кое-где удаётся ей, поскольку державы продолжают свои интересы ставить выше принципов правды и справедливости.

Этим объясняется и то, что государства признают факт Геноцида армян без признания права последних на компенсацию, т.е. на возврат им отнятой у них путем насилия, физического истребления и изгнания их исторической родины, (этнической территории), где жили они тысячелетиями и творили свою своеобразную цивилизацию. Не признается пока их право на возмещение материального и морального ущерба.

В этой связи небезынтересно отметить, что Европарламент в своей резолюции от 18 июня 1987 г. “О политическом решении Армянского вопроса” признав факт геноцида, вместе с тем, избавляя современную Турцию от ответственности, утверждал, что признание факта геноцида не может предъявить Турции политических, юридических и материальных требований. А между тем такие государства, как США и Великобритания, участвовавшие в первой мировой войне и непосредственно соприкасавшиеся с событиями во враждебной стране, упорно отказываются признать факт геноцида армян. Но ради справедливости следует сказать, что Англия признала его в самом начале, когда 24 мая 1915 г. в совместном заявлении правительства России, Англии и Франции осудили Турцию за массовые убийства армян, назвав ответственным правительство младотурок. Тогда эти трагические события называли массовыми убийствами, погромами, избиением, резней, но не геноцидом, ибо это понятие еще

не было в обиходе. Более того, Англия, Франция и США Севрским договором от 10 августа 1920 года признали право армян на компенсацию, и право иметь свою единую, свободную и независимую республику, включающую территорию Западной Армении, и часть Восточной Армении (Карс, Ардаган, Сурмалу), ныне находящиеся под Турецкой оккупацией.

Дело в том, что мир продолжает жить пока по формуле “La raison du plus fort est toujours la meilleure”.² Но если когда-нибудь Турция предстанет перед справедливым судом истории, в чем мы не сомневаемся, то тогда книга В. Дадряна будет звучать как обвинительный акт и содержащиеся в ней улики, факты, доводы и доказательства будут настолько вескими и неопровержимыми, что не оставят никаких шансов Турции и ее адвокатам для смягчения приговора, а уж тем более для оправдательного вердикта.

Что же касается мотивов, побудивших опубликовать труд В. Дадряна на русском языке, то надо подчеркнуть, что младотурки геноцид армян старались оправдывать как вынужденную депортацию из соображений внутренней безопасности, населения представлявшего пятую колонну России. Конечно, со времен Петра I, когда армяне приняли русскую ориентацию, во всех русско-турецких войнах они относились к русским как к освободителям, что не могло не отразиться на судьбе западных армян. Но, к сожалению, для России (царской, Временного правительства и большевистской диктатуры), впрочем и для других великих держав, армяне и их общенациональная проблема — Армянский вопрос были не целью, а всего лишь средством внешней политики. В частности, освободительная роль России на Балканах по отношению к южным славянам резко отличалась от ее политики в Западной Армении. Тем не менее, несомненная лояльность армян к России, как к освободителю от турецкого ига, была ловко использована младотурками и кемалистами, для оправдания геноцида. Так как геноцид продолжался до 1923 г. и кемалистами в пределах уже Восточной Армении, то ясно, что этому способствовали дружба и помощь большевистской России кемалистской Турции. Мало того, Московским договором 16 марта 1921 г. Советская Россия уступила Турции оккупированные кемалистскими агрессорами Карс, Ардаган и Сурмалу. По этому же договору Россия по требованию турок передала Азербайджану Нахиджеван, а позже и Нагорный Карабах. К тому же она признала недействительным Севрский договор.

² Фр. “Аргумент самого сильного всегда лучший”.

Эти акции были совершенно незаконными, ибо Советская Россия распорядилась чужими землями, ей не принадлежавшими, так как Российская империя более не существовала.

Так большевистская Россия “вознаградила” народ, который жизнью полтора миллионов невинных людей заплатил за провал программы пантюркизма, мечтавшего ценой военного поражения России с помощью пангерманизма и ликвидацией армянского барьера, отделяющего турок Турции от турок Азербайджана, объединить в великой туранской империи все тюркские народы от Средиземного моря до Средней Азии, Поволжья, Алтая и Якутской тундры.

Книга В. Дадряна разбирает все эти проблемы, которые должны быть досконально известны, понятны широкой массе русской общественности, тем более сейчас, когда после распада СССР независимая Армения является единственным стратегическим партнером России в Закавказье, в очень сложном для России регионе.

Русский перевод “Истории Армянского геноцида” сделан с 6-го английского пересмотренного издания. Мы сохранили без изменения структуру этого издания: форму цитирования, применяемую автором, и шрифты разного назначения. Наименования городов и местностей даются в старой русской транскрипции. Но чтобы облегчить задачу читателя, желающего найти эти города и местности на современных картах, в тематическом указателе наряду со старой транскрипцией в скобках дается новая, как, например, Трапезунд (Трабзон), Ерзнка (Эрзинджан), Эрзрум (Эрзурум), Диарбекир (Диярбакыр), Харпут (Элязыг) и т.д.

*Ж. Д. Джангирян, док. юрид. наук, профессор
А. В. Акопян, док. ист. наук*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данное исследование преследует две основные цели: 1) изучить геноцид армян периода Первой мировой войны посредством рассмотрения внушительного свода официальных документов Османской Турции, а также Германской и Австрийской империй, являвшихся политическими и военными союзниками Турции во время войны; 2) подвергнуть данный геноцид критическому анализу с точки зрения исторической перспективы.

Уничтожение армянского населения Османской империи во время войны проступает из этой перспективы как катаклизм, явившийся кульминацией исторического процесса, включающего в себя истребление армян путем перемежающихся и постепенно набирающих большой оборот избиений. Таким образом, именно исторический аспект геноцида армян позволяет с наибольшей четкостью проследить связь между геноцидом и последствиями истории армяно-турецкого конфликта. Такая методика анализа соответствует основной предпосылке данного исследования, суть которой состоит в том, что для османско-турецких властей геноцид армян являлся ни чем иным, как попыткой окончательного разрешения разъедающего изнутри и затягивающегося армяно-турецкого конфликта. В конечном счете, ключевым вопросом данного исследования является именно геноцидальная сущность исхода этой попытки, перед которой меркнут все остальные вопросы, связанные с развитием и углублением этого конфликта.

Во избежание возможных недоразумений, связанных с коннотациями термина конфликт, использованного выше, а также в подзаголовке этой книги, необходимо дать краткое разъяснение. В условиях отсутствия малейшего паритета во власти и в силе между армянами и османскими турками, бывшими сторонами конфликта, особое ударение должно быть сделано на чрезвычайно важных элементах явления, противоположного паритету, а именно — на отсутствии паритета. На протяжении веков, наслаждаясь почти абсолютной монополией на власть, обусловленной установленной законом позицией доминирующей группы, османские турки смогли низвести армян до статуса недееспособного меньшинства, которое, будучи в подчинении, постоянно подвергалось естественным в подобных условиях притеснениям. Армяно-турецкий конф-

ликт разразился из-за того, что в восприятии армян злоупотребления этой монополией на власть достигли степени невыносимой суровости и жестокости.

Острота подобного рода конфликта сжато представлена ветераном французской дипломатии, послом Франции в Турции Полем Камбоном. В известном, ставшем поворотным по своей значимости отчете, посланном им в Париж 20 февраля 1894 года, т.е. за несколько месяцев до начала печально известных массовых убийств (1894-1896 гг.) эры Абдул-Гамида, он предупредил свое министерство иностранных дел о нарастающей угрозе массового истребления армян. В этой связи Камбон известил Париж о том, что османские власти стремятся к обострению нарастающего конфликта с целью ускорения погромов и резни. Он отмечал, что «непреклонная в своем стремлении создать в Армении настоящий режим террора, арестов, изнасилований [Турция], кажется, получает удовольствие от нагнетания событий». (*Par son entêtement à maintenir en Arménie un véritable regime de terreurs, arrestations, viols, elle semble à hater les événements.*) [Подробно текст этого объемного отчета см. на с. 45 примечание 45.]

Через шесть месяцев после того, как Камбон сообщил свои мрачные прогнозы, султан Абдул-Гамид предпринял серию разрушительных погромов 1894-1896 гг, начав их с резни в Сасуне в 1894 г. В ответ на ставшие привычными попытки султана взвалить всю вину на самих армян высокопоставленные британские чины снова и снова повторяли и подтверждали оценку проблемы, данную Камбоном ранее. Министр иностранных дел граф Кимберли, опровергая обвинения посла Турции в Великобритании, заявил, что виной резни является не «[армянская] агитация, а коррумпированная и порочная [османская] администрация».¹ В свою очередь, премьер-министр лорд Роберт Сесиль Солсбери, выражая свое мнение по тому же вопросу, оспаривал эту точку зрения и считал, что «армяне провоцировали» эти массовые убийства, в то же время заявляя, что «почти в каждом отдельно взятом случае» не они, а «турецкие власти и военные поощряли преступления, которые имели место, и даже принимали в них участие».²

Анализ, предполагающий погружение в такого рода ужасающий материал, часто вызывает вопросы относительно мотивов и причин, движущих автором. Я всегда интересовался математикой и ее связью с философией, в частности, с эпистемологией. Но случай, давший мне возможность общения с одним из моих преподавателей в университете Вены, профессором Фридрихом Кайнцем, изменил все. Узнав, что я армянин, он настоял на том, чтобы я прочитал

“Сорок дней Муса-дага” — роман, написанный его одноклассником Францем Верфелем. Верфель признался ему, что основной причиной для написания этого романа явилось желание литературными средствами показать всему миру, что массовое истребление армян было зловещим предзнаменованием для евреев. Сила этой книги, несмотря на ее мрачную, даже трагическую суть, оказала неослабевающее влияние на мой молодой ум. Представленное в двух томах неравное соотношение таких явлений, как людское благочестие в горе и страдании, способность выносить эти страдания и героизм, с одной стороны, и повсеместное неравенство, невыносимая жестокость, еще более усугублявшаяся в результате безразличия остального мира, с другой, в конечном счете заставили меня перенаправить свой интерес и сконцентрироваться на новой области исследования, а именно - на изучении проблемы мученичества уязвимого коллектива преступной группой, облаченной властью. Как оказалось, при определенных обстоятельствах идеи все же имеют последствия.

Эта книга является кульминацией десятилетий труда, включающего многочисленные исследовательские поездки в Европу, на Ближний Восток и в Северную Америку. А посему я хотел бы воспользоваться случаем и выразить свою благодарность всем тем, кто помог мне в этом начинании. По оказанию содействия, несомненно, особо выделяется Государственный архив в Лондоне, в настоящее время находящийся в Кью (Англия), огромное хранилище которого дало мне возможность доступа к бесценным документам, содержащим факты относительно режима младотурок-иттихадистов и их причастности к организации исследуемого геноцида. Я благодарен заведующему архивом доктору Дункану Чалмерсу и архивариусу Государственного архива Г.Х. Мартину. Я бы также хотел поблагодарить г. Дугласа С. Вебба из Британской библиотеки газет в Колиндейле (Лондон), поскольку хранящиеся в ней турецкие газеты, издававшиеся в Стамбуле с периода перемирия (1918-1920), оказались очень полезными. Я многим обязан также доктору Кристин Томас, заведующей архивом министерства иностранных дел Австрии в Вене, равно как и доктору Курту Пибаллу, заведующему архивом военного министерства Австрии. Оба они оказали мне неоценимую любезность, облегчив мою исследовательскую работу. Однако та поддержка, которую я получил в архиве министерства иностранных дел Германии в Бонне, превзошла всю остальную помощь, оказанную мне в ходе исследования. Я смог изучить материалы этого хранилища настолько досконально, насколько это было возможно за 18 поездок в

Бонн за последние 20 лет. Тот факт, что Германия являлась основным союзником Турции во время Первой мировой войны, с одной стороны, и немецкая страсть к дотошности и порядку в ведении и сохранении записей — с другой, в значительной степени способствовали продвижению моего исследования. Я благодарен д-ру Марии Кайперт, заведовавшей этими архивами, которая сделала все от нее зависящее, чтобы оказать мне помощь в моем начинании.

Подготовка рукописи потребовала огромных усилий большого числа людей. Трое из моих студенток, секретарей в SUNY- Genesco, Мери Стандиш, Мириам Сабин и Дженифер Джонс на протяжении четырех лет вели тщательную работу над рукописью. Будучи в высшей степени занятыми студентками выпускного курса, они самоотверженно работали, в том числе печатая материалы по выходным. Однако два человека в наибольшей степени были ответственны за конечный результат. Мистер Джордж Ширинян добровольно вызвался напечатать первую часть рукописи, а затем сыграл очень важную роль в улаживании различного рода административных вопросов, связанных с публикацией рукописи. Мисс Анн Роч, основная машинистка, напечатавшая окончательный вариант рукописи, с большим терпением и преданностью помогла закончить работу над ней.

В заключение, я хотел бы выразить свою признательность двум американским фондам, каждый из которых дважды великодушно поддержал мое обширное и длительное исследование, включая многочисленные исследовательские поездки за границу, а именно: Национальный Фонд по Науке и Фонд Г.Ф. Гутенгейм. И хотя они не несут ответственности за специфику моих суждений и заключений, материализацией этой книги я обязан их решению предоставить мне соответствующее финансирование для проведения исследования.

Примечания к Предисловию

- 1 *British Foreign Office Archives. Parliamentary Papers. 1895. CIX, p.270. November 7, 1894 communication.*
- 2 *British Foreign Office Archives.. Turkey no.2 (1896), p. 122. November 11, 1895 communication.*

ВВЕДЕНИЕ*

Если в Париже убивают человека — это убийство;
на Востоке перерезают горло пятидесяти тысячам людей — и это вопрос.

Виктор Гюго

Во время первой мировой войны власти Турецкой османской империи осуществили один из самых больших геноцидов в истории человечества, уничтожив огромное количество представителей армянского меньшинства. Этому геноциду предшествовали десятилетия преследований, отмеченных двумя схожими по сути, но менее масштабными погромами, осуществленными в период с 1894 по 1896 гг. и в 1909 г., и унесшими жизни двухсот тысяч армян. В общей сложности более одного миллиона армян были убиты во время Первой мировой войны. Кроме этого сотни тысяч армян погибли в ходе попытки Турции распространить геноцид на территорию российской Армении в Закавказье весной и летом 1918 г., а впоследствии и осенью 1920 г., когда новоиспеченное правительство Анкары приказало армии генерала Карабекира “физически уничтожить Армению”. Европейские державы, постоянно побеждавшие турок на поле сражения, не смогли или не захотели предотвратить это массовое убийство. Более того, им не удалось обеспечить наказание преступников по окончании войны, несмотря на публичные обязательства, которые они взяли на себя во время войны.

Со временем события того периода превратились в тени мировой истории,² получив, таким образом, название “забытый геноцид”.³ До сегодняшнего дня Турция отрицает, что реальной целью этих погромов был геноцид.⁴ Преступление такого масштаба, по крайней мере, дает право на обнародование и изучение документальных материалов. Возможно, что результаты все же вызовут большую озабоченность цивилизованного мира страданиями, которые испытывали поколения армян. Возможно даже, что это подтолкнет более просвещенные слои населения современной Турции к тому, чтобы взглянуть в лицо историческому факту геноцида армян и попытаться согласиться с тем, что это на самом деле имело место.

На протяжении последних 80 лет армянский народ боролся за то, чтобы

* Примечания к введению начинаются на странице XXXIV.

история геноцида армян была выявлена и изучена. Однако, несмотря на масштаб катастрофы, международное сообщество только недавно официально признало, что произошедшее было геноцидом. В апреле 1984 г. группа общественных деятелей (в том числе три Нобелевских лауреата, среди них юрист международного класса Шон МакБрайд) провели в Париже, в Сорбонне, слушания “Трибунала народов” по геноциду армян, в результате которого признали, что имело место преступление — геноцид без установленных законом ограничений.⁵ В августе 1985 г. Подкомитет ООН по правам человека, деятельность которого была приостановлена на протяжении 14 лет, с распределением голосов 14/1 (с четырьмя воздержавшимися) принял к сведению исторический факт геноцида армян.⁶ Вышестоящий орган, Комитет ООН по правам человека последовал их примеру в следующем году.⁷ И наконец в июне 1987 г. Европейский Парламент объявил о том, что массовое истребление, осуществленное турками во время Первой мировой войны, является геноцидом, согласно Конвенции ООН по Геноциду,⁸ и поставил условие, что в числе других требований Турция должна признать геноцид до того, как парламент даст положительный ход ее заявке о вступлении в этот орган. Европейский Парламент добавил, что отказ Турции будет “непреодолимым препятствием на пути к рассмотрению возможного принятия Турции в [Европейский] Союз”.⁹ Более того, 24 апреля 1994 г. телеграфные службы агентств Ассошиэтед Пресс и Юнайтед Пресс Интернейшнл объявили о том, что “Израиль впервые официально осудил Турцию за геноцид армян, таким образом прервав традицию умалчивания с целью потакания своему региональному союзнику Турции. Заместитель министра иностранных дел Иосси Бейлин заявил израильскому парламенту, что Израиль присоединится к общему усилию, направленному на то, чтобы мир помнил о Геноциде. “Мы всегда будем отвергать любую попытку стереть память об этом, даже при наличии политической выгоды”, — сказал он. Отвергая отказ Турции признать преступление и ее заверения о том, что произошедшее было “гражданской войной”, Бейлин заявил: “Это была не война. Вполне определенно, имели место резня и геноцид”.

Относительно небольшое влияние, какое имело уничтожение почти миллиона армян на современное общественное сознание, поднимает серьезные вопросы относительно способности международного сообщества предотвратить или наказать акты геноцида. Многие склонны считать, что именно отсутствие действий и реакции на геноцид армян стали прецедентом, приведшим к

Холокосту евреев во время Второй мировой войны. Действительно, как стало известно, пытаясь убедить сомневающихся в моральности и жизнеспособности своих схем геноцида, Гитлер заявил: “В конце концов, кто сегодня говорит об уничтожении армян?”¹⁰ Эта прецедентная связь много раз приводилась в Сенате Соединенных Штатов при рассмотрении Конвенции ООН по Геноциду, которая была ратифицирована им 19 февраля 1986 г. Целый ряд сенаторов, в частности, сенаторы Доул, Бошвиц, Проксмайр, Лагар, Левин, Лаутенберг, Ригл, Керри и Вильсон особенно подчеркнули исторический прецедент Армянского вопроса и указали на то, что огромное бедствие, коим явился Холокост евреев, стало результатом равнодушия, проявленного человечеством по отношению к судьбе армян.¹¹

Забвение, которому были преданы армяне, повлекло за собой последствия, оказавшие и продолжающие оказывать воздействие и на другие группы-жертвы в постнюрнбергском мире. В этой связи особенно выделяются те геноциды, которые были осуществлены в Бангладеш, Камбодже и на курдской территории в Ираке. В каждом из этих случаев государственная система, прежде чем быть втянутой в войны, была осаждена давлениями центробежных движений и революциями. Таким образом, при наличии определенных условий, сопутствующих загорающимся международным конфликтам, война выступает в роли катализатора применения радикальных методов разрешения конфликтов. С точки зрения международного права, центральным является вопрос соотношения концепции военных преступлений, с одной стороны, и преступлений против человечества — с другой.

Об осознании значимости этого соотношения в принятии решения о возбуждении правового иска против нарушителей свидетельствуют усилия, которые прилагает ООН в борьбе против “этнических чисток” в наши дни. В связи с серией войн, в настоящее время бушующих на территории бывшей Югославии, особенно в провинции Босния,¹² в своей Резолюции 808 (1993) от 22 февраля 1993 г. Совет Безопасности ООН принял единогласное решение о создании международного трибунала по преследованию и наказанию преступников. Основой для этой инициативы послужила Женевская гражданская конвенция от 12 августа 1949 г. о защите гражданских лиц в военное время.¹³ Идея состоит в том, что преступники, обвиненные в совершении преступления против человечества, должны наказываться в соответствии с международным пра-

вом. Однако если учесть историю Армянского вопроса, то исход в нюрнбергском стиле кажется маловероятным.

В этой связи еще более важным представляется другой факт. Данное исследование предполагает продемонстрировать, что геноцид армян являлся побочным продуктом конфликтов на Балканах, которые активизировались в результате контактов с османскими турками. Последние, будучи имперскими завоевателями, впоследствии начали притеснять множество национальностей, проживавших на Балканском полуострове. Возникновение Восточного вопроса было выражением поиска дипломатических путей для обеспечения реформ на Балканах, предполагавших улучшение состояния подвластных национальностей, надрывавшихся под турецким игом. Бесплодность этого поиска повлекла за собой серию мощных взрывов, в результате которых эти национальности одна за другой сбросили оковы османского владычества, и империя в значительной степени уменьшилась. Боязнь аналогичных развитий уже на территории азиатской Турции, где европейские дипломаты были поглощены поиском армянских реформ, составлявших суть Армянского вопроса, заставила младотурок искать пути и средства для предотвращения таких развитий. Результатом стало проявление воинствующего национализма, стремящегося разрешить потенциально опасный Армянский вопрос посредством насилия и применения радикальных методов. В этом смысле геноцид армян должен рассматриваться как манифестация исторического феномена, суть которого заключается во взаимосвязанности и сводимости проблем Армянского и Восточного вопросов.

Неудачи, которые предшествовали армянскому геноциду и следовали за ним, несут в себе важный урок для современных экспертов по международному праву и юристов, пытающихся поставить геноцид вне закона. В то время как нюрнбергские слушания после Второй мировой войны в значительной степени сформировали современное представление о предотвращении и наказании геноцида, сами судебные процессы были результатом стечения целого ряда обстоятельств, возникновение которых само по себе довольно редкое явление. После Второй мировой войны Германия была вынуждена безоговорочно капитулировать перед союзниками. Впоследствии союзники правили Германией, не допуская каких-либо требований суверенности, которые при других обстоятельствах Германия могла бы отстаивать. Более того, требуя карательного правосудия над нацистами, союзники исходили из своих собственных

интересов, так как в годы немецкой оккупации гонения нацистов были обращены против подданных союзных государств.

К сожалению, ни один из этих факторов не фигурировал ни во время, ни после истребления армян. И несмотря на то, что вплоть до Первой мировой войны европейские державы действительно следовали стратегии “гуманитарной интервенции” в османской Турции, а в ответ на разразившийся геноцид армян в 1915 г. ввели понятие “преступление против человечества”, эти государства никогда не имели той общности интересов, какая у них была после Второй мировой войны. Самым пагубным для армян было то, что ни одно могущественное государство не стало бороться за их дело; и поэтому победители 1918 г. один за другим по своей воле отказались от своих гуманитарных забот в обмен на растущую благосклонность взбунтовавшегося кемалистского режима, который постепенно брал Турцию под свой контроль. К тому же после военного поражения турок союзники тем не менее позволили им создать собственное правительство. В результате новое правительство кемалистов заблокировало усилия союзников наказать виновников геноцида, ссылаясь на свои суверенные права. И хотя невозможно определить это с полной достоверностью, однако новейшая история убийств в Камбодже, Бангладеш, в некоторых частях Африки, как, например, в Руанде, а также в Боснии указывает на то, что непродуктивные усилия, направленные на предотвращение геноцида перед Первой мировой войной, как и неудавшиеся попытки наказания после нее, в большей степени являются нормой, чем успех Нюрнбергского процесса.

Правда в том, что предложенная в Конвенции ООН по геноциду классификация, которая определяет геноцид как преступление, согласно международному праву, будучи положительным шагом, считает спорный вопрос о принуждении решенным и не требующим доказательства. Аналогичным образом, хотя Нюрнбергский процесс и является обнадеживающим примером международного сотрудничества в наказании за акты геноцида, невозможно полагаться на такое же полное совпадение интересов в каждом отдельном случае многосторонней победы.

Можно выделить три основных урока, которые преподносят нам события, сопутствующие геноциду армян. Во-первых, не следует ожидать от наций ни эффективного самоконтроля, ни эффективного самонаказания по той причине, что в большинстве своем они на это не способны. Судебные процессы как

в Турции, так и в Германии после Первой мировой войны показали беспочвенность доверия к внутригосударственным судебным процессам с целью получения возмещения за совершенные против человечества преступления, которые были санкционированы самим государством. Военные суды Турции примечательны тем, что они дали документальное подтверждение преступлению организованных массовых убийств армян. Однако лишь немногие из этих процессов завершились вынесением приговора в соответствии с уголовным правом Турции. Политический переворот, явившийся ответом Турции на военное поражение, ослабил и тем самым окончательно провалил эффективность судебных процессов. Режим кемалистов, пришедший к власти в послевоенной Турции, успешно использовал принцип национальной суверенности для того, чтобы не позволить европейским государствам вмешаться в судебные процессы. Впоследствии кемалисты значительно ослабили влияние европейских держав на этой территории, успешно манипулируя разделявшими союзников политическими противоречиями. В Турции последовавший за победоносным восхождением кемалистов подъем националистических настроений противоречил тем целям, которые лежали в основе судебного преследования обвиняемых военных преступников. Соответственно, турецкое правительство и народ не хотели принимать клеймо коллективной вины, что подразумевалось этими судебными процессами.

Второй урок, вытекающий из первого, состоит в том, что группы международных сил не могут предотвратить или наказать акты геноцида, совершенные другим государством, если они не едины и не непоколебимы в своем стремлении достичь конечного результата. Во время Первой мировой войны союзники пришли к решительной победе над военными силами Турции. Далее, посредством декларации от 24 мая 1915 г. выразив свое намерение наказать преступников, осуществивших геноцид, Англия, Франция и Россия обеспечили основу для международного правосудия относительно актов геноцида, совершенных правительством иттихадистов в Турции. Однако союзные силы не смогли обеспечить возмездие за геноцид. Вместо этого их усилия были разбиты вдребезги политическими разногласиями, соперничавшими империалистическими планами и экономическими интересами, а также неспособностью или нежеланием лишить законной силы османское суверенное право наказывать своих собственных людей за действия, совершенные против османских подданных на османской земле.¹⁴ Однако, этот провал не был неожиданным.

Международная система, включая ООН, часто одобряет такого рода действия суверенных наций, которые включают в себя эпизоды организованного насилия и массовых убийств. Известный теоретик в области международного права Лео Купер достаточно четко определил эту проблему:

ООН продолжает оставаться ярой защитницей государственного суверенитета даже в тех случаях, когда в высшей степени очевидны свидетельства не просто мелких актов насилия, а повсеместных убийств и геноцида. Не удивительно, что это может оставлять впечатление заговора правительств с целью лишения своих граждан их прав.¹⁵

И наконец последний, возможно, наиболее обескураживающий урок, преподнесенный армянским геноцидом, состоит в том, что когда международные силы вмешиваются в ответ на происходящие в другом государстве притеснения, не будучи четко скоординированными и приверженными начатому, то в этом случае любое предпринятое ими действие может ухудшить, а не улучшить состояние жертвы. Своей гуманитарной интервенцией во внутренние дела Турции в конце девятнадцатого – начале двадцатого веков европейские державы смогли заставить османское правительство принять ряд законодательных актов, обеспечивающих равные права для немусульманских меньшинств (как, например, армян). Эти законодательные акты подняли национальное самосознание армянского населения, вследствие чего они начали требовать реального применения этих реформ. К сожалению, Османское правительство не намеревалось призывать к жизни эти положения; они приняли их, скорее желая улажить европейцев, таким образом, устраняя опасности рискованной конфронтации с любым или всеми вовлеченными государствами. Европейские державы были готовы принять один только факт существования законодательных актов, никогда по-настоящему не пытаясь принудить османов следовать им; они также не предложили армянам ни военной, ни политической поддержки, которая им понадобилась бы для фактического обеспечения своих законодательных прав. Мусульманское большинство Османской Турции, которое на протяжении долгого времени рассматривало армян и других немусульман как “терпимых неверных”, воспользовалось новым порывом армян отстоять свои права, который весьма определенно отдавал национализмом, как оправдание для того, чтобы избавиться от “армянской проблемы”. Таким образом, гуманитарная интервенция европейцев, несмотря на изначально благие намерения,

создала те самые условия, которые в конечном счете привели к геноциду.

В пределах данного исследования, в котором внимание сосредоточено на соотношении принципа гуманитарной интервенции, легко взятого на вооружение и довольно неуверенно примененного державами, с масштабом геноцида, определенные отличительные черты данного геноцида выступают с наибольшей четкостью. Предварительно они могут быть охарактеризованы следующим образом. В отличие от других типов геноцида, армянский отличается тем, что в данном случае геноцид и те, кто его осуществил, т.е. турки, тесно связаны не просто историей конфликта, а – что важнее – историей конфликта, отмеченной серией перемежающихся массовых убийств, осуществленных последними. Мы имеем дело не с изолированным явлением, а с очевидным наследием обращения к массовым убийствам как к оружию для разрешения нарастающих внутренних национальных конфликтов. В этом смысле геноцид периода Первой мировой войны вряд ли можно охарактеризовать как “отклонение” в истории турецко-армянских отношений. Очевидная установленная схема поведения как логически, так и эмпирически не допускает вероятности проявления такого понятия как отклонение. Таким образом, для того, чтобы определить, является ли геноцид в данном случае в той или иной степени частью общей схемы поведения, приумноженной в своем объеме лишь за счет тех возможностей, которые были предоставлены глобальной войной, более уместно его изучение в контексте совокупности зарегистрированных фактов применения насилия по отношению к недовольным подданным национальностям с целью их уничтожения. Вкратце, геноцид армян имеет свои четкие исторические пределы, в которых во многих смыслах он был предопределен.

Одной из наиболее постоянных черт, присущих серии массовых убийств, осуществленных по отношению к армянам османскими турками за десятилетия, предшествовавшие Первой мировой войне, является перманентная безнаказанность последних. Сама по себе безнаказанность по отношению к преступному действию является формой отрицательного вознаграждения. Однако, если такого рода безнаказанность постоянна на протяжении определенного времени на фоне повторяющихся массовых убийств, то она становится новым стимулом, так как поощряет преступников к проявлению большей наглости и агрессивности в таких кризисных ситуациях, какие предшествовали массовым убийствам. Именно в этом можно найти связующее звено между относительно умеренными массовыми убийствами эры Абдул-Гамида и широкомасштаб-

ным геноцидом, имевшим место во время войны 1915-1918 гг.

Решающее значение фактора безнаказанности далее изучается в данном исследовании в связи с еще одним аспектом осуществления гуманитарной интервенции державами. Несмотря на то, что наказание по определению должно быть осуществлено после того, как было совершено преступление, если проецировать в будущее, то можно сказать, что провал материализации наказания своими корнями уходит в период до его совершения. При таком сценарии будущие возможности предотвращения обретают прямую зависимость от прошлых прецедентов наказуемости. Фактически одной из основных функций наказания, кроме возмещения, является удерживание от враждебных действий посредством судебного устрашения. При отсутствии такого наказания удерживание от враждебных действий становится, по крайней мере, довольно сомнительной задачей. Это поднимает вопрос об отношениях между державами, осуществляющими интервенцию, с одной стороны, и режимом, подвергающимся интервенции, — с другой. В данном исследовании мы продемонстрируем, что сама суть структуры гуманитарной интервенции была неполноценной, и поэтому она не только не смогла выполнить те функции, которые намеревалась, но и, не удавшись, доказала свою неэффективность практически по отношению ко всем тем, кого она касалась, в особенности, по отношению к армянскому населению Османской Турции. Два из таких структурных недостатка детально представлены в данном исследовании. Один из них состоял, с одной стороны, в двусмысленности, с которой державы приняли высокую идею гуманитарной интервенции, с другой — в той небрежности, с которой они пытались ее осуществить на международной арене. Второй недостаток, который тесно связан с первым, относится к попытке держав продвинуть свои скрытые планы, в то же время, якобы, преследуя гуманитарные цели. Это последнее обстоятельство сеяло недоверие и взаимные подозрения между державами, сыграв этим немаловажную роль в подрывании самой объединенности держав, которая служила бы несомненной предпосылкой для осуществления эффективной интервенции.

Позднее проблема еще более усугубилась воздействием экономических факторов. Некоторые державы, в особенности Франция и Англия, а в последствии и Германия, имели громадные вклады в Турцию, в частности в банковской сфере, в железных дорогах, а также в сферах государственных задолженностей и торговле на импорт. Позволив таким высокодоходным вкладам

материализоваться, Султан Абдул-Гамид, таким образом, способствовал тому, что страны эти, оказались в заложниках собственных капиталовложений и не могли себе позволить поставить их под угрозу своими чрезмерно эффективными интервенциями. Их бездействие на фоне продолжающейся по всей территории Османской Империи резни с 1984-1986 гг., а позднее в 1909 г. в Адане, в некоторой степени было производным от того, насколько высоко они ценили свои экономические интересы. По крайней мере, именно по этой причине они были вынуждены позволить султану выжить и главенствовать, несмотря на массовые убийства и сопутствующее разложение его режима.

Исходя из всех перечисленных причин, глава “Манипулятивная европейская дипломатия” отражает широкий спектр вопросов. В ней мы попытались подробнее изучить бурные фазы отношений султана и дипломатических представителей держав, пытавшихся придти к соглашению по поводу Армянского вопроса, а также связанный с этим турецко-армянский конфликт и его пагубные последствия. Эта глава заостряет внимание на важной роли германского императора Вильгельма II в эволюционном развитии и окончательном решении судеб османских армян, оказавшихся в руках османских турок как при правлении Абдул-Гамида, так и при младотурках-иттихадистах. Вильгельм II был единственным правителем-дипломатом, чье правление прошло через весь тот период, когда были задуманы, организованы и осуществлены массовые убийства армян. Его роль выступает с особенной четкостью на фоне того факта, что кульминация всех этих эпизодов массовых убийств — катастрофа геноцида во время Первой мировой войны, совпала с турецко-немецким политическим и военным союзом, по сути выкованным самим императором, в рамках покровительствующих параметров которого и был осуществлен геноцид. Огромный размах избиений, целью которых было истребление и уничтожение, свидетельствует о неопровержимом намерении осуществления геноцида, исходом которого и стал сам геноцид.¹⁶

И наконец, считаем необходимым отметить конкретные категории как источников, так и документов, использованных в данном исследовании. Это материалы как самой Османской Турции, так и ее союзников в Первой мировой войне — Германии и Австрии.

В частности использовались:

1. Официальные документы Османской Турции с грифами “секретно” и “совершенно секретно”, достоверность каждого из которых была подтверж-

дена представителями министерства перед тем, как быть представленными на судебных слушаниях в военном суде Турции.

2. Преимущественно немецкие и австрийские документы, предвосхищающие и подкрепляющие решения военного трибунала Турции. Трудно переоценить важность этих документов. Как было отмечено выше, Германия и Австрия являлись политическими и военными союзниками Турции во время Первой мировой войны. “Конфиденциальные”, “секретные” и “совершенно секретные” отчеты их представителей, в большинстве своем составленные во время войны исключительно для внутренних, внутригосударственных целей, настолько достоверны и непосредственны, что сравниться с ними не могут никакие другие доступные категории источников и документов.

Примечания к Введению

- 1 Цитируется в Peterson, *Catholic World* 61, 43 (1895): 665, 667.
- 2 Известный эксперт по вопросам геноцида описывает эти тени, как “Мемориальный зал ООН”. L.Kuper, *Genocide: Its political Use in the Twentieth Century* (New Haven, CT, 1981), 219.
- 3 D. Boyajian, *Armenia: The Case of a Forgotten Genocide* (Westwood, N.J., 1972); M.Housepian, “The Unremembered Genocide”, *Commentary* 42, 3 (Sept. 1966): 55-61 (опубликован как памфлет).
- 4 См. e.g. K. Gürün, *Ermeni Dosyasi* (1983) (подмена ролей жертвы и преступника в армянском конфликте и отрицание намерения Турции осуществить геноцид), K. Gürün, *The Armenian File: The Myth of Innocence Exposed* (Английский перевод предыдущего труда) (New York, 1985); S. Orel and S.Yuca, *Ermenilerce Talât Pasa`ya Atfedilen Telegraflarin Gerçek Yüzü* (Настоящая суть телеграмм, отправленных армянами Талату-паше), (Ankara, 1983), (отрицание подлинности телеграмм, указывающих на центральное планирование резни армян); I.C. Özkaya, *Le Peuple Arménien et les Tentatives de Rendre en Servitude le Peuple Turc* (Армянский народ и попытки порабощения турецкого народа), (Istanbul, 1971), (обвинение армянских революционеров в резне армян до и во время геноцида).
- 5 Permanent People's Tribunal, *A Crime of Silence; The Armenian Genocide* (London, 1985).
- 6 U.N. ESCOR Comm. on Human Rights, Sub-Comm. on Prevention of Discrimination and Protection of Minorities (38th sess.) (Item 57) 7, UN: Doc. E/CN.4/Sub.2/1985/SR.36 (1985) (summary record of 36th meeting, Aug. 29, 1985).
- 7 Знаменательно, что член Подкомиссии британский эксперт Вайтекер, известный своей рассудительностью и явившийся автором отчета, на основании которого Подкомиссия сделала свои выводы, изучал дело на протяжении восьми лет. См. Benjamin Whitaker, *Revised and updated report on the question of prevention and punishment of the crime of genocide*, 38 U.N.ESCOR Comm. on Human Rights,

Subcomm. on Prevention of Discrimination and Protection of Minorities, (Agenda Item 4), 8-9, U.N. Doc. E/CN.4/Sub.2/1985/6 (1985). В пересмотренный и обновленный отчет Вайтекер внес некоторые коррективы после обсуждений Подкомитета, например, в пункте 13 он изменил “1 миллион” на “40%”. U.N. Doc. E/CN.4/ Sub.2/ 1985/6/Corr.1 (1985).

8 Convention on the Prevention and Punishment of Genocide, Dec.9, 1948, 78 U.N.T.S. 277.

9 *Resolution on a Political Solution to the Armenian Question*, Eur.Parl. Resolution Doc. A2-33/87, No.10 (Armenian Question), 31 (1987). Резолюция была основана на объемном докладе, подготовленном г. Дж. Вандемюлбруком, которому, как члену Парламента и докладчику Комитета по политическим вопросам, было поручено данным органом расследовать текущее состояние Армянского вопроса и представить доклад. После проведения консультаций с рядом имевших к делу отношение источников и властей, включая турецкие, Комитет заключил, что “все действия, которые подходят под описание геноцида в соответствии с Конвенцией [ООН] по предотвращению и наказанию преступления геноцид (1948), были применены к армянскому народу... Такая аккумуляция всякого рода действий и масштабность, с какой они были осуществлены, усиливают достигнутую уверенность в преднамеренности совершенного”. European Communities European Parliament. *Session Documents* English edition 1987-88. Series A, Doc. A2-33/87 (April 15, 1987),20.

10 K.Bardakjian, *Hitler and the Armenian Genocide*, (Cambridge, MA, 1985), 6.

11 132 Cong.Rec. S1355-80 (daily ed. Feb.19, 1986). Эта историческая улика должна учитываться, когда мы принимаем во внимание законодательство, недавно вошедшее в силу в США и считающее геноцид преступлением согласно внутригосударственному праву. В ноябре 1987 г сенаторы Джозеф Биден, Уильям Проксмайер и Говард Меценбаум представили в Сенате новый законопроект, устанавливающий новое федеральное преступление геноцида или попытки совершения геноцида. Президент Рейган подписал законопроект 4 ноября 1988 г. Теперь геноцид или попытка совершения геноцида наказываются лишением свободы на срок не более двадцати лет, штрафом в размере не более \$1 000 000, или и тем и другим одновременно. Эти положения применимы только к гражданам США или к преступлению, совершенному на ее государственной территории.

12 Дж. Грифин, председатель Секции по Международному Праву и Практике, и Дж. Ф. Мерфи, председатель Комитета по Мероприятиям ООН Секции по Международному Праву и Практике, член Американской Ассоциации Адвокатов, 19 февраля 1988 г. выступили перед Юридическим комитетом Сената в поддержку законопроекта, сделав следующее заявление:

“Как показывают исторические примеры геноцидов против армян и евреев, геноцид является современным преступлением потрясающей величины, и мы должны подготовиться к борьбе против него... То, что можно предпринять, как бы это ни было удивительно, довольно просто: Международное преступление геноцида должно войти в уголовное право Соединенных Штатов. Одним словом, мы должны официально признать то, что будут вынуждены признать даже немногие оппоненты договора, а именно – что в Соединенных Штатах, как в мире вообще, геноцид есть преступление... Это хорошее законодательство, которое должно было стать законом в нашей стране 40 лет назад”.

13 United Nations Treaty Series, 75 U.N.T.S. 287 (1949).

14 На созванной в январе 1919 г. Парижской Мирной конференции первым пунктом повестки дня был вопрос о наказании военных преступлений. Для этих целей Союзники создали Комиссию по ответственности авторов войны и принудительным наказаниям. Ссылаясь на *Schooner Exchange v. McFadden*, 11 U.S. (7 Cranch) 116(1812) (мнение Маршала Си. Дж.), двое представителей Америки госсекретарь Роберт Лансинг (председатель комиссии) и Джеймс Скотт, ведущий ученый в области международного права, возражали против того, чтобы победившие союзники провели запланированное судебное разбирательство над немецким кайзером. Приводя аргумент, что такого рода судебное разбирательство будет подразумевать “ответственность, доселе неизвестную ни в муниципальном, ни в международном праве, у которого нет прецедентов в современной практике наций”, Лансинг и Скотт, отвергая право союзников на “законные наказания”, в то же время оставили за ними право на применение “политических санкций”. *Carnegie Endowment for International Peace, Violations of the Laws and Customs of War: Report of the Majority and Dissenting Reports of the American and Japanese Members of the Commission on Responsibilities at the Conference of Paris, 1919*, Pamphlet No. 32 [Далее - *Violations*]. Противоположные мнения см. на сс.58-79.

Кроме того, геноцид, осуществленный против армян, был исключен из категории “военные преступления”, которые должны были преследоваться и наказываться союзниками.

Как отметил Вилис:

“Только в 1948 году геноцид... был четко определен как международное преступление, а в 1919 г. приверженность освященному веками понятию суверенности ограничивала пределы традиционных военных законов и обычаев. Гаагские конвенции... [не относились] к тому, как государство обращалось с собственными гражданами... С этой перспективы, турецкие действия против армян были внутренним делом государства, не подвластным юрисдикции другого правительства”.

J.Willis, *Prologue to Nuremberg: The Policy and Diplomacy of Punishing War Criminals of the First World War*, (Westport, CT, 1982), 157.

И все же, будучи госсекретарем во время войны, Лансинг все же дал санкцию на некоторую степень интервенции, которая, как он считал, была оправдана жестокостью методов, применяемых турками по отношению к армянам. В своем письме президенту Вильсону от 21 ноября 1916 г., Лансинг оставлял за турецкими властями “более или менее оправданное” право на депортацию армян лишь по той причине, что последние проживали “в пределах зоны военных действий”. Однако он добавил: “На мой взгляд, спорной была не сама депортация, а та ужасающая жестокость, с какой она была осуществлена. Это одна из самых мрачных страниц настоящей войны, и я думаю, что наше вмешательство в защиту этих несчастных людей было полностью оправданным, даже несмотря на то, что они являлись турецкими подданными”. RG (L) 59, 763.72115/2631c; *Lansing Papers*, vol. 1, 42-43. Насколько известно, предшественник Лансинга, Уильям Дженингс Брайн лишь однажды отправил послу в Турции Моргентау четкие указания “обеспечить, чтобы правительство Турции приказало всем гражданским и военным должностным лицам по всей территории Палестины и Сирии, что они будут лично призваны к ответственности за жизни и собственность евреев и христиан в случае убийств и мародерства. Требуется исполнить немедленно”. Причиной этих инструкций послужил нарастающий антисеми-

тизм в Палестине и Сирии и сопутствующее предчувствие вероятности организованных погромов во время войны. RG (S) 59, 367.116/309 a; *Papers Relating to Foreign Relations of the U.S.*, 1915. Supplement. World War I, 979.

15 Kuper, [n. 2], 182.

16 Данные, полученные в ходе исследования, основанные на подробном изучении относящихся к делу немецких, австрийских и американских документов, подкрепляют вывод относительно намерения осуществления геноцида и его исхода, особенно, если учитывать судьбы армянского населения портового города Смирны (Измир) и Стамбула, тогдашней столицы Османского государства. Вопреки некоторым утверждениям, судьба армянского населения этих двух городов определилась не доброй волей иттихадистских преступников, пожелавших пощадить жизни армян посредством депортации, а скорее рядом требований, которые их обуздывали. В Смирне это был местный немецкий военный командир, который своей угрозой вмешаться силой убедил иттихадистского генерал-губернатора провинции остановиться и воздержаться от возобновления “массовой депортации армян” из региона. Что касается Стамбула, то целый ряд как официальных, так и неофициальных свидетельств, в том числе и турецких, со всей очевидностью указывают на то, что армянское население ни в коей мере не избежало ни депортации, ни истребления. Официальные немецкие документы указывают, например, на то, что по меньшей мере 30 000 армян, проживавших в этом городе, были схвачены и депортированы службами безопасности Турции. Другие источники свидетельствуют о регулярных облавах, очень часто осуществляемых по возможности тайно, с целью выполнения выделенных квот. Эти моменты особенно важны в свете того, что некоторые ученые туркофилы в своем стремлении отпустить туркам, как тогдашним, так и теперешним, все грехи и избавить их от ответственности за совершение ключевого деяния — геноцида, очень часто разыгрывают аргумент этих, якобы, имевших место освобождений. Суть этого аргумента, беспочвенность которого хорошо доказана вышеприведенными открытиями подобного рода исследования, всего лишь состоит в том, что учитывая, что армянское население этих двух городов было пощажено, геноцид не мог иметь место, как и не могло быть намерения осуществить геноцид в ходе антиармянских действий, предпринятых османскими властями; и следовательно, можно говорить о том, что имевшие место в регионе массовые убийства были вызваны различными причинами, в том числе и “армянскими провокациями”. Для подробного, документального опровержения такого обоснования см. ссылку 2 главы 14 данной книги.

**ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ ДЕРЖАВ:
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА**

Глава 1***Исламский священный закон как матрица османского правового порядка и конфликты на национальной почве**

Первым шагом на пути полного анализа конфликтов на национальной почве должно стать изучение ислама как решающего фактора в происхождении и эскалации этих конфликтов. Наставления непогрешимой догмы ислама в том виде, в каком они интерпретировались и применялись внутри теократической османской государственной организации, вбивавшей в себя совокупность целого ряда национальностей, не исповедовавших ислам, доказали свою незыблемость в качестве разъединяющего фактора в отношениях между доминировавшими мусульманами и последними. Во многом этот конфликт был повтором в более расширенном масштабе конфликтов, омрачавших отношения проживавших на Балканах народов с турками, которые, будучи завоевателями, повелевали покоренными народами на протяжении довольно длительного периода времени. Таким образом, нетрудно заметить, что ислам выступал не только как источник нескончаемых национальных конфликтов на Балканах, равно как и в Турецкой Армении, но и как узел взаимосвязанных Восточного и Армянского вопросов, взрыв которых на несколько десятков лет выбросил на передний план международных конфликтов проблемы религиозной принадлежности и вероучения.

Несмотря на то, что ислам - это религиозное вероучение, для своих последователей он одновременно является и образом жизни, пересекающим границы веры и проникающим в социальную и политическую кузницу нации. Таким образом, склонность ислама к разделению, исключительности и превосходству, которая перекрывает номинальную терпимость к другим религиям, имеет в высшей степени важное значение для понимания многоэтничной системы с господством мусульманства, каковой являлась османская Турция.

Исламская сущность османской теократии играла фундаментальную роль в правовой организации османского государства. Султан, осуществлявший

* Примечания к данной главе начинаются на странице 7.

высшую политическую власть, одновременно носил и титул халифа (что означает преемник Мухаммада и обладатель верховной духовной власти) и посему являлся верховным защитником ислама. Таким образом, на султана-халифа была возложена обязанность защищать канонический закон ислама, называемый Шариатом, означающим откровение (законов Божьих, так как их произнес пророк Мухаммад). Шариат включает не только религиозные наставления и правила, но и зафиксированную и непогрешимую доктрину об обязанностях, а также регуляции законодательного и политического характера, предписания и запреты которых ограничиваются территориальной юрисдикцией государства.

Эти исламские доктрины, принятые в османском государстве, устанавливали статус немусульман в пределах его юрисдикции. Османская система не сводилась к сути теократии; она, скорее, являлась подчиняющей политической организацией, основанной на принципе зафиксированной суперординации и субординации, которые, собственно, и регулировали правовые отношения мусульман и немусульман, что, в свою очередь, влекло за собой социальную и политическую недееспособность последних.¹ Коран, основа Шариата, включает в себя около двухсот шестидесяти стихов, в большинстве своем произнесенных Мухаммадом в Мекке, которые призывают верующих начать джихад — священную войну против “неверных”, к примеру, против тех, кто не исповедует “истинную веру” (*hakk din*), — и “убивать” (*kital*) их.² Более того, стих “Да не будет принуждения в религии”³ заменен и, таким образом, отменен (*mensuh*) приказом Мухаммада “вести войну против неверных и быть к ним жестокими”.⁴ Стих, который имеет непосредственное отношение к религиозной принадлежности, определяющей правовой и политический статус немусульман, чьи земли были захвачены исламскими воинами-завоевателями, содержит следующий наказ: “Сражайтесь против тех, кто не подчиняется религии истины, пока они не отдадут дань (*ciziye*), покорившись, будучи униженными”.⁵ Это условие является основополагающей предпосылкой завершения войны и проявления милосердия.

Так в Османской империи доктрины и традиции ислама, подкрепленные военными институтами государства, привели к возникновению принципов общего права, которые и продолжали господствовать на протяжении всей истории существования османской социально-политической системы. Новые подданные немусульмане султана-халифа должны были вступить в квази-право-

вой договор — *Akdi Zimmet*, согласно которому правитель гарантировал “неприкосновенность” (*ismet*) их личности, их гражданские и религиозные свободы, а также — при наличии таковой — их собственности, требуя взамен выплаты земельного и подушного налогов и согласия на некоторые социальные и правовые ограничения. Эти договоры ознаменовали введение в османскую систему обычного права, которое регулировало неравные отношения между мусульманами и немусульманами. Таким образом, османское общее право создало статус “терпимых неверных, [низведенных до] касты, низшей по отношению к их братьям — подданным мусульманам”.⁶ Турецкий ученый Н. Беркеш далее отмечает, что сложность этого статуса была обусловлена Шариатом, который “не мог допустить равенства [немусульман] в регулируемых им вопросах. [Более того, даже последующие светские законы, основанные на] концепции Кануна (закона), не предусматривали легального равенства между мусульманами и немусульманами”.⁷

Именно этот принцип османского общего права создал политическое раздвоение вышестоящих и нижестоящих статусов. Мусульманам, принадлежавшим к *umma* — политически организованной общине верующих, было предписано оставаться нацией господ. Что же касается немусульман, то они были низведены до статуса терпимых неверных. Эти две категории увековечили разъединение двух религиозных общин, таким образом, привнеся конфликт в общественную структуру. Более того, этот раскол распространился и на борьбу за политическую власть в Османской империи в данный период. И даже тогда, когда в 1908 году младотурки-иттихадисты пришли к власти после султана Абдул-Гамида, они вновь утвердили свою приверженность принципу господствующей нации (*milleti hâkime*). Обещав свободу, справедливость и равенство всем османским подданным, они в то же время дали клятву сохранить разделение на выше- и нижестоящих. Эта клятва была публично провозглашена в *Tanin* — полуофициальном издании партии Иттихад. Редактор издания Хусейн Кахид в редакционной статье объявил, что, вне зависимости от исхода национального конфликта в Турции, “турецкая нация есть и останется господствующей”.⁸

Приверженность иттихадистов принципу господствующей нации заслуживает особого внимания, поскольку они не являлись последователями догматов ислама. Хотя иттихадисты продолжали руководить государством в значительной степени как теократическим, лидеры партии были атеистами и агностика-

ми. Мардин охарактеризовал эту нерелигиозность следующим образом: “Недоверие в дополнение к отвращению являлось их отношением к институциональному исламу... [в то же время они считали удобным развитие] такого отношения к религии, которое позволяло манипулировать ею как инструментом”.⁹ Более того, британский посол Лоутер в своем отчете от 7 июля 1909 года высказал мнение, что неодобрение, с которым младотурецкие лидеры-иттихадисты относились к Корану, граничило с “презрением” к самому Корану и к тому, что он отстаивал.¹⁰ Моргентау подтверждает это мнение, ссылаясь на свои личные контакты с этими лидерами: “Я могу самолично засвидетельствовать, что ему [Талеату] было глубоко безразлично магометанство, так как, подобно большинству лидеров своей партии, он насмехался над всеми религиями. “Я ненавижу всех священников, раввинов и ходжей”, — как-то сказал он мне... Практически все они были атеистами”.¹¹ Однако эти лидеры осознавали всепроникающее влияние ислама в стране и решили использовать его в своих планах по устранению источников внутренних национальных конфликтов. Один из турецких социологов добавил: “Религия использовалась [Иттихадом] как основа для агитации в целях укрепления собственной популярности”.¹² А бывший председатель ассоциации политологов Турции заявил, что “иттихадисты были вынуждены включить исламизм в качестве официального и обязательного элемента [своей] идеологии”.¹³ Действия Иттихада проливают свет на важнейшую истину о том, каким образом на самом деле использовалась политическая власть в Османской Турции: реальная власть или влияние внутри Османской империи могли существовать лишь в той мере, в какой она принимала и применяла догматы ислама. Нижеследующее краткое заключение бывшего председателя ассоциации турецких историков дает возможное объяснение этого явления: “Османы не смогли отделить религию от государственных дел, что имело место в случае западного мира. Вплоть до самых последних лет своего существования Османская империя использовала религию в целях контролирования государственных дел посредством фетв” (религиозные решения, основанные на каноническом законе ислама).¹⁴ Эти догматы олицетворяли извечное сопротивление переменам, представляя призрак нововведений как нечто угрожающее и, следовательно, неприемлемое для подданных мусульман.¹⁵

Примечания к главе 1

- 1 Bat Ye'or, *The Dhimmi: Jews and Christians under Islam*, 48, 49, 62, 67, 70, 76, 84, 89, 108, 140-141, 143, 154-56; Doc. No. 52, *The Armenians*, 281-88; Doc. No. 53, *Obstacles to Christian Emansipation 289-90*, Jacques Ellul's Preface 26-33. D.Maisel, P. Fenon, D. Littman trans. (London, 1985) (Бат Ие'ор является псевдонимом Я. Масрии).
- 2 *Koran* ch. 47, verse 4; ch. 9, verse 125; ch.2, verse 211; ch. 3, verses 10,13,14, 131; ch.8, verse 12, ch.9, verses 29, 38, 41.
- 3 *Там же*, ch.2, verse 256.
- 4 *Там же*, ch. 9, verse 73.
- 5 *Там же*, ch.9, verse 29. См. также С. Е. Bosworth, “The concept of Dhimma in early Islam.” *Christians and Jews in the Ottoman Empire*, edited by B. Braude and B. Lewis. vol.1 (New York, 1982), 41.
- 6 H. Gibb & H. Bowen, *Islamic Society and the West*, vol. 1:2 (Oxford, 1962), 208.
- 7 N. Berkes, *The Development of Secularism in Turkey* (Montreal, 1964), 94. Посол России в Османской Турции и современник резни армян 1895-96 гг. Нелидов 24-го декабря 1896 г. в дипломатичной форме признался послу Германии Заурме, что “истинные реформы”, в связи с которыми державы оказывали давление на турок, никоим образом, однако, не помешав осуществлению резни, “были просто неосуществимы”. Свое утверждение он обосновывал тем, что с точки зрения мусульманской религии ни один христианин или еврей не могли получить статус, равный мусульманину, “даже если последний подчинялся первому. Все упоминания о равенстве были лишь видимостью, имевшей целью обвести европейские державы”. *Die Grosse Politik der Europaischen Kabinette 1871-1914*, vol.12, Part 1, p. 245.
- 8 *Tanin* (Istanbul), 25-ое октября 1908.
- 9 S. A. Mardin, “Ideology and Religion in the Turkish Revolution,” *International Journal of Middle East Studies* 2 (1971): 207-08.
- 10 FO 371/761/22020, лист / 83.
- 11 H. Morgenthau, *Ambassador Morgenthau's Story*, (Garden City, N.Y., 1918), 20, 323.
- 12 A. Yalman, *The Development of Modern Turkey as Measured by its Press* (New York, 1914), 100.
- 13 T.Z. Tunaya, *Türkiyede Siyasal Partiler* (Политические партии в Турции) vol.3 (Istanbul, 1989), 144.
- 14 Yusuf H. Bayur, *Türk İnkilâbi Tarihi* (История турецкой революции) vol.3, Part 3 (Ankara, 1957), 481.
- 15 Как утверждает Леон Фестингер в своей теории когнитивного диссонанса, существование противостоящих верований делает индивидуума менее уверенным в своем собственном веровании. И тогда этот индивидуум в большей степени начинает действовать, исходя из своего собственного верования, чтобы компенсировать свою неуверенность. L. Festinger, *A Theory of Cognitive Dissonance* (Stanford, California, 1957), 263-66.

Глава 2*

Гуманитарная интервенция как ответ на национальные конфликты на Балканах

Главной трудностью на пути к осуществлению оперативной гуманитарной интервенции стало столкновение экономических, политических и в некоторой степени религиозных интересов держав, в частности, Австрии, Франции, Англии и России. В результате эти державы были вынуждены временами, чередуя друг друга, угрожать друг другу, защищая борющихся против восставших балканских национальностей османских султанов и в ожидании получить от них вознаграждение. К примеру, когда Австрия вошла в Сербию, захватив ряд городов и осадив Белград, французы во главе с хитрым маркизом де Вилленевом, послом в Константинополе, всячески подталкивали турок дать отпор. В последовавшем за этими Белградском договоре 1739 г. Австрию заставили покинуть все занятые ею территории, включая Белград, которые снова были переданы туркам. На дипломатической сцене Франция стала первой европейской державой, выступившей с предложением публично защитить территориальную целостность и независимость Османской империи. На протяжении двух веков австрийцы воевали с турками, одновременно противостоя Франции, являвшейся самым большим антагонистом в европейской политике.

Османские султаны не преминули воспользоваться европейским соперничеством; на самом деле они стали непревзойденными мастерами в усовершенствовании техники такого рода эксплуатации. На протяжении долгого времени Франция единолично пользовалась всеми привилегиями в области торговли, в том числе экстраординарными и даже эксклюзивными привилегиями. Еще в 1535 г. Франция потребовала включить в систему капитуляции ряд уступок, которые давали ей привилегии в сферах торговли, права и религии. Эти привилегии периодически обновлялись, вплоть до начала Первой мировой войны, когда Турция, войдя в союз с центральными державами и таким образом противопоставившись Франции и другим государствам Антанты, отмени-

* Примечания к данной главе начинаются на странице 24.

ла их в одностороннем порядке.¹ Именно эти капитуляции стали яблоком раздора между Францией и Россией, ускорив Крымскую войну 1853-56 гг. Однако по прошествии всего лишь четверти века Франция все же начала искать сотрудничества с Австрией, чтобы удержать российские нашествия на Балканы, являвшиеся последовательным результатом одержанных ею военных побед над турками. Продолжительный цикл российских побед в конце концов привел к подписанию договора с Турцией, посредством которого концепция “гуманитарной интервенции” уверенно вошла в европейскую дипломатию в качестве инструмента для смягчения осmano-турецкого порабощения своих подданных национальностей.

Гуманитарная интервенция и осmano-турецкое владычество

Истоки гуманитарной интервенции в свете соперничества между державами

Период царствования в России Екатерины Великой (1762-1796) совпал с началом периода активного европейского беспокойства по поводу судьбы целого сонма христианских национальностей, подданных османского государства. Статья седьмая Кючук-Кайнарджийского договора от 21 июля 1774 г.², подписанного в результате военных побед, одержанных над Турцией Екатериной Великой в период с 1768 по 1774 гг, казалось бы, хоть это и не было однозначным (как будет разъяснено далее в этой главе), давала право России заступиться за последователей русской православной церкви и в то же время за всех последователей ортодоксальной церкви (таких, как греки и болгары). На основании статьи 16 того же договора, княжества Молдавии и Валахии, получив ряд привилегий, стали непосредственными и прямыми бенефициариями этой уступки.³ Статья 4 Ясыйского договора от 9 января 1792 г. и статья 5 Бухарестского договора от 28-го мая 1809 г. подтверждали эти привилегии, таким образом дав России более действенные рычаги для вмешательства. Сербь получили аналогичные привилегии на основании статьи 8 Аккерманского договора и статьи 6 Адрианопольского договора, подписанного 14 сентября 1829 г. В период с 1774 по 1856 гг. “Россия реально пользовалась своим правом на гуманитарную интервенцию в Турции, хотя и ограниченной защитой ортодоксальных христиан”.⁴ Таким образом, в международном праве появился обычай, для обозначения которого был введен термин *l' intervention d'humanité*. Принимая во внимание переломную и важную роль, сыгранную этим соглашением в ста-

новлении и кристаллизации Восточного вопроса в связи с принятием принципов гуманитарной интервенции, считаем необходимым представить краткий исторический экскурс.

Кючук-Кайнарджи — это деревня недалеко от Силистрии на Дунае (в настоящее время она называется Кайнарджи и находится в северо-восточной части Болгарии): Политическая предыстория этого соглашения, которая предоставляет возможность понять и разъяснить истоки будущего применения принципа гуманитарной интервенции и злоупотребления им, может быть обобщена следующим образом. В результате замены предыдущего франко-австрийского конфликта на франко-русский конфликт на политической арене доминирующими становятся персоны двух противопоставлявшихся друг другу ключевых игроков, а именно — Екатерина II (Великая) императрица России и Этьен Франсуа, герцог де Шуазель, являвшийся военным министром и министром иностранных дел Франции. Последний стремился к восстановлению на континенте былого положения католической Франции, и Россия, будучи главенствующей среди славян и приверженцев восточной ортодоксальной церкви, воспринималась как препятствие и угроза. Шуазель поручил Вержену, своему послу в Константинополе, проследить за тем, чтобы османы противопоставили России военную силу. В то время российские агенты действовали довольно активно среди подданных национальностей Греции, Боснии и Черногории: этих людей уверяли в том, что их освобождение от османского владычества было близко. Фактически, в 1770 г. Екатерина II сделала все для того, чтобы поднять население на Балканах против султана.

Вержен призвал султана Мустафу III противостоять этим первым сигналам зарождавшегося восстания и первым нанести удар. Вскоре турки нашли соответствующий предлог для этого и 6 октября 1768 г. объявили войну России, обвинив ее во вторжении в османские территории, а именно — в Тартарию, а также в нарушении суверенитета Польши и в навязывании ей российского политического курса. В результате это обернулось для Турции катастрофой, так как в 1769 г. на Днестре ее армия потерпела крупное поражение.

Именно в этот момент Англия выступила на стороне русских, чей флот под руководством британского адмирала Элфинстона стремительно несся от Балтики в направлении средиземноморского и анатолийского побережий. Попыткам французского министра Шуазеля остановить это продвижение воспротивилась Англия, правительство которой официально известило Францию о

том, что любое действие, направленное на то, чтобы остановить российский флот, будет рассматриваться как *casus belli*. Перед тем, как потерпеть поражение в море и на суше, турки взымали огромные пошлины с подданных народов, особенно с греков, которые вместе с сербами и румынами с нетерпением ждали встречи со своими освободителями — русскими. С помощью британцев российская морская армада атаковала турецкий флот у Хиоса, частично уничтожив его и загнав в порт Чешме, где он был полностью истреблен брандером.

За этими победами на море последовали другие победы уже на суше. Крым, Молдавия и Валахия (Румыния) были захвачены и оккупированы армией Екатерины II. Однако в очередной раз европейская держава, встревоженная успехами России, пришла на помощь Турции. На этот раз этой державой оказалась Австрия, которая пригрозила выслать свою армию в помощь Турции в случае, если русские пересекут Дунай. Надвигавшаяся австро-российская война была предотвращена вмешательством Фридриха II (Великого) короля Пруссии, что в конечном итоге привело к разделу Польши. Все еще продолжавшаяся русско-турецкая война наконец завершилась подписанием в 1774 г. Кючук-Кайнарджийского договора.

Эпохальное значение этого договора сводится к его тесной связи с поднимавшимся Восточным вопросом, из которого позднее как побочный продукт должен был возникнуть и Армянский. Суть этого вопроса заключалась в постоянном конфликте между османскими властями и подвластными им немусульманскими национальностями, которые постоянно подвергались различным формам притеснения. Введение в европейскую дипломатию понятия гуманитарной интервенции, имевшей целью избежать опасных последствий этого конфликта, создало возможность для более активного использования дипломатии в качестве инструмента для манипуляций. Это часто приводило к тому, что национальности, исходя из интересов которых державы с готовностью приняли эту идею, становились пешками в дипломатических манипулятивных играх. К тому же Турция начала свою собственную игру, заставляя державы действовать друг против друга, таким образом еще больше усугубляя трудности, с которыми они сталкивались на пути к осуществлению подлинной гуманитарной интервенции. Между тем подвластным народам зачастую приходилось платить слишком высокую цену. Дорого обошедшаяся репрессия греков в Море и архипелаге в 1770 г., когда разъяренные турки жестоко наказали своих жертв за то, что те хотели встретить русских как освободителей, оказа-

лась возможной именно потому, что в момент опасности союзники бросили греков на произвол судьбы.

Такая линия поведения держав еще не раз проявит себя, являя примеры того, как решался Восточный, а впоследствии и Армянский вопрос. Уже на этом этапе достаточно четко просматривалось, как будут выполняться обязательства по осуществлению гуманитарной интервенции.

Сербское восстание и вмешательство России

Когда конфликт на Балканах между турками и подданными немусульманами был перенесен в религиозное русло, православные священники в Греции и славянских странах взяли на себя ведущую роль как в поддержании, так и в направлении в последних антитурецкого бунтарского духа. На протяжении веков эти священники были как бы последними носителями этнического сознания и борцами за самосохранение и выживание этносов в окружении господствовавших турецких завоевателей. Сербское восстание 1804 г., которое, хотя и было навеяно заразной динамикой Французской революции 1789 г., явилось кульминацией этого процесса и в каком-то смысле прелюдией к последующему греческому восстанию за эллинскую независимость. Будучи первым примером большого национального восстания на Балканах, оно в то же время явилось вехой в эволюции Восточного вопроса.

Однако в этом эпизоде присутствует один весьма парадоксальный элемент, который необходимо выделить. Сербы восстали не против правительства в османской столице, а скорее против янычар турецкого гарнизона в Белграде, терроризировавших местное население. Более того, турецкий глава провинции поддержал сербов в их борьбе против неистовых оккупантов этого гарнизона, которых сербы в конечном итоге вытеснили в 1806 г. Однако обретенная сербами независимость была потеряна 1813 г., когда турки, воспользовавшись случаем, вновь захватили страну.

Потерпев серьезную неудачу, сербы прошли через глубокое разочарование, обусловленное превратностями международной политики и сопутствующей ей ненадежностью дружественных держав. Как и до этого греки, сербы были покинуты своими защитниками — русскими, которые на основании статьи 8 Бухарестского (мирного) договора 1812 г., установившего мир между султаном Мах-

мудом II и царем Александром I, усугубили положение сербов, всего лишь на словах выразив свою обеспокоенность их положением.

Однако жестокость следующей османской администрации послужила причиной нового восстания, вспыхнувшего в 1815 г. и в 1819 г. Турция была вынуждена признать за местным населением Сербской провинции право на ограниченное самоуправление, предписанное условиями османской суверенности. Вследствие разразившейся в 1821 г. греческой войны за независимость и успешной военной интервенции России, Турция, приняв ультиматум царя Николая I, 7 октября 1826 г. подписала Аккерманскую конвенцию.⁵ Согласно этой Конвенции, Турция пошла на значительные уступки сербам, суть которых сводилась к предоставлению сербам полной автономии. Условия Конвенции были подтверждены Адрианопольским договором 1829 г.,⁶ который давал туркам право держать гарнизоны в восьми укрепленных городах в пределах района, очерченного реками Двина, Саве, Дунай и Тимок, но не давал им права жить в какой-либо иной части Сербского княжества. Таким образом, полученные свободы были довольно широкими, ограниченными лишь податью, которую сербы должны были продолжать платить османскому сюзерену.

Греческая война за независимость и европейская интервенция (с целью предотвращения прототипа этнической чистки)

Российские инициативы в поддержку Сербии в немалой степени были обусловлены как этнической, так и религиозной близостью, существовавшей между русскими и стремившимися к освобождению сербами. В случае с греками, однако, превалировали обстоятельства совершенно иного рода. Общее отождествление с ортодоксальной церковью помогло придать религиозному фактору первостепенную важность, поскольку русские выдвинули требование установления протектората над греками в османском владении. Эти требования воплотились в жизнь и были узаконены в упомянутом выше Кючук-Кайнарджийском договоре. Однако отношения русских и греков как единоверцев имеют многовековую традицию.

Речь идет о призраке, так называемой, греческой схемы Екатерины II (Великой), которая была разработана в 1780 г. и согласована с императором Иосифом II, найдя свое отражение в Австрийско-русском договоре 1781 г. Турки должны были быть изгнаны из Европы, бывшая Греческая империя должна

была быть восстановлена во главе с внуком Екатерины II (Великой) Константином (которому в ту пору было всего 2 года) в роли императора; вознаграждением же австрийцев стала бы сдача им всей западной половины Балкан. Будучи в курсе российских планов, греки в 1814 г. основали в Одессе секретное революционное общество *Гетерия Филике*, которое имело тесные связи в российском правительстве через двух греков. Одним из них был граф Капо д'Истриа, который являлся членом общества и в то же время российским министром иностранных дел. Другой, Александр Гипсиланти — был лидером греческого революционного движения и офицером российской армии.

Первая попытка восстания была предпринята в Молдавии в феврале 1821 г. и показала свою несостоятельность, так как ни местные румыны, ни русский царь не захотели поддержать Гипсиланти, который был вынужден бежать в Венгрию, где был заключен в тюрьму и умер год спустя. Однако всего через месяц революционный факел перешел к воспламененной Морее и близлежащим греческим островам. С жестокостью, выдающей накопленную ярость к своим угнетателям, клянясь истребить их до последнего, греки устроили резню местных турок, которые составляли лишь незначительное меньшинство. Цикл насилий и разразившаяся война постепенно поглотили весь Балканский полуостров. Турки ответили комплексом предпринятых мер, включая казнь греческого Патриарха, а также архиепископов Адрианополя (Эдирне), Салоник и Тирново, которые были повешены на рассвете Пасхального дня 22 апреля 1821 г. За этим последовала резня христиан в Фесалии, Македонии и Анатолии. Реакция держав, в особенности России, защитницы ортодоксальной церкви, не заставила себя ждать. Россия представила ультиматум, включавший несколько довольно жестких условий и требований. Требования не были выполнены, вследствие чего российский посол в османской столице был отозван, а это означало, что нависла опасность войны.

Греки, в свою очередь, убили около 10 000 турок, захваченных в Триполице, основной турецкой крепости на Морее. Объявив о принятии конституции, греки провозгласили независимость. Ответ турок, последовавший в апреле 1822 г. на острове Хиос, был также быстрым и широкомасштабным. Около 30 000 греков, составлявших все население острова, были наказаны; большинство из них были убиты, а несколько тысяч молодых девушек уведены в рабство. Турецкий флот, захвативший Хиос, был впоследствии уничтожен греческим флотом во главе с адмиралом К. Канарисом, который, применив гре-

ческое сооружение, предусмотренное для морских боев, протаранил брандером флагман турецкого адмирала Кара Али, взорвав его вместе с адмиралом и еще 1000 мужчин, находившихся на борту. Остальные корабли турецкого флота в ужасе скрылись и нашли убежище в Дарданеллах.

Однако турки нанесли ответный удар, предварительно заручившись поддержкой своего египетского вассала Мухаммеда-Али, “истребителя неверных”, и его сына (или пасынка — по другим источникам) Ибрагима. Последние начали с уничтожения жителей Касоса, в то время как сами турки проделали то же самое в Псаре. По мере продвижения к Морее Ибрагим продолжал убивать и уничтожать во всех направлениях. Греция была на грани уничтожения, в то время как объединенная турецко-египетская армия продвигалась вперед, атакуя и осаждая, захватив сначала стратегически важный город Миссолонги, а затем и Афины. Однако, в конце концов державы, в частности, Англия и Россия пришли на спасение к грекам. Используя свои наземные и морские силы, они в итоге смогли победить и покорить турок и их союзников — египетских вассалов.

Эта совместно предпринятая военная интервенция двух великих держав явилась знаменательным событием как в истории в целом, так и в истории Восточного вопроса, в частности, и по сему требует краткого комментария. Вне сомнения, осуществленная турками и их вассалами широкомасштабная резня больших групп греческого населения сыграла значительную роль в решении Англии и России встать в один ряд с Грецией. Эти державы, всесторонне поддерживаемые европейским общественным мнением, были особенно встревожены нашедшими широкое распространение слухами о том, что египетский вассал Ибрагим собирается увести в рабство всех выживших греков Морее и заселить ее египтянами. Слухи эти, хоть и опровергнутые в тот момент турками, позднее были подтверждены в заявлении Стрэфорда Каннинга, посла Британии в Константинополе. Британцы даже отправили к Ибрагиму своего морского офицера с предупреждением, что если он не согласится в письменной форме отказаться от своего плана, британским морским силам в Средиземноморье будет отдан приказ вмешаться, чтобы предотвратить его осуществление.

Это действие, направленное на удержание от враждебных действий, явилось значительным событием нового времени, своего рода “гуманитарной интервенцией”, предпринятой с целью отведения нависшей угрозы прототипа

“этнической чистки”. Эта интервенция отражала мощь набиравшего в то время силу проэллинского движения, получившего широкое распространение в Западной Европе, в особенности в Англии и Франции. Наиболее известным представителем этой граничившей с экзальтацией приверженности античной греческой философии, искусству и литературе был лорд Байрон, который добровольно присоединился к рядам греческих революционеров и в конечном итоге 19 апреля 1824 г. на поле битвы в Миссолонгии пожертвовал своей жизнью за дело эллинов.

С точки зрения столь фанатичной преданности делу освобождения греков, исключением являлся принц Меттерних, канцлер Австрии, ярый защитник принципа стабильности в Европе почти любой ценой. Он считал греков обыкновенными мятежниками, угрожавшими миру и спокойствию, а также распространителями бунтарских идей в регионе. Меттерних попытался разубедить Россию в решении поддержать Грецию, которая, по его мнению, должна была выстрадать уготованную ей судьбу. Затруднительное положение греков еще больше усугубила болезнь, которая должна была поразить всю современную историю Греции, особенно в тех эпизодах, где Греции предстояло противостоять туркам в военном отношении, а именно — разобщенность и фракционность. Эта же болезнь серьезнейшим образом препятствовала и сербам, которые в своей борьбе с турками часто ввязывались в династические междоусобицы, таким образом ослабляя себя.

Основная идея этих наблюдений заключается в том, чтобы показать возникновение образца предпринятого державами вмешательства, тесно связанного с историей гуманитарных интервенций в защиту народов и меньшинств, в разной степени страдающих от притеснений и в то же время, “зараженных вирусом национализма”.

Во время греческой войны за независимость (1821-1830 гг.) в результате целого ряда внешних попыток положить ей конец была развита тема “*humanité*”. Англия и Россия сотрудничали с целью обеспечения ограниченной автономии для Греции в пределах турецкого сюзеренитета.⁷ За этим последовал Лондонский договор⁸ 1827 г., в котором Франция присоединилась к Англии и России, подписав резолюцию, призывавшую Турцию прекратить военные действия, предупреждая, что в противном случае три державы предоставят Греции военную помощь. Преамбула Лондонского договора утверждала, что целью этих усилий являлось не только служение интересам мира в Европе, но

и отражение *un sentiment d'humanité*.⁹ В то время как статья 5 гласила о территориальном бескорыстии договорившихся сторон¹⁰, отказ Турции выполнить последующие условия примирения привел к новой войне с Россией и значительным территориальным потерям в азиатской и европейской Турции. Война закончилась в 1830 г. полной независимостью Греции. Нота от 8 апреля 1830 г., в которой Англия, Франция и Россия ставили в известность Турцию о своем решении обеспечить независимость Греции, содержала еще одно уверение в их желании “выполнить свой долг перед гуманностью, положив конец бедам, разрушительным для этих несчастных стран... и даже способствуя сохранению Османской Империи”.¹¹ Эти предположительно “гуманитарные интервенции” сыграли ключевую роль в последующем принятии конституции Турции, включившей две реформы Танзимат (преобразование), введенные на основании Гюльханского акта 1839 г. и Акта о реформах 1856 г.¹² Впервые признававший принцип равенства для немусульман, Гюльханский акт имел почти революционную силу. Однако на деле этот указ так и остался “на бумаге”.¹³ Этой модели суждено было еще не раз повториться в будущем.

Крымская Война: новый стимул для гуманитарной интервенции

Как было отмечено выше, Акт о реформах 1856 г., будучи продолжением акта от 1839 г., явился кульминацией целой серии дипломатических и военных инициатив, посредством которых, в результате постоянно менявшейся расстановки сил и соперничества между державами, был выдвинут и по-новому направлен Восточный вопрос. Основной движущей силой во взаимоотношениях этих держав были их постоянно растущие амбиции, связанные с гегемонией на Ближнем Востоке и в определенной степени — с установлением преобладающего влияния на Турцию как на государство-клиент. Вступление египетских вассалов в греческую войну за независимость на стороне Турции в период с 1824 по 1828 гг. усложняло отношения держав, попавших в ловушку перипетий Восточного вопроса; в итоге Египет сам должен был стать яблоком раздора.

В то время как Россия в основном была поглощена основополагающими аспектами Восточного вопроса, т.е. сложными и непредсказуемыми последствиями статуса славянского меньшинства и ортодоксальных христиан — подданных Османской империи, сопряженными с само собой разумеющимися территориальными амбициями, Франция ворвалась в общую картину с новыми

порывами установить господство в Египте и вокруг него. К этому добавлялась еще и ее традиционная озабоченность благосостоянием верующих католиков империи, включая прихожан латинской церкви. Именно в этот момент Англия резко вторглась в ближневосточную дипломатию, в результате чего вышеописанные планы как России, так и Франции в той или иной степени были расстроены. И именно Каннинг, сначала в должности министра иностранных дел, а впоследствии уже как премьер-министр, в период 1822-27 г., совпавший с греческой войной за независимость, явился инициатором политического курса, направленного на отказ России в праве единолично контролировать вопросы Ближнего Востока в целом и судьбу Османской империи, в частности. Эту доктрину взял на вооружение и впоследствии строго ей следовал лорд Пальмерстон, который, будучи министром иностранных дел, заложил традицию, по которой одна держава, в особенности Россия, не могла иметь право на такого рода монополию. Вместо этого Пальмерстон предложил метод коллективных обсуждений и действий в формате своего рода европейской коалиции.

В этой связи Пальмерстон отклонил предложения о расчленении Турции, так как не придерживался общепринятого тогда мнения, что Османская империя угасала и что она находилась в состоянии безнадежного упадка, или же, как считал царь Николай I, являла собой смертельно больной организм. Более того, британская позиция была нацелена на сохранение целостности этой империи, будь то территориальной или какой-либо еще, а также на то, чтобы сделать эту позицию краеугольным камнем в формировании политики по отношению к Турции внутри «европейского концерта». Принятие такой политики, которой позднее непоколебимо придерживался Дизраэли, привело к отмене ряда договоров, включая договор Ункиар Искелесси, согласно которому в 1833 г. Россия получила привилегированное право протектората над Турцией.¹⁴ Однако именно этот политический курс и явился причиной разногласий между Англией и Францией, которые до этого момента при разрешении проблем Восточного вопроса действовали в контролируемой гармонии. Поддерживая египетского вассала Турции Мухаммеда-Али, чьи амбиции угрожали целостности Османской империи, французский премьер Луи Адолф Тьер выступал против Пальмерстона, который до этого, в свою очередь, противился французским амбициям на Ближнем Востоке — так, как он делал это в случае с аналогичными российскими амбициями.

В поисках достижения новой европейской коалиции Пальмерстон смог заручиться поддержкой Австрии, Пруссии и даже России. Придя в ярость от двойного унижения, которому Англия в итоге подвергла Францию, исключив ее из нового состава «европейского концерта» и к тому же навязав ей коллективную волю всей остальной Европы, Тьер обратился к тактике резкой конфронтации, рискуя вызвать широкомасштабную европейскую войну. Однако, в конечном счете непоколебимая, граничившая с абсолютной решительностью Пальмерстона в сочетании с уступчивой нерешительностью короля-гражданина Луи-Филиппа предотвратили эту войну.

Однако спустя десятилетие в аналогичной конфронтации между Англией и Россией ситуация сложилась иначе, в конечном итоге став причиной начала Крымской войны 1853-1856 гг., в которой Англия, Франция и Турция объединились против России. Для Англии центральным оставался все тот же вопрос: ни одна держава не должна была преуспеть в том, чтобы принудить Османскую империю стать государством-клиентом; нельзя было также допустить расформирования и дезинтеграции империи. Логическое объяснение этой политики основывалось на разделяемом Англией и Россией понимании того, что как социально, так и политически Османская империя устарела и следовательно, вполне может быть поглощена могущественными государствами. В отличие от Франции и России, у Англии не было никаких религиозных связей с национальностями империи, и поэтому она была относительно свободна от того груза и тех соблазнов, которые подразумевала такая связь; у нее не было оснований для выдвижения требования протектората над своими единоверцами. В этом смысле Англия находилась в более выгодном положении, позволявшем ей, будучи наиболее бескорыстной стороной, войти в доверие к Турции. Эта роль была полностью сыграна в связи с кризисом, который породил Крымскую войну.

При ретроспективном анализе столь дорого обошедшихся Восточному вопросу последствий и довольно бесполезных европейских столкновений ошеломляет стечение ряда факторов, определивших направленность споров вокруг этого вопроса. Первый и самый важный фактор — это волна воинствующего национализма, подкармливаемого элементами религии и религиозного упорства. Франция и Россия столкнулись из-за конфликта, возникшего между латинскими и греческими монахами, которые вздорили за право на опеку над святыми местами в Вифлееме и Иерусалиме. Франция отстаивала права на

первенство первых, Россия – вторых. Противоречивые интересы римского католицизма и восточного православия, подстрекаемые антагонистическими элементами секулярного национализма, таким образом, привели к относительно небольшому спору, который, не будучи постоянным, был в то же время довольно взрывоопасным. Словно для того, чтобы подчеркнуть религиозный аспект накалявшегося конфликта, остальные государства – последователи Римской католической церкви, а именно – Австрия, Испания, Сардиния, Португалия, Бельгия и Неаполь, объединились вокруг Франции в поддержку дела латинских монахов.

Во вторых, личности основных игроков, и в особенности их индивидуальные характеристики, в критической степени определяли те меры и способы, посредством которых они общались друг с другом. В частности, это относится к (Луи) Наполеону III и Царю Николаю I. Оба являлись главнейшими лидерами национально-освободительного движения и архитекторами споров вокруг Восточного вопроса. Для осуществления своих планов в Турции царь использовал своего воинственного посла в османской столице князя Александра Меншикова. Наполеон III, движимый импульсами автократии, дерзостью и, самое главное, вдохновленный новой волной французского национализма, направленного на восстановление былого “*gloire*” Франции в Европе и прежде всего на Ближнем Востоке, провозгласил себя защитником римских католиков. На основании условий статей 33-36 и 82, включенных в вариант от 28 мая 1870 г.¹⁵ Системы капитуляции, Франция, как было отмечено выше, получила определенные привилегии в *Les Lieux Saintes*. Предметом споров были, в частности, управление местами паломничества в Иерусалиме и Церковь Рождества в Вифлееме. Через своего посла М. де Лавалета Наполеон в 1852 г. убедил султана Абдул-Меджида подтвердить эту уступку Франции, таким образом объявив контрпретензии православных греков безосновательными. Рассерженный таким оборотом событий, презрев претензии Наполеона и движимый своими собственными имперскими амбициями, царь Николай решил заняться этим вопросом. В 1853 г. он отправил своего эmissара Меншикова в Константинополь лишь для того, однако, чтобы потерпеть крупное поражение, так как возложенная на Меншикова миссия не дала результатов отчасти из-за неприкрытого высокомерия, которое проявил последний, демонстрируя свое военное прошлое. Ему не удалось ни уговорить, ни принудить султана.

Однако этот неудачный исход был в основном обусловлен тем, сколь мас-

терски сыграл свою роль в этой драме сэр Стрэтфорд-Каннинг, чей кузен, премьер-министр Джордж Каннинг, в 1825 г. назначил его послом в османской столице и чья дипломатическая служба в Турции с некоторыми перерывами растянулась на десятилетия, начавшись в 1812 г. и продлившись вплоть до 1858 г. Преданный установленному британскому политическому курсу недопущения исключительного контроля над Турцией, Каннинг перехитрил Меншикова в дипломатических коридорах османской столицы, несмотря на то, что его начальной целью было разрешить спор дружественно и при возможности в пользу царя. Однако скрытые планы царя выходили далеко за рамки тех скромных требований, которые он выдвигал открыто, защищая греческих монахов в Палестине. Как и ранее его наставник Пальмерстон, Каннинг взял верх благодаря своей непоколебимости, в отношении которой султан, жаждавший оказать услугу британскому дипломату, проявил уступчивость.

Как это ни парадоксально, благодаря этому успеху Англия, хоть и временно, но получила своего рода монополию на влияние в османской столице, при том, что до этого так страстно боролась против нее сначала с Францией, а затем с Россией. Этот результат приобретает еще большую значимость в свете того факта, что Каннинг ушел в отставку в 1852 г. (после того, как осуществил успешную поддержку России в египетско-турецком кризисе 1846 г., когда Франция угрожала начать войну против Англии с целью недопущения ее гегемонии в Леванте) и вскоре снова был назначен на пост, как лорд Стрэтфорд Редклиф, получив титул виконта. Он олицетворял решительность Британии в предотвращении ситуации, при которой Турция оказалась бы под опекой какой-либо державы. На самом деле, такого рода покровительство и являлось основной целью царя Николая I, который весной 1853 г., наряду со своими требованиями относительно греческих монахов, предъявил еще и требование протектората над христианами Балканского полуострова. Отказ султана, вдохновленного британцами, уступить по дополнительному требованию, одновременно оказывая услугу по первому, а также отказ России пойти на довольно сомнительное компромиссное решение, разработанное державами в Вене в июле 1853 г., привели к Крымской войне, разразившейся в октябре того же года. Спустя год на стороне Турции в войну вступили Франция, Англия и Сардиния, в то время как остальные державы – Австрия и Пруссия, под разными предлогами воздержались от участия в ней.

Особые обстоятельства, приведшие к такому обороту событий, требуют

краткого объяснения, для того чтобы подчеркнуть исключительную важность скрытых планов в дипломатических отношениях определенного характера и в особенности, могущественную роль семантики в языке дипломатии. Русские были непреклонны в своей интерпретации одной из частей 7 статьи Кючук-Кайнарджийского договора, в которой говорилось о *“une protection constante de la religion chretienne et des eglises de cette religion”*, не уточняя державу, которая обязалась защищать христианскую религию и ее церкви. Пытаясь предотвратить то, что тогда казалось необратимым, а именно – войну между Россией и Турцией, державы – Англия, Франция, Австрия и Пруссия – встретились в Вене в июле 1853 г. и подготовили свою известную ноту. В ней они подтвердили приверженность Турции “букве и духу” Кючук-Кайнарджийского договора (а также Адрианопольского, 1829) относительно “защиты христианской религии”. Таким образом, сохранив семантическую двусмысленность условий статьи 7, взявшие на себя посредническую роль державы надеялись хотя бы на время успокоить как Россию, так и Турцию. Россия приняла ноту в пределах того смысла, который она сама вкладывала в эти условия, т.е. она должна была использовать свое право на защиту. Однако, напрямую подстрекаемая британским послом сэром Стрэтфордом-Каннингом, который, очевидно, в этот момент действовал вопреки желанию своего правительства, Турция отвергла российскую интерпретацию и настояла на своей собственной, т.е. являвшаяся предметом спора защита должна была быть предоставлена османскими властями, а не иностранной державой – такой, как Россия. Это было созвучно ноте, которую в мае 1853 г. Турция направила державам и которая гласила, что она никогда не сможет уступить иностранной державе право на гарантирование определенных прав и привилегий греческим ортодоксальным подданным, “не подвергнув серьезной опасности свою независимость и наиболее основополагающие права султана на своих подданных”.

Патовая ситуация, в которой Россия отказывалась принять турецкую интерпретацию, а Турция, в свою очередь, попутно предлагала принять соответствующие поправки в обсуждаемое предложение, означала отказ Турции принять Венскую ноту в том виде, в каком она была подготовлена державами. И самое важное: поощряемая Стрэтфордом-Каннингом, Турция решительно отвергла российские требования и планы общего протектората над всеми христианами – подданными империи, которые отождествлялись с последователями ортодоксальной веры и церкви. Кульминацией этого вызова стала Крым-

ская война, которую Турция осмелилась ускорить. Несмотря на все это, 7 статья Кючук-Кайнарджийского Договора впоследствии послужила основой для российских усилий, направленных на то, чтобы принудить османских султанов уступить царским требованиям и дать право, если не на протекторат, то на гуманитарную интервенцию.

Акт о реформах 1856 г. и его расторжение воинствующими исламистами

К концу ускоренной турками Крымской войны (1853-1856) державы поставили Турцию в известность о том, что одним из предварительных условий установления мира, было то, что она должна была по своему собственному желанию (*proprio motu*) подготовить продолжение Гюльханского акта.¹⁶ Вскоре Турция ответила изданием Второго османского акта о реформах от 18 февраля 1856 г., который не только подтверждал положения предшествующего, но и запрещал дискриминацию и унижение немусульман.¹⁷ Удовлетворенные новым законодательством державы в феврале и марте 1856 г. встретились на Парижском конгрессе и 30 марта 1856 г. подписали Парижский договор.¹⁸ На основании этого договора Россия отказалась от своих сепаратных требований протектората над христианами Турции, а державы посредством статьи 9 высказали положительное мнение о новом османском Акте о реформах.¹⁹

Однако религиозные фундаменталисты и секулярные националисты в Турции отвергли Акт о реформах 1856 г. Турецкий народ отказался как от идеи равенства немусульман, так и от влияния европейских держав, вмешивавшихся в защиту христианских национальностей. Успех ислама в “интегрировании политической жизни его последователей” оказался под большой угрозой.

Как отметил один турецкий историк, определявшие статус законы не были благоприятными для “целого ряда обычаев, вытекающих из Шариата и увековеченных системой *миллиет* (когда национальности определены по религиозному признаку)”, и следовательно, проблема усугублялась “интервенцией держав в защиту *миллиетов*...”²⁰ Аналогичным образом, как утверждает Дейвисон, “значительные фрагменты [Указа 1856 г.] были продиктованы британским, французским и австрийским послами”.²¹ Как отмечает один из турецких историков, люди сокрушались: “Мы потеряли сегодня наше священное национальное право, которое наши предки завоевали своей кровью. Исламская на-

ция, которая была руководящей [*milleti hâkime*], лишена этого права. Это день скорби и траура для исламского народа”.²² Действительно, попытки “гуманитарных интервенций”, осуществленных европейскими державами в османской Турции, жестоко столкнулись с фундаментальными фактами турецкой политики. Восходящий к издавна укоренившимся традициям (*adet*) принцип исламского общего права руководящей нации внутри государства прямо противоречил эгалитарному принципу европейского публичного права. В то время как европейские державы на формальном уровне успешно навязали турецкому праву свои правовые принципы, неукоснительная приверженность турок основополагающему исламскому общему праву свела на нет все усилия европейцев. Только единое и мощное усилие европейских держав смогло бы преодолеть свойственное исламской культуре османской Турции противостояние изменениям.

Примечания к главе 2

1 See E. Mears, ed., “Select Documents,” in *Modern Turkey : A Politico-Economic Interpretation, 1908-1923* (New York, 1924), 438-447. Об отмене этих капитуляций см. с.

2 Английский текст договора см. в J. Hurewitz, *Diplomacy in the Near and Middle East, A Documentary Record: 1535-1914*, vol.1 (Princeton, N.J., 1956), 54-61. Французский текст см. в A Schopoff, *Les Réform et la protection des Chrétiens en Turquie, 1673-1904*, (Paris, 1904), 12-13.

3 See A. Mandelstam, *Das Armenische Problem im Lichte des Volker-und Menschenrechts*, Institut für Internationales Recht an der Univ. Kiel [Серия лекций и монографий] 12 (Berlin, 1931) 12.

4 A. Mandelstam, *La Société des Nations et Les Puissances devant le Problème Arménien* (Paris, 1926), 6 [Специальное издание *Revue Générale de Droit Intl. Publ.*] (скобки в оригинале).

5 See Schopoff, *Réforms* [n.2], Text no. 10, p. 15.

6 Там же, Text no. 11, p.16.

7 Эта цель была достигнута посредством Петербургского Протокола 1826 г. G. Noradounghian, *Recueil D` Actes Internationaux de L`Empire Ottoman, 1789-1856*, vol.2 (Paris, 1900), Doc. No. 37.

8 Там же, Doc. No. 42, p. 130-134. Договор был подписан 6 июля 1827 г.

9 Там же, p131.

10 Там же, p.132.

11 Там же, p.186 (London Protocol of February 3, 1830).

12 См ниже, прим. 17.

13 E. Engelhardt, *La Turquie et la Tanzimat ou Histoire Des Réformes dans L`Empire Ottoman*, vol.1 (Paris, 1882), 142.

14 См. Schopoff, *Réforms* [n.2], Text 12, 17.

15 См. Schopoff, *ibid.* Text5, p.5.

16 M. Rolin-Jaequemyns, *Armenia, The Armenians, and the Treaties* (London, 1891), v. Эта работа является пересмотренной версией двух статей, первоначально опубликованных в *Revue de Droits International et de Législation Comparée*, органа Бельгийского института международного права, датировано 1887 и 1889. Имя переводчика не указывается.

17 Английский текст обоих актов см. в Hurewitz, *Diplomacy* [n.2], vol. 1, 113-16 (1839 Gülhan Act), 149-53 (1856 Act). См также F. Bailey, *British Policy and The Turkish Reform Movement: A study in Anglo-Turkish relations 1826-1853* (New York, 1970), 277-79 (Gülhan Act), 287-91 (1856 Reform Act). Французский текст см. у Noradounghian, *Recueil*, [n.7] vol, 288-90 (1839 Act); *ibid.*, 1856-1878, vol. 3. (Paris, 1902), 83-88.

18 Английский текст Парижского договора см. в Hurewitz, *Diplomacy* [n.2], 153-156; французский текст см. в Noradounghian, *Recueil*, (n.7), vol. 3, 70-79.

19 Noradounghian, *Recueil*, (n.7), vol. 3, 70-79.

20 N. Berkes, *The Development of Secularism in Turkey*, (Montreal, 1964), 147.

21 R. Davison, “*Turkish Attitudes Concerning Christian-Muslim Equality in the Nineteenth Century*”, *American Historical Review* 59, (1954): 857.

22 A. Cevdet Pasa, *Tezâkir*, (Memoirs), vol.1, с. Baysun, ed. (Ankara, 1953), 68.

Глава 3***Эскалация конфликтов и Османские полумеры.
Истоки Восточного вопроса
как предзнаменование Армянского вопроса****Неубедительное политико-правовое принятие Европой
теократической Турции**

Обсуждение в предыдущей главе имело целью несколько детальнее разобрать те условия и те процессы, в которых начал кристаллизовываться Восточный вопрос, находясь на пересечении тенденций империализма, национализма, репрессивного деспотизма и интервенционизма держав. В развитии этих событий Англия сыграла весьма парадоксальную роль. Настаивая на сохранении и защите целостности Османской империи, она нечаянно стимулировала эскалацию межнациональных конфликтов и накалила напряженность между национальностями в разных частях империи. На деле такого рода защита обернулась терпимостью по отношению к практике плохой администрации и периодическим репрессиям, которые осуществляла Турция. В ответ на это разгоравшиеся национальные конфликты требовали различного рода интервенций, которые иногда осуществлялись в результате достижения консенсуса между державами, а иногда превращались в источник противоречий и возникновения враждебности между ними.

Как далее будет показано в данном исследовании, серия вспышек насилия на Балканах и в азиатской Турции в последующие десятилетия явилась побочным результатом именно этих развитий. Не очень-то помогло даже принятие нехристианского государства Турции в «европейский концерт» и введение Турцией вскоре после окончания Крымской войны правовой системы, соответствовавшей европейскому общественному праву. Франция уже предлагала принять Турцию в 1839 г., когда провозглашался первый, Гюльханский акт о реформах, и она же предлагала признать независимость и гарантировать тер-

* Примечания к данной главе начинаются на странице 47.

риториальную целостность Турции. Принимая во внимание тот факт, что структура европейского правления с точки зрения публичного права впервые была сформирована небольшой группой христианских государств во время Вестфальского мира в 1648 г., принятие основанной на исламе Турции уже подрывало правовую суть европейского сообщества наций. Фактически, принятие Европой Турции как жизнеспособного, с правовой точки зрения, партнера, будучи искаженным процессом, неизбежным образом оказалось бесполезным в том смысле, что по сути теократическая Турция продолжала угнетение своих меньшинств и постепенно превратилась в котел взрывоопасных национальных конфликтов.

Если не придавать должного значения этому тезису, понимание Восточного, а следовательно и Армянского вопросов останется неадекватным. В конечном счете, эти вопросы-близнецы возникли и превратились в два яростных конфликта, поглотив весь мир, из-за столкновения двух несоизмеримых и несопоставимых политико-правовых систем. В Вестфалии было решено подчинить религиозные догматы правовым принципам и, таким образом, заложить секуляризм в основу строительства системы семейства наций. Однако на протяжении почти всего своего существования Османская империя была и оставалась теократией, которая как по определению, так и в реальности не могла быть секуляризирована: законы, основой которых являются установленные и несокрушимые религиозные наставления, не могут быть изменены и тем более преобразованы. Последний старейшина турецких историков подтвердил данное наблюдение, заявив, что Османская империя до самого конца своего существования в основном оставалась теократическим государством (см. глава I, прим. 14).

Более того, речь здесь идет не просто о теократии, а об исламской теократии, которая, как было разъяснено в первой главе и будет разъяснено далее в данной главе, не только вмешивалась в ведение государственных дел, как в случае с другими формами теократии, но и имела всепроникающее свойство, что объяснялось цельной, единой сущностью такой теократии. Будучи образом жизни, охватывающим и пытающимся интегрироваться во все основные сферы человеческого существования и жизнедеятельности, исламская теократическая система не только пронизывала правительственную, общественную и экономическую структуры, но и заменяла религии и предупреждала секулярные вторжения, рассматриваемые как посягательство на исламскую доктрину.

Прежде всего, ислам устанавливает рамки правовых норм и законов, требования которых чрезвычайно высоки. Кроме того, исламом обусловлены и те законы, на основании которых происходит отправление правосудия, при этом они интерпретируются в пределах религиозных границ Корана, несмотря на многочисленные несоответствия и противоречия, содержащиеся как в самих стихах, так и между ними. В целом ислам — это не только воинственная религия, восхваляющая, возвеличивающая завоевания, достигнутые посредством войны, тем более священной войны, но и религия, основанная на особенном отношении к “неверным”. С точки зрения основного элемента европейского публичного права, а именно — принципа всеобщего равенства, ислам в том виде, в каком он представлен в Коране и в правовом плане отображен в Шариате, признает единственно “равенство всех мусульман”, таким образом подтверждая свою исключительность и свое право на лишение немусульман целого ряда прав, входящих в западное публичное право, в особенности политических, а в некотором смысле и гражданских прав. В итоге проблема сводится к невозможности, неправдоподобности установления равенства между двумя системами, одна из которых предпочла отделить светское от сакрального, другая же настояла на том, чтобы они навсегда оставались объединенными и переплетенными.

Резня христиан-маронитов и новый протокол о защите христиан.

Резня, жертвой которой стали около 40 000 христиан-маронитов и во время которой были разрушены более 500 церквей и 40 монастырей, явилась яростным взрывом накопившейся вражды, назревавшей между мусульманами и христианами, проживавшими на территории, которая ныне является частью Ливана и Сирии. В очередной раз религиозные различия, нашедшие отражение в политических расхождениях, послужили поводом для отравления отношений обеих групп. Религиозный вопрос превратился в источник нарастающих волнений, как только был обнародован вышеупомянутый Акт реформ 1856 г., который устанавливал равенство между мусульманами и немусульманами империи. Желая извлечь выгоду из междоусобиц и разногласий между разрозненными маронитами, турки-мусульмане и друзья объединились, чтобы взять ситуацию под свой контроль и установить свое главенство над маронитами.

Встревоженный международными последствиями резни, турецкий министр иностранных дел реформатор Фуад поспешил в горячие точки в Бейруте и Дамаске с контингентом, состоявшим из 600 солдат и ряда государственных служащих. Он сразу же предпринял ряд актов возмещения ущерба и карательных мер, в результате которых сотни вагонов награбленного добра были возвращены бывшим владельцам, правонарушители были схвачены, и, по решению особых военных судов, 56 из приговоренных были повешены на улицах Дамаска, а 111 человек казнены через расстрел. В число последних входили губернатор Дамаска, один полковник, два подполковника, и три майора.¹ Причиной столь скорых карательных мер было желание опередить попытки французов обеспечить правосудие.

Несмотря на это, державы во главе с британским премьер-министром Пальмерстоном дали Франции мандат на военную интервенцию. Французское шеститысячное экспедиционное войско, составлявшее половину собранной Европой силы, в том числе британский флот и российское военное судно, высадились в Бейруте 2 августа 1860 г. с миссией обеспечения мира и правопорядка. Во избежание односторонней французской интервенции, которая могла усилить влияние Франции в Ливане, Англия в противовес этому предусмотрительно обеспечила присутствие собственного флота.

Весьма знаменательно, что, пытаясь предотвратить интервенцию держав путем запугивания и устрашения, тот же Фуад-паша, прежде чем начать собственную посредническую деятельность, туманно намекнул на возможность того, что в регионе неуправляемая толпа может начать резню христиан. Министр иностранных дел Франции Тувенель отклонил эту угрозу, посчитав ее не заслуживающей внимания и аргументируя это тем, что уступка ей может привести к возникновению прецедента предотвращения интервенции, которая смогла бы подавить осуществляемое правительством безудержно растущее насилие по отношению к меньшинствам (См. Глава 7, п. 16).

Несмотря на то, что державы продолжали предостерегать Порту (местопребывание турецкого правительства) и давить на нее, несоответствие западного права и исламской религии вылилось в крупный международный инцидент, побудивший державы к осуществлению военной интервенции. Державы осуществили интервенцию, охарактеризовав свои действия в Парижском протоколе от 3 августа 1860 г. как гуманитарные. Немедленным результатом этой интервенции явилось предоставление автономии Ливану, отраженной в

Réglement от 9 июня 1861 г., которая давала право на назначение генерал-губернатора христианина.

Соглашением между европейскими державами и Турцией, которое в общих чертах обрисовывало интервенцию в Ливане, явились *Protocols pour le rétablissement de la tranquillité en Syrie et la protection des Chrétiens*, совмещавшие попытку восстановления “порядка” с желанием “защитить христиан” от массовых убийств.² Данная формулировка была соотносима с первым параграфом 9 статьи Парижского мирного договора, однако противоречила второму параграфу той же статьи, который запрещал вмешательство во внутренние дела Турции (“*soit collectivement, soit séparément*”), когда это касалось “отношений султана со своими подданными” и его управления провинциями. Текст 9 статьи гласил, что:

Его Императорское величество султан, постоянно заботящийся о благосостоянии своих подданных, издал фирман, который, улучшая их положение вне зависимости от их религиозной или расовой принадлежности, констатирует его благие намерения по отношению к христианскому населению своей империи, и, желая и в дальнейшем подтвердить свое отношение к данному вопросу, принял решение передать договаривающимся сторонам названный фирман по своей высочайшей воле. Договаривающиеся державы осознают ценность данного сообщения. Абсолютно понятно, что он ни в коей мере не может дать право отмеченным державам на вмешательство, будь то коллективное, или сепаратное, ни в отношении его Величества султана со своими подданными, ни во внутреннее управление Его империей.³

Балканские восстания. Появление нового поколения господ мусульман среди ортодоксальных славян.

Эти восстания были результатом сложного процесса межэтнических и межнациональных отношений. Они развились вслед за вышеупомянутыми дипломатическими инициативами, повлияв на направление развития Восточного, а следовательно и Армянского вопросов. Результатом этих инициатив стал, с одной стороны, Парижский мирный договор 1856 г., с другой — его естественное следствие — османский Акт о реформах 1856 г., явившийся основой нового турецкого внутреннего или государственного права. Способность держав убедить Турцию, для которой они стольким пожертвовали во время

своей победоносной антироссийской Крымской войны, ввести этот Биль о правах — так называемый *déclaration des driots**, внушили всеобщую надежду, что Турция сможет успешно интегрироваться в европейскую систему законности, в особенности в том, что касалось прав человека. В основном это относилось к задаче гармонизации турецких принципов внутренней законности — к примеру, гражданских прав, с внешними обязательствами, вытекающими из принципов международного права. Восстания на Балканах в значительной мере были результатом того, что Турции не удалось неукоснительно следовать условиям, установленным Актом о реформах 1856 г.: этот провал, в свою очередь, повлек за собой нарушения условий, оговоренных в Парижском мирном договоре, который был правовым документом, обязывавшим на международном уровне. Несмотря на формальное принятие реформ Танзимат, османский режим продолжал попеременно применять политику репрессий и притеснений в отношении со своими подданными национальностями, о чем свидетельствуют многочисленные консульские и посольские отчеты, хранящиеся в европейских дипломатических архивах.

Препятствия, которые Турция должна была преодолеть, чтобы соответствовать так называемому европейскому мышлению, были действительно огромными. Как было отмечено выше, глубоко укоренившиеся догматы и каноны ислама, приводившие в движение его теократическую форму правления, придавали особый динамизм подчинявшемуся империализму, которым руководствовались и который поощряли правители османского государства по отношению к немусульманским подданным империи. Осознание этого факта уже в начале Крымской войны привело к расколу в рядах британских политических лидеров, усугубив разногласия лорда Пальмерстона с королевской семьей и премьер-министром Эбердином. Выражая сомнения относительно благоразумности присоединения к Турции во время Крымской войны, принц-консорт Альберт, первый кузен и муж правившей королевы Виктории, в Меморандуме от 21 октября 1853 г. оспаривал, к примеру, утверждение некоторых британских политических деятелей о том, что, вмешиваясь, Англия способствует “сохранению целостности Османской Империи”. Более того, он выразил также отчаяние, которое королева и он испытывали в связи с постоянным характером “невежественного, варварского и деспотичного ига” турок. Когда Пальмерстон возразил, лорд Эбердин парировал, открыто осудив турецкую практику принятия формальных декретов под давлением, без намерения или возможности реально применить их, добавив, что “вся их система в целом пороч-

на и бесчеловечна”.

Однако было бы упрощением сводить обсуждаемые восстания исключительно или в основном к притеснениям и плохому руководству османов. Как было отмечено выше, и в Европе, и в мире в целом вследствие французской революции 1789 г. поднялась волна национализма, которая способствовала тому, что насилие, проявленное османским режимом по отношению к балканским национальностям, стало спусковым крючком, приведшим в движение этот механизм. В своих начальных стадиях местный национализм в различных балканских провинциях проявлялся в виде солидарности с Восточной ортодоксальной церковью — как защита от мусульманского господства. Господство это началось тогда, когда в XIV веке османские турки опустошили Балканский полуостров, положив конец правлению Сербской империи и Греческой империи Палеологов.

Однако Восточная ортодоксальная церковь в некотором смысле не совсем соответствовала новым требованиям современного национализма. Ей был присущ универсалистский подход, выходящий за пределы этнических рамок и национальных границ. Однако балканские национальности были в поисках своего рода идентификации, которая имела бы свои особенности и которую они могли бы называть своей собственной. Так как большинство из них принадлежало к славянским национальностям, Россия возглавила движение, направленное на то, чтобы назначить славянского Патриарха и тем самым создать новый источник религиозной власти, который позаботился бы о нуждах балканских славян, главным образом сербов, македонцев и болгар. Таким образом, 10 марта 1870 г. уступчивый султан посредством Имперского прескрипта учредил Экзархат — новую религиозную власть, которая была отдельна, не зависела от Греческого патриарха в Константинополе и должна была быть возглавлена болгарским священником.

Этот турецкий акт, который, вроде бы, подходил на одном уровне, показал свою подрывную суть на другом, подтвердив последующие подозрения относительно того, что именно это и являлось конечной целью османского правительства. Вскоре возникла острая вражда между греками и болгарами, которых более не объединяла высшая религиозная власть. За этим последовала враждебность сербов, которые с равной антипатией относились как к болгарскому, так и к греческому патриархам. Сербская церковь признала главенство греческого патриарха только после того, как в 1766 г. было упразднено

сербское патриаршество в Ипекке. В 1831 г. его превосходительство принц Милош отменил этот приказ, основав национальную церковь с митрополитом в Белграде. Однако функционирование славянского Экзархата послужило мощным импульсом для становления общеславянской солидарности на Балканском полуострове.

Однако, чувство славянской солидарности оказалось довольно слабым, когда в общую картину вступил ислам. Христианство под флагом духовной власти восточной ортодоксии могло обеспечить лишь жалкое подобие гармонии между двумя такими разными этническими группами, как славяне и греки. Однако славянство, т.е. принадлежность к общей этнической группе, оказалось не только неуместным, но и крайне разрушительным для боснийцев и герцеговинцев, которые разрывались между христианскими и мусульманскими религиозными объединениями.

Балканские восстания были тесно связаны именно с этой особенностью Восточного вопроса, предзнаменую, как далее покажет данное исследование, идентичные развития и в нарастающем армянском варианте этого вопроса. Непосредственным и основным источником взрыва явился нарастающий конфликт между христианскими и мусульманскими славянами Боснии и Герцеговины. После того, как в 15 в. эти провинции были завоеваны османскими турками, часть местного населения, исходя из соображений целесообразности и удобства, была обращена в ислам. Босния была преимущественно провинцией аристократов — крупных землевладельцев, основной причиной религиозного обращения которых явилось желание сохранить свои владения как альтернатива тому, чтобы подвергнуть их риску перейти во владение к захватчикам. Они с особым рвением приняли османскую теократическую систему, основанную на исламе и на доминирующем статусе мусульман по отношению к немусульманам. Соответственно, указы реформы Танзимат 1839 и 1856 гг., провозгласившие всеобщее равенство перед законом, были столь же ненавистны им в Боснии, сколь религиозным фундаменталистам в самой Турции.

Режим, установившийся в данных обстоятельствах в Боснии и Герцеговине, был в какой-то степени расширением режима, превалировавшего в других провинциях Османской империи. Порабощавшие крестьян феодалы, вымогательское налогообложение и коррумпированная судебная система были основными характеристиками данного режима. Как отметил британский консул в Боснии Холмс, эта судебная система была основана на практике “открытого

взяточничества и коррупции”⁴. Конечным результатом этих развитий стало то, что славяне христианского вероисповедания были низведены до класса угнетенных подданных. Ситуация еще более усугубилась вследствие финансового краха, который потерпела Османская империя в 1874 г. в результате большого роста внешних долгов, а также чрезмерных и экстравагантных затрат правившего султана Абдул-Азиза. Вследствие дефолта она отказалась выплатить половину процентов от долга. Но самым важным было то, что Турция в очередной раз обратилась за помощью к своим подданным, обложив и так уже финансово раздавленных подданных новыми непосильными налогами. Чаша терпения переполнилась, и крестьяне Боснии и Герцеговины восстали против своих двойных мучителей: местных феодалов-вероотступников и их сторонников, турецких чиновников, в основном вышедших из-под контроля центральных властей в османской столице.

Распространение мятежного духа среди других славянских национальностей региона в Черногории, Сербии и Болгарии явилось свидетельством наличия благоприятной почвы для того, чтобы этот пыл перерос в большой пожар. Внешние взрывные механизмы также были приведены в действие. Основной движущей силой стали идеалы панславизма, пропагандируемые в первую очередь Россией. Основываясь на агентурную сеть в регионе, граф Игнатьев, посол России в османской столице, разжигал национализм, делая ставку на антитурецкие настроения среди славян. Черногорцы, немногочисленная славянская нация, вытесненная и воинственная, имевшая чистейшие сербские корни, почти всегда не колеблясь бросавшая вызов туркам с высот своих неприступных гор, была наиболее восприимчивой к такого рода агитации. Но основную роль во всей этой истории играли сербы, чьи стремления, в определенной степени обращенные в прошлое, были наиболее созвучны российским намерениям осуществить свои панславистские стремления. Отказ России в октябре 1870 г. от ограничений в Черном море, отраженных в Парижском мирном договоре 1856 г., вызвавший опасение держав, каким-то образом повысил ее престиж в сфере международных отношений. К тому же, несмотря на то, что условиями мирного договора России было безоговорочно отказано в каком-либо праве на установление протектората над Сербией, что означало переутверждение османского владычества над ней, Сербия в силу практических причин все же находилась под российским протекторатом. Опять же именно Россия заставила турок вывести свои гарнизоны с территории Сербии. Главной

целью русских был, конечно же, Константинополь вместе с проливами, дававшими возможность выхода из Черного моря и входа в Эгейское.

Поощряемые и даже поддерживаемые русскими, сербы лелеяли идею о восстановлении средневековой Сербской империи, включавшей Черногорию, Боснию и Герцеговину. Стремление исправить последствия рокового поражения от османских турок в 1389 г. в сражении на Косовском поле, непреодолимое желание искоренить все следы османской оккупации сербской территории и во что бы то ни стало освободиться от османского владычества стали для сербов источником национального пафоса. На протяжении трех веков Сербия прошла через большие боль и страдания, причиной которых было османское владычество.

Представив европейским консулам в Боснии свои жалобы, повстанцы настаивали на гарантировании свободы вероисповедания, реформах налоговой системы или же, говоря их словами, предоставления им уголка в какой-нибудь христианской стране, куда они смогли бы массово эмигрировать. Они объявили, что до тех пор, пока страна находится под постоянным гнетом иностранных оккупантов, они предпочтут смерть страданиям из-за постоянного порабощения.

В июле 1875 г. народы Боснии и Герцеговины восстали против османской власти. 30 декабря 1875 года австрийский канцлер Андраши предложил сторонам, подписавшим Парижский мирный договор, создать мусульmano-христианскую комиссию, которая взялась бы за осуществление реформ, в особенности условий относительно равенства как мусульман, так и христиан перед законом и возглавила бы их применение.⁵ 13 февраля 1876 г. султан снова дал свое согласие. Но так как кровопролитие продолжалось, не ослабевая, державы (за исключением Англии, которая отказалась присоединиться, будучи возмущенной тем, что с ней изначально не проконсультировались), 13 мая 1876 года издали Берлинский меморандум, который был расширенной версией предшествовавшей Ноты Андраши. Меморандум требовал от Турции согласиться на перемирие, дать христианам право на сохранение оружия и признать принцип, по которому осуществление реформ контролировали бы консулы этих держав.

Если бы по истечении срока перемирия условия, предложенные державами, не были удовлетворены, должен был быть рассмотрен вариант принуждения. Так как Англия, отказавшись присоединиться, приняла одностороннее решение и приказала своему флоту следовать в Безикскую бухту, запланиро-

ванная интервенция провалилась. Несмотря на все призывы к сдержанности, Черногория и Сербия друг за другом вступили в войну против Турции соответственно 30 июня и 1 июля 1876 года. Армия сербов в значительной степени состояла из русских добровольцев, и командовал ею русский генерал. Только ультиматум России уже позднее, во время войны, предотвратил продвижение турок на Белград. Однако постепенно повстанцы взяли верх, нанеся ряд поражений туркам. Повторение исторической схемы на протяжении этого эпизода заслуживает внимания. Как и накануне Крымской войны 1853-56 гг., так и в этом случае локальные споры на основе этнической вражды усугублялись и расширялись, в то время как первоначальные причины спора уступали место новым мотивам, охватывая одну или более держав. Таким образом, балканские восстания привели к большому вооруженному конфликту, т.е. к русско-турецкой войне 1877-1878 гг, которая почти стала международной войной.

Конституция Мидхата

Желая опередить европейский контроль над осуществлением реформ, османская Турция приняла конституцию Мидхата.⁶ Либеральные положения данного документа были усовершенствованы по сравнению с предыдущим Актом реформ. Статья 8 провозглашала общее гражданство для всех османских подданных вне зависимости от их вероисповедания.⁷ Статья 9 гарантировала им личную свободу.⁸ Статья 17 провозглашала их равенство перед законом, а также их права и обязанности “без ущерба для религии”.⁹ Однако Конституция все еще признавала первенство ислама. Статья 4 определяла султана защитником ислама в качестве халифа.¹⁰ Статья 5 гласила, что “Его Величество Султан неприкосновенен. Его личность священна”.¹¹ Более того, статья 11, с одной стороны гарантируя “религиозные привилегии” для других вероисповеданий империи, в то же время утверждала, что “ислам есть религия государства”.¹²

Однако ни новые права, гарантированные новой конституцией, ни “привилегии”, данные статьей 11, предполагавшей закрепить исламский дух толерантности по отношению к другим вероисповеданиям, не уменьшили реально существующую правовую и политическую недееспособность немусульман. Султан-халиф самолично препятствовал выполнению данной задачи.¹³ В дополнение к этому один из корифеев современного турецкого национализма Текин

Алп отказался от признания турецкого заявления о даровании немусульманским общинам, в особенности армянам, привилегии на религиозную автономию, определив статью 11 как “высокую разделяющую стену”, целью которой было поддержать религиозную сегрегацию как средство против исключения для немусульман.¹⁴ Французский ученый в области международного права Энгельгардт в своей известной работе, посвященной реформам в Турции девятнадцатого столетия, также отвергает понятие “привилегии”, заменяя его укоренившейся практикой “разделения, исходившего из государственных интересов и религиозного антагонизма” и еще больше усугублявшегося “презрением мусульман” к другим религиям.¹⁵ Эта практика вытекает из наказа 51 стиха 5 суры Корана, который призывает верующих мусульман к следующему: “Не берите иудеев и христиан друзьями... А если кто из вас берет их себе в друзья, тот и сам из них...” Что касается утверждения по поводу “привилегий”, предположительно предоставленных немусульманским национальностям империи, известный эксперт по вопросам Ближнего Востока, в соответствии с точкой зрения Текина Алпа, процитированной в примечании 14, не принимает всерьез такого рода хитросплетения эры Танзимат, считая их “привилегиями на бумаге”.¹⁶ Это препятствие нигде не проявлялось столь явно, сколь при отправлении правосудия в провинциях. В этой связи из целой дюжины британских Синих'книг, относящихся к периоду с 1879 по 1881 гг., особенно поучительна Турция No. 8 (1881), в которой министерство иностранных дел Великобритании (в своих отчетах об отправлении правосудия в гражданских, уголовных и торговых судах в разных провинциях Османской империи) описывает множество случаев о взяточничестве, “организованном лжесвидетельстве”, коррумпированных судьях, а также о нарушениях уголовного кодекса секулярных (*Nizamiye*) судов в отношении немусульман.¹⁷ Наблюдения эти, сделанные европейскими дипломатами и историками, соответствуют и суждениям турецкого историка Баюра, который признает, что по сравнению с европейской османская правовая система оставляла желать лучшего и что “суды в плохом состоянии”.¹⁸

Бельгийский юрист, специализирующийся в османских правовых вопросах, подчеркивает некоторые скрытые мотивы новой конституции:

Данный документ совершенно отчетливо показывает, что настоящей целью новой конституции было отдалить то время, когда Европа потребовала бы от Порты чего-то

большого, чем просто красивые слова и законы, имеющие суть показной характер. Другими словами, те, кто употреблял столь изощренный язык, просто намеревались воспрепятствовать тому, чтобы интересы христианских национальностей, все еще находившихся под османским господством, и формально, и *эксплицитно* подпадали под защиту европейского международного права, что уже было *имплицитно* определено Парижским договором.¹⁹

Знаменательно, что новая конституция вошла в силу одновременно с вспыхнувшим в Болгарии в мае 1876 г. восстанием, когда турецкие нерегулярные войска вырезали от 15 до 20 тысяч болгарских женщин и детей. Эти зверства, известные как “Болгарские ужасы”,²⁰ побудившие премьер-министра Британии Гладстона к написанию памфлета, требовавшего изгнания турок из Европы, послужили причиной для начала войны с сербами и черногорцами в июне и июле 1876 г. Памфлет Гладстона взбудоражил британское общественное мнение: в течение нескольких дней было продано 40 000 копий. Французский писатель Моруа следующим образом перефразировал смысл памфлета: “...турки, один большой антигуманный вид человечества... в европейской тюрьме не найдется ни одного преступника и даже каннибала... кто не пришел бы в негодование, услышав о произошедшем”.²¹

Отвергнув британские и французские попытки начать переговоры по перемирию, османские турки уступили ультиматуму России 30 октября 1876 г.²² Однако последовавшая за этим Константинопольская конференция провалилась, не сумев обеспечить согласие Турции на то, чтобы реформы проходили под европейским надзором. Фактически, провозглашение турецким правительством новой конституции именно в это время, как было отмечено выше, способствовало предотвращению такой схемы осуществления реформ. В ответ на это “европейский концерт” во главе с премьер-министром Британии Солсбери предупредил турок о возможных тяжелых последствиях такой непримиримости.²³ Несмотря на провал Константинопольской конференции, Англия, желая сохранить мир, продолжала прилагать усилия, направленные на урегулирование, и наряду с другими державами поддержала протокол, предложенный российским послом в Лондоне графом Шуваловым.

От Лондонского протокола к Берлинскому договору

Лондонский протокол от 31 марта 1877 г. был последней манифестацией согласованной европейской интервенции во внутренние дела Турции в защиту угнетенных национальностей и меньшинств. Статья 9 уполномочивала шесть подписавших сторон “внимательно следить” (*de veiller avec soin*) за тем, каким образом османское правительство выполняет свои обещания. Она также предоставляла возможность для консультаций и совместных действий в случае, если державы будут “в очередной раз разочарованы”.²⁴ Кроме того, их действия должны были иметь в своей основе желание достичь всеобщего мира (*la paix générale*). Турецкий полномочный представитель отклонил этот протокол, так как он:

унижает достоинство и ограничивает независимость султана... Чем принять его условия, для Турции будет лучше предпочесть альтернативу войны, даже если война эта будет проиграна и повлечет за собой ожидаемую потерю одной или двух провинций... [Это] была фактическая отмена IX статьи Парижского договора... [Эта] иностранная интервенция... была унижением, которому правительство не подчинится ни при какой угрозе.²⁵

24 апреля, ровно через две недели после того, как Турция официально отвергла Лондонский протокол, царь приказал своим войскам перейти границу и силой получить то, что не смогли обеспечить единые усилия держав путем уговоров. Комментируя обращение к силовому методу, британский историк Дж. Марриот заявил: “В свете затянувшейся провокации Россия продемонстрировала похвальное терпение и сдержанность и проявила искреннее желание сохранить “европейский концерт”. На протяжении всего периода турок демонстрировал типичную для него смесь хитрости и упрямства.”²⁶

Меньше чем за год потерпев поражение как на Кавказском, так и на Балканском фронтах, Турция попросила о мире и была вынуждена принять продиктованные Россией унижительные и чреватые большими потерями условия Сан-Стефанского договора от 3 марта 1878 г. Однако пять держав “концерта” во главе с Англией и Австрией, возражая против их исключения из договора, принудили Россию пересмотреть и переделать условия договора с тем, чтобы они были приведены в соответствие с положениям статей 9 и 12 Парижского

мирного договора 1856 г. В результате 13 июля 1878 г. был подписан Берлинский договор, по которому три христианские национальности на Балканах (сербы, румыны и черногорцы) получили статус независимых государств, а Болгария — автономию под османским сюзеренитетом. Договор предусматривал также для Восточной Румелии, южнее Балканских гор, специальное устройство под османским правлением с одобрением державами губернатором-христианином. Кроме того, в соответствии со статьей 23, он предусматривал специальные реформы для Македонии, включавшей провинции Салоники, Косово и Монастир.²⁷

Несмотря на то, что в 1905 г. державы поставили перед Турцией условие, на основании которого получали право контролировать реформы в Македонии, после революции младотурок 1908 г. они отказались от этого права в качестве жеста доверия новому правительству.

Мариотт охарактеризовал Берлинский договор “как поворотный в истории Восточного вопроса”.²⁸ Мандельштам, русский ученый в области права, восхвалял русско-турецкую войну 1877-1878 гг., результатом которой стал Берлинский договор, считая ее “*une véritable guerre d'humanité*” и характеризуя условия договора как наказание Турции за нарушения условий Парижского мирного договора, а сам договор — “как одну из самых значимых манифестаций “*L'intervention collective d'humanité*” в защиту угнетенных рас Османской империи. Что касается статьи 62, гарантировавшей “гражданские и политические права, назначение на публичные должности, свободу в профессиональной деятельности и в занятии промышленностью”, вне зависимости от “религиозных различий”, то Мандельштам назвал эту статью “своего рода уставом о правах человека”.²⁹

Губительная разобщенность публичного и общего права в Османской Турции

Несмотря на то, что посредством гуманитарной интервенции великие державы смогли внедрить некоторые нормы поведения в международные отношения³⁰, они мало чем повлияли на жизнь немусльманских меньшинств Турции. Интервенция держав в Османской Турции была задумана таким образом, чтобы избежать местных внутригосударственных конфликтов, которые угрожали миру в регионе и тем самым косвенно угрожали миру во всей Европе. Одна-

ко воинствующий исламский национализм преломлял политические возможности успешного внедрения правовых реформ в османскую социальную систему. Настаивая на превосходстве как на своем суверенном праве, османские турки заменили судебную политику держав идеологией принуждения, имевшей глубокие корни в традициях их общества. Этот ответ раскрывает лежащую в основе международного права истину. Как объясняет Бриерли, “мы должны расширить нашу интерпретацию термина «международное право». Мы должны перестать думать о нем как всего лишь о своде принципов, которые должны применяться судами, и понять, что оно охватывает всю правовую организацию международной жизни, основанной на мире и порядке. Такая организация должна обеспечивать мирное и методичное применение как политических, так и судебных методов регулирования. В силу того, что международное право главным образом имеет дело с определенными, конкретными проблемами... кажется... чтобы принимать решения, ...политические методы регулирования щепетильных ситуаций останутся... относительно более важными, нежели внутри самого государства”.³¹

Навязанное Турции публичное право относительно равенства и защиты немусльманских меньшинств несло на себе европейско-христианскую печать и противоречило действовавшим в османском обществе принципам общего права. Никто не понимал этого лучше, чем султан Абдул-Азиз, чей предшественник позволил провести эти законы в рамках реформ Танзимата. Знаменитый турецкий юрист Джевдет-паша описывал, как Султан не раз жаловался на то, что «будет невозможно править в качестве монарха, если не покончить с идеей, что применение реформ Танзимата должно проводиться таким образом, чтобы соответствовать правовым принципам”.³² Его преемник Абдул-Гамид принял ту же позицию, что явствовало из признания его великого визиря Саида-паши, который 11 декабря 1882 г. доверительно сообщил британскому поверенному в Константинополе, что армянские реформы не могли воплотиться в жизнь из-за “*un empêchement intérieur*” — препятствий, которые, по убеждению поверенного, чинились дворцом.³³ В результате принципы исламского общего права относительно главенства мусульман неизменно доказывали свое преимущественное право в отношении реформ. Державам же, которые удивлялись тому, что реформы все еще не воплотились в жизнь, великий визирь Фуад-паша отвечал “Никто не может знать [методов] преобразования обычаев”.³⁴ Другой великий визирь Али-паша, сторонник Фуада, как известно, пред-

ложил следующее оправдание: “В какой это стране мира когда-либо оказалось практически возможным простым изменением закона или по распоряжению правительства за один день стереть влияние обычаев и традиций, которые установивались веками?”³⁵ Разъясняя причины “провала” реформ, профессор Талькотт Уильямс, бывший декан факультета журналистики Колумбийского университета, который родился и вырос в Турции, писал: “Обычай (*adet*) на Востоке сильнее кодексов, судов и властей, и древние обычаи... до сих пор продолжают действовать почти на всей территории империи”.³⁶

Выдержки из Меморандума, который великий визирь Решид-паша адресовал султану вскоре после обнародования Акта о реформах 1856 г., выявляют подрывные намерения османского правительства. В меморандуме он признает, что истинной целью этих реформ было скрыться (*setr*) от общества за лживыми метафорами. Этот процесс был задуман с целью не допустить нагнетания тревоги и не оскорбить традиции, лелеемые мусульманским населением. Ставя под вопрос целесообразность дарования немусульманам “полной эмансипации” и “абсолютного равенства”, Решид-паша особо подчеркивал ожидаемые им осложнения. Он выражал сомнение относительно того, сможет ли шестисотлетняя империя трансформировать свою суть во что-то “совершенно противоречащее и противоположное” (*tamamiyla zit ve muhalif*). Он уверял султана, что, несмотря на провозглашенное намерение, текст Указа основан на “хитросплетении слов”, чтобы “обмануть” (*iğfal*) посредством “туманных параграфов” тех, кто настоял на его провозглашении.³⁷ Трудно переоценить значимость данных высказываний. Вообще Решид считается пионером османского реформаторского движения. Он не только шестикратно занимал должность премьер-министра, но и трижды был министром иностранных дел в период с 1837 по 1858 гг. Текст Устава реформ 1839 года приписывается именно ему.³⁸ Другие источники характеризуют его как деятеля, манипулировавшего державами, склонного ко лжи и лицемерию, безоговорочно преданного исламу и его заповедям. В своем известном меморандуме, выступая против насилий, осуществленных только что умершим султаном Махмудом II, он жестко критиковал правителя за “постоянное пренебрежение законом Пророка, в то время как в каждом подобном случае обязан был подчиняться ему”.³⁹ Французский летописец истории пребывания Решида в различных должностях характеризует его как консерватора, заинтересованного главным образом в сохранении *status quo*, в то же время выдававшего себя за приверженца реформ.⁴⁰ Такой же точ-

ки зрения придерживается и турецкий ученый-правовед, ссылаясь на то, что Решид в основном противился идее дарования политических прав христианам империи.⁴¹ Другой турецкий автор, имевший богатый и обширный опыт общественной жизни, придерживался еще более недвусмысленной позиции относительно данного вопроса. Речь идет об Абдурахмане Шерифе, официальном османском историке, известном в университетских и академических кругах, который в период режима иттихадистов занимал пост министра образования и председателя Государственного совета, а в кемалистской Великой национальной ассамблее был депутатом от Стамбула. Он дал свое краткое заключение в связи с притязаниями, а следовательно и вводящими в заблуждение утверждениями относительно инициативы осуществления реформ, заявив:

Реформы Танзимата, т.е. идея об организации правового государства должна быть сформулирована на бумаге. Пускай они говорят речи, сочиняют заявления и идут на компромисс с людьми внутри страны и вне ее. Но сами они [авторы Танзимата] будут действовать так, как им заблагорассудится. Это и есть тот смысл, который многие люди придают идее правового государства.⁴²

С европейской точки зрения, вопрос был направлен в нужное русло маркизом Солсбери, который был одним из дипломатов, участвовавших в создании и дальнейшем регулировании Восточного вопроса. 8 августа 1878 г., будучи министром иностранных дел Британии, он сказал сэру Лэйарду, своему послу в османской столице, что “магометанские народы, по крайней мере на данный момент, не соответствуют институтам такого рода, чуждым их традициям и их образу мышления”.⁴³ Таким образом, хотя в результате гуманитарных интервенций европейских держав удалось осуществить некоторые преобразования писанных законов Турции, преобразования эти оказались совершенно неэффективными с точки зрения их практического воплощения в жизнь.

Провокационная суть Армянского вопроса.

Французский документ.

Международные усилия европейских держав применялись таким образом, что потенциально могли ухудшить положение армян. Повышая самосознание

и укрепляя надежду подвластных национальностей Османской империи и в то же время не подкрепляя их рычагами силы, международные игроки дали тем самым правителям этой империи как стимул, так и оправдание для того, чтобы нанести больший вред этим национальностям, ужесточив их угнетение. Именно так в последние десятилетия девятнадцатого столетия возник и кристаллизовался Армянский вопрос, подливая масла в огонь турецко-армянского конфликта, в котором этот вопрос нашел свое самое конкретное отражение. Ободренные обещаниями Берлинского договора, армяне прониклись новым чувством национального самосознания, которое в свою очередь дало толчок новым ожиданиям. Отдельные проявления глубокой уверенности в своих силах постепенно размывали традицию пассивного примирения со столь свойственными османской системе притеснениями. К тому же армянские интеллектуалы-эмигранты в европейских столицах создали комитеты с целью выразить свой протест против притеснений и оказать давление, чтобы добиться осуществления обещанных реформ. В то время как османский режим, не поддаваясь агитациям, отказывался воплощать в жизнь преобразования в более или менее выраженной форме, как внутри, так и вне империи стали появляться и готовиться к сражению армянские революционные ячейки. В своем отпущенном в Париж отчете, озаглавленном *Exposé historique de la question arménienne*, Поль Камбон, долгое время занимавший пост посла Франции, связывал происхождение “Армянского вопроса” именно с этим периодом. Он писал:

Высокопоставленный турецкий чиновник сказал мне: “Армянского вопроса не существует, но мы его создадим”. ...Вплоть до 1881 г. идеи об армянской независимости не существовало. Массы всего лишь жаждали реформ, мечтая только лишь о нормальном руководстве под османским правлением... Бездействие Порты подавило добрую волю армян. Реформы не были осуществлены. Продолжались скандальные вымогательства чиновников, правосудие не улучшалось... от края до края империи процветала коррупционность чиновников, пренебрежение к правосудию и безопасности жизни... Армянская диаспора начала выдвигать обвинения в административных правонарушениях, и по ходу событий ей удалось трансформировать обычные административные оплошности в одну из форм преследования на расовой почве. Она обращала внимание Европы на нарушение турками Берлинского договора и таким образом воскрешала в памяти армянского населения идею армянской автономии. Франция никак не отреагировала на инициативы армян, однако это сделала Англия Гладстона: Армянское

революционное движение зародилось именно в Англии“... как будто мало было просто спровоцировать недовольство армян, турки были рады еще и усугубить ситуацию, используя его в качестве предлога. В результате утверждения о том, что армяне организуют заговор, в конце концов завершились тем, что армяне действительно вошли в тайный сговор; утверждения о том, что Армении не существует, стали причиной того, что в итоге армяне поверили в реальность ее существования... Жестокое наказание заговорщиков, установление в Армении настоящего режима террора, арестов, убийств и изнасилований — все это указывает на то, что Турция получает удовольствие от нагнетания событий [вокруг] безобидного населения. На самом деле Армянский вопрос есть не что иное, как проявление антагонизма между Англией и Россией... Где начинается Армения и где заканчивается?⁴⁵

Далее в своем отчете Камбон ставит пророческий вопрос относительно целесообразности высылки армян в Месопотамию — решение, которое, как сообщалось, вынашивалось османским правительством. Позже, во время Первой мировой войны, Месопотамии суждено было стать долиной армянского геноцида.

Что особенно примечательно в этом *exposé* Камбона, так это диагноз, поставленный им относительно основной проблемы в происхождении и эскалации турецко-армянского конфликта, эвфемистически называемого Армянским вопросом: предумышленное, намеренное усугубление османскими властями проблем, лежавших в основе этого конфликта, имело целью спровоцировать армян прибегнуть к отчаянным действиям, направленным на самозащиту. В этой связи его заключение относительно того, что “Турция получает удовольствие от нагнетания событий [vis a vis] безобидного населения”, подчиненного “настоящему режиму террора, арестов, убийств и изнасилований...” заслуживает особого внимания при анализе причин возникновения армянского революционного движения как побочного продукта этого “режима террора”.

От отчаяния к отчаянным действиям: появление армянских революционеров

Отчаяние жертв этого режима несколько отступило, когда в 1878 г. державы на основании условий 61 статьи Берлинского договора взяли “надзирать” за осуществлением запланированных реформ и облегчить состояние угнетен-

ного населения. Когда не удалось принести хотя бы временное облегчение, способность населения более или менее пассивно сносить притеснения уступила место отчаянию. Однако отчаяние это приобрело элементы воинственности с появлением как в самой Турции, так и вне ее армянских революционных ячеек, которые были призваны определить: в чем причины его возникновения и что с ним следует делать. По наблюдению историка Роя Дугласа, роль, сыгранная “армянскими революционерами” в эскалации турецко-армянского конфликта, была обусловлена тем фактом, что “они были доведены до отчаяния неспособностью держав осуществить эффективное вмешательство”.⁴⁶ Другой автор, современник гамидовской эпохи, основываясь на собственных наблюдениях, подтверждал, что армяне в османской столице пребывали в состоянии крайнего отчаяния: “Не будь армяне самым миролюбивым и покорным народом в мире, этот город на сегодняшний день был бы превращен в пепелище, так как было сделано все для того, чтобы довести их до отчаяния”. Он объяснял это состояние тем, как “турецкое правительство обращалось с армянами”, добавляя, что, “когда притеснения переходят определенную грань и люди приходят в отчаяние, всегда появляется такого рода революционная организация. Это плод, а не причина существующего в Турции положения вещей...”⁴⁷ Эти мнения удивительным образом подкрепляются послом Германии Антоном фон Заурма-Зелчем, чье нежелание участвовать в каких-либо планах, которые могли противопоставить его Гамиду, было созвучно новому политическому курсу, взятому кайзером Германии Вильгельмом II. 4 октября 1895 г. в отчете своему канцлеру в Берлин он заявил, что этого эпизода возможно было избежать, если бы в результате провала действий, предпринятых в их защиту, армяне не были доведены до состояния безысходности.⁴⁸

Посол Германии имел в виду событие, произошедшее 13/26 августа 1896 г., когда избранная группа “борцов за свободу”, представлявших Армянскую Революционную Федерацию — партию дашнаков, осуществила успешное нападение на тщательно охраняемый Османский Банк, являвшийся основным банком империи, контролируемым британскими и французскими интересами, и в то же время имеющий своего рода монополию в финансовых вопросах, влиявших на Казначейство Османского государства. Целью этого вооруженного нападения было не ограбление, а принуждение с намерением оказать давление на державы, чтобы они наконец вынудили султана осуществить реформы. Результатом стала трехдневная кровавая бойня на улицах Константинополя, при-

несшая в жертву около 6 000 армян. Комментируя мотивацию революционеров, посол Камбон коротко заявил: “Доведенные до состояния отчаяния, эти люди готовы рискнуть всем, чтобы получить все” (*Ces gens réduits au désespoir veulent jouer le tout pour le tout*).⁴⁹

В конечном счете рейд, который будет более детально обсужден ниже, доказал свою бесплодность, а менее чем за год второе по счету побоище в османской столице, осуществленное на глазах у несметного количества представителей держав, так и осталось безнаказанным, по большей части из-за того, что в процитированном выше отчете французского посла в Париж было названо “антагонизмом между Англией и Россией”.

Примечания к главе 3

1 Ali Riza-Mehmed Galib, *Geçen Asirda Devlet Adamlarimiz* (Наши государственные деятели прошлого столетия), Fçetin, ed. (Istanbul, 1979), 73-74. Для современного глубинного анализа данных эпизодов национальных конфликтов в Сирии и Ливане см. Leila Fawaz, *An Occasion for War. Ethnic Conflict in Lebanon and Damascus* (Berkeley, 1994).

2 G. Noradounghian, *Recueil D'Actes Internationaux de l'Empire Ottoman, 1856-1878*, vol.3 (Paris, 1902), 144-49 (Réglement); 125 (текст протокола на французском).

3 J. Hurewitz, *Diplomacy in the Near and Middle East, A Documentary Record: 1535-1914*, vol.1 (Princeton, N.Jersey, 1956), 154. Оригинал текста статьи на фр.яз. см. Noradounghian, *Recueil* [n.2], 74.

4 Great Britain, *Blue Books. Turkey No.16* (1877). Doc. No. 21, p.45.

5 E. Engelhardt, *La Turquie et le Tanzimat ou Histoire des Réformes dans l'Empire Ottoman*, vol. 2, (Paris, 1882), 145-48. Полностью текст на фр. яз. см. A. Schopoff, *Les Réformes et la Protection des Chrétiens en Turquie, 1673-1904*, 179-80. Текст на англ. яз. см. E. Hertslet, *The Map of Europe by Treaty*, vol. 4, (London, 1875), 2418-29.

6 *Ottoman Constitution*. (Midhat), перепечатана в *American Journal of International Law*. 2 (Supp. 1909): 367. Текст Конституции на фр. яз. см. в Schopoff, *Réformes* [n.5], 192.

7 *Ottoman Constitution*, 367.

8 Там же.

9 Там же, 369.

10 Там же, 367.

11 Там же.

12 Там же, 368.

13 В этой книге, говоря об этих препятствиях, сын Мидхата-паши обращает внимание на то глубоко укоренившееся отвращение, какое Султан питал к любого рода планам направленным на

- прекращение сегрегации, предвзятости и дискриминации на религиозной почве. См. A. Midhat, *The Life of Midhat Pasha*, (London, 1903), 108, 141-142.
- 14 T. Alp, *Türkismus and Pantürkismus*, (Weimar, 1915), 89. Необходимо отметить, что включенное в 11 статью османской конституции слово “*imtiyaz*”, хоть по своему первичному значению и означает “привилегия”, однако в научном стиле изложения второе значение этого слова “разделенность”, “различие”.
- 15 Engelhardt, *La Turquie* [n.5] vol. 2, 299-300.
- 16 W. Yale, *The Near East. A Modern History. New and Revised*. (Ann Arbor, Michigan, 1968), 30.
- 17 Официальные публикации британского министерства иностранных дел - это British Foreign Office, Blue Book. Turkey (далее *Blue Book. Turkey*) No.10 (1879); там же, No.23 (1880), там же, No.5 (1881); там же, No.6 (1881); там же, No.10 (1881). Консулы, посылавшие свои отчеты в Лондон, были офицерами английской армии и среди них были капитан (позднее майор) Троттер, капитан (позднее майор) Эверет, капитан, лейтенант (позднее полковник) Чермсайд, подполковник Вильсон и капитан Стьюарт. См. в особенности No. 8 (1881), 57, 58, 71-72, 109-110. См. также цитаты в M. Rolin-Jaequemyns, *Armenia, the Armenians, and the Treaties*, (London, 1891), 45, 73-76. Эта работа является пересмотренным вариантом двух статей, опубликованных на языке оригинала в *Revue de Droit International et de Législation Comparée*, печатный орган Бельгийского института по международному праву, от 1887 и 1889 гг. Переводчик не указан.
- 18 Y. N. Bayur, *Türk İnkilâbı Tarihi* (История турецкой революции), vol.3, Part 3 (Ankara, 1957), 481-82.
- 19 Rolin-Jaequemyns, *Armenia*, [n.17], 33 (курсив в оригинале). Почти идентичное мнение выражает турецкий автор Сина Акшин, *100 Soruda Jön Türkler ve İttihad ve Terakki* (İttihad ve Terakki в контексте 100 вопросов), (Istanbul, 1980) 12.
- 20 J. Marriott, *The Eastern Question (Historical Study in European Diplomacy)*, 4th ed. (Glasgow, 1958), 318-34.
- 21 A. Maurois, *Disraeli*, (Chautauqua, N.Y., 1930), 308.
- 22 Текст ультиматума см. Noradounghian, *Recueil* [n.2], 399.
- 23 Там же, 480. Детали длительной Константинопольской конференции (Dec. 27, 1876-Jan.20, 1877), связаны с девятью протоколами; там же 400-93. См также *Das Staatsarchiv*, vol. 32, Nos. 5964-71, 15-33, H. v. Kremer-Auenrode and P. Hirsch eds., (Leipzig, 1877) (собрание немецких архивных материалов 19 в.) [далее *Das Staatsarchiv*].
- 24 Engelhardt, *Turquie* [n.5], 178. Текст Протокола на фр. яз. см. Noradounghian, *Recueil*, [n.2], Doc. No. 840, 496, и Schopoff, *Réformes* [n.5], 3:34, Doc. No.45, p.334.
- 25 Цитата приведена из сообщения от 9 апреля 1877, отправленного британским министром иностранных дел, графом Дерби своему поверенному в Константинополе. *Das Staatsarchiv*, [n.23], No. 6360, 156-7; см. также Engelhardt, *Turquie* [n.5], 179 (9 апреля, 1877 г., циркуляр османского министра иностранных дел Сафвета, осуждающего позицию Европы относительно “унизительного протектората.”)
- 26 Marriott, *Eastern Question* [n.20], 333.
- 27 Там же, 341-346. Текст Берлинского договора на англ. яз., ратифицированного в Берлине 3 августа 1878 г., и Османская ратификация 28 августа 1878 г., см. Great Britain, *Parliamentary Papers*

- 83: 690-705 (1878). Выборочное воспроизведение протокола процессуальных действий см. *Das Staatsarchiv*, [n.23], vol. 34 (1878) Nos. 6766-73, 226-81. Текст договора на языке оригинала, фр. яз. там же No. 6773, 277-91. Сан- Стефанский договор см. там же No. 6718, 38-48. Тексты статей 58-63 Берлинского договора, см. Hurewitz, *Diplomacy* [n.3], 189-91. Noradounghian также включил текст Сан-Стефанского договора на фр. яз. Noradounghian, *Recueil* [n.2], 509-21.
- 28 Marriott, *Eastern Question* [n.20], 345.
- 29 A. Mandelstam, *La Société des Nations et les Puissances devant le Problème Arménien* (Paris, 1926), [Специальное издание *Revue Générale de Droit Intl. Publ.*], 17 n. 1, 18.
- 30 На Парижском конгрессе, к примеру, с 25 февраля по 30 марта 1856 г. было принято четыре таких правила: 1. Отмена каперства, 2. Нейтральный флаг прикрывает вражеские товары, спасая контрабанду; 3. Нейтральные товары, за исключением контрабанды, не подлежат захвату, находясь под вражеским флагом; 4. Блокада для того, чтобы быть обязывающей, должна быть эффективной. См. G. Hackworth, *International Law* 1(1943): 24-26. Когда в Протоколе Лондонской конференции от 13 марта 1871 г. Россия отказалась от условий относительно Черного моря, отображенных в Парижском договоре, полномочные представители Великобритании, Италии, Австро-Венгрии, Германии, России и Турции назвали это “важнейшим принципом права наций, на основании которого ни одна держава не может освободить себя от обязательств наложенных договором, как и изменить его условия, если подписавшие его державы не дадут на то свое согласие, достигнутое путем дружественного соглашения”. *British and Foreign State Papers*, 1870-1871, 61: 1198, цитируется в J.Scott, *Cases on International Law*, 469 (2nd ed. 1922).
- 31 J. L. Briery, “The Rule of Law in the International Society,” *Nordisk Tidskrift for International Red, Acta Scandinavica Juris Gentium*, 7 (1936): 3, 15.
- 32 Prof. Resat Kaynar, *Türkiyede Hukuk Devleti Kurma Yolundaki Hareketler* (Движения в Турции за создание правового государства) (Istanbul, 1960), 55.
- 33 F0424/132, Doc. No. 147, p. 220. Этим поверенным был Хью Уиндхам.
- 34 R. Davison, “Turkish Attitudes Concerning Christian-Muslim Equality in the Nineteenth Century,” *American Historical Review* 59 (1954): 853.
- 35 *Blue Book. Turkey*, Doc. No. 16, (1877); полный текст заявления см. в Bat Ye’or, *The Dhimmi: Jews and Christians under Islam* (London, 1985), 289-90.
- 36 T. Williams, *Turkey: A World Problem of Today* (Garden City, N.Y., 1921), 285.
- 37 A. Cevdet Paşa, *Tezâkir* (Мемуары), vol. 1 C. Baysun, ed. (Ankara, 1953), 79.
- 38 F.E. Bailey, *British Policy and The Turkish Reform Movement: A Study in Anglo-Turkish Relations 1826-1853* (New York, 1970), 186, 193, 205.
- 39 Там же, 274.
- 40 M. Destilhes, *Confidences sur la Turquie* (Paris, 1855), 37-73.
- 41 Kaynar, *Türkiyede* [n. 32], 38.
- 42 Там же, 11.
- 43 B. Şimşir, *British Documents on Ottoman Armenians* vol.1 (1856-1880), Doc.No.81, (Ankara, 1982), p. 191.
- 44 В переписке со своим немецким коллегой Заурмой посол России Нелидов выразил мнение, что причина крайней подавленности армян заключалась не только в отсутствии каких-либо

ощутимых результатов европейской интервенции, но и в последующих убийствах. *The Diplomatic Archives of the Foreign Ministry of Germany (Die Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes). Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871-1914* (далее цитируется как DAG). vol. 10. Der Nahe und Ferne Osten. Doc. No. 2426, p.69. J. Lepsius, A. Bartholdy and F.Thimme eds. 3rd ed. (Berlin, 1927).

45 *Diplomatic Archives of Foreign Ministry of France (Documents Diplomatiques Français (1871-1900)*, vol.11, February 20, 1874 Doc. No. 50, pp. 71-74 (1947). См. также *Livre Jaune. Affaires Arméniens. Projets de réformes dans l'Empire Ottoman 1893-1897*. Doc. No. 6. p. 10-13 (1897).

46 Roy Douglas, "Britain and the Armenian Question 1894-7," *The Historical Journal* 19, 1 (1976):124.

47 "The Constantinople Massacre" *Contemporary Review* 70 (October 1896): 458, 459. То обстоятельство, что имя автора не сообщается, объяснено в редакторском примечании словами "по очевидным причинам." Вероятно, статья была написана британским дипломатом, который тогда был на службе в Константинополе и который "может восприниматься как достаточно информированный человек."

48 DAG [n.44], Doc.No. 2426, cipher No. 138, p. 69.

49 Paul Cambon, *Correspondence 1870-1924* vol. I (1870-1898) (Paris, 1940), 412, доклад от 20 февраля 1894 г.

Часть II

ИСТОКИ АРМЯНСКОГО ВОПРОСА И ТУРЕЦКО-АРМЯНСКИЙ КОНФЛИКТ

Злополучная интернационализация внутригосударственного межнационального конфликта

Расхождения во взглядах армянских и турецких революционеров, совместно искавших пути свержения Абдул-Гамида.

Разгром армянского революционного движения,¹ вызванного беспрепятственным осуществлением массовой резни 1894-96 гг., не остановил армянских революционных лидеров в Европе, и в особенности тех, которые находились в Лондоне, Париже и Женеве, продолживших свою кампанию вне Турции, направленную против султана и его режима. Присутствие в этих европейских столицах небольших групп турецких диссидентов, которые также участвовали в борьбе за освобождение от гамидского деспотизма, было расценено армянами как удобный повод для сближения с ними с целью совмещения доступных ресурсов, необходимых для того, чтобы начать скоординированную кампанию против султана, направленную на его свержение. Лидеры этих двух групп, включавших в себя множество разнообразных оппозиционных объединений, встречались дважды: в 1902 и 1907 гг.; представители других национальностей, а именно — греки и евреи, также принимали участие во встречах, на которых были приняты определенные меморандумы о взаимопомощи, обнародованные позднее.

Фактически, истоки основного турецкого националистического движения, которое стремилось к свержению режима Абдул-Гамида, можно возвести к влиянию, оказанному революционными действиями армянских политических партий, боровшихся против власти султана в османской столице. До этих событий ассоциация Иттихад ве Теракки, тайно сформированная в Военно-медицинской академии, не была склонна прибегать к насильственным действиям. Однако относительный успех тех армянских революционеров, которые не отступали перед такого рода задачами и смогли ослабить волю султана тем, что привлекли внимание держав, побудил все еще колебавшихся турок осмелить-

* Примечания к данной главе начинаются на странице 59.

ся выйти против режима султана, даже при том, что некоторые из них все еще не хотели прибегать к насилию. Это зарождавшееся движение старалось обратить на себя внимание распространением идеи о том, что реформы должны быть в пользу не определенного меньшинства, а “всего османского сообщества людей”. В своем самом первом, тайно изданном манифесте, они разносили тех армян, которые “осмелились оскорбить Баби Али, верховный институт нашего государства, который пользуется уважением европейцев. Мы сожалеем по поводу оскорбительных [küstah] выпадов наших армянских сограждан. Мы, турки, так же, как все османы, требуем свободы и реформ. [Посему] вместо того, чтобы жестоко критиковать армян, давайте разрушим сооружения, воздвигнутые угнетателями: Баби Али, центр плохого правления, деспотизма и тирании, Şeyhulislam è Yıldız [дворец]...” Вслед за воспроизведением этой прокламации турецкий историк Куран отмечает: “Судя по тому, как она сформулирована, можно понять, насколько младотурки были воодушевлены армянскими революционерами”.²

Несмотря на то, что кампания увенчалась успехом, суть которого заключалась в том, что в 1908 г. в результате более или менее бескровного военного восстания султан был смещен, уязвимость объединенного против Абдул-Гамида турецко-армянского фронта предопределяла развал этого фронта и неизбежное начало нового цикла кризисов, подпитывающих турецко-армянский конфликт. Обстоятельством, бросившим зловещую тень на объединенный фронт, угрожая подорвать и в конечном итоге уничтожить его, явилось европейское вмешательство в защиту армян, искавших возможности добиться реформ в провинциях. Те турецкие лидеры, которые на тот момент были противниками гамидовского режима и, будучи таковыми — явными союзниками армянских революционеров, в то же время яростно противились включению в свою программу обязательства по выполнению условий статьи 61 Берлинского договора; впоследствии они же явились основными зачинщиками геноцида армян во время Первой мировой войны. Среди них были доктора Назим и Бехаеддин Шакир, самые видные из парижских диссидентов, что будет показано далее в данном исследовании. В свое время Абдул-Гамид продемонстрировал яростное неприятие именно этого условия договора, прибегнув к резне, и диссиденты младотурки в этом вопросе проявили свою солидарность с султаном, в то время как почти по всем остальным вопросам они были его противниками. Такого рода раскол между армянами и турками существовал всег-

да, вне зависимости от сменявшихся друг друга режимов, оставаясь постоянным состоянием на каждой последующей стадии развития турецко-армянского конфликта.

Именно по этой причине практически все турецкие историки и политические лидеры склонны к тому, чтобы современное происхождение Армянского вопроса отнести к статье 61 Берлинского договора 1878 г., подписанного шестью великими державами и Турцией. Среди этих турок выделяются Данишменд,³ Энвер Зия Карал⁴ и Решад, Генеральный прокурор турецкого военного трибунала, который в период перемирия расследовал массовую резню армян во время войны. В своем заключительном слове в ходе слушаний в судебном процессе над кабинетом министров он назвал Берлинский договор источником турецко-армянского конфликта.⁵ Ахмед Ферид (Тек), министр внутренних дел новоиспеченной Турецкой Республики, во время тайного слушания в Парламенте 16 октября 1921 г. также охарактеризовал Берлинский договор как причину турецко-армянского конфликта и “трагедии, связанной с этим конфликтом”.⁶ Известный ученый по вопросам современной Турции Фероз Ахмад также выделяет 61 статью Берлинского договора, которая выговаривала реформы для армян в качестве особого условия, что, по его мнению, и спровоцировало турецко-армянский конфликт, интернационализировав Армянский вопрос.⁷

Тщетность усилий армян в достижении административных средств по защите своих прав

Со строго хронологической точки зрения, однако, Армянский вопрос официально возник на одной из сессий первого османского парламента, заседавшего в самом начале русско-турецкой войны 1877-78 гг., как проблема конфликта между армянской общиной и османским центральным правительством. Несколько депутатов-армян, поддерживаемых своими коллегами греческой и даже турецкой национальности, обратили внимание на тот факт, что, в то время как армянский *millet* продемонстрировал свою готовность защищать османскую отчизну, тысячи армян в приграничных регионах подвергались нападениям и становились жертвами убийств, совершаемых мародерствующими регулярными и нерегулярными османскими войсками, включавшими и курдов.⁸ Кроме данного вопроса, связанного с военным конфликтом, возник еще бо-

лее фундаментальный источник для конфликта, который в субботу, 4/16 июня 1877 г. стал главной темой дебатов, развернувшихся в новоиспеченном османском парламенте. Это был вопрос, который, постепенно нарастая, в конце концов был назван армянскими реформами и как таковой стал ядром Армянского вопроса. Вопросы эти, в частности, состояли из следующих пунктов: а) мародерские набеги полностью вооруженных курдских племен (*aşirets*) на безоружное армянское население восточных провинций; б) безнаказанность, сопутствующая и последующая этим мародерским нападениям и в) подозрение в соучастии как местных, так и центральных властей. Впервые в османской истории представители *raya*, подвластных народов, отважились публично и на официальном уровне поднять свой голос против несправедливостей, свойственных османской социальной системе.

Первым выступил депутат греческой национальности Сулидес. Он сравнил положение армян с положением греков и болгар на Балканах, добившихся, однако, сочувствия Европы к своим страданиям и тем самым обеспечивших признание своих прав. Далее он добавил: “Лишенные этого механизма, армяне тихо сносили свою горькую участь. Однако справедливо ли то, что армяне, будучи самыми покорными и лояльными подданными государства, больше чем кто-либо угнетаются и преследуются курдами, являющимися мятежниками, восставшими против нашего государства?” Он закончил свою интерпелляцию требованием “немедленного прекращения столь невыносимого положения вещей”. Затем на подиуме его заменил депутат-армянин из Эрзрума Амазасп Баларян. После длительного перечисления насилий, совершенных толпой курдских племен в Муше, Ване и других районах Эрзрума, депутат-армянин подробно описал процедуру, превалирующую в обращении с преступниками, пойманными властями. Дав взятку, они выпускаются “лишь для того, чтобы начать совершать преступления еще более жестокие по отношению к тем, кто их обвинил. Многие губернаторы, вали и муташарифы были сообщниками этих курдов, и я не имею желаний обнародовать их имена. На мой вопрос, почему этих курдов не наказывают, если для того, чтобы с ними расправиться хватит двух батальонов, последовал ответ, что в основе этого вопроса лежит высокая мудрость правителей; скрытое политическое руководство [*hikmeti hükümet*]. Только позднее я узнал, что это означало: курды потребуются для подавления армян, если они восстанут в Армении [восточные провинции Турции]”.

“Помимо этого, курды рассматривались как потенциальные волонтерские подразделения, которые могли быть использованы в случае войны с Россией... На каком основании смогли курды внушить такое доверие, на основании какой характерной черты или особых навыков?” Следующим выступавшим был Васибеки, еще один депутат греческой национальности, который согласился с выдвинутыми обвинениями и предложениями, сделанными двумя предыдущими депутатами; он выступил с предложением уполномочить Высокую Порту предпринять конкретные шаги по немедленному осуществлению предложенных средств защиты. “Все депутаты-мусульмане согласились с диагнозом проблемы и предложениями по разрешению ситуации, выдвинутыми тремя депутатами”.⁹ Султан не только проигнорировал эти рекомендации, но в дальнейшем окончательно приостановил работу парламента, когда военные поражения и нараставшее недовольство правлением султана, выражаемое во время зимней сессии 1877-1878 гг. как депутатами немусульманами, так и мусульманами, стали слишком тревожными для монарха. Однако недовольство подданных султана, и в особенности армянского населения провинций, не было обусловлено сложностями русско-турецкой войны 1877-78 гг. Примерно за четверть века до этого, во время Крымской войны 1853-55 гг., прославленный британский генерал сэр Фенуик Уильямс, будучи союзником Турции, героически защитившим турецкую крепость Карс от русских, в резких выражениях осудил турецкий режим за притеснения в “армянских провинциях”, влиявшие на все сферы каждодневной жизни. Он обвинил турецкое правительство в том, что оно является “орудием тирании, которому, возможно, нет равных в мире”, добавив, что “нет слов которые смогли бы описать позор, характерный для образа жизни и сути турецкой полиции”.¹⁰

Другими словами, проблема состояла в наличии таких условий системы, которые делали армян недееспособными перед субкультурой беззаконья и бандитизма, осуществляемого мародерствующими курдскими племенами в сговоре с прослойкой губернаторов турецких провинций и их подчиненных. Лишив армян права носить оружие для самозащиты, османская система, опираясь на теократические догматы и принципы, поставила их в постоянно уязвимое положение тем, что дала номинально считавшимся мусульманами и, как правило, до зубов вооруженным курдам как преимущество, так и стимул к тому, чтобы сделать армян своей мишенью. Отправной точкой для турецко-ар-

мянского конфликта являлся в существенной мере курдо-армянский конфликт, который по множеству причин исподтишка разогревался властями посредством различных классов и групп функционеров. Именно в результате такого рода неофициальной вседозволенности и все более разрастающихся мажордерских операций, осуществляемых курдами, курдо-армянский конфликт все больше и больше двигался по направлению к турецко-армянскому конфликту. Стало очевидным, что субкультурные аспекты локальных и региональных разрушительных действий, направленных против армян, являлись в некоторой степени отражением скрытых аспектов основной культуры, которая была разработана центральными властями в османской столице. Многие лидеры армянской общины осознали, что непрерывный темп разбойных нападений не был ни случайностью, ни даже выражением своеволия местных нарушителей, участвовавших в нападениях. Скорее, эти серии разбойных нападений на оседлое армянское население происходили в рамках довольно бессвязной, хаотичной структуры, которая легко подходит под определение “организованный бандитизм”,¹¹ или, *nizam altinda haydut* — на турецком.

Как на начальных, так и на более поздних стадиях турецко-армянского конфликта армяне были более или менее постоянны в поиске решений проблемы с курдами, а именно: поиск административных мер защиты от несправедливостей и преследований, а также некоторые меры по возмещению нанесенного ущерба в совокупности. В то время было еще далеко как до идей сепаратизма и независимости, так и до идей революционной борьбы или проявления воинственности. Противопоставляя армян другим национальностям империи, турецкий историк Карал поет дифирамбы армянам, “которые приняли турецкую культуру и не преследовали идею независимости, как в случае с другими османскими общинами”.¹² Однако факт остается фактом, что последние, прибегнув к восстанию и вооруженной борьбе с османскими властями, в конце концов, обеспечив интервенцию и заручившись поддержкой держав, доказали, что методы эти намного более продуктивны в сравнении с теми, на которые на протяжении долгого времени они полагались, обращаясь к властям с петициями и просьбами. Этот факт был упомянут на встрече Патриарха армян Нерсеса с британским послом сэром Г. Эллиотом 6 декабря 1876 г. с целью представить послу пожелания Армянской национальной ассамблеи, находившейся в османской столице. Послы должны были собраться (Константинопольская конференция, декабрь 1876 — январь 1877гг.) и попытаться

предотвратить русско-турецкую войну, которой упорно добивались русские. Резня болгар с последующим восстанием в Болгарии, а также вспыхнувшая война между Сербией и Черногорией, с одной стороны, и Турцией — с другой, явились теми условиями, которые способствовали созреванию ситуации для такой войны. Константинопольская конференция должна была разработать план по урегулированию ситуации в регионе и убедить Турцию принять новую схему реформ во избежание серьезных проблем в будущем. Патриарх Нерсес предложил включить в программу конференции вопрос об армянских реформах. Когда посол попытался возразить, сказав, что программа конференции включает в себя исключительно вопросы, связанные с беспорядками на Балканах, охваченных восстанием, “Патриарх ответил... если для того, чтобы заслужить симпатию европейских держав, необходимо поднять восстание, то нет никакой сложности в том, чтобы начать такое движение”.¹³

Примечания к главе 4

- 1 Исследование об истоках и развитии этого движения см. Louise Nalbandian, *The Armenian Revolutionary Movement* (Berkeley, 1963).
- 2 Ahmed Bedevi Kuran, *Osmanli Imparatorluğunda ve Türkiye Cumhuriyetinde İnkilâp Hareketleri* (Революционные движения в Османской империи и Турецкая Республика) (Istanbul, 1959), 158-59. Для дискуссии конклавов младотурок-иттихадистов и армян в 1902 и 1907 гг. см. там же, 344-364, 443-449, а также Ernest E. Ramsaur, *The Young Turks. Prelude to the Revolution of 1908* (Beirut, 1965), 14-6, 22-4.
- 3 İsmail Hami Danişmend, *İzahlı Osmanlı Tarihi Kronolojisi* (Хронология османской истории с аннотациями), vol. 4 (Istanbul, 1961), 358-59.
- 4 Enver Ziya Karal, *La Question Arménienne* (1878-1923), перевод К. Dorsan (Ankara, 1984), 9-10.
- 5 L'Entente (ежедневная газета на фр. яз. периода перемирия, выпускавшаяся в Стамбуле), 26 июня, 1919.
- 6 *Türkiye Büyük Millet Meclisi Gizli Celse Zabıtları* (Стенограммы секретных заседаний Верховной Национальной Ассамблеи Турции), vol. 2 (Ankara, 1985), 343.
- 7 Feroz Ahmad, “Unionist Relations with Greek, Armenian and Jewish Communities of the Ottoman Empire, 1908-14,” in *Christians and Jews in the Ottoman Empire* vol. 1, B. Braude and B. Lewis, eds. (New York, 1982), 404, 423.
- 8 A.O. Sarkissian, *History of the Armenian Question to 1885*, reprint, (Urbana, IL, 1938), (University of Illinois

Bulletin, vol. xxxv, 80 (June 3, 1938):58-60.

9 Эти детали были отобраны из основной армянской газеты того времени, которая выходила в Константинополе., *Massis*, No. 1985, June 7/19, 1877. Во вступительной статье редакторы выразили свою благодарность двум депутатам греческой национальности за проявление “высокой гуманности” и выразили “глубокое чувство благодарности от имени всего армянского народа, к которому они могут предъявлять неоспоримые требования, благодаря тем высоко патриотическим заявлениям, которые они сделали”. Спустя два дня в передовице той же газеты писалось: “Впервые этот важный вопрос был поднят и была попытка найти средства защиты перед верховным собранием государства”.

10 *Blue Book, Turkey* No.17 (1877), Doc.No. 6, p.3.

11 Emile J. Dillon, “The Condition of Armenia,” *Contemporary Review* LXVIII (1895): 153-54; James Bryce, *Transcaucasia and Ararat* (London, 1896), 465.

12 Karal, *La question arménienne* [n.4], 7.

13 FO 424/46, Doc. No. 336, registry No. 1337, отчет посла Эллиота министру иностранных дел графу Дерби от 7 декабря 1876 г.; см. также *Blue Book, Turkey* No.2 (1877), 34.

Интерактивная динамика Восточного и Армянского вопросов

Общий знаменатель, связывающий оба вопроса

Название “вопрос” в дипломатическом лексиконе являлось эвфемизмом, выражающим идею затянувшихся конфликтов на национальной почве, охвативших Османскую империю. В основном у этих конфликтов были общие корни, и они неминуемо влияли друг на друга по мере того, как развивались и усугублялись. И действительно, истоки турецко-армянского конфликта, который получил определение “Армянский вопрос”, были почти идентичны тем конфликтам, которые продолжали существовать между османскими турками, с одной стороны, и македонцами, критянами, греками и сербами на Балканах — с другой — и которые получили другое определение — “Восточный вопрос”. В той степени, в какой проблемы, лежащие в основе этих вопросов, частично перекрывали друг друга, они были равнозначны. Фактически, общие элементы, лежащие в основе обоих вопросов, были признаны на международном уровне, став, соответственно, предметом беспокойства международного права, и нашли свое отображение в едином правовом акте, а именно — в Берлинском договоре (1878). Включив в договор две особые статьи, державы не только подняли два эпизода внутригосударственных конфликтов на уровень международной дипломатии, таким образом интернационализировав их, но и подчеркнули идентичность их источника, тем самым признав общий знаменатель, в силу которого Восточный и Армянский вопросы могли рассматриваться как пересекающиеся и, в некотором роде, обуславливающие друг друга. Этим общим знаменателем явилась повсеместность османского порабощения, которое продолжало проявляться, несмотря на условия Парижского договора (1856 г.) и сопутствующего ему провозглашения Имперского указа, гарантировавшего равенство перед законом немусульманских подданных империи. В ре-

* Примечания к данной главе начинаются на странице 70 .

зультате на Балканах появились некоторые революционные группы, которые намеревались препятствовать продолжению османского гнета, прибегнув к партизанским нападениям на османские военные подразделения и сооружения. Эти рейды начались в период *komitacis* — маленьких отрядов законспирированных революционеров: болгар, греков и сербов, или же самозванных борцов за свободу, взявших в руки оружие против османских правителей, а то — и друг против друга.

Согласно статьям 23 и 61, Турция была подотчетна перед державами в своем будущем отношении к македонским и армянским меньшинствам соответственно, так как по обеим статьям Турция обязалась принять свод новых реформ в провинциях, населенных этими меньшинствами. Таким образом, Берлинский договор стал тем документом, который легализовал гуманитарную интервенцию шести подписавших его держав, с одной стороны, по отношению к Македонии, которая тем самым стала основным фактором, вокруг которого в значительной степени вращался Восточный вопрос, с другой — по отношению к провинциальному армянскому населению восточной Турции. Возможно, что неразрешение двух вопросов обусловлено очередным провалом реформ. Восстание революционных групп напрямую связано именно с этим обстоятельством. Мариот отмечает:

Действительно, вся история дурного турецкого правления отличается болезненной монотонностью. Здесь, как и повсюду, трудящееся крестьянство оказалось под перекрестным обстрелом взысканий, вымогательств и преследований. Они страдали от рук мусульман, потому что были христианами; они были подвержены незаконным нападениям бандитов, часто являвшихся наводнившими всю страну представителями албанской национальности; они были вынуждены подчиняться как законным, так и незаконным требованиям мусульманских беев и официальных откупщиков; они не могли получить никакого возмещения в судах общего права: и жизнь, и собственность, и честь — все это было во власти господствующего вероучения.¹

Поразительна аналогия с положением армянского крестьянства в Сасуне, которое в конце концов подняло восстание. Столь же знаменательно и заявление, сделанное исследователем истории македонского восстания, относительно того, что на стадии своего формирования это восстание находилось под влиянием примера Сасуна (обсуждается в главе 8), от которого оно “по-

лучило вдохновение... и позаимствовало идею... мятежа”.² В тот самый момент (июнь 1895 г.), когда султан блокировал в парламенте принятие Проекта реформ мая 1895 г., разработанный державами с целью устранения несправедливостей, ставших причиной ускорения Сасунского восстания, обосновавшиеся в Софии македонские революционеры развернули первую серию революционных нападений на Македонию, где на протяжении пятисот лет оттоманы имели непререкаемую верховную власть в качестве господ, колонизируя и в то же время обращая огромное множество местных христиан в мусульманскую веру.

Армяно-македонское сотрудничество

Армянский вклад в организацию македонских партизанских нападений на османских правителей не ограничивался лишь ролью модели, каковой, несомненно, явился Сасун. Ряд армянских специалистов по взрывчатым веществам, которые все до единого работали тайно и под вымышленными именами, участвовали в изготовлении ручных гранат и бомб. Один из них был химиком и “лучшим организатором террористических актов против османского режима”; он был членом армянской революционной группы. В Константинополе македонцы заручились помощью “мастера по изготовлению бомб”. Изготовление и испытания проводились в Софии. Болгария и болгарская полиция вместе с другими представителями власти “закрывали глаза на эту деятельность”. На одном заводе в Саблюте они изготавливали формы для отлива бомб, а также такие виды оружия, как ножи и кинжалы. Специалист армянин “учил революционеров, как изготавливать газовые бомбы”. Ученики одного из армян “повсюду, даже в Софии, основали дополнительные заводы и в свою очередь работали в качестве мастеров по изготовлению бомб”. Македонцы получали дополнительную помощь от армян из Одессы, России, а также от двух армян с Кавказа, которые были “превосходными пиротехниками, литейщиками бомб и специалистами по адским машинам” и которые прибывали по месту назначения, чтобы наладить производство взрывчатки.

Это сотрудничество было достигнуто по инициативе македонцев, которые чувствовали особую близость с армянскими революционерами и вошли с ними в контакт для убийства султана Абдул-Гамида и для одновременного взрыва в 1900 г. двух зданий Оттоманского Банка, а именно тех, которые находились в Салониках и Константинополе. С этой целью были вырыты два туннеля, ко-

торые не были обнаружены. Согласно свидетельству лидеров македонского восстания, «армяне были готовы к сотрудничеству и полны решимости помочь... они были довольны тем, что могли помочь Македонской Революционной Организации, так как у них был общий враг — османские турки, и по сути причина их борьбы была одной и той же».³ Свидетельством обоюдного характера этой взаимопомощи явилось признание армянских революционеров, которые захватили Османский Банк, осуществив нападение диверсионного типа. После нападения эти революционеры признались, что они добывали оружие по македонским каналам.⁴ Более того, они также дали клятву на борту французского парохода, который вез их в Марсель, депортируя из Турции, что вернутся через Македонию для того, чтобы осуществить новые нападения на турецкий режим.⁵

Греция, Крит и Зейтун

Другим компонентом Восточного вопроса являлся затянувшийся турецко-греческий конфликт, включавший в себя вопрос о статусе острова Крит. Факторы, обуславливавшие критское недовольство, были частью синдрома, вызванного плохим турецким правлением и гнетом, как было отмечено Мариотом:

Горести критян были практически теми же, что и те, которые известны нам по другим подвластным национальностям Османской империи: вымогательское и неупорядоченное налогообложение, отсутствие равноправия между христианами и мусульманами, отказ в отправлении правосудия в судах, отказ выполнить обещания данные в Танзимат и Hatti-Namayoun, и так далее.⁶

В результате остров был охвачен непрерывным рядом восстаний, имеющих целью объединение с Грецией. С помощью британского посредничества султан в конце концов пошел на некоторые реформаторские уступки, которые 25 октября 1878 г. были включены в Пакт Халепы.⁷ Однако в 1889 г. правительство султана нарушило условия пакта, спровоцировав на острове восстание, которое тем не менее было подавлено, когда державы не выказали никакого желания вмешаться. Одним из побочных результатов режима репрессий, среди прочих, стало возникновение тайного революционного общества *Ethniké Hetaireia*, целью которого была защита греческих интересов в Македонии и

прежде всего объединение Крита с материком — Грецией. Когда в 1895 г. султан, в очередной раз нарушив условия Пакта Халепы, снял с поста христианина генерал-губернатора острова, народное беспокойство, разжигаемое распространением как в Греции, так и на острове национализмом, форсировало начало Критского восстания 1896-97 гг. На этот раз державы вмешались и вынудили султана восстановить условия Пакта Халепы, и в конце концов, 25 августа 1896 г., накануне нападения дашнаков на Османский Банк в Константинополе (обсуждается в главе 8), принять новую схему реформ для острова Крит.

После этого Криту в течение двух лет удалось добиться независимости, и спусковым механизмом для этого послужила резня. 18 сентября 1898 г. в прибрежном городе Кандии мусульмане сожгли в его собственном доме британского вице-консула, а затем принялись зверски убивать всех попадавших им под руку христиан. Для держав это стало последней каплей, и к ноябрю последние турецкие войска и гражданские служащие по их требованию покинули остров. Державы назначили греческого принца Георга на пост Верховного Коммиссара Крита, тем самым весьма прозрачным образом обеспечив постепенное и косвенное объединение острова с Грецией.

Связь между восстаниями с участием греческих и армянских революционеров прослеживается на примере Зейтуна. Готовность султана договориться с восставшими армянами Зейтуна не была полностью обусловлена военными поражениями, которые потерпели османские войска от рук первых. Поднималась новая волна беспокойств как на острове Крит, так и в самой Греции с участием греческих и критских повстанцев. Восстание критян началось именно в тот момент, когда султан вел мирные переговоры с зейтунцами, т.е. в феврале 1896 г. Сюзерен и его советники были вынуждены приветствовать возможность приостановления военных операций против зейтунцев — своего рода мятежного меньшинства, не имевшего государства-родителя, на которое оно могло положиться в получении поддержки, и безнадежно изолированного внутри Турции.

Взаимосвязь между восстаниями на Балканах и в Малой Азии становится еще более очевидной при оценке Зейтуна в соотношении с Черногорией и даже Ливаном: таким образом возможно проследить то влияние которое, как правило, оказывалось на правителей Османской империи. К примеру, во время восстания 1861-62 гг. зейтунские горцы направили к Наполеону III двух эмиссаров с просьбой вмешаться; в ответ он распорядился отправить одного

из драгоманов французского посольства в Константинополе, чтобы тот изучил ситуацию в Зейтуне и подготовил доклад, что и было сделано.⁸ Вслед за этим французское правительство направило Высокой Порте официальную ноту, в которой ставилось в известность, что Франция “всегда признавала, что Зейтун независим и освобожден от налогов”. Это событие совпало с резней маронитов в Ливане и военной интервенцией Франции. Интервенция привела к автономии Ливана и подписанию между державами и Турцией протокола, целью которого являлось восстановление порядка и “защита христиан”. Помня об этом поражении, верховный визирь Али-паша уступил Наполеону III во избежание столкновения с еще одной Черногорией в этой части Малой Азии.⁹ Комментируя данный эпизод, турецкий летописец выделяет двух армян, один из которых был священником, уговорившим французского монарха заступиться за армян, в результате чего военная атака на Зейтун была отменена, а губернатор близлежащего Мараша, подготовивший план атаки, был смещен со своего поста.¹⁰ Во Франции это событие описывалось как акт гуманитарной интервенции. Согласно французскому академику Альберту Вандалу, “Франция взялась за дело Зейтуна и добилась его освобождения. Когда через восемь лет, в 1870 г., далеко на востоке стало известно, что Франция сама осаждена, захвачена и находится в смертельной опасности, некоторые жители Зейтуна во главе с одним из своих священников покинули свою страну... они пришли, чтобы записаться в наши ряды и сражаться вместе с нами. В то время как великие нации покинули нас и отвернулись от нас, эти скромные, безграмотные люди, эти грубые горцы вспомнили об оказанной им когда-то услуге и пришли, чтобы оплатить свой долг кровью”.¹¹

Эта зачаточная форма гуманитарной интервенции была применена еще раз в 1878 г. в другом эпизоде восстания, когда Англия направила полковника Чермсайда в Зейтун, чтобы тот провел свое собственное расследование и представил в своем отчете соответствующие рекомендации. Значимость Зейтуна заключалась не столько в том героизме, с каким армянские горцы сражались против турецких регулярных и нерегулярных войск и одерживали над ними победу, а скорее в том, что это восстание фактически было побочным результатом всеобщего повстанческого движения, сметающего различные секторы османского доминиона. В 1861 г. Черногория, Босния и Герцеговина были охвачены революционным пламенем. Как было отмечено выше, державы осуществили военную интервенцию в Ливане на год раньше, принудив турецкие

власти наказать авторов резни христиан-маронитов и дать Ливану ограниченную автономию. Уже в то время Зейтун стал зарождающимся символом Армянского вопроса, который формировался в рамках Восточного вопроса, таким образом, расширяя его.

Нельзя недооценивать заразительное влияние революции 1848 г., один из столпов которой, Михаил Бакунин, в мае 1862 г. в своем письме Гарибальди, носителю идеи национального освобождения, предложил ему кооптировать армян вместе с греками в свою кампанию по *Risorgimento*. В то же время, он написал Микаелу Налбандяну, апостолу армянской революционной мысли XIX в., разделявшему идеалы Бакунина и его сподвижника Александра Герцена, чтобы тот развернул повстанческую деятельность, в особенности среди населения Киликии, включая Зейтун.¹² Таким образом, идеалы Французской революции, российского панславизма и анархизма и итальянского национального освобождения объединились, чтобы создать своеобразную интерактивную динамику, через призму которой турецкое господство и порабощение стали предметом спора для определенного круга армянских лидеров, являвшихся приверженцами этих идеалов и видевших их ощутимые последствия в других местах. Повиновение разнузданным властям было не только пересмотрено с точки зрения его смысла, но и переосознано и оценено как недопустимое и неприемлемое. Однако, конечный результат подобной переориентации заметно отличался от того, которого добились другие упомянутые выше национальности. Хотя на протяжении определенного периода времени Зейтун добился целого ряда смелых побед над господствовавшими турками, в конце концов он был стерт с лица земли. Совершенно очевидно, что для того, чтобы достичь успеха, повстанческие движения не должны полагаться лишь на факторы, являющиеся заимствованными идеологиями. Согласно утверждению известного армянского историка, Зейтун не получил той же помощи, что Ливан, так как руководство армянской григорианской церкви упорно отвергало условие французов, требующих обращения в католичество, как это произошло в случае с маронитами Ливана. Именно такой была в то время традиционная французская политика в отношении Востока, и Наполеон III покинул зейтунцев в трудном положении.¹³

Возвращаясь к успехам, достигнутым другими национальностями, следует отметить, что греки, проживавшие на материке, в результате агитации двух революционных группировок — Критского Комитета и *Ethniké Hetairia* активно

поддержали Второе критское восстание 1896 г., которое так или иначе проложило дорогу последовавшей за этим турецко-греческой войне. То, что в последующей победе турок в 1897 г. значительную роль сыграл Пятый армейский корпус, который был разбит во время кампании против мятежного Зейтуна в повстанческой войне 1895-96 гг., не является случайностью. Столь же знаменательно и то, что этими войсками командовал тот же генерал, а именно — Эдхем-паша, который, заменив предыдущего потерпевшего неудачу командира, вел мирные переговоры с зейтунцами. То, что как против армян, так и против греков в течение 15 месяцев был задействован один и тот же армейский корпус, характеризует тип национальных конфликтов, с которыми столкнулись власти империи и которые они рассматривали как взаимосвязанные проблемы. Взаимосвязь эта была очевидна на двух фронтах — внутреннем и внешнем. На внутреннем фронте османские власти осознавали тот факт, что борьба одной национальной группы, выраженная посредством революционной деятельности, влияла и на борьбу другой группы. И посему, с позиции властей исход этих вызовов был исключительно важен с точки зрения контроля над распространением подобных восстаний, которые, фактически, угрожали существованию империи. В качестве единственно возможного варианта была выбрана и, соответственно, применена репрессия. Однако именно здесь свою роль сыграл внешний фактор. В зависимости от обстоятельств, репрессии османского типа чаще, чем предполагалось, приводили к вмешательству держав. Такого рода вмешательства, в свою очередь, имели тенденцию противодействовать и снижать воздействие турецких репрессивных мер, внушая надежду жертвам, склонным к намеренному усугублению конфликтов, желая вызвать державы на более решительные шаги в своем вмешательстве.

Сходство истоков и несходство исходов

Этот взаимосвязанный процесс со всей тщательностью описан известным османско-турецким государственным деятелем, который в период с 1885 по 1913 гг. четырежды занимал пост великого визиря и являлся активным игроком на всех этапах развития турецко-армянского конфликта. Но что важнее — это то, что он занимал различные административные должности в Сирии и Ливане и в критический период 1877—79 гг. являлся генерал-губернатором провинции Алеппо, в состав которой входил именно в это время в очередной раз восстав-

ший округ (*kaza*) Зейтун. Комментируя склонность зейтунцев к восстаниям, генерал-губернатор Камиль-паша в своих мемуарах заявляет: “Увидев, что болгары и греки получают независимость, армянам захотелось соперничать с ними, и они задались целью создания Армянского царства”. В этом они рассчитывали на поддержку британцев. Он также отмечает, что в смысле влияния на армян внутри самой Турции, по сравнению с русскими, британцы были в менее выгодном положении.¹⁴

Однако чего великий визирь не сказал, так это того, что, по сравнению с болгарями и греками, армяне были в намного менее выигрышном положении с точки зрения их шансов на обеспечение эффективного вмешательства держав. Во время критского восстания в феврале 1897 г., которое создало предпосылки для последующего объединения острова с Грецией, Россия внесла свой активный вклад в общие усилия, направленные на продвижение процесса этого объединения: новый министр иностранных дел России Муравьев играл руководящую роль в организации согласованных действий держав. Как в то время отметил французский посол Камбон, “там русские не столь безразличны, сколь по отношению к армянам; здесь вопрос заключается в благосостоянии православных греков, ее особых клиентов. В этом случае они, русские, настаивают на том, чтобы принудить Турцию осуществить серьезные реформы”.¹⁵ Почти одновременно, после обращения крон-принца Бориса в православие, Россия восстановила свои братские отношения с Болгарией. С тех пор Болгария не предавалась анафеме, как в былые времена, когда сонм российских дипломатов, среди которых особо выделялся Лобанов, пугали призраком “второй Болгарии”, что, как они открыто признавали, могло бы стать реальностью в результате реформ в турецкой Армении, которая в конце концов переросла бы в Великую Армению, объединив в единое царство Турецкую и Российскую Армению. Исходя из этих убеждений, российское правительство на сей раз воспротивилось идее применения принудительных мер по отношению к султану с целью вынудить его осуществить обещанные реформы.

Столь дифференцированное отношение держав, и в особенности России, к Армянскому вопросу, вероятнее всего, способствовало и отличному от Восточного вопроса исходу. Оценивая причину уступчивости султана в урегулировании критского конфликта и неуступчивости — в случае аналогичного армянского конфликта, французский посол Камбон под грифом “совершенно сек-

ретно” предложил своему министру иностранных дел Ганато хоть и простую, но довольно всеобъемлющую формулу:

Критская проблема была урегулирована, потому что султан смог себя убедить, что продление [критского] восстания повлечет за собой мощную европейскую интервенцию. Армянская проблема [с другой стороны] продолжается и все более усугубляется, так как султан думает, что такого рода интервенция ему не грозит [á ġabri].¹⁶

Не будучи в состоянии подавить Македонию силой принуждения или с той же жестокостью, турецкие власти сделали своей мишенью уязвимое армянское население. Такое соотношение между двумя вопросами в международной дипломатии признает также турецкий летописец Хокаоглу, который описывает Армянский вопрос как продукт манипулятивной дипломатии, возвращенный державами, которые были более заинтересованы в разрешении Восточного вопроса.¹⁷

Примечания к главе 5

- 1 J. Marriott, *The Eastern Question: An Historical Study in European Diplomacy* 4th ed., Reprinted (Glasgow, 1958), 415.
- 2 Duncan M. Perry, “The Macedonian Revolutionary Organization’s Armenian Connection,” *Armenian Review* 42, 1/165 (Spring 1989): 63.
- 3 Там же, 62,63,64,65,66.
- 4 *Hushabadoum Hai Heghapokhagan Dashnaktzutian* (Commemorative Tome of the Armenian Revolutionary Federation) (1890-1950), (Boston, 1950), 282.
- 5 *Blue Book*. Turkey No.1 (1897) enclosure 4 in Doc.No. 25, p. 17, Chargé Herbert’s August 24, 1896 report.
- 6 Marriott, *The Eastern Question* [n.1], 376.
- 7 E.Hertslet, *The Map of Europe by Treaty*, vol. 4, 1875 to 1891 (London, 1891) Doc.No. 35, p. 2810.
- 8 *Diplomatic Archives of the Foreign Ministry of France, Дипломатические архивы министерства иностранных дел Франции (Documents Diplomatiques. Affaires Arméniennes.* (далее цитируется как ДАФ.) Supplément. 1895-1896 (Paris, 1897) Doc.No. 81, p. 67. Cambon’s January 12, 1896, отчет министру иностранных дел Бертольдугу).
- 9 Victor Bérard, *La politique du Sultan* (Paris, 1897), 128-29, 302.
- 10 Esat Uras, *Tarihte Ermeniler ve Ermeni Meselesi* (Армяне и Армянский вопрос в истории) (Istanbul, 1976), 489-90.
- 11 A.Vidál, *Les Arméniens et la réforme de la Turquie* (Paris, 1897), 41-2.

12 Leo. (Arakel Babakhanian). *Turkahai Heghopokhutian Kaghparapanoutiuni* (Идеология революции Турецких армян), vol.1, (Paris, 1934), 25-31.

13 Там же, 31.

14 Hilmi K. Bayur, *Sadrizam Kâmil Paşa. Siyasi Hayati* (Великий визирь Камиль-паша. Его политическая жизнь), (Ankara, 1954), 73.

15 Paul Cambon, *Correspondance 1870-1924*. Vol. 1 (Paris, 1940), 409.

16 DAF [n. 8] 1871-1914 1re Série (1871-1900) vol. 12 (May 8, 1895-October 14, 1896) (Paris, 1951) Doc. No. 461, registry No. 353, pp. 757-58, September 30, 1896.

17 Mehmed Hocaoglu, *Arşiv Vesikalariyla Tarihte Ermeni Mezâlimi ve Ermeniler* (Армяне и армянские зверства в истории по архивным документам), (Istanbul, 1976), 661.

**ДИСФУНКЦИИ ГУМАНИТАРНЫХ
ИНТЕРВЕНЦИЙ ПРИ ПОСТАНОВКЕ
АРМЯНСКОГО ВОПРОСА И ПРОЯВЛЕНИИ
ОТНОШЕНИЯ К НЕМУ**

Манипулятивная дипломатия взамен идеалов гуманитарной интервенции

Как свидетельствует история, европейские интервенции всегда зависели от наличия минимального консенсуса между великими державами. Вплоть до Берлинского договора 1878 г. совместное давление доминировавших в европейском концерте Англии и России могло склонить, если не принудить Турцию подчиниться некоторой степени интервенции держав.¹ Однако эта линия сотрудничества отнюдь не исключала соперничества на многих других уровнях. Нельзя сказать также, что интервенции эти являлись чисто “гуманитарными”.² Тем не менее, Берлинский договор появился именно в период нарастания резкого недоверия между Англией и Россией, обеспечив, таким образом, постепенный развал “европейского концерта”. Необходимость сотрудничества между державами, с одной стороны, и постоянно присутствовавшее подозрение в скрытых мотивах — с другой, являются ограничениями, присущими принципу многосторонней интервенции, будь то гуманитарная или нет.

Армянский вопрос — пешка в британской партийной политике. Влияние моральной дилеммы

Поскольку европейское недовольство тем, как Турция проводила 61 статью Берлинского договора, постепенно убывая, в конечном итоге вовсе исчезло в свете англо-русского соперничества и взаимных подозрений, эти ограничения стали для армян источником вполне конкретных неприятностей. Соперничество это нашло свое выражение в том, что британцы поставили под вопрос положения статьи 16 Сан-Стефанского соглашения, на основании которых Россия получала право на продолжение оккупации завоеванных в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 гг. восточных провинций Турции до тех пор, пока Турция не осуществит обещанные ею реформы. Расценив присутствие

* Примечания к данной главе начинаются на странице 122.

российских войск в этом регионе как угрозу для британских колониальных интересов в Индии, Дизраэли пошел на предварительную мобилизацию, тем самым дав понять России о своем намерении в случае необходимости развернуть войну, чтобы заставить Россию отступить. Этот британский маневр оказал прямое влияние на Армению. Публично проявленные британскими государственными деятелями угрызения совести, напрямую ассоциирующиеся с военными усилиями и победой Британии в 1918 г., описаны в следующих двух отрывках, которые пронизаны чувствами, являющимися не чем иным, как косвенным осуждением политики их предшественников в отношении армян. Первый отрывок представляет собой заявление премьер-министра военного периода Ллойда Джорджа:

Если бы не наша злополучная интервенция, то, согласно Сан-Стефанскому договору 1878 г., большинство армян оказалось бы под защитой российского флага.

Сан-Стефанский договор предполагал, что российские войска останутся в оккупированных армянских провинциях до тех пор, пока не будут осуществлены надлежащие реформы. Согласно Берлинскому договору (1878), который был всецело обусловлен нашим угрожающим давлением и который был провозглашен нами как блистательный британский триумф, принесший с собой “Почетный мир”, эта статья была отменена. Армения была принесена в жертву на воздвигнутый нами алтарь триумфа. Русские были вынуждены вывести свои войска; несчастные армяне в очередной раз оказались под пятой своих старых хозяев, став заложниками обещаний “осуществить улучшения и реформы в провинциях, населенных армянами”. Все мы знаем, как на протяжении сорока лет нарушались эти обещания, несмотря на многочисленные протесты страны, которая несла первоочередную ответственность за то, что Армения снова оказалась под турецким господством. Политика британского правительства должна была привести и привела к ужасающим бойням 1895-1897 и 1909 годов, и — что страшнее всего — к резне 1915 года. Эти зверские убийства, равных которым не знают даже самые черные страницы истории турецкого правления, сократили армянское население на более чем миллион человек.

Принимая во внимание роль, сыгранную нами в том, что эти преступления оказались возможными, у нас было моральное обязательство использовать первую же возможность для того, чтобы возместить причиненное нами зло и — настолько насколько это было в нашей власти — сделать все для того, чтобы ужасы, за которые мы всегда будем виновны перед историей, никогда более не повторились.

И поэтому, когда во время Великой войны турки втянули нас в этот спор, и умышленно вызвали Британскую империю на борьбу не на жизнь, а на смерть, мы осознали, что наконец нам предоставилась возможность исправить жестокую несправедливость, за которую мы несли ответственность.³

Во время парламентских дебатов в Палате общин 18 ноября 1918 г. Эньюрин Уильямс поднял тот же вопрос, заявив:

Эта страна осталась в долгу у Армении, так как, в конце концов, более сорока лет назад мы воспрепятствовали освобождению Армении от турецкой тирании с помощью России. Если бы мы этого не сделали, то не было бы места последовавшим за всем этим ужасным страданиям. А посему, мы должны им. Мы должны им вдвойне еще и потому, что они яростно сражались за нас в этой войне.⁴

В последующие Берлинскому конгрессу 1878 г. годы Англия не совсем отстранялась от вопроса о судьбе османских армян. Частично это произошло благодаря Кипрской конвенции, подписанной Англией и Турцией 4 июня 1878 г., т.е. непосредственно перед началом Берлинского конгресса. Статьей 1 данной конвенции Англии поручалось проследить за вопросом армянских реформ (“султан обещает Англии осуществить необходимые реформы... с целью защиты христиан и других подданных... этих территорий”). Взамен изъявленной Англией готовности “силой оружия” защитить Турцию от российских территориальных вторжений по ту сторону Карса, Ардагана и Батума, ей было позволено оккупировать остров Кипр.⁵ Данное положение, наряду с условиями 61 статьи Берлинского договора, так или иначе давало Англии право на возможность рассмотрения интервенции и оправдывало ее готовность прибегнуть к силе для осуществления этой цели.

По своему характеру готовность эта была столь зыбкой, что граничила с обманом. Дипломатические документы особо подчеркивают, что имела место фривольная партийная политика, осуществляемая под видом “гуманитарной интервенции”. Отношение Британии к Армянскому вопросу служит примером того, какое влияние оказывала партийная перебранка внутри страны на внешнюю политику, выставляя гладстоновских либералов в качестве противников консерваторов в лице Дизраэли, а затем и Солсбери. К примеру, отклоняя пламенные заявления Гладстона в поддержку усилий по освобождению подвласт-

ных народов от османского ига, Дизраэли осуждал Гладстона как “беспринципного маньяка, необычную смесь зависти, мстительности, лицемерия... ни в коей мере не джентльмена”.⁶ Все это заслуживает определенного внимания в свете заявления Уильяма Самерса, члена парламента от либеральной партии (и коллеги Гладстона), который во время своего короткого визита в Константинополь в 1890 г. встретился с некоторыми дипломатами. В докладе от 28 сентября 1890 г., направленном своему канцлеру в Берлин, немецкий посол Радовиц, охарактеризовав Самерса как “самого активного сторонника Армянского вопроса в Англии”, ссылаясь на следующее высказывание Самерса: “Гладстон и я вовлечены в Армянский вопрос исключительно с целью создания сложностей для кабинета Солсбери”.⁷ Это было время, когда консерваторы и либералы зачастую изо всех сил старались внести в парламент такие предложения, которые “имели целью сбить с толку своих оппонентов”.⁸

Такая схема эксплуатации Армянского вопроса в интересах партийной политики применялась вплоть до 1895-96 гг., когда на всей территории империи началась серия массовых убийств. В докладе своему канцлеру в Берлин граф фон Гатцфельд, посол Германии в Константинополе, разоблачал лорда Солсбери, чей кабинет 26 июня 1895 г. сменил кабинет либералов, в том, что тот сообщил ему в “конфиденциальном” разговоре, что он, Солсбери, был в курсе игры, которую вели либералы, и что он ответит им тем же. В своей знаменательной речи в Альберт Холле 5 июля 1895 г. лорд Розбери призвал Солсбери идти по стопам либералов. Он предложил, чтобы Солсбери совместно с Францией и Россией оказал давление на Константинополь, чтобы “защитить армян от невыносимого гнета, невыносимых жестокостей и невыносимых актов варварства” в Османском государстве. Солсбери сказал Гатцфельду, что он бы “обставил” Розбери, если бы до тех пор, пока это помогало бы ему избежать провоцирования конфронтации, публично заявлял, что Англия заинтересована в судьбе армян и что она ни в коем случае не поступится этим интересом.⁹

Однако учитывая всю степень сложности, которую приобретал в то время Армянский вопрос, описание британской политики в этом вопросе не может сводиться к столь упрощенным оценкам. Вероятно, в силу необходимости британцы частично относились к Армении и армянским интересам как ко второстепенным вопросам: этими вопросами манипулировали точно так, как в шахматной игре обращаются с пешкой. Нередко британские государственные

деятели, в том числе и члены королевской семьи, бывали в достаточной степени возмущены носившим хронический характер турецким дурным правлением и тем, как часто оно прибегало к массовым убийствам для того, чтобы рассматривать возможность принятия суровых мер, включая ликвидацию самого режима посредством разделения Османской империи. В этом отношении особенно выделялся лидер консерваторов Солсбери. Его политическая карьера формировалась параллельно с нарастающими беспорядками, которые охватили Османскую империю во второй половине девятнадцатого столетия. Еще в 1858 г. Солсбери, известный тогда как лорд Роберт Сесиль, в своей речи, произнесенной в Палате общин, осудил турецкое правительство, назвав его “самым деспотичным и алчным из всех правительств”. Таким образом, 30 июля 1895 г., т.е. через 24 дня после того, как он выразил намерение “обставить” лидеров либеральной оппозиции и притвориться озабоченным положением армян, в разговоре с послом Германии Гатцфельдом относительно Армянского вопроса, он “конфиденциально” (*unter Voraussetzung voller Diskretion*) сообщил, что “Турецкая империя гниет и что ее окончательное разделение стало вынужденной необходимостью”. Далее в своем “сверхсекретном” докладе в Берлин посол Гатцфельд добавил, что Солсбери сделал одно “весьма знаменательное” заявление, а именно: Англия допустила большую ошибку, отклонив предложение царя Николая I относительно разделения Турции, сделанное британскому послу сэру Джорджу Гамильтону Сеймуру в январе и феврале 1853 г. (за несколько месяцев до начала Крымской Войны). “Он, лорд Солсбери, наверняка бы принял это предложение”, – сказал он. Потом Солсбери взял с посла Германии обещание не докладывать официально об этом разговоре.¹⁰

Однако решение, предлагаемое Солсбери, не разделялось теми, кто мог бы его продвинуть. Еще в 1876 году, когда во время Константинопольской конференции ему и другим державам не удалось склонить турок к принятию европейской схемы реформ, он предложил британскому кабинету отказаться от традиционной политики по отношению к Турции и вместо этого добиться ее разделения. Премьер-министр Дизраэли осудил это предложение за “аморальность” и убедил кабинет отклонить его.¹¹ Через месяц после описанного выше конфиденциального разговора с послом Германии Гатцфельдом Солсбери попробовал кооптировать Германию в план по разделению Турции. По требованию императора Германии, находившегося с визитом в Кове, 8 августа 1895 года на борту “Гогенцоллерна” состоялась его аудиенция с Солсбери. Солс-

бери еще раз представил свою точку зрения относительно того, что резня армян продемонстрировала насколько непроницаема Турция для либеральных реформ, что империя пришла в состояние упадка, что ее не стоит сохранять и, следовательно, нужно расчленивать. Заранее психологически подготовленный советником министерства иностранных дел Германии Гольштайном — англофобом, в высшей степени подозрительным и тем не менее довольно влиятельным человеком, а также самим послом Германии, император не согласился с достоверностью поставленного Солсбери диагноза относительно бедствий Турции, в то же время умаляя значение зверств, содеянных по отношению к армянам. Хотя неудавшаяся попытка Солсбери убедить императора во многом являлась результатом серьезных различий в политических курсах, неудача эта была обусловлена еще и недовольством императора, вызванным задержкой премьер-министра Британии, который из-за несчастного случая прибыл на час позже назначенного времени.

Таковы превратности позерства в международной дипломатии, позволяющие — что, собственно, и происходит — некоторым чрезмерно настойчивым и желающим продемонстрировать себя эгоцентрикам на ходу резко менять направление и результаты переговоров. Так, в процессе взаимодействия оскорбление одного «я» породило унижение другого «я», в результате чего, согласно интерпретации заместителя министра иностранных дел Германии Ротенгана, Солсбери и сам был «раздосадован» достаточно, чтобы избежать второй встречи, которую потребовал император Германии.¹²

Вне всякого сомнения, в конечном итоге самым решающим фактором во внешней политике является соотношение между национальными интересами и национальными ценностями. Когда по своей приоритетности заданный национальный интерес в значительной степени перевешивает заданную национальную ценность, умные и находчивые политические деятели, часто прибегая к хитрости, неискренности, всегда могут найти способ оправдать или, по крайней мере, попытаться оправдать политику, идущую вразрез с определенной национальной ценностью. Дизраэли в некотором смысле спас Турцию от дезинтеграции, отклонив как «аморальный» план по разделению Турции, предложенный сначала Россией и поддержанный впоследствии его же подчиненным Солсбери. По мере развития событий он с легкостью либо отклонял, либо не принимал в расчет собранные свидетельства зверств, содеянных режимом, который он был полон решимости сохранить, таким образом дав новый

виток идее моральности в том виде, в каком она понималась и одобрялась британской общественностью. В связи с этим весьма важно отметить, что спустя два десятилетия император Германии отклонил предложение Солсбери практически на тех же основаниях; он умалил масштаб и значимость совершенных зверств и встал на сторону идеи сохранения Османской империи. Как будет показано в разделе, посвященном отношению Германии к Армянскому вопросу, публичные заявления, сделанные в этой связи самими высокопоставленными политиками Германии, ссылаясь на приоритетность национальных интересов, вывели концепцию моральности в международной и национальной политике на новый уровень аморальности, т.е. на позицию, свободную от каких-либо ценностей. Поступая подобным образом, Германия окончательно вытеснила и заменила британское влияние в Турции, воспользовавшись беспорядками, которые повлекла за собой резня армян эры Абдул-Гамида по всей территории Ближнего Востока, Балкан и остальной Европы.

Именно по поводу этого факта британский государственный деятель Грей из Фаллдона сокрушается больше всего в своих мемуарах. Этот министр иностранных дел, являвшийся одним из архитекторов Тройственного союза Антанты, посредством которого Англия, Россия и Франция объединились против Германии за семь лет до начала Первой мировой войны, будучи либералом, сходилась с консерватором Солсбери в том, что осуждал Турцию, считая ее страной «которой было присуще дурное правление и дурное отношение к христианским меньшинствам, грубое применение силы и в которой массовые убийства носили характер... эпидемии».¹³

В развернувшейся на эту тему пространной дискуссии Грей утверждал, что, искусный в умении натравливать правительства друг против друга, Абдул-Гамид всегда был готов уступить влиянию и предоставить концессии по определенной цене. Ценой этой была готовность защитить султана и допустить продолжение «резни армян», несмотря на давление, оказанное на него «европейским концертом». Далее приводятся некоторые отрывки из комментариев Грея:

Германское правительство и император Германии расплатились и получили ту позицию, которую в Константинополе когда-то занимала Великобритания. Ни одно британское правительство не смогло бы заплатить эту цену. Лорд Солсбери не мог этого сделать, даже если бы хотел, а после ужасов 1895 года он со всей ясностью показал, что не захотел бы этого сделать, даже если бы мог. Германское правительство и

император Германии заплатили цену и получили ту позицию, которую в Константинополе когда-то занимала Великобритания... Британские протесты в связи с резней армян вызвали к нам ненависть, но не страх... Общественное мнение Британии требовало, чтобы мы выразили протест, и мы сделали это, поступившись существенными интересами Британии в Турции. Вся ирония заключается в том, что пользы от этого было слишком мало, либо не было вообще... В Константинополе Германия постоянно использовала ситуацию с выгодой для себя. Нам действительно удалось не замараться и сохранить совесть нации чистой, однако мы не смогли обеспечить эффективную поддержку тем, на кого были направлены наши усилия и кто пользовался нашей симпатией... Кажется, что политика Германии была основана на тщательно обдуманном убеждении, что скрупулезность в вопросах морали и альтруистические мотивы не имеют значения в международных отношениях... Именно это ошибочное понимание чисто человеческих отношений между народами и стало причиной, по которой она потерпела поражение в войне.¹⁴

Эти комментарии ни в коей мере не означают, что Англия была образцом добродетели в формировании своей внешней политики в целом и в связи с отношением к Армянскому вопросу в частности. В конечном счете, именно наследие Пальмерстона, отрицавшего необходимость постоянных друзей и противников и вместо этого проводившего идею о том, что при формировании британской внешней политики необходимо способствовать утверждению постоянных британских интересов, оставалось руководящим принципом на протяжении всего времени. Однако в одном Британия существенно отличалась как от Германии, так и от России. Высокоразвитые демократические институты Британии создавали условия для общественных дебатов по вопросам внешней политики, что порождало фактор общественного мнения, — фактор, который, несомненно, сдерживал, изменял и в некоторой мере даже направлял в определенное русло внешнюю политику Британии, в особенности в периоды кризисов. И поэтому наблюдатели вправе настаивать, что британская интервенция в защиту османских армян являлась не чем иным, как инициативой, направленной единственно на то, чтобы успокоить британское общественное мнение, прибегнув к ряду протестных акций, которые, несмотря на яростное общественное возмущение и оцепенение официальных кругов, вызванные серией массовых убийств армян, аллегорически приравнивались к “стрельбе бумажными шариками по Абдул-Гамиду”.

При общей оценке исторической роли британской дипломатии, столкнувшейся лицом к лицу с Армянским вопросом, основное, что привлекает внимание, — это манипулятивные навыки, с помощью которых данная дипломатия спустила с рельсов первоначальный план России по эффективному и, вполне возможно, окончательному разрешению этого вопроса. Заявления британцев относительно их обеспокоенности положением несчастных армянских подданных султана были здесь хитроумным способом вытеснены мандатом пальмерстонского наследия, который, как отмечалось выше, предписывал британским государственным деятелям прежде всего защищать британские национальные интересы. Как описывается в других частях данного исследования, Россия была готова продолжить оккупацию восточных провинций Турции, завоеванных ею в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 гг., до тех пор пока Турция не представит и не претворит в жизнь требуемые реформы “в армянских провинциях”, т.е. в восточных провинциях Турции. Победенная и обессиленная Турция приняла эти условия, которые и были включены в Сан-Стефанский договор в виде статьи 16. Однако Англия немедленно вмешалась, угрожая России войной, на подготовку которой, включая мобилизацию, правительство в течение довольно короткого промежутка времени потратило шесть миллионов фунтов стерлингов. Россия была вынуждена согласиться на то, чтобы этот договор был заменен Берлинским договором 1878 г., в котором статья 16 в видоизмененном и основательно выхолощенном виде превратилась в статью 61. Российские войска должны были быть незамедлительно выведены, а вопрос осуществления реформ был предоставлен доброй воле султана. Благополучно защищая то, что она считала стратегическими сухопутными воротами в Индию, Англия закончила тем, что создала ворота иного рода, — ворота, которые открыли дорогу к затянувшимся испытаниям Армении, в конечном итоге приведшую к уничтожению османского армянского населения, как отметили такие британские государственные деятели, как Ллойд Джордж и Эньюрин Уильямс (см. примечания 3 и 4 данной главы).

Не менее знаменателен и правовой, а точнее — международно-правовой аспект срыва этого плана. Для того, чтобы оправдать его, Англия сослалась на Парижский договор 1856 г., 9 статья которого своим 2 параграфом запрещала державам единолично или коллективно вмешиваться во внутренние дела Турции, а его 7 статья аналогичным образом запрещала вмешиваться в вопросы “независимости и территориальной целостности Османской империи”, до-

бавляя, что любое нарушение данного положения будет рассматриваться как проблема распространяющаяся на все державы. Однако за девять дней до начала Берлинского конгресса, 4 июня 1878 г., Англия тайно подписала с Турцией Кипрскую конвенцию, статья I которой включала Оборонный союз. Однако заключив эту сделку, Англия сама же нарушила все тот же Парижский мирный договор, в нарушении которого в первую очередь обвинялась Россия, что и послужило причиной для созыва Берлинского конгресса. Получив привилегию оккупировать остров Кипр, Англия обязывалась защитить турецкие территории силой оружия в случае, если в будущем Россия захватит их. «Взамен» султан «обещает Англии провести необходимые реформы» в этих населенных армянами территориях. Все эти оговорки и положения являлись нарушениями условий 7 и 9 статей отмеченного выше Парижского договора. Ни одна держава не была вправе единолично, не говоря уже о секретности, договариваться по вопросам, которые затрагивали территориальную целостность Турции и ее внутригосударственные отношения. Более того, первая часть 7 статьи данного договора, гласила, что подписавшие его европейские стороны «объявляют, что Высокая Порта признается участвующей в выгодах публичного права и союза (*concert*) держав европейских». В этом смысле Кипрская конвенция являлась еще большим нарушением европейского публичного права: она отказывала державам в праве на высшую юрисдикцию, которое им давалось договорным правом.

Если быть кратким, то вывод следующий: когда дело дошло до диктата высших национальных интересов, Англия не устояла перед соблазном отобрать остров у зависевшего от нее государства, по ходу искажив положения договора, которого она, якобы, придерживалась в споре с соперничающей державой.

Австрийская политика попустительства резне

Если что и превосходит по своей значимости непоследовательность, которую проявляли державы в осуществлении своей внешней политики, так это внезапное и полное изменение курсов в процессе ее формирования. Как в случае с другими державами, в особенности с Россией и Англией, такого рода резкое изменение политического курса характеризовало и шаткость позиции Австрии по отношению к Турции и к реформам в Османской Турции. Нес-

мотря на возникавшие время от времени незначительные разногласия, на протяжении десятилетий до и после Крымской войны «европейский концерт» функционировал достаточно хорошо. Преобладая в течении войны над Турцией, «европейский концерт» заставил ее провозгласить законы, которые более или менее соответствовали бы европейскому публичному праву. Эти интервенции вообще были в пользу подданных христиан империи. В соответствии с этим основным политическим курсом, граф Фридрих Бюст, премьер-министр и канцлер Австрии, сыгравший важнейшую роль в введении режима Австро-Венгерской монархии, в 1867 г. открыто отстаивал систему автономии для христианских национальностей Османской империи, с которой они имели бы слабую связь вассальной зависимости. Бюст считал эту империю больной и умирающей и настаивал на «медицинской консультации» с целью разработки «рискованных способов лечения», включая и план по разделению империи. По иронии судьбы, Россия, спустя четверть столетия полностью изменившая свою политику, в то время отстаивала тот же курс через своего канцлера и министра иностранных дел князя Александра Горчакова, который, тем не менее, был враждебно настроен к Австрии из-за роли, сыгранной последней в подписании вслед за окончанием Крымской войны Парижского мирного договора. Теперь же Бюст признавал, что Парижский договор не смог обеспечить лучшего обращения с христианскими подданными Турции, и предлагал новый план, согласно которому эти подданные оказались бы под крылом Европы. Однако в период массовых убийств эта позиция уступила место новой политике.

Вне всякого сомнения, в Армянском вопросе Австрия в той или иной степени вторила взглядам и позициям Германии. Принц Филипп III Оленбургский, посол Германии в Австрии, в разговоре с Маршаном, поверенным Франции в Вене, фактически выразил надежду, что Австрия превзойдет Германию в этом отношении, заявив, что Армянского вопроса «для нас» не существует. В другой беседе с Велсершаймбом, главой одного из отделов министерства иностранных дел Австрии, Маршану было сказано, что массовые убийства армян, которые в то время были в полном разгаре, носили такой характер, что от Австрии требовалось проявить «сдержанность и крайнюю осмотрительность». Он отклонил усилия Британии по проведению реформ в Турции, рассмотрев это как доказательство «их полного непонимания истинного положения вещей в этой стране». Что касается реформ, предписанных

Берлинским договором, то Велсершаймб отверг их, назвав договорными обязательствами, за которыми таятся “осложнения для держав. Мы хотели бы дать султану свободу действий. Он должен быть освобожден от ограничений и давления на свою власть”. Фиксируя эту часть полученного от Маршана сообщения, чиновники из французского министерства иностранных дел добавили следующее примечание: “Это практически то же самое, что говорит российское правительство”.¹⁵ По своему государственному устройству Австро-Венгерская империя была сродни Османской империи: обе были многоэтничными системами и были охвачены нескончаемыми конфликтами на национальной почве. Таким образом, даже если не рассматривать ситуацию с других позиций, один этот ракурс свидетельствует о том, что Австрия имела свой интерес в сохранении османской ситемы, которую она готова была защищать на дипломатическом уровне, так как был риск, что дезинтеграция Османской империи могла оказаться заразительной и дойти до Австрийского государства. Однако, помимо этого, будучи имперской державой, склонной к расширению, Австрия вынашивала планы относительно османских территорий. Решение Армянского вопроса посредством эффективной пропаганды реформ рассматривалось как метод, враждебный подобного рода колониальным притязаниям в том смысле, что реформы могли усилить Турцию и продлить жизнеспособность империи, одновременно улучшив положение армян. Выходом из ситуации, в основе которой лежал этот двойственный подход, могла стать эскалация турецко-армянского конфликта до тех пор, пока как турки, так и армяне не были бы истощены. Только в этом случае предоставилась бы возможность для того, чтобы имперские амбиции были заменены сомнительными инициативами по осуществлению гуманитарных интервенций. Согласно утверждению одного британского автора, “Австрия в большей степени, чем Россия, противилась идее давления на султана и в свою очередь дожидалась удобного момента, чтобы урвать османские земли”.¹⁶

Вполне возможно, что такой же позиции придерживался и граф Агенор Голучовский, министр иностранных дел Австрии с 1895 по 1906 г., который летом 1896 г., во время встречи в Вене с министром иностранных дел России князем Лобановым, согласился на принятие совместной декларации, в которой оба министра дали обоюдное обещание по возможности сохранить Турецкую империю. Во время массовых убийств 1894-96 гг., невзирая на масштаб трагедии, австрийский министр был против каких бы то ни было принуди-

тельных мер против султана. Вот некоторые из его комментариев, воспроизведенных сэром Эдмундом Монсоном, послом Великобритании в Вене с 1893 по 1896 гг., в его докладе, отправленном в Лондон 17 декабря 1895 г.:

Интервенция любого иного рода неизбежно приведет к дальнейшему раздроблению Османской империи... кроме проявления протестов [султану], державы не могут сделать ничего для армян.¹⁷

14 января 1896 г., когда массовые убийства продолжались с нарастающей силой, тот же министр иностранных дел Австрии, в частности, заявил:

Понятно, что при виде этой душераздирающей картины многие гуманные люди встают против бессилия Европы и желают, чтобы, *невзирая ни на какие последствия, некоторые державы или даже одна из них предприняли меры, чтобы положить конец истреблению несчастных армян. Однако практичные государственные деятели склонны рассматривать ситуацию с другой позиции.*¹⁸ [курсив добавлен]

Изменение роли России: суть армянского бедствия

Политика царской России в отношении армянского вопроса постепенно ужесточалась и в последние два десятилетия 19 столетия приобрела бескомпромиссный характер. С принятием этой позиции роль России, в течение предшествовавших пяти десятилетий постоянно подталкивавшей великие державы к принятию принципа гуманитарной интервенции, полностью изменилась, что привело к ужасающим последствиям для армян Османской империи. Принятие этой новой политики было продиктовано несколькими соображениями. Перед лицом “нигилистических” вызовов внутри страны российская династия Романовых стала проявлять некоторые признаки беспокойства, которое в разной степени разделялись и другими имперскими династиями Европы — такими, например, как Гогенцоллерны в Германии и Габсбурги-Лорейны в Австрии. Все они стали опасаться возможности внутренних недовольств, которые могли перерасти в восстание и потенциально привести к свержению их режимов.

Возникновение в Закавказье армянских революционных движений и их планы по освобождению своих собратьев в Османской империи от турецкого

ига рассматривались царскими властями как плохое предзнаменование. Частично эти опасения были вызваны и нависшим над восточной Турцией и западным Кавказом призраком будущей объединенной Армении, являвшим собой угрозу и для господства России. Предполагалось, что армянские реформы в Турции могли стимулировать этот процесс и наоборот – предотвращение этих реформ могло подлить масло в огонь турецко-армянского конфликта, таким образом, ослабляя не только армян, но и Турцию. Эта последняя перспектива соответствовала давнишним притязаниям России на определенные части турецкой территории. В результате Россия развернула серию дипломатических маневров и махинаций, по ходу сводя на нет усилия других держав, и в особенности Великобритании. В этом смысле рассмотрение условий возникновения и применения этого направления российской политики представляется обоснованным.

Основным сторонником этой политики являлся князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский. Его приход к власти совпал со смутным периодом, во время которого турецко-армянский конфликт усугубился, главным образом в результате расширения границ конфликта и его интернационализации. Лобанов был послом России в Вене (1882-1894) и был выдвинут на должность министра иностранных дел в 1895 г., прослужив в этой должности вплоть до своей смерти (30 августа 1896 г.). Не менее знаменателен и тот факт, что во время Берлинского конгресса 1878 г. он был послом России в Турции. Однако армянская политика Лобанова была более или менее предсказуемой, поскольку, как это часто бывает, представляла собой наследие, доставшееся ему от предшественников. Что особенно бросается в глаза в этом наследии, так это то, что разочарование, испытанное Россией на Балканах, оказало большое воздействие на ее последующую политику в отношении армян. По своим составным элементам национальные конфликты на Балканах во многом были соотносимы с теми, которые наличествовали в турецко-армянском конфликте. Отсюда и выводы, к которым пришли русские и которые были ими соответствующим образом экстраполированы. Разочарование же было обусловлено печальным исходом их многочисленных актов “гуманитарных интервенций” на Балканском полуострове. Действительно, с тех пор как Россия, встав на защиту балканских национальностей, оказала им существенную помощь в освобождении от турецкого господства, опьяняющий национализм балканских народов, вызванный последствиями этого освобождения, постепенно сводил на

нет все их ожидания. В результате некоторые российские государственные деятели и дипломаты начали всячески поносить эти проявления национализма, оценивая их как выражение черной неблагодарности. Следующий отрывок из сообщения, отправленного послом России в Великобритании бароном фон Бруновым царю Николаю I (1825-1855), в лаконичной форме представляет проблему: он советует своему монарху не ввязываться в войну с Турцией (Крымская война 1853-56 гг.), которая, по его мнению, может привести к расколу этой страны и новым проблемам для России. Вкратце представив проблему, он отмечает:

Результаты этой войны приведут к тому, что из руин Турции возникнут всевозможные новые государства, такие же неблагодарные, как Греция, такие же проблематичные, как дунайские княжества, и при таком порядке вещей соперничающие с нами Франция, Англия и Австрия будут противостоять, сопротивляться, противодействовать нашему влиянию больше, чем это было при оттоманах... Османская империя может быть трансформирована в независимые государства, которые станут для нас либо обременительными государствами-сателлитами, либо враждебными соседями.¹⁹

Такое отношение еще больше укоренилось в течение десятилетия после подписания Берлинского договора 1878 г., когда Болгария, которой Россия оказала решающую помощь в ее борьбе за автономию, ставшую, по сути, шагом на пути к достижению независимости, начала отстаивать свои права перед последней, протестуя против того, чтобы к ней относились как к колонии. В этот период российские офицеры и должностные лица, роem слетевшись в болгарскую столицу, превратили ее в российскую провинцию. Любая жалоба клеймилась как “неблагодарность”. Нарастающее недовольство, сопровождавшееся антироссийскими настроениями, привело к свержению режима в 1881 г. В ответ “на посты в министерствах внутренних дел, военного и юстиции были назначены русские генералы” которые получали приказы непосредственно от царя. Позже болгарские националисты создали новое выражение – “Болгария для болгар”. Таковы были условия, в которых возникла и кристаллизовалась болгарская “неблагодарность”.²⁰

Именно такое развитие событий побудило Россию отказаться от активного участия в коллективном применении принципа гуманитарной интервенции и, радикально изменив свою роль, перейти в позицию противника преследу-

емой державами политики навязывания Турции “армянских” реформ. Подлинным творцом этой политики являлся Николай Гирс, который с 1882 по 1895 гг. был министром иностранных дел России, то есть непосредственным предшественником Лобанова. Более того, в 1876-82 гг. Гирс был помощником князя Михаила Горчакова, российского канцлера (1870-72) и министра иностранных дел (1856-82). Гирс не отрицал, что армяне “были подвергнуты ужасному насилию со стороны мусульманского населения; с точки зрения гуманности, такое положение, истинность которого невозможно не признать, никого не может оставить равнодушным”. Несмотря на это, Россия была “далеко не готова к тому, чтобы поднять [souverain] Армянский вопрос”, даже учитывая тот факт, что положения Берлинского договора все еще оставались невыполненными. “У России, однако, нет в этом интереса, и поэтому она не сделает ничего для того, чтобы ускорить решение”. Несмотря на то, что города Карс и Батум представляли для России стратегический интерес, у нее не было “никакого намерения увеличивать свое армянское и мусульманское население”. Далее Гирс в лаконичных формулировках обрисовывал армянскую политику России:

У России нет никаких причин желать формирования второй Болгарии. Возникновение автономного армянского княжества чревато для России опасностью, что российские армяне будут стремиться стать его частью.²¹

Лобанов, который во время назначения Гирса министром иностранных дел сам был кандидатом на эту должность, сказал царю, что Гирс будет лучшим министром, поскольку имеет большой опыт, и достаточно хорошо знает условия, определявшие турецкую политику. В 1878 г. он сменил генерала Игнатьева на посту посла России в Турции — на посту, который он уже занимал в 1860-ые. После заключения Берлинского договора 1878 г. он, постоянно посещая султана Абдул-Гамида, сделал все, чтобы сблизиться с ним и отговорить от принятия реформ, выдвинутых положениями этого договора, а также поставить его в известность о зловещих, с его точки зрения, имперских планах Англии. Русские подозревали, что британские военные консулы, которые в этот период направлялись на службу в азиатские провинции Турции, выполняли задания военной разведки, направленные против России. Эта точка зрения была передана лично императору Германии Вильгельму I российским во-

енным министром Милютиным, который вместе с министром иностранных дел Гирсом и адъютантом царя генералом Адлербергом имел аудиенцию с императором 4 сентября 1879 г. по поводу встречи императора с царем Александром II в Александрово.

Российские усилия, направленные на агитацию против Англии и сближение с Турцией, дошли до своей кульминации, когда в Константинополе был заключен формальный и тайный договор между Россией и Турцией, а точнее — между царем и султаном. Во время устроенной послом Лобановым аудиенции осенью 1879 г. султан Абдул-Гамид принял генерала Обручева, главу генерального штаба России и представителя военного министра Милютина. Он прибыл в османскую столицу с конфиденциальным заданием от царя. Ни министр иностранных дел Турции, ни первый имперский переводчик не присутствовали на этой частной встрече. Как сообщается, в обмен на то, что Турция пошла на некоторые послабления и уступки военных позиций, включающие и передачу балканских коридоров, царь изъявил готовность защищать султана и его трон от внутренних и внешних агрессий, в том числе и от восстаний внутри страны.²²

Лобанов был не только преемником Гирса, но и его ближайшим другом. Какой бы ни была озабоченность России возможным появлением у ее южных границ новой Болгарии — искренней, притворной или лишь отчасти соответствовавшей действительности, она была успешно разыграна в годы пребывания Лобанова в должности министра иностранных дел России. Именно в этот период (1895-1896) жизнеспособность принципа гуманитарной интервенции, как нормативного правила в международных отношениях, была подвергнута болезненной проверке и — благодаря нарочитой непримиримости Лобанова — опровергнута посредством манипулятивной дипломатии, что и дало возможность Абдул-Гамиду в это же самое время без особых опасений начать на территории всей империи серию массовых убийств, которые будут описаны ниже. К примеру, в ходе переговоров по армянским реформам в критический период с марта по октябрь 1895 г. Лобанов дважды заявил сэру Френку Кавендишу Лассельсу, послу Британии в России, что его правительство не потерпит “еще одной Болгарии” в регионе, граничащем с югом России.²³ Более того, в ряде бесед Лобанов категорически отверг предложения британской стороны применить “принуждение” по отношению к султану,²⁴ после чего дал указание Нелидову, своему послу в Турции, сообщить о своей поддержке султану и

отказаться от участия в какой бы то ни было схеме, которая подразумевала бы враждебные действия по отношению к последнему.²⁵

Немецкие и французские дипломаты, разгадав истинное значение этих шагов и расценив их как серьезное препятствие для коллективного плана по силовому вмешательству держав, так и отрапортовали своим правительствам. Граф Хенкель фон Доннерсмарк, немецкий поверенный в османской столице, проинформировал своего канцлера в Берлине, что “Россия подрывает возможность воздействия британских предупреждений на Турцию” тем, что “тайно подстрекает [*geheime Ermunterung*] Турцию противиться этим предупреждениям”.²⁶ Князь фон Радолин, посол Германии в Санкт-Петербурге, также проинформировал Берлин, что “русские, делая вид, что сотрудничают с британцами, исподтишка [*unter der Hand*] поддерживают султана”.²⁷ Аналогичную точку зрения выразил и современный турецкий историк, заявив, что “Абдул-Гамид смог продвинуть свою армянскую политику благодаря закулисной [*el altindan*] поддержке царя”.²⁸ Именно в это время султан отверг предложенный державами проект майских реформ 1895 г. Спустя четыре месяца Радолин снова доложил в Берлин: “На показном и официальном уровне сотрудничая с Англией, российское правительство в то же время подавало султану тайные знаки, всевозможными способами обнадеживая его и убеждая не относиться серьезно к армянским реформам”.²⁹ Со своей стороны Заурма, посол Германии в Турции, также привлек внимание к секретным планам России в отношении Турции, как дополнительной причине “бросающегося в глаза равнодушия по отношению к зверствам, происходящим в настоящее время в азиатской Турции”. В этом “сверхсекретном” докладе Заурма высказал предположение, что “в настоящее время Россия затаилась, выжидая благоприятный и гарантирующий быстрый успех момент, чтобы предпринять неожиданную атаку против Турции. По этой причине Россия желает скорее истощения и разрушения Турции, чем улучшения ее положения посредством реформ”.³⁰

Августовская резня 1896 г. была последним звеном в цепи погромов, осуществленных в период с 1894 по 1896 гг. Освещая эти погромы в своих тогдашних докладах, представленных своим правительствам в Берлине, Лондоне и Франции, немецкие, французские и британские дипломаты безоговорочно возлагали вину на Лобанова. Его политика по отношению к армянам характеризуется как зловещая уловка, отражающая свойственную Лобанову бессердечность. Однако вся эта история не лишена иронии, которую стоит выде-

лить. По печальному повороту судьбы Лобанов стал последней жертвой упомянутого бессердечия. Нелидов, посол Лобанова в Константинополе, сказал французскому послу Камбону, что “Лобанов был убит вследствие недавних происшествий [резня августа 1896 г.] наподобие обычного армянина [типичной жертвы этой резни]. Он никогда не верил в реальность угрозы [погромов]. Еще совсем недавно он не воспринимал всерьез всю опасность ситуации, относительно которой я его предостерегал. В Вене, узнав о резне, он вдруг осознал [всю тяжесть ситуации], поняв что я сказал ему правду. Должно быть, он почувствовал свою ответственность и, должно быть, ощутил глубокое чувство раскаяния. Я уверен, что сразивший его удар случился именно по этой причине”.³¹

Это разоблачение относительно смерти Лобанова подтверждается дополнительными подробностями, предоставленными французским политологом Виктором Бераром, который, проведя на месте расследование содеянных зверств, осветил в своей объемной работе именно резню указанного периода. Согласно Берару, Лобанов накануне случившегося с ним удара, который, собственно, и убил его, бессердечно опровергал трагическую сущность имевшей место резни. Судя по сообщениям, добросердечный австрийский император Франц Иосиф I обратился к нему с целью “смягчить” (*attendir*) и склонить к согласию на “интервенцию” в защиту армян. “Однако он скончался внезапно в поезде, который вез его из Вены. Все записи канцелярии подробно описывают, что его неожиданная смерть наступила после того, как он раскрыл телеграфное донесение, которое извещало о разразившейся 26 августа 1896 г. резне”. Комментируя соперничество между Лобановым и Аното по Армянскому вопросу, Берар утверждает, что оба дипломата вели себя так, будто у них был личный интерес в том, чтобы защитить Абдул-Гамида и сохранить его режим. По мнению того же Берара, они в той или иной степени преуспели в этом, так как ни во Франции, ни в России общественное мнение не являлось фактором, с которым следовало считаться, как это было в случае с Англией. Согласно тому же автору, не менее знаменательным было и то, что эти двое мужчин разделяли глубокое чувство разочарования в некоторых народах, которые, став с помощью России и Франции свободными, впоследствии отплатили им неблагодарностью.³²

Дипломатическая корреспонденция, последовавшая сразу после смерти Лобанова, проливает свет на причины, обусловившие неспособность держав

предотвратить массовые убийства и наказать за преступление, совершенное против армян, и в то же время подчеркивает, что критическую роль в этом провале сыграла непримиримая позиция России. Уже через несколько часов после смерти Лобанова царь Николай II (1894-1917) сделал все, чтобы продемонстрировать свою солидарность с султаном, и сказал турецкому послу в Вене, что он не питает симпатии к армянам, “которые попытались сделать то же самое и на Кавказе”.³³ Во втором, более подробном докладе, составленном в тот же день послом Британии в России сэром Н.Р. О’Коннором, чрезвычайная важность англо-российского соглашения по поводу осуществления гуманитарной интервенции в очередной раз выдвигается в центр внимания. В настроении, “более искреннем, чем принято, когда дело касается политики”, заместитель министра иностранных дел России Шишкин признался ему, что во время встреч в Вене и Бреслау императоры России, Австрии и Германии пришли к соглашению относительно необходимости “как можно дольше сохранить существующий режим” в Турции, чтобы не допустить “серьезных политических осложнений”, которые могут возникнуть в случае если прибегнуть к “каким-либо насильственным изменениям”. О’Коннор призвал его не относиться к Великобритании с недоверием и во имя “гуманности и цивилизации” сотрудничать с ней, так как в случае, “если две страны” не объединят своих усилий, “зверства эти, по всей вероятности, будут продолжаться”. Кроме этого, он добавил, что “султан не сможет противостоять объединенному активному давлению России и Англии”. Шишкин возразил ему, заявив, что в прошлом Англия сама препятствовала усилиям России, направленным на разрешение Армянского вопроса, и что “всякий раз, когда Россия предпринимала попытку продвинуться, она обнаруживала, что Англия уже стояла на ее пути...”³⁴

Приверженность Франции России и напряжение между гуманизмом и оппортунизмом во французской внешней политике

Задолго до того, как другие державы получили возможность вмешиваться в проблемы Османской империи, Франция, как было отмечено выше, уже обосновалась в этом государстве как привилегированная держава, еще в 1535 г. получив от нее уступки в виде коммерческих, правовых и религиозных прерогатив. В результате французское влияние, в том числе и культурное, с течением времени стало доминирующим на всей территории османско-турецкого вла-

дычества. Самый важный вклад Франции в развитие Османской империи относится к раннему периоду правления Наполеона III, который, защищая турецкие национальные интересы, вступил в коалицию против России и впоследствии, т.е. в период Крымской войны 1853-1855 гг., ради спасения Турции принес в жертву значительные человеческие, материальные и денежные ресурсы. Но более важным является то, что Наполеон III сыграл основную роль в составлении условий будущего Парижского мирного договора (30 марта 1856 г.). Первоочередным среди этих условий было взятое державами обязательство защищать территориальную целостность Османской империи и восстановить ее границы в довоенных пределах (в ущерб России), а также взятое султаном обязательство провозгласить, что немусульманским подданным будет предоставлено равенство перед законом. Однако принятие Турцией в “европейский концерт”, достигнутое главным образом благодаря усилиям и настойчивости Наполеона III, превзошло все это по своей важности.

В беспокойный период правления Абдул-Гамида позиция Франции в Османской империи стала еще более доминирующей. Благодаря крупным и обширным инвестициям в национальную экономику этой империи, Франция получила доминирующую роль, затмив в этом отношении остальные державы. Согласно французскому послу Камбону, в период массовых убийств 1894-1896 гг. 70% османских ценных бумаг принадлежали Франции.³⁵ Фактически через четыре года после последней резни, осуществленной в связи с налетом на Османский банк (сентябрь 1896 г.), французская доля в османских задолженностях и их инвестиции в османскую торговлю и индустрию превосходила долю любой другой державы, составляя два миллиарда французских франков. Накануне Первой мировой войны эта цифра составила больше трех миллиардов.³⁶ Таким образом, во всем том, что касалось судьбы султана и его режима, ставки Франции были очень высоки. Одной только этой причины было достаточно, чтобы Франция желала сделать все возможное для сохранения статус-кво и всяческого противостояния любым попыткам изменить или модифицировать существующую османскую систему. Такая позиция предполагала, если и не прямое противодействие реформам, то по крайней мере, их неприятие. По наблюдению французского историка Рене Пинона, “реформированная, усиленная Турция, которая смогла бы стать самодовлеющей... положила бы конец прибыльным концессиям и жирным сделкам. Наставник, который извлекает большую выгоду от управления имуществом своего ученика, не желает ни его

смерти, ни его совершеннолетия, и если в нем есть хотя бы крупица порядочности, то он пытается видеть его здравствующим, но не взрослеющим”.³⁷ Развивая эту мысль, другой французский автор Виктор Берар, в большей степени осведомленный о подробностях массовых убийств, отмечает, что “Абдул-Гамид предоставил возможность Франции, ее финансистам, инженерам и подрядным организациям делать деньги. Он дал ее журналистам деньги и награды. И поэтому было необходимо предотвратить всякую возможность ослабления не только его империи, но и его абсолютизма”. Берар дошел до того, что обвинил свою страну в «заговоре молчания» перед лицом трагедии массовых убийств, особенно презрительно отзываясь о французской прессе:

Сколь бы невероятно, сколь бы низко, сколь бы отвратительно это ни звучало, однако страна, которая в 1860 поднялась против убийц в Сирии, которая на протяжении целого века похвалялась тем, что [защищая угнетенные народы] и сама испытывала боль, вызванную преступлениями против человечества, — страна эта проигнорировала армянскую проблему. Заговор молчания был, несомненно, оплачен турецким посольством — 17 французских газет получили субсидии, а французское правительство допустило это... На протяжении двух лет политикам удавалось делать свою работу среди крови и грязи, оставаясь безучастными к истреблению целого народа и к воплям страждущих³⁸.

Возникает вопрос: что же сделало французское правительство, а точнее — Министерство иностранных дел Франции? В период массовых убийств 1894–1896 гг. должность министра занимали два человека. Менее весомой из этих фигур был Марселин Бертелло, химик по специальности, профессор, член академии наук. Будучи на посту Министра иностранных дел Франции с ноября 1895 по апрель 1896, что совпало с развернувшейся серией массовых убийств, он более или менее следовал курсу Габриеля Аното (1853–1944), который не только был его предшественником, но и занимал эту должность после него, а именно: с 30 октября 1894 г. по 1895, и с 22 апреля 1896 г. по 1898 г. На двадцать шесть лет моложе Бертелло, Аното был более компетентен как с точки зрения дипломатического опыта и знания османских дел, так и в плане политической проницательности. Он был не только членом Французской Академии (*Académie Française*), но и плодовитым историком, создавшим весомые исторические труды, включая книги о Ришелье, Жанне д’Арк и современной Франции.

Политика Аното в отношении Турции и армян Турции была основана на сочетании национальных интересов и приоритетов, с одной стороны, и личных чувствах и верности Абдул-Гамиду — с другой. Свою головокружительную дипломатическую карьеру он начал совсем молодым человеком, когда, едва достигнув двадцати лет, был назначен на службу во французском посольстве в Константинополе сначала в качестве советника, а впоследствии — поверенного в делах. Успех Аното, “бесспорно, был обусловлен его несомненным умом, но еще и особой благосклонностью, которую на протяжении десяти лет Абдул-Гамид продолжал проявлять по отношению к нему”. Аното, в свою очередь, высоко ценил султана, был признателен ему, продолжая оставаться в плену его очарования, не мог заставить себя признать, что что-то или кто-то могут измениться за десять лет.³⁹ По словам одного из советников султана, Аното “сохранил уважение и восхищение по отношению к Абдул-Гамиду”.⁴⁰ Это одна из причин по которой Аното фактически игнорировал своего посла в Турции Камбона и на деле из Ке д’Орсе в далеком Париже проводил в высшей степени персонифицированную политику по отношению к Турции. В тот же период точно так же поступал со своим послом в Константинополе Нелидовым и российский министр иностранных дел Лобанов. Он, как и Аното, служил когда-то в османской столице и был предварительно знаком с султаном.

Умонастроение Аното во всей этой истории обнаружилось, когда едва ли не через месяц после ухода из власти он анонимно опубликовал в *Revue de Paris* статью, в которой со всей ясностью изложил свои представления и свою позицию. Выражая свое мнение по поводу массовых убийств в Турции, он, в частности, писал: “Позвольте мне быть откровенным. Я не могу заставить себя считать этот спектакль трагедией [*à prendre cet spectacle au tragique*]. Абдул-Гамид слишком внимателен и слишком предусмотрителен для того, чтобы позволить себе удивиться... Он проявил по отношению к своим подданным такие благородные качества, как отзывчивость, великодушие и беспристрастность... В конечном итоге, мы имеем дело всего лишь с еще одним из тысячи случаев борьбы между мусульманами и христианами... Если бы только этот кризис остался исключительно внутренним — именно этого должен желать весь мир... Весь мир должен желать того, чтобы власть султана проявила себя, и проявила самостоятельно”.⁴¹ И хотя в то время, когда Аното написал эту статью, еще не была известна вся масштабность и интенсивность резни на всей террито-

рии империи, природа и суть массовых убийств, имевших место как в Сасуне, так и во время первого Константинопольского погрома, нашли достаточное подтверждение и распространение по всему миру. Возможно, что Виктор Берар дал правильный диагноз проблеме. Аното не только находился далеко от сцен массовой резни, но и все еще был во власти того образа султана, который сформировался у него за десять лет до этого, что мешало ему брать в расчет возможность появления новых обстоятельств, равно как и возможное изменение отношения султана к армянам и, соответственно, к Армянскому вопросу.

Другой повод для того, чтобы Аното четко сформулировал и защитил свою политику, носил общественный характер и был вызван давлением группы парламентариев французской палаты депутатов во главе с Денисом Кошеном, который, благодаря своим личным отношениям с французским послом Камбоном, был в полной мере осведомлен о характере происходивших массовых убийств. При содействии двух других депутатов, Альбера де Мюна, рупора правых католиков, и Жана Жореса, представлявшего социалистическую партию, 3 ноября 1896 г. Кошен представил в Палате интерпелляцию, требуя от Аното объяснений относительно логического обоснования французской политики в отношении к армянской проблеме.⁴² В своей речи Кошен взывал к обязанностям Франции, “из которых первичными и самыми священными были: знать, как защитить слабых, встать на сторону угнетенных и пойти на жертвы во имя правосудия и свободы”. В ответ Аното еще раз привел аргумент, который сводился к тому, что “европейский концерт” должен работать с османским правительством, чтобы обеспечить благосостояние Османской империи, и что “прямое вмешательство” (*immixtion directe*) не будет разрешено. Он также настаивал на том, что предлагаемые реформы должны распространяться на все население империи, а не ограничиваться лишь теми территориями, которые по большей части населены армянами. Что касается угрозы принуждения, то Аното заявил, что он, возможно, рассмотрит такой вариант в том случае, если ситуация потребует прибегнуть к такого рода помощи. При поддержке в основном депутатов-центристов Аното в конце дня получил вотум доверия: 402 депутата проголосовали за и 90 — против.⁴³

Усилия оппозиционных депутатов привели в том числе и к тому, что министерство иностранных дел Франции вызвалось опубликовать французскую *Желтую Книгу*, которая, хоть и не полностью, однако содержала в себе доку-

менты французской дипломатической корреспонденции, относящейся к резне армян. Однако более значительным было то, что они смогли мобилизовать общественное мнение, представив 2 февраля 1897 г. вторую интерпелляцию, поддержанную также Александром Мильераном, который в последующие десятилетия занимал ряд министерских постов, включая должность военного министра в 1914-1915 гг., премьер-министра в 1920 и президента республики с 1920 по 1925 гг. В ходе второй интерпелляции депутат-социалист Жорес заявил: “Эти массовые убийства послужили причиной возрождения Восточного вопроса. Эти массовые убийства имели место, потому что вопрос об армянских реформах не преследовался с должной активностью. На протяжении трех лет, с 1894 по 1897 гг., французское правительство не отказывало себе в удовольствии театрализованных представлений с пустыми обещаниями, пустыми манифестациями, пустыми словами, пустыми угрозами, а за этой театральностью [была] реальность, в которой были угнетения, реальность, в которой происходила резня”.⁴⁴ Как отмечает Тернон, благодаря ряду публичных лекций, конференций, книг, статей и памфлетов, во Франции возникло движение, которое боролось за дело армян. Столпы этого движения были частью пантеона французских идеалистов, писателей, историков и публицистов, чья интеллектуальная смелость сочеталась с их патетической приверженностью тому, что почиталось ими как наивысшее проявление истины и справедливости. Среди них были такие просветители, как Пьер Кильяр, Анатоль Франс, Франсис де Пресенсэ, Анри Рошфор, Альбер Вандал, Виктор Берар, Бернар Лазар, Шарматан, де Мюн, Жан Жорес, Жюль Леметр, и будущий премьер Жорж Клемансо. С их помощью “Франция узнала о несчастьях Армении”.⁴⁵ Однако их предположение, что это открытие могло подтолкнуть Францию к изменению политического курса и тем самым способствовать улучшению положения армянских подданных султана, доказало свою несостоятельность. Ряд публичных лекций вышеперечисленных деятелей помогли разоблачить несправедливость и зверства, которые были учинены над армянами. Однако общественное мнение во Франции не являлось таким эффективным внешнеполитическим фактором, каким оно было в Англии. В дальнейшем ограниченные возможности подобного рода инициатив по разоблачению были подтверждены тем действенным контролем, какой имели стандарты французской *Realpolitik*, применяемые в отношении Турции, где специфические интересы, и в особенности экономические, имели если не наивысшее, то во всяком случае

преобладающее значение. Таким образом, напряжение между многоречивым идеализмом французских интеллектуалов и немногословным прагматизмом архитекторов французской внешней политики сохранялось до конца правления Абдул-Гамида.

Сага о французском после-диссиденте

И все же был еще один француз, непонаслышке, во всей широте и глубине не знавший о тяжелых испытаниях Армении. Его роль в общей попытке действенным образом положить конец этим тяжким испытаниям выступает как памятник триумфа человеческого достоинства в атмосфере бессердечия и оппортунизма. Будучи ветераном дипломатии, представлявшим Францию в Турции в судьбоносный период с 1891 по 1898 гг., Поль Камбон (1843-1924) хоть и тщетно, но мужественно пытался изменить курс французской политики в отношении Турции в связи с вопросом армянских реформ. Рискуя навлечь на себя недовольство своего начальства в Ке д'Орсе и, возможно, лишиться занимаемого им поста в османской столице, Камбон упорно продолжал попытки убедить свое министерство иностранных дел, что массовые убийства, имевшие целью истребление армян, были чудовищным преступлением, которое не должны были стерпеть великие державы и уж точно не должна была допустить Франция. В его отношениях с султаном, которые сводились к нескольким личным аудиенциям, продолжавшимся 2-3 часа, преобладало ощущение недовольства и душевного истощения. Действуя на пределе своих посольских полномочий, он предупреждал Абдул-Гамида о тяжелых последствиях массовых убийств, которые могли подвергнуть опасности его трон и режим. Он делал все от него зависящее, чтобы организовывать встречи и консультации с другими послами и прийти к соглашению, которое требовалось для того, чтобы начать согласованные действия против султана.

Учитывая значимость столь редкостной верности принципу гуманитарной интервенции со стороны посла, который действовал в условиях достаточно жестких ограничений, по всей вероятности, нелишне будет обсудить наиболее примечательные особенности его инакомыслия. Ниже приводятся эти характерные особенности, которые могут быть отнесены к четырем категориям. Камбон чувствовал, что отсутствие освещения во французской прессе ужасающих фактов массовых убийств, сопровождавшееся молчанием редакторов

французских газет, способствовало тому, чтобы держать французскую общественность в неведении. Подобно Берару и другим, он осуждал сложившуюся ситуацию, характеризуя ее как заговор молчания, что, по его словам, позволяло правительству как ни в чем не бывало продолжать деловые отношения с османским правительством, тем самым косвенно поощряя его в политике массовых убийств армян. В письмах своей матери от 15 февраля, а также от 3 и 10 октября 1895 г. он критиковал “неизменное безразличие французской прессы”, которая довольствовалась тем, что “публиковала коммюнике, распространяемые османским посольством в Париже”, и “восхваляя [благие] намерения султана”.⁴⁶ В другом письме Камбон дает прогноз на 1896 г., предвещая, что произойдут новые акты “убийств, сожжений и грабежа, и французские газеты будут жалеть бедных турок”.⁴⁷ Именно с этим чувством горечи 12 декабря 1895 г. Камбон направил свой гнев на *Journal de Débats*, а точнее — на его редакторов Жюля Диетца и Френсиса Шарма, которые “могут закрывать свои глаза на каждодневные ужасы, свидетелями которых мы являемся.” Они могут считать, что “смерть 50 000 или даже 100 000 армян, чьи тела разбросаны по территории всей Малой Азии, не стоят жизни ни одного французского солдата. Однако люди по меньшей мере должны знать о реальных фактах. Габриель Шарм содрогнулся бы в своей могиле узнав о молчании *Débats*”.⁴⁸ Однако в это же время Аното в своей вышеназванной статье наказывал французским редакторам и другим служащим газет “быть бдительными, чтобы пресса не распространила тревожные новости [о массовых убийствах].”⁴⁹ Последним залпом Камбона против французской прессы были его следующие обвинения: “Из всего этого следует, что наша пресса самая безнравственная пресса в мире”.⁵⁰ Будучи в циничном настроении, Камбон предположил, что когда придет время и “мелкие французские акционеры увидят, что их османские дивиденды находятся под угрозой, тогда мы, вне всякого сомнения, станем свидетелями того, как филантропия дает ростки в их сердцах”.⁵¹

Еще более резкой была критика Камбона, направленная против его собственного правительства, а точнее — против тех, кто разрабатывал его внешнюю политику. “Я прихожу в ярость, когда вижу, что при любой представленной нам возможности сыграть решающую роль у нашего правительства не находится ни единой идеи относительно внешней политики”.⁵² Определив источник этой нерешительности, Камбон в ряде выступлений протестует против нее, считая ее источником пагубного влияния на французскую внешнюю

политику, искажая ее и уводя с пути, более соответствующего французским национальным интересам. Этим источником была Россия и, в частности Лобанов — архитектор ее внешней политики. В довольно пространной сводке, написанной 16 декабря 1896 г. в форме письма своему сыну Анри, Камбон наметил и выдвинул аргументы против тогдашнего курса французской внешней политики, жестко критикуя доминирующую роль России. Поводом для этого разоблачения послужила лекция, которую собирался провести французский академик Альбер Вандал с целью “осведомления французского общественно-го мнения о массовых убийствах армян”. Анри, сын Камбона, был студентом профессора Вандала, и последний, будучи в курсе деликатного вопроса, касавшегося продвижения идеи об оказании давления на Турцию, вопреки желаниям союзной России, хотел проконсультироваться с отцом своего студента, послом.

Прежде чем дать свой совет, Камбон начал с диагноза того, что он считал проблематичным в союзе с Россией с точки зрения как его истоков, так и текущего применения. Французские должностные лица, задействованные в этой сфере, “к сожалению, никогда не понимали, что для того, чтобы восприниматься [союзником] всерьез, в первую очередь необходимо оставаться верным самому себе...” Он объяснил, что союз — это двухстороннее дело и что в случае с Францией, оснащенной внушительной армией и имеющей накопленный исторический опыт, у них были все права на то, чтобы строить свои отношения с царем, как с равноправным партнером. Он пожаловался, что с самого начала создания этого союза “наши мужи взяли на себя роль подчиненных. Они считали, что для того, чтобы получить что-то, им было необходимо сдасться”. Далее он привел пример Могренхайма, российского посла в Париже, который, по рассказам, напомнил французским дипломатам: “Вы предложили нам все, однако мы вам ничего не обещали”. Камбон считал такое отношение сутью проблемы союза с Россией. В своем объяснении обстоятельств, при которых Франция начала искать союза с Россией, Камбон в качестве причины особо подчеркнул неиссякаемое желание французских дипломатов быть в подчинении у России. Он полагал, что инициатором этого союза стал Наполеон III, который высоко ценил антипатию царя к Германии, той Германии, которая самого Наполеона приводила в негодование. Возвращаясь к обсуждаемому вопросу и к переживаниям, связанным с Армянским вопросом, Камбон подчеркнул, что, в отличие от России, французские интересы в этом воп-

росе “предельно ясны”. Он утверждал, что французское правительство, в силу своего положения, должно было предвидеть массовые убийства и, следовательно, должно было предупредить своих друзей, заставить их понять, в каком направлении развивались события и вовлечь их в обсуждение, которое убедило бы их в наличии обоюдных интересов. “Однако, когда русские закрыли глаза [на массовые убийства], мы тоже закрыли свои глаза, полагая, что, сохраняя молчание, сможем отогнать вопросы, которые могли возникнуть. Сегодня эти вопросы важны как никогда и неотложны, но у нас нет больше свободы действий”.

Он предпочитал другой план действий, “которому постарался, до некоторой степени преуспев в этом, положить начало; план действий, который, однако, не получил своего продолжения и который слишком поздно возобновлять”. Этот план, по его словам, предполагал сближение держав при посредничестве Франции. Франция была в идеальной позиции для того, “чтобы внушить доверие всем и таким образом, осуществить арбитраж высочайшего уровня”. Однако, не зная обо всех существующих возможностях, “вместо того, чтобы ставить себя рядом или даже впереди, наши министры поставили себя позади русских”. Учитывая крайнюю чувствительность русских, профессор Вандал должен был провести лекцию для французской общественности в такой форме, чтобы не выказать какой-либо враждебности в отношении союза с Россией и не испугать аудиторию. Он должен был “произвести впечатление на русских, не вызывая их недовольства. Этот последний момент является самым деликатным, так как русский целиком и полностью состоит из воображения и нервов... движущий им национальный эгоизм намного воинственнее английского. Работать с ним нужно в резиновых перчатках, словно это динамит”.³³ Иначе говоря, все бремя вины за массовые убийства армян Камбон взваливает на российского министра иностранных дел Лобанова, сыгравшего в этом вопросе доминирующую и бескомпромиссную роль властолюбца, который, по мнению Камбона, фактически диктовал условия французской политики. “Он обладал *“une attraction dominante”* над Аното, и больше чем кто-либо был ответственен за истинное положение дел в Турции”. Узнав о смерти Лобанова, он написал своей матери. “Я не сожалею о нем”.³⁴

Обсуждая Армянский вопрос в одном из своих сообщений Аното, Камбон открыто заявил, что вопрос этот “...трансформировался и на данный момент требует применения Берлинского договора, и Европа будет вынуждена выйти

на сцену”. И далее добавил, что Солсбери “и в особенности Лобанов”, взяв на себя ответственность за ведение прямых переговоров с султаном, еще больше усугубили проблемы. Если бы эти двое позволили своим послам самим разобраться с этим вопросом, “мы смогли бы заставить султана принять адекватный план по реформам”.⁵⁵ Намек, содержащийся в этой ремарке, адресован самому Аното с тем, чтобы тот позволил Камбону работать по проблеме армянских реформ в переговорах как с державами, так и с султаном, поскольку Аното, как Лобанов и Солсбери, в то время установил полный и единоличный контроль над этим вопросом.⁵⁶ В другом письме он призывает Аното избавиться от влияния Лобанова на французскую политику по вопросу армянских реформ. “Если бы в прошлом году державы выполнили свои обязанности как цивилизованные нации и если бы князь Лобанов поверил в реальность тех явлений, по поводу которых он был осведомлен своим послом, — говорил Камбон, — тогда бы массовые убийства армян, происходившие на тот момент на улицах османской столицы, не имели бы место”. Где-то в другом месте того же личного письма своему министру иностранных дел Камбон добавил: “В настоящий момент султан уверен в нашей недееспособности. Я никогда не видел его столь спокойным и настолько владеющим собой... Теперь он знает, что может сделать все, и он сделал”.⁵⁷

Влияние, если не сказать контроль Лобанова над Аното в этом отношении отчасти документировано и в британской дипломатической корреспонденции. 3 июля 1895 г. маркиз Дюферен, посол Англии во Франции, проинформировал Лондон, что Аното, желая разрядить напряженную ситуацию вокруг Армянского вопроса, стремился к достижению соглашения между тремя державами — Англией, Францией и Россией, чтобы принудить султана пойти на уступки.⁵⁸ Однако в ответ Лобанов поднял свой голос и запретил заходить слишком далеко, принудив французское правительство пойти на попятный.⁵⁹ В двух личных письмах отправленных Аното сразу после кончины Лобанова, Камбон оспаривал репутацию Лобанова как государственного деятеля. “Он был всего лишь дипломатом, умным человеком, который знал, как выпутаться из текущей неудобной ситуации, однако лишенный дальновидения и чувства великодушия... его политика в отношении к армянам скомпрометировала себя, создав для нас непреодолимые препятствия. И поэтому избавьтесь от наследия Лобанова относительно вопросов, связанных с Востоком”. Новый, молодой царь Николай II должен был посетить Париж в октябре 1896 г., и Камбон

призвал Аното воспользоваться этой возможностью и убедить его и нового министра иностранных дел Шишкина, что, если не будет найдено решение, произойдет бедствие больших масштабов. “Если император [царь] хочет избежать приключений и сюрпризов, он не должен сидеть сложа руки; необходимо действовать, и единственным механизмом для этого может стать соглашение”. Далее Камбон разъясняет условия такого соглашения:

До сведения султана доведут, что державы пришли к соглашению в конце концов осуществить интервенцию, однако ему не будет сказано, когда и как именно. В то же время в бухту Безики на несколько дней будут отправлены несколько крейсеров, чтобы придать весомость этому заявлению. Этого действия будет достаточно, чтобы султан стал рассудительнее.⁶⁰

В одном из этих писем Камбон подчеркивал важность того, что султан полагался на свое предчувствие, которое подсказывало ему, что Европа будет бездействовать. 29 октября он развил эту точку зрения:

Я всегда утверждал, что наши трудности проистекают из того факта, что султан не был убежден в реальности “европейского концерта”. Давайте признаем, что он был прав. Наше согласие было чистой воды фикцией, и все наши демарши с самого начала были обречены на бесплодность... Отказываясь признать тот факт, что все зло было результатом дурного правления султана, российское правительство на протяжении более чем одного года постоянно поощряло последнего в его сопротивлении советам Европы.⁶¹

Анализируя проблемы французской политики в отношении Турции, Камбон в конце концов сконцентрировался на двух исторических вопросах, лежащих в ее основе. Во-первых, он подчеркнул наличие базовых культурных различий. Что касается его собственного мнения, то он считал, что “турки столь же фанатичны, сколь жестоки. Это народ, который и сейчас столь же далек от нас, сколь в то время, когда они вошли в Константинополь [1453 г.]. То, что они сотворили с армянами, ужасно”. С этой точки зрения, он резко критиковал историческую инициативу Франции, продвигавшей идею принятия Турции в “европейский концерт”. В особенности он поносил Наполеона III, стоявшего за этой инициативой, начало которой было положено после Крымской

войны. Такая же критика прослеживается в словах лорда Солсбери, который горестно причитал, что они “поставили деньги не на ту лошадь”. На протяжении всей своей жизни Солсбери постоянно доводил до всеобщего сведения, что разочарован в очередном турецком правительстве, интересы которого Англия, как и Франция, защищала от посягательств России как в сражениях Крымской войны, так и в Берлинском конгрессе. Камбон тоже чувствовал, что Наполеон составил ошибочное суждение о ситуации: “То, что он запутал ситуацию после Крымской войны, приняв Турцию в «европейский концерт», являлась далеко не наименьшей из всех совершенных им ошибок”. Тем не менее, Камбон был приверженцем политики Франции, в “интересах которой сохранить Турцию, однако не обязательно при этом становиться жертвами обмана; можно оставаться друзьями, не впадая в иллюзии”.⁶² Несмотря на длительные усилия, Камбон, конечно же, не смог найти решения Армянскому вопросу. Абдул-Гамид продолжал беспрепятственно править. Вместо реформ армяне получили сильнейший удар – серии массовых убийств. Более того, за этим не последовало никакого наказания в той или иной форме или в том или ином размере. Частично провал Камбона был обусловлен тем, что ему не удалось одержать верх над французским министерством иностранных дел в вопросе изменения французской внешней политики в отношении Турции и других держав, подписавших Берлинский договор. Несмотря на давление Парижа, Камбон имел в османской столице существенную свободу маневрирования, которую он успешно использовал, равно как и свою посольскую позицию, которая служила ему в качестве инструмента и рычага воздействия. За исключением разве что коллег из британского посольства, в особенности Кюри и его заместителя Герберта, Камбон был, пожалуй, единственным, кто отправлял своему правительству в Париж беспрецедентные по своей откровенности “пугающие” (*epouvantable*) сообщения о фактах массовых убийств, имевших место в период с 1894 по 1896 гг. На самом деле, он сделал все от него зависящее, чтобы показать страдания армян, тогда как мог, подобно многим другим послам, спокойно проводить политику своего правительства, которое всячески попустительствовало султану Абдул-Гамиду. Отказавшись от чреватого отставкой прямого противостояния этой политике, он предпочел остаться на своей должности, чтобы иметь возможность поиска альтернативных политических курсов посредством того, что можно было бы назвать убеждением через разубеждение. Эта деятельность осуществлялась в пределах маргиналь-

ной дипломатии, которая, давая возможность избегать полного отождествления с превалирующими диаметрально противоположными политическими курсами и позициями, принятыми другими державами, позволяла концентрироваться на выдвигаемых ими предложениях и схемах. Идея состояла в том, чтобы убедить свое правительство и те державы, которые были более или менее склонны к тому, чтобы прийти к соглашению, в жизнеспособности новых промежуточных средств по урегулированию обсуждаемого кризиса. Успех на этом уровне, возможно, убедил бы султана отказаться от выбранной им политики истребления приносимого в жертву населения. Это было созвучно с зарождавшимся принципом гуманитарной интервенции, в контексте которого и следует рассматривать сагу о диссидентской дипломатии Камбона.

Немецкая политика, отвергающая как гуманитаризм, так и интервенцию.

Условия в которых другие державы, в особенности Франция, Россия и Англия, развили идею гуманитарной интервенции и в конечном итоге отождествились с ней, не были характерны для Германии. Затянувшиеся внутренние беспорядки препятствовали процессу объединения Германии и откладывали формирование объединенного германского государства. Сонм всевозможных князей и особенно герцогов великих герцогств Баварии, Саксонии, Швабии, Франконии, Тюрингии продолжали отстаивать свои права перед официальным центральным правителем, каковым являлся Рудольф I, граф Габсбургский, ставший после 1273 г. императором Габсбургским. Движение Реформации 15 века в немалой степени способствовало усугублению раскола между католическим и протестантским направлениями. Эти расколы истощили Германию в ходе Тридцатилетней войны (1618-1648), которая еще больше обострилась после вступления в нее таких стран как Испания, Франция, Дания, Швеция и Англия. Последующий Вестфальский мир 1648 г. способствовал созданию новой Германии, которая тем не менее оставалась раздробленной по причине входивших в ее состав государств, из которых Пруссия, Саксония и Бавария выступали как основные центры не вполне сформировавшейся Германской конфедерации. Данная система оформилась в ходе Венского конгресса (1815), образовав 39 государств, 35 из которых были монархиями и 4 – вольными городами. Австро-прусская война 1866 г. привела к распаду Герма-

нии и образованию Северной Германской Конфедерации во главе с Пруссией. Если быть кратким, то Германия медленно тащилась за остальными державами в плане достижения статуса большой колониальной державы, склонной к таким имперским претензиям, которые в случае с другими державами, чаще переплетались с принципом гуманитарной интервенции.

Возникновение Армянского вопроса более или менее совпадает с процессом объединения Германии. Знаменательно что, архитектор объединения Германии является и тем человеком, который заложил основы относительно устойчивой политики Германии по отношению к этому вопросу. Действительно, именно Бисмарк, воспитанный в духе традиций прусских юнкеров, поднялся до ранга премьера в правительстве Германской Конфедерации и неуклонно вел к объединению Германии под эгидой Пруссии. Ускорив войну с Австрией в 1866 г. и выйдя из нее победителем через семь недель сражений, Бисмарк сделал первый решительный шаг к объединению, реорганизовав ее под началом Пруссии. После этого, форсировав франко-прусскую войну 1870-71 гг., Бисмарк благополучно ввел государства Южной Германии в орбиту возглавляемой Пруссией Германской Конфедерации, военное вторжение которой во Францию завершилось поражением последней, и в 1871, в год победы, был провозглашен первый германский рейх, первым канцлером которого стал Бисмарк.

В процессе формирования восточной политики Германии Бисмарк оставил неизгладимый след в плане как заложения основ, так и определения направленности этой политики. Основное положение этой зарождающейся политики заключалось в том, чтобы избежать всех запутанных вопросов, связанных с конфликтами на Востоке, в особенности с балканцами и армянами Турции, так как Бисмарк решил, что у Германии не было каких-либо интересов в тех краях и народах, к которым это относилось. Таким образом, он пришел к заключению, что Германия не видит необходимости осуществления интервенции, и не имеет мотивов поддержать идеалы гуманитарности. Что особенно выделяется в столь четкой формулировке этой политики, так это ее жестокая откровенность. Комментируя повстанческие войны против турецких оккупантов в Боснии и Герцеговине, Бисмарк в своей речи 1875 г. возразил против общей тенденции «европейского концерта» по осуществлению вмешательства. Его аргумент состоял в том, что «во всем этом не было ничего, в чем у Германии мог быть интерес...» Далее он произнес свое известное изречение (ко-

торое в дальнейшем служило указателем и обоснованием для многих государственных деятелей и дипломатов Германии, в том числе и для императора Вильгельма II). а именно, что все это, «прошу простить за резкость выражения, не стоит костей даже одного померанского гренадера [историческая прусская провинция]. Я имел в виду, что мы должны быть более бережливы в отношении крови наших сограждан, и не растратчивать ее ради своевольной политики [к принятию и разработке которой] нас не принуждает ни один германский интерес». ⁶³ 11 января 1877 г. он повторил основную суть этого кредо, сетуя на то, что первоначальное заявление очень часто используется неправильно и неточно. «Восточный вопрос в целом не дает нам [достаточного] основания для того, чтобы мы [вступили] в войну». ⁶⁴

Через определенное время Бисмарк, не колеблясь применил этот принцип к германскому методу разрешения возникшего Армянского вопроса, в то же время призывая другие державы принять ту же позицию. Случай представился, когда провал Турции в выполнении условий 61 статьи Берлинского договора 1878 г., предполагающих армянские реформы, вызвал дипломатический кризис. Бисмарк гордился тем фактом, что именно он председательствовал на этом конгрессе, так как выполнял роль, как он сам выразился «честного маклера» (*eines ehrlichen Maklers*). ⁶⁵ Однако 17 мая 1883 г. он счел уместным уменьшить значимость этой статьи и ее условий, которые имели целью эффективным образом представить

так называемые «армянские реформы» [которые, по мнению Бисмарка были] идеалистическими и теоретическими усилиями, составлявшими декоративную часть [Берлинского] конгресса. Их практическая значимость представляет весьма сомнительную ценность и для армян является [палкой] о двух концах... Я не могу присоединиться к лорду Дафферину [британский посол в Турции] в политике, которая приносит в жертву свои практические цели временному филантропическому ореолу. ⁶⁶

За день до этого, 16 мая, Бисмарк сказал британскому послу в Берлине, лорду Эмтилу (Одо Рассел), что беспокойство держав о благосостоянии поданных султана «являлось филантропией, и что он [Бисмарк] ненавидел филантропию в политике». Затем Бисмарк заявил, что его основным беспокойством была «маячащая вдали новая опасность в виде союза между Болгарией, Сербией, Черногорией и Грецией» против Турции. И поэтому он предпочита-

ет помочь султану подготовиться к самозащите.⁶⁷

Будучи проинформированным о политике Бисмарка, которая заключалась в намеренном умалении 61 статьи, британский министр иностранных дел Гренвиль за два года до этого приказал послу в Константинополе Гошену прекратить заниматься Армянским вопросом “по причине возражений, выдвнутых германским правительством”. После того как Бисмарк, таким образом, на более чем десятилетний срок предотвратил дальнейшее рассмотрение Армянского вопроса державами, кайзер Вильгельм II 22 ноября 1895 г. ратифицировал бисмарковское решение по армянским реформам, заявив: “Берлинский конгресс был ошибкой и что он повлек за собой серьезные последствия. Я никогда не соглашусь на созыв еще одного”. За день до этого в разговоре со своей супругой, королевой, кайзер сказал, что “Берлинский конгресс не предлагает абсолютно никакой защиты христианам и не препятствует тому, чтобы турки продолжали отрубать им головы”.

Интернационализация турецко-армянского конфликта в Берлине возымела свое действие на связанный с ним Армянский вопрос, который вторгся в гущу развивавшихся дипломатических отношений в Европе. Подобно многим другим государственным деятелям и дипломатам, Бисмарк продолжал рассматривать Армянский вопрос в контексте как уже существующих, так и ожидаемых более широких проблем, которые могли затронуть идентифицированные им национальные интересы Германии. В течение десятилетия после провозглашения объединенной Германии основной заботой Бисмарка была безопасность и сохранение созданного им первого *das Deutsche Reich*. Его озабоченность вызывало ожидание того, что Франция предпримет определенные шаги, чтобы отомстить за нанесенное ей поражение в 1871 г. Леон Гамбетта, который смело сражался против прусских военных сил и организовывал правительство национальной обороны, чтобы изгнать немцев с оккупированных территорий, продолжал призывать своих сограждан с решимостью отнестись к рассмотрению условий, при которых Франция в будущем нанесет контрудар Германии, не говоря об этом открыто (*N'en parler jamais, у penser toujours*).

Бисмарк, в свою очередь, продолжал плести сеть альянсов безопасности, в значительной степени основываясь на принципе постоянного согласия между императорами России, Австрии и Германии. Одна из таких сделок завершилась тем, что Россия уступила желанию Австрии в удобный момент присоединить Боснию и Герцоговину (15 января 1877 г., Райхштадт). В ответ на

это Австрия согласилась соблюдать нейтралитет во время ожидаемой русско-турецкой войны 1877-78 гг. Более того, в 1870 г. Германия поддержала Россию, когда та аннулировала черноморские статьи Парижского договора (1856 г.), квалифицировав их как “чрезмерно ограничивающие и неестественные” и даже “унизительные” для такой черноморской державы, каковой являлась Россия. В свою очередь Россия, которая со своей стороны сохранила нейтралитет в ходе франко-прусской войны, поддержав тем самым Германию, нуждалась в некоторой защите от австрийской политики на Балканах, которую ей давал союз с Германией.

Несмотря на все эти соглашения, российская обида на Бисмарка, которая предавалась гласности через российскую прессу, затянулась надолго. Фактически Берлинский конгресс отказал России в праве пожинать плоды своей победы над Турцией в ходе русско-турецкой войны. И несмотря на то, что ответственность за такой исход несли в основном Англия и частично Австрия, русские продолжали обвинять Бисмарка в том, что он не смог защитить российские интересы на конгрессе, и, соответственно, в неблагодарности, учитывая поддержку, в прошлом оказанную Россией Германии. В ответ на это 14 декабря 1886 г. Бисмарк с горечью пожаловался на то, что “вследствие Берлинского конгресса антигерманские настроения в России достигли такой степени враждебности, какой не было за последние 100 лет”.⁷¹ Однако в том же документе Бисмарк утверждал, что на конгрессе он не мог представить себе какого-либо предложения или желания высказанного русскими, в защиту которого он не выступил бы (*eingetreten*) и которое он не смог бы «успешно протолкнуть» (*siegreich durchgeführt*).⁷² В своей знаменитой речи, произнесенной в Рейхстаге приблизительно через год, он продолжил эту мысль, заявив, что на Конгрессе он настолько вошел в роль еще одного российского делегата, защищавшего российские интересы, что к окончанию конгресса думал, что ему воздадут должное, наградив высшим российским орденом, украшенным бриллиантами. В той же манере он открыто заявил, что князь Горчаков, полномочный представитель России на Конгрессе, являвшийся в то же время министром иностранных дел России, на протяжении всего процесса был непригоден и неэффективен и что ни одно «желание России», которое Бисмарк с радостью «поддержал и провел бы», не было ему представлено. В заключение Бисмарк сказал, что Горчаков не сумел защитить интересы России должным образом – так, как это сделал его заместитель Шувалов, посол России в Берлине.⁷³

В той мере, в какой факты, содержащиеся в описаниях Бисмарка, могут претендовать на точность, они представляются чрезвычайно важными, особенно если связать их с постоянным усугублением положения армянского народа, приведшим в конце концов к катастрофе, которая завершилась его уничтожением на территории Турции. Основной причиной этого являлась провалившаяся попытка России настоять в Берлине на сохранении условий 16 статьи Сан-Стефанского договора (3 марта 1878 г.), которые предписывали, что выход российских оккупационных войск из восточных провинций Турции будет обусловлен одним единственным фактом: не формальным — лишь провозглашением реформ, которые Турция, согласно статье 16 Сан-Стефанского договора, обязалась провести в «Армении», а их реальным осуществлением. В Берлине, заменив статью 16 статьей 61, державы не только принудили Россию преждевременно покинуть провинции, завоеванные ею в ходе войны, но и фактически в осуществлении реформ положились лишь на проявление доброй воли со стороны турецких властей. Тем самым на будущее армян Турции легла темная тень, так как эти решения позволили непреклонному и дерзкому правителю Абдул-Гамиду попытаться подменить изначальную цель по реформированию провинциальной администрации на деформирование населения, в защиту которого эти реформы и планировались. Несмотря на укоренившееся враждебное отношение русских к Бисмарку, он некоторое время продолжал поддерживать Россию в ее стремлениях и как-то выразил глубокое сожаление по поводу того, что к концу своей военной победы над Турцией в 1878 г. Россия «упустила (*versäumt*) возможность оккупировать Константинополь и проливы». ⁷⁴

В результате некоторых расхождений с Бисмарком по поводу дальнейшей политики в отношении России — например, когда в 1888 г. в Рейхстаге Бисмарк дерзко провозгласил: «Мы, немцы, боимся лишь Бога и ничего более во всем мире», в первую очередь имея в виду Россию, — а также в результате других разногласий, император Вильгельм II, которому в ту пору было всего 30 лет, 18 марта 1890 г. заставил Бисмарка подать в отставку. Желая единолично править Германией и самому проводить ее внешнюю политику, в том числе и в отношении схожих Восточного и Армянского вопросов, молодой император постепенно отказался от завещанной Бисмарком позиции незаинтересованности в этих вопросах. Последнее десятилетие 19 столетия ознаменовалось его повышенным интересом к турецким делам. Эта новая направленность внешней политики Германии отчасти была обусловлена хитроумной уловкой

императора воспользоваться тем, что султан Абдул-Гамид отдалился от большинства держав «европейского концерта», представители которых принуждали Турцию принять схему реформ в провинциях в рамках применения концепции гуманитарной интервенции, которую сам император в основном не одобрял. Германия, которая по сравнению с другими державами, отождествляемыми с традицией имперских завоеваний и новыми аппетитами, связанными с дальнейшим расширением, не считалась колониальной державой, была вне подозрения турецких властей. ⁷⁵ В результате, Вильгельм II дал толчок активизации экономических проектов Германии в Турции, имея целью проникнуть в нее через коммерческую и индустриальную сферы. Отчасти, чтобы досадить державам, в особенности Англии и Франции, султан сделал все от него зависящее, чтобы облегчить это проникновение. Примером этому может служить проект по строительству Багдадской железной дороги. Весь процесс был решительным образом ускорен благодаря двум поездкам императора в Турцию в 1889 и 1898 гг.

Таковы были обстоятельства, на фоне которых надлежит изучать и оценивать реакцию Германии на массовые убийства армян в эпоху Абдул-Гамида. Один аспект этого отношения следует особо выделить. Реакция была такой, что шансы султана и его преступной группы на безнаказанность увеличились. Таким образом, авторы массовых убийств убедились в их допустимости. Столь же важным представляется и унифицированное отношение германских дипломатов, которое, будучи контролируемым императором, предзнаменовало почти идентичный ответ Германии в связи с осуществлением во время Первой мировой войны геноцида армян. В связи с этим германский монарх представляется в качестве функционального звена, связующего два эпизода организованных массовых убийств. Поль Рорбах, один из видных сторонников германской колониальной экспансии в Турции и на Ближнем Востоке, объясняет широкий масштаб массовых убийств периода 1894–96 гг. «чрезмерным туркофильством Германии». ⁷⁶ И хотя определенные группы в Германии заявляли свой протест и глубокое возмущение по поводу массовых убийств и политики германского правительства, последнее все так же невозмутимо продолжало потакать султану через своего посла Маршала фон Биберштайна, который в то время вместе с императором разрабатывал новую политику Германии в отношении Турции, между делом извлекая пользу в виде щедрой благодарности султана Абдул-Гамида. Удовольствие, испытываемое немцами по поводу помпез-

ности и церемонности, сопровождавших второй визит Вильгельма II в Турцию в 1898 г., т.е. всего лишь через два года после массовых убийств на территории всей империи, когда оцепеневшая Европа все еще с ненавистью предавала их автора, «красного султана», анафеме, являлось своего рода индульгенцией со стороны Германии, свидетельствовавшей о том, что она готова была сквозь пальцы смотреть на бойню подвластного народа. За эту индульгенцию император был щедро вознагражден принимающей стороной. Как выразился французский посол Камбон, султан оказался настоящей «дойной коровой», осыпавшей своего гостя самыми ценными подарками.⁷⁷ Общим результатом этих стараний явилось то, что Германия стала главным экономическим фактором в сфере развития турецкой торговли, индустрии и военного снабжения, постепенно занимая привилегированное место Франции на всем Ближнем Востоке, в целом, и в Турции — в частности.⁷⁸

Стремясь еще больше утвердить свое экономическое и политическое присутствие в Турции, немцы не испытывали ни чувства вины, ни желания ослабить свои усилия, направленные на то, чтобы приспособиться к туркам. Поступая так, они не скрывали своего презрения по отношению к Англии и Франции, которые продолжали настаивать на реформах, что являлось частью их миссии по установлению мира в Турции, посредством поиска методов разрешения затянувшихся конфликтов на национальной почве. Этому презрительному отношению положил начало еще Бисмарк. За несколько месяцев до Берлинского конгресса, в то время, когда русская армия все еще сражалась против турецкой, Поль фон Убриль, посол России в Германии, сказал министру иностранных дел Германии того периода принцу Бернхарду фон Бюлову, что Россия сражалась исключительно из «гуманности» и «ради христиан» Османской империи. В ответ на это Бисмарк вписал на полях отчета Бюлова: «К чему такое лицемерие в ходе конфиденциальной беседы».⁷⁹ Император Вильгельм II был еще более неистовым в своей критике. Он считал, что в подобных вопросах британцы всегда прибегают к лицемерию. Накануне Первой мировой войны он дал указание своим дипломатическим и консульским представителям «сорвать с Англии маску» показного христианства, обвинив всех британцев в том, что они «ненавистная, лживая, бессовестная нация торгашей» (*dieses verhasste, verlogene, gewissenlose Krämervolk*).⁸⁰

Самый доминирующий тезис в анналах общественных дебатов Германии по Армянскому вопросу и по массовым убийствам эпохи Абдул-Гамида был

сформулирован Фридрихом Науманом, теологом по образованию и — используя его собственную формулировку о себе — «политическим пастором» по профессии. Он сопровождал императора во время визита 1898 г., и поэтому провел месяц в Турции. Верный наследию национализма в духе Бисмарка, и в то же время находившийся в полном согласии с позицией Вильгельма II в отношении Турции, Науман с жестокой откровенностью заявил, что высшие интересы Германии требуют сохранения «политического равнодушия к страданиям христиан Турецкой империи, как бы это ни было болезненно с точки зрения наших собственных чувств». Характеризуя такую позицию как «глубоко моральную», он продолжил и представил основную причину массовых убийств армян в период с 1894 по 1896 гг.

Убывая в количестве и постоянно отступая, турок приобрел характерную черту, которой, возможно, не обладал ранее. Он приобрел коварство, присущее людям, которые в основе своей сломлены, однако не желают прекратить своего существования для внешнего мира. Подобно маленькому животному, которое инстинктивно знает, как при всей своей слабости оно все же может использовать свои зубы и когти, точно так же и турок знает, когда он может еще раз повести себя как варвар и пролить кровь. Геноцид армян [Armeniermord] был последней возможностью, позволившей проявление турецкого варварства.

В конечном итоге, согласно Науману, этот акт «арменоцида» был политическим событием, обозначившим турецкий метод разрешения «внутренних дел» и как таковой ставший «фрагментом политической истории, проявившейся в азиатской форме».⁸¹

По своей значимости публикация этого тезиса уступает лишь соответствующей официальной позиции Германии, отражающей более или менее сходный тезис. Он был сформулирован вскоре после последнего этапа массовых убийств эпохи Абдул-Гамида, т.е. в ноябре 1896 г. Альфонсом Мумм фон Шварцштайном, главным советником по ближневосточным делам политического отдела министерства иностранных дел Германии. Позиция Германии разъясняется в сводке, состоящей из 12 страниц и изложенных в лаконичной и довольно прямолинейной манере. Содержание данного документа можно представить тремя основными положениями. 1) Армяне — коварный и мятежный народ — спровоцировали турок, которые почувствовали, что их нацио-

нальное существование оказалось под угрозой. 2) У Германии нет причин выступить в защиту народа, в котором она абсолютно не заинтересована, и тем более обязанностью германской политики не может считаться вступление в крестовый поход против полумесяца (герб турецкого государства) ради христианского народа, в защиту которого за год до того вступились державы — сторонницы интервенций, тем самым лишь усугубив положение этого народа. 3) Учитывая иные опасности, которые угрожали целостности Турции, и деловые интересы множества немцев в Турции, кровавые бои в «Армении», сколь бы печальными они ни были, должны рассматриваться как наименьшее из зол в общей картине. Декларация этой политики заканчивается заключением, что единственное, что может сделать Германия, — это остаться наблюдателем происходящего, избегая каких бы то ни было действий, «которые могли бы форсировать события». В тот же день, 26 ноября 1896 г., министр иностранных дел Маршалл, утвердив этот установочный документ, отправил его канцлеру Хлодвигу принцу фон Гогенлоэ-Шиллингсфюрсту.⁸² Канцлер, фактически, был согласен с основным посылом этого документа. Он сказал своей сестре, что германский парламент, Рейхстаг, помня известное изречение Бисмарка относительно бесценности костей германского гренадера, решительно воспротивился любому предложению выйти против Турции ради армян. Затем он задал риторический вопрос: зачем же тогда отдаляться от султана и лишаться влияния Германии в Турции?⁸³

Однако эти позиции, принятые во имя высших национальных интересов Германии, не всегда пребывали в согласии с личными чувствами и убеждениями как Бисмарка, так и Вильгельма II, что становится очевидным из определенных отрывков германской дипломатической переписки. Нельзя сказать также, что Бисмарк и монарх категорически отвергали принцип гуманитарности. Временами оба правителя довольно страстно реагировали на рассказы о неопишуемых турецких зверствах. Даже Бисмарк, Железный Канцлер, не смог скрыть своего негодования по поводу «гнусных зверств, содеянных турками по отношению к раненым и беззащитным. Весьма сложно сохранять дипломатичность в свете такого варварства, и я уверен, что все христианские державы разделяют чувство возмущения». С этими словами Бисмарк обратился к своему императору Вильгельму I во время русско-турецкой войны 1877-78 гг., призывая направить Турции ноту протеста совместно с остальными державами.⁸⁴

О многом говорят и частые вспышки гнева Вильгельма II, являвшиеся его

реакцией на жестокость, с какой в тот период происходили массовые убийства армян. Дважды по этому поводу он воскликнул «позор всем нам» за то, что допустили совершение этих ужасов.⁸⁵ Дважды по другим поводам он отметил, что единственным решением проблемы массовых убийств является «свержение» турецкого правителя (*Man setze ihn ab*).⁸⁶ По другому поводу он назвал последнего «отвратительным существом» (*ekelhaft*).⁸⁷ В той же манере он заявил, что бомбардировка дворца Илдыз пушечными ядрами являлась единственным действенным способом отделаться от него;⁸⁸ он даже высказал предположение, что султана можно было бы уничтожить так же, как и его предшественника султана Азиза,⁸⁹ за мнимым самоубийством которого, по мнению многих, скрывалось убийство. В какой-то момент Вильгельм II даже дошел до того, чтобы признать, что когда-то им категорически отвергнутое предложение британского премьер-министра Солсбери относительно того, чтобы силой покончить с режимом султана Абдул-Ганида, было приемлемым.⁹⁰

Однако, взвесив свои возможности, император Вильгельм II фактически остался рядом с тем, кого в своей частной переписке так часто жестоко критиковал и осуждал. Его правительство сделало все возможное, для того чтобы пресечь попытки по распространению новостей и подробностей о массовых убийствах. Любая критика в адрес турецкого правительства в Германии того периода расценивалась как проявление враждебности по отношению к Рейху.⁹¹ Император Германии даже назвал султана и его режим «благословением для его подданных, за исключением горсти армян», будучи уверенный, что как правитель Абдул-Гамид мог бы служить «примером для других стран». ⁹² Когда в 1908 году младотурки-революционеры фактически свергли султана, Вильгельм II, запоздавший в своей реакции на четыре года, призвал изгнать этих революционеров из Европы, так как они «низвергли с престола моего друга султана». ⁹³

Эти несовместимые и зачастую, несомненно, противоречивые высказывания относительно переходящих границы допустимости королевских причуд указывают на степень его идиосинкразии, в то же время отмечая возможность ее влияния на его политическое мышление и на процесс вынесения решений. Подверженный перепадам настроения, часто импульсивный и склонный к воздействию быстрых и обманчивых впечатлений, Вильгельм II часто оказывался в плену у собственного напряжения, вызванного постоянными внутренними конфликтами, которые блокировали его способность придерживаться

последовательного плана действий. Чаще при разрешении своих внутренних конфликтов он полагался на свой имперский эгоизм. Как отмечает в своих мемуарах адмирал Альфред фон Тирпитц, морской министр (до 1916 г.) Германии военного периода, а также архитектор строительства военно-морских сил Германии, Вильгельм II сплошь и рядом отказывался от своих требований, отступая в ситуациях, требующих смелости и решительности.⁹⁴ Отчасти его модус операнди основывался на его склонности к крайней секретности в сделках сомнительного характера, требующих самостоятельных решений и действий. Один из двух самых доверенных советников Абдул-Гамида в своих мемуарах выступил, к примеру, со следующим разоблачением: «По инициативе императора и посредством предоставленной им технической помощи» во дворце Ил-дыз было установлено сверхсекретное оборудование для беспроводной коммуникации; таким образом двое монархов получали возможность консультироваться друг с другом лично и неофициально. «Ни члены их кабинетов, ни их послы не знали об этом приспособлении, а кодовый ключ обмена шифров находился под замком в его [Абдул-Гамида] кабинете, где хранились его самые важные документы».⁹⁵

Учитывая природу и последствия такого рода отношений между двумя монархами, становится очевидным, что задача полностью исследовать условия, при которых выносились политические решения и осуществлялись действия, исходившие из режимов, представленных этими двумя монархами, не может быть выполнена полноценно. Официальные записи являются частью этой проблемы ограничений; они не всегда рассказывают всю историю. Даже Бисмарку не было чуждо прибегать к неофициальному и предположительно тайному способу передачи советов. Летом 1896 г., т.е. через шесть лет после того как он вышел в отставку и в разгар массовых убийств армян Бисмарк в личном письме султану советовал ему «не бояться Англии, чья власть рассеяна по всему миру» и, противясь схеме армянских реформ, а так-же в других подобных проектах «полагаться на Россию».⁹⁶

Как-то, разясняя ценность передачи секретных материалов, Бисмарк подчеркнул чрезвычайную важность использования неофициальных каналов как механизма коммуникации. Он не признавал официальные документы, считая их материалами, не представляющими собой «ничего необычного». Как он однажды заявил, «самый важный материал [*das Wichtigste*] заключается в личных письмах и устных сообщениях, переданных в конфиденциальном

порядке, которые не становятся частью архивных материалов».⁹⁷

Об этом сказал и Вангенгейм, посол Германии в Турции в период войны, в апреле 1915 г. В отчете канцлеру Германии Бетману-Гольвегу он признался, что слишком «часто» [*öfters*] пользовался такого рода неофициальными каналами, поскольку «передача материала через официальные каналы не является приемлемой». В качестве такого механизма передачи неофициальных сообщений он ссылаясь на морского атташе Ганса Гуманна, близкого друга военного министра Энвера. Вангенгейм добавил, что Энвер передавал информацию, используя тот же метод, через того же посредника и по тем же причинам.⁹⁸

И все же, несмотря на эти ограничения, определенные основополагающие и непререкаемые факты позволяют дать окончательную оценку политики Германии в том, что касается проблем поднятых Армянским вопросом в период правления Абдул-Гамида. В конце концов, одним из самых действенных методов выявления основной сути политики, кроме определения условий ее происхождения, является ее изучение в соотношении с определенными результатами, так или иначе отражающими проявления этой политики на деле; в данном случае имеется в виду, что в политику вплетены определенные последствия, которые прямо или косвенно связаны с этапом ее проведения. Во-первых, несмотря на проявления явного равнодушия со стороны Берлина по отношению к трагической судьбе армян, дипломатические, консульские и военные представители Германии, находившиеся на службе в Турции во время массовых убийств, фиксировали и официально докладывали о массовой резне, таким образом свидетельствуя об их подлинности и подтверждая соучастие центральных властей в их санкционировании и организации. Во-вторых, поддержка Берлина была должным образом оценена и вознаграждена султаном во вред другим державам, которые выступали в защиту армян, стремясь избавить их от угнетений. В-третьих, не обращая внимания на всевозможные проявления общественного мнения и возмущение некоторых держав, продолжавших негодовать по поводу ужасов, имевших место во время массовых убийств, Вильгельм II вознамерился укрепить дружеские отношения с султаном, подержав его политику. Это способствовало усилению режима султана, который в конечном итоге вынудил его, императора, как бы он этому ни противился, сделать вид, что он одобряет массовые убийства, считая их необходимым с точки зрения защиты предполагаемых высших интересов государства и монархии шагом. В более широкой перспективе поддерживающая роль германс-

кого монарха приобретает еще большую значимость, выдвигая на первый план роль, сыгранную Германией — будь то по ее воле или непреднамеренно — в материализации трагической судьбы османских армян. Этот широкий контекст содержит два периода турецкой истории, отмеченных властью двух определенных и отдельных друг от друга режимов, в карьере которых факт продолжающегося имперского правления Вильгельма II проходит параллельно с фактом продолжения процессов, в конечном итоге приведших к полному уничтожению армян. Учитывая непрерывность партнерских отношений Германии с Турцией на протяжении этих периодов, Вильгельм II со всем его совершенно очевидным пристрастием к Турции, представляется как функциональное связующее звено между эрами султана Абдул-Гамида и младотурокиттихадистов (сменивших его во власти), в период правления которых и развернулись процессы по уничтожению армян.

Об этом элементе преемственности достоверно свидетельствуют два совершенно разных официальных германских документа, относящиеся к указанным двум периодам, которые подтверждают постоянство германской политики в отношении обсуждаемого вопроса, а именно: прикрытое достаточно ложными аргументами согласие с намерением турок уничтожить армян. В формулировке германской политики по отношению к массовым убийствам эпохи Абдул-Гамида, подготовленной германским министерством иностранных дел в 1896 г. и одобренной как министром иностранных дел, так и канцлером, самым поразительным является заключение о том, что Германии не следует вступаться за армян, так как это произойдет за счет германских интересов и может еще больше усугубить положение армян.⁹⁹ Или, по мнению процитированного выше Наумана, христиане-немцы должны позволить, чтобы массовые убийства «шли своим чередом» (*eigenen Weg gehen lassen*), и ограничиться «перевязкой ран жертв».¹⁰⁰ Второй документ относится к периоду Первой мировой войны: он был составлен послом Германии в Турции за десять дней до нарочито нескрываемого начала геноцида — массовых арестов лидеров армянской общины в Турции. В этом документе посол заявлял, что Германия должна быть «особенно осторожной и не противопоставляться турецкому правительству. Иначе, вмешавшись в возможно безнадежное дело, мы рискуем поставить под угрозу более важные и наиболее существенные интересы».¹⁰¹

Эта соглашательская политика Германии во время Первой мировой войны требует дополнительного разъяснения, так как она осуществлялась в рамках

союза, дающего Германии такую свободу для осуществления превентивных и запрещающих интервенций, которой не существовало в период с 1894 по 1896 гг., когда не было ни войны, ни союза. Предъявление же суть формального официального протеста германским правительством, что было сделано с очевидным намерением создать возможность для послевоенной реабилитации чести, ни в коей мере не может считаться убедительной формой вмешательства. Это согласие приобретает чрезвычайную важность еще и в свете его несоответствия рычагам влияния и контроля, которые имперская Германия имела в Турции военного периода. Турция в тот период не просто зависела от Германии в широком смысле, в первую очередь она зависела от нее в плане поддержки своей способности проведения войны. Без постоянных внушительных материальных вливаний Германии, включая военные, экономические и денежные ресурсы, шансы Турции не то что на проведение полномасштабной войны, а всего лишь на то, чтобы выжить практически были равны нулю. Словно для того, чтобы еще раз подчеркнуть свое решение о согласии, Вильгельм II дал всем своим высокопоставленным военным служащим в Турции строгий указ «не вмешиваться во внутренние дела Турции», включая и те, что относились к «Армянскому вопросу».¹⁰² Он также проинструктировал ответственных в отделе цензуры военной прессы лиц вести себя сдержанно в освещении положения армян.¹⁰³

Эта линия поддержки турецкой политики массовых убийств, имевшей целью уничтожение армян, являлась продолжением аналогичной поддержки, которую император Вильгельм II тайно оказывал султану Абдул-Гамиду в период «арменоцида» (*Armeniermord*) 1894-1896 гг.¹⁰⁴ Согласно материалам, собранным в то время российскими спецслужбами, правительство императора Вильгельма II: 1) позволило Абдул-Гамиду отправить в Германию агентов своих секретных служб, которые в сотрудничестве с германскими властями помогли пресечь распространение информации о массовых убийствах армян; 2) дало указания своим послам в России, Англии и Франции собрать информацию об армянских националистах в этих странах. «Результаты этого расследования, содержащиеся в многотомных докладах, были переданы Абдул-Гамиду в Константинополь; 3) приказало германским консулам, работавшим в провинциях Турции, «ставить Абдул-Гамида в известность обо всем, что касалось армян, проживающих в их областях»; 4) посредством циркуляра 1898 г. уполномочило своего посла в Турции убедить германских консулов на территории

всей Турции не вступаться за армян; не беспокоиться о том, как именно местные власти обращаются с армянами; подготовить полные списки проживающих в их областях торговцев, ремесленников и т.д. армянской национальности. Более того, в Турции 32 германских и австрийских агента шпионили за армянами и отправляли донесения не только Абдул-Гамиду, но и в посольство Германии. Не менее знаменательно и то, что Абдул-Гамид вкладывал большие суммы денег в дотации, таким образом опосредованно, а иногда и прямо давая взятки таким известным германским газетам, как *Berliner Tageblatt*, *Frankfurter Zeitung*, *Vossische Zeitung*, *NordDeutsche Allgemeine Zeitung*, *Berliner Lokal-Anzeiger*, а также подкупая их корреспондентов в Константинополе посредством ежемесячных выплат в размере от 50 до 100 турецких фунтов.¹⁰⁵

Исходя из всего вышеизложенного, напрашивается неизбежное заключение, что акт молчаливого согласия Германии военного периода в конечном итоге был равносителен акту одобрения геноцида, совершенного во время войны, и что германское наследие такого рода одобрения еще с эпохи Абдул-Гамида имело функциональное и чрезвычайно важное значение.

Примечания к главе 6

1 Сотрудничество этих двух держав началось с Санкт-Петербургского протокола от 4 апреля 1826 г., в котором они согласились быть посредниками между турками и греками на основании полной автономии Греции под турецким суверенитетом. См. J. Marriott, *The Eastern Question. (An Historical Study in European Diplomacy)* 4th ed. (Glasgow 1958), 214. Лондонский договор от 6 июля 1827 года, который, под видом “гуманитарной интервенции” угрожал Турции оказанием военной поддержки Греции, также являлся совместной инициативой Британии и России. *Там же.*, 218. Константинопольская конференция в декабре 1876 года, во время которой державы настояли на европейском контроле и руководстве над османскими реформами был следствием англо-русского соглашения относительно условий спланированного между полномочными представителями двух стран Солсбери и Игнатьевым мира. British Foreign Office, *Blue Book*, Turkey, No. 1, (1877), Doc. No. 1053, p. 719. Берлинский договор от 13 июля 1878 г. последовал за тайным англо-русским договором (30 мая 1878 г.), подготовленным послом России в Британии Шуваловым, *Encyclopedia of World History*, 735-36 (W. Langer rev. ed. Boston, 1948). Таким образом англо-русские соглашения по многим важнейшим вопросам играли ключевую роль в объединенных действиях “европейского концерта”, направленных на оказание давления на османские власти. 2 В джентльменском соглашении 1844 г. царь Николай I, предложил совместные действия по рас-

поражению Османской империей в случае ее ожидаемого в ту пору распада, что тогда было отвергнуто. Девять лет спустя, в ходе обсуждения с лордом Сеймуром, царь назвал Османскую империю “больным человеком” и пытался добиться ее разделения. *Das Staatsarchiv*, Vol. 62, Doc. No. 5612, p. 167 и Doc. No. 5613, p. 169. В Рейхштадском договоре от 8 июля 1876 г. Россия и Австрия составили планы, предусматривающие непредвиденные обстоятельства, включая территориальные уступки в случае, если Турция потерпит поражение от рук сербов и черногорцев. DAG [n. 7], vol.3. Doc.No. 605, p. 293 (1926); *Encyclopedia of World History*, [n. 1], 734. В Будапештской конвенции от 15 января 1877 г. между Россией и Австрией, разрабатывались аналогичные планы по распоряжению турецкими территориями, там же, 735. Важней всего было то, что Австрия получила мандат на оккупацию Боснии и Герцеговины, и размещению гарнизона в Новобазарском санджаке – в узком участке между Сербией и Черногорией; кроме того, тайным англо-турецким договором Великобритания забирала Кипр из османского владычества. Текст договора на французском языке см. G. Noradounghian, *Recueil D'Actes Internationaux de L'Empire Ottoman*, vol. 3 (Paris, 1902), 522-25. Текст договора на английском языке см. E. Hertslet, *The Map of Europe by Treaty*, v. 4, (London, 1875), 2721-22. Все эти события были на прямую связаны с Берлинским договором. Выгоды полученные русскими от победы, завоеванной ими в ходе конфликта 1877-1878 гг. были настолько незначительными, что послужили достаточным поводом для того, чтобы на долгие десятилетия посеять в их умах семена горечи по отношению к Великобритании.

3 D. Lloyd George, *Memoirs of the Peace Conference*, vol. 2 (London, 1939), 811.

4 *Armenia, Parliamentary Debates* (House of Lords, November 13, 1918), House of Commons October 23, 24, 30, 31, November 6, 7, 12, 14, 18, 1918) 16-17 (A. Raffi, ed. 1918).

5 J.C. Hurewitz, *Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record: 1535-1914*, vol.1 (Princeton, New Jersey, 1956), 188.

6 A. Maurois, *Disraeli* (New York, 1930), 310.

7 *Дипломатические архивы министерства иностранных дел Германии (Die Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes)* Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette. 1871-1914. (далее цитируется как DAG), vol. 9, Doc. No. 2178, p. 194.

8 G.P. Gooch; *History of Modern Europe 1878-1919* (New York, 1923), 244-45.

9 DAG [n.7] vol.10, Doc. No. 2394, p.39, July 6, 1895 доклад.

10 *Там же*, Doc. No. 2371, p.39, July 6, 1895 доклад, p. 10 и более детальное “личное письмо” на ту же тему в Doc. No. 2372, доклад от 31 июля 1895 г., p. 12. Известный турецкий автор подтверждает диагноз, поставленный Солсбери относительно болезней Турции, и определяя эти болезни, описывает “османскую систему, которая в то время была коррумпирована и дезорганизована”. Он называл режим “коррумпированным”, а империю “упаднической”. Niyazi Berkes, *Turkish Nationalism and Western Civilization. Selected Essays og Ziya Gökalp* (London, 1959), 16, 21.

11 Lady Gwendolen Cecil, (дочь Солсбери), *Life of Robert, Marquis of Salisbury 4 vols.* (London, 1921-1931), vol 2, 134.

12 Gooch [n. 8], 213-214. Германские источники и данные по этому происшествию см. DAG [n. 7], vol. 10, Doc. No. 2385, No. 2 “секретный” доклад Гатцфельда, pp. 25-26, August 7, 1895; Doc.

- No. 2388, личное послание Гольштайна, p. 29, August 14, 1895; Doc. No. 2389, шифровка заместителя министра иностранных дел Ротенхана No. 244, p.29 August 15, 1895.
- 13 Viscount Grey of Fallodon, *Twenty –Five Years. 1892-1916. Vol. 1* (New York, 1925), 126.
- 14 *Там же*, 127, 128, 129.
- 15 *Дипломатические архивы министерства иностранных дел Франции (Documents Diplomatiques Français 1871-1900)* (далее - DAF) vol. 12, Doc. No. 248, p. 371, доклад Маршана министру иностранных дел Франции Бертело от 24 декабря 1895 г. Французская нота относительно того, что Австрия принимает российскую позицию, заключающуюся в том, что Армянского вопроса не существует, является ссылкой на ремарку, приписываемую секретарю российского посольства в Париже, который, как сообщается, в 1888 г. заявил, “не должно, не должно быть Армянского вопроса”. Bérard, *La politique* [n. 32], 284.
- 16 Malcolm MacColl, *The Sultan and the Powers* (London, 1896), 56, 63. Секретная дипломатия Австрии указывает на наличие сделок между Австрией и султаном Гамидом, за которыми скрывались определенные планы, которые использовались как козырные карты тогда, когда в период массовых убийств армян Гамид испытывал трудности. В докладе министру иностранных дел Австрии графу Галуховскому, посол барон фон Калис, дает отчет по своей аудиенции с султаном, “которая длилась больше часа”. Он рассказывает, как восхвалял султана и о заверениях его императора и австрийского правительства в связи с “дружескими чувствами, которые они испытывали по отношению к султану и его империи”. Очевидно Калис напомнил султану о тех трудностях, которые испытывала его страна в связи со своей “туркофильской” деятельностью, которую они проводили на советах европейских держав, а так же о поддержке, оказанной Турцией Австрией “во время большого кризиса, который турецкая империя должна была преодолеть”, что, однако, как он настаивал, должно было быть оценено и по достоинству вознаграждено. Речь шла о железнодорожных концессиях, обещанных Гамидом Австрии, но в последствии “сообщение направленное в Порту аннулировало эту концессию”. Калис почувствовал, что султан перехитрил и обманул Австрию и, что он именно по этой причине дал понять султану, что до тех пор пока тот конкретными действиями не восстановит ситуацию, Австрия не сможет продолжить свою протурецкую политику. *The Diplomatic Archives of the Foreign Ministry of Austria* (Die Akten des k. u. k. Ministeriums des Äusseren) 1848-1918 (далее цитируется как DAA) . DAA P. A. XII/168, No. 43, A. K., листы 1024-1030, October 21, 1897.
- 17 *Blue Book, Turkey* No. 2 (1896), Doc. No. 458, p. 252.
- 18 *Там же*, Doc. No. 526, p. 290.
- 19 John Morley, *The Life of Gladstone* vol. 1 (New York, 1909), 479, 480.
- 20 G. P. Gooch [n. 8], 3-6.
- 21 DAG [n. 7], vol. 9. Doc. No. 2177, pp. 193-94. Заявление из доклада No. 238 от 15 сентября 1890 г., отправленного канцлеру Германии и прусскому генералу графу Лео фон Каприви послом Германии в Санкт-Петербурге, графом фон Пурталесом.
- 22 Относительно личных визитов Лобанова во дворец султана и антианглийской агитации, которую он там вел см. Boris Nolde, *l'Alliance franco-russe* (Paris, 1936), 228; Относительно встреч в Александрово, см. DAG [n. 7], vol. 3, Doc. No. 460, p. 49, доклад советника Отто фон Бюлова

- от 7 сентября 1879 г. министру иностранных дел Германии Бернхарду Эрнсту фон Бюлову и Doc. No. 465, p. 64, недатированный меморандум императора Вильгельма I (Berlin, 1926); подробности тайной договоренности между царем и султаном в *Memoirs of Ismail Kemal Bey*, Sommerville Story, ed. (London, 1920), 257, а так же в Ismail Kemal Bey, “Armenia and the Armenians” *Fortnightly Review DCX*, New Series (October 1, 1917): 497. Как отмечается повсюду, автор был ветераном, османским государственным деятелем албанского происхождения. В критический период переговоров по армянским реформам между султаном и державами в 1895 г. он был делегирован Абдул-Гамидом для переговоров с британским поверенным Гербертом относительно условий, и имея такие полномочия он предложил свои советы монарху, лишь для того чтобы тот их отверг.
- 23 *Blue Book, Turkey* No. 1 (1896), Doc. No. 83, p. 83; Doc.No.94, p.87.
- 24 *Там же*, эти разговоры нашли место в следующих докладах полученных и отправленных британским послом в Санкт-Петербурге Ласелсом: Doc.No. 65, p. 71(May 30); Doc.No. 71, p. 73 (June 4); Doc.No. 83, p. 83 (June 13); Doc.No. 91, p. 86 (June 21); Doc.No. 110, p. 93 (July 3); Doc.No. 120, p. 97 (July 25); Doc.No. 238, p. 120 (August 16); Doc.No. 139, p. 121(August 9, 1895).
- 25 DAG [n. 7], Doc.No. 2479, cipher No. 233, p. 127.
- 26 *Там же*, vol. 9 Doc.No. 2206, cipher No. 62, p. 232.
- 27 *Там же*, Doc.No. 2208, cipher No. 215, p. 233.
- 28 Doğan Avcioğlu, *Milli Kurtuluş Tarihi, (История национального освобождения) vol.1* (Istanbul, 1974), 41.
- 29 DAG [n. 7], Doc.No. 2446, cipher No. 408, p. 92.
- 30 *Там же*, Doc.No. 2448, cipher No. 168, p. 94.
- 31 Paul Cambon, *Correspondance 1870-1924* vol.1 (1870-1898) (Paris, 1940), 412, 414-15.
- 32 Victor Bérard, *La politique du Sultan* 3d ed. (Paris, 1897), 280-90, 346-47.
- 33 FO424/188, Doc.No. 160, “секретный” cipher No. 373, доклад британского поверенного в Константинополе Герберта премьер-министру Солсбери от 31 августа 1896 года.
- 34 *Там же*, Doc.No. 258, “конфиденциальный” cipher No. 208, депеша О’Конора Солсбери от 17 сентября 1896г.
- 35 Cambon, *Correspondance* [n. 31], 422.
- 36 Herbert Feis, *Europe, the World’s Banker1870-1914* (New Haven, 1930), 51, 320. См. так же Kurt Ziemke, *Die Neue Türkei. Politische Entwicklung 1914-1929* (Berlin, 1930), 9.
- 37 René Pinon, *L’Europe et L’Empire Ottoman* (Paris, 1917)
- 38 Bérard, *La politique* [n. 32], 282, 290. В более ранней работе Берар утверждал, что значительную часть государственной прибыли султан Гамид тратил на прямые и опосредованные взятки. В состав иностранных кандидатов, которых нужно было подкупить входили “агенты, правительственные функционеры, биржевые торговцы, газетчики, финансисты, персонал посольств, целая орда коррумпированных парламентариев и политиков всех стран”. *La Mort de Stamboul* (Paris, 1913), 218. Турецкий политический лидер, имеющий за спиной богатый опыт издательского дела, партийной деятельности и занимавший министерские посты в турецком правительстве, передал чувство стыда, испытываемое его народом, признавая, что Гамид прибегал к практике “раздачи подарков, взяток и орденов императорам и политическим фигурам, с целью предот-

рашения инцидента, который мог произойти в результате оушествленной им резни армян... он пограл честь и достоинство страны и в конце заслужил эпитет “красный султан”. Hüseyin Kâzım Kadri. *Balkanlardan Hicaz'a İmparatorlugun Tasfiyesi. 10 Temmuz İnkilâbi ve Netayici* (Ликвидация империи от Балкан до Хиджаза. Революция 10-ого июля и ее результаты) К. Büyükcöskün ed. (Istanbul, 1992), 133. В оригинальном тексте на османском, изданном в 1920 году, эта цитата на стр. 123. В своих мемуарах первый секретарь Гамида раскрыл, что для того, чтобы в период массовых убийств склонить на свою сторону русского царя, султан отправил ему “целый ряд подарков”, когда тот находился в Ялте. Tahsin Pasa. *Abdülhamit Yıldız Hatıraları* (Мемуары Илдыза [дворца] Абдул-Гамида) (Istanbul, 1931), 46. Другой турецкий автор, Мехмед Мурад (родом из Дагестана), который тщетно пытался повлиять на султана, чтобы тот изменил свои методы правления, который в конце концов скрылся в Англии, в своем письме опубликованном в (Лондон) Times от 13 октября 1896 года обвинил Гамида в разграблении казны для подкупа европейских известных личностей и политиков имея целью “купить общественное мнение Европы”. Официальный французский документ подтверждает еще один эпизод, который свидетельствует, что султан дарил подарки. Желая отблагодарить Николая II за оказанную ему поддержку в период массовых убийств армян, Гамид отправил к царю Арифа-пашу с подарками. DAF [n. 15], Doc. No. 270, p. 402, доклад Камбона от 14 января 1895 года министру иностранных дел Бертело. В то время, когда британцы пытались прижать султана, оказывая на него интенсивное давление в связи с проектом программы по реформам мая 1895 года, султан Абдул-Гамид, за меньше чем неделю, раздал значительной группе русских генералов, высокопоставленных чиновников министерства иностранных дел и служащим при дворе целый ряд наград. В первую очередь, 7/19 мая 1895 года начальник Генерального штаба российской армии, генерал Обручев получил орден Османье, “украшенный бриллиантами”, а генерал Воронцов-Дашков получил орден Мечидие, также “украшенный бриллиантами”. Несколько княжен и жен дипломатов получили ордена Шефакат 2 и 3 степени. FO 195/1877, лист 115. По второму кругу, 15/27 мая заместитель, а позднее и действующий министр иностранных дел Шишкин, адъютант царя генерал Столыпин, и служивший при дворе князь Александр Долгорукий, получили Большую орденскую ленту Османье, а барон де Фредерикс, адъютант придворного гоф-маршала, получил Большую орденскую ленту Мечидие. Там же.

39 Bérard, *La politique* [n. 38], 285.

40 Kemal, “Armenia and the Armenians” [n. 22], 500.

41 (G. Hanotaux), “En Orient” *Revue de Paris* 6 (December 1, 1895); 459.

42 Yves Ternon, *Les Arméniens, histoire d'un génocide* (Paris, 1977), 132.

43 DAF [Doc.No. 15] Affaires Arméniennes. Livre Jaune. Doc.No. 284, pp. 312-19, and *Blue Book*, Turkey No. 2 (1897) Doc.No. 7, pp. 6-7.

44 Официальные парламентские записи. Journal Officiel, February 23, 1897, освещает дебаты предыдущего дня. Цитируется в Ternon, *Les Arméniens* [n. 42], 132, n.1.

45 Ternon, *Les Arméniens* [n. 42], 132.

46 Cambon, *Correspondance* [n. 31], 385, 393, 395.

47 Там же, 398, письмо от 23 декабря 1895.

48 Там же, 397.

49 Hanotaux [n. 41], 459.

50 Cambon, *Correspondance* [n. 31], 399, письмо матери от 20 января 1896 г.

51 Там же, 398.

52 Там же, 397, 399

53 Там же, 421-23. Вандал провел свою лекцию 2 февраля 1897 перед полуторатысячной аудиторией французов, среди которых присутствовали такие светила как председательствующий депутат граф де Мюн, депутаты Д. Кошен, Делафос и Дж. Рейнах, бывший посол маркиз де Вогю (Турция) и граф Бенедетти (Германия), члены французской академии Маркус, Коста де Бюреггар, герцог д'Осонвиль, Лависс, Гастон Пари, и Верховный раввин Франции, Задок-Хан.

54 Там же, 411, письмо от 1 сентября 1896 года.

55 Там же, 391, 392.

56 Описание способов контроля см. в P. Quillard and L. Margery, *La Question d'Orient et la politique personnelle de Monsieur Hanotaux* (Paris, 1879).

57 Cambon, *Correspondance* [n. 31], 415.

58 Blue Book, [n. 23], Doc.No. 103, p. 91.

59 Там же, Doc.No. 120, p. 97, шифровка 1895 сэра Ф. Ласселса, британского посла в России. Ссылки по этим докладам см. à Bérard, *La politique* [n. 32], 309.

60 Cambon, *Correspondance* [n. 31], 415-16.

61 Там же, 420.

62 Там же, 394, 395.

63 Bismarck, *Denkwürdigkeiten* (Мемуары) P.Liman, ed. (выбрано из его писем, речей и личных воспоминаний), (Berlin, 1899), p. 478.

64 DAG [n. 7], vol.5, Doc. No. 1006, доклад No. 52 от 24 января 1887 г. “секретное” сообщение графу фон Вертерну, прим. ред. стр.117.

65 Bismarck, *Denkwürdigkeiten* [n. 63], p. 479.

66 DAG [n. 7], vol.9, Doc. No. 2183, p. 200 n.* (помеченный звездочкой)

67 *British Documents on Ottoman Armenians* vol. II 1880-1890. B. Simsir ed. (Ankara, 1983), Doc. No. 204, cipher No. 165A, p. 462.

68 *Blue Book*, Turkey No. 6 (1881), Report No. 170, p. 322 (February 10, 1881); см. так же pp. 290, 311, 313.

69 DAG [n. 7], Doc. No. 2464, заметки императора на полях на с. 114, n. 5.

70 Там же, Doc. No. 2463, p. 109.

71 DAG [n. 7], vol.5, Doc. No. 1001, p. 98.

72 Там же, 97. Та же точка зрения выражена в документе, датированном 2 февраля, 1878 года. Там же, vol. 2, Doc.No. 310, p. 181.

73 Bismarck, *Denkwürdigkeiten* [n. 63] 479; речь была произнесена 6 февраля 1888 года.

74 DAG [n. 7], vol.5, Doc. No. 1001, p. 97.

75 *Anhang zu den Gedanken und Erinnerungen* (дополнительный том, Мыслей и воспоминаний Бисмарка) (Stuttgart, 1901), письмо монарху императору Вильгельму I от 13 августа, 1875 г., 260. Для дополнительных германских источников и данным по этому вопросу см. Norbert Saupp, *Das Deutsche*

- Reich und die Armenische Frage* (Германская империя и Армянский вопрос) (Cologne or Köln, докторская диссертация в Кёльнском университете, 1990), 25-32.
- 76 Цитируется в Wilhelm von Kampen. *Studien zur Deutschen Türkeipolitik in der Zeit Wilhelms II* (Исследования по политике Германии по отношению к Турции во времена Вильгельма II) (Киль, докторская диссертация в Кильском университете, 1968г.), 418, п.322.
- 77 Cambon. *Correspondance* [п. 31], 443. Среди “неисчислимых подарков” собранных императором и императрицей, были и ковры, которые он заполучил “очистив целую ковровую фабрику, а так же присвоенное им ожерелье, усыпанное старинными бриллиантами, стоимостью в 5 600 000 франков. В ответ, он оставил в качестве сувенира гостеприимному хозяину два маленьких бюста своих бабушки и дедушки, сделанных из дешёвой бронзы, вместе с еще одним предметом из бронзы, представлявшим из себя араба-всадника; общая стоимость всех трех предметов составляла 7 800 франков”. Там же..., более того, Вильгельм II был настолько опьянен “подарком”, который удалось урвать у султана, представлявшим из себя проект по построению багдадской железной дороги, что называл ее “моя железная дорога” (*meine Bahn*). Emil Ludwig, *Wilhelm der zweite* (Berlin, 1926), 391-92.
- 78 DAG [п. 7], vol. 12, part 2, p. 558; см. также там же., Приложение. Doc. Nos. 3357, 3361, 3362. Комментируя визит императора, французский писатель Франсуа Коппэ заявил: “После резни армян султан Абдул-Гамид стал ненавистен всему человечеству. Теперь же став вассалом германского императора он стал еще более ненавистен французам”. Doc. No. 3370, p. 613.
- 79 DAG [п. 7], vol. 2, Doc.No. 308, February 2, 1878- доклад Бюлова, p. 179, п.15.
- 80 *Die deutschen dokumente zum Kriegausbruch 1914* (Германские документы, относящиеся к началу войны 1914 г.), скомпелировано K.Kautsky, ed. By Max Graf von Montgelas & Walter Schückling, 2^{oe} расширенное издание, vol. 1, Doc. No. 401 (Berlin, 1922), 130ff.
- 81 Friedrich Naumann, *Asia*, 8-ое издание, (Berlin, 1911), 2, 134, 137, 139, 145.
- 82 A.A. *Orientalia Generalia*, No. 5, vol.30. The Mumm Konzept.
- 83 Chlodwig Hohenlohe-Schillingshurst, *Denkwürdigkeiten der Reichskanzlerzeit* (Воспоминания о периоде пребывания на посту канцлера) (Stuttgart, 1931), 264.
- 84 Anhang [п. 75], письмо от 11 августа 1877 года, стр. 273.
- 85 DAG [п. 7], vol. 10, Doc.No. 2457, доклад посла Заурмы от 11 ноября 1895 года, о том, что армян в Диарбекире режут как овец. “И будучи христианами и европейцами... мы должны спокойно наблюдать за всем этим”. Примечания императора на полях, стр. 102; там же, vol.12, part 1, Doc.No. 2893, cipher No. 176, доклад Заурмы от 29 июля 1896г., в котором он ставил в известность Берлин о том, что турецкий план состоял в окончательном истреблении армян как христиан (*für alle Zeiten unschädlich gemacht werden müssen*), примечание на полях Вильгельма II, стр.18. “Это означает, что все христиане должны быть уничтожены.”
- 86 Там же, Doc. No. 2898. August 28, 1896 cipher. Примечание на полях. p. 20; Doc.No. 2901. August 29, 1896. Примечание на полях. p. 22.
- 87 DAG [п. 7], vol. 10, Doc.No. 2482. December 19, 1895. Примечание на полях. p.133.
- 88 Там же, Doc. No. 2484, cipher No. 177. December 23, 1895. Примечание на полях. p.134.
- 89 DAG [п. 7], vol. 12, Doc.No. 2893. July 29, 1896 доклад. Примечание на полях. p.18.

- 90 Там же, vol. 10, Doc. No. 2416, cipher No. 177. August 22. 1895. Примечание на полях. p.61.
- 91 Bernhard Guttman, *Schattenriss einer Generation* (Силуэт поколения) (Stuttgart, 1950), 262.
- 92 Alfred Graf von Waldersee, *Denkwürdigkeiten* (Мемуары) H.O. Meisner ed., vol.1 (Stuttgart, 1923), 269.
- 93 Georg Alexander von Müller, *Der Kaiser... Aufzeichnungen des Chefs des Marinekabinetts Admiral G.A.V. Müller über die Ära Wilhelms II.* (Примечания главы военно-морского министерства адмирала Мюллера об эпохе правления Вильгельма II) W. Görnitz ed., (Göttingen, 1965), 122.
- 94 Alfred von Tirpitz, *Erinnerungen* (Мемуары) (Leipzig, 1919), 435.
- 95 Tahsin Paşa, *Abdülhamit* [п. 38], 285.
- 96 Отрывки из письма Бисмарка султану взяты из дневников Теодора Герцля. Полностью письмо было прочитано Герцлю журналистом и политическим агентом Филипом Микаелем де Невлинским, который был австрийским поляком, и которому удалось сблизиться с султаном Абдул-Гамидом и его первым доверенным лицом и советником Иззетом (арабом). Невлинский очень хотел помочь Герцлю, который пытался получить от султана значительные уступки для палестинской родины евреев. Невлинский, издатель *Correspondance de l'Est*, из этих соображений сблизился с двумя армянами, которые занимали высокие посты в османском министерстве иностранных дел. Герцль описывает Артина Дадяна, который был заместителем министра, как “нового помощника”, который должен был способствовать успеху его предприятия, и Габриела Норадунгяна, советника правового отдела министерства иностранных дел, (чья личность утаивалась, употребляя вместо имени инициал Н), как человека, который “загорелся” предложением, сделанным ему Герцлем, и который “полностью за нас” (*ganz für uns*); он “пообещал всяческую поддержку”. *Theodor Herzl's Tagebücher 1895-1904* 3 vols., vol.1 (1922), vols. 2 and 3 (Berlin, 1923). Отрывки из письма Бисмарка см. в томе 1, стр. 502, записи в дневнике от 22 июля, 1896 г. комментарии относительно Норадунгяна см. в томе 1, стр. 153, 440-41, 449, а об Артине-паше – том 2, 271-72, 312-13. В томе 1, стр. 396, 464 описывается как Невлинский утверждает, что султан дал ему конфиденциальное задание войти в контакт с армянскими революционными группами в Брюсселе и попросил Герцля выступить в качестве посредника между султаном и армянами взамен на уступки от него для дела сионизма, приверженцем которого являлся Герцель. В том же томе, на стр. 427, также цитируется Невлинский, который сказал, что Россия взяла верх во время консультаций во дворце, где “первый секретарь Иззет относился к России с благосклонностью”. Запись от 18 июня 1896 г. Столь же значима и запись от 7 мая 1896 года в томе 1, согласно которой уже в то время во дворце знали о вооруженном нападении и ожидали восстания армян (*losschlagen*), возможно имеется ввиду захват Банка Оттомани. Именно поэтому Невлинский предложил Герцлю попытаться сделать так, чтобы армяне “подождали один месяц”, чтобы он смог “поднять армянский вопрос с пользой для дела”, чтобы извлечь выгоду для “еврейского вопроса” (p. 396).
- 97 Ernst Jäckh, *Der Goldene Pflug* (Золотой плужный лемех) (Stuttgart, 1954), 9.
- 98 A.A. *Grosses Hauptquartier* vol. 187, file Türkei 18/3 and 4, Registry no. AS1705, April 13, 1915.
- 99 См. прим. 82.
- 100 Naumann, *Asia* [п. 81], 140., 1954), 9.
- 101 *German Foreign Ministry Archives* (Bonn). A.A. Türkei, 183/36, No. 228, доклад от 15 апреля, 1915. Про-

цитированный здесь отрывок изъят из тома, составленного Лепсиусом, *Deutschland und Armenien* (Potsdam-Berlin, 1919). Doc.No. 26, p. 49.

102 Vahakn N. Dadrian, "Documentation of the Armenian Genocide in German and Austrian Sources" in *The Widening Circle of Genocide* I. Charny, ed. (New Brunswick, N.J., 1994), p.87, n.8.

103 Там же.

104 Термин арменоцид, который был введен одним из самых верных сподвижников кайзера и его политики в отношении Турции и армян Фридрихом Науманом, см. в прим. 81.

105 FO 96/211, part VII, 5 pp. Сообщение взято из российской газеты *Petrograd Bourse Gazette* времен Первой мировой войны.

Бесплодность противоречивой дипломатии: разобщающая уязвимость армян

Факторы, препятствовавшие поиску армянами путей освобождения

Если обеспечение средств для формирования армянского повстанческого движения, как то предлагал армянский патриарх (гл. 4, прим. 13) и вправду не было сопряжено со сложностями, то в плане исхода этого движения проблем было множество. Этим, собственно, и отличались друг от друга Восточный и Армянский вопросы. Различие это заключалось в том, что в одном случае национальные катастрофы в конечном итоге привели к национальному освобождению, в то время как в другом избавление так и не стало результатом все более усугубляющегося национального бедствия. При попытке объяснить разницу между судьбами балканских народов и армян заслуживают внимания следующие соображения.

То, что армянам, в отличие от других немусульманских народов, находившихся под игом османского владычества, не удалось добиться освобождения, явилось прямым следствием отсутствия опеки и активной поддержки со стороны какой-либо из европейских держав. Славянские национальности – сербы, болгары и черногорцы – пользовались покровительством России в связи с существовавшими между ними связями расового и этнического характера. Протекция, оказываемая Россией грекам и румынам Валахии, объясняется их религиозными связями через восточную православную церковь. Французы, в свою очередь, фактически спасли католиков-маронитов Ливана своим вторжением в Ливан, принудив турок предоставить маронитам ограниченную автономию. Однако армяне не имели таких религиозных или этнических связей с какой-либо из европейских держав, которые обеспечили бы аналогичное отношение последних, хотя и отождествлялись с ними в широком христианском контексте. Еще один фактор, отличавший армян от других подневольных

* Примечания к данной главе начинаются на странице 138.

османских национальностей, был обусловлен геополитическими соображениями: все остальные национальности, за которых заступились европейские державы, находились на периферии Османской империи, в то время как в связи с историческим расположением Армении рассматривалась как опасность, угрожающая самому сердцу Турции. Сложности технического характера, как, например, то, что у Армении не было портов для британских судов, еще больше усугубляли проблему, связанную с предоставлением помощи.

Россия была единственной державой, способной, невзирая на вопрос суверенности, преодолеть эти технические трудности. Политика России более раннего периода в отношении конфликта между требованиями территориального суверенитета государства и моральными требованиями принципа гуманитарной интервенции была со всей ясностью сформулирована министром иностранных дел России Александром Горчаковым. В депеше от 7 ноября 1876 года, направленной российскому послу в Берлине графу Павлу Шувалову, он, в частности, утверждал, что, «если великие державы действительно хотят выполнить настоящую работу... необходимо... признать, что независимость и территориальная целостность Турции должны быть вторичными по отношению к обязательствам перед гуманностью, чувствами христианской Европы и всеобщим миром».¹ А британский автор Пирс отмечал, что «армян защитили бы, согласись они отказаться от своей национальной церкви и формально объединиться с русской верой, но никак не иначе».²

Еще одно препятствие заключалось в том, что армяне, в отличие от балканских национальностей, были лишены преимущества географической сконцентрированности. После Берлинского конгресса турки провели новое административное разделение, что повлекло за собой серьезное перераспределение проживавшего в провинциях армянского населения.³ В результате демографический дисбаланс между мусульманами, включавшими, кроме турок, и несколько других этнических групп, и армянами в дальнейшем стал увеличиваться в пользу мусульман, в особенности в таких областях исторической Армении, как провинции Ван, Эрзрум и Битлис. Кроме того, значительная часть армянского населения, пытаясь спастись от грабежей (а также в поисках экономических возможностей) прибегала к внутренней миграции, приведшей в результате к географической рассеянности, что, в свою очередь, ослабляло любую идею о конкретном будущем армянского государства — возможно, аналогичного Греции или Болгарии.

По всем этим причинам Армянский вопрос изначально был обречен на провал, и как таковой подверг опасности судьбу того самого народа, ради защиты которого был вынесен на арену международной дипломатии, что и дает полное основание подробнее остановиться на том, к чему привела бесплодность соответствующих положений Берлинского договора от 1878 года.

Бесплодные договорные обязательства

Несмотря на то, что европейские державы многократно вынуждали Турцию публично заявлять о равных правах своих немусульманских подданных, тем не менее они либо не хотели, либо были не в состоянии заставить османцев уважать подобного рода обещания. Выше уже говорилось о том, что Турция не раз имела возможность выполнить свои обязательства по договоренностям, однако так ею и не воспользовалась. Уже в 1878 году, когда был подписан Берлинский договор, Армянский вопрос перестал быть всего лишь внутренней проблемой Османской империи. И именно в этом свете необходимо заново оценить Берлинский договор, который лежит в основе проблемы, рассмотренной в данной отрывке настоящей главы. 61 статья данного договора гласила:

Блистательная Порта обязуется осуществить, без дальнейшего замедления, улучшения и реформы, вызываемые местными потребностями, в областях, населенных армянами, и обеспечить их безопасность от черкесов и курдов... Она будет периодически сообщать о мерах, принятых ею для этой цели, державам, которые будут наблюдать за их применением.

Комментируя важность как этих положений, так и статьи 62 того же договора, которая предоставляла религиозную свободу, гражданские и политические права, а также «доступ к публичным должностям, служебным занятиям и отличиям», Ролин-Джекминс утверждал, что армяне были взяты «под особую защиту международного договорного права, а также переданы под контроль великих держав. В отношении армян... естественными обязательствами турецкого правительства стали четкие обязательства перед государствами, являющимися сторонами договора...».⁴

Таким образом, как и в случае с предыдущими актами о реформах от 1839 и 1856 гг. и конституцией 1876 года, положения Берлинского договора отно-

сительно обращения с народами и национальными меньшинствами также оставались на бумаге. Они были формально введены лишь исходя из соображений целесообразности — чтобы предотвратить более решительные инициативы держав. Известный британский историк Гуч следующим образом подытожил этот процесс:

«[Европейский] концерт» был недееспособным... стало очевидно, что оказание давления без намерения прибегнуть к силе скорее усиливало, чем ослабляло сопротивление султана, у которого не было абсолютно никакого намерения позволить Армени идти путем Болгарии... Плачевным результатом непостоянства держав в проявлении своих интересов явилось то, что на Армянском нагорье пробудилась надежда, которой не суждено было сбыться, а в душе султана зародились сомнения, которые в будущем должны были вылиться в организованную резню и насилие.⁵

И тем не менее, по разным причинам, державы отrekliсь от обязательств, взятых ими как сторонами, подписавшими Берлинский договор.

Размытые, нечетко сформулированные условия Парижского и Берлинского договоров, в свою очередь, давали возможность державам уклоняться и — при удобном случае — отказываться от ответственности. К примеру, статья 9 Парижского договора предусматривала реформы, в то же время запрещая какое-либо вмешательство, “будь то сообща или в отдельности”, во внутренние дела Турции. Неопределенность слова “наблюдать”, включенного в последний параграф 61 статьи Берлинского договора, еще больше усугубляла его неточность. Специфические функции наблюдения не были определены, позволяя любой из держав утверждать, что, согласно договору, они несли ответственность только друг перед другом и больше ни перед кем. Таким образом, на деле реформы так и остались неконтролируемыми. Более того, 61 статья безоговорочно запрещала какой-либо из подписавших держав предпринимать действия в одностороннем порядке, поскольку соответствующий пункт содержал общий термин “державы”.

Как заметил английский герцог Аргайльский, “то, что является делом всех, не является ничьим делом”.⁶ Спустя примерно тридцать лет эту точку зрения поддержал и британский ученый Доусон: “Ни один важный международный договор не нарушался и не игнорировался столь откровенно и регулярно, причем отчасти самими же подписавшими его державами, сколь договор, заклю-

ченный “во имя Господа Всемогущего” в Берлине в июле 1878 года”.⁷ В речи, произнесенной в британском парламенте, лорд Солсбери, позднее ставший министром иностранных дел и премьер-министром Англии, скептически заметил: “Я сильно сомневаюсь в том, что когда-нибудь удастся заставить все шесть держав договориться о применении не дипломатического давления, а морской и военной силы... Я очень сомневаюсь. Я уверен, что невозможно добиться чего-либо посредством компромисса между двумя...”.⁸

Еще одним фактором, обусловившим провал Берлинского договора, явилась неравная степень вовлеченности шести держав в дипломатические демарши и протесты, поднятые против Турции в последующие десятилетия. Например, проект по реформам мая 1895 года, разработанный вскоре после резни в Сасуне в 1894 году, был предложен султану только державами Антанты. Германия и Австрия аналогичным образом отстранились от “европейского концерта”, который в то время пытался преодолеть кризис на Крите; усилия прилагались лишь со стороны Англии, Франции, России и Италии, которым в конце концов в 1899 году удалось добиться автономии острова.

Под прикрытием дипломатической семантики

Именно это и произошло, когда Солсбери, занимавший одновременно посты министра иностранных дел и премьер-министра, после Константинопольской резни в августе 1896 года отправил в столицы пяти остальных великих держав пространный меморандум, предприняв, таким образом, последнюю попытку принудить султана следовать условиям, предписанным 61 статьей Берлинского договора.

После того, как Солсбери, в связи с набиравшим силу Армянским вопросом и соответствующими обязательствами, взятыми на себя Турцией по ряду договоров, в общих чертах обрисовал историю осуществленных державами гуманитарных интервенций, он напомнил остальным державам, что настало время решительным образом противостоять Турции. Не подвергая сомнению готовность держав “сохранить территориальный статус кво империи”, Солсбери сделал особый упор на то, что подобного рода внешняя защита не спасет Турцию “от последствий дурного правления и от упадка”, а также что “снисходительность европейских держав не продлит существование господства, саморазрушающегося из-за собственных пороков”. Он еще раз подчеркнул

“первостепенную важность” сохранения “европейского концерта” и преданности тем положениям договора, согласно которым вмешательство держав могло иметь место как коалиционное и лишь в результате единогласно принятого решения. Затем он вплотную подошел к своей основной мысли: единогласно принятое державами решение “должно быть приведено в исполнение... на достигнутом нами уровне, протесты турецкого правительства не могут быть восприняты как препятствия для их осуществления”. Он обратился к своим коллегам с призывом “решительно осознать, что их единодушное решение в этих вопросах должно быть окончательным и что оно будет приведено в исполнение с применением той степени силы, какая будет в распоряжении держав”.⁹

В то время как Австрия¹⁰ и Италия¹¹ довольно быстро пришли к согласию, при том, что Италия взывала к “принципам цивилизованности и гуманности”, подчеркивая, что для продуктивного проведения реформ необходима эффективная поддержка “морального авторитета “европейского концерта”, остальные три державы не достигли столь полного единодушия. Германия также согласилась, однако предложила, чтобы реформы были нацелены на “улучшение положения не только армян, но и других подданных султана, вне зависимости от их расовой или религиозной принадлежности”.¹²

И хотя, в принципе, французское и российское правительства якобы согласились, по вопросу о применении принудительных мер в отношении султана они уступили при условии, что эти меры будут применены лишь по мере необходимости. В своем циркуляре Солсбери отметил, что даже если будет разработан какой-либо план действий, относительно которого державы придут к согласию, останутся в силе такие долгосрочные договорные обязательства, как воздержание от односторонних действий, сохранение территориальной целостности Османской империи и отказ от установления кондоминиума. Однако проигнорировав эти уточнения, министр иностранных дел Франции Аното в ответ на циркуляр привел все те же положения, представляя их как свои условия для коллективной акции. Можно лишь предположить, что он либо недостаточно внимательно прочитал циркуляр, либо проявил хитрость или беспечность. Помимо прочего, Солсбери подчеркнул одно весьма важное условие: на тот случай, если Турция выразит протест, державам надлежало заблаговременно согласовать шаги, посредством которых они намеревались принудить ее выполнить выдвинутые ими требования, поскольку “их единодушное решение... должно было быть окончательным”. Проявив полное пренебрежение к

этому особо выделенному положению, Аното, наподобие русских, выразил готовность “рассмотреть их [принудительные меры]... в нужный момент”.¹³ Иначе говоря, столь характерная для турок выжидательная и изворотливая политика была превзойдена державами, которые, молчаливо поддерживая султана, в то же время притворялись, что ведут с ним борьбу.

Еще более заковыристым был ответ России. Сначала она выразила согласие.¹⁴ Затем российское правительство заявило о своем “полном неприятии” предложения, имевшего целью применение принудительных мер в отношении независимого государства, после чего последовало разъяснение, что это неприятие не было равносильно отказу.¹⁵ В конце концов, российское правительство определенно поддержало идею принуждения.¹⁶

Всякий раз в ответ на угрозы держав применить силу Турция пугала призраком повальной резни целого народа в конкретных провинциях. Во время французской интервенции в Ливан в 1860 году министр иностранных дел Франции М. Тувенель отверг эту угрозу, заявив, что, “если аргументы подобного рода хоть раз будут учтены, то они будут выдвигаться при любой попытке покончить с насилием в Турции”.¹⁷

И тем не менее, в случае с армянами турки спустя четверть века продемонстрировали, что способны привести свои угрозы в исполнение. Султан Абдул-Гамид, чье имя и чей режим ассоциируются с резней армян в девятнадцатом столетии, понял, что у держав нет особого желания активно заступиться за армян и сумел оценить их склонность уклониться от этого, прикрываясь несовершенством соответствующих положений договора. В конечном итоге основной реакцией держав на массовые убийства явились призывы и неопределенные угрозы в адрес Турции. Но что имело чрезвычайную важность для армян, так это реакция турок на эти призывы и угрозы, нашедшая свое выражение в поведении властей, напрямую задействованных в организации массовых убийств. Генри Барнхем, многие годы занимавший пост британского консула в Алеппо, в своем подробном докладе о серии массовых убийств во вверенном ему консульском округе, в особенности в Айнтабе, Урфе и Мараше, полностью развеял представление о том, что преступники могли опасаться чего бы то ни было. Наоборот, он утверждал следующее:

Я... не вижу в поведении властей ничего, кроме величайшего презрения и пренебрежения по отношению к европейскому вмешательству.¹⁸

Примечания к главе 7

- 1 *Blue Book*. Turkey, No.1 (1877), Doc.No. 1053, p.90.
- 2 Sir Edwin Pears, "Turkey, Islam, and Turanianism," *Contemporary Review* 14, (1918): 373
- 3 "The Armenian Question" *The Contemporary Review XXXVII* (1880): 545. (Автор описывается как восточный государственный деятель с двадцатипятилетним опытом работы в Турции). Когда новое административное деление восточных провинций было практически завершено, немецкий эксперт по вопросам Ближнего Востока, который путешествовал по этим районам, написал: "На самом деле в Турции вопрос вращается вокруг армянского населения. Вскоре после Берлинского конгресса, когда ожидалось, что Турция проведет реформы в своих армянских провинциях, она совершила слишком очевидный акт манипуляции... Она провела перераспределение районов, населенных армянами. Когда эта программа была завершена, ни в одном из этих *вилайетов* удивительным образом нельзя было найти армянского большинства. Вслед за этим турецкий государственный деятель заключает, что никакие реформы не могут быть навязаны неармянскому большинству ради армянского меньшинства, не ладившего с последним. Таким образом, вопрос был разрешен..." Paul Rohrbach, In *Turan und Armenien* (Berlin, 1898), 231. См. также FO40170/19208/13/44, "совершенно секретно" No. 747, доклад британского дипломата сэра Чарльза Марлинга. В этот доклад от 27 августа 1913 г. также включена пространная сводка Фицмориса, главного драгомана британского посольства в османской столице. Фицморис утверждал, что "в 1878 году армянские провинции были преднамеренно раздроблены на исключительно маленькие единицы, чтобы дать османскому правительству возможность эффективным образом разрешить вопрос с армянским населением путем его уничтожения...". Воспроизведено в *British Documents*, vol. 21, p. 508. См. также Andr Mandelstm, *Das armenische Problem im Lichte des Völker-und Menschenrechts* (Kiel, 1931), 125.
- 4 M. Rolin-Jaequemyns, *Armenia, the Armenians, and the Treaties* (London, 1891), 38.
- 5 G.P.Gooch, *History of Modern Europe 1878-1919*, (New York, 1923), 22-23.
- 6 G.Campbell (Duke of Argyll), *Our responsibilities for Turkey* (London, 1896), 74.
- 7 W.H.Dawson, *The Cambridge History of British Foreign Policy*, vol. 3 (Cambridge, 1923), 143.
- 8 *London Times*, Oct.24, 1890. Цитируется в М. MacColl, *The Sultan and the Powers* (London, 1896), 291.
- 9 *Blue Book*. Turkey No. 2 (1897), Doc.No. 2, pp. 1-5. Циркуляр датирован 20 октября 1896 г. Французский перевод циркуляра-меморандума вместе с оригинальным английским текстом см. в *Documents Diplomatiques. Affaires Arméniennes. Livre Jaune. 1893-1897*. (далее цитируется как DAF). Приложение в Doc.No. 277, pp. 304-309. Оригинал на английском языке на сс. 298-303.
- 10 *Blue Book*. [8], Doc. No.4, p.5, October 23, 1896 Doc. No. 26, p.17, December 21, 1896.
- 11 *Там же.*, Doc. No 30, pp.21, доклад Солсбери от 2 января 1897 года сэру Клеру Форду, послу Италии.
- 12 *Там же.*, Doc. No 5, p. 5, Доклад от 23 октября 1896 г., представленный Солсбери послом Англии в Германии сэром Ф. Ласселсом.
- 13 *Blue Book* [п. 8], Doc.No. 28, оригинал на французском языке на стр. 18, английский перевод

- на стр. 19; они включены в доклад от 23 декабря 1896 года французского посла в Англии барона де Курселя, отправленный Солсбери. См. также DAF [п. 8], Doc. No. 322, p. 336.
- 14 *Там же*, Doc.No. 22, p. 15, доклад британского посла в России сэра Н. О'Коннора Солсбери от 25 ноября 1896 года.
- 15 *Там же*, Doc.No. 24, pp. 15-6, доклад Солсбери от 25 ноября 1896 года О'Коннору.
- 16 *Там же*, Doc.No. 25, pp. 16-7, доклад О'Коннора от 25 ноября 1896 года Солсбери.
- 17 MacColl, *The Sultan* [п. 7], 34.
- 18 *Blue Book*. Turkey No. 8 (1896), приложение 1 в Doc.No. 52, с. 47, доклад посла Кюрри Солсбери от 19 февраля 1896 года.

**ОЗНАМЕНОВАНИЕ
ПРОТОГЕНОЦИДАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ**

**Абдулгамидовская эра
массовых убийств**

Настойчивые усилия европейцев принудить Турцию к проведению реформ и ее сопротивление политико-правовым переменам подготовили почву для эскалации турецко-армянского конфликта. В этом столкновении описанная выше разобщенность публичного и обычного прав вылилась в острое противостояние между двумя правовыми сферами. Восприняв всерьез ряд принятых реформ, армяне начали требовать их реального узаконенного применения. Однако турки продолжали полагаться на притязания своего обычного права на традиционное превосходство. В результате превосходство наполнилось новым содержанием, суть которого заключалась в том, чтобы постепенно дать полную свободу силам подавления, присущим такому превосходству. В ответ на предъявленные армянами требования равенства и производных от него прав, господствующая группа вознамерилась перейти к силовому применению своей институционализированной власти. Массовые убийства, однако, являются побочным продуктом такого уровня применения силы, когда она, переступив порог притеснения, переходит в стадию усмирения. Возникновение подобной ситуации, как правило, зависит от обстоятельств, создающих кризисные отношения между подчиняющей и подчиненной сторонами. Взрыв подобного соперничества зачастую является симптоматичным для подспудного действия сдерживаемого напряжения, которое в поисках выхода в конце концов выбирает способ самопроявления. В контексте яростных международных конфликтов этот социально-психологический механизм определяется как фактор ускорения. Нижеследующий анализ ряда примеров резни в эпоху султана Абдул-Гамида, которые очень часто определяются историками как «массовые убийства армян», выдвигает на первый план проявления именно такого рода факторов ускорения, демонстрируя в то же время с какой легкостью режим притеснения может резко перерасти в режим усмирения.

---

* Примечания к данной главе начинаются на странице 208.

Сасунское восстание

Серия массовых убийств эпохи Абдул-Гамида началась с резни в Сасуне в 1894 г. при обстоятельствах, не особенно отличавшихся от тех, которые обусловили балканские восстания 1876 года и реакцию турок на эти восстания. Местное армянское крестьянство долгое время подвергалось притеснениям, которые в случае с балканскими славянами стали причиной восстания последних; среди множества испытываемых ими несправедливостей особенно тягостной была система двойного налогообложения. Армяне были вынуждены платить налоги не только правительственным чиновникам, якобы представлявшим центральные власти, но и вождям местных курдских племен. Таким образом, поднятое в результате восстания сасунских горцев, часто сравниваемых с горцами Черногории, было сродни восстанию крестьян Боснии и Герцеговины. Как и армяне восточной Турции, они подвергались системе двойного налогообложения, столкнувшись с двумя категориями угнетателей: с одной стороны, это были местные землевладельцы-мусульмане и главы племен, которые, будучи славянами, были обращены в ислам, с другой — турецкие чиновники-вымогатели. Однако на этом сходство не заканчивалось. Обе группы стали жертвами агитации извне, включая молчаливое поощрение со стороны России. По признанию одного турецкого автора, причиной сасунского восстания стало возрастающее налогообложение, «армяне Сасуна отказались подчиняться двойному налогообложению... Вслед за этим взбешенный [этим неповиновением], невежественный и твердолобый губернатор начал настраивать и подстрекать местных мусульман против армян».¹

Британский историк лорд Кинросс свой анализ резни в Сасуне завершает заключением, что отказ армян «подчиниться этому двойному обложению» налогами «послужил предлогом для осуществления в 1894 году зверского плана резни, начавшейся по приказу султана». Описывая положение сасунских армян, Кинросс ссылается на «поборы курдских вождей, [которые] превратились в организованную систему сбора подати, взимаемую путем шантажа за защиту армянского населения».² Те же причины резни в Сасуне приводит и французский летописец массовых убийств эпохи Абдул-Гамида Виктор Берар, согласно которому еще в 1892 году губернатор Мушского района провинции Битлис, *kaza* (округом) которого был Сасун (однако, административно связанный с Сииртским районом той же провинции), столкнулся с сопротивлением

в трех армянских горных деревнях этой области, жители которых сетовали, что «не могут служить двум хозяевам одновременно» и что хотя «несомненно, предпочли бы служить туркам», «уже платят большую подать курдам».³

Гнчаки — одна из армянских революционных партий — вне всякого сомнения, обострили ситуацию своим вмешательством в конфликт, когда двое из лидеров партии путем агитации предприняли попытку организовать вооруженное восстание. Комментируя этот вопрос, британский вице-консул в Ване, который, находясь поблизости от местности, где происходили зверства, пристально наблюдал за развитием событий, спустя два месяца в докладе своему послу в Константинополе написал: «Я не верю, что агитация имела значение или что она возымела большое влияние на жителей деревень».⁴ О том, что эти усилия действительно оказались бесплодными, свидетельствует заключение трех европейских делегатов (французского, российского и британского), которые были прикреплены к комиссии по расследованию, без особого желания созданной султаном для расследования столкновений. В своем отдельном докладе, состоявшем из 60 страниц, они заявили, что «отказ семи или восьми домохозяев деревень, состоящих из семидесяти-восемидесяти дворов», «платить подать... не доказывает наличие революционных настроений среди жителей, платящих подать курдам». Далее они отметили, что «некоторые отдельные случаи разбоя», учиненного армянской бандой, или некое «сопротивление войскам» не являются свидетельством «открытого мятежа», как утверждают власти.⁵

Доклады дипломатов — современников указанных событий, неизменно подтверждают соучастие центральных властей, а точнее — дворца и самого султана Абдул-Гамида в осуществлении резни «без различия возраста и пола стариков, больных и детей», которые были не в состоянии спастись бегством.⁶ Эти доклады свидетельствуют о том, что вопрос, связанный с налогами, использовался властями как предлог для истребления армян. В своем докладе от 19 декабря 1894 года, посол Франции Камбон под грифом «*très confidentiel*», писал своему министру иностранных дел Аното, что владеет «достоверной» информацией о том, что султан сам отдает приказы командующему четвертым армейским корпусом (который был задействован в осуществлении резни) «без ведома Порты» (*à l'insu de la Porte*), при том, что Порты — это место пребывания османского правительства. Находившийся недалеко от Вана британский консул Галвард передал своему послу в Константинополе, что «нет никаких

оснований сомневаться... что приказы исходят из Yıldız-а [дворца]”.⁸ Сразу после резни именно этот командующий — Зеки-паша был награжден султаном орденом почета *İmtiyaz* “за преданную и достойную всяческой похвалы службу и за отличные и вполне удавшиеся достижения”. Вернувшись с места, где были осуществлены массовые убийства, генерал, а позднее маршал, был еще раз награжден, на этот раз получив орден *Liyakat* и золотой медальон с имперской монограммой и надписью “за преданность и отвагу”.⁹ Соучастие султана подтвердил и британский министр иностранных дел граф Кимберли, который передал своему премьер-министру лорду графу Арчибальду Розбери, что сам султан и являлся автором беспощадных методов, примененных в отношении армян, и что знаки отличия, дарованные Зеки-паше, указывают на то, что это является “хорошо обдуманым публичным обвинением как в наш адрес, так и в адрес других держав. Сначала я не подумал об этом, но боюсь, что полученная недавно информация не оставляет места для сомнений”.

Турецкие историки, которые в меньшей степени разделяли взгляды выразителей национальной политики и государственных интересов, не колеблясь разоблачили уловку, целью которой было втянуть курдов и представить их как авторов сасунской резни. К тому факту привлекает внимание историк Осман Нури во втором томе своей трехтомной биографии Абдул-Гамида. Он указывает на то, что весь замысел состоял в перекладывании вины за резню с властей на курдов и что “гигантский размах” резни свидетельствовал о том, что после того, как курдам не удалось присмирить и истребить армян, в конфликт были вовлечены воинские подразделения регулярной армии, которые опустошили регион, “сжигая деревни и убивая множество людей”.¹⁰ В своих мемуарах Камиль-паша, который четырежды пребывал на посту верховного визиря, писал о “сожжении и убийствах” армян Сасуна.¹¹ Другой турецкий историк в связи с Сасуном подчеркивал, что турки привели в исполнение свой стратегический план, суть которого заключалась в создании и использовании курдских подразделений *гамидие* как инструмента для осуществления “кровавого” насилия над армянами.¹² По наблюдению британского историка Мариота, “курдов подстрекали взимать все больше и больше налогов с армянских горцев. Курдам было велено подавить восстание в крови при поддержке турецких регулярных войск”.¹³ Таким образом, подмена исполнителей была ни чем иным, как обычной уловкой, которая должна была скрыть истинных авторов массовых убийств. Тем не менее, как уже отмечалось выше, многочисленные

источники свидетельствуют о том, что решающие и наиболее сокрушительные удары были нанесены не курдскими нерегулярными подразделениями, а воинскими частями регулярной армии, а точнее — четвертого армейского корпуса, “150 [солдат которого] были убиты в ходе сражения наряду с курдами и будучи замаскированными под них”.¹⁴ Германский генерал фон дер Гольц на основании сведений, предоставленных ему адъютантом султана, турецким дивизионным генералом Абдула-пашой, перечисляет соединения, задействованные против армян, которые включали несколько подразделений, пехоту и кавалерию, а также множество ружей, сабель и горных артиллерийских орудий¹⁵ — и это не считая тысячи солдат нерегулярных войск, бывших в большинстве своем курдами. Список, представленный французским историком, насчитывает 12 батальонов пехоты, четыре кавалерийских подразделения *гамидие* и несколько артиллерийских батарей.¹⁶

Бесплодность реакции Европы на резню в Сасуне

По степени своей значимости вооруженное сопротивление, оказанное сасунскими горцами двойному налогообложению и часто характеризующееся как «сасунское восстание», превосходит даже спровоцированные им массовые убийства. Именно исход этой резни сыграл важнейшую роль в дальнейших развитиях, которые привели к новым и более разнообразным формам противопоставления османскому режиму, что в конце концов спровоцировало массовые убийства намного более обширного масштаба. Здесь четко просматриваются контуры нарастающей цепной реакции, и поэтому, чтобы понять эти развития, необходимо изучить и проанализировать последствия резни в Сасуне. Анализ должен быть проведен на двух уровнях — природа и масштаб разрушений в Сасуне и последующая безнаказанность преступников.

Сасунская резня была первым в современной османской истории организованным массовым убийством армян, осуществленным в мирное время и не имевшим отношения ни к одной внешней войне. Резня длилась 24 дня (с 18 августа по 10 сентября 1894 года). Подробности событий предоставлены британским вице-консулом Сесилем М. Холуордом, которому удалось в течение нескольких недель после совершения всех этих зверств провести расследование в области, где они происходили. Согласно его докладу, “подавляющее большинство населения почти двадцати пяти деревень погибло, при том что

некоторые деревни были на редкость большими для этой страны”. Контингент одних только битлисских солдат “взял около восьмидесяти банок бензина... [которые] были использованы для поджога домов вместе с находившимися внутри жителями”. В деревне под названием Гелигюзан “связанных по рукам и ногам молодых людей уложили в ряд, покрыли хворостом и сожгли заживо”. В других случаях “в основном использовались... штыки”. Были совершены и “многие другие отвратительные варварства, такие как вспарывание животов беременных женщин, разрывание детей на части...” В другом месте “около шестидесяти молодых женщин и девушек были загнаны в церковь, где солдатам было приказано поступать с ними по своему желанию, а затем убить, что и было сделано”. В своем докладе вице-консул добавляет: “Представленные выше подробные сведения в основном были получены от солдат, участвовавших в резне; подтверждение основных фактов я слышал в разных подразделениях и среди прочих — от турецкого *zaptieh* [военная полиция], который был там и видел все, что происходило”.¹⁷

Огромные человеческие потери и материальные разрушения, являясь неотъемлемой частью последствий массовой резни, тем не менее не дают ее полной картины. Есть еще два дополнительных компонента, требующих описания и рассмотрения. Одним из них является позиция, занимаемая преступниками после совершения преступления, а другим, который тесно связан с первым, — реакция, а скорее, отсутствие реакции внешнего мира. Официальные турецкие сообщения того времени не только отрицали чинимые над армянами зверства, но и обвиняли последних в преступлениях против местных мусульман. До сегодняшнего дня почти все турецкие историки и их сторонники в западных академиях описывают Сасунское восстание как “большой переворот”, как армянскую вспышку насилия против турецких властей и невинного мусульманского населения, в результате которого “все население [этих мусульманских деревень] было уничтожено”.¹⁸ Желая на документальном уровне доказать приписываемую армянам вину, группа турецких авторов, представляющих исследовательский центр, выпустила недавно однотомник, содержащий 85 османских документов вместе с их переводом на английский язык, аннотациями и пространственным историческим введением.¹⁹

Отрицание сасунской резни вошло в традицию сразу же после ее совершения. Уступив совместному давлению держав, султан назначил Анатолийскую комиссию по расследованию, которая должна была подтвердить факты и дать

соответствующие рекомендации. Под давлением угроз и увещеваний комиссия укрыла факты, которые могли послужить свидетельством соучастия властей, и после скоординированных усилий по распределению свидетельств, которые, согласно плану, были сведены лишь к показаниям чиновников и агентов правительства, она выставила армян в качестве ответственной стороны.

Отказавшись участвовать в том, что британский историк Гуч назвал “сфабрицированным расследованием”,²⁰ прикрепленные к турецкой комиссии европейские уполномоченные представили свой собственный отчет, в котором во всех подробностях разоблачили тактику блокирования, “устрашения и подкупа”,²¹ пушенную в ход турецкими властями в процессе расследования. Было совершено даже “нападение турецкой полиции на место проживания делегатов”.²² В дополнение к совместному отчету, британский уполномоченный Шипли подготовил свой собственный отдельный отчет, в котором опровергал турецкие обвинения против армян, назвав их обвинениями в “псевдомятеже и подтасованных актах насилия”.²³ В своем “секретном докладе” российский представитель М. Пржевальский один за другим перечислил все методы, которые были применены турецкой полицией для того, чтобы нарушить правила беспристрастного расследования, превратив свершение правосудия в посмешище.²⁴ И наконец, имеется заключение британского вице-консула Холуорда, который, как отмечалось выше, независимо от комиссии провел свое собственное расследование на месте. Заключение это сформулировано следующим образом:

Восстания, о котором было доложено в Константинополь, не было; жители деревень всего лишь взяли в руки оружие для того, чтобы защититься от курдов. Один из здешних чиновников заявил мне, что были убиты солдаты и запти. После тщательных расспросов я выяснил, что заявление это является ложным. До своего прибытия в Муш я, естественно, также предполагал, что должно было произойти что-то подобное для того, чтобы вызвать подобное применение военной силы, однако ни мутешариф, ни командующий войсками, с которыми я говорил на эту тему, не сделали и намека на что-то похожее, я так ниоткуда и не услышал, что армяне были виновны в чем-то, что можно было бы назвать мятежом против правительства.²⁵

Огромное несоответствие в подходах к задаче, которую британский посол Кюрри в своем докладе премьер-министру лорду Кимберли обозначил как

“справедливый и беспристрастный метод расследования, [который привел бы] к наказанию виновных”²⁶ было непреодолимым. Турки попытались воспрепятствовать справедливому и беспристрастному подходу, когда, оповещая о назначении Анатолийской комиссии по расследованию, известной также как Сасунская комиссия по расследованию, официально заявили, что цель расследования — разобраться с “преступными действиями, совершенными организацией армянских мятежников...”²⁷ Лорд Кимберли, реагируя на позицию турецких властей в этом вопросе, был вынужден отказаться от правил дипломатического этикета, в сообщении послу Кюрри назвав турецкое правительство “порочным” и “безнравственным”.²⁸ Европейские стандарты по проведению расследований и отправлению правосудия все еще были в конфликте с турецкими традициями, свято соблюдавшими изживший себя османский принцип “данного мечом права” (*kilcimin hakkı ile*).

Возникает вопрос: каким же был — если вообще был — ответ держав на все произошедшее? В определенный момент британский посол Кюрри заявил, что Англия могла бы “воспользоваться правом, данным 61 статьей Берлинского договора”, и вмешаться, направив полковника “для выяснения подробностей обращения с армянами”.²⁹ Предполагается, что именно эта угроза сыграла важнейшую роль, принудив султана признать необходимость официального расследования, которому он поначалу яростно противился. Однако заключение турецкой комиссии по расследованию было почти полностью предпрешено самим султаном³⁰ и категорически отвергнуто другими державами. Как отметил один из британских государственных деятелей, “расследование было фарсом от начала и до конца; и итальянское правительство было настолько поражено этим очевидным обманом, что посчитало бы за унижение даже свое номинальное участие в нем”.³¹

Несмотря на неуступчивость султана, который, используя испытанные им методы, фактически бросил вызов державам, они так и не прибегли ни к одному из договоров, по которым взяли на себя определенную ответственность в вопросе защиты армян. И посему они в очередной раз не смогли предложить ничего лучше, чем еще один план новых реформ, который получил название проекта Майских реформ, в основном детально разработанных в мае 1895 года. В последующие месяцы султан, не желая брать на себя связывающих, ограничивающих обязательств, пускал в ход самые разные уловки и хитрости, чтобы замедлить, приостановить эти реформы, увильнуть и даже отка-

заться от них. Поддерживаемый Россией, Абдул-Гамид не отреагировал на многократные предупреждения Англии о тяжелых последствиях, проигнорировал совет, данный австрийским послом,³² а также предостережения императора Германии, который дважды призвал его пойти на мировую с державами, поскольку Германия не была готова заступиться за Турцию.³³

Гнчакская демонстрация: последствие сасунской резни

Именно на фоне этих событий необходимо изучить другую фазу в цикле форсирующих действий. Это была демонстрация в османской столице 18/30 сентября 1895 года, организованная руководством гнчакской партии при поддержке членов еще одной политической партии — арменаканов. Предварительно запланированная на предыдущий день, демонстрация предполагала, что около 4000 армян пройдут маршем к местонахождению османского правительства, Блистательной Порте, чтобы передать петицию протеста в связи с резней в Сасуне, опасным положением армянского населения в провинции и бездействием центральных властей. Требования, соответственно, сводились к предоставлению им гражданских прав, справедливому налогообложению, гарантии жизни, собственности и чести, освобождению от разбойных нападений курдов, в том числе и отмену вымогательских налогов, выплачиваемых последним, а в случае невозможности разоружения курдов — разрешение носить оружие. Впервые в османской истории подданные, представлявшие немусульманское меньшинство, осмелились в самой столице империи выйти против центральных властей с протестом такого масштаба. Это было равнозначно вызову. (Попытка выйти с протестом против дворца Илдыз 15/27 июля 1890 года была предотвращена полицией, которая не позволила процессии демонстрантов выйти с территории армянского собора в Кумкапу — места, где должна была собраться и откуда должна была начаться демонстрация). Как бы то ни было, участники демонстрации были скромными провинциалами — рабочими, грузчиками, слугами, приехавшими в столицу, чтобы заработать на жизнь и отложить деньги для оставшихся дома семей. Однако майор Сервет, адъютант министра полиции, не допустил передачу петиции. Нанесенные им оскорбления переросли в перебранку, которая, в свою очередь, спровоцировала перестрелку, и резня началась.

Некоторые аспекты случившегося достаточно четко указывают на предва-

рительно обдуманый и организованный характер кровавой бойни, развернувшейся на улицах османской столицы среди бела дня на глазах у множества европейских дипломатов и других иностранцев. Совершенно ясно, что власти вместо того, чтобы предотвратить демонстрацию, о которой как они сами, так и представители держав были заранее поставлены в известность организаторами, с радостью воспользовались возможностью столкновения, которое дало им повод для осуществления кровавой репрессии. О свирепости, с которой расправились с армянами, свидетельствует то, что их убивали наугад широким применением дубин. Свидетель событий 1896 года австрийский военный атташе описывает эти орудия как палки с железными наконечниками (*eisenbeschlagen*). По сигналу толпа, вооруженная такими дубинками, должна была “начать убивать армян, невзирая на возраст и пол... методом убийства было избивание жертв дубинками, которыми наносились удары по головам. Эти ужасающие сцены бесконечно повторялись у меня на глазах”.³⁴ Посол Германии Заурма в своем “конфиденциальном” докладе от 4 октября 1895 года канцлеру Гогенлоэ ставил его в известность, что “в кровавом произволе мусульманского населения Стамбула ответственны турецкие власти. Вместо того, чтобы с помощью войск просто предотвратить запланированную демонстрацию армян, о которой они были заранее предупреждены, власти [предумышленно] позволили ей пройти, в то время как полиция оснастила толпу секретным оружием, в основном — толстыми дубинками [*dickle Knüttel*]...”³⁵ Тот же посол 10 ноября 1895 года информировал своего министра иностранных дел в Берлине, что “самые разные источники единодушны в том, что резня армян в основном осуществлялась по тайным приказам [*geheime Befehle*], поступавшим из дворца”.³⁶

Однако кровавые действия не ограничивались использованием дубинок. Военный полицейский (*zaptiye*) рассказал профессору А. Морицу, как во время резни он укладывал армянских младенцев на свой кожаный фартук и забивал их, наслаждаясь их конвульсиями; “они дергались и бились в конвульсиях, как цыплята”.³⁷ Чувство ненависти, возбуждавшее подобные действия, оказалось обвораживающим и охватило самые высокие эшелоны османского правительства. В письме, написанном под впечатлением все еще продолжавшейся резни, французский посол Камбон делился со своей матерью шоком, который произвел на него следующий инцидент: “В понедельник эти изысканные джентльмены из министерства иностранных дел самолично ногами забили до смерти находившегося при последнем издыхании армянина, который

ввалился во двор министерства после демонстрации. Ты можешь представить себе наших молодых людей в Quai d'Orsay [министерство иностранных дел Франции], ради своего удовольствия пинающих раненного во время беспорядков человека?” На той же странице своих воспоминаний Камбон писал 4 ноября 1895 года: “Малая Азия действительно горит в огне. Почти повсюду происходят массовые убийства”. Проницательный французский дипломат еще за три года до погрома предвещал ее неминуемость.³⁸

Элементы, формирующие субкультуру массовых истреблений армян

Константинопольская резня в октябре 1895 года, явившаяся следствием учиненной годом раньше резни в Сасуне, дает лишь частичное представление об общей картине событий. Еще один большой вопрос, к которому необходимо обратиться, — это последствия самой Константинопольской резни. Таким образом можно проследить за теми малозаметными, едва различимыми процессами, под воздействием которых формируется и кристаллизуется модус поведения. И если такая схема поведения сохраняется на протяжении длительного времени и достигает точки, при которой задействованные лица воспринимают ее как данность, формируется культура, в которой такой модус поведения представляется как приемлемый и/или желательный — как в данном случае произошло с культурой резни. Однако в противовес этому существует и культура отрицания. На протяжении всей современной истории турецкие власти неуклонно отрицали существование чего-либо, походившего на культуру резни, или какой бы то ни было политики, имеющей к этому отношение. Все события, завершившиеся резней армян, описываются как ситуативные “беспорядки” и вспышки насилия, при которых мусульманское население противостояло провокационным деяниям мятежных армян. Этот факт, равно как и то, что правительство использовало подставных исполнителей, которых чаще всего вербовали из низших слоев османского общества и которые зачастую являлись преступниками, выпущенными из тюрем, настолько знаменателен, что дает основание говорить не о субкультуре, а о культуре резни. Османско-турецкая склонность к разрешению острых конфликтов с подданными, и в особенности с немусульманскими национальностями, с помощью насилия, а также связанная с этим склонность полагаться на резню как на самый эффективный метод насилия, была успешно проверена на армянах империи, возы-

мев при этом минимальные неблагоприятные последствия. Такова история зарождения турецкой традиции массовых убийств как кардинального оружия против армян. Вот какое объяснение дает этому один из британских авторов:

Турок никогда не имел способностей к бизнесу; его воинская храбрость всегда была обусловлена его леностью и несостоятельностью в торговле и производстве. Упадок империи в значительной степени объясняется полной неспособностью турок понять принципы правильного администрирования и колонизации. Выдавливание из своих подданных последнего пиастра и подавление вполне естественного сопротивления посредством резни всегда было единственным методом, который признавало несметное количество пашей, стоявших во главе турецких или иностранных провинций.³⁹

Именно эта захватническая и грабительская практика привела к возникновению культуры насилия в отношении подвластных народов на протяжении всего османского правления. Ряд удач в военных нашествиях и завоеваниях способствовал формированию менталитета “по праву завоевателя”, благодаря чему необходимость в управлении была вытеснена импульсом экспроприации и подчинения. В условиях подобного режима сопротивление не воспринималось и тем более не допускалось. В результате почти по всей территории османских владений прошла волна насилий, отмеченных массовыми убийствами тех, кто пытался оказать сопротивление угнетателям. Когда в некоторых случаях жертвы осмеливались в качестве возмездия прибегнуть к контрнасилию, угнетатели, раскаляя конфликт, доводя до уровня репрессий, которые никак не соизмерялись с масштабом этого акта возмездия. Непригодные в искусстве управления, однако поднаторевшие в организации усовершенствованных форм насилия, османские власти разработали метод действий, нацеленный на весь коллектив, так или иначе отождествляемый с известными или предполагаемыми лицами, прибегавшими к акту возмездия.

Эта склонность бездумно и опрометчиво переносить вину на массы безобидных людей, которые таким образом оказываются под угрозой уничтожения, и есть азбука культуры массовых убийств. В своем исследовании возникновения традиции пыток и резни в османско-турецкой истории, один из турецких авторов возводит истоки этой традиции к тому периоду, когда совершаемые турками убийства и массовые истребления были возмездием за убийства,

учиненные на Балканах и на Кавказе. В частности, описывается случай, когда великий визирь приказал наугад убить на улицах Константинополя несколько греков, а еще нескольких повесить утром следующего дня — как возмездие за устроенную греками резню мусульман Греции. Вдохновленные этими беспорядочными убийствами, несколько банд из разных частей города предприняли нападения на христианские кварталы, выбрав в качестве жертв не только греков, но и армян. Как отмечает в этой связи автор, здесь можно распознать “нечто, что сродни попытке оправдать или объяснить [наследственный характер] османских и турецких массовых убийств”. Таким образом, обсуждаемый вопрос выходит за пределы контекста государственной политики и требует остановиться на состоянии духа, господствовавшего над мышлением и поведением мусульмано-тюркских народов. (*Müslüman-Türk halkına egemen olan bir ruh hali*).⁴⁰

Через массовых убийств, учиненных против армян с 1894 по 1896 гг., дает возможность проанализировать их в определенном разрезе — с точки зрения характерных обстоятельств, являвшихся связующими звеньями в серии этих убийств. Подобно тому как Сасунская резня 1894 года и ее исход облегчили Константинопольскую резню в октябре 1895 года, последняя, несомненно, подготовила почву для начала массовых убийств по всей территории империи, продолжавшихся несколько месяцев и охвативших большие группы армянского населения империи.

Приведенные выше предсказания французского посла Камбона относительно массовых убийств в значительной степени были основаны на том, что он, хорошо зная о склонностях Абдул-Гамида, мог предвидеть такой план действий последнего, который бы, как обычно, предполагал массовое истребление. Какое бы определение ни давалось культуре, в конечном итоге она есть не что иное как предсказуемое поведение. Однако в определенном смысле такая предсказуемость является побочным результатом поведения других по отношению к действиям, заключающим вину того или иного характера. И когда на деле ответ сводится к бездействию, предсказуемость насилия становится производной от предсказуемости породившего его бездействия. Действующая в данном случае взаимозависимость и составляет ядро того механизма, который способствует возникновению культуры, выбирающей в качестве инструмента государственной политики массовые истребления.⁴¹ Сасунская резня осталась безнаказанной именно по причине полного бездействия. А ког-

да бездействие подобного рода повторяется, оно дает преступникам возможность и в будущем наносить сокрушительные смертельные удары. Постепенное нарастание размеров массовых убийств в рассматриваемый период во многом обусловлено предполагаемым бездействием держав. Это и есть тот случай, когда последствия становятся фактором, то есть когда облаченное в бездействие попустительство со временем приобретает определенные черты вседозволенности. От Сасуна к Константинополю и затем от Константинополя к провинциям прослеживается постоянное возрастание размеров разрушений и ущерба в плане как человеческих, так и материальных ресурсов. Это обстоятельство заслуживает внимания в связи с тем, что геноцид армян во время Первой мировой войны явился апогеем все более и более разраставшегося процесса массовых убийств, основным двигателем которого не преставало оставаться осознание преступниками того, что после осуществления резни им не грозило никакое наказание.

Однако в серии массовых убийств присутствовал еще и ретроактивный компонент — взаимосвязанное развитие Восточного и Армянского вопросов. Последствия массовых убийств, учиненных османскими турками на Балканах, оставили болезненный след в их памяти, и они, казалось, были полны решимости не допустить подобного исхода событий в восточной Турции, делая ставку на демографическое рассеивание армян. Именно в этом был основной смысл послания, которое султан передал императору Германии в ходе аудиенции, данной им послу Германии Радолину 16 ноября 1894 года. Приведем примеры «историй о болгарских зверствах», Абдул-Гамид особо подчеркнул, что именно этим был обусловлен успех болгар в достижении определенной степени независимости, и отметил, что армяне пытались подражать им в этом. На его просьбу помочь развеять миф о массовых убийствах армян, император ответил ироничными комментариями, которые он в процессе чтения поместил на полях доклада посла, в числе которых был и резкий ответ: «Я не сделаю ничего подобного» (*Ich werde den Teufel thun*).⁴²

Совершенно очевидно, что геноцид армян имеет и исторические аспекты, вращающиеся вокруг вышеуказанного фактора последствий. Этот принцип последствий был разъяснен в связи с концепцией безнаказанности. Однако безнаказанность является лишь частью еще большего синдрома, состоящего из трех других элементов, которые можно описать следующим образом. Учитывая последствия преступления, коим являлась массовая резня, организованная

государством, безнаказанность в данном случае не была ни прямой, ни абсолютной. Всегда существовал риск, который следовало учитывать. Державы могли, неожиданно уладив свои разногласия, решительно вмешаться; или же они могли отомстить позднее, применив ряд карательных мер. Таким образом, определенная доля неуверенности в связи с возможной реакцией держав, стесняла тех, кто принимал решения по санкционированию массовых убийств. Спорадические проявления как скрытых, так и явных угроз со стороны держав во многом способствовали этому. В то же время, если всмотреться в дополнительные компоненты феномена такой безнаказанности, то можно распознать еще одно вспомогательное явление, которое действует как своеобразный предохранительный клапан для искомой безнаказанности. Речь идет о тестировании, опробовании. Для того, чтобы проверить реакцию внешнего мира, предпринимаются первоначальные действия, предзнаменующие зверства более крупного масштаба. В этом смысле резня в Сасуне была знаменательным прецедентом. В отличие от многих других предшествующих случаев как на Балканском полуострове, так и в Ливане, где зверства длились не столь долго, в Сасуне туркам было позволено на протяжении более трех недель истреблять население, выбранное в качестве жертвы. Более того, позднее армяне не получили никаких возмещений или компенсаций. Резня в октябре 1895 года, сразу после демонстрации Баби Али, была не только логическим продолжением резни в Сасуне, но — что важнее — была нападением относительно меньшего масштаба, целью которого было прощупать возможность запланированной широкомасштабной массовой резни на территории всей империи, что, собственно, и произошло.

На наличие вышеупомянутого ключевого аспекта исследуемой культуры резни указывает еще один элемент. Речь идет об обострении кризиса посредством действий, имевших целью его усугубление: армян вынуждали предпринимать своего рода контрдействия, тем самым подталкивая их к тщательно подготовленным беспорядкам. Это уже стадия провоцирования: потенциальные преступники искусно подталкивают потенциальную жертву к отчаянным действиям, чтобы временно создать удобную для нападения ситуацию. Вся значимость этой уловки подчеркивается еще и тем фактом, что заранее зная о готовности намеченной в качестве жертвы группы пойти на отчаянные действия, преступная группа использует ситуацию в собственных целях: вместо того, чтобы предпринять меры по предотвращению, она умышленно допус-

кает, чтобы действия эти были реализованы. Массовые убийства, осуществленные в связи с демонстрацией Баби Али в октябре 1895 года, показывают жизнеспособность подобной тактики реализации провокационного плана. Нижеследующий отрывок из мемуаров одного из высокопоставленных должностных лиц султана Абдул-Гамида позволяет полностью восстановить всю картину; спустя месяцы он должен был стать эмиссаром султана, который вел переговоры с британским поверенным Майклом Гербертом по весьма непростому вопросу армянских реформ:

Порта, которая, узнав об их намерении провести мирную демонстрацию, имела полное право и даже была обязана послать за армянскими лидерами, чтобы попросить их представить свою дезидерату иным способом, и запретить демонстрацию, не только ничего не предприняла, но и своим отношением еще больше спровоцировала демонстрацию, имея очевидную цель извлечь из ситуации выгоду, с тем чтобы применить репрессивные меры по отношению к демонстрантам. Солдат выставили на позиции, а вооруженный дубинками народ занял свои позиции, спрятавшись за ними.⁴³

Третий элемент, тесно связанный с описанной выше стадией провоцирования, имеет, однако, новую грань. Издавая приказы, делая заявления, давая опровержения либо как-то иначе комментируя акты насилия, имевшие место в турецко-армянском конфликте, османские власти всегда выставляли армян в качестве врагов мусульман. И несмотря на то, что сторонники армян в Европе также, говоря о них в религиозном контексте, добавляли определение “христиане”, когда хотели продемонстрировать озабоченность положением армян, османский подход имел совершенно иную природу. Конфликты с немусульманскими национальностями практически не воспринимались и не трактовались с точки зрения национальной идеи. В качестве основного критерия идентификации выступал теократический принцип *ümmet* (который означает группирование народов по религиозному признаку и подразумевает идею о том, что религия является той основной силой, которая объединяет эти народы). Таким образом, какие бы нарушения ни приписывались властями армянам, жертвы, ассоциируемые с этими проступками, всегда описывались как “мусульмане”. Такое определение конфликта обещало властям двойную выгоду. Оно акцентировало существующие религиозные разногласия, противопоставляя армян всем другим мусульманским этническим группам, в особеннос-

ти лазам, курдам и черкесам. Таким образом, религия использовалась для того, чтобы привлечь на свою сторону разные этнические группы, закрепить их связь с помощью подстрекательства и создать объединенный фронт против подвластного народа, который — так уж случилось — исповедовал христианство. Скрытая за этим провокационная суть стремлений правительства вызвать безжалостные конфронтации с армянами посредством этого механизма породила новый уровень провокации, предназначенной для мусульманского населения, чья поддержка была необходима властям для осуществления своих планов. Эта поддержка предполагала активное участие мусульманского населения в массовых убийствах. В своих двух следовавших друг за другом докладах из Аданы британский вице-консул П.Г. Масси следующим образом описывает применение этой тактики двойной провокации:

На основании исключительно надежного источника, я с сожалением должен поставить Ваше Превосходительство в известность, что положение в Фэке области Козана хуже некуда. Всюду разгул насилия и террора, а тюрьмы просто переполнены невинными армянами. Людей, несомненно, подталкивают к открытому восстанию. От протестов, адресованных прямо генерал-губернатору Аданы, никакой пользы нет. Если нынешний каймакам Фэке не будет смещен, в любую минуту может произойти катастрофа...

В связи с моей недавней поездкой в провинции Аданы и Алеппо имею честь представить Вашему Превосходительству следующий краткий отчет по текущему положению дел в посещенных мною краях.

Армянское население повсеместно притесняется правительством, которое лишает их средств передвижения, возможности зарабатывать на жизнь и чувствовать, что их жизнь и их собственность в безопасности даже на самых многолюдных дорогах. Налоги взимаются самым немилосердным образом, даже с крайне бедных людей. Тюрьмы переполнены невинными людьми, которых держат там месяцами без суда и следствия.

В то время как армяне предупреждают, что терпение их на исходе и что они могут начать восстание, правительственные чиновники везде, где бы я ни был, ставили меня в известность, что они отдали приказ “быть наготове” и уничтожить любого армянина, который посмеет поднять голову. Мусульманское население везде вооружено, готовое выйти против невооруженных армян, и можно ожидать беспорядков в любой момент там, где вспыхнет хотя бы искра.

Я всюду предостерег армян, чтобы они не давали повода для массовых убийств или беспорядков, однако терпение их на исходе; они так долго ждали, не получив никаких результатов, что, по их словам, уже теряют терпение и готовы предпочесть смерть своим нынешним страданиям.⁴⁴

Выгода, вытекающая из в высшей степени активной вовлеченности населения, состояла не только в том, что уничтожение намеченной жертвы стало более простым делом, но и в том — и это намного важнее — что нашелся благовидный предлог для того, чтобы взвалить всю тяжесть вины на не контролируемых центральными властями преступников. В своей статье, отражающей положения тезиса о провокации, Роберт Мелсон затрагивает этот вопрос, утверждая, что “резня могла привлекать режим, потому что была уловкой [позволившей] местным властям и крестьянам участвовать [в обеспечении] желаемых результатов, не вовлекая явно центральное правительство”.

При анализе функции безнаказанности в формировании культуры массовых убийств этому двойному механизму провокации следует уделить особое внимание, так как воздействие, оказанное им на процесс в целом еще больше способствовало достижению безнаказанности. Действительно, точно так, как жертва, которая была изначально спровоцирована, может представляться как подстрекатель, а вопрос виновности может быть искажен и сведен к тому, что во всем было виновато мусульманское население, — точно так же внешний мир может запутаться, и задача наказать виновных может оказаться весьма затруднительной, чтобы не сказать — провалиться полностью. Таким образом, безнаказанность не всегда и не в полной мере является результатом равнодушия тех, кто в состоянии привести наказание в исполнение. Она может быть обусловлена и сбивающими с толку обстоятельствами, преднамеренно созданными преступниками. Если перенести вопрос в плоскость политики и международных отношений, то он сведется к простой формуле: в том случае, когда фигурируют острые “национальные интересы”, ни одна держава, или объединение держав скорее всего не станут серьезно обсуждать силовое вмешательство. На начальных стадиях турецко-армянского конфликта вопрос состоял не только в том, что армяне не представляли важности для держав, но и в том, что, помимо прочих имперских и колониальных амбиций, их удерживало осознание ценности огромных инвестиций в экономику Османской империи. В конечном итоге, именно защищая эти инвестиции, они вынесли ре-

шение в пользу невмешательства.⁴⁵

Таковы обстоятельства, при которых безнаказанность стала самым важным фактором в формировании турецкой субкультуры массовых убийств, в качестве основного оружия при разрешении турецко-армянского конфликта. Ее значимость еще раз выдвигается на первый план в нижеследующих рассуждениях — при рассмотрении следующей стадии в цепи массовых убийств 1894-1896 гг.

Зейтунское восстание 1895-96 гг.

Параллельно восстаниям, поднятым группами греческих, болгарских и македонских революционеров, армяне начали осуществлять нападения внутри империи, а также в ее столице. Сколь бы оборонительным ни был характер сасунских событий, это была первая большая попытка армян бросить вызов османским властям. Ее кровавый исход и те потери, которые понесли армяне, не остановили гнчаков от организации “мирной” демонстрации в османской столице год спустя, лишь с тем, чтобы и на этот раз, как уже было описано выше все закончилось очередной кровавой бойней. Однако третья попытка гнчаков выступить против османского режима увенчалась относительным успехом. Речь идет об организации Зейтунского восстания (24 октября 1895 г. — 2 февраля 1896 г.). Как и Сасун, находившийся в 40 милях к северо-западу от Мараша, Зейтун, будучи высокогорной твердыней, имел исключительно выгодное для вооруженного восстания расположение. Как и сасунские горцы, зейтунцы намеревались положить конец гнету режима, который, соответствуя охватившим тогда всю империю погромам, использовал любые доступные методы для того, чтобы спровоцировать горцев. Некоторые турки, участвовавшие в тайных собраниях, на которых обсуждалась предстоящая резня армян, тайно предупреждали об этом своих армянских друзей. Приток новых воинских подразделений, сооружение новых барачков и складов для боеприпасов, плохое обращение вновь прибывших с местным населением были зловещими сигналами. При виде армянских священников солдаты начинали издавать звуки, “ош, ош”, которыми в этих краях отгоняли собак. Они не платили за товар, приставали к молодым с сексуальными предложениями и домогательствами, ругали горцев. Правительство, в свою очередь, приступило к взысканию налогов и конфискациям. Самые нетерпеливые турки кричали: “Неверные псы, ваше время подошло к концу; мы уничтожим вас”.

Когда правительство сместило с поста губернатора области Зейтун и заменило его неким Авни-беем, о котором говорили как о заклятом враге армян, смещенный губернатор раскрыл своему близкому другу армянину, некоему Артину-аге Гюлванесяну, что Зейтун обречен, так как подготовительные работы по уничтожению его населения уже шли полным ходом. Затем, как сообщается, он добавил: “На всей территории Киликии, Зейтун и Ачн – это два исключительно армянских города, и будучи таковыми они как бельмо на нашем глазу. Угроза, исходящая от вас, армян, больше той, что представляла Болгария. Султан вознамерился нанести чудовищный удар всей армянской нации. Знайте и будьте осторожны”. Наконец, воинские подразделения перешли к действию – каждую ночь они сжигали заранее обозначенные армянские деревни в этой области. Зейтунцы быстро нанесли ответный удар, чего, собственно, и ждали власти. Командующий войсками телеграфировал султану, что зейтунцы восстали и безжалостно убивают мусульман.⁴⁶ Имея преимущество существовавшей на протяжении длительного времени полуавтономии и опыт, накопленный в ходе ряда ограниченных восстаний во второй половине девятнадцатого столетия, зейтунцы, воодушевленные и направляемые несколькими гнчакскими лидерами, начали открытое восстание, заявив: “На этот раз наши горы станут нашими тюрьмами”.

Зейтунское восстание заслуживает внимания в нескольких отношениях. Здесь произошел ряд яростных сражений, в ходе которых османская армия, а точнее – Пятый армейский корпус, размещенный неподалеку от Мараша, которому никак не удавалось прорваться сквозь армянскую линию обороны, понес тяжкие потери. В конце концов главнокомандующий Ремзи-паша был смещен и заменен Эдхемом-пашой. В общей сложности 24 батальона, 12 артиллерийских орудий, 8000 людей дивизии Зейбек из Смирны (Измир) и еще около 30–35000 курдских, турецких и черкесских нерегулярных войск не смогли силой оружия покорить 1500 повстанцев, вооруженных лишь кремневыми ружьями и 400 винтовками. Тысячи турецких солдат замерзли на зимнем холоде, еще тысячи погибли от ранений в госпиталях Мараша. Самые большие потери были понесены на поле боя. И все же состояние армянских бойцов постепенно ухудшалось из-за истощения ресурсов и изнурения, что в свою очередь еще больше усугублялось постепенно сжимавшимся кольцом постоянно пополнявшихся османских войск.

Именно при таких обстоятельствах представители шести держав, проявив

инициативу, предложили как повстанцам, так и султану свои добрые услуги посредничества. Весьма знаменательно, что легкость, с какой армяне согласились на это предложение, уступала лишь поспешности реакции самого султана, крайне удивившей послов держав. После десяти дней “напряженных” переговоров было достигнуто соглашение, которое вошло в силу 12 февраля 1896 года. Султан согласился сократить налоги, а также согласился на то, чтобы, за исключением судьи, все правительственные чиновники и представители правоохранительных органов назначались из местных зейтунцев; кроме того, он в очередной раз пообещал провести специальные реформы, которые были рекомендованы представителями вмешавшихся держав. Основным положением этого соглашения являлось то, что турецкая сторона выразила готовность назначить губернатором (*каймакам*) в казе (*kaza*) Зейтун христианина. После долгих увиливаний, под давлением держав на султана этот каймакам был наконец-то назначен 7 июля 1896 года, однако прибыл, чтобы занять свою должность, только 9 сентября. В ответ на это повстанцы сдали свое боевое оружие; согласно условиям всеобщей амнистии, четыре самых главных лидера должны были быть изгнаны с территории империи. 13 февраля 1896 года их сопроводили из Зейтуна в турецкий порт Мерсин, откуда 12 марта им предстояло отправиться во Францию – в Марсель. Однако, чтобы спасти репутацию султана, соглашение в целом составлено так, будто он даровал свое прощение всем пожелавшим сдаться повстанцам.

Зейтун, и в особенности территории вблизи Аданы с огромной концентрацией армян как в самом городе, так и вокруг него, избежали погромов, жертвами которых стало все остальное армянское население империи. Военные поражения, понесенные османскими войсками, были настолько серьезными, что могли усмирить потенциальных преступников по всему региону. Кроме того, обоснованный или необоснованный, но все же был страх, что зейтунцы, прорвавшись через военный кордон окружения могли спуститься в долину Аданы и в порыве мести нанести большой ущерб турецко-мусульманскому населению этой территории. Известие о военных поражениях османских вооруженных сил, ошеломившее население, не было ни выдумкой, ни досужими разговорами. Все европейские консулы, выполняя свой долг, докладывали эту информацию только после тщательной проверки фактов. В своем докладе от 6 января 1896 года британский консул Бэрнгам писал что “турецкие войска понесли серьезное поражение в Зейтуне... есть по меньшей мере

5000 убитых, хотя в народе ходят слухи, что цифра эта достигает 10 000...” Он признавал, что зейтунцы “всегда сражались храбро и что их стрельба из-за нас-пех сооруженных укреплений, по признанию самих турок, была превосходной... а из ружей они стреляли настолько хорошо, что войска не осмеливались выходить и по возможности старались держаться в укрытиях”. Что касается потерь, понесенных обеими сторонами, то, по оценке Бэрнгама, общее число “армян, погибших во время мятежа из-за войны, болезней или нужды, составляло 6000.” Согласно его утверждению, город Зейтун, население которого до восстания составляло 7 500 человек, оказался перенаселенным в результате притока около 12 000 беженцев из близлежащих к городу областей, которым удалось спастись бегством от резни и уничтожения.⁴⁷ Австрийский консул в Алеппо Дж. Берtrand переслал генеральному консулу Австрии в Сирии шевалье де Реми-Берзеновичу полученную им “конфиденциальную” информацию о том, что “зейтунцы воюют как настоящие герои и что в ходе последнего сражения ими было убито 1 300 турецких солдат. Из четырех батальонов, высланных из Алеппо и Джебль Самаана, более половины было убито”. Итальянский консул в Алеппо, т. е. — итальянский консульский представитель Э. Витто, который от имени держав вел переговоры в Зейтуне, в письме своему австрийскому коллеге Берtrandу от 16 февраля 1896 года сообщал, что “Высокая Порта приняла условия, выдвинутые повстанцами”.⁴⁸ Как рассказывал французский посол Камбон, предложение держав о посредничестве с целью достижения соглашения “сначала было встречено весьма холодно” султаном, который, очевидно, был уверен, что, предприняв новое наступление, он сумеет разбить армян. Он поблагодарил державы за посредничество, и «в тот же самый день турецкий командующий получил приказ прикончить армян”. Однако после нескольких, предпринятых с этой целью тщетных нападений последовала просьба о посредничестве, причем “в совершенно отчетливом настоятельном тоне... поистине османские войска в довольно плохом положении”. Камбон описывает ужасное положение семнадцатитысячного османского военного корпуса, который “был на грани уничтожения”, предсказывая “ужасные последствия” в случае, если “посредничество держав в скорейшем времени не воплотится в жизнь”.

Оценивая подобный, не характерный для истории Османской империи исход, военный эксперт, французский военный атташе в Турции полковник де Виалар, предложил следующие комментарии:

Зейтунские бойцы насчитывали около 1 500 человек и были вооружены исключительно старыми кремневыми ружьями, включая 400 винтовок, захваченные в бараках у солдат. Турецкие войска, состоявшие из 24 батальонов, насчитывали около 20 000 хорошо оснащенных людей. В дополнение к этому было еще около 30 000 башибузуков (нерегулярных войск) — курдов и черкесов. В конце концов, когда боеприпасы зейтунцев иссякли, они подготовили план, согласно которому должны были пустить в ход холодное оружие. Речь шла о ночном нападении на 10 000 солдат Али-бей [одного из командиров бригады, входившей в состав Пятого армейского корпуса], которое должно было произойти во многих местах одновременно. Несмотря на то, что в численности они уступали туркам, им могло удасться изгнать турок. Кроме того, зейтунцы относятся к каждой войне, которую они ведут, как к крестовому походу. Они орудут кинжалом с невиданной ловкостью. Более того, они знали, что, если османские войска войдут в город, им не удастся спасти даже женщин и младенцев. Именно по этой причине они готовы были без колебания отдать свою жизнь.

В этом отношении весьма красноречив комментарий французского поверенного в Константинополе М. де ла Булиниера: “С тех самых пор, как начались проблемы, державы вторично оказывают султану большую услугу, вызволяя его из трудной и тревожной ситуации... он был несказанно рад вмешательству держав” (*Il a été très heureux de l'intervention des Puissances*).⁴⁹ В двух других докладах посол Камбон сначала информирует Париж о том, что султан “обратился к державам [чтобы обеспечить их вмешательство] по причине военного поражения” (*échec*),⁵⁰ затем описывает просьбу султана, заключавшуюся в том, чтобы державы поспешили помочь прекратить военные действия и спасти его войска от тягот войны в суровую зимнюю пору.⁵¹ Известно, что в ходе переговоров с армянами по прекращению военных действий турецкий командующий войсками западного фронта в период зейтунского сражения Али-бей сказал Агаси, лидеру повстанцев, что кроме их отваги, еще одним качеством, восхищавшим его в зейтунцах, было их “невероятное искусство стрельбы”.⁵² По оценке одного из французских авторов Пьера Кильяра, турецкие потери составляли 20 000 человек.⁵³ В целом не существует полной и достоверной статистики относительно того, сколько человек и по какой причине погибли в результате восстания и турецкой военной кампании по его подавлению. Следует отметить, что британский государственный деятель и исследователь истории Восточного и Армянского вопросов Джеймс Брайс провел аналогию между судьбами черногорцев и зейтунцев, боровшихся против турецкого деспотизма. Зейтун “был своего рода азиатской Черногорией, и то мужество, с которым

они защищались, выступая против значительно превосходящих сил зимой 1895-1896 гг., доказало, что эти находившиеся в изоляции христиане являются достойными собратьями черногорцев, чья отвага и героизм были увековечены величайшим поэтом этого поколения”.⁵⁴

Наконец соглашение было достигнуто, и в сообщении для прессы были разъяснены его условия: они были опубликованы на армянском⁵⁵ и на французском языках.⁵⁶ Что касается всей истории, то она, по мнению армян, была описана также на английском.⁵⁷

Столкновения в Ване

В отличие от всех предыдущих случаев революционной активности против османского режима, во время событий в Ване гнчаки и дашнаки не только объединились, но и — что важнее — получили значительную помощь от третьей партии — арменаканов. Будучи местной партией, возникшей и организовавшейся раньше двух других, арменаканы, тем не менее, не были до такой степени идеологически подкованными, не ставили перед собой приоритетных целей и поэтому были менее “революционными” в том смысле, что ограничивали свою деятельность исключительно вопросами местной самообороны. Их мишенями были местные правительственные чиновники и мародерствующие курды, притеснявшие армянское население Вана. Немаловажную роль, однако, играл тот факт, что их руководство практически полностью состояло из местных армян, тогда как две другие партии руководились и направлялись армянами из России и Европы, а в некоторых случаях даже из США. Ван расположен в восточной Турции, в миле от озера Ван. Этот город и его окрестности были местом максимальной концентрации армянского населения Османской империи. Не только в отдельности, но и вместе турки и курды значительно уступали армянам в численности.⁵⁸ Весь регион воспринимался армянами как священная земля, оплот армянской культуры и цивилизации, пропитанный традициями древней армянской церкви. Его близость к России являлась тем фактором, который еще больше раздражал османские власти, столкнувшиеся в этой области с армянскими революционерами. В противовес российскому влиянию, проводником которого в этом регионе выступало российское консульство, Франция и Великобритания также открыли в городе Ван свои консульства.

В плане организации восстаний армяне Вана не отличались активностью: можно отметить, к примеру, восстание 1862 года, значимость которого состоит в том, что оно было осуществлено в союзе с курдами, из близлежащих местностей. Это был один из очень редких случаев, когда армяне и курды объединили свои ресурсы, чтобы противостоять османскому режиму. Однако в 1879 году, после подписания Берлинского договора, 61 статья которого предполагала правительственные меры по защите армян от разбойных нападений курдов, султан отправил в Ван маршала Сами, миссия которого заключалась в том, чтобы способствовать ужесточению разбойных нападений, в то же время притворяясь, что борется против этноцентристских амбиций курдов. Чтобы ослабить доминировавшее в Ване влияние армян, Сами начал заселять окрестности города большими группами курдов.

После арменаканов следующими по своей организованности и влиятельности были гнчаки, которые, однако, в некотором отношении отличались от них. Принципы националистической идеологии зачастую воспринимались ими как принципы международного социализма, что способствовало установлению скрытых и явных связей с поддерживавшими их иностранными группами, которые придерживались тех же идеологических догм. В отличие от арменаканов, гнчаки полагались на браваду и иногда прибегали к ней как к тактической уловке с целью пробудить аполитичные армянские массы, одновременно бросая вызов угнетавшим их властям. Лидером гнчаков был двадцатипятилетний студент университета из соседнего Закавказья, который с гордостью говорил о том, что под его командованием находилось несколько сотен групп, каждая из которых включала от 8 до 15 человек. Однако они не отличались хорошей подготовкой, за плечами у них не было опыта сражений и располагали они от силы двумя винтовками. Кредо их лидера сводилось к следующему: “Мы будем счастливы, если из четырех миллионов армян выживут хотя бы 100 000, которые, однако, будут жить свободными при социалистическом режиме. Для меня нет разницы, кто будет стоять во главе этого режима — султан или армянский царь Тигран”. Армянский автор, современник событий тех дней, описывает его как типичного “утописта из башни из слоновой кости, доброго, по-настоящему откровенного, прямого, сторонника строгой дисциплины, безукоризненно честного во взаимоотношениях с другими и чрезвычайно благородного молодого человека”.⁵⁹ Гнчаки попытались компенсировать свои ограниченные ресурсы силы, прибегая к террору и убивая тех

курдов и турок, которых они считали мучителями армянского народа; не щадили они и тех армян, которые сотрудничали с режимом, а также тех, кого они рассматривали как серьезное препятствие на пути осуществления своих планов. За три месяца до столкновения в июне 1896 года гнчаки предприняли неудачную попытку убить главу курдской банды Шакира, который в отместку за это огнем и мечом прошелся по Нордузу и Айоц Дзору.

Выйдя последними на арену, дашнаки, тем не менее, достаточно быстро завоевали свое место в регионе, организовав сеть революционных ячеек. Из трех партий они были наиболее дисциплинированными и наименее ограниченными в ресурсах. Дашнаки тоже были склонны к бравате и получали от нее удовольствие; кроме того, они позволяли себе прибегать к методу террора с целью наказания тех, кого они считали виновными в преступлениях против армянского народа — будь то турки, курды или даже армяне.

До столкновений в июне 1896 года жизнь армян как в самом Ване, так и вокруг него была полна интриг и раздоров между тремя партиями, что наносило ущерб движению, начатому с целью улучшения положения армянского населения. Многие из задействованных лидеров превратно понимали свое предназначение, полагая, что должны во что бы то ни стало доказать свою способность к лидерству и политическую проницательность; такими свойствами, как дерзость и неустранимость, они подменяли качества, которые, как правило, способствуют эффективному руководству и которые были необходимы в то время, чтобы достичь успеха в противоборстве с турками и курдами. По всей вероятности, это было обусловлено тем, что большинство лидеров как гнчакской, так и дашнакской партий были чужестранцами, своего рода “импортированными” лидерами. Некоторые из них были продуктами европейского образования, другие — российской культуры. Будучи таковыми, они не были в достаточной мере знакомы с местными и региональными условиями. Закавказские, и в особенности тбилисские и бакинские армяне, к примеру, не имея достаточных знаний и многого не понимая в устройстве Османской империи, в турках и курдах, не представляли всей сложности и запутанности проблем османских армян. Таким образом, столкновение в Ване необходимо рассматривать именно на фоне этих условий.

Из всех доступных европейских источников наиболее детальную информацию (даже тогда, когда они имеют проосманскую направленность) предоставляют доклады майора В. Г. Уильямса, бывшего в тот период британским

вице-консулом в Ване. Он появился на арене за пять месяцев до начала бунта. В то время как осенью 1895 года во всех других частях Турции на большинство центров армянской общественной жизни совершались нападения, сопровождавшиеся разрушениями и массовыми убийствами, Вану за счет ряда факторов удалось избежать этого. Будучи противниками насилия и беспорядков, губернатор и командующий войсками были в состоянии контролировать ситуацию. Свою роль сыграло и то, что армяне Вана, в отличие от армян многих других городов во внутренних районах Турции, не были столь легкой добычей и легким объектом для нападений. Воспользовавшись близостью с Россией и Ираном, армяне Вана смогли запастись оружием, проведя его контрабандным путем. Кроме того, арменаканы — наиболее влиятельная в тот период партия в Ване, в отличие от двух других, были исключительно осторожны и осмотрительны во всем, что касалось подготовки к самообороне во время ожидавшегося крупного нападения турок и курдов. В октябре 1895 года, когда многие армянские общины по всей империи полыхали в пламени, ванские армяне понесли относительно малые человеческие потери, которые были результатом случайной перестрелки между провозившими контрабандное оружие арменаканами и курдами.

В докладе от 14 января 1896 года своему послу в Константинополе, британский вице-консул майор Уильямс рассказывает о том, что множество армянских деревень “были разграблены... эти бедные люди переносят большие трудности... В целом ситуация чрезвычайно тяжелая; армяне повсюду находятся на грани паники, боясь, что весна принесет с собой новые бедствия...”⁶⁰ 19 февраля Уильямс написал послу Кюрри: “Восемь армян были убиты в одной из близлежащих деревень... сообщается об убийстве еще двух армян в других деревнях... если в ближайшем будущем не будут предприняты меры, чтобы хоть как-то удержать курдов, боюсь, что с наступлением лета в этом вилайете произойдут серьезнейшие события”. Затем, чтобы объяснить свой прогноз, который в свете июньских беспокойств оказался пророческим, он выносит следующий диагноз, ссылаясь на

... метод, посредством которого правительство оперирует курдским вопросом. Вместо того, чтобы арестовать одного, двух или более [курдских] главарей, которых можно было с легкостью поймать, Мушир [маршал Зеки, командующий Четвертым армейским корпусом] в Ерзнка телеграфирует [курдским] командующим гамидие, что-

бы те “вели себя спокойно”. Отдавая такой приказ, он практически закрывает глаза на предшествующие преступления.⁶¹

О том, что курдам потворствовали и что их нападения на армян даже поощрялись, свидетельствует и французский представитель П. Дефранс, который в свое время призывал обратить внимание “на вооруженных курдов, которые пользовались тем, что их не наказывали”.⁶² С целью усмирения курдов армянские революционные группы иногда предпринимали неожиданные ответные рейды; случалось и так, что они ввязывались в открытое сражение или прибегали к террористическим актам, чтобы навести страх на реальных и потенциальных преступников как среди курдов, так и среди их турецких покровителей. В ходе этих операций было убито множество турок и еще больше курдов.⁶³

На фоне описанной выше ситуации султан Абдул-Гамид прибег к одному из своих обычных методов, чтобы истребить и покорить армян Вана. Он отправил своего адъютанта, генерала Саадедина в Ван, якобы для того, чтобы тот проконтролировал проведение реформ, провозглашенных им посредством имперского рескрипта 17 октября 1895 года, о чем поставил державы в известность через три дня. Однако генерал не только не следил за реформами, но и провел ряд тайных встреч с курдскими главарями, которые, как говорили, щедро его отблагодарили. Кроме этого, он организовал отставку генерал-губернатора провинции Назима-паши, который пытался смягчить султана и выступал против массовых убийств, что было высоко и с благодарностью оценено армянами.⁶⁴ Однако, как доложил французский посол Камбон своему министру иностранных дел в Париже, Саадедин, не согласный с политикой генерал-губернатора, желал «потворствовать курдам, чтобы использовать их против армян, в то время как генерал-губернатор являлся сторонником мер по примирению». ⁶⁵ В период с 1895 по 1896 гг. верховный комиссар Шакир-паша во всех шести населенных армянами провинциях применял этот метод организации массовых убийств, прикрываясь тем, что он, якобы, проводит реформы, на которых настояли великие державы. Он также был адъютантом султана и под фанфары был назначен в эти провинции, якобы для того, чтобы контролировать проведение реформ. Но побочным результатом всех его «инспекционных» визитов становились не реформы, а массовые убийства, что в особенности относится к Эрзруму. Характеризуя его как “одного из самых

дьявольских советников султана”, Кинросс дает следующее объяснение его зловещей миссии:

Его мнимой должностью была “инспекция определенных местностей в провинциях Азиатской Турции” в связи с мнимыми планами султана по проведению реформ. Таким образом прикрывалась его истинная роль, которая заключалась в планировании и осуществлении массовых убийств в каждой отдельной местности.⁶⁶

Воодушевленный тем, что уловка его удалась, султан решил подключить генерала Саадедина. Для того, чтобы избавиться от необходимости действовать тайно и легализовать массовые убийства, которые, согласно французскому поверенному в Константинополе М. де ла Булиениеру, “уже давно подготавливались курдами”, Саадедин состряпал докладную о ситуации в провинции Ван. Получив его копию и уточнив ее содержание с вице-консулом в Ване Уильямсом, британский поверенный Майкл Г. Герберт в донесении своему премьер-министру Солсбери опроверг этот доклад за “множество содержащихся в нем неточностей”.⁶⁷ Перестрелка между турецким патрулем и группой неизвестных противников, которые могли быть либо армянскими революционерами, либо “контрабандно перевозившими соль турками”,⁶⁸ завершилась убийством одного турецкого жандарма и одного солдата и спровоцировала взрыв того, что было названо армянами “великим ванским событием”. Описав это событие как подстроенный инцидент, давший туркам “долгожданный повод” для нападения, Камбон отмечает еще одну уловку. Согласно информации, которой он тогда располагал, частью плана властей по разрешению ситуации должен был стать циничный приказ, “запрещавший стрелять в мусульман, таким образом давая возможность войскам пассивно наблюдать за тем, как убивали армян преследовавшие их турки”.⁶⁹ Согласно британскому вице-консулу Уильямсу, “беспорядки были начаты толпой турок, цыган и заптивей [военная полиция], причем последние были ответственны за большую часть того, что произошло, поскольку в течение всей недели их действия отличались особой необузданностью”.⁷⁰

Столкновения продолжались девять дней (с 3 по 11 июня по старому стилю, с 15 по 23 июня — по новому, согласно османскому календарю). Лидеры трех армянских партий создали совместный директорат самообороны, который на основании заранее подготовленных списков поставил 500 молодых людей на

33 стратегически важные позиции внутри и вокруг Айгестана (Город-сад), где проживало большинство армянского населения Вана и где находились утопавшие в садах, огородах и цветниках дома и виллы. Весьма знаменательно, что здесь располагались также консульства Франции, России, Ирана, Англии и огороженная территория американской миссии. В четырех милях к западу от Города-сада находилась другая часть Вана, его добрая половина, и в этом огражденном стеной городе располагались магазины, общественные здания, Городской совет, Военная академия, центральное полицейское управление, центральная тюрьма, почта и телеграф. Чтобы разобраться с армянами, центральные власти отправили в Ван “четыре батальона и кавалерию”, из коих один батальон и два эскадрона были из Эрзрума, два батальона — из Харпута и один — из Муша.⁷¹

На третий день после начала столкновений собравшиеся в мечети мусульмане перешли в нападение. Первыми жертвами стали армяне из четырех незащищенных кварталов со смешанным населением; мужчин, женщин и детей убивали без разбору, пуская в ход топоры, палки, молотки и кинжалы; иных сжигали заживо.⁷² Остальное армянское население попыталось укрыться в армянских кварталах. На протяжении пяти дней и ночей шли неравные и жестокие бои. Оборонявшимся, число которых “не превышало 600 — 700 человек”,⁷³ удалось не только отстоять свои позиции, но и несколько раз отразить атаку нападавших. Инспектор реформ Саадеддин ввел курдскую кавалерию, которая также была отброшена, понеся тяжелые потери. Оборонявшиеся срубили огромное количество гигантских ив для сооружения баррикад. Они затопили все дороги, связывавшие армянскую и турецкую части, преграждая путь потоков, текущих в этих частях. Многие из жителей превратили свои дома и сады в личные маленькие крепости. По наблюдениям вице-консула майора Уильямса, который как потенциальный посредник был допущен на линию фронта обеими сторонами конфликта, “революционеры весьма умело укрепили некоторые дома... я побывал в двух укрепленных позициях и был удивлен тому, с каким умом они вели свои дела”.⁷⁴ Во время атаки армянам даже удалось захватить две пушки.

Именно в это время, как и в случае с Зейтуном несколькими месяцами раньше, султан Абдул-Гамид начал искать посредничества держав и, в особенности, Франции и Англии, одновременно обещав французскому послу, что он “гарантирует жизнь и безопасность остальным армянам Вана”.⁷⁵ Однако после

того как его полномочный представитель генерал Саадеддин поставил перед армянами два условия, они отказались от предложения. Он требовал выдачи десяти лидеров, руководивших обороной армян, и сдачи всего оружия консульским чиновникам. Армяне утверждали, что они не восстали, а воспользовались своим правом самозащиты, так как правительство не смогло предотвратить резню сотен армян, и что борьба их в основном была направлена против толпы и черни, среди которой были и несколько переодетых жандармов и солдат. После этого турки пустили в ход еще несколько пушек и начали массированную бомбардировку. Учитывая, что запасы боеприпасов иссякли и что они были уже не в силах бороться против нового разрушительного оружия, бойцы самообороны согласились принять второе предложение, на котором настаивали британцы, считая его более справедливым,⁷⁶ — покинуть страну под надзором консулов. Разделившись на три группы, армянские комбатанты и их приверженцы начали уходить с османских территорий. Группа арменаканов состояла из 200 вооруженных и около 700 невооруженных людей, из дашнакского подразделения, состоявшего из 125 человек, к массовому исходу присоединились только 58, а также около 25 гнчаков. Несмотря на то, что турки торжественно обещали обеспечить безопасность армян вплоть до иранской границы, на горе Карахисар все три подразделения были окружены и втянуты в бой регулярными турецкими войсками и нерегулярными курдскими подразделениями. В ходе отчаянного боя, в котором армяне стояли до последнего, они были уничтожены и только 35 из них удалось выжить. Таким образом, “сливки армянской молодежи Вана” и группа интеллектуалов, насчитывавшие вместе около 1000 человек, погибли в результате вероломных действий правительства. “Эта потеря фактически лишила Ван его наиболее достойной молодежи. Невозможно описать то горе и тот ужасный след, который оставило это происшествие. Трагическая весть об этой резне ошеломила все население Вана, погрузив его в глубокий траур”.⁷⁷ Несмотря на то, что самооборона Вана слишком дорого обошлась его защитникам, которые, оказавшись в результате сражений в ловушке, были разбиты, в конечном итоге она способствовала достижению поставленной цели, так как остальному армянскому населению, за исключением около 400 жертв живших в кварталах со смешанным, т.е. турецким и курдским населением, удалось избежать резни. Однако по мере отдаления от Вана в направлении близлежащих деревень потери армян значительно возрастали. Эти потери оцениваются приблизительно в

20 000.⁷⁸ По сведениям одного из британских очевидцев событий, было разрушено 350 сел и деревень.⁷⁹ То, что “курды разорили множество деревень”, подтверждал и майор Уильямс, добавляя, что “150 самых лучших армянских домов Вана были сожжены, а множество других разграблены... Поступают душераздирающие донесения из деревень...”⁸⁰ В то же время он признавал, что среди убитых турок было “значительное количество солдат и несколько офицеров”.⁸¹ Особое внимание Уильямс обращал на тот факт, что двенадцать-пятнадцать из армянских лидеров являлись “аутсайдерами”, среди которых “были один русский и один болгарин наряду с армянами... [которые были] ассимилировавшимися подданными России и Америки”.⁸²

Несмотря на то, что Уильямс сыграл важнейшую роль в прекращении военных действий и выводе армянских лидеров из Вана, армянские источники обвиняют его в заговоре с османскими властями и тайной их поддержке. Он описывается как военный эксперт, который носил феску — турецкий головной убор, инспектировал армянские позиции, шпионил за ними и даже помогал туркам в правильном установлении пушек с целью более меткого попадания. Кроме того, эти же источники утверждают, что Уильямс был заинтересован в прекращении не резни, а армянского сопротивления.⁸³ Другой армянский автор приписывает такое поведение Уильямса британской осмотрительности и опасениям, что Россия могла воспользоваться столкновениями в Ване, чтобы вторгнуться в Турцию и присоединить к себе захваченные территории.⁸⁴ В подтверждение этих предположений имеются сведения о том, что Уильямс из числа переживших события армян собрал около 60 представителей знати и *временных заместителей* и буквально приказал им подписать телеграмму, в которой они клялись в верности султану, выражая ему благодарность и осуждая армянских революционеров за те несчастья, которые свалились на армян Вана. Сам Уильямс также подтверждает⁸⁵ факт подписания этого коллективного заверения в признательности и сопутствующих клятв в верности, иными словами — *mazbata* (протокола), который часто использовался турками для того, чтобы вытягивать из армян подобного рода открытые признания. Известно, что один из представителей знати, ввергнутый в состояние шока угрозами и устрашениями вице-консула майора Уильямса, сошел с ума и, не выдержав такого удара, вскоре после этого скончался.⁸⁶

Захват Банка Оттомани

Словно не желая отставать от двух других политических партий — арменканов и гнчаков, которые сыграли важнейшую роль в организации самообороны Сасуна в августе 1894-го и демонстрации Баби Али в сентябре 1895 года, дашнаки предприняли самое дерзкое нападение в столице Османской империи. После долгих недель подготовки 14/26 августа 1896 года они захватили Банк Оттомани, бастион европейских финансов, в котором основную долю составляли британские и, в особенности, французские вклады и который, соответственно, управлялся и контролировался именно этими заинтересованными группами. Еще за год до этого дашнаки начали переговоры с гнчаками по поводу совместного проведения большой демонстрации в Константинополе, однако соглашение не было достигнуто.⁸⁷ От других, еще более действенных инициатив, которые обсуждались в течение нескольких месяцев, предшествовавших захвату банка, дашнаки отказались в свете широкомасштабных массовых убийств того периода и постванского разгрома, в результате которого партия потеряла некоторых из своих лидеров. Среди рассматриваемых инициатив был также и план по убийству султана Абдул-Гамида, однако революционеров удерживал страх перед более масштабными и разрушительными по своей силе нападениями мусульманского населения и толпы на безоружное и наиболее уязвимое армянское население провинций.⁸⁸

Идея плана по захвату банка состояла во внезапности нападения. Сначала в банк ворвался головной отряд из шести человек. В результате короткой перестрелки с четырьмя охранниками, трое из которых были убиты, а одному удалось скрыться, банк был захвачен остальными девятнадцатью нападавшими; четверо из них несли запас ручных гранат и динамита и были опоясаны патронными лентами, напоминая те, что использовались для транспортировки серебра. Все члены отряда были вооружены по меньшей мере двумя пистолетами; кроме того, у них имелись другие виды ручного оружия, а также несколько патронташей и патронных обойм. До вторжения в банк лидеры этой группы подготовили листовки, чтобы от имени центрального комитета константинопольских дашнаков объяснить причины нападения. Листовки были адресованы турецкому и армянскому народам; кроме того, были и листовки, предназначенные для послов иностранных держав в османской столице, которые содержали требования, выдвинутые армянскими революци-

онерами после захвата банка. Эти условия были продиктованы на французском языке шести служащим банка Арменом Каро, который взял на себя руководство операцией после того, как основной лидер Бабкен Сюни был убит в ходе перестрелки в самом начале захвата. Совершенно случайно в банке во время его захвата находился Ибрагим Хакки, дворцовый переводчик (*mabeyn mütercim*). Дрожа от страха, он на французском сказал Каро, что является либеральным турком и что всегда был противником массовых убийств армян (в период от 1910 до 1911 гг. он поднялся до самого высокого в османском правительстве поста великого визиря). Хакки позволили покинуть банк при условии, что он передаст те же требования османским властям, включая султана и великого визиря Халиля Рифата, при том что оба они были яростными противниками переговоров с армянами и вполне могли ответить силой. Как известно, к тому времени султан Абдул-Гамид уже отдал военному и морскому министрам приказ артиллерийским огнем положить конец “этому скандалу”.⁸⁹

Обращение к турецкому народу содержало следующее заявление:

На протяжении веков наши предки жили с вами в мире и согласии... однако в последнее время ваше правительство, погрязнув в преступлениях, начало сеять раздор между нами, чтобы затем с большей легкостью усмирить и нас, и вас. Люди, вы не разгадали этот дьявольский политический план и, погрязнув в крови наших братьев, стали соучастниками этого гнусного преступления. Но, несмотря на это, знайте, что наша борьба направлена не против вас, а против вашего правительства, с которым борются и ваши лучшие сыны.⁹⁰

В одной из листовок, адресованных великим державам, говорится о “ненаказанных преступлениях” турецкого правительства и о том, что “державы своим отношением становятся соучастницами Порты... однако терпение угнетенных народов тоже имеет предел”. Вторая листовка содержала заявления о ставшем безнадежным положении армян в провинциях и обвиняла державы в том, что они смирились с “турецкой тиранией... и кровавой мстью султана Гамида. Европа наблюдала за этим ужасным преступлением и хранила молчание. Европа не только не удержала палача, но и самым оскорбительным образом навязала нам [свое решение] о том, что мы должны смириться... Времена дипломатических игр прошли. Кровь, пролитая 100 000 мучеников, дает нам пра-

во требовать свободу”. Перечислив все условия, авторы листовки требовали провести “судебные реформы в соответствии с европейской системой”, а также “назначить для Армении верховного комиссара, который был бы выходцем из Европы и был выбран шестью великими державами”.⁹¹

Пока перепуганных служащих банка, собрав вместе, держали как пленников, сэру Эдгару Винсенту, генеральному директору банка, удалось через световой люк на крыше выбраться из своего расположенного на верхнем этаже здания кабинета и перейти в смежное здание Tobacco Régie. Он начал переговоры по заключению соглашения с заседавшим в это время во дворце османским кабинетом министров. В этом ему помог М. Максимов, первый драгоман российского посольства, который примчался во дворец как только услышал о захвате банка. Заключенное с самим султаном соглашение состояло в том, что революционеры должны были получить помилование и разрешение беспрепятственно покинуть страну; Максимов от имени российского посольства должен был стать гарантом выполнения этих условий. Заместителю Винсента М. Обоуно, французу по национальности, было дозволено покинуть здание банка, чтобы тот передал условия повстанцев державам.

Одним из требований, содержащихся в письме, составленном, как было отмечено выше, уже в помещении банка, было немедленное прекращение массовых убийств, которые к тому времени были в полном разгаре на улицах Константинополя, а также штурма охраняемого армянами здания банка, которое они тем временем успели укрепить. “Иначе, как только наши запасы снаряжения закончатся, мы будем вынуждены взорвать здание”.⁹² Это письмо имело все атрибуты ультиматума. Затем последовали сложные трехчасовые переговоры, во время которых армяне несколько раз отклонили половинчатое турецко-европейское предложение, поскольку оно не содержало письменных гарантий и обязательств относительно как того, что массовые убийства не возобновятся, так и того, что будут выполнены те особые условия реформы, на которые был сделан упор в листовках и в письме. В еще одном письме, адресованном французскому поверенному в Константинополе, пятеро руководителей операции по захвату банка настаивали на необходимости “обеспечения мира на всей территории страны посредством международного вмешательства”, объясняя, что “именно преступное равнодушие человечества” толкнуло их “на такую крайность”. Далее они заверяли всех заинтересованных лиц, что хранившиеся в банке многочисленные сокровища не будут тронуты

революционерами, особо подчеркивая тот факт, что они были заинтересованы не в деньгах и не в ассигнациях, а лишь в обеспечении простых прав человека.⁹³

В конце концов двое из захвативших банк лидеров, не придя к согласию друг с другом, хотя и против своего желания, были вынуждены принять предложенные им условия. Решение это было обусловлено следующими четырьмя факторами: 1. Их боеприпасы были на исходе, и, проверив свои запасы, они поняли, что оставшегося динамита было недостаточно для того, чтобы взорвать банк. В течение нескольких часов после захвата банка они вели кровавые бои с разных позиций в здании банка, в том числе из окон и с крыши, чтобы отразить яростную атаку регулярных войск и многочисленной толпы, которой руководили мусульмане — студенты — теологии, *софта* в тюрбанах, разносившие все на своем пути. 2. Более того, в ходе этих событий шестеро из двадцати пяти участников захвата были ранены, а четверо, в том числе и основной руководитель, были убиты. Отсутствие четкого руководства и неуверенность в процессе принятия решений в конечном итоге оказали губительное воздействие на моральное состояние всей группы. 3. Осознание того, что если они действительно взорвут банк вместе со всеми находившимися внутри служащими-европейцами, то это не только даст туркам повод поднять новую гигантскую волну мести, направленную против беззащитного армянского населения провинций, но и отвратит от армян Европу, которая оставит их на произвол судьбы, тем самым позволив туркам поступать в своей обычной манере и уже без каких-либо сдерживающих факторов. 4. Посредническая роль Максимова и Обоуно и их умение убеждать.

Когда Максимов узнал о том, что сильно разгневанный султан, решив раздавить армянских революционеров, отдал приказ атаковать банк, бомбардировать и разрушить здание, он, как известно, отговорил султана благодаря тому, что от имени всех держав пригрозил разнести дворец массивным артиллерийским огнем с линкоров,⁹⁴ стоявших в Босфоре. С другой стороны, как утверждали армяне, Максимов обратился к ним со следующей просьбой: “Я умоляю вас, я готов встать перед вами на колени, прошу вас — сдайтесь и покиньте помещение. Мне стоило больших трудов добиться разрешения султана. Завтра он может передумать. Подумайте о той невероятной ответственности, которая падет на ваши плечи, если случится новая волна массовых убийств, которая захлестнет и уничтожит ваш народ”.⁹⁵ Посол Франции Камбон отда-

ет должное как Обоуно, так и Максимова и, в особенности, красноречию последнего, его умелому посредничеству между султаном, армянами и великим визирем Халилем Рифатом, чья “незаинтересованность судьбой громадного финансового учреждения была обусловлена его желанием позволить событиям накалиться до такой степени, чтобы можно было оправдать зверства, которые неизбежно стали бы результатом злости мусульман против армян”.⁹⁶ В 3:30 утра 15 оставшихся в живых мятежников наконец покинули здание банка и под охраной были доставлены на яхту генерального директора Винсента, которая перевезла их на французский пароход “Жиронда”, чтобы через день отправить в Марсель во временное изгнание. Пятеро раненых были перевезены в российский госпиталь и после окончательного выздоровления, как и обещал Максимов, под защитой русских отправлены в Египет. Власти с удивлением для себя обнаружили, что банк был захвачен всего двадцатью пятью мятежниками, в то время как они ошибочно полагали, что их число достигает, по крайней мере, 200 человек. В своем итоговом отчете об этом деле британский поверенный Герберт поставил премьер-министра Солсбери в известность о том, что мятежники оставили после себя “сорок пять пороховых гранат, двадцать пять динамитных шашек и одиннадцать килограммов динамита”, добавив при этом, что “не было ни одной попытки забрать деньги. Таким вот, в некотором смысле, банальным образом закончилось одно из самых дерзких нападений...”⁹⁷

Несколько журналистов и многие из дипломатов осудили захват банка, сочтя его глупым террористическим актом. Британский историк Кинросс считал, что, “будучи молодыми идеалистами, не искушенными в хитростях политической агитации, они не принесли никакой пользы своим друзьям и сыграли на руку своим врагам”.⁹⁸ В то же время некоторые европейские газеты — такие как венская *Freie Presse*, берлинская *Berliner Tageblatt* и брюссельская *Étoile Belge*, превозносили дашнакских революционеров за ту безукоризненную честность, с которой они повели себя перед лицом несметных богатств, не дотронувшись до них, и за ту исключительную храбрость, с которой они осуществили нападение и захват важнейшего центра международных финансов в османской столице. Штатный врач парохода “Жиронда”, проведенный по пути в Марсель шесть дней с мятежниками, отправил сообщение в *Étoile Belge*, в котором, в частности, выразил следующее мнение:

Эти отважные люди, преисполненные духа полного самопожертвования, среди бела дня захватили самое важное учреждение в Османской империи... они не были ни воорами, ни грабителями... не было украдено ни единого пенни. У одной из касс банка лежал кейс с 10 000 турецких золотых фунтов и большим количеством банкнот, которые их руководитель собственноручно передал одному из директоров банка. Во время паники, поднявшейся в связи с вооруженным нападением, основное хранилище банка осталось открытым настежь, и по просьбе того же директора захватчики сразу же заперли его. Продержав банк в течение тринадцати часов, они с честью отступили. Мы провели с этими молодыми героями целых шесть дней, и посему имели возможность тщательно изучить и оценить их. И офицеры, и другие члены экипажа — все мы восхищаемся ими, уважаем и любим их.⁹⁹

Захват банка был, хоть и основной, но лишь частью всего плана по нагнетанию атмосферы хаоса и неразберихи в османской столице, имевшего целью спровоцировать военное вмешательство держав. В ограниченной мере они достигли желаемого результата, так как небольшой контингент британских и российских морских пехотинцев и моряков был высажен в разных точках пролива Босфор, чтобы защитить своих граждан. Чтобы усугубить атмосферу террора в городе, армянские мятежники, выбрав в качестве мишеней несколько больших полицейских управлений, атаковали их, вооружившись ручными гранатами и бомбами; наиболее активные действия пришлись на те, которые находились в Саматии — в Стамбуле и в Галатасарае — в Бейоглу. Кроме того, предполагалось, что великий визирь, направляясь, как обычно, к месту своей службы в Высокой Порте через мост Галата, должен был стать основной мишенью бомбардировки. Чтобы усилить степень воздействия этих актов, их было решено синхронизировать. Все они должны были начаться точно в шесть часов вечера. Однако нападение на великого визиря провалилось, и ни одно из предприятий не возымело должного действия. Каким-то образом власти были осведомлены об угрозе нападения армянских революционеров, в особенности в Саматии, где и произошли самые кровавые столкновения. Укрепившись в нескольких зданиях, ставших последними бастионами сражений, небольшая группа дашнакских повстанцев, в числе которых было и несколько молодых женщин, на протяжении четырнадцати часов вела неравные и отчаянные бои против объединенных сил полиции и военных штурмовых отрядов. Многие из этих повстанцев использовали свою последнюю пулю, чтобы покончить с

жизнью, дабы не быть схваченными живыми.

Развязывание спланированных властями массовых убийств

В силу определенных обстоятельств, характерных для конфликта между людьми, резкий переход из состояния безысходного отчаяния в состояние принудительного отчаянного безрассудства проходит через сильные душевные переживания. В таком состоянии отчаянные головы, обуреваемые давно созревшей готовностью самопожертвования во имя великого дела, как правило, не хотят думать о возможных последствиях. Тот вопиющий факт, что преступники, совершившие в течение двух предшествовавших лет резню во время происшествий в Сасуне и демонстрации Баби Али, так и остались безнаказанными, настолько потряс и взбудоражил армян, что они жаждали нанести ответный удар, причем в особо изощренной форме. Из четырех руководителей, ответственных за захват банка, двое — Армен Каро и Грач Тирякян, узнав о массовых убийствах, не задумываясь бросили учебу в высших учебных заведениях Франции и сразу же вовлеклись в революционную деятельность. Третий — главный руководитель группы Бабкен Сюни (Петрос Парян), двадцатитрехлетний потомок древнего аристократического рода, убитый в самом начале нападения, характеризовался всеми, кто знал его, как молодой человек с безупречным характером и — как говорил о нем декан колледжа, в котором он учился, — “образцовый армянин”.¹⁰⁰

По всей видимости, природа революционного идеализма такова, что он создает свои собственные нормы, и в этом смысле террор является тем средством, которое позволяет заявить о себе, когда все остальные пути давно отвергнуты. Таким образом, обращение к террору становится своеобразной нормой поведения революционера, который в своей борьбе против угнетателей не признает никаких барьеров. Совершаемые им действия нацелены не только на то, чтобы произвести впечатление, но и на то, чтобы стать встряской для угнетателей. Это стремление сопровождается также надеждой, что вспышки ярости станут тем двигателем, который ускорит развитие событий, что в свою очередь приведет к радикальным изменениям в системе деспотизма. Идея заключалась в том, чтобы подтолкнуть внешние силы, которые, будучи в состоянии осуществить эффективное вмешательство, погрязли в затянувшихся противоречиях и сомнениях и не были в состоянии предпринять решительные

действия. Иными словами, чтобы лучше понять мотивы и планы заговорщиков, необходимо вникнуть в их мир, в суть их надежд и ожиданий. Чем острее и эмоциональнее эти ожидания, тем сильнее агрессия, которой заряжены террористические акты. В этом отношении весьма поучителен рассказ руководителя операцией по захвату банка. Описывая последние часы, проведенные вместе накануне захвата, он говорил: “Если бы наши действия прошли так, как было запланировано, Константинополь был бы захвачен и оккупирован европейскими военными силами. И тогда Армянский вопрос разрешился бы так, как мы того хотели”.¹⁰¹ Это ожидание было обусловлено ошибочным предположением, что в ходе переговоров по Майским реформам в 1895 году державы официально предостерегли османское правительство, пригрозив, что в случае новых беспорядков в Константинополе они в целях восстановления порядка высадят моряков и морских пехотинцев со своих специально для этого предназначенных двенадцати военных кораблей.¹⁰² “Именно по этой причине — чтобы подтолкнуть державы — мы и решились на захват Банка Оттомани”.¹⁰³

Однако ожидания — это одно, а твердая уверенность и гарантии — совсем другое, и поэтому революционеры нередко вынуждены полагаться на случай, что уже означает неопределенность, а следовательно и немалую степень риска, который всегда учитывается ими. В конечном итоге планирование того или иного действия, как правило, сводится к взвешенному анализу потенциального выигрыша и возможных потерь, и принятие решения зависит от того, какой из этих результатов предположительно перевесит. Однако революционеры имеют особый нрав, который обычно и руководит ими и из-за которого рассудительность часто уступает место непримиримости. Очень часто им приходится полагаться на энергию дерзости, в защиту которой выступал французский революционный лидер Дантон, который велел своим сподвижникам следующее: *Il nous faut de l'audace, et encore de l'audace, et toujours de l'audace* (Нам нужна дерзость, и еще раз дерзость, и всегда дерзость). В данном случае в основе этого поступка лежала уверенность в том, что, поскольку массовые убийства 1894-1896 гг. достигли своего апогея, либо преступники не осмелятся пойти на новую резню, либо ее не стерпят державы. Подобный подход к опасности и подобная склонность идти на риск сродни тому, что можно было бы назвать “пороговым менталитетом”, часто предшествующим формированию революционных субкультур. Цели никогда не ставятся под сомнение, и

воля к противодействию существующим властям всегда непоколебима. Однако осознание того, что ограниченные ресурсы могут показать слабость революционного движения перед лицом существующей власти, является именно тем мотивом, который влияет на выбор времени и формы осуществления того или иного революционного действия. Сторона, являющаяся мишенью акта, не должна быть безнадежно загнана в угол, и террористический акт не должен быть запланирован таким образом, чтобы исключить переговоры. В таких ситуациях исход почти всегда зависит от двух возможных факторов: 1. от степени реальной вовлеченности в конфликт внешних держав и их готовности вмешаться или 2. от природы ответа стороны, в отношении которой были совершены действия, при отсутствии такого вмешательства. Именно эта зона неопределенности и ответственна за возникновение вышеупомянутого порогового менталитета.

Захват банка был настоящим вызовом, брошенным власти правительства султана в самой столице империи; вся операция была пронизана необычайным духом революционной преданности и приведена в исполнение с небывалым мужеством. Но тем не менее, она стала настоящей катастрофой для остального небооруженного и невинного армянского населения города. В течение двух дней по улицам города текли реки крови беззащитных армян, которых насмерть забивали дубинками. По свидетельству британского поверенного, среди преступников была “толпа турок [которым помогало] большое число *софт* и других фанатиков... и люди в тюрбанах и длинных льняных одеяниях, которые редко появлялись в этой части города. В основном они были вооружены дубинками, изготовленными, по всей вероятности, по единому образцу; у некоторых вместо этих дубинок были железные прутья... и нет ничего невероятного в ходивших слухах о том, что этими дубинками и прутьями... снабжали городские власти”.¹⁰⁴ На прямую причастность султана с презрением указывал французский посол, говоря о “непрерывной цепочке событий, полностью доказывающих, что султан самолично вооружал убийц, призывая их уничтожать все армянское. Есть сведения, что полиция предварительно уведомила всех этих негодяев, раздав им дубинки и расставив их по удобным местам...”¹⁰⁵

Как уже было отмечено выше, эти сведения подтвердил и другой свидетель резни — военный атташе Австрии, по данным которого центральные власти, узнав через своих агентов о готовившемся нападении армян, начали раздавать толпе дубинки и палки “с железными наконечниками” (*einbeschlagene*),

проинструктировав их, что после сигнала они должны “начать убивать армян, вне зависимости от возраста и пола, на протяжении 48 часов... метод убийца предполагал, что жертв должны были насмерть забивать дубинками, нанося удары по головам. Эти ужасные сцены без конца повторялись перед моими глазами...”¹⁰⁶ Проведя расследование на местах кровавой бойни вскоре после нее, французский политолог Берар пришел к заключению, что “все было подготовлено заранее — убийцы, прутья, информаторы полиции и повозки [чтобы увозить тела жертв и избавляться от них]... До нападения на Банк Оттомани дворцовые власти организовали транспортировку из восточных провинций в Константинополь воинского подразделения гамидие, состоявшего из 500 курдов, которые по прибытии были расквартированы в бараках Селимие”.¹⁰⁷ Участие привезенных из провинции курдов подтверждают также британский консул в Эрзруме, Р. У. Грейвс¹⁰⁸ и французский посол Камбон¹⁰⁹. В своем рапорте премьер-министру Солсбери от 2 сентября 1896 года Герберт сообщал, что “есть доказательство, что власти организовали и вооружили толпу, которая совершила резню в среду и в четверг. Только к вечеру четверга, когда султан отдал приказ остановить толпу, они мгновенно подчинились”.¹¹⁰

В своей первой коллективной ноте Порте державы открыто обвинили турецкое правительство в том, что оно допустило участие в резне и мародерстве “полиции, ... заптий [деревенской полиции], вооруженных солдат и даже офицеров...”¹¹¹ В следующей ноте державы выразили свое возмущение по поводу очевидной вовлеченности “диких банд, которые резали армян и [которые, как оказалось] принадлежали к особой организации”. Как бы в подтверждение данных британского поверенного,¹¹² державы в своей ноте подчеркнули, что нижеследующий факт доказывает как осведомленность властей о заговоре армян, так и то, что они заранее подготовились к массовому истреблению армянского населения в османской столице. Банды убийц появились в разных частях города одновременно, сразу по получении первых сведений о захвате банка, причем это произошло “даже до того, как на арене появились полиция и военные... Очень многие из тех, кто входил в эти банды, были одеты и вооружены одинаково... Им было позволено свободно передвигаться и безнаказанно совершать преступления на глазах у войск и офицеров... Эти факты не нуждаются в комментариях”.¹¹³ Согласно данным проводивших расследование представителей британского посольства, ставшие жертвами массовых убийств

армяне в основном принадлежали к низшему классу и приехали в Константинополь, чтобы заработать себе на жизнь. Это были привратники, грузчики в портах, сторожа офисов и жилых зданий и т.д. “Как и во время массовых убийств в провинциях, толпа действовала исключительно выборочно и неприкрыто шадилась всех, кроме григорианских армян”.¹¹⁴ Согласно первому секретарю султана Гамида, драгоман российского посольства Максимов, который был посредником в переговорах между султаном и повстанцами, с криками “турки убивают бедных армян этими дубинками...”¹¹⁵ примчался во дворец, держа в руках одну из них.

Особый случай коллективного наказания посредством массовых убийств

Расстроенные тем, что под давлением европейских держав они были вынуждены позволить повстанцам покинуть страну в сопровождении охраны, и неудовлетворенные масштабом массовых убийств в Константинополе, турецкие власти взялись за организацию новой резни в далеком городе Эгин (Агн), расположенном в провинции Харпут. Этот выбор был сделан после того, как выяснилось, что руководитель повстанцев Бабкен Сюни, убитый в самом начале захвата банка, был родом из Эгина. Согласно докладу французского посла, 15 сентября 1896 года, т.е. через три недели после захвата банка, за короткое время была осуществлена “ужасная резня”, во время которой «войсками было убито более 2000 армян», включая “множество женщин и детей”. Из 1500 армянских домов, находившихся в армянском квартале города, 980 были разграблены и сожжены.¹¹⁶ Согласно исполнявшему обязанности британского консула в Харпите, “...из дворца был получен косвенный приказ относительно осуществления... массовых убийств...” В шифровке из дворца содержался закодированный сигнал к началу резни с формулировкой, что в связи с проблемами, которые собирались создать армяне Эгина, власти должны “предпринять необходимые меры”. С этой целью военный губернатор, мобилизовав необходимый контингент “имперских войск”, отдал приказ “окружить армянский квартал... Некоторое время спустя послышался выстрел и началась резня”.¹¹⁷

В своем следующем рапорте от 8 сентября 1896 года тот же консул сооб-

шил своему правительству данные, полученные от турецкого “чиновника, расследовавшего” массовое истребление. Согласно его рапорту, армяне пытались найти убежище в военных бараках. “Оттуда они направились к правительственному дому, на пути к которому на них напали войска, поддерживаемые мусульманами. В общей сложности было убито полторы тысячи человек, из которых две сотни составляли женщины и дети. Они не совершали никаких преступлений. Не было никакого революционного движения или чего-либо подобного и не был взорван ни один пороховой склад. В руинах сожженных домов было найдено несколько револьверов и пистолетов”.¹¹⁸

Город Эгин или Агн был основан армянами, которые эмигрировали сюда из Ирана. В 1896 году вместе с пригородами он включал около 4000 домов, которые практически поровну были разделены между армянами и мусульманами, т.е. турками и курдами. Известный своим относительным благосостоянием, до этого, в 1895-96 гг. город избежал массовых убийств и разрушений за счет того, что армяне города заплатили выкуп в размере 1500 турецких золотых фунтов.

Религиозные аспекты массовых убийств

Один из основных принципов общего права, обсужденного в главе I, отсылает к *Akdi Zimmet* (договор с подвластной национальностью), который предполагает прекращение враждебных действий по отношению к немусульманским подданным после их завоевания и подчинения; будучи покоренными, эти подданные получают убежище и протекцию, или *dehalet*. Пытаясь повлиять на национальную политику Турции в свою пользу при помощи посредничества иностранных держав, османские турки утверждали, что армяне нарушили положение этого основополагающего договора и посему, исходя из превалирующего общего права, утратили право на освобождение [от налогов] (*Berat*), т.е. право на милосердие.

Великий визирь Решид предвидел возможные последствия правовых противоречий между действовавшими в османской системе публичным и общим правом. В процитированном выше меморандуме 1856 года Решид предсказал возможность “большого кровопролития” (*bir mukateleyi azîme*) в связи с усилиями, направленными на установление равенства посредством введения публичных законов. (См. гл. 3, прим. 37.)

Именно этим объяснялась серия массовых убийств, которая предшествовала геноциду армян в годы Первой мировой войны. Описывая сцены резни в Урфе в 1895 году, равно как и всю абдулгамидовскую эру массовых убийств (1894-1896 гг.), главный драгоман британского посольства, прекрасно владевший турецким и представивший в своем докладе свидетельства, собранные им у местных мусульман в ходе инспекции областей, в которых совершались эти зверства, писал:

В своих действиях [преступники] руководствуются предписаниями *Sheri Law*, согласно которому собственность и сама жизнь христиан “райа” [подданные], пытающихся с помощью иностранных держав выйти за границы прав, предоставленных им хозяевами-мусульманами, и избавиться от неволи, отдаются на милость мусульман. По мнению турок, армяне попытались превзойти свои права, обратившись к помощи иностранных держав, в частности – Англии, и поэтому они сочли, что их религиозный долг и справедливость требуют уничтожения армян и захвата собственности...¹¹⁹

Такого же мнения придерживается и современный израильский историк Бат Е’ор, который приводит следующее обоснование: попытка армян добиться проведения реформ лишила законной силы их “правовой статус”, который предполагал наличие “контракта”. Этим “нарушением... восстанавливалось первоначальное право *umma* [мусульманская община] убивать поработенное меньшинство [*dhimmis*], [и] забирать их собственность...”¹²⁰

Массовые убийства, примененные в качестве способа разрешения конфликтов, привели к тому, что религиозные принципы превалировавшего общего права свели на нет действенность публичного права. Желая еще больше подчеркнуть религиозную природу законов, преступники, убивая своих жертв, во всех тех случаях, когда это было возможно, совершали мусульманские обряды. Говоря об Урфе, британский историк лорд Кинросс приводит следующий пример:

Когда к шейху привели большую группу молодых армян, он приказал бросить их на землю на спины и держать за руки и ноги. Затем, по словам свидетеля, он прочитал стихи из Корана и “перерезал им горла – подобно тому, как совершался ритуал жертвоприношения овец в Мекке”.¹²¹

Британский консул Бернгам, в полномочия которого входила также консульская деятельность в городах Айнтаб и Биреджик в провинции Алеппо, в докладе своему правительству особо указывал на то, что во время погромов в Айнтабе действия преступных банд и толпы носили подчеркнуто религиозный характер.

Мясники и кожевники с засученными рукавами, вооруженные дубинками и колунами, резали христиан с криками “Аллах акбар!”, взламывали двери домов мотыгами и ломami или же взбирались на стены по стремянкам. Затем в полдень они опускались на колени и молились, после чего вскакивали и снова брались за свое ужасное дело, продолжая его до поздней ночи. Если же им не удавалось взломать дверь, они поджигали дом бензином, и тот факт, что к концу ноября в Алеппо было практически невозможно купить бензин, говорит о том, что специально для этого привозилось и отправлялось на север огромное количество бензина... Обо всем этом уже было сказано, и не раз, однако эти данные особенно важны для опровержения необоснованных обвинений, которые предъявляются несчастным армянам Айнтаба.

Говоря о таких же зверствах, совершенных недалеко от Биреджика, консул приводил следующие подробности:

1 января, спустя два часа после восхода, без каких-либо видимых причин начались погромы, которые продолжались до самой ночи. В основном во всем этом участвовали солдаты и мусульмане города... Выбирать приходилось между смертью и принятием ислама... Многих из жертв ташили к Евфрату и, привязав к ногам груз, бросали в воду.¹²²

Одним из методов, применяемых для того, чтобы подготовить благоприятную почву для планируемых погромов, было поступавшее из дворца предупреждение, что армяне того или иного города собираются напасть на мечеть и поэтому необходимо, чтобы местные власти предприняли предупредительные меры. Это четко зафиксировано в депеше от 18 марта 1896 г., отправленной из Харпута вице-консулом Холуордом. Он сообщал губернатору провинции, что армяне “изо дня в день живут в страхе перед местными курдами” и что “во всем вилайете царит всеобщее и возрастающее опасение, вызванное угрозами

устроить резню во время Байрама [религиозный праздник], а также бездействием правительства”. В ответ на это губернатор заявил, что он “получил указания из Константинополя предпринять шаги по предотвращению нападения армян на мечеть во время празднования Байрама”. Это замечание вызывает тревогу, так как предполагает, что правительство намеревается использовать тот же повод, что и раньше, чтобы и дальше совершать нападения на армян.¹²³

Местом, где религиозный фанатизм подстегивался пламенными, будоражащими речами агитаторов, зачастую переодетых в религиозных служителей (в исламе нет священническо-клерикальной системы), была мечеть. Самые ужасающие погромы совпадали с пятничной службой, сразу после которой начинались нападения. На это обстоятельство указывает и Кинросс, который предваряет приводимый ниже отрывок комментарием, что “часто массовые убийства планировались на пятницу, когда мусульмане были в своих мечетях”.

Целью [погромов], основанных на весьма удобном суждении, что армяне пытаются поставить под вопрос свой статус подчиненных, было безжалостное подавление и истребление христиан-армян и экспроприация их земель для передачи мусульманам-туркам. Каждый раз операция начиналась и завершалась после сигналов на горне и проводилась по одной и той же схеме. Сначала именно с целью погромов в город входили турецкие войска; за ними – уже с целью грабежа – следовали курдские нерегулярные подразделения и банды. Наконец начиналась настоящая бойня: преследовались все, кто пытался скрыться, на уже захваченных территориях производилась зачистка, все земли и деревни провинции и окрестностей были разрушены и охвачены огнем. Так в смертоносную зиму 1895 г. было истреблено большинство армянского населения в около двадцати областях восточной Турции, а имущество их было полностью расхищено... Самыми жестокими и разрушительными из всех погромов были погромы в Урфе, где христиане-армяне составляли треть всего населения... Когда звук горна означивал конец операции, около трех тысяч беженцев хлынули в храм в надежде получить там прибежище. Однако на следующее утро, в воскресенье, толпа фанатиков ворвалась в церковь, устроив настоящую оргию и резню; толпа крушила святыни с криками «Воззовите же к Христу, и пусть он докажет, что он более великий пророк, чем пророк Мухаммед». Затем, собрав большое количество соломенных половиков и разостлав их на горы трупов, они подожгли их, облив тридцатью канистрами бензина. Огонь объел деревянные части хоров, где столпились кричавшие в ужас женщины и дети, и все сгорело дотла. Ровно в три трид-

цать после полудня снова послышались звуки горна, и служащие-мусульмане начали кружить по амянскому кварталу, объявляя об окончании погрома... Общее число человеческих жертв в городе, включая убитых в церкви, составило восемь тысяч.¹²⁴

Способность столь оперативно мобилизовывать множество людей, чтобы повести их на погромы и грабеж, является феноменом, заслуживающим особого внимания. Это не может быть объяснено исключительно властью султана, или халифа, или султана-халифа, который принимался верующими как верховный владыка земли. На расстоянии власти могут всего лишь изъявлять свою волю в виде приказов, однако этого недостаточно, чтобы руководить процессом исполнения этих приказов. Для выполнения этой задачи нужны инструменты на местах, что требует принятия мер, которые социологи называют социальным контролем, то есть способностью убедить группу отреагировать на определенные предложения или призывы для достижения определенных целей, которые считаются желательными и/или правомерными. Приказы по осуществлению погромов часто формулировались столь завуалированным образом, что прежде чем отдать их на ясном и простом языке, их необходимо было интерпретировать. В основном они не выражались в открытой форме, и их перефразирование в точные указания требовало посредничества доверенных лиц, осуществлявших социальный контроль на местах. Этими представителями социального контроля были религиозные лидеры, которые составляли теократический слой османской социальной системы. С этой точки зрения они, также являясь властными фигурами, злоупотребляли своим социальным влиянием. Тем или иным способом они должны были подтвердить, что в создавшейся ситуации погромы против армян соответствовали *Шариату* — каноническому закону ислама.

Из этого класса религиозных влиятельных лиц особо выделялись муфтии, так называемые мусульманские юристы и высшее религиозное начальство, выносившее официальное правовое мнение, — своего рода Верховный суд, а также кади — мусульманские судьи, которые как защитники законопорядка, представляли “наиболее важную категорию в турецкой системе”.¹²⁵ Сферу образования представляли *улемы*, доктора мусульманской теологии — могучая группа предпринимателей, которая неуклонно боролась против секуляризации, модернизма и вторжения “неверных” в систему османской теократии. Их верховенство было обусловлено тем, что в вопросах, связанных с вероучени-

ем, ритуалами и каноническим правом ислама, их авторитет вытеснял волю халифа. Строго говоря, они были единственными защитниками религиозной целостности суннитского исламизма, так как имели статус “наследников пророков”. *Моллы (или муллы)* были яркими приверженцами ислама, с некоторым уровнем грамотности в религиозной культуре и образовании. *Софты* были мусульманскими учеными теологии, стандартными носителями идеологии *улемов*, которые во время массовых убийств армян были на передовой.¹²⁶

Эти религиозные деятели, за редким исключением, сыграли центральную роль в разжигании и узаконивании массовых убийств. Говоря об этих исключениях, Пирс называет их «ужасно редкими». Так, в своем докладе, давая оценку ужасающим подробностям погромов в Палу (провинция Диарбекир), британский вице-консул Холуорд отмечал, что “один из самых худших людей в Палу — это муфтий, который принимал активное участие в погромах и собственными руками убил главного протестанта Манука Агу”.¹²⁷ В своем докладе Солсбери относительно константинопольских погромов в августе 1896 года британский поверенный также говорил о той роли, которую играли “имамы” и “софты”, “в определенных местах руководившие толпой”. В другом докладе того же поверенного, составленном в тот же день, т.е. 3 сентября 1896г., приводятся показания “служащего британского консульства, который своими глазами видел эти нападения”. Согласно его информации, “из ближайшей мечети вышел молла и, ободряя толпу, пропел молитву, которую сразу же подхватила толпа фанатиков”.¹²⁸

Как уже отмечалось, мечети играли ключевую роль в мобилизации верующих. Использование различных подстрекательских техник было особенно активным во время ширококомасштабных погромов в Битлисе и Диарбекире. “Они собрали мусульман в самой большой мечети, произнесли пламенную речь об их долге перед правителем и религией и призвали их выполнить его...”¹²⁹ И в армянских церквях, символах христианской веры ненавистных неверных, началась настоящая бойня. В Севереке (провинция Диарбекир) были совершены нападения на две армянские церкви — григорианскую и протестантскую, о которых вспоминает один из спасшихся армян:

Толпа ворвалась в Григорианскую церковь, осквернила ее, убив всех, кто пытался найти там прибежище, и совершила обряд жертвоприношения, обезглавив церковного пономаря на каменном пороге. Сейчас они завалились в наш двор. Ударами то-

пора разбили церковные двери. Один из нападающих ворвался внутрь, изорвал в клочья Библии и книги псалмов; они перебили и уничтожили все, что только могли, осквернили крест и в знак победы начали скандировать магометанскую молитву: “Ла илаха ил-Аллах, Мухаммеддин расула-иллах” (Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед Пророк его). Мы видели и слышали все это из комнаты, в которой все мы собрались... Они поднялись по ступеням... теперь палачи и жертвы были лицом к лицу. Главарь банды закричал “Мухаммед салават” (Поверьте в Мухамеда и отрекитесь от своей религии). Несмотря на наши мольбы о пощаде, он кинул на нас наводящий ужас взгляд и повторил свои слова устрашающим голосом. [Когда ответа не последовало], главарь повторил свои слова еще раз и отдал приказ начать резню. Первым напали на нашего пастыря. Ударом топора он был обезглавлен. Его кровь брызнула во все стороны, окрасив стены и потолок в красный цвет. Затем я оказался посреди палатей. Один из них, обнажив свой кинжал, нанес удар по моей левой руке... Через секунду я потерял сознание...¹³⁰

Во всем этом прослеживается двухуровневый религиозный фанатизм, апогеем которого стали массовые убийства. С одной стороны, налицо презрение к религии потенциальной жертвы, которое выражается в виде насильственного требования торжественно отречься от нее; одновременно жертв принуждают принять ислам. Убийство следует за отказом подчиниться давлению.

Это обсуждение можно закончить отрывком, в котором Пирс комментирует, с одной стороны, то упорство, с каким армяне в массе своей держались за свою религию, и с другой — ту высочайшую цену, которую они заплатили за свое упрямство. Речь идет о том, как в храме в Урфе были заживо сожжены 2 500 армян.

Это было намеренным жертвоприношением полного людьми храма. Это страшное сожжение жертв не может и не должно быть забыто. Уродливый собор, похожий на сарай, как гора жертвоприношений в Мексике, как Мост Вздохов в Венеции и другие памятники бесчеловечности людей по отношению к себе подобным, должен быть сохранен как религиозный памятник несгибаемой решительности армян, которые предпочли смерть измене своей религии, и адской жестокости, которая может быть проявлена именем религии.¹³¹

Демография массовых убийств и разрушений на всей территории империи: природа и масштаб понесенных армянами потерь

Основная цель всей этой главы — соотнести развитие турецко-армянского конфликта с массовыми убийствами эпохи Абдул-Гамида, обращение к которым видится как радикальный способ решения этого конфликта. Особое внимание будет уделено последовательности развития событий, а не целостному обзору всей картины массовых убийств, совершенных на территории империи. Кроме того массовые истребления 1894-96 гг. представляются как некий прецедент, который должен был показать, приемлемы ли они с политической точки зрения, и допустит ли остальной мир, чтобы власти осуществили организованное истребление неудобной нации. Именно в этом ракурсе геноцид армян во время Первой мировой войны рассматривается как неумолимое свидетельство существования этой взаимосвязи. По мере того, как на протяжении десятилетий, предшествовавших Первой мировой войне, раскалялся турецко-армянский конфликт, возрастали интенсивность и масштаб массовых убийств, вылившихся в конечном итоге в геноцид.

И несмотря на то, что массовый характер этих убийств явился для населения, ставшего их жертвой, настоящей национальной катастрофой, почти полностью истребившей его на территории предков, нанесшей огромный ущерб его общественным институтам и истощившей его коллективный дух, основной целью данной работы не является рассказ об этих массовых убийствах, которые включали сотни погромов большого и малого масштаба вдоль и поперек всей Османской империи. Зверства не ограничивались убийством жертв различными тупыми инструментами, людей сжигали заживо и топили целыми группами. Что касается масштаба уничтожений, то это предмет отдельного анализа, для которого в данной работе не хватит места.

Тем не менее, в данной части настоящего исследования уместно вкратце обратиться к этим массовым истреблениям. Каким бы ни был этот обзор, он должен в первую очередь основываться на изысканиях германского протестантского историка Лепсиуса. В результате расследования, проведенного на месте сразу после погромов, Лепсиус, хоть и не полностью, однако собрал в своей работе различные данные и цифры относительно всевозможных потерь, понесенных армянами. Эти данные приведены в примечании 146 данной главы. Поскольку ранее в этой главе уже говорилось о некоторых из этих погро-

мов, а именно о массовых убийствах в Сасуне в 1894 г., в Константинополе – в 1895 и 1896 гг, в Ване и Эгине – в 1896 г., в нижеследующем обсуждении в общих чертах будут описаны остальные погромы. Они были осуществлены в шести “населенных армянами” провинциях центральной и восточной Турции – в Сивасе, Харпуде, Диарбекире, Эрзруме, Битлисе и Ване, а также в провинциях Анкары (Кайсери и его окрестностях), Алеппо, Трапезунд и в независимой области (санджак) Измите к востоку от Стамбула. За исключением округов Пайас и Чок-Марзбан (Дортйол), единственной провинцией, избежавшей резни, была Адана, если не считать разбоя и ограблений, которым постоянно подвергалось армянское население провинции. Военный успех зейтунских горцев (который рассматривался выше) явился основным фактором, сдержавшим преступников и предотвратившим резню армян Аданы в тот период.

Как уже было отмечено, эти погромы были напрямую связаны с взрывоопасным вопросом армянских реформ, являвшимся основным стержнем турецко-армянского конфликта. После резни в Сасуне в августе и сентябре 1894 года шесть держав подготовили проект армянских реформ от 11 мая 1895 г., который после долгих торгов и проволочек 17 октября 1895 г. был наконец принят и подписан султаном. Несмотря на это, целому ряду заранее запланированных дворцом массовых убийств было позволено случиться, в результате чего была пролита кровь именно того населения, в помощь которому готовились реформы. Череда внезапных и яростных нападений на основные центры армянской национальной жизни не заставила себя ждать. Резня началась в Трапезунде 8 октября 1895 г, т.е. ровно через пять дней после окончания кровавой бойни в Константинополе, продолжавшейся с 1 по 3 октября 1895 г.

О неизбежности грядущей катастрофы свидетельствует последовательный и взаимосвязанный характер массовых убийств, который выражался в том, что после каждого из них еще больше разрастался клубок осложнений, мотивирующий и влекущий за собой следующее. Вот как разворачивались эти события: 8 октября 1895 г. – Трапезунд, Акгисар (в независимом округе Измит); 11 октября – Гюмушхане (провинция Трапезунд); 13 октября – Байбурт (провинция Эрзрум); 21 октября – Ерзнка (провинция Эрзрум), 25 октября – Диарбекир, Палу (провинция Диарбекир), 28 октября – Томарза (округ Кайсери, провинция Анкара), Урфа (провинция Алеппо); 30 октября – Эрзрум, Хнус (провинция Эрзрум), Муш (провинция Битлис); 6 ноября – Арабкир (провинция Харпут); 8 ноября – Томарза (округ Кайсери, провинция Анкара); 11 но-

ября – Харпут; 10 ноября – Гюрюн (провинция Сивас); 12 ноября – Сивас; 15 ноября – Муш (провинция Битлис), Айнтаб (провинция Алеппо); 26 ноября – Зиле (провинция Сивас); 30 ноября – Кайсери (провинция Анкара); 28, 29 декабря – Урфа (провинция Алеппо); 1 января 1896 г. – Биреджик (провинция Алеппо); июнь 1896 г. – Никсар (провинция Сивас).

То, что жертвы преступлений, как правило, преувеличивают масштаб понесенных потерь, а преступники преуменьшают их, считается в порядке вещей. Первые стремятся к расплате – оптимальном наказании преступников, включающем крупные возмещения, последние же желают во что бы то ни стало умалить свою вину во всех тех случаях, когда предоставляется такая возможность. Так что в этом плане как армянские, так и турецкие источники в основе своей сомнительны. Проблема расхождений и противоречий возникла в силу того, что турецкие источники, извлеченные из государственных архивов, которые считаются хранилищем “первоисточников”, характеризуются как официальные и в связи с этим могут рассматриваться как представляющие большую ценность. То, что в последнее время некоторые ученые умалют масштаб массовых убийств армян, основываясь в своих работах на “первоисточники”, отождествляемые лишь с “турецкой точкой зрения”, дает право усомниться в достоверности приводимых ими данных относительно количества армян, ставших жертвами массовых убийств 1894-96 гг.

Стремясь установить размеры понесенных армянами человеческих и материальных потерь, европейские консулы и вице-консулы в различных частях Турции сразу после осуществления зверств, по свежим следам массовых убийств, в меру своих возможностей, предпринимали шаги по сбору информации и фактов, зачастую прибегая к помощи своих информаторов-турок. В ходе этих расследований они постоянно сталкивались со значительными расхождениями между цифрами, которые они выводили сами, и теми, которые предоставлялись им турецкими властями. Нижеследующие примеры приводятся именно с целью иллюстрации этой проблемы. Возможно, они в некоторой степени экстраполируют недостатки, содержащиеся в официальных турецких данных. В своем пространном докладе относительно совершенной за один день резни армянского населения черноморского портового города Трапезунда французский консул Сильер сравнивает предоставленные властями данные, согласно которым число убитых армян составляло 180 человек, с данными, имеющимися в его распоряжении и указывающими на то, что было

убито “более 500” армян.¹³² Соответствующим образом французский вице-консул в Сивасе Карлиер приводит цифры 200-300 против 500.¹³³ Данные, собранные британским вице-консулом в Харпуте Холуордом, указывают на более высокую степень несоответствия — 1:7: приводимая им цифра 350 резко контрастирует с цифрой 50, предоставленной турецким генерал-губернатором.¹³⁴ В случае с Килисом (провинция Алеппо), где нападения на армян были внезапными и краткими, соотношение составляет 1:5,5. Британский посол Кюрри, а также австрийский консул в Алеппо Дж. Берtrand говорят о 100 убитых и раненых армянах; в своих докладах они противопоставляют эту цифру “официальной версии”, а именно — 18-ти 135. Докладывая о количестве армянских жертв в результате резни в Трапезунде, посол Германии Заурма ставил министерство иностранных дел в Берлине в известность о том, что предоставляемые турецким правительством “официальные данные” (*offizielle Angaben*) “далеки от правды” (*hinter der Wahrheit zurück bleiben*).¹³⁶

Подобная попытка официальных источников исказить данные о раненых во время резни в Константинополе в августе 1896 была охарактеризована британцами как абсолютная ложь. Нижеследующий отрывок представляет некоторые фрагменты из отчета посла Кюрри премьер-министру Солсбери:

Недавно султан отправил мне и моим коллегам срочное сообщение, приглашая шесть представителей посетить военный и городской госпитали для того, чтобы своими глазами увидеть количество турецких солдат и гражданских лиц, которые были ранены во время недавних беспорядков.

Я, в свою очередь, обратился с просьбой к военно-морскому хирургу Томлинсону с корабля Ее Величества “Имоджин” обойти больницы вместе с мистером Блечем из посольства Ее Величества...

Руководство госпиталя попыталось представить раненых христиан как мусульман. Таким образом 112 человек в стамбульской тюрьме были представлены как турки, и лишь по чистой случайности удалось обнаружить, что 109 из них — христиане.¹³⁷

Учитывая то обстоятельство, что факты умышленно искажались и подтачивались, бесполезно полагаться на достоверность собранных турецкими властями данных по потерям армян, если, конечно, не возникнет желания учесть возможные соотношения искаженных данных, как было представлено выше.

С другой стороны, будучи истребленной и перемещенной нацией-жертвой, сами армяне были не в том состоянии, чтобы оценить степень нанесенного им ущерба и представить достаточно достоверные цифры. Таким образом, остается полагаться на источники, которые при сложившихся обстоятельствах могут считаться относительно беспристрастными и стало быть, вызывающими больше доверия, чем любые другие доступные источники. Речь идет о европейских дипломатических и консульских представителях, которые в то время находились на службе в Турции. В этой связи необходимо отметить, что большинство из них не питали особой симпатии к армянам, так как преследовали интересы своих правительств, состоявшие в том, чтобы сохранить территориальную целостность Османской империи; именно поэтому они всячески стремились предотвратить рассматриваемые здесь столкновения, чтобы не допустить начала войны, которая, как они опасались, могла втянуть державы в противоборство друг с другом. Так, в первоначальной версии своего “конфиденциального” рапорта Солсбери, оценивая степень беспристрастности некоторых британских консулов в Турции, в особенности в том, что касалось турецко-армянского конфликта, британский поверенный в османской столице Герберт отмечал, что они “в большинстве своем туркофилы и не любят армян”.¹³⁸ Более того, в тот период их доклады были исключительно для внутреннего пользования, а значит не подлежали обнародованию и не могли использоваться в целях пропаганды. На основании этих докладов вырисовывается следующая картина. Согласно императору Германии Вильгельму II, до 20 декабря 1895 года в ходе массовых убийств, которые в то время все еще продолжались в полную силу, было уничтожено (*umgebracht*) 80 000 армян; он самолично передал эту информацию полковнику Свейну, британскому военному поверенному в Берлине.¹³⁹ С другой стороны, британский посол Уайт, на основании данных, отправленных ему британскими консулами, оценивал число жертв до начала декабря 1895 года в 100 000.¹⁴⁰ Однако, как известно, массовые убийства продолжались вплоть до октября 1896 года, именно в это время произошла и константинопольская резня 26-28 августа, унесшая 5000-6000 жизней.¹⁴¹ Тайный агент министерства иностранных дел Германии, автор-туркофил Е. Джах оценивает общее количество армянских жертв следующим образом: 200 000 убитых, 50 000 высланных, один миллион — разграбленных и разоренных.¹⁴² С другой стороны, видный французский историк Пьер Ренувен, который был председателем комиссии по сбору и классификации фран-

цузских дипломатических документов, в книге поствоенного периода, основанной на достоверных документах, отмечал, что число армянских жертв в результате массовых убийств рассматриваемого периода составляло 250 000 человек.¹⁴³

В любом случае, когда дело доходит до катастрофы, каковой явилась резня 1894-1896 гг., информация о жертвах вполне может оказаться неточной, если учитывать только тех, кто был убит сразу. Однако существуют еще две категории жертв, которые также должны учитываться, поскольку смерть их обязательно наступает позднее. К первой категории относятся люди, получившие серьезные ранения или увечья, ко второй — люди, насильственно лишенные крова, доведенные до крайней нужды и истощения. Проконсультировавшись с немецким генералом Колмаром фон дер Гольцем, которому в период с 1883 по 1885 гг. было поручено заняться модернизацией и реорганизацией турецкой армии и который в какой-то момент был политическим советником султана Абдул-Гаида, посол Германии в Вене, князь Филипп цу Оленбург, открыл французскому послу в Австрии Лозе, что общее количество потерь, понесенных армянами, составляло 200 000. 2 января 1896 года Лозе, охарактеризовавший сложившуюся ситуацию как “чудовищную” (*epouvantable*), утверждал, что около 150 000 детей, стариков и женщин с приходом зимы были обречены на голодную и холодную смерть.¹⁴⁴ Как бы в подтверждение этой оценки, французский вице-консул в Анкаре также отметил, что, по его подсчетам, из двух-трех тысяч армян, спасшихся от резни в Кайсери, “более половины погибли от полученных ранений”.¹⁴⁵

Человеческие потери такого масштаба не могут рассматриваться в отрыве от неизбежного в подобных случаях материального ущерба. Успешность исхода разрушительных нападений измеряется тем, насколько сокрушительным оказывается их воздействие на социальные и культурные институты населения, ставшего жертвой агрессии, поскольку именно эти институты создают ту или иную этническую группу или нацию. В результате своей двухмесячной (май - июнь 1896 г.) инспекционной поездки по местам, где произошли массовые убийства, Лепсиус собрал следующие данные. Были опустошены и разорены две тысячи пятьсот городов и сел и разрушены 645 церквей и монастырей. Выжившее население 559 сел и сотни городских семей были насильственным образом, под угрозой смерти (*zwangsweise*) обращены в ислам. В их число входили по пятнадцать тысяч армян из провинций Эрзрум и Харпут. Кроме

того, 328 церквей были переделаны в мечети, а 546 000 человек были доведены до состояния крайней нужды; 508 церквей и монастырей были полностью разграблены, а 21 протестантский и 170 священников апостольско-григорианской церкви убиты.¹⁴⁶ Данные Лепсиуса относительно насильственного обращения в ислам по всей территории Турции подтверждаются информацией, которую предоставляют документы европейских консулов. В докладе от 31 марта 1896 г., отправленном Солсбери, британский посол Кюрри отмечает, что в Бириджике (провинция Алеппо) в результате “насильственных обращений... не осталось ни одного христианина”. Кюрри пришел к такому заключению на основании сведений, полученных от первого драгомана британского посольства, которого он направил в провинции для расследования массовых убийств (“[Этот] факт был установлен в ходе его расследования”).¹⁴⁷ Британский вице-консул в Муше (провинция Битлис) Чарльз С. Хэмпсон доложил своему послу, что “в округе Сиарт (Сиирт, провинция Битлис) не осталось христиан. Около 15 000 были убиты, 19 000 обращены в мусульманство, а 2 500 женщин уведены”.¹⁴⁸ Вице-консул в Диарбекире Сесиль М. Холуорд в докладе от 17 марта 1896 года сообщал, что в округе Силван (провинция Диарбекир) 7 000 армян были насильно “обращены в мусульманство” и “более 500 женщин и девушек похищены”.¹⁴⁹ По оценке Холуорда, по всей провинции в “мусульманство были обращены 25 000” человек. Он приводит следующие данные по некоторым городам: Палу — 3000, Северек, включая деревни этого округа — 2500, а “в деревне Узун Ова, основной протестантской деревне этого округа, восемь человек, отказавшиеся принять ислам, были хладнокровно застрелены; после этого 32 женщины и дети, увидев, что их ожидает, бросились в Евфрат, остальные же жители деревни признали себя мусульманами. Турецкий “*носа*” был к ним назначен с зарплатой, которую они же и должны были платить”.¹⁵⁰ Согласно данным вице-консула Хэмпсона, в провинции Битлис в мусульманство были обращены в общей сложности 22 000 человек.¹⁵¹ Однако необходимо отметить, что бывали и случаи, когда некоторые отступники, принудительным образом принявшие мусульманство, после восстановления видимого порядка и мира при благоприятных обстоятельствах возвращались к своей вере.¹⁵²

Оценивая точность цифр, предоставленных европейскими дипломатами и консулами, необходимо признать, что они, в большинстве своем, хоть и не полностью, являются приблизительными данными. В особенности это касает-

ся подсчета числа жертв в больших округах и провинциях. Однако учитывая масштаб резни, следует признать, что иначе и не могло быть. Вместе с тем есть два специфических фактора, которые даже с учетом той или иной степени неточностей, придают этим данным достаточно большую весомость: во-первых, они исходят от незаинтересованных сторон, во-вторых, в плане основных несоответствий они полностью противоположны данным, предоставленным турецкими властями. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что в полемике по вопросу массовых убийств и сопряженных с ними преступлений Турция является не только заинтересованной, но и обвиняемой стороной. В равной степени важно и то, что влияние культурной традиции, предполагающей точность и скрупулезность при составлении докладов, уважение к фактам, соблюдение норм, вытекающих из консульских обязанностей, является существенным фактором, который необходимо брать в расчет при оценке ценности европейских данных. Что касается преступной стороны, то здесь принцип правдивости если и не игнорируется полностью, то зачастую нарушается, в особенности в тех случаях, когда вопрос касается государственных тайн, и ставки чрезвычайно высоки.

Однако все эти рассуждения, которые в основном относились к рецидивной политике массовых убийств и их материальных последствий, отходят на задний план в связи с еще одним аспектом проблемы демографии разрушений, который заслуживает должного внимания. Речь идет о системе ценностей, лежащей в основе этой политики.

Еще раз о культурных и субкультурных компонентах массовых убийств

Предметом обсуждения в данной части будут характерные особенности, предполагающие наличие культуры массовых убийств, формирование которой было вкратце представлено выше. Основной частью любой культуры является некоторая совокупность воззрений, наличие которых позволяет людям, разделяющим их, рассматривать те или иные линии поведения как социально востребованные, предпочтительные, ожидаемые и достойные похвалы в той мере, в какой они, будучи вариациями стандартов нормального поведения, могут восприниматься как должное. Из всех ученых, которые до сих пор изучали массовые убийства армян эпохи Абдул-Гамида и пытались дать им объяснение, особой остротой анализа выделяется британский этнограф Уильям М.

Рамсей. В конце девятнадцатого столетия он на протяжении более десяти лет периодически проводил исследования в Турции, охватывающие период последних двух десятилетий 19 века. Достаточно бегло владея турецким, он мог вращаться среди турок и общаться с ними. Учитывая чрезвычайную важность его наблюдений, ниже приводим два достаточно объемных отрывка из текстов, отражающих эти наблюдения. Сначала Рамсей говорит об укоренившемся отношении турок к армянам, тем самым подчеркивая, что отношение это было обусловлено воззрениями культурного характера.

Турецкое правление... подразумевало неопишное презрение... Армяне (и греки) были собаками и свиньями... которых следовало приструнить, если их тень падала на турка, они становились грубыми нарушителями закона и половиками, о которые турок вытирал грязь своих ног. Вникните же в неизбежный результат векового рабства, оскорблений и презрения; веками ничто, из того что принадлежало армянину, — ни его собственность, ни его дом, ни его жизнь, ни его личность, ни его семья не считались неприкосновенными и не были гарантированы от насилия — своевольного, ничем не вызванного насилия, противостояние которому насилием же означало смерть! Я имею в виду не то, что каждый армянин страдал, а то, что каждый из них жил в осознанной опасности, исходившей от любого мятежа или беспорядка.¹⁵³

Эти наблюдения примечательны тем, что, далеко не будучи армянофилом, Рамсей на нескольких страницах объясняет причины своей личной неприязни к армянам, с которыми ему доводилось общаться.¹⁵⁴ В то же время его оценка определенных свойств культуры, допустившей массовые убийства армян, отличается остротой и пронизательностью и со всей четкостью выделяет “темные стороны совершенных турками массовых убийств”.

[Такая резня] — в течение нескольких дней тысячи людей погибают от меча, пыток или огня. Это не просто когда расхищается все, что принадлежало им, когда разворовываются и зачастую сжигаются их дома и магазины, когда уносятся любой предмет, который хоть чего-нибудь стоит, а с убитых снимается одежда. Это не просто когда выжившие остаются без гроша, без пропитания и иногда в буквальном смысле без одежды. Это всего лишь начало, более яркая и светлая сторона резни в Турции. Временами, когда турки были особенно милосердны, они предлагали своим жертвам спасение, если те примут магометанство. Что же касается темной стороны, вызывающей глубокое возмущение и стыд, — возьмите все то, о чем поведали самые

откровенные из историков прошлого, соберите вместе все подробности самых ужасных и невообразимых примеров насилия, совершенного когда-либо в этой стране безумными преступниками, представьте, что собралось тысячи таких — разгоряченных тяжелой работой убийц, подстрекающих друг друга и соперничающих друг с другом, поощряемых обещающими безнаказанность правительственными чиновниками и надеждой наживы, — представте себе, если, конечно, сможете результаты всего этого, и тогда у вас будет отдаленное представление о погромах в восточных областях Турции.

Даже самые страшные сообщения об ужасах, имевших место в Армении, не были преувеличением. И ни Дюма с его живым воображением, ни Золя с его глубоким знанием зла не смогли бы своим пером добиться того воздействия, какое оказывала на очевидцев резня в курдской части Армении. Курдская часть Армении — это “зловещая страна”. Она превратилась в склеп. В нее не осмелишься войти. О ней невозможно думать. И не дано знать, сколько изувеченных, изуродованных, искалеченных армян все еще умирают там от голода...

Но это не означает, что все турки во всех городах принимали участие в массовых убийствах. Высший класс осудил, многие сожалели, а некоторые даже попытались спасти жизни своих армянских друзей. Следует помнить, что для того, чтобы турок решился вмешаться в то, что он считает волей господней, нужна необычайная сила духа. Они, естественно, полагали, что резня была волей господина и падишаха (монарха), и что это следует принять как данность, но тем не менее некоторые вмешивались. Однако городская толпа, однажды поднятая служителями религии и чиновниками, входила во вкус... Можно сказать, однако, что армяне были бы слишком трусливы, чтобы принять эту участь, и им следовало предпочесть смерть. Пускай же те, кто доказал, что сами они предпочли бы смерть рабскому существованию, укоряют их, и те, кто упрекает армян, которые предпочли жить, скорее всего более склонны одобрить восставших армян.¹⁵⁵

В этой краткой оценке сжато представлена вся анатомия типичной, традиционной турецкой резни, в которой соотнесены взаимовлияния таких факторов, как мотивация, методы, средства, уязвимость жертвы, санкции священного и секулярного права и стремление к удовлетворению смертоносной алчности. Однако все это вытесняется самым основным фактором, обеспечившим беспрепятственное осуществление резни, — традицией ненаказуемости. И здесь необходимо перенести внимание на сугубо культурные и субкультурные аспекты совершенных массовых убийств. Зверства являются действиями, предполагающими наличие соответствующих подходов и отношений, которые и делают эти акты допустимыми. Центральным по своему значению среди этих

подходов является презрительное отношение к жертве, которое позволяет преступникам дегуманизировать ее, низводя до уровня собаки. Европейские дипломатические и консульские рапорты изобилуют описаниями, свидетельствующими о том, что действия участвовавших в массовых убийствах преступников были обусловлены именно подобным отношением к жертвам преступлений. В этом смысле весьма символичен приводимый ниже материал, который заслуживает особого внимания. В доклад под грифом “конфиденциально” британский консул вложил оригиналы двух писем, написанных на турецком языке (и переведенных консульством на английский), которые либо попали в руки британцев, либо каким-то образом были перехвачены британскими агентами. Они были написаны турецким солдатом (с указанием имени и фамилии) из 4-ой роты 2-го батальона 25-го полка, находившегося на службе в Эрзруме. Письма были адресованы его родителям и брату, жившим в Харпуте. Ниже приводятся отрывки из этих писем.

Первое письмо датировано 23 ноября 1895 г.:

Брат мой, если тебе интересны наши новости, то мы убили 1 200 армян и всех *скормили собакам*... Мама, я цел и невредим. Отец, 20 дней назад у нас был бой с неверными армянами. По Божьей милости, с нами ничего не случилось... Ходят слухи, что наш батальон переводят в ваши края. Если это произойдет, то мы перебьем там всех армян. Кроме того, 511 армян были ранены, и каждый день один или два из них умирают. Что же касается солдат и башибузуков [воинственных солдат нерегулярных подразделений], то ни на одном из них нет и царапины... да благословит вас Господь... [курсив автора].

Второе письмо датировано 23 декабря 1895 г.:

Я перебил [армян] как собак... Что касается новостей по этому делу, мы уничтожили 2 500 армян и разграбили их имущество.¹⁵⁶

Невозмутимый тон этих семейных писем в сочетании с откровенным признанием в участии в массовых убийствах своим разнузданным цинизмом уступает лишь удовольствию, испытанному от отвратительного способа применения останков жертв. Это свидетельствует не только о том, что ужасающие способы убийства не просто допускались, а были широко распространенным явлением, но и о том, что такое отношение поддерживалось всей государствен-

ной системой. В данном случае мы имеем дело с подразделением регулярной армии, которое среди бела дня в мирное время было задействовано в операциях, имевших целью уничтожение безоружного гражданского населения.

Резня как инструмент радикальной политики

Чтобы понять взаимоотношения — сколь бы скрытыми и завуалированными они ни были — между государственной системой и культурными установками, способствующими массовому истреблению в большинстве своем невинного населения, представляется важным еще раз рассмотреть действующие связи между властями и государственной политикой, с одной стороны, и механизмами осуществления массовых убийств — с другой. Чтобы продемонстрировать значимость именно этих действующих связей, в данном исследовании широко использовался весь свод дипломатической корреспонденции. Эта значимость резюмируется в выражении “официальное преступление”, которое, по словам британского консула Харпутского округа, было придумано местными “более благодушно настроенными” турками. Этот саркастический термин возник в ответ на резню и разрушения в городе Харпуте в ноябре 1895 г.¹⁵⁷ Как видим, здесь речь идет не о суждениях самих жертв-армян или же нейтральных наблюдателей — европейцев, а об оценке турок — очевидцев резни, беспомощных в своем несогласии с политикой ответственного за резню государства. В этой связи одним из самых обличительных материалов, всплывших с начала столкновений, является информация, предоставленная турецким офицером спецслужб, служившим как при иттихадистском, так и при кемалистском режимах. Согласно его отчетам, Гамид, раздосадованный постоянными протестами держав, пригласил группу европейских послов в одну из комнат дворца, где было полно именно тех дубинок, которые, как описывалось выше, использовались для избиения армян. Затем Гамид приказал своему переводчику сказать им, что его подданные “защищались от армян этими палками”, добавив: “Эти палки изготовлены из нашей лесной древесины”.¹⁵⁸ Этот эпизод, свидетельствующий о полном отсутствии сожаления, не говоря уже об угрызениях совести, с нескрываемым удовольствием продемонстрированный султаном, по сути своей сродни тому, в котором турецкий солдат похвалялся перед своей семьей количеством убитых его подразделением и «скормленных собакам» армян. Когда содеянное воспринимается действующими ли-

цами как должное, вопрос об угрызениях совести становится неуместным. Более того, обращение к массовому истреблению воспринималось всеми преступниками как поведение, способное решить проблему. Турецко-армянский конфликт требовал решения, которое должно было быть найдено центральными властями. Так как этот конфликт в основном вращался вокруг системы реформ, которые для властей, и в особенности для правителя были анафемой, и так как давление со стороны держав, направленное на принятие этих реформ, набирало силу и становилось угрожающим, был рассмотрен и выбран радикальный метод решения проблемы. В результате была разработана программа резни.¹⁵⁹ Истребление и значительное сокращение армянского населения провинций постепенно свело бы на нет проблему армянских реформ, а подобное наказание и террор превратили бы армян в нищую, запуганную и еще более смиренную группу. Но важнее всего то, что Абдул-Гамид хотел достичь этой цели, уничтожив армян в экономическом плане. Именно об этом писал в своих мемуарах его личный первый секретарь, который отмечал, что действия армянских революционеров с 1894 по 1896 гг. привели султана в такое раздражение, что он “решил развернуть политику жестокости и террора против армян и для успешного достижения своей цели нанести им экономический удар... Он приказал полностью отказаться от каких бы то ни было переговоров и обсуждений с армянами и нанести им решительный удар, чтобы свести с ними счеты” (*Kendilerile kat`i hesap olunmasini surety kat`iyede emretti*).¹⁶⁰ О том, что султан намеренно наказывал целую общину за проступки ее малой части, свидетельствует оценка, данная им за шесть лет до этого. В беседе с британским послом Уайтом на тему Армянского вопроса Гамид разделил османских армян на три категории: 1. тех, кто стремится к независимости; 2. тех, кто стремится к аннексиям; 3. тех, кто совершенно лояльны, добавив при этом, что первых было очень мало, вторых больше и что “основная масса” принадлежала к третьей категории.¹⁶¹

Как уже отмечалось, кроме соображений культурного и субкультурного характера, склонность к уничтожению коллектива из-за предполагаемой или доказанной вины некоторых его представителей в значительной степени была обусловлена демографическими соображениями. Султан Абдул-Гамид опасался, что, получив долгожданные реформы, армяне вполне могли взять в свои руки контроль над жизнью в провинции и направлять ее. В меморандуме, адресованном кабинету великого визиря, он достаточно четко сформулировал

свои опасения. Кроме того, он боялся, что некоторых приверженных реформам высокопоставленных турецких должностных лиц “постепенно уносило от идеи верности султану и от преданности исламу в сторону европейских принципов администрирования и управления”, отмечая имена министра иностранных дел Саида-паши и Абидина-паши. Далее он утверждал, что “служение ему — халифу, есть служение мусульманскому люду. Любой другой план действий неизбежно приведет к установлению армянского княжества. Составляя план реформ для шести провинций, державы таким образом определяют границы Армении. Между тем, в отличие от Болгарии, армяне не составляют и 30% населения даже в провинции Эрзрум, где численность их достаточно высока”. Затем следовали яростные нападки на великого визиря Ахмеда Джевада-пашу (1891-1895), который, желая “удостоиться похвалы Европы и втереться в доверие к послам, дал толчок развитию этого направления, полностью забывая, что носит мусульманское имя и является сыном мусульманина”.¹⁶²

Чрезмерное выделение и акцентирование ислама, халифата и идеи высочайшей власти в этих сообщениях является признаком того, сколь высокое и первичное место для султана и абсолютного правителя занимала теократическая судьба османского государства. Хотя такая позиция и была отчасти обусловлена рациональностью, желанием защитить свой трон под покровом ислама, в большей степени она являлась продуманной реакцией на настроения полностью утомленного мусульманского населения провинций. Несмотря на то, что армяне уступали мусульманам по численности, последние вслед за своим правителем опасались, что в случае победы реформ армяне займут доминирующее положение. Такая позиция султана часто предоставляла ему возможность выступать в роли оппонента политических планов собственного правительства, т.е. Высокой Порты, которая была в руках великого визиря и министра иностранных дел. Желая преодолеть влияние Порты, султан в том же меморандуме прибег к неординарному шагу, придумав уловку, которая позволила ему саботировать власти Порты в вопросе армянских реформ. Ниже следуют указания Гаида:

Порта (Баби Али) может дать назначенному должностному лицу [в данном случае это был Раиф-паша] такие устные или письменные указания, которые могут противоречить мнению монарха. Однако, так как он полагается на верность и компетентность [назначаемых инспекторов], нужно, чтобы данное должностное лицо безбоязненно

откладывало в сторону те проблемы, решение которых не представляется возможным, предъявив при этом убедительные доказательства (*delâil-i muknia irâdi ile geçiş, tirilmesi*), оправдывающие необходимость отложить [эти решения]. Нужно беспокоиться не только об этом, но и об ином мире. Нужно помнить о всей тяжести подобного поведения, так как оно может привести к разрушению ислама... Единственным средством является верность назначенного инспектора, а именно — готовность защищать исламскую веру и правовые прерогативы Его Величества. В таком случае его наверняка ждет вознаграждение.¹⁶³

В конце концов победила решительность Гаида. В результате ли принуждения, убеждения или же собственных умозаключений, но Камиль перешел на сторону Гаида. Разделяя решимость своего монарха во что бы то ни стало саботировать проект армянских реформ, великий визирь Камиль в октябре 1895 г. отправил губернаторам провинций циркуляр, которым признавал недействительными¹⁶⁴ те уступки по армянским реформам, на которые Гаид пошел 17 октября 1895 г.¹⁶⁵ под сильным давлением европейцев. Камиль сохранил эту позицию даже когда во время переворота в январе 1913 г. был смещен со своего поста младотурками-иттихадистами. В это время вопрос об армянских реформах был реанимирован и находился в стадии переговоров между Турцией и державами. В мае во время приема в Бейруте он выразил свое несогласие по поводу европейского вмешательства в этот вопрос.¹⁶⁶

Настрой султана на то, чтобы всеми доступными средствами противостоять любым и всем без исключения усилиям по армянским реформам, раскрылся в ходе одной из его частных встреч с одним из послов. В депеше в Берлин, князь Радолин, посол Германии, ставил в известность своего канцлера об имевшей место аудиенции с султаном 16 ноября 1894 г., т.е. вслед за Сасунской резней, во время которой султан “торжественно поклялся, что ни при каких обстоятельствах не уступит несправедливому армянскому давлению и что скорее умрет, чем проведет влекущие за собой серьезные последствия реформы в Армении”.¹⁶⁷ Итак, жребий был брошен как внутри страны, так и вне ее. Что касается монарха и режима, то в том виде, в каком они представлялись армянам и державам, армянские реформы даже не стояли на повестке дня. И когда цикл массовых убийств 1894-1896 гг. завершился, в 1897 г. султан Абдул-Гаид заявил, что “Армянский вопрос закрыт”.¹⁶⁸ Выдающийся гарвардский историк Уильям Лангер следующим образом подвел итоги разных мнений от-

носителем исторического периода массовых убийств и геноцида: “Было совершенно очевидно, что султан был полон решимости разрешить Армянский вопрос, уничтожив армян”.¹⁶⁹ Вопрос армянских реформ, который был стержнем Армянского вопроса, оказался смертельным экспериментом проводимой державами политики гуманитарных интервенций в защиту армян. Эксперименту не хватало необходимых механизмов контроля, который обеспечил бы безопасность армян. По наблюдению турецкого историка Османа Нури, “даже простое упоминание слова “реформа” раздражало его [Абдул-Гаида], пробуждая его преступные инстинкты”.¹⁷⁰

Примечания к Главе 8

- 1 Mithat Sertoğlu, “Türkiyede Ermeni Meselesi” (Армянский вопрос в Турции) *Bergelerle Türk Tarih Dergisi* 2 (November 1967): 48.
- 2 Lord Kinross, *The Ottoman Centuries* (New York 1977), 557-58.
- 3 Victor Bérard, *La politique du Sultan* 3d ed. (Paris, 1897), 883 passim.
- 4 *Blue Book*. Turkey No.1 (1895), Part I. enclosure 2 in Doc.No. 60, p. 369. Доклад от 6 ноября 1894 года, который посол Филипп Кюрри направил в Лондон 26 ноября 1894 года под грифом «конфиденциально». Doc.No. 754, cipher No. 539.
- 5 *Там же*, Doc. No. 252, Совместный доклад No. 255, написанный 20 июля, представленный 15 августа 1895 года, стр. 133-193. Цитаты на стр. 170, 171, 173. Текст на французском языке в *The Diplomatic Archives of the Foreign Ministry of France (Documents Diplomatiques 1871-1900)* (далее цитируется как *DAF*) *Affaires Arméniennes*. Livre Jaune (1897) Doc. No. 86 (August 16, 1895), приложение No. 1 к которому является совместным докладом, стр. 96-111, а приложение No. 2 является дополнением к Doc.No. 1, стр. 111-136.
- 6 *Там же*, 173.
- 7 *Там же*, vol.11, Doc.No. 318, p. 493 (1947).
- 8 FO 881/6645, вложение No. 3, содержащее доклад А. Блока.
- 9 *Blue Book* [п.4], Doc.No. 49, p. 27, doc.No. 68, p. 42, and Doc.No. 82, p.45; относительно ордена *Liakat* см. *DAF* [п.5], Doc.No. 13, p.19, доклад французского консула в Эрзруме Бержерона от 24 ноября 1895 года.
- 10 Osman Nuri, *Abdulhamid Sani ve devri Saltanati. Naayati Hususiye ve Siyasiyesi*. (Абдул-Гаид Второй и период его правления. Его личная и политическая жизнь). Шрифт османский. Vol. 2 (Istanbul, 1328/1912), 372. Работа была прервана смертью автора и была завершена историком Ахмедом Рефиком (Altynai).
- 11 Kâmil Paşa. *Hatıratı Sadri Esbak Kâmil Paşa* (Мемуары бывшего великого визиря Камиля-паши).

Шрифт османский, (Istanbul, [1913]), 180-181, 187.

- 12 Doğan Avcioğlu, *Milli Kurtuluş Tarihi* (История национального освобождения), vol.3 (Istanbul, 1974), 1088.
- 13 J.Marriott, *The Eastern Question: An Historical Study in European Diplomacy* 4th ed. Перепечатано. (Glasgow, 1958), 399.
- 14 *The Times* (London), 30 марта 1895 г. Британский вице-консул в Ване С.М. Холуорд в докладе от 6 ноября 1894 года подтверждает, что турецкие войска, после того, как нападение курдов было отражено армянами и курды “отказались возобновить атаку до тех пор, пока им не помогут [турецкие] солдаты”, “переоделись в курдские одежды и пошли в нападение, которое оказалось более успешным”. См. примечание 17, 1-ая страница доклада.
- 15 Из статьи, напечатанной в одной из наиболее влиятельных немецких газет — *Kölnische Zeitung*, 24 февраля 1895 года.
- 16 Le Vte. de la Jonquière, *Histoire de l' Empire Ottoman depuis les origines jusqu'à nos jours* vol.II, новое расширенное издание (Paris, 1914), 134.
- 17 *Blue Book* [п.4], 36, 37, 38. В отдельно изданном памфлете, под заголовком *Extracts from Letters of C.M.H.*, Холуорд в письме отправленном из Битлиса своей матери 29 октября 1894 года описывает эти “ужасающие зверства” о которых “сообщали сами солдаты, как, например, сжигание людей заживо, включая женщин и детей...” стр.12.
- 18 Stanford J. Shaw and Ezel Kural Shaw, *History of the Ottoman Empire and Modern Turkey* vol.2. *Reform, Revolution and Republic: The Rise of Modern Turkey 1808-1975* (Cambridge, 1977), 203-04.
- 19 Османские архивы. Собрание Yildiz (Илдыз). *The Armenian Question*, vol.1 *Tailori Incidents* (Istanbul Research Center, 1989), 371.
- 20 G.P. Gooch, *History of Modern Europe 1878-1919* (New York, 1923), 234.
- 21 *Blue Book* [п.4], Doc.No. 197, p. 109, доклад британского посла Кюрри от 2 мая 1895 года.
- 22 *Там же*, три доклада Кюрри: Doc. No. 214, p. 119, 30 мая, Doc.No. 218, p. 121, 1 июня, Doc. No. 222, p. 122, 3 июня 1895 г.
- 23 *Там же*, Doc.No. 267, pp. 206-07.
- 24 Перевод на английский в FO 881/6645, pp. 28-9, вложение в Doc. No. 4 в докладе посла Кюрри от 20 апреля 1895 г. в Лондон. Дата секретного доклада Пржевальского — 20 марта, 1895 г.
- 25 *Blue Book* [п.4], 38.
- 26 *Там же*, Doc.No. 66, p. 41, 26 ноября 1894 г.
- 27 *Там же*, Doc.No. 63, p. 39, из Лондона Кюрри, 30 ноября; Doc.No. 66, p.40, 26 ноября 1894 г.
- 28 *Там же*, Doc.No. 29, p. 13, 7 ноября 1894 г.
- 29 *Там же*, Doc.No. 66, p. 41, 26 ноября 1894 г, доклад отправленный Кимберли.
- 30 Mehmet Hocaoğlu, *Abdulhamit Han'ın Muhtıraları. Belgeler* (Меморандумы Абдул-Гаида. Документы), (Istanbul, 1989), 239-240.
- 31 Duke of Argyll (George John Douglas Campbell, бывший государственный секретарь по Индии и Лорд-хранитель печати), *Our Responsibilities for Turkey* (London, 1896), 92.
- 32 *Blue Book*. Turkey No. 1 (1896), Doc.No. 38, p. 33, 6 мая 1895.
- 33 *Там же*, Doc.No. 49, p. 65, 18 мая, Doc.No. 147, p. 123, 24 августа 1895 г. См. так же DAG

[п.35], Doc.No. 2407, pp. 48-9, доклад посла Германии Заурмы в Берлин от 10 августа 1895 г. и примечания императора Вильгельма на стр. 49.

34 Wladimir Giesl. *Zwei Jahrzehnte im Nahen Orient* (Два десятилетия на Ближнем Востоке. Заметки генерала кавалерии) Major-General R.V. Steinitz ed. (Berlin, 1927), 118.

35 Дипломатические архивы министерства иностранных дел Германии (*Die Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes*). Die Gross Politik (далее цитируется как DAG), vol.10, Doc.No. 2425, registry No. 136, p.68.

36 Там же, Doc.No. 2456, registry No. 118, p.101.

37 Joseph Marquart. *Die Entstehung und Wiederherstellung der armenischen Nation* (Berlin-Schöneberg, 1919) 74, note 26. Оба профессора, Мориц и автор данной работы Маркварт, были известными востоковедами, т.е. специалистами по турецким, курдским и армянским вопросам.

38 Paul Cambon, *Correspondance 1870-1924*, vol.1 (1870-1898) (Paris, 1940). 393, 395, письмо от 10 октября 1895 года.

39 Philip Paneth, *Turkey. Decadence and Rebirth* (London, 1943), 52.

40 Taner Akçam. *Syasi Kültürümüzde Zulüm ve İşkence* (Зверства и пытки в нашей политической культуре), (Istanbul, 1992), 140-41. На стр. 229-305, под заголовком "Массовые убийства" армян, автор выносит на обсуждение специфику массовых убийств абдулгамидовской эры, указывая на то, что все они были организованы из центра. "Уроки, извлеченные из опыта конфликтов с другими христианскими национальностями, явились причиной для того, чтобы меры, применяемые по отношению к армянам, имели характер в высшей степени централизованного планирования. Малейший повод использовался как руководство к действию". (*en küçük bir vesile dahi gerekçe olarak kullanılarak*). И на этом основании, он приходит к выводу, что нападения против армян отличались (*farkli*) от тех, которые были предприняты против других меньшинств (стр. 303).

41 Roy Douglas, "Britain and the Armenian Question 1894-7", *The Historical Journal*, 19, 1 (1976): 132. В отношении этих массовых убийств автор использовал определение "преднамеренные политические действия". Обсуждая теории, предложенные специалистом по османской истории Полем Витеком, другой британский автор возводит истоки этого отношения к правлению Мухаммеда II (1451-1481), основателя Османской империи. Он говорит о том, что Мухаммед "прибегал к жестокости как к инструменту для осуществления государственной политики". Colin Heywood, "Boundless Dreams of the Levant: Paul Wittek, the George-Kreis, and the Writing of Ottoman History", *Journal of the Royal Asiatic Society*, 1 (1989): 44.

42 DAG [п.35], vol.9, Doc.No. 2184, cipher No. 157, pp. 202, 204. В послании британскому послу Кюрри султан выражал такую же убежденность и связывал Армянский и Восточный вопросы, указывая на случаи болгарских массовых убийств, которые он назвал "состряпанной" историей, и исключая предоставление автономии армянам в "отдельных провинциях". *Blue Book* [п.4], Doc.No. 35, вложение, стр. 18, November 4, 1895.

43 *The Memoirs of Ismail Kemal Bey* (London, 1920), 264. Описание его переговоров с Гербертом на стр. 267-8. Его назначение на пост губернатора Триполи, и последующая отмена для того, чтобы он выполнял свои обязанности в качестве эмиссара, описаны на стр. 259-260.

44 *Blue Book Turkey*, No. 3 (1897) Doc.No. 105, вложение, October 1; Doc.No. 104, October 3, 1896,

pp. 91-2.

45 Robert Melson. "A Theoretical Inquiry into the Armenian Massacres 1894-1896", *Comparative Studies in Society and History* 24, 3 (July, 1982): 506-07. В своей последней работе Мелсон приводит тот же аргумент в более развернутом виде. См. его *Revolution and Genocide - On the Origins of the Armenian Genocide and the Holocaust*. (Chicago, 1992), 49-53. В этом последнем исследовании Мелсон также ставит под вопрос "тезис о провокации, [который] основан на простой модели действие-противодействие в человеческих отношениях, при этом не считая вероятным ни действие, ни противодействие". Говоря о самых основных носителях этого тезиса – Шоу, он отмечает, что в своем рвении взвалить всю вину на армян и, в особенности, на армянских революционеров, Шоу выдвигают обвинения, не подкрепляя их "какими-либо ссылками или квалифицированными комментариями" и подтверждениями "других историков". Там же, 50, 51. Однако причина такого подхода весьма ясна. Шоу почти полностью полагаются на османские архивы, как непререкаемые хранилища истины, полностью игнорируя лживый характер многих содержащихся в них правительственных документов по вопросу о резне в Сасуне. Этот факт был выявлен и подчеркнут тремя европейскими (французский, русский и британский) комиссарами (которые были прикреплены к турецкой комиссии по расследованию) в их представленном отдельно совместном докладе, а также во всех подробностях был еще раз отражен в дополнительных докладах британского и российского комиссаров, которые были вынуждены представить свои собственные доклады для того, чтобы довести до сведения лживость, которой были пропитаны все документы, собранные турецкими властями. Одним из печальных последствий подобного рода ревизионистских исторических исследований является то, что Шоу и некоторые из их сподвижников, действуя как защитники "турецкой точки зрения", пытаются переписать историю. Стремясь умалить масштаб разрушений в результате сасунской резни, Шоу взывают к выводам "смешанной османской и иностранной комиссии", создавая впечатление, что комиссия работала в гармонии и достигла консенсуса. Как было отмечено выше, это не просто не соответствует истине; но и утверждение о том, что комиссия пришла к соглашению относительно того, что отчеты по масштабу разрушений были "преувеличены", опровергается в особенности следующим британским документом. Готовя свой отчет, британский комиссар Шипли предупредил своего посла в Константинополе о той огромной пропасти, которая существовала между тем, к каким выводам приходили турецкие члены комиссии, и тем, что устанавливали в качестве фактов европейские члены комиссии. Тогда Кюрри сообщил в Лондон следующее:

"На основании свидетельств, уже имеющихся в распоряжении комиссии, становится очевидным, что масштаб сасунского дела нисколько не был преувеличен в первых донесениях, полученных в Константинополе и других местах... с другой стороны, ни один из выявленных фактов не дает повода считать, что все это всего лишь измышления армян, придуманные для того, чтобы дискредитировать турецкое правительство... по-видимому, турецкая комиссия пытается подкрепить теорию об армянском восстании... однако выявленные ими факты не подтверждают эту теорию".

Blue Book [п.4], Doc.No. 206, p. 122, Дешеша Кюрри от 16 мая 1895 г. Доклад Шипли был подготовлен 3 мая 1895 г. Несмотря на суть всех заключений, включенных в совместный доклад ев-

ропейских представителей турецкой комиссии по расследованию, Шоу продолжали настаивать на том, что армяне были “мятежниками”, начавшими “крупный переворот в Сасуне”, и что войска и полиция всего лишь получили инструкции “восстановить порядок”, а также что армянская кампания за восстановление справедливости и возмещение их потерь по сути была “террористическим делом”. Все это говорилось лишь для того, чтобы в конце концов сделать вывод, что все те армяне, которые не имели отношения к терроризму, неизбежно должны были пострадать и “действительно пострадали”. Shaw, History [n.18], 203-04. Весьма сомнительным представляется исследование, авторы которого столь некритично относятся к документам правительства, имеющего традицию массовых убийств. Однако когда авторы выходят за пределы доверия и начинают горячо защищать вовлеченное правительство в то же время демонстрируя презрение к великому множеству жертв смертоносной политики этого правительства, они тем самым проявляют грубую приверженность, которая уничтожает ценность их исследования. Это обстоятельство приобретает еще большую остроту в связи с тем фактом, что столь почтенное издательство, как “Кембридж Университи Пресс”, сочло его достойным публикации, издав книгу, в которой обсуждение этого вопроса выдвигалось на первый план.

46 Aghassi (Garabed Tour-Sarkissian), *Zeitoun yev eer Shurtchanakneru* (Зейтун и его округа) (Paris, 1968), 154-57.

47 Ссылка на турецкие потери, включая численность войск, в *Blue Book Turkey* No. 8 (1896), Doc. No. 10, вложение, с. 13; другая ссылка на воинскую доблесть зейтунцев там же, Doc. No. 265, с. 218. Этот последний документ представляет пространный доклад английского консула в Алеппо Генри Бэрнгама, с. 212-222, об обстоятельствах Зейтунского восстания.

48 *Дипломатические архивы министерства иностранных дел Австрии* (Die Akten des k.u.k. Ministeriums des Äusseren) 1848-1918. (Далее цитируется как DAA) DAA. P.A. Konsulate A.G. XXXVIII/303. Сообщение Бертранда от 26 февраля 1896 г. австрийскому генеральному консулу в Сирии Реми и письмо Витто Бертранду от 16 февраля 1896 г., написанное на итальянском языке. Факт принятия подтверждается Бэрнгом, *Blue Book* [n.47], вложение в Doc.No. 265, p. 212.

49 DAF [n.5], *Affaires Arméniennes. Supplément.* 1895-96 (Paris, 1897). Первый набор цитат Камбона из Doc.No. 81, January 12, 1896, pp. 64, 65,66. Данные полковника де Вилара относительно численного состава войск зейтунцев там же, Doc.No. 117, April 1896, p.85. Комментарии французского поверенного де ла Булиниера там же, *Livre Jaune*, Doc.No. 174, January 3, 1896, p.194.

50 Второй набор цитат Камбона там же, *Livre Jaune*, Doc.No. 174, January 3, 1896, p.194.

51 Там же, Doc.No. 175, January 10, 1896, pp. 194-95.

52 Aghassi, *Zeitoun* [n.46], 301, 344.

53 Pierre Quillard, “Pour l’Arménie”, *Memoire et Dossier* (19-ый выпуск серии), (Paris, 1902), 40.

54 James Bryce, *Transcaucasia and Ararat* (London, 1896), 464, 501.

55 Aghassi, *Zeitoun* [n.46], 354-356.

56 *L’Époque*, February 18, 1896.

57 Avetis Nazarbek, “Zeitoun”, *The Contemporary Review* LXIX, 364 (April, 1896): 513-528.

58 Kemal Karpat, *Ottoman Population 1830-1914* (Madison, WI, 1985), 146. Соответствующие таблицы Карпата содержат информацию вплоть до 1893 года включительно; это относится в равной степени

к обеим категориям, т.е. вне зависимости от того, являлся ли Ван *санджаком* (район) или *вилаетом* (провинция), армяне лишь в незначительной мере превосходили в численности турецко-курдское, т.е. мусульманское население. С другой стороны, британский автор Линч свидетельствует о намного более большой разнице. Из всего населения Вана и его окрестностей, что в общей сложности составляло 64 000, 17 000 были мусульманами, а 47 000 — армянами. H.F.V. Lynch, *Armenia* vol.2 (1965, Beirut), 79.

59 Hamparzoum Yeramian, *Houshartzan Van-Vaspourakanee* (Памятник Вану-Васпуракану), vol. 1 (Alexandria, Egypt, 1920), 352, 353.

60 *Blue Book* [n.47], вложение в Doc.No. 25, p.23.

61 Там же, вложение в Doc.No. 104, pp. 91-92. P.V. Грейвс, британский консул в Эрзруме 29 мая 1896 года заявил, что маршал Зеки “использовал свое влияние” для того чтобы остановить преследование курдских вождей, которые являются его “протее”. Там же, вложение 2 в Doc.No. 241, p.200.

62 DAF [n.5], Doc.No. 210, p. 235.

63 Там же, *Blue Book* [n.47], вложение No. 2 в Doc.No. 104, p.92 February 19, 1896; вложение в No. 117, p. 108, March 1, 1896; Doc. No. 256, pp. 207-208, June 21, 1896.

64 Там же, доклад британского вице-консула Уильямса от 22 апреля 1895 года, Doc.No. 161, p. 150; по поводу вынужденной отставки Назима-паши см там же, Doc.No. p.242, Доклад британского поверенного Герберта от 2 июля 1896 г. Относительно благодарности армян генерал-губернатору Назиму см. Yeramian, *Houshartzan* [n.59], 351. Один из организаторов армянской самообороны в своих мемуарах особенно подчеркнуто отвергает ответственность армян за произошедшие столкновения, утверждая, что армяне проявляли чрезвычайную осторожность, чтобы не спровоцировать турок и не дать им повода обвинить армян. Armenag Yeghanian, *Housher* (Воспоминания), H. Adjemian ed. (Cairo, 1947), 98.

65 DAF [n.5], Doc.No. 210, p. 235, June 10, 1896.

66 Kinross, *Ottoman Centuries* [n.2], 559.

67 *Blue Book* [n.47], Doc.No. 351, p. 281, July 30, 1896; см. также Doc.No. 262, p. 210.

68 Там же, вложение в Doc.No. 337, p. 271, посредством доклада консула Уильямса от 28 июня 1896 г.

69 DAF [n.5], Doc.No. 227, p. 247, July 9, 1896.

70 *Blue Book* [n.47], вложение в Doc.No. 337, p.271, доклад от 28 июня 1896 г.

71 Там же, Doc.No. 257, p. 208, доклад британского поверенного Герберта от 21 июня 1896 г. Солсбери; и Doc.No. 270, p. 223, доклад Уильямса от 25 июня 1896 г.

72 Согласно британскому вице-консулу, в городе было убито 400 армян. Там же, Doc.No. 266, доклад британского поверенного Герберта от 23 июня 1896 г. Солсбери, p. 222.

73 Там же, вложение в Doc.No. 337, p. 272, доклад британского вице-консула в Ване от 28 июня 1896 г.

74 Там же, вложение в Doc.No. 337, p. 272, его доклад от 28 июня 1896 г.

75 Там же, Doc.No. 250, p. 205, доклад британского поверенного Герберта от 19 июня 1896 г. Солсбери. DAF, [n.5], Doc.No. 215, p. 240, доклад Камбона от 20 июня 1896 г. Аното.

- 76 *Blue Book* [n.47], Doc. No. 256 pp. 207-08, доклад поверенного Герберта Солсбери от 21 июня 1896 г.
- 77 Yeramian, *Houshartzan* [n.59], 108.
- 78 *Там же*, 373.
- 79 William W. Howard. "Horrors of Armenia" *Armenian Review* XVIII. 4 (Winter, 1965): 71.
- 80 *Blue Book* [n.47], вложение в Doc.No. 337, p.272, его доклад от 28 июня 1896 г.
- 81 *Там же*, Doc.No. 266, p.222, доклад британского поверенного Герберта от 23 июня 1896 г. Солсбери.
- 82 *Там же*, p. 273.
- 83 Yeramian, *Houshartzan* [n.59], 363, Yegarian, *Housher* [n.64], 101.
- 84 Rafik Hovhannissian. "Vanee 1896 Tuwee Eenknabashdbanoutiunu" (Самооборона Вана в 1896 г.) *Lraper* (July, 1976): 63.
- 85 *Blue Book* [n.47], вложение в Doc.No. 337, p.273.
- 86 Yeramian, *Houshartzan* [n.59], 369, Yegarian, *Housher* [n.64], 105.
- 87 *Houshabadout Hai Heghapokhagan Dashnakzoutian*. 1890-1950 (Предания об армянской революционной партии дашнакцутюн 1890-1950), (Бостон, 1950), 283.
- 88 *Там же*, 284-85.
- 89 Armen Karo, *Abruadz Orer* (Прожитые дни), (Boston, 1948), 158-59. Согласно автору, Максимов поделился этой информацией с Жоржем Голи, корреспондентом *Le Journal de Débats*, который во время происшествий находился в Константинополе.
- 90 Mikayel Varantian, *Hai Heghapokhagan Dashnakzoutian Badmoutiun* (История Армянской революционной партии дашнакцутюн), vol. 1, (Paris, 1932), 159.
- 91 *Blue Book Turkey* No.1 (1897), вложение Nos. 1 и 2 в Doc.No. 25, pp. 13, 15.
- 92 *Houshabadout* [n.87], 294-95.
- 93 *Blue Book* [n.91], вложение No. 3 в Doc.No. 25, p. 16.
- 94 Karo, *Abruadz Orer* [n.89], 158. Приводится цитата Максимова, который говорит, что если бы он прибыл во дворец на полчаса позже, то приказ скорей всего был бы выполнен.
- 95 Varantian, *Hai* [n.90], 168-169.
- 96 DAF [n.5], Doc.No. 254, p. 275, доклад от 3 сентября 1896 г.
- 97 *Blue Book* [n.91], Doc.No. 25, p. 12, его доклад от 27 августа 1896 г.
- 98 Kinross, *Ottoman Centuries* [n.2], 561.
- 99 Цитируется в Varantian, *Hai* [n.90], 174
- 100 *Там же*, 174-75.
- 101 Karo, *Abruadz* [n.89], 108.
- 102 Нет дипломатических записей, подтверждающих подобную угрозу, было лишь общее ощущение, что морские державы могут высадить войска в основном, если не единственно с целью защиты своих граждан, если резня в османской столице станет неконтролируемой. Весьма обобщенные и неопределенные угрозы в адрес султана, его трона и режима периодически звучали на протяжении всего периода с 1894 по 1896 г., однако речь не шла о прямом силовом вмешательстве держав. Скорее всего они были в выражениях, предупреждающих о последствиях ожи-

- даемого хаоса и анархии, которые, как предполагалось, могли свергнуть власть султана и правительство. Единственная инициатива в этом отношении была проявлена 15 ноября 1895 г. министром иностранных дел Германии Маршаллом, который, скорее предостерегая Турцию, нежели угрожая ей, поручил поверенному последней в Германии передать султану, что терпение Европы подходит к концу и что "Европа сегодня сильнее, чем султан", который должен исправиться. Сообщив об этом своему послу в османской столице Маршалл охарактеризовал этот шаг как "наше последнее предупреждение султану". DAG [n.35] Doc. No. 2510, с. 176. Вероятно, потрясенный этим порицанием или по словам германского посла Заурмы "глубоко испуганный" (Tiefste Bestürzung) этим султан немедленно дал понять, что "впредь он готов сделать все, что от него требуют. Он попросил меня указать ему политический курс, которому он должен следовать, чтобы заслужить доверие Европы". *Там же*, Doc.No. 2517, сс. 182-83, 17 ноября 1895 г.
- 103 Karo, *Abruadz* [n.89], 108.
- 104 *Blue Book* [n.91], Doc.No. 26, p. 18, 31 августа 1896 г.
- 105 DAF [n.96].
- 106 Giesl, *Zwei Jahrzehnte* [n.34], 117.
- 107 Bérard, *La politique* [n.3], 5, 15, 17.
- 108 *Blue Book* [n.47], вложение в Doc.No. 243, p.202, 28 мая, 1896 г.
- 109 Cambon, *Correspondance* [n.38], 417. 18.
- 110 *Blue Book* [n.91], Doc.No. 21, p. 9.
- 111 *Там же*, вложение No.1 в Doc.No. 26, p. 21, August 27, 1896.
- 112 *Там же*, Doc.No. 26, p.18, доклад Герберта от 31 августа 1896 г.
- 113 *Там же*, вложение в Doc.No. 28, p. 29, 31 августа 1896 г.
- 114 *Там же*, Doc.No. 33, p.34, доклад поверенного Герберта от 3 сентября 1896 г.
- 115 Tahsin Paşa, *Abdülhamit Yıldız Hartiralari* (Воспоминания о дворце Илдыз Абдул-Гамида), (Istanbul, 1931), 44.
- 116 DAF [n.5], Doc.No. 273, p. 296, доклад от 18 октября 1896 г.
- 117 FO 195/1944, Doc.No. 46, листы 253-54, доклад от 29 сентября 1896 г. Консул упоминул, что его источником является "турок, который имеет отношение к тамошнему телеграфу". Резня в Трапезунде также была начата в связи с донесением, что "армяне пребывали в состоянии готовности к восстанию и к тому, чтобы, совершив внезапное нападение, сократить число мусульман..." *Blue Book* [n.47], Doc.No. 61, p. 62, доклад британского консула Г. З. Лонгворта от 8 февраля 1896 г.
- 118 *Там же*, FO 195/1944, лист 303.
- 119 FO 195/1930, folio 34/187.
- 120 Bat Ye`or, *The Dhimmi: Jews and Christians under Islam*, перевод Д. Мейзеля, П. Фентони, Литмана (London, 1985), 48, 67, 101.
- 121 Kinross, *Ottoman* [n.2], 560. В своем пространном докладе от 28 августа 1896 г., отправленном из Харпута, вице-консул Фонтана описывает похожие сцены, когда в Малатии жертвам перерезали горло, совершая религиозный ритуал. В доме турка по имени Аричи Оглу Абдула «более

ста армян собрались из соображений безопасности. Их сначала обрезали, а затем убили как «курбанов», т.е. бросили на спины и перерезали горло подобно тому, как совершается жертвоприношение овец». *Blue Book Turkey*, No.3 (1897) вложение 1 в Doc.No. 80, p.64, доклад Кюрри от 28 сентября 1896 г., отправленный Солсбери.

122 *Blue Book* [n.47], вложение 1 в Doc.No. 52, pp.47, 48, доклад посла Кюрри от 19 февраля 1896 г.

123 *Blue Book* [n.47], Doc.No. 107, p. 93, доклад Кюрри от 18 марта 1896 г. Солсбери.

124 Kinross, *Ottoman* [n.2]., 559-60. Полный отчет о личном расследовании резни в Урфе, составленный британским консулом и драгоманом Джеральдом Х. Фицморисом 16 марта 1896 г., в FO 195/1930, pp. 30-72 (folios 185-206).

125 Niyazi Berkes, *The Development of Secularism in Turkey* (Montreal, 1964), 15. Об их значимости свидетельствует то обстоятельство, что они назначались в качестве районных и областных губернаторов в ситуациях, когда появлялись временные вакансии на эти должности. Один из таких случаев относился к кади Зейтуна, который накануне зейтунского восстания был назначен каймаком этого города. Согласно сообщению британского консула Бэрнгама об обстоятельствах Зейтунского восстания, он был «отъявленным фанатиком, сделавшим ситуацию невыносимой». Он «постоянно называл зейтунцев «собаками» или «гяурами», говоря, что если они не заплатят [задолженности по налогам], он прикажет, чтобы их расстреляли из барачков, и тогда они заплатят так же, как другие сделали это в Сасуне». *Blue Book* [n.47], вложение в Doc.No. 265, p. 213.

126 Sir Edwin Pears, *Forty Years in Constantinople. The Recollections of Sir Edwin Pears 1873-1915* (New York, 1916), 157. Одним из таких редких примеров было поведение муфтия и кади в Ачне, городе в провинции Адана. Согласно официальному докладу французского консула, оба религиозных лидера вышли против местного турецкого губернатора, *каймакама*, который дал приказ осуществить массовое убийство армян. На основании их жалобы, губернатор был смещен с поста. DAF [n.49], Doc.No. 132, p.97, доклад консула Суммарипа от 19 ноября 1895 г. Тот же консул 14 декабря 1895 г. в своем докладе утверждает, что старый *муфтий* Тарсуса при помощи *каймакама* перекрыл дорогу местной толпы, которая собиралась начать запланированную резню. *Там же*, Doc.No. 135, p. 98. В другом случае, произошедшем в Айнтабе (провинция Алеппо), муфтий вместе с двадцатью солдатами предотвратил возобновление резни на второй день, «так как было опасение», что «огромная толпа разграбила бы не только христиан, но и мусульман». *Blue Book* [n.47], вложение в Doc.No. 52, p. 47, доклад британского консула Бэрнгама от 19 февраля 1896 г.

127 *Там же*, вложение в Doc.No. 140, p. 128, 17 марта 1896г.

128 Первая цитата в *Blue Book*, [n.91] вложение в Doc. No. 32, p. 33, 3 сентября 1896 г.; вторая цитата *там же*, вложение в Doc. No. 31, p. 32.

129 Sir Edwin Pears, *Turkey and its People* (London, 1912), 278.

130 Abraham H. Hartunian, *Neither to Laugh Nor to Weep. A Memoir of the Armenian Genocide* (перевод Вардана Арутюняна), (Boston, 1968), 12-14. Столь же ужасающую сцену описывает французский вице-консул в Анкаре Гийу, рассказывая о резне в Кайсери. Он описывает, как преступники сначала зарезали мужчин, женщин и детей и сожгли заживо стариков в их домах, предварительно разграбив их имущество. Затем «более фанатичные из них попытались принудить принять ис-

лам тех женщин, которых они только что превратили во вдов, и тех детей, которых они оставили сиротами. Многие из этих людей приняли ислам, чтобы избежать смерти, а те, кто отказался, были живьем брошены в пламя». DAF [n.5], приложение Doc. No. 161, p. 114, доклад от 18-го декабря 1895 г.

131 Pears, *Turkey* [n.129], 287.

132 DAF [n.49], Doc.No. 10, p.13, 15 октября 1895 г.

133 DAF [n.49], Doc.No. 53, p.40, 12 ноября 1895 г.

134 *Blue Book* [n. 47], Doc.No. 107, p. 96, доклад Кюрри от 18 марта 1896 г.

135 *Там же*, Doc.No. 128, p.118, доклад, направленный Солсбери 2 апреля 1896 г., австрийский доклад в DAA, P.A. XXXVIII/303, Doc. No. 90, 26 марта 1896 г.

136 DAG [n.35], Doc.No. 2434, p. 74, сноска. Доклад от 18 октября 1895 г.

137 *Blue Book* [n. 91], Doc.No. 46, p. 46, 16 сентября 1896 г.; см. также FO 424/188, Doc.No. 226, folio 204.

138 FO 195/1870, Doc.No. 794 или 799 (неразборчиво), 3 страница доклада, ноябрь 13, 1895.

139 Из стенограммы доклада о его беседе с полковником, продиктованном самим императором. DAG [n.35], Doc.No. 2572, p. 251, 20 декабря 1895 г.

140 *Там же*, Doc.No. 2479, доклад No. 233, p. 127, сообщение посла Германии Заурмы канцлеру Германии принцу фон Гогенлоэ от 16 декабря 1895 г.

141 *Blue Book* [n. 91], Doc.No. 33, p. 33, доклад поверенного Герберта от 3 сентября 1896 г.

142 Ernest Jäckh, *Der Aufsteigende Halbmond*, 6-ое издание (Berlin, 1916), 139.

143 P.Renouvin, E. Preclin, G. Hardy, *L'Epoque contemporaine. La paix armée et la Grande Guerre*. 2-ое издание (Paris, 1947) 176 цитируется A. Beylerian, *Les Grandes Puissances, L'Empire Ottoman et les Arméniens dans les Archives Françaises* (1914-1918). (Paris, 1983), XXIII.

144 DAF [n.5], Vol. 12, Doc.No. 265, p. 384, Лозе министру иностранных дел Бертело.

145 *Там же*, Doc.No. 161, p. 114, доклад от 18 декабря 1895 г.

146 J. Lepsius, *Armenien und Europa* (Berlin, 1897), 34, 35.

147 *Blue Book* [n. 47], Doc.No. 123, p. 112, 31 марта 1896 г.

148 *Там же*, p.113. Очевидно, цифра по числу обращенных в Сиирте пересмотрена, так как Хэмпсон 5 марта представил цифру 17 080. *Там же*, Doc.No. 146, p.132.

149 *Там же*, вложение в Doc.No. 140, p.127. в том же докладе Холуорд утверждает, что в городе Диарбекир было убито 1 100, в окрестных деревнях - от 800 до 900 армян, 155 женщин и девочек были уведены курдами. В Силване и Палу, где сконцентрировано «самое многочисленное во всем вилайете армянское население... 7 500 были доведены до нищеты, а 4 000 исчезли: были убиты, умерли от холода или скрылись».

150 *Там же*, p.128.

151 *Там же*, Doc.No. 146, p.132, 5 марта 1896 г.

152 Первый драгоман британского посольства Фицморис приводит пример одного из таких случаев в Урфе, где 600 армян приняли ислам «после погромов здесь в прошлый декабрь... надеясь сохранить жизнь, если резня повторится, однако за последние 8 месяцев большинство из них либо вернулись к своей прежней религии здесь же, либо покинули Урфу, чтобы поступить

так же в другом месте. Там осталось около 200 человек, которые все еще сохраняют видимость приверженности исламу”. *Blue Book* [п. 91], вложение в Doc.No. 113, р. 103, доклад послу Кюрри от 10 сентября 1896 г.

153 William M. Ramsay, *Impressions of Turkey During Twelve Years' Wanderings*, (New York, 1897) 206-07.

154 Там же, 190-202. На странице 216 автор пишет: “...Из всех народов, с которыми мне доводилось общаться в Турции, нет ни одного, которого любил меньше, чем армян...”

155 Там же, 211-214. Мнение Рамсея о природе турецкой резни в довольно сжатой форме представлено в следующем заявлении, обнаруженном в личной корреспонденции британского посла Уайта, который специально не включил его в свою официальную корреспонденцию: “Последние несколько дней помогли мне понять, каким был день св. Варфоломея, и увиденное мной произвело на меня глубокое впечатление... Ужасающее хладнокровное варварство толпы, которая была заранее организована и вооружена турецким правительством...” Douglas, “Britain and the Armenian Question.” [п.41], 127, 132.

156 FO 195/1944, Doc.No. 14, folios 66-67, “конфиденциальный” доклад вице-консула в Харпуге Рафаеля А. Фонтаны от 18 мая 1896 г.

157 Там же, folio 11, доклад Фонтаны послу Кюрри от 25 апреля 1896 г.

158 Hüsamettin Ertürk, *İki Devrin Perde Arkası* (За кулисами двух эпох), (Istanbul, 1957), 41.

159 Douglas, “Britain and the Armenian Question.” [п.41], 132.

160 Tahsin Paşa, *Yıldız Hatıraları* [п. 115], 133.

161 *British Documents on Ottoman Armenians*, vol. 2 (1880-1890) B. Simsir, ed. (Ankara, 1983), Doc.No. 278, registry No. 182, p.554, доклад посла Уайта от 30 апреля 1888 г., отправленный Солсбери.

162 Sultan II Abdülhamid Han, *Devlet ve Memleket Görüşlerim* (Мое видение государства и страны), A. A. Çetin and R. Yıldız eds. (Istanbul, 1976), 198-99. См. *Başbakanlık Arşivi, Yıldız Esâs Evrakı: Kisim 9, Evrak 2610, Zarf 72, Karton 4*.

163 Там же, 199-200. Недовольство султана Абдул-Гамида министром иностранных дел Саидом было обусловлено тем фактом, что последний понимал, откуда исходит турецко-армянский конфликт и предлагал соответствующие меры. В беседе с послом Германии Радолиным 28 ноября 1894 года он “конфиденциально” сообщил послу, что “ответственность за сложившуюся в Армении ситуацию падает на плохое правление турецких чиновников” и что он “несколько раз давал султану понять, что если в этом отношении не будет улучшения, Россия одна или под европейским мандатом оккупирует армянские провинции для того, чтобы установить там правопорядок, исходя из соображений собственной безопасности...” Затем министр иностранных дел продолжил: “К сожалению, в Илдызе [дворце] предпочитают выслушивать советы жалких существ, нежели предложения Порты”. Продолжая, Саид отметил, что он не получил “никакой поддержки (kein Rückhalt) от великого визиря, который больше был озабочен тем, как бы выслужиться перед султаном, чем думать об интересах империи”. DAG [п. 35], в. 9, Doc.No. 2186, pp. 206-07, доклад Радолина No. 160 от 28 ноября 1894 года. Другой министр иностранных дел Ахмед Тевфик-паша, преемник Саида в этой должности, также нашел смелость признаться французскому послу Камбону в соучастии властей в массовых убийствах. Приводятся его следующие слова: “Если мы не накажем всех зачинщиков и власти, которые допустили эти зверства, то

очень скоро станет невозможным восстановить порядок и правительство не сможет функционировать в Малой Азии. Я попрошу Его Величество отправить в места комиссии для судебного расследования с полномочиями повесить или расстрелять основных виновников. Необходимо действовать быстро, в противном случае могут произойти бедствия похуже”. Комментарий Камбона: “Я верю в его искренность, но я предвижу, какой судьбы удостоится его предложение. Султан никогда не отдаст приказы, направленные против виновных мусульман и уж тем более против виновных властей”. DAF [п.5], vol. 12, Doc.No. 265, pp. 364-65, Камбон министру иностранных дел Бертело, 8 января 1896 года.

164 DAF [п.5], Supplément, Doc.No. 65, p. 52. доклад Бартелими, управляющего французского консульства в Алеппо, от 26-го октября 1895 года послу Камбону.

165 *Blue Book*. Turkey No.1(1896). Armenian Provinces in Asiatic Turkey. Doc.No. 200, p. 159, доклад посла Кюрри от 17 октября 1895 г.

166 FO 195/2452, Turkey, cipher No. 2526, доклад генерального консула Англии в Алеппо Камбербатча от 27 мая 1913 года.

167 DAG [п.35], vol. 9, Doc.No. 2184, p.203, доклад No. 157.

168 Douglas, “Britain and the Armenian Question.” [п.41], 132, доклад посла Кюрри Солсбери от 28 октября 1897 года.

169 William L. Langer, *The Diplomacy of Imperialism 1890-1902*, vol. 1 (New York, 1935), 203.

170 Nury, *Abdulhamid Sani* [п.10], vol.1 (Istanbul, 1327 [1911-12]), 838.

*Глава 9****Массовые убийства эры Абдул-Гаида как предвестник больших злодеяний**

Значимость каждого отдельного исторического периода наилучшим образом измеряется степенью его отношения к дальнейшему развитию событий. Если рассматривать процесс в контексте национальных конфликтов, охвативших Османскую империю в последний период ее существования, то самым значимым проявлением эпохи Абдул-Гаида был ряд массовых убийств армян.

В этой связи возникает вопрос: могут ли эти массовые убийства рассматриваться всего лишь как эпизодические проявления или же они имели свои последствия за пределами собственных проявлений, в особенности если вспомнить дальнейшую судьбу населения, ставшего жертвой дальнейшего поведения преступников. Учитывая исторический факт геноцида армян периода Первой мировой войны, ответ на этот вопрос обязательно должен вращаться вокруг фундаментального вопроса, который сводится к тому, что эти массовые убийства предвещали еще большее зло. В какой степени и в каком смысле можно говорить о том, что в массовых убийствах уже просматривался грядущий геноцид? Постановка этих вопросов предполагает, что в данном случае речь идет о реальности исторической последовательности, в которой смертоносный характер отношений жертвы и преступника не только сохраняется, но и усугубляется, разрастаясь до масштабов полного уничтожения жертвы — армянского населения Османской империи.

Эта преемственность подтверждается тем фактом, что два обсуждаемых здесь случая значительно отличались друг от друга по двум параметрам. Во первых, в период массовых убийств 1894-1896 гг. параллельно не шла внешняя война, как то было в случае с последующим геноцидом. Во-вторых, изменился режим. Массовые убийства 1894-1896 гг. были задуманы в эпоху правления Абдул-Гаида, который был объявлен тираном и скинут с престола лидерами пришедшего на смену режима, иттихадистами-младотурками, считающими

мися, тем не менее, архитекторами последовавшего геноцида. Постоянство тенденции истреблять и уничтожать ту часть населения, которая выбрана в качестве мишени, невзирая на значительную разницу в структуре и условиях существования двух режимов, говорит о том, что по своей действенности некоторые факторы оказались сильнее, чем эти различия. Одним из таких факторов была живучесть традиции, отчасти уходящей корнями в догмы ислама, которые в большей или меньшей степени санкционировали применение жесточайшего насилия при разрешении острых конфликтов с подвластными немусульманскими народами империи.

Нарывающий турецко-армянский конфликт рассматривался лидерами обоих режимов не только как исключительно внутреннее дело Турции, но и как фундаментальный спор, бросавший вызов идее верховенства ислама. Как для них, так и для множества их последователей ислам был религиозным верованием, дававшим в то же время политически инспирированные мандаты, включая и то, что, какие бы указы и законы ни провозглашались, немусульманским подданным империи предписывался более низкий статус. Об этом свидетельствует и ряд упомянутых в главе 8 конфиденциальных директив, в которых Абдул-Гаид в общих чертах представлял свой основной политический курс в отношении Армянского вопроса, и политические заявления Галата, лидера партии иттихадистов и министра внутренних дел, которые были сделаны им в ходе закрытого совещания лидеров партии в августе 1910 года (обсуждается в следующей главе). Имперские и теократические компоненты османской государственной системы, объединившись, создали предпосылки для формирования общих подходов, которые при определенных обстоятельствах имели тенденцию допустить, если не узаконить, применение жесточайшего насилия по отношению к взбунтовавшемуся меньшинству. Сформировался особый тип менталитета, которому были присущи элементы культуры, подспудно допускающей, что массовые убийства могут служить в качестве инструмента государственной политики.

Однако выйдя за пределы собственно государственной сферы, принятый государством политический курс может претерпеть изменения в руках тех, кто осуществляет его. При определении политических курсов необходимо учитывать непредвиденные обстоятельства, которые потенциально могут повлиять на их исход. Если рассматривать укоренившееся мышление, склонное к массовым убийствам, как зависимую переменную в системе воображаемого коли-

* Примечания к данной главе начинаются на странице 225.

чественного анализа, тогда необходимо учитывать и функцию независимой переменной, которая, столкнувшись с ней, влияет на ее действенность. И здесь мы снова вплотную подходим к основополагающему аспекту этой проблемы — к исторической последовательности обсуждаемой политики. То обстоятельство, что державы ставили целью гуманитарную интервенцию, при всей своей неэффективности все же по большому счету было достаточно весомым фактором, способным держать организаторов массовых убийств в состоянии постоянной неуверенности относительно допустимого порога зверств. Всегда существовала опасность того, что, перейдя допустимый порог, они могли вызвать такое недовольство держав, что мощная интервенция последних стала бы неизбежной. Однако, несмотря на то, что зверства принимали все больший масштаб, никак не фиксировалось, что порог этот перейден. Постоянство, с каким державы не замечали происходящего, выступает здесь как самая отчетливая независимая переменная в обозначенном выше смысле. Этот фактор сыграл решающую роль в том, что государственная политика, допускающая истребление населения, составлявшего национальное меньшинство, получила свое продолжение и развитие. Иначе говоря, эта политика явилась побочным результатом отсутствия сдерживающих внешних факторов.

Сдерживание по сути предполагает предотвращение, однако в данном случае оно неразрывно связано со вторым компонентом — наказанием. Постоянное отсутствие сдерживающих факторов усугублялось тем, что ни разу ни одно из массовых убийств не получило должного наказания (этот вопрос будет более детально обсужден в следующих главах). Таким образом, постоянное отсутствие внешних сдерживающих сил, не считая изредка звучавшие угрозы, которые формулировались таким образом, что давали повод для разночтений и позволяли выдвинуть контраргументы, и естественным образом вытекающая из этого безнаказанность оказались именно теми двумя факторами, которые сделали возможным уничтожение османских армян. Можно сказать, что массовые убийства абдулгамидовской эпохи были пробным камнем, возможностью понять, где проходит граница — если таковая имелась — допустимых способов и размеров уничтожения выбранного в качестве мишени населения. В этом смысле данный период следует рассматривать как экспериментальный, как прелюдию, предвещавшую геноцид армян в годы Первой мировой войны, ставший логическим развитием того, что составляло основную суть абдулгамидовской эпохи, и производной от потворствующей политики держав, благодаря которой никем не

сдерживаемые преступные действия оставались безнаказанными.

Эти соображения относительно предопределенности злодеяний могут послужить логической предпосылкой для перехода к остальной части данного исследования, где на фоне новой эпохи массовых убийств в роли первого плана выступают младотурки-иттихадисты. Данное же обсуждение можно завершить отрывками из работ двух авторов — англичанина и американца, которые, тщательно расследовав массовые убийства эпохи Абдул-Гаида, весьма обоснованно предсказали неизбежность истребления огромного количества армянского населения Турции.

Американский журналист и издатель *New York Herald* Джеймс Г. Беннет, не поверив в достоверность докладов о массовых убийствах 1894-1896 гг., которые характеризовались как не имевшие аналогов зверства, убедил султана Гаида дать ему разрешение на то, чтобы его группа провела непредвзятое расследование. Султан дал свое согласие, надеясь на то, что на такую команду возможно будет оказать влияние и что заключительный отчет будет в его пользу. Одним из членов этой команды был американский автор и эксперт гражданской войны Джордж Хепворт, который говорил о себе, что он “больно охоч до фактов”. В сопровождении турецких офицеров, в том числе полковника, подполковника, секретаря и телохранителя, группа отправилась в места, где происходили зверства, и в течение двух месяцев проводила там расследование. В 1898 г. Хепворт подытожил собранные им факты: “Теперь подведем итог. Когда я говорю, что массовые убийства армян были спровоцированы армянскими революционерами, я говорю правду, и очень важную правду, но это не вся правда. Правильнее было бы сказать, что существование армянских революционеров вызвало и оправдало массовые убийства. А то, что турки искали как повода, так и оправдания, не вызывает сомнения ни у кого, кто побывал в этой стране. В глубине души турок ненавидит армянина. Он будет клясться в обратном, но я уверен в своей правоте. Я попытался показать в других главах этой книги, что причин для этого великое множество. Турок очень сильно завидует армянину; он завидует его умственному превосходству, быстрому развитию, его предприимчивости в бизнесе. Поэтому он и прибег к притеснениям, и причина для этого была и есть одна — сделать так, чтобы жертва оказалась в нищете. Равные возможности для всех — это всего лишь обман и западня. Их не существует...”¹ “Боюсь, что необходимые в Турции реформы никогда невозможно будет ввести...”² Обобщив данные, Хепворт дал собствен-

ный прогноз, за два десятилетия предугадав геноцид во время Первой мировой войны. “Во время моего путешествия по Армении я все больше и больше убеждался в том, что будущее армян ужасно мрачное. Возможно, что в страхе перед Европой рука турка и не поднимется, однако я уверен, что целью турка является уничтожение и что при возможности он будет преследовать эту цель. Он уже очень близок к ее осуществлению...”³

Второе предсказание принадлежит перу проницательного британского этнографа Уильяма Рамсея, который в связи с исследованиями, проводимыми им на протяжении последних двух десятилетий девятнадцатого столетия, несколько раз побывал в Турции (подробный обзор его наблюдений см. в примечаниях 153-155 главы 8). Делая свои выводы на основании массовых убийств 1894-1896 гг., число жертв которых, по его оценке, составляло “около 200 000 человек”, он писал в 1897 году: “По всей вероятности, армяне будут истреблены, исключение составят лишь те, кому удастся перебраться в другие страны”.⁴

Гораздо знаменательнее, однако, что и сами державы предвидели такое развитие событий. 7 сентября 1880 года в коллективной ноте, адресованной османским центральным властям, они выражали свое недовольство тем, что задерживается введение реформ в провинциях, где “преобладает христианское население, и если это доминирование не будет братья в расчет, ни одна реформа не возымеет должного эффекта”. В том же духе державы осуждали турецкое правительство за “откладывание” подготовительной работы, необходимой для проведения “предложенной переписи” населения, и в особенности армянского. С целью обеспечения жизнеспособности и эффективности реформ они предложили также изменить “географические границы некоторых вилайетов”. Однако этим предложением они заделали османские власти за живое, и ответ не заставил себя ждать. Сразу после этого власти предприняли ряд административных мер по изменению границ провинций. В результате перерайонирования практически в каждой провинции, и даже в областях провинций, армяне составили абсолютное меньшинство, однако по отношению не к туркам, а к мусульманам, в категорию которых входили нетурецкие национальности — такие как курды, черкесы, лазы и кизилбаши.

Шесть держав, представители которых подписали вышеупомянутую ноту, на официальном уровне усмотрели связь между назревавшим турецко-армянским конфликтом и 61 статьей Берлинского договора 1878 года, предписания

которого, по их утверждению, Турция, связанная договорными обязательствами, должна была выполнить. Таким образом, в ноте нашло отражение предчувствие держав, что невыполнение условий этой статьи “по всей вероятности, приведет к уничтожению христианского [т.е. армянского] населения многих областей”.⁵

Примечания к главе 9

1 George H. Hepworth, *Through Armenia on Horsback*, (N.Y.: Dutton, 1898), 339-40.

2 Там же, 263

3 Там же, 146-7. В нескольких параграфах Хепворт говорит о том, что армяне были уязвимы как единое целое, что они становились все более и более смиренными и что именно эти характеристики обусловили ту легкость, с какой была осуществлена их резня. Предлагаем несколько примеров: “Я... обнаружил, что каждый турок и каждый курд, которого я встречал на улицах, был вооружен либо пистолетом, либо длинным кинжалом, но я не припомню ни одного случая, когда армянин был бы вооружен”. Затем автор разъясняет, какие опасности подстерегают армянина, который посмеет захотеть приобрести оружие, 249-251. Турки и курды — “бойцы, вооруженные до зубов”, армяне же “не только не вооружены, но и не знают, как обращаться с оружием”, 161. Чтобы показать неизбежные последствия неравенства, Хепворт приводит случай, свидетелем которого стал его компаньон во время резни в Константинополе в 1896 г., утверждавший, что во время резни, “большую часть которой он видел собственными глазами... ни в одном из случаев армяне не сопротивлялись... Я увидел, как армянин вышел из своего дома, чтобы посмотреть, что происходит. Один турок заметил его и поднял свою палку. Возможно, армянин был в оцепенении — не могу сказать, однако он не шелохнулся. Он стоял как мраморное изваяние. Смертельный удар был нанесен, и бедный парень упал на землю”. Там же, 165.

4 William M. Ramsay, *Impressions of Turkey During Twelve Years' Wanderings* (New York, Putnam's, 1897), 156-57.

5 British Foreign Office records. Turkey No.23 (1880), Doc.No. 154, p. 275-78.

**ВОЙНЫ И МАССОВЫЕ УБИЙСТВА
В ЭПОХУ НОВОГО МЛАДОТУРЕЦКОГО
РЕЖИМА И КОНЕЦ ГУМАНИТАРНОГО
ВМЕШАТЕЛЬСТВА**

1909 год: два совершенно одинаковых погрома в Адане**Скрытые замыслы захвативших власть младотурок**

В июле 1908 года в результате бескровной революции, сместившей султана Абдул-Гамида, в Турции был установлен новый режим, который привел к власти иттихадистов (известных также как младотурки), что, однако, еще больше обострило проблемы внутренних конфликтов в целом и турецко-армянского конфликта — в частности. Их режим (1908-1918) ознаменовал вторую эру конституции: лидеры иттихадистов-младотурок, так же как и их предшественник Абдул-Гамид (“Красный султан”), прибегли к насильственным мерам против меньшинств, в защиту которых снова начали выступать державы. Репрессивная политика нового режима способствовала началу Балканской войны 1912 года, сыгравшую свою роль в принятии националистического политического курса, который вовлек Турцию в Первую мировую войну. Как отмечал Мариот,

...Революция младотурок довела дело до решительной стадии. [Это предприятие] фактически было последним усилием мусульманского меньшинства удержать свое доминирующее влияние, несмотря на растущее сопротивление подвластных народов и угрозу европейского вмешательства. Воскрешение конституции было ни чем иным, как хитрым инструментом, который использовался для усыпления либеральных чувств за границей и в то же время давал возможность аннулировать исторические права христианских народов внутри страны.¹

В 1910 году, во время ежегодного съезда иттихадистов в Салониках, происходившие вне официальных заседаний тайные обсуждения вращались вок-

* Примечания к данной главе начинаются на странице 235.

руг плана принудительной гомогенизации Турции, эвфемистически названной “полная османизация всех турецких подданных”.² Как отмечал британский посол Лоутер, “[д]ля них “осман”, несомненно, означает “турок”, и их нынешняя политика “османизации” означает толочь нетурецкие элементы в турецкой ступе”.³ В процессе изучения сути этих решений британское министерство иностранных дел использовало в докладе слово “уравнять”, прогнозируя, что “младотурки будут стремиться распространить систему “уравнивания” также на курдов и арабов”.⁴ В ряде докладов, основанных на “подлинных документах”, предоставленных конфиденциальными источниками, французский консул в Салониках информировал своего министра иностранных дел в Париже, что младотурки решили прибегнуть к насилию, в том числе и погромам, как к последнему способу разрешения национальных конфликтов.⁵ Все эти разоблачения подтверждаются и старейшиной турецких историков, который утверждал, что, потеряв терпение в затянувшемся турецко-армянском конфликте, иттихад обратится бы к армии, чтобы разрешить этот конфликт силой оружия.⁶

Последний ключ к пониманию того, почему было решено отказаться от социальных и политических реформ и предпочесть им раздражающую альтернативу “уравнивания,” т.е. гомогенизации османского общества, содержится в тайном выступлении Талеата, который был непререкаемым лидером младотурок и министром внутренних дел Турции. Речь эта была произнесена в августе 1910 года в Салониках на предшествовавшем съезде стратегическом собрании лидеров-иттихадистов. Австрийские, французские и британские спецслужбы этого города подтвердили, что как сама встреча, так и речь имели место. Британский вице-консул в Монастире Артур Гири поручился за “точное воспроизведение сути произнесенной Талеатом речи”, полученной от “безупречного источника.” В ней, в частности, говорится:

Вы знаете, что, согласно конституции, утверждено равенство между мусульманами и гяурами [неверный, унижительное обращение к немусульманам], но все вы прекрасно понимаете и чувствуете, что это нереализуемый идеал. Шариат [религиозные законы ислама], вся наша прошлая история и чувства сотни тысяч мусульман и даже чувства самих гяуров... являются непроходимым барьером на пути к установлению реального равенства... И поэтому вопрос равенства не может стоять до тех пор, пока нам не удастся выполнить задачу османизации империи.⁷

Таким образом, создание гомогенного османского общества, которое в представлении Талеата должно было стать предпосылкой для реального равенства, требовало, чтобы тем или иным способом были ликвидированы гетерогенные элементы. Подтверждая подлинность этой речи, четвертый источник — французский дипломат, отметил решимость иттихадистов в своем намерении “вырвать с корнем” (*déraciner*) все, на чем основывались националистические тенденции и “деформировать” сами национальности.⁸ Подтверждая все это, два известных турецких социолога дают свои объяснения относительно того, почему иттихадисты неизбежно должны были принять решение прибегнуть к насильственному уничтожению нетюркских национальностей. Согласно заключению одного из них, иттихад намеревался “если потребуется, ассимилировать их посредством принудительных мер”.⁹ Другой корифей иттихадистской идеологии возводит истоки затянувшихся национальных конфликтов к введению статутного публичного права, приравнявшего мусульман с немусульманами. В редко разглашаемом внутривластном документе под названием: “Две ошибки Танзимата”, написанном во время геноцида армян в период Первой мировой войны, идеолог Зия Гёкалп критиковал указы о реформах 1839 и 1856 гг. Объявив их серьезными ошибками, настоятельно высказался в пользу концепции нации господ (*milleti hakime*) под лозунгом “Ислам дает мандат на господство”. Согласно автору книги, в которой этот документ был в 1949 г. впервые опубликован, этим документом владел генеральный секретарь партии иттихад Мидхат Шюкрю Бледа.¹⁰ По сведениям другого автора, Гёкалп написал этот документ для иттихадистских лидеров, которым он был роздан во время собрания партии в 1916 г.¹¹ Анализируя, какая идеология лежала в основе принятия этой новой политики, американский эксперт по вопросам современной Турции отмечает, что иттихад “вскоре перешел от равенства и османизации к туркификации”.¹²

В течение года после захвата власти младотурки ввели ряд конституционных изменений и законов, подразумевавших либерализацию режима. Несмотря на то, что они были провозглашены парламентом, эти перемены не принесли облегчения меньшинствам. На Балканах (в частности, в Македонии и Албании), в восточных провинциях с большой концентрацией армянского населения и даже в далеком Йемене османское дурное правление настолько деградировало, что дело дошло до кровавых репрессий. За исключением армян, все остальные подвластные народы поднялись на открытое восстание. Мно-

гие из этих восстаний были успешными, в результате чего империя снова потеряла часть своих территорий.

То что приверженность конституционализму была весьма несущественной и далеко не постоянной во всем, что касалось этнических элементов империи, является непреложным фактом, который в полной мере проявился в апреле 1909 года. Фактом является и то, что контрреволюция 31 марта-13 апреля, организованная группой исламских фундаменталистов – противников иттихадистов и приверженцев Абдул-Гамида, была разгромлена, когда войска 3 османской армии из Солоник вошли в Стамбул и восстановили как иттихадистский режим, так и отождествляемый с этим режимом принцип конституционализма. Однако толчком, стимулировавшим эту вспышку, стало убийство главного редактора одной из турецких газет, который, несмотря на постоянные угрозы, жестоко критиковал иттихадистские зверства и способы принуждения. То, что властям не удалось разыскать и поймать убийцу или убийц, вызвало гнев многих людей и ускорило контрреволюцию. Однако более существенным является то, что это убийство повлекло за собой целый ряд новых, жертвами которых пали другие, столь же критичные по отношению к режиму известные редакторы, а тем, кто совершил эти преступления, удалось скрыться и остаться на свободе. Со временем проблемы стали обостряться и младотурецкие революционеры, постепенно отступив от приверженности конституционным принципам, перешли к жестким репрессивным мерам, преуспев в этом настолько, что во многом затмили дурную славу предшествовавшего абдулгамидовского режима.

Возобновление массовых убийств: подготовка к геноциду

То, что конституционная революция младотурок-иттихадистов была лишь иллюзией, стало очевидным с началом резни двух уровней в Адане в период с 1/14 апреля по 14/27 апреля 1909 г., жертвой которой стали около 25 000 армян. В отличие от множества людей, развязавших контрреволюцию в османской столице, армяне Аданы считались явными, а иногда даже показательными сторонниками иттихадистских принципов конституционных свобод. Опьяненные своими вновь приобретенными свободами, они слишком бросались в глаза, и временами до такой степени, что раздражали многих турок, часть которых состояла из сторонников Абдул-Гамида, не признававших но-

вое руководство в лице младотурок; другую же часть представляли оставшиеся на своих должностях и боявшиеся потерять их чинуши, многие из которых не могли смириться с мыслью, что должны относиться к своим бывшим *райя*, “неверным” подданным, как к равным. Более того, Адана и ее окрестности были одним из редких районов, избежавших массовых погромов и разрушений в абдулгамидовскую эпоху – с 1894 по 1896 гг. Если добавить к этому относительную зажиточность местного армянского населения, то можно понять, почему именно они явились удобной мишенью для истребления. Нужен был лишь подходящий момент.

Таким образом, жадность, стремление многих чиновников сохранить свои должности и работу, религиозные догмы и эпизодические проявления бравады со стороны жертв явились теми факторами, которые в совокупности своей обострили конфликтную ситуацию, вылившуюся в погромы. Однако все эти факторы уступают по своей значимости тому факту, что в тайной подготовке кровопролития в основном принимали участие правительственные функционеры и османские военные власти, в полной мере использовавшие арсенал местных гарнизонов. Публично и официально сняв с армян вину, османское правительство тем самым записало его в жертвы. Более того, в ходе интерpellации в османской палате депутатов, т.е. в нижней палате парламента, великий визирь Хальми-паша с презрением отозвался о “реакционных, преступных негодяях, которые сосредоточили все свои усилия на том, чтобы, неожиданно напав на армян, убить и разграбить их”. В период с 28 мая /10 июня 1909 - 30 ноября/14 декабря 1910 года местные суды и военные трибуналы в общей сложности осудили и казнили через повешение 124 турка. Чтобы утихомирить мусульман, было повешено также в общей сложности семеро армян.

Во всей этой истории два момента заслуживают особого внимания. Во-первых, это уязвимость, или точнее, степень незащищенности армян как группы, выбранной в качестве жертвы. Как было отмечено выше, резня 1909 года проходила в два этапа. Первый этап не принес нападавшим особых успехов: в ожидании возможного нападения несколько сотен молодых армян запаслись оружием и придумали план самозащиты. В результате им удалось не только отразить нападение и защитить население армянских кварталов города Адана, но и нанести большой ущерб атаковавшим. Этот факт свидетельствует о том, что любая группа, выбранная безжалостным недругом в качестве мишени, способна предотвратить бедствие, если сумеет обеспечить организованную самооборону.

Тем не менее возможности успеха подобных предприятий так же ограничены. Ресурсы вооруженного сопротивления иссякли, и полностью изнуренные армяне согласились на разоружение и перемирие, о котором вблизи Мерсина договорился британский консул. Между тем, якобы, для восстановления «правопорядка» подоспели новые подразделения турецкой армии. То, что произошло вслед за этим, явилось одним из самых ужасающих и самых безжалостных кровопролитий в истории человечества. Разъяренные масштабами понесенных ими потерь в ходе первого этапа столкновений, турки, поддерживаемые вновь прибывшими армейскими подразделениями, напали на совершенно безоружных и беззащитных армян, тысячами безжалостно убивая и заживо сжигая их. Для этого были нарочно выбраны школы, больницы и церкви. Подавляющее большинство из 25 000 жертв резни в Адане было истреблено во время второго этапа массовых убийств.

Вторым моментом было то, что внутренняя беззащитность жертвы усугублялась внешним фактором. В территориальных водах портового города Мерсин недалеко от Аданы были пришвартованы военные корабли семи государств — Англии, Франции, Италии, Австрии, России, Германии и Соединенных Штатов; в основном, это были крейсера и фрегаты с личным составом готовых к действию военных моряков. Однако ни одному из них не был отдан приказ вмешаться, так как защита жертв — османских подданных не входила в их обязанности. То обстоятельство, что ожидаемое и даже вызывавшее некоторый страх вмешательство так и не состоялось, не только облегчило задачу преступников, но и явилось стимулом для возобновления резни с еще большей жестокостью. Отсутствие внешнего сдерживающего фактора, придав больше смелости преступникам, сделало мишень еще уязвимее. Этот факт является ярким свидетельством недееспособности принципа гуманитарных интервенций. Морские силы держав не осуществили вмешательства по целому ряду причин, однако основными из них были следующие:

1. Не было конкретной договоренности о совместных действиях.
2. Каждая держава хотела защитить своих, попавших в ловушку конфликта граждан, в числе которых были и работники консульских служб.
3. Взаимные подозрения в имперских и/или колониальных планах на угасающую империю не давали ни одной из держав проявить инициативу в одностороннем порядке.

4. Внезапность начала кровопролития настолько ошеломила правительства этих держав, что они были не в состоянии четко уяснить для себя ситуацию, чтобы отреагировать на нее; замешательство и растерянность в каком-то смысле парализовали их.

Конечным результатом всего этого явилось то, что капитанам и находившимся под их командованием военным морякам, всем вместе представлявшим мощную международную армаду, оставалось лишь ограничиться постыдной ролью зрителей резни в Адане.

Примечания к главе 10

1 J. Marriott, *The Eastern Question: An Historical Study in European Diplomacy* 4th ed. (переиздано в Glasgow, 1958), 443-44.

2 FO195/2359, folio 276.

3 *British Documents on the Origins of the War 1889-1914*, part 1, vol. 9, Doc. No. 181, Sept. 6, 1910 report, p.207 (Gooch and Temperley eds., 1926).

4 FO 424/250, Ежегодный отчет 1910, p. 4.

5 M. Choublier, *La Question D`Orient Depuis le Traité de Berlin* (1889). В своем докладе от 15 ноября 1910 года, цитируя Халилю, главу партийной фракции в парламенте, в которую входили депутаты-иттихадисты, консул Шублие отмечает сделанное им предложение при решении национальных вопросов опираться «лишь на военную мощь». N. S.Turquie. Politique interieure, Jeunes Turcs, 7:149. В своем докладе от 6 ноября консул указывает на расхождение мнений относительно выбора между «депортацией» и «погромами» при разрешении проблемы Македонии и болгар Адрианополя (Эдирне). Там же, p. 150. Согласно полученной им сверхконфиденциальной информации (доклад от 16 ноября 1910 года), монастырское отделение предпочитало депортацию христианского населения Македонии в азиатскую Турцию и их замену беженцами мусульманами, в то время как адрианопольское отделение отдавало предпочтение массовому истреблению проживавшего там христианского населения (*l'extermination de tous les chrétiens hostiles à la jeune Turquie*), в том случае, если заселение большим количеством иммигрантов-мусульман не приведет к желаемому результату. В докладе от 17 ноября он говорит о решимости Иттихада прибегнуть к «la force des armes», если усилия, направленные на «достижение единства Турции мирным путем провалятся... и с этой целью воспитать в турках дух патриотизма». Там же, p.151.

6 Y. Bayur, *Türk İnkilâbi Tarihi* (История турецкой революции). Vol.2. part 4 (Ankara, 1952), 13.

7 *British Documents on the Origins of the War, 1889-1914*, [n.3], 208. Подтверждение речи в «секретном» докладе No. 69 австрийского вице-консула фон Цитковского от 14 октября 1910 года — в A.A.Türkei, 159, No.2, Bd. 12, A18643. Французское подтверждение в N.S.Turquie, 7:92-97. Во

французской версии есть одна фраза, которая не была найдена в британском докладе и в которой Талеат предлагает усыпить бдительность потенциальных жертв плана по османизации: "Il faut que nous tranquillisons nos voisins". На этом докладе есть штамп "получено", поставленный Direction Politique et Commerciale французского министерства иностранных дел, на котором знаки D, Carton 391 и дата: 6 августа 1910 года, указывающая на то, что это сообщение было телеграфировано в тот день, когда была произнесена речь.

8 Этим источником был французский поверенный в далеком Хиджазе, в Аравии, докладывавший министру иностранных дел Франции Пишону. N. S. Turquie, 7, January 26, 1911.

9 A. Yalman, *The Development of Modern Turkey as Measured by its Press* (New York, 1914), 101.

10 K. Duru, *Ziya Gökalp* (Istanbul, 1949), 60-69.

11 Ziya Gökalp. *Turkish Nationalism and western Civilization*, Niyazi Berkes, trans., ed., (London, 1959), 319, n.6.

12 Roderic Davison, "The Armenian Crisis, 1912-1914", *American Historical Review* 53, 3 (1948): 482-83.

Изгнание турок с Балканского полуострова: новое чувство опасности за Анатолию

Военные поражения Турции в Балканской войне 1912 г.

Исторические предпосылки Балканской войны

Как причины возникновения, так и исход этой войны оказали глубокое воздействие на руководство младотурок-иттихадистов, боровшихся за сохранение целостности Османской империи, которая была под угрозой распада из-за раздиравших ее центробежных сил. Балканский полуостров стал тем основным театром действий, где эти силы проявили себя, бросив серьезный вызов властям османского государства. Иначе говоря, национальный, а точнее — Восточный вопрос стал суровым испытанием и вопросом выживания империи. Не менее важно и то, что, будучи неотъемлемой частью этого испытания — в той мере, в какой Армянский вопрос выступал как продолжение Восточного вопроса, — турецко-армянский конфликт был проверкой на прочность империи.

Катастрофический исход Балканской войны 1912 г. привел, однако, к тому, что под угрозой оказалось само существование империи. И попытка армян воскресить каверзный вопрос армянских реформ именно в этот критический для османской истории момент при всем том, чем это было чревато для турок, привела в ярость и негодование и так уже отчаявшихся иттихадистов, таким образом еще больше усугубив постепенно разгоравшийся турецко-армянский конфликт. Все это подготовило почву для того, чтобы турки вновь определили Армянский вопрос, как еще более опасную разновидность Восточного, что, следовательно, требовало решительных упреждающих мер, способных предотвратить полную катастрофу. Чтобы глубже понять эти процессы, необходимо дать краткий исторический обзор контекста Балканской войны 1912 г.

Поднявшаяся в Европе и других местах волна национализма имела опре-

* Примечания к данной главе начинаются на странице 254.

деленные истоки, которые, не будучи напрямую обусловленными опытом иностранного или колониального господства, все же отчасти были подвержены его воздействию. Национализм на Балканах в значительной степени расцвел под влиянием традиций Французской революции, благословившей идеи свободы и национального равенства. Нельзя забывать и о том, что все это как бы невзначай стимулировалось великими державами, преследовавшими свои собственные цели расширения, обогащения и господства. В этой связи следует особо выделить активные усилия Наполеона III. Как бы назло Габсбургской империи он, к примеру, поощрял распространение идей национализма среди балканских народов. В то время как Англия, а позднее и Германия всего лишь играли роль более или менее непредвзятых и благожелательных посредников, Россия по мере развития событий постепенно приобрела преобладающую роль. Этому способствовали этническое и религиозное родство, с одной стороны, и желание получить большой приз — Константинополь — с другой.

И тем не менее у России были свои причины на горечь, которая заставляла ее вести себя несколько сдержанно. Во время Берлинского конгресса в июле 1878 г. в результате маневров Австрии, Германии и главным образом Англии ее впечатляющие победы в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. были сведены на нет. Заключенный вследствие конгресса Берлинский договор давал повод для недовольства, и это стало стимулом для сербских, болгарских и македонских националистов, сыгравших основную роль в приближении Балканской войны 1912 г.

На этом конгрессе Босния и Герцеговина были переданы Австрии, что привело в ярость сербов, которые в результате потеряли Ниш и Митровицу и вдобавок оказались отрезанными от родственными им черногорцев, потеряв Новибазар, военная оккупация которого Австрией была санкционирована конгрессом. Более того, основанный в 1881 г. и в 1884 г. обновленный на три года союз трех императоров, в состав которого входили германский, австрийский и российский императоры, также дал Австрии право на присоединение Боснии и Герцеговины тогда, когда она сочтет это возможным. В еще большей степени условия Берлинского договора обманули ожидания и ущемили интересы болгар, так как территории, дарованные Болгарии по Сан-Стефанскому договору, который предшествовал Берлинскому, сократились на две трети. Более того, она потеряла Македонию и была отрезана от Эгейского мо-

ря. Пророссийская Черногория также понесла территориальные потери — такие, например, как часть Боснии. И что самое важное, так это то, что на Берлинском конгрессе Россия, под очень реальной угрозой войны с Австрией и Англией, пошла на уступки и согласилась на включение всех условий, предложенных другими державами.

Заменив Сан-Стефанский договор Берлинским, державы тем самым еще раз подчеркнули и подтвердили свое отношение к гуманитарным интервенциям, в то же время продолжая ревностно защищать собственные национальные интересы. На повестке дня были и национальные конфликты, подпадавшие под категории как Восточного, так и Армянского вопросов. Сан-Стефанский договор носил двухсторонний характер, поскольку фактически был продиктован победившей Россией понесшим поражение и просившим о мире туркам. Однако условия как Парижского мирного договора 1856 г., так и Лондонского договора 1871 г. предусматривали, что никакие изменения соответствующих условий относительно статуса Турции, в том числе и ее границ, не могли считаться правомочными без коллективного согласия держав.

В 1870 году Россия отказалась от тех пунктов Парижского договора, которые относились к Черному морю, и державы нехотя, но все же признав это русское *fait accompli*, там же и тогда же высказались против односторонних нарушений международных договоров. Согласно 16 статье того же Сан-Стефанского договора, вывод российских войск из “армянских провинций” Восточной Турции зависел от реального проведения реформ, предписанных этой же статьей. В заменившем его Берлинском договоре эта статья была размыта настолько, что утратила свою эффективность. Это произошло за счет уступки требованию Турции позволить ей взять на себя обязательства по проведению реформ. Она выразила готовность провести реформы без присутствия российских оккупационных войск, в результате чего последние в конце концов были выведены.

Однако реформы не были проведены, поскольку османские власти развернули хорошо продуманную кампанию массовых убийств и репрессий, в результате которых вопрос этот полностью утратил свою актуальность. Македония, которая, согласно 23 статье Берлинского договора, получала гарантии аналогичных реформ, вместе с Арменией стала полигоном, на котором Турция открыто демонстрировала, как можно избежать соблюдения договорных обязательств и как можно избавиться от Македонского и Армянского вопросов, начав новый этап преследований, погромов, массовых убийств, а также изме-

нив демографию посредством заселения большого числа беженцев-мусульман.

Таким образом, 23 и 61 статьи Берлинского договора высветили непосредственную и неразрывную связь между Восточным и Армянским вопросами, которые по мере развития событий сошлись в одной точке, обусловив, как уже отмечалось выше, возникновение и постепенную кристаллизацию идеи гуманитарного вмешательства. Упорство и настойчивое желание России защитить подданных Османской империи, принадлежавших восточной ортодоксальной церкви, привела к двум большим войнам – Крымской войне 1853-1856 гг. и русско-турецкой войне 1877-1878 гг., продуктом которых и стали Парижский мирный договор и Берлинский договор. Чтобы воспрепятствовать этой склонности России к одностороннему протекционизму, державы во главе с Англией оттеснили ее, настояв на том, что «европейский концерт» связан коллективными обязательствами. Контраргумент держав был основан на том, что все они заинтересованы в улучшении условий жизни жаждущих реформ национальностей и даже в их освобождении от османского владычества, если не от ига. Поэтому они постановили, что ни одной державе не дается право на единоличное гуманитарное вмешательство и единоличную защиту, поскольку дело касается общей озабоченности.

При изучении соотношения между условиями Берлинского договора, с одной стороны, и Балканской войной 1912 – с другой, невозможно в очередной раз не обратить внимание не только на неэффективность, но и на обратный эффект некоторых аспектов принципа гуманитарной интервенции. Державы могли договориться между собой, достичь определенного консенсуса, однако по ходу породили договор, чреватый неизбежными потенциальными конфликтами между народами, которым эти условия навязывались в качестве гуманитарной помощи. Одним из самых основных источников подобных конфликтов была Македония, почти полностью населенная греками, сербами и по большей части болгарами и поэтому являвшаяся предметом притязаний Сербии, Болгарии и Греции. Жестокость, с какой режим младотурок-иттихадистов взялся за насильственное очищение Македонии от ее коренного христианского населения и заселение ее иммигрантами-мусульманами была такой, что взволновала и растревожила эти три национальности, которые начали искать возможности для объединения своих сил прежде всего против Турции. В примечании 7 главы 10 уже упоминалось о том, что в 1910 году, во время тайных встреч в ходе ежегодного конгресса иттихадистов, было решено прибегнуть к

массовым убийствам и, если потребуется – очистить Македонию от христиан.

Первыми инициативу по объединению проявили сербы, пойдя на сближение с болгарами, с которыми они в 1885 году вели войну и проиграли ее. Недовольство сербов было обусловлено потерей Боснии, которую в конечном итоге сразу после революции младотурок в 1908 г. присоединила к себе Австрия [на основании соглашения союза трех императоров]; между тем почти в то же время Болгария провозгласила свою полную независимость, тем самым отказавшись признать османский сюзеренитет. После некоторых колебаний премьер Болгарии, также разгневанный турецкой политикой по искоренению населения Македонии, будучи русофилом, не только выразился в пользу сербского предложения, но и предложил более широкий балканский альянс.

Начало и исход войны

В 1912 г. в течение двух месяцев под руководством и при поддержке России был заключен сначала сербско-болгарский пакт, секретное приложение к которому предписывало совместные действия против Турции (подлежащие утверждению со стороны России) в случае возникновения угрозы войны или кровавых столкновений – таких, например, как массовые убийства. За этим пактом последовал греко-болгарский союз, который был дополнен военной конвенцией и к которому присоединилась и Черногория. Образовавшаяся в результате Балканская лига, представляемая как оборонительный союз, на деле была инструментом, созданным для того, чтобы в нужный момент внезапно напасть на противника, который на протяжении веков притеснял подвластные ему народы Балканского полуострова и который на этот раз мог быть навечно изгнан из Европы.¹

Сербско-болгарский пакт предполагал также передел границ обеих стран в результате раздела Македонии, на которую, как уже отмечалось выше, обе страны имели виды. Чтобы придать большую значимость договору, его подписали не только министры, но и правители обоих государств. Помимо надежд, связанных с Македонией, Сербия, которая в сравнении с относительно расширившейся Болгарией была маленьким, закрытым со всех сторон государством, лелеяла мечту о создании ядра будущей Югославской империи.

Словно стремясь подстегнуть рвение партнеров новой Балканской коалиции, османский режим не заставил себя долго ждать и очень скоро предоставил партнерам возможность перейти к наступательным операциям, которым

предшествовали официально предъявленные Турции неприемлемые ультиматумы. Как обычно, поводом послужили два погрома, учиненные турками летом 1912 г. Один погром произошел в городе Иштиб к востоку от Скопье, а второй, более широкомасштабный — в Кочани, к юго-востоку от Скопье, столицы провинции Косово в Македонии. Это кровопролитие подняло на ноги народ Болгарии и взбудоражило правительства Балканского союза, которые вслед за маленькой Черногорией, одно за другим включились в процесс активной подготовки к запланированной против Турции войне.

Ни убеждения, ни предупреждения держав, что ни одно территориальное завоевание какой-либо из сторон, входящих в коалицию, не будет признано, не возымело действия. Со своей стороны, возглавляемые иттихадистами и университетскими студентами турки шумными и воинственными толпами высыпали на улицы Стамбула, демонстративно оскорбляя своих бывших подданных, хором скандируя: “Мы хотим войны, войны, войны!”, “На Софию, на Софию!”, “Повергнем Грецию! Греки склоните ваши головы!” и выкрикивая нецензурные слова в адрес греков и болгар. Любопытно, что студенты продолжали кричать “Долой статью 23, долой ее!”, встретив великого визиря и бывшего командующего армией Ахмеда Мухтара-пашу, в присутствии которых некоторые студенты даже зашли настолько далеко, что стали выкрикивать “долой равенство... мы не хотим равенства”, имея в виду основной пункт 23 статьи Берлинского договора о реформах в пользу угнетенных подданных-христиан. Часть демонстрантов, желая особо выделить религиозный аспект раскалявшегося конфликта, выкрикивали: “Балканские собаки топчут ислам!”, “Они оскорбляют империю, которая увенчана лаврами побед, накопленных на протяжении шести веков и которая может раздавить эту кучку собачьих блох одним ударом каблука”.

Как бы в подтверждение взаимосвязанности 23 (Македония) и 61 (Армения) статей Берлинского договора и их сходства, чтобы не сказать идентичности с точки зрения последствий для Турции, *Танин*, полуофициальный рупор Иттихада, писал в своей редакторской колонке:

Кто может гарантировать, что за 23 статьей, которую они пытаются реанимировать, не последует 61? Вмешательство и желание Европы контролировать наши внутренние дела является для нас предупреждением для того, чтобы мы поразмыслили о судьбе не только Румелии [Македония], но и восточной Турции, так как нам невозможно будет избавить Восточную Турцию от повторения судьбы, которая ожидает Румелию.²

Такие же митинги и демонстрации, на которых звучали столь же воинственные призывы начать войну, происходили и в Софии, Белграде и Афинах. Однако здесь ощущалась уверенность в справедливости выдвигаемых требований, и это было следующим образом сформулировано болгарским премьером И.Е. Гешовым: “Эта война, в которой, греки, болгары, сербы, албанцы-католики и ортодоксальные черногорцы будут сражаться плечом к плечу, не есть продукт панславянской агитации. Это крестовый поход против невыносимой турецкой тирании, которая эксплуатирует и терзает христиан Балканского полуострова”.³

За менее чем три недели этот крестовый поход ознаменовался рядом впечатляющих побед; на полях сражений каждый из трех основных партнеров коалиции проявил чудеса отваги. Грозная османская армия потерпела унижительные поражения, которые были столь же неожиданными, сколь сокрушительными. Болгары под командованием генерала Савова одержали несколько побед в сражениях при Кирккилиссе во Фракии и Люлебургасе, принудив турок отступить по всему фронту и, таким образом, продвинувшись до предместий Адрианополя (Эдирне), с одной стороны, и до ворот Стамбула со стороны Чаталджи — с другой.

Сербы имели такой же, если не больший успех. 18 октября король Сербии Петер обратился к своим войскам с воззванием, в котором говорилось, что Балканская лига ставила целью освободить Македонию и принести свободу, братство и равенство сербам-христианам и мусульманам, а также албанцам, с которыми, добавил он, сербы сосуществовали на протяжении 13 веков. Первую победу мощная 150-тысячная сербская армия одержала в Новибазаре, который был полностью очищен от турок. Часть этой армии затем заняла Приштину, основная же ее часть двинулась на Юскюб (Скопье) в Македонии — на древнюю столицу сербов. Турки перекрыли им путь, заняв Куманово. Там и столкнулись две армии и там же, после трехдневных жесточайших боев (22-24 октября 1912 г.) сербы одержали полную победу. Спустя два дня турки были вынуждены сдать Юскюб. Триумфальное вступление в эту древнюю сербскую столицу ознаменовало новую веху для сербов, которые 500 лет ждали возможности отомстить туркам за свое поражение в битве на Косово Поле 15 июня 1389 года. Это было поражение, на пять веков предрешившее судьбу сербов. Многие из них, найдя убежище в горах Черногории, на протяжении долгих лет продолжали борьбу против турок; большая же часть переселилась в Бос-

нию. В итоге быстрого успеха сербы стали хозяевами Новибазара, Старой Сербии, западной Македонии и албанского берега Дураццо на Адриатике.

Такие же победы были одержаны и греками, которые после трехдневного сражения в Енисе, 3 ноября 1912 г. вошли в Салоники. На втором этапе Балканской войны, который начался 3 февраля 1913 г., болгары с помощью сербов наконец захватили древнюю османскую столицу Адрианополь. 6 марта греки одержали феноменальную победу в Янине: после падения этой практически неприступной крепости они захватили 200 орудий и взяли в плен 33 000 солдат гарнизона.

В определенном смысле поведение держав в свете этих побед коалиции можно назвать весьма значимым, однако возникшие между ними острые разногласия, приведшие к разделению их на две, хоть и уравновешивавшие друг друга группы, сыграли критическую роль в плане дальнейшего развития событий. Это разделение в некотором смысле предзнаменовало возникновение двух враждебных лагерей, которым предстояло сыграть доминирующую роль в развязывании войны, то есть, с одной стороны, держав Антанты, в состав которой вошли Англия, Франция и Россия, и с другой стороны, Центральных держав — Германии, Австрии и Италии. Несмотря на то, что эти державы, в особенности Австрия и Россия, в свое время предупредили Сербию, Черногорию, Болгарию и Грецию о том, что им будет отказано в праве присвоить земли, которые им удастся завоевать во время войны, теперь у них возникли разногласия по этому вопросу. Россия, с самого начала симпатизировавшая делу коалиции, уже 2 ноября 1912 г., т.е. в разгар войны, предложила, чтобы по праву оккупации, завоеванные территории перешли к победителям и были разделены между ними на основании дружественного соглашения. Британия почти безоговорочно была на стороне коалиции. 9 ноября премьер-министр Герберт Асквит заявил, что державы признают свершившиеся факты и не будут противиться территориальным изменениям, могущим иметь место в результате военных побед.

С другой стороны, этому сопротивлялись Центральные державы. В частности, яблоком раздора стало сохранение за Сербией Дураццо, что давало ей доступ к Адриатике. Державы Антанты были готовы поддержать позицию Сербии, однако этому воспротивились Италия и в особенности Австрия, которая считала Адриатическое море своей собственностью и была готова начать за него войну. Защищая интересы автономной Албании, Австрия принудила не

только Сербию, но и Черногорию сдать захваченную во время войны Скутари (Ишкодра).

Балканская лига была создана под покровительством русского царя. Центральную роль в ней играла Сербия, ставшая аванпостом России на Балканах. Однако лига продержалась недолго, так как сербы и греки были вынуждены объединиться на этот раз против Болгарии, которая, дважды внезапно напав на Сербию и Грецию, превратила коалицию в посмешище. Как известно, эта инициатива, задуманная болгарским главнокомандующим Савовым без ведома кабинета и премьера Гешова, обернулась для Болгарии большими потерями. Эта война раздора между бывшими союзниками длилась один месяц — с июня по 29 июля 1913 года.

Между тем, Россия и Австрия начали частичную мобилизацию, при этом Россия сосредоточила свои войска на кавказской границе и уведомила Турцию, что не гарантирует сохранение нейтралитета в случае возобновления войны на Балканах. Вслед за этим Германия в довольно жесткой форме дала понять, что нападение на Турцию может спровоцировать войну на всей территории Европы. Одним из последствий понесенных Турцией военных поражений явилось то, что у центральных держав, и в особенности у Германии, возникли серьезные опасения в отношении балканских планов России и зависимых от нее славянских государств.

Именно так выглядела ситуация, в которой державы в 1913-1914 гг. после долгих пререканий, объединив свое влияние, смогли уговорить Турцию согласиться на ряд армянских реформ, проведения которых армяне требовали на протяжении десятилетий. В этом предприятии было три элемента, которые предопределили судьбу злосчастного договора по реформам от 8 февраля 1914 г. Он был инициирован русскими — смертельными врагами турок. Он совпал с одним из наихудших моментов турецко-османской истории. И наконец, державы обязали, можно даже сказать, принудили турок принять его.

Восточный вопрос растворяется в Армянском

И снова об уязвимости армян

Как заметил один из исследователей истории младотурок, албанцы, греки и различные славянские народы Балкан один за другим сбросили с себя ос-

манское иго, и к 1913 году лишь армяне и арабы оставались подвластными народами.⁴ Существовала, однако, одна черта, которая отличала армян от остальных подвластных национальностей, — таких как албанцы, различные арабские группы, йеменцы, сирийцы, ливанцы и иорданцы. Армяне избегали воинственных действий и конфронтации: в качестве средств защиты они, как правило, применяли воззвания и требования, которые всегда содержали уверения в непреклонной верности, в то время как балканские народы и арабы поднимали восстания, чтобы положить конец османскому порабощению и репрессиям. Именно за такие проявления верности султан Махмуд II, а позднее и султан Абдул-Гамид охарактеризовали армян как “преданную нацию” (*milleti sadika*).⁵ И то, что впоследствии они из преданных слуг государства превратились в его воинствующих противников, свидетельствует о тщетности просьб и требований, обращенных к режиму, построенному на порабощении и тирании. В этой связи весьма поучительна беседа между патриархом и британским послом в Турции. Она была описана в примечании 13 главы 4, однако нуждается в повторном пересказе. В ходе встречи с британским послом сэром Генри Эллиотом 6 декабря 1876 г. патриарх Варжапетян, достаточно известный религиозный предводитель армян, выразил надежду на то, что предстоящая Константинопольская конференция, призвав Порту дать определенные привилегии мятежным провинциям (сербам, болгарам, черногорцам), не откажет в том же и преданным подданным (армянам). Посол возразил ему, сказав, что целью конференции было не тщательное рассмотрение всех вопросов, связанных с турецким правлением, а обеспечение мира и спокойствия в тех мятежных провинциях, мятежи которых угрожали всеобщему миру. На это патриарх отпарировал, что если необходимой предпосылкой для обеспечения поддержки европейских держав является наличие восстания, то нет ничего сложного в том, чтобы организовать подобное движение.⁶ Поскольку арабское население было более многочисленным и проживало на периферии, далеко от центральной части империи, и поскольку — что, возможно, было важнее — арабы исповедовали мусульманскую веру, турки сосредоточили свое внимание на армянах как на другом национальном меньшинстве первостепенной важности. Катастрофический опыт первой Балканской войны 1912 г. не только потряс их, но и показал, какую потенциальную угрозу могут представлять для империи угнетаемые народы. В результате сокрушительного поражения в Балканской войне Турция потеряла почти 70 процентов своего европейского

населения и 85 процентов европейских территорий. Улицы, мечети и другие общественные места Стамбула были наводнены нищими и истощенными мусульманами, которые либо спаслись бегством из районов военных действий, либо были изгнаны из бывших османских провинций на Балканах в результате греческих, сербских и болгарских территориальных завоеваний. Именно на фоне этих событий армянские лидеры решили еще раз начать кампанию в защиту армянских реформ как внутри страны, так и за ее пределами, мобилизовав известных дипломатов, священнослужителей и общественных деятелей в России и Европе. Однако для турок это был период глубокого траура, критического анализа, оценки пройденного пути и планирования новых инициатив, которым надлежало исправить ситуацию и спасти нацию.

Халиль (Ментеше), председатель османской палаты депутатов (и министр иностранных дел в годы Первой мировой войны) публично сокрушался по поводу потерь на Балканах и в 1914 г. заявил в парламенте: «С этой высокой трибуны я заклинаю свой народ не забывать [трагедию на Балканах] (в ответ раздаются возгласы: «Мы не забудем»)». По ту сторону границы находятся наши братья, которых мы обязаны освободить... Только так мы сможем защитить свое будущее от опасности повторения ошибок, которые привели нас к поражениям и трагедиям».⁷

Один из основных выводов, к которому пришли иттихадисты в сложившейся ситуации, сводился к тому, что успешный исход новых попыток армян добиться реформ мог стать продолжением балканской катастрофы уже в восточной Турции, причем с намного более серьезными последствиями для будущего Турции. Один из столпов иттихадистской идеологии, военный врач и опытный публицист Абдулла Джевдет, который являлся сторонником вестернизации Турции, в одном из своихopusов, наряду с горестными стенаниями по поводу понесенных потерь, выражал свою обеспокоенность в связи с наличием в азитаской Турции серьезных потенциальных опасностей: “Разбудят ли нас оглушительный рев и взрывы на нашей европейской границе? Не обманывайтесь, наша озабоченность европейской Турцией не означает, что мы не должны беспокоиться за Анатолию. Анатолия — это источник каждой частицы нашей жизни. Это наше сердце, голова и воздух, который мы вдыхаем”.⁸

Эти слова содержали вполне очевидное, хоть и завуалированное послание: будьте начеку с армянами и их требованиями реформ в самом сердце нашей отчизны. Турки не забывали, что путь балканских национальностей к дости-

жению полной свободы и независимости начинался с требований проведения реформ, которые в конечном итоге привели к определенной автономии. Таким образом, прогнозируя будущие возможности, иттихадисты считали, что любая форма автономии в какой бы то ни было схеме реформ для армян была для Турции *non plus ultra*.

Общая картина усугублялась еще несколькими факторами. Возобновление кампании по армянским реформам совпало с критическими для Турции месяцами 1912 года, когда Турция терпела неудачи как на внешнем фронте — в связи с военными поражениями на Балканах, так и внутри страны — в связи с тем, что иттихад на какое-то время лишился власти. Более того, некоторые члены османской палаты депутатов — этнические греки и болгары, все более открыто критиковали турецкую национальную политику как в европейской, так и в азиатской Турции. В то же время скинутый с престола султан Абдул-Гамид обвинил иттихадистских лидеров в том, что они свернули с пути истинного патриотизма и позволили немусульманам подобное инакомыслие и конфронтацию в османском парламенте, серьезнейшим образом подорвав турецкие национальные интересы. Существовал еще один фактор, который способствовал тому, чтобы в высшей степени напряженная ситуация в Турции достигла своего апогея, и который сыграл во всей этой истории едва ли не самую решающую роль. Во главе движения за проведение армянских реформ стояли русские. Резко изменив свой политический курс молчаливой поддержки антиармянской кампании султана Абдул-Гамида в период массовых убийств армян с 1894 по 1896 г., русские на этот раз выступили как защитники и чуть ли не борцы за дело Армянского вопроса. Проявив настойчивость и готовность учитывать интересы турок и воспользовавшись своим вынужденным сотрудничеством с защитниками интересов последних — немцами, русские в конце концов преодолели препятствия, которые заключались в том, что турки тянули с решением, заняв выжидательную позицию. 8 февраля 1914 г. в Стамбуле был подписан равноценный документу международного права договор по армянским реформам, в котором нашел отражение с большим трудом достигнутый консенсус между державами и который был нехотя признан Турцией. Самой основной и чреватой последствиями особенностью договора было положение, предполагавшее, что процесс проведения реформ должен контролироваться и руководиться иностранными инспекторами. Вдохновив и успокоив армян, это положение в той же степени оскорбило и встревожило ту-

рок.⁹ Однако возмущение, выраженное многими иттихадистскими лидерами по поводу оказанного на Турцию коллективного давления держав, явно говорило о том, что турки намерены сорвать выполнение условий договора. Державам, на этот раз благодаря России и Германии, удалось уладить свои разногласия и, выступив единым фронтом, принудить Турцию пойти на уступку. С особой остротой негодование турок проявилось, когда началась Первая мировая война; именно в это время некоторые лидеры Иттихада, включая партийного вождя Талеата, открыто обвинили армянских лидеров в том, что они воскресили вопрос реформ в самый болезненный и уязвимый момент турецкой истории; а при упоминании о том, что армяне осмелились искать и добились иностранного вмешательства в свою защиту, негодование иттихадистов переросло в ярость. Известно, что некоторые из них во время геноцида армян в годы Первой мировой войны, ликвидируя армянских лидеров, с грубой прямотой и неприкрытым ликованием припоминали им: «Настало наше время сравнять счета» (*Simdi intikam zamanidir*).¹⁰

Принятие радикальной турецкой идеологии

Параллельно яростным излияниям о потенциальной армянской угрозе целостности турецкого государства, младотурки-иттихадисты взялись за всеобъемлющую программу национального возрождения и политической переориентации. Одной из особенностей этого процесса явилось то, с каким пылом иттихадисты принялись расправляться с инакомыслящими внутри и противниками вне партии. В среде партийных лидеров бытовало мнение, что недавние несчастья, свалившиеся на Турцию, были обусловлены их “ошибкой”, суть которой состояла в том, что они позволили своим политическим и военным противникам бросить вызов партии и ее лидерам. Некоторые известные члены партии, взгляды которых резко расходились с партийными и которые вышли из нее, чтобы в ноябре 1911 г. сформировать партию “Свобода и Согласие” (*Hürriyet ve Itilâf*), вели агитацию за свержение Иттихада. В рядах этой новой партии либералов были и немусульмане, в том числе и армяне, которых объединяла одна общая цель — свержение режима иттихадистов.

Активная оппозиция была представлена также группой «Офицеры-Спасители» (*Halâskar*), у которой были тесные связи с вышеуказанной партией “Свобода и Согласие”. Их целью было уничтожение власти иттихадистов, избавление военных офицеров от оков политики и восстановление “легитимно-

го правительства". В результате различных видов давления, кульминацией которого явился ультиматум с требованием роспуска османского парламента, им удалось в июле 1912 г. свергнуть Иттихад. Эти начинания совпали с новым обострением македонского кризиса и началом Балканской войны, сформировав довольно распространенное впоследствии мнение, что раскол между турецкими военными, который привел к соперничеству между офицерами иттихадистами и неиттихадистами, в немалой степени способствовал поражениям турецкой армии в этой войне.

Разработанная Иттихадом программа национального возрождения в основном была направлена на отказ от признанной бесполезной и даже пагубной традиционной концепции многоэтнического османства, основанного на предполагаемом гармоничном сосуществовании различных национальностей. Эта концепция была основана на противоречивых допущениях, что турки будут первыми среди равных, сохранив таким образом свою доминирующую роль, и что другие этнические единицы с течением времени интегрируются в османскую систему и в основном избавятся от своих этнических уз, на какое-то время сохранив лишь связь со своей религией, да и то — до поры до времени. Эти посылки были не только иллюзорными, но и опрометчивыми, так как в конечном итоге предполагали полную ассимиляцию, что являлось настоящим проклятием для всех национальностей, включая армян. Таким образом, османство надлежало упразднить и заменить его национализмом в более узком понимании — национализмом, возносящим туркизм и нацеленным на туркификацию всего османского общества. Такой поворот событий обрекал либеральные идеалы революции младотурок-иттихадистов на то, чтобы быть отвергнутыми и преданными забвению.

Благодаря системе организации, иерархии руководства, наличию тайных структур партия Иттихад становилась основным инструментом для осуществления столь радикальных перемен. В качестве задачи первостепенной важности было определено создание широкой сети филиалов партии в провинциях, которыми должны были руководить верные, доверенные члены партии. Им должны были доверяться партийные секреты, они должны были приводить в исполнение соответствующие партийные директивы, которые могли не соответствовать и даже противоречить официально заявленному политическому курсу. Эти меры по внедрению и расширению партии наиболее последовательным образом были применены в провинциях Анатолии и восточной Турции с

большой концентрацией армянского населения. Как выяснилось впоследствии, все это делалось с целью постепенного установления контроля над армянами, еще большего ослабления их посредством политико-правовых ограничений, а также нагнетания среди многочисленного мусульманского населения этих провинций всеобщей атмосферы антиармянства. Упомянутое выше выступление Талеата 6 августа 1910 г. уже тогда содержало положение, которое предусматривало такого рода подготовку и соблюдение секретности определенных партийных планов, о которых не должны были знать обычные гражданские служащие в османских провинциальных администрациях.¹¹

В соответствии с сутью упомянутых административных инициатив Иттихад, как раз в период военных поражений Турции в ходе Балканской войны 1912 г., начал всеобъемлющую программу по идеологической обработке и военизированным тренировкам турецкой молодежи. Этот вновь набиравший силу националистический и воинственный дух Иттихад пытался привить вверенному ему молодому поколению. В Уставе No.1 основанной в 1913 г. Ассоциации по усилению турецкой мощи (*Türk Gücü Cemiyeti*) особо подчеркивалась необходимость "военной подготовки [молодежи], чтобы дать нации возможность снова стать нацией воинов (*silahşor*)", дабы предотвратить "разложение турецкой расы" (*Türk irki inhitata*). Было создано еще несколько османских молодежных групп, которым под руководством военного министерства надлежало готовиться "к защите своей отчизны", для чего "министерство должно было снабдить их бесплатными ружьями, патронами и боеприпасами".

Всей этой деятельностью руководили иттихадистский военный министр Энвер и главный идеолог Зия Гёкалп. Обоим лидерам турецкий военный трибунал, расследовавший массовые убийства армян в годы войны, предъявил обвинения и Энвер был приговорен к смерти. Миссией Союза национальной обороны (*Müdafaa-i Milliye Cemiyeti*), также основанного в разгар Балканской войны, являлась боевая подготовка турок, несмотря на торжественные заверения в том, что деятельность ее преследует такие цели как, например, достижение мира, процветания и счастья, и что она не вовлечена в сферу политических и партийных интересов, что, впрочем, было опровергнуто самой сутью дальнейшей деятельности Союза. Весьма знаменательно, что основателями Союза были высокопоставленные руководители Иттихада, бывшие одновременно министрами, входившими в состав кабинета, а именно: министр внутренних дел Талеат, военный министр Энвер, министр иностранных дел Саид

Халим, морской министр Джемал и министр юстиции Ибрагим.¹³

Подготовительные военные инициативы

Как неоспоримая лидирующая роль, сыгранная офицерским составом в самом начале иттихадистской революции, так и всеобщее влияние военных на развитие Османской империи свидетельствуют о том, что именно они являлись основной опорой партии при осуществлении этих начинаний. Первым шагом стала жесткая чистка офицерского корпуса вооруженных сил. Военный министр Энвер неожиданно уволил в общей сложности около 1 100 офицеров всех рангов, включая генералов, многие из которых либо были известны своим нелояльным отношением к Иттихаду, либо считались его откровенными противниками.¹⁴ Одновременно тот же военный министр продвинул молодых офицеров-иттихадистов, включая самого себя, на намного более высокие посты, чем позволяла обычная процедура. Конечным результатом этих предприятий явилась полная политизация офицерского корпуса и установление в нем доминирующего влияния приверженцев и фанатиков Иттихада всех рангов.

Под покровительством все того же военного министра и при тесном сотрудничестве с высшим руководством партии во главе с лидером партии Талеатом, турки повторно активизировали и расширили Специальную организацию. Будучи квазивоенной по своему устройству и руководимой офицерами регулярной армии, эта организация уже на заре своего существования была весьма активна в период второй Балканской войны — в 1913 г. она провела ряд партизанских операций преимущественно против болгар. Публично было заявлено, что основной задачей, возложенной на эту организацию, является контроль и “нейтрализация” внутренних противников. Однако на самом деле ей было поручено при первой же возможности уничтожать взбунтовавшихся представителей “чужеродных” меньшинств, угрожавших национальной безопасности Турции. То, что позднее, в годы войны произошло с армянами, показало, что именно они являлись основной мишенью и возглавляли список этих меньшинств.

В тесном сотрудничестве с отделом безопасности (*Emniyeti Umumiye*) министерства внутренних дел руководство партии создало при генеральном управлении турецкой полиции специальный отдел надзора и разведки, где собирались секретные досье на лидеров армянской интеллигенции, религиозных и политических деятелей, работников сферы образования, журналистов и интеллек-

туалов. Именно эти досье впоследствии помогли развернуть против них организованные действия.

Некоторые члены Союза национальной обороны записались в ряды этой специальной организации, которая, как было отмечено выше, явилась основным инструментом для приведения в исполнение геноцида армян. Во главе подразделений этой специальной организации стояли такие преданные и известные иттихадисты, как Якуб Джемил, Халиль (Кут) и Енибахчели Наил, которые с энтузиазмом погрузились в организацию массовых убийств армян. Они всего лишь перенесли навыки, приобретенные ими в качестве лидеров партизан в ходе Балканской войны,¹⁵ на новое поприще своей деятельности, предполагавшее уничтожение армянского населения Турции во время Первой мировой войны.

Успешное достижение этой цели было созвучно идеям неонационализма иттихадистов, которые поставили целью радикальную перестройку османского общества посредством перехода от гетерогенной социальной системы к более или менее гомогенной, т.е. окончательное отуречивание того, что осталось от империи.

Короче говоря, то обстоятельство, что турки были вытеснены с Балканского полуострова, понеся при этом огромные человеческие и материальные потери, не только серьезно отрезвило их, поколебав издавна лелеемую ими веру в собственную воинскую доблесть и непобедимость, но и стало настоящим шоком для руководства Иттихада. И в этой ситуации попытка армян, воспользовавшись сокрушительными поражениями Турции, снова призвать к жизни вопрос армянских реформ, с турецкой точки зрения, была не чем иным, как провокационной акцией, способной усугубить и без того тяжелое положение государства. Радикальное крыло партии во главе с двумя, казалось бы, всемогущими врачами-политиками — докторами Назимом и Шакиром, тайно поддерживаемыми Зией Гёкалпом, идеологическим гуру партии, поспешило воспользоваться новым развитием событий, чтобы взять под свой контроль Центральный комитет, который позднее, во время Первой мировой войны, действовал как высший орган — своего рода *политбюро* партии. Именно этим органом были определены критерии новой политики в отношении армян, которая должна была окончательно решить затянувшийся и слишком тревожный Армянский вопрос. Ниже будет сделана попытка показать, что цель эта была достигнута, продемонстрировав турецкий вариант окончательного решения.

Проведенные в два этапа широкомасштабные массовые убийства выступают как последствия следующих провалившихся попыток проведения реформ: 1. Берлинский договор 1878 г. (статья 61) и массовые убийства эпохи Абдул-Гамида; 2. Февральское соглашение 1914 г. и геноцид 1915 г. В своей объемной работе, посвященной последнему, Тойнби признает эту взаимосвязь. Он пишет:

Депортация 1915 года столь же неоспоримо вытекала из Балканской войны и Проекта [соглашения] 1914 года, сколь массовые убийства 1895-6 гг. — из Российской войны и Проекта 1878 года [Берлинский договор].¹⁶

В обоих случаях проекты по реформам, разработанные вслед за крупными военными поражениями Турции, были в большей или меньшей степени навязаны туркам теми же державами, так или иначе идентифицируясь с развитием их представлений о гуманитарной интервенции. Таким образом, в конечном счете гуманитарное вмешательство парадоксальным образом выступает как фактор, который катализировал вспышки разнообразных и разномасштабных насилий, убедительно продемонстрировавших, насколько безжалостным может быть бесчеловечное отношение человека к человеку.

Примечания к главе 11

1 Относительно формирования Балканской лиги и связанных с ним войн см. G.P.Gooch, *History of Modern Europe, 1878-1919* (New York, 1923), 500-510; A.J.Grant and H.Temperley, *Europe in the Nineteenth and Twentieth Centuries* (1789-1950), 6th ed., (London, 1962), 375-380; C.Seymour, *The Diplomatic Background of the War 1870-1914*, (New Haven, 1927), 221-239; R.Sontag, *European Diplomatic History 1871-1932*, (New York, 1933), 176-182; W.S.Davis, *The Roots of the War*, (New York, 1918), 426-443.

2 A.Andonian, *Untarzag Badmoutiun Balkanian Baderazmeen* (Общая история Балканской войны), vol. 3 (Istanbul, 1912), 499. В этих уничижительных поражениях была горькая ирония, несмотря на сцены безоговорочного доверия, разыгранные иттихадистами и их сторонниками на улицах Стамбула накануне войны с целью разрядить атмосферу брани и резкой критики. Комментируя эту иронию, командующий 2-ой Восточной армией, участвовавший в Балканской войне 1912 года, заметил: “Бог наказал нас за наши высокомерие и самонадеянность”. Mahmud Muhtar Pasa, *Meine Führung im Balkankrieg 1912*. 5th ed., Imhoff Pasha trans. (Berlin, 1913), 184.

3 Там же, Andonian, 503.

4 F.Ahmad. *The Young Turks*, (Oxford, 1969), 154.

5 Cemal Kutay, *Talât Paşanın Gurbet Hatıraları* (Мемуары Талеата-паши, написанные в изгнании). Согласно мнению Талеата, этот термин был придуман султаном Махмудом II (1808-1839), vol. 3, 115-6. О принятии Абдул-Гамидом (1876-1909), по крайней мере на некоторое время, этого термина отмечается в vol.2, 587. Оба тома были изданы в (Istanbul, 1983).

6 FO 424/46, Doc. No. 336, December 7, 1876 (сообщение Эллиота британскому министру иностранных дел лорду Дерби).

7 T.Z. Tunaya, *Türkiyede Siyasal Partiler* (Политические партии Турции), 2-ое расширенное издание, vol.3 (Istanbul, 1984), 465.

8 Там же, 463.

9 W.J. van der Dussen, “The Westenk File. The Question of Armenian Reforms in 1913-1914”, *Armenian Review* 39, 1 (1986):1-89.

10 Свидетельские показания османского гражданского инспектора Миграна Бояджяна, французская версия которых в *Renaissance*, June 25, 1919. В своих мемуарах один из лидеров иттихадистов Халиль Ментеше раскрывает, что до того, как державы начали оказывать давление на Турцию с тем, чтобы она возобновила и пересмотрела вопрос об армянских реформах, он сам призвал великого визиря Махмуда Шевкета-пашу взять инициативу в свои руки. Халиль сделал это, вернувшись из Парижа, где лидер французских социалистов и депутат Жан Жорес предупредил его о нарастающих антитурецких настроениях в Европе в связи с турецко-армянским конфликтом. 2/15 апреля 1913 г. Великий визирь решил взяться за этот вопрос и соответственно, хоть и тщетно, начал осуществлять программу, которая должна была заручиться помощью Великобритании для того, чтобы решить вопрос введения новой схемы реформ. Опасаясь возможной тревоги России в связи с ее вовлеченностью, Великобритания отказалась. *Halil Menteşenin Anıları* (Istanbul, 1986), 37.

11 См. глава 10, прим. 3.

12 Tunaya, [n. 7] 296.

13 Там же, 294-95.

14 L. von Sanders, *Five Years in Turkey* (Annapolis, 1927), 8.

15 Halil Paşa, *İttihad ve Terakkiden Cumhuriyete: Bitmeyen Savaş* (От Иттихада до республики: нескончаемая борьба), (Istanbul, 1972), 125; Tunaya, [n. 7] 123, 275, 294. См. также İhsan Birinci, “Cemiyet ve Çeteler” (Партия Иттихад и бандиты), *Hayat 2* (October 1, 1971): 33. На стр. 29 автор признает, что одной из основных миссий специальной организации было выполнение плана депортации.

16 J. Viscount Bryce, *The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire, 1915-16* (составлено Arnold Toynbee, British Governmental Document Miscellaneous no. 31), (London, 1916), 636.

НАЧАЛО И ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ГЕНОЦИДА ПОД ПОКРОВОМ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Замечания по поводу ограничений международного права относительно проблемы безнаказанности

Хотя массовые убийства армян, предшествовавшие Первой мировой войне, были знаменательны во многих отношениях, есть два чрезвычайно важных факта, которые следует особо выделить. Во-первых, массовые убийства не подверглись уголовному преследованию ни на национальном, ни на международном уровне, в результате чего дарованная преступникам безнаказанность стала своего рода минус-вознаграждением. Во-вторых, даже в преддверии предсказуемого геноцида 1915 г. не было осуществлено никаких мер, которые удержали бы преступников от враждебных действий. В современном международном праве в связи с геноцидом действуют два взаимосвязанных принципа – принцип предотвращения и принцип наказания. Исследование особого случая, коим является геноцид армян, в отношении которого ни один из этих принципов не действовал, ставит под сомнение адекватность международного права и эффективность международных усилий по предотвращению геноцида.

Несмотря на то, что Конвенция ООН против геноцида, согласно международному праву, классифицирует геноцид как преступление, в современной международной юриспруденции этот вопрос сопряжен с определенными сложностями, поскольку принцип суверенности государства все еще сохраняет свои сильные позиции. И хотя в постнюрнбергский период появилось множество новых принципов, доктрин, конвенций и соглашений, которые в некоторой степени облегчают работу в этой сфере, трудности продолжают оставаться зна-

---

* Примечания к данной части начинаются на странице 259.

чительными. В частности, среди препятствий, которые осложняют рассмотрение геноцида в соответствии с международным правом, можно отметить:

- а) Факт, что международное право в значительной степени ограничивалось декларативными принципами. Кардозо объяснял это так: “Международное право... иногда... погружается в сумерки, в которых его трудно отличить от морали или справедливости — до тех пор, пока, наконец, суд не соизволит удостоверить его правовое качество”. (*New Jersey v. Delaware*, 291 U.S. 361, 383 (1934));
- б) Неопределенности, сопровождавшие “самоисполнимые” положения в определенных договорах, которые до известной степени уменьшили полезность применения этих договоров как обязательных правовых рычагов в муниципальных судах;
- в) Тот факт, что договоры, которые не имеют законодательной силы, часто не могут эффективным образом установить преступление, определить юрисдикцию или предоставить механизмы для отправления карательного правосудия;
- г) Отсутствие уголовных уставов и юрисдикции международного права;
- д) Отсутствие международных уголовных судов, правомочных рассматривать дела преступников.

Однако, как было отмечено выше, основными препятствиями на пути к предотвращению и наказанию геноцида на основании международного права являются принципы суверенности государства и *raison d'état*. Эти принципы дают государству широкую свободу в обращении с собственными подданными и существенный иммунитет против над- и сверхнациональной юрисдикции в отношении таких действий. Лоутерпахт тщательно обрисовал злоупотребления, которые могут вытекать из этой системы, злоупотребления, которые ни в какой мере не устарели в наши дни. Среди злоупотреблений подобного типа можно отметить “более грубые формы вероломного насилия, низкое предательство и неприкрытую ложь”.¹ Даже ООН не свободна от склонности допускать такие злоупотребления. См. наблюдения Купера по этому вопросу (Введение, примечание 15).

Лишь совсем недавно преступление геноцида начали рассматривать в рамках международного права. Как отмечает Уиллис:

Только в 1948 году... геноцид начал совершенно отчетливо определяться как международное преступление, а в 1919 году приверженность вековым представлениям о суверенности определяла границы возможностей традиционных законов и обычаев войны. Гагские конвенции... [не имели отношения] к тому, как государство обращалось с собственными гражданами... С этой точки зрения, турецкие действия против армян были внутренним делом и не входили в юрисдикцию какого-либо другого правительства.²

Как показано в данном исследовании, уважение к суверенности государства всегда присутствовало в международной реакции на геноцид армян. См. разговор между госсекретарем США Лансингом и президентом Вильсоном в годы Первой мировой войны (см. Введение, прим. 14.).

Примечания к части VI

¹ Lauterpacht, “The Grotian Tradition in International Law,” in *International Law: A Contemporary Perspective*, (R.Falk, F. Kratochwil & S.Mendlowitz, eds. Boulder, CO, 1985), 21; см. также Moore, “Law and National Security”, там же, 47-58 (обсуждения о правовых последствиях проблем национальной безопасности на примере политики правительства США).

² J. Willis, *Prologue to Nuremberg: The Politics and Diplomacy of Punishing War Criminals of the First World War*, (Wesport, CT, 1982), 157.

Глава 12***Политико-правовой
контекст начала**

Все говорит о том, что вступление Турции в Первую мировую войну было в значительной степени обусловлено ее стремлением создать удобную возможность для того, чтобы раз и навсегда разрешить некоторые затянувшиеся внутренние конфликты. Литература последнего периода, анализирующая проблемы геноцида, полна обсуждений, которые признают этот исторический факт. В некоторых из них массовые убийства абдулгамидовской эпохи 1894-1896 гг. выделяются как исторические предшественники геноцида, другие оттаиваются на массовых убийствах периода Первой мировой войны.¹

Союз с имперской Германией и фактор подвернувшейся возможности

Когда в июле 1914 года вспыхнула Первая мировая война, Турция не была готова к ней ни в военном отношении, ни в плане того, чтобы сразу и без каких-либо условий стать частью лагеря центральных держав во главе с имперской Германией. Однако симпатии самых влиятельных из лидеров Иттихада, в частности, военного министра Энвера и некоторых близких ему людей из министерства, равно как и доктора Назима, серого кардинала высшего органа партии, были на стороне Германии. Так, например, после провозглашения “священной войны” против “неверных” союзников (14 ноября 1914 г.) огромная толпа двинулась к посольству Германии, с балкона которого др. Назим, не изменяя своей приверженности кайзеровской Германии, произнес речь, охарактеризовав Германию как настоящего друга трехсот миллионов мусульман, которым кайзер присягнул в верности. Во время ежегодного конгресса партии Иттихад в 1910 г. (31 октября / 1 ноября) др. Назим уже имел возможность выразить свое благоговение перед Германией и в особенности перед кайзером. Того же мнения придерживался и его сподвижник доктор Шакир.

* Примечания к данной главе начинаются на странице 267.

Даже в самый пик поражения, в феврале 1916 г., когда стратегический город-крепость Эрзрум был практически захвачен русскими, др. Шакир надменно заявил американскому консулу в Эрзруме Степлтону: “Совершенно необходимо, чтобы от самого Стамбула и до Индии и Китая было одно однородное мусульманское население, при этом Сирия должна стать связующим звеном между мусульманским миром Азии и Африки. Этот грандиозный проект осуществится благодаря научному гению и организационному таланту немцев и доблести турок”.² Помимо приведенного, существовало еще несколько факторов, которые обусловили прогерманскую позицию Турции, важнейшим из которых была традиция, идущая от императора Германии Вильгельма II, который оказывал дипломатическую поддержку режиму султана Абдул-Гамида, в то время как многие державы “европейского концерта”, шокированные массовым истреблением армян, осуществленным под эгидой этого режима, осудили его. Более того, согласно сложившейся в Османской империи традиции, реорганизация и переустройство османской армии было вверено в основном германским офицерам, среди которых особенно выделялись Мольтке и Гольц. Наибольшую важность, однако, представляет, возможно, тот факт, что первым серьезным шагом, предпринятым иттихадистами после того, как они в январе 1913 года сместили с власти правительство своих противников, явилось участие Германии в очередной реорганизации османской армии, которая в то время находилась под прямым руководством Энвера. Симпатии Энвера к немцам были обусловлены тем, что Германия становилась потрясающей военной машиной, которую он имел возможность наблюдать и оценивать, когда дважды перед Первой мировой войной служил в Берлине в качестве турецкого военного атташе. Прибытие в османскую столицу в декабре 1913 года германской военной миссии в Турции и последующее подписание контракта было своего рода предзнаменованием того, что турки стремятся добиться партнерства с Германией. Партнерство это стало реальностью, когда 2 августа 1914 года, после ряда довольно серьезных переговоров, в ходе которых турки добились согласия Германии взять на себя обязательство по предоставлению солидных денежных и других видов помощи, был подписан тайный турецко-германский военно-политический союз.³ Позднее аналогичный союз был заключен с Австрией.

С точки зрения осуществления планов и стремлений Турции, эти два взаимосвязанных союза давали самые разнообразные дивиденды. Первый и са-

мый основной из них сводился к тому, что теперь Германия становилась неким щитом для военных планов Иттихада. Для лидеров младотурок этот союз должен был послужить “щитом” (*Schutz*) для своих как явных, так и тайных планов. В докладе от 8 апреля 1916 г. под грифом “совершенно конфиденциально” (*streng vertraulich*) посол Австрии ставил своего министра иностранных дел в Вене Буриана в известность, что турки “использовали” Союз как “опору” (*Stütze*) для того, чтобы развернуть жесточайшие действия против армян.⁴ 27 июля 1915 года в “конфиденциальном” докладе канцлеру Гольвегу, отправленному в Берлин, консул Германии в Алеппо Рёсслер жаловался, что турки, судя по всему, склоняются к тому, “чтобы разрешить Армянский вопрос во время войны, так как правительство использует союз именно в этих целях”. Обвиняя власть имущих иттихадистов в “погибели (*Untergang*) и массовых убийствах невинных людей”, он заявил, что они “не достойны” (*unwürdig*) союза с Германией.⁵ В отношении внутренней ситуации основные планы сводились к этнической гомогенизации того, что осталось от Османской империи. Как показали дальнейшие события, несмотря на то, что военная миссия Германии в Турции пополнилась множеством германских офицеров, они, следуя полученному из Берлина строгому приказу, не вмешивались в процесс истребления армянского населения империи. Политика невмешательства была одобрена на самом высоком правительственном уровне и санкционирована самим кайзером. Как отмечалось в личном письме генерала Бронсарта фон Шеллендорфа от 2 октября 1919 г., император Германии приказал группе высокопоставленных германских офицеров, которые были у него на аудиенции накануне отъезда в Турцию в качестве членов военной миссии Германии в Турции, “не вмешиваться во внутренние дела Турции”. Далее генерал Бронсарт добавлял, что этот запрет распространялся на Армянский вопрос.⁶ Более того, известный издатель и редактор германского еженедельника *Die Zukunft* Максимилян Гарден обрушился на правительство Германии с резкой критикой за то, что оно “смирилось с оскорблением, нанесенным Турцией, с этим позорным и гнусным явлением в истории [в результате которого] было зверски уничтожено почти 1,5 миллиона армян”. В связи с этим он выступил в редакторской колонке со следующей обличительной информацией: “Я лично был свидетелем того, как фаворит кайзера... [во время банкета] тихо сказал директору отдела военной прессы: “Я только что из генерального штаба, где у меня была аудиенция с Его Величеством. По совместной договоренности с

верховным командованием было решено, что в прессе ничего не будет сказано об Армянском вопросе”.⁷ Тот же запрет распространялся и на тысячи германских офицеров, которые оказывали туркам военную помощь как в сражениях – в качестве командиров, так и в административном персонале. Характерным в этом смысле является сообщение командира 14-ой османской пехотной дивизии Людвиг Шраунденбаха. Он описывает судьбу армян, которых в целях временного “переселения” в связи с военными действиями гнали, предположительно, в Месопотамию. История изложена со слов лейтенанта Пфайфера, командира мощной моторизованной колонны в составе 300 человек, который был свидетелем описываемых происшествий. В его дневниковой записи от 28 января 1917 г. читаем: “Каждый вечер турецкие офицеры и жандармы отбирали дюжину армянских мужчин и использовали их в качестве мишеней для различных тренировочных игр (*auf sie ein Scheibenschiessen veranstaltete*)”.⁸ Однако германский командир получил специальную инструкцию не обсуждать армянские дела. “То была одна из немногих инструкций... к Армянскому вопросу надлежало относиться как *noli me tangere*” (не прикасайся ко мне).⁹

Эта директива императора Германии была принята на вооружение высшей инстанцией по цензуре военной прессы (*Obere Zensur-Stelle des Kriegspresseamtes*) – структурой, в состав которой входили представители министерства иностранных дел, генерального штаба, верховного командования и прусского министерства обороны. Во время пресс-конференции, состоявшейся 7 октября 1915 г., представителям прессы были приведены следующие доводы: “Наши дружественные отношения с Турцией не должны подвергаться риску из-за вмешательства в подобного рода административные дела. Теперь же, в столь трудный момент, это даже не подлежит обсуждению. И поэтому на данный момент ваш долг – хранить молчание”.¹⁰ А 23 декабря 1915 года, во время другой пресс-конференции, тем же представителям прессы было сказано: “Относительно Армянского вопроса лучше всего хранить молчание. Поведение турецких властей в этом вопросе далеко не похвально”.¹¹ В основе этого приказа лежали два взаимосвязанных аргумента. Во-первых, безоговорочная поддержка турецкого союзника во имя общей победы в войне за выживание должна была рассматриваться как вопрос первостепенной важности. Во-вторых, Германия вряд ли могла себе позволить проигнорировать “особо чувствительное отношение турок” к Армянскому вопросу. Так, в своем пространном докладе в Берлин посол Германии Ганс Фрейгер фон Вангенгейм 15 апреля 1915

года писал: “Вмешавшись в безнадежное дело (*aussichtslose Sache*), мы можем подвергнуть риску интересы, которые являются для нас решающими и намного более значительными”.¹²

Немцы не только потворствовали туркам, тем самым позволяя им поступать по своему усмотрению, но и с помощью оперативников германских спецслужб помогали иттихадистам в формировании отдела по надзору в составе Главного полицейского управления османской столицы. В тесном сотрудничестве с политическим отделом (*Kismi Siyasi*), который являлся одним из трех подразделений управления [два других назывались Административный (*Idare*) и Правовой (*Adli*)], этот отдел контролировал все крупные центры политической активности армян как внутри, так и вне Турции, включая Армянское Патриаршество в Стамбуле, политические партии в Египте и противников Иттихада в Париже.¹³ Как отмечалось выше, цель всей этой деятельности состояла в том, чтобы подготовить списки и досье лидеров армянской общины, которых следовало рассматривать как потенциальных врагов Турции.¹⁴ Более того, поощряемый немцами, военный министр Энвер вновь активизировал и даже расширил то, что осталось от Специальной организации (*Teşkilati Mahsusa*), чтобы использовать эту структуру как инструмент для агитации, саботажа и совершения убийств во время войны, причем как внутри, так и за пределами Турции.¹⁵ Согласно секретному отчету одного турецкого автора, который был осведомлен об оперативных планах этой организации, одной из ее миссий было приведение в исполнение “депортации” армян.¹⁶

Таким образом, пользуясь тем, что с началом войны в июле 1914 года в стране создалась кризисная ситуация, что вслед за подписанием турецко-германского союза началась мобилизация, что осада повлекла за собой военное положение, турецкие власти начали готовить почву для окончательной расправы с армянами, бурно готовясь к предстоящей войне. Ситуация предоставляла не только возможности, но и максимально благоприятное стечение обстоятельств.

Внешняя война как испытание на поражение “внутреннего врага”

В мемуарах вице-фельдмаршала Помианковского, австрийского военного уполномоченного, который в годы войны был прикреплен к османскому генштабу, говорится о непрекращавшемся антагонизме между мусульманскими

ми и немусульманскими национальностями. Он писал, что с 1909 года и до самого конца войны “имел широкие возможности для того, чтобы узнать страну и народ Турции. Однако во время войны, — продолжал он, — с самого ее начала и до самого конца я был свидетелем практически всех решений и действий турецкого правительства”. Ссылаясь на “непринужденные высказывания многих турок-интеллектуалов”, Помианковски отмечал, что, по мнению этих людей, покоренные народы следовало либо насильно обратить в мусульманство, либо “давным-давно уничтожить” (*ausrotten*). Сделанное им заключение достойно внимания:

В этом смысле, нет никаких сомнений в том, что правительство младотурок еще до войны вынесло решение использовать следующую же возможность для того, чтобы хотя бы частично исправить эту ошибку... Вполне вероятно, что эти суждения, а точнее, это намерение оказало весьма существенное влияние на решение османского правительства относительно присоединения к центральным державам, а также на определение точного времени своего вступления в войну.¹⁷

Гораздо откровеннее в этом отношении высказался посол Моргантау, который имел гораздо более частые и тесные контакты с высокопоставленными младотурецкими чиновниками:

Обстоятельства войны дали турецкому правительству долгожданную возможность взяться за армян... Они критиковали своих предков за то, что те просчитались, когда, впервые покорив христианские народы, не уничтожили их или не обратили в мусульманство. Теперь же... они полагали, что наступил подходящий момент для того, чтобы исправить допущенную в 15-ом веке оплошность своих предков. Они пришли к заключению, что, осуществив свой план, поставят великие державы перед свершившимся фактом и их преступление сойдет им с рук, как это произошло с массовыми убийствами 1895-1896 гг., когда великие державы даже не сделали султану внушения.¹⁸

Мнение Моргантау было безоговорочно подтверждено лидером партии младотурок Талеатом, одним из его главных источников в правительственных кругах Турции. Талеат рассказал др. Мордтману — человеку, ответственному за армянский отдел, и драгомани посольства Германии в Стамбуле, что Турция

“собиралась воспользоваться возможностями, предоставленными войной, чтобы полностью уничтожить внутренних врагов, т.е. коренных жителей-христиан, не опасаясь преград в виде иностранного вмешательства”.¹⁹ В направленной в Берлин дипломатической ноте с требованием отозвать посла Германии Меттерниха в связи с тем, что тот не прекращает свои попытки защитить армян, Талеат (вместе с Энвером) еще раз подчеркнул этот момент: “...Дело должно быть сделано *сейчас*; после войны будет слишком поздно”.²⁰

Заслуживают внимания и наблюдения двух известных германских экспертов. По мнению известного немецкого политолога Зимке, решение Турции принять участие в Первой мировой войне на стороне Германии, было в значительной степени мотивировано ее желанием высвободиться из пут армянского Акта реформ от 26 января/8 февраля 1914 года – соглашения, принятого сразу по окончании Балканской войны 1912 года. Фактически, он признал, что уничтожение “одного миллиона армян” во время этой войны являлось “радикальным разрешением” Армянского вопроса, освобождавшим Турцию от груза всех будущих неприятностей; поступая таким образом, турецкое правительство избавилось от тех обстоятельств, которые могли послужить поводом для будущих проектов реформ и давления со стороны союзников.²¹ А германский офицер, служивший вице-консулом в Эрзруме (где было уничтожено большое количество армянского населения), сообщил в Берлин, что “Армянский вопрос, который на протяжении десятилетий находился в центре внимания дипломатов Европы, будет разрешен во время этой войны... [М]еры, предпринятые турецким правительством... равносильны полному уничтожению армян”.²²

Эти точки зрения подтверждаются источниками внутри самого иттихадистского режима. Джемал-паша, который был как членом младотурецкого триумвирата, руководившего этим режимом с 1908 по 1918 гг., так и командующим Четвертым армейским корпусом и морским министром в годы войны, в своих мемуарах отмечает, что их “единственной целью (*bizim yegâne gayemiz*) было освободиться от всех тех оков, которые были [навязаны нам] в ходе этой войны и которые были ударом по нашей внутренней независимости”.²³ Под этими оковами подразумевались международные условия по поводу автономии Ливана, а также соглашение по армянским реформам, подписанное 8 февраля 1914 года между Турцией и Россией с согласия остальных держав. Как писал Джемал, они “хотели разорвать это соглашение”²⁴ Другой член правящего триумвирата, Эн-

вер, также критиковал реформы, предписанные этим международным соглашением. 6 августа 1915 года, во время беседы с Гансом Гуманном (морским атташе Германии и другом детства Энвера) министр признал, что основным мотивом для антиармянских мер было “полное уничтожение каких бы то ни было оснований” для будущего вмешательства держав в защиту армян.²⁵ Как заявил руководитель одного из департаментов турецкого министерства юстиции “В нашем государстве нет общего дома для армян и для турок, и с нашей стороны было бы безответственным не воспользоваться возможностью [которую предоставила война] и не покончить с [армянами]”.²⁶

Все эти утверждения, заявления, мнения, хоть и весьма осторожно, однако все же подтверждаются в серии мемуаров, которые после смерти Талеата в отредактированном виде были изданы в Стамбуле как его воспоминания. В них лидер иттихадистов, в частности, говорит о том, что, поддержав план Энвера вступить в войну на стороне центральных держав во главе с Германией, он в значительной степени руководствовался осознанием крайней необходимости, на которой настаивал Энвер и которая была вызвана угрозой предполагаемого предательства немусульман, которых они окрестили внутренними врагами. С ними нужно было разобраться. Основной мишенью были, конечно же, армяне. Далее Талеат разъясняет, что с целью облегчения процесса ликвидации этой угрозы было решено временно приостановить работу парламента, после чего он провел через кабинет указ о депортации.²⁷ Талеат сам достаточно открыто заявил послу Германии Вангенгейму, что иттихадисты “избавлялись от армян”, так как было необходимо прекратить “присутствие среди нас внутреннего врага”.²⁸

Примечания к главе 12

1 См. A. Jacoby, “Genocide,” *Schweizerische Zeitschrift für Strassrecht* 4 (*Revue Penale Suisse* 4), (1949): 472; Cervantes Rio, “Etude sur l’Article 175 du Code Penal Mexicain “Genocide,”” *Etudes Internationales de Psychologie Criminelle* 16-17 (1969): 52. См. A. Pflanzler, *Le Crime de Genocide*, 15, 18, 20 (St. Gallen, Switzerland, 1956), The United Nations War Crimes Commission, *the United Nations War Crimes Commission and the Development of the Laws of War*, 35, 45 (1948) [далее: *War Crimes Commission*]; S. Toriguian, *The Armenian Question and International Law* (2nd ed. 1988); Bassiouni, “International Law and the Holocaust,” *Case W. Interantioanl Law Journal*, 9 (1979): 210; A.K. Kuhn, «The Genocide Convention and State Rights,» *American*

- Journal of International Law* 43 (1948): 501; R.Lemkin. «Genocide: A New International Crime: Punishment and Prevention», *Revue Interantionale de Droit Pénal*, 10 (1946): 367; E.Schwelb, "Crimes Against Humanity," *British Year Book of International Law* 1946: 181-82, 198; K.Stillschweig, «Das Abkommen zur Bekämpfung von Genocide», *Die Friedenswarte Für Zwischenstaatliche Organisation*, 3 (1949); 97,99.
- 2 О речи Назима сообщалось в *Deutsche Tageszeitung* 16 ноября 1914 г. Его слова благоговения перед Германией и кайзером были произнесены во время конгресса Иттихада в 1910 г., и о них упоминалось в докладе консула Германии в Салониках доктора Швёрбеля от 14 сентября 1910 года. См. А.А. Türkei 158/11, A15682. Заявление др. Шакира в J. de Morgan, *Contre les barbares de l'Orient* (Paris, 1918), 188.
- 3 Подробное обсуждение обстоятельств, при которых был подписан этот пакт, см. Ulrich Trumper, *Germany and the Ottoman Empire, 1914-1918*. (Princeton, NJ, 1968), chapter 2, 21-61; Y.H.Bayur, *Türk İnkilâbi Tarihi* (История турецкой революции), vol.2, Part 4 (Ankara, 1952), 629-647. По поводу основных политических развитий, приведших к подписанию договора о союзе, см. Frank G Weber, *Eagles on the Crescent* (Ithaca, NY, 1970), chapters 1 and 2, 5-16, 17-58.
- 4 Архивы министерства иностранных дел Австрии (далее ДАА), Политический отдел (РА), XII (Türkei), File (Karton) 218, от XII Türkei/ 210, No. 28/P.A.
- 5 Архивы министерства иностранных дел Германии (Вопн). (далее А.А.). Türkei 183/38, A23991.
- 6 А.А. Göppert, VI/1, 3-я стр. состоящего из семи страниц письма генерала др. Карлу Аксенфельду, одному из лидеров германского миссионерского движения.
- 7 Maximillian Harden. "Zwischen Ost und West. Armenien in Moabit" *Die Zukunft*, 29, 37 (11 June, 1921): 300-301.
- 8 Ludwig Schraudenbach, *Muharebe* (Война), (Berlin, 1924), 315. Эта форма зверств была подтверждена турком-бакалейщиком, который после войны эмигрировал и обосновался в Портланде, Мейн, США. По словам его американского друга, ирландца по происхождению, вот что этот турок лично испытал во время геноцида армян в годы Первой мировой войны: "Будучи молодым солдатом турецкой армии, он был в составе воинской части, которая сопровождала большую группу армян в сельскую местность, где их должны были оставить умирать от голода. Как он мне рассказывал, во время привала один из офицеров их части подошел к нему и другим его товарищам и сказал, чтобы они пошли и закололи штыками нескольких армян – так, в качестве тренировки – дескать, они все равно должны были умереть. "Да поможет мне Господь", – сказал он почти в слезах: "Я так и сделал". William J. McLaughlin, *Boston Globe*, 18 September, 1987. Книга воспоминаний Шрауденбаха полна рассказов о подобных зверствах, которые, как он писал, вызвали в нем образ "Ада Данте" (345). Ссылаясь на Салихзеки, губернатора округа Дер Зор который встретил их "очень учтиво, облаченный в европейские одежды", автор утверждает, что "шокирующие зверства" (*haarsträubende Greuel*) были совершены именно в этом регионе, включая "привязывание армянских детей между деревянными досками и их сожжение" (pp. 351-52).
- 9 Там же, 147.
- 10 Kurt Mühsam, *Wie Wir Belogen Wurden. Die Amtliche Irreführung des deutschen Volkes* (Как мы были обмануты. Действия официальных властей, которые ввели в заблуждение германский народ),

- (Münch. 1918), 76. Совершенно очевидно, что цензура распространялась и на иностранных журналистов. В своих мемуарах военный корреспондент Ассошиэетед Пресс в Константинополе описывает, как германское посольство отказалось помочь ему передать свои репортажи военного периода относительно резни армян руководителю своего бюро в Берлин. George A Shriener, *From Berlin to Bagdad* (New York, 1918), 333.
- 11 Там же, Mühsam. 13, 79.
- 12 А. А. Türkei 183/36, A13922.
- 13 Эта чрезвычайно эмоциональная информация была найдена в послевоенных мемуарах одного лейтенанта полиции, армянина, который в начале февраля 1915 года был нанят в турецкое бюро полицейской разведки и безопасности (*Emniyeti Umumiye*), чтобы помогать в поимке предстателей армянской интеллигенции Турции, составляя необходимые списки. Позднее он помогал турецкой полиции выслеживать тех, кому удалось скрыться и спрятаться. Haroutiun Murguditchian, "Kaghdniknerou Gudzigu" (Клубок тайн), *Hairenik* (армянская ежедневная газета, которая в период перемирия на очень короткий срок издавалась автором в Стамбуле). Выпуски 1 и 2 номера, 28 октября /10 ноября и 30 октября/ 12 ноября 1918.
- 14 Те члены османской палаты депутатов, которые, по наблюдениям, посещали российское посольство в Стамбуле, находились под пристальным вниманием. Fethi Okyar, *Üç Devirde Bir Adam* (Человек трех эпох), C. Kutay ed., (Istanbul, 1980), 106, n.1; Cemal Kutay, *Tâlat Paşanın Gurbet Hartiralari* (Воспоминания Талеата паши в изгнании), vol.2 (Istanbul, 1983), 523, 906-07.
- 15 Doğan Avcioğlu, *Milli Kurtuluş Tarihi* (История национального освобождения), vol.3 (Istanbul, 1974), 1135; İlber Ortaylı, *Osmanlı İmparatorluğunda Alman Nüfuzu* (Влияние Германии на историю Османской империи), (Istanbul, 1983), 122; Ziya Sakir. 1914-1918 *Cihan Harbini Nasil İdare Ettik* (Как мы руководили мировой войной 1914-1918 гг.), (Istanbul, 1944), 46-51.
- 16 İhsan Birinci, "Cemiyet ve Çeteler" (Партия и нерегулярные подразделения [в основном бандиты]), *Nayat* 2 (October 1, 1971): 33. Аналогичные турецкие точки зрения относительно вовлеченности специальной организации в уничтожение османских армян см. Vahakn N. Dadrian, "The Role of the Special Organization in the Armenian Genocide during the First World War" in *Minorities in Wartime*, P. Panayi, ed. (Oxford, 1993).
- 17 J. Pomiankowski, *Der Zusammenbruch des Osmanischen Reiches* (Vienna, 1969), 162.
- 18 H. Morgenthau, "The Greatest Horror in History", *Red Cross Magazine* (March, 1918): 9, Льюис Хек, Верховный комиссар США в Стамбуле и специальный помощник в государственном департаменте, также отмечал, что Первая мировая война явилась тем фактором, который сделал возможным осуществление этих планов: "Правительство младотурок в скором времени воспользовалось предоставившимися вследствие военного положения обстоятельствами, чтобы попытаться искоренить армянское население Малой Азии и тем самым раз и навсегда избавиться от "Армянского вопроса". FO 371/3658/75852, folio 441, 2. 2 мая 1919.
- 19 Высказывание Талеата приводится в докладе посла Германии Вангенгейма от 17 июня 1915 г., направленного канцлеру в Берлин. А.А. Türkei 183/37. A19744; J.Lepsius, *Deutschland und Armenien 1914-1918* (Potsdam-Berlin, 1919), 84. Как известно, на собрании Кабинета осенью 1915 г, когда уничтожение армян шло полным ходом, Талеат заявил, что его цель состояла в создании креп-

кой турецкой нации, очищенной от чужеродных элементов, чтобы у держав не было более поводов для вмешательства во внутренние дела Турции. А.А. Türkiye 159, No. 2, vol. 14, доклад Нейрата в Берлин от 5 ноября 1915 г. Эти разоблачения подтверждает и Эрнст Джэх, который, будучи германским экспертом по Турции, во время войны совершил несколько инспекционных поездок в Турцию и передал основную суть своих бесед с высокопоставленными турецкими должностными лицами и свои наблюдения кайзеру Вильгельму II, Палате депутатов Германии, а также министерству иностранных дел. В своем 22-страничном докладе о поездке, состоявшейся с сентября по октябрь 1915 г., он отмечал: “Действительно, Талеат открыто называл уничтожение армянского народа политической мерой”. А.А. Türkiye 158/14, 18, Oct. 17, 1915. Другой немецкий автор - последний посол Германии в Турции в годы Первой мировой войны, в своих мемуарах пишет: “Когда я снова начал доносить [Талеата] Армянским вопросом, он сказал мне с улыбкой: “Чего вы хотите? Вопрос решен. Армян больше нет”. Комментируя это заявление, посол добавлял, что на исторической территории жертв, то есть “Армении турки систематически пытались искоренить христианское население”. Несмотря на уважение, которое посол испытывал по отношению к Талеату, он допускал участие Талеата в уничтожении армян: “Свое соучастие в преступлении в отношении армян он искупил своей смертью”. *Memoirs of Count Bernstorff*, Eric Sutton trans., (New York, 1936), 176, 180, 374. Все эти признания и свидетельства подтверждаются турецкой газетой, которая смогла получить доступ к папке с секретными документами, спрятанными в портфеле, найденном и изъятом турецкой судебной полицией во время обыска в квартире зятя др. Б. Шакира, адвоката Рамиза. В номере от 14 декабря 1918 г., в *Sabah* — газете, о которой шла речь, был сделан вывод, что “приказ об искоренении армян был отдан Талеатом”. 20 U.Trumpener, *Germany and the Ottoman Empire* [n.3], 127 (курсив в оригинале).

21 K.Ziemke, *Die Neue Türkei 1914-1929* (Stuttgart, 1930), 271-72. Текст соглашения от 8 февраля 1914 г. на французском см. в А. Mandelstam, *Le sort de l'Empire Ottoman* (Lausanne, 1917), 272-73.

22 А.А. Türkiye 183/39, A28584 (доклад др. Макса Эрвина фон Шёбнер Рихтера от 10 августа 1915 года). См. также J. Lepsius, *Deutschland* [n. 21], 123-24.

23 С. Paşa, *Hatıralar*, (Istanbul, 1977), 438.

В период с сентября по декабрь 1913 г., когда армяне снова стали настаивать на проведении реформ под европейским контролем, Джемал не раз угрожал армянским лидерам резней с помощью “мусульманского населения шести провинций”, которые были выбраны для реформ. Угроза была заявлена Вардкесу, одному из армянских депутатов османского парламента. Джемал дал Вардкесу, который был ярким иттихадистом, а также одним из лидеров дашнаков и националистом, совет поставить свою партию в известность об этой угрозе, предостерегая его от дальнейших ходатайств по обеспечению европейского вмешательства. А.Каго, *Abrudaz Ozer* (Прожитые дни), (Boston, 1948), 191-92. Эта угроза подтверждается Г. Зограбом, другим армянским депутатом и профессором международного права Стамбульской юридической школы. В своем тайном дневнике, который он вел до Первой мировой войны, Зограб, предвидя геноцид, призвал внимание к угрозе Джемала. “Zohrabee Orakroutiunu Yegernee Nakhoriageen” (Дневник Г. Зограба накануне геноцида), *Nayiri* (Армянский литературный еженедельник в Бейруте), 22 (May 1975): 2-6. Как Вардкес, так и Зограб были арестованы и убиты агентами специальной организации во

время войны.

В декабре 1913 г. по приказу Джемала арестовали нескольких армянских студентов за организацию празднеств по поводу 1500-летия создания армянской письменности. Призывая их оставить свою “предательскую деятельность”, Джемал снова пригрозил им “истреблением армян, не щадя ни детей, ни стариков”. L.Mozian, *Aksoragane mu Vodisaganu: Sev Oreru Hishadagner* (Одиссея ссыльного; воспоминания о черных днях), (Boston, 1958), 9-10. Ту же угрозу Джемала подтверждает и другой депутат османского парламента, армянин по происхождению, который вместе с пятью другими дашнакскими лидерами имел частную встречу с Джемалом после обеда на острове Принкипо (Бююкада). Во время этой встречи Джемал повторил свою угрозу. V.Parazian, *Eem Housherus*, (Мои воспоминания), vol. 2 (Beirut, 1952), pp. 191-92. Турецкую оценку этих встреч между иттихадистами и дашнаками см. Bayur, *Türk* [n.3], vol. 2, Part 3 (Ankara, 1983), 71-2, отрывок от 2 ноября 1946 г. из турецкой еженедельной газеты *Cumhuriyet*, в которой тогда выходил ряд статей с мемуарами министра экономики Джавида.

24 С. Paşa, *Hatıralar* [n.23], 438.

25 А.А. Botschaft Konstantinopel 170, folio 52; J. Lepsius, *Deutschland* [n.19], 122.

26 J.Lepsius, *Der Todesgang des Armenischen Volkes* (Potsdam, 1930), 230.

27 Kutay, *Talât Paşanın* [n.14], 522-23, 906-09.

28 А.А. Türkiye 183/38, A23991.

*Глава 13****Международное право как испытание
на правовую ответственность****Аннулирование договоров**

Наиболее агрессивным проявлением непримиримости османского правительства, нарастанию которой способствовали дипломатический кризис и армянские погромы, явилось вступление Турции в Первую мировую войну — шаг, на который она пошла с готовностью, в одностороннем порядке спровоцировав и начав военные действия. Османское правительство рассматривало войну как способ, посредством которого можно было раз и навсегда покончить со всем, что могло послужить основанием для иностранного вмешательства. Об этом намерении свидетельствовала и упреждающая отмена во время войны Парижского и Берлинского договоров, а также соглашения 1914 г., лишившая армян последней надежды. Соглашение от 8 февраля 1914 года было отменено имперским рескриптом от 3/16 декабря 1914 года.¹ Аннулирование договора совпало с окончанием контрактов двух инспекторов, которые должны были проводить реформы, — голландца Л.С. Вестененка, помощника резидента в Голландской Восточной Индии, и норвежца Николая Гоффа, майора, а позднее подполковника норвежской армии и генерального секретаря военного министерства Норвегии. Однако, как отмечает Тойнби, турецкие власти умышленно препятствовали осуществлению этой задачи, намереваясь в дальнейшем при удобном случае и вовсе сорвать ее:

В контракт инспекторов был включен пункт, который давал правительству право денонсировать его в любой момент, выплатив компенсацию в размере годовой зарплаты, что являлось явным нарушением предусмотренного планом реформ десятилетнего срока; к тому же список “высокопоставленных должностных лиц” раздувался до тех пор, пока патронаж инспекторов, который, будучи почти предрешенным, мог

стать их самым действенным рычагом власти, был сведен к полной иллюзии. Несостоявшимся чиновникам удалось избежать того фарса, в который превратилась бы их попытка применить свою номинальную власть. Они едва добрались до своих провинций, когда разразилась Европейская война и правительство в спешном порядке, денонсировав контракты, приостановило проведение плана реформ, что стало первым шагом его собственного вмешательства в конфликт. Таким образом, к концу 1914 года армяне оказались в положении 1883 года. Меры, предусмотренные для обеспечения их безопасности, провалились, и за их спиной не осталось ничего, кроме негодования правительства и полной зависимости от его милости.²

В своем рапорте от 16 мая 1914 г. австрийский посол Палавичини сообщал в Вену, что “многие из правомочий, по поводу которых державы пришли к соглашению, не были включены в контракт”, а в своем докладе от 25 мая 1914 г. он сетовал на то, что к двум инспекторам относились не как к европейским Генерал-инспекторам, а как к гражданским служащим, находившимся в подчинении турецкого правительства.³ В своем дневнике Вестененк цитирует Талеата, называвшего его с Гоффом “нашими служащими”. Гофф, в свою очередь, постоянно выражал сомнения по поводу серьезности подхода турецких правителей.⁴ В этом контексте о многом говорили два назначения, сделанные министром внутренних дел и лидером партии Талеатом и не предвещавшие армянам ничего хорошего: депутат от Диарбекира Фейзи и губернатор провинции Битлис Мустафа Абдулхалик, его зять, были назначены в штат Гоффа в качестве заместителей. Эти двое в дальнейшем должны были сыграть центральную роль в массовом уничтожении армянского населения юго-восточной и восточной Турции, включая провинции Диарбекир и Битлис. Позднее Абдулхалик был назначен на должность губернатора провинции Алеппо, где руководил дополнительными мерами по ликвидации оставшегося армянского населения, которому удалось выжить после принудительного переселения в 1915-1916 гг. из глубин Турции в пустыни Месопотамии.⁵

В своем протестном письме заместителю министра иностранных дел Германии Циммерману, датированном 22 июня 1914 г., Погос Нубар оспаривал своевольные нарушения министром внутренних дел Талеатом соглашения о реформах от 8 февраля, включая контракт с двумя европейскими генеральными инспекторами. В письме Нубар, который в 1912 г. был назначен Католикосом всех армян в российской Армении для того, чтобы вновь поднять в Ев-

* Примечания к данной главе начинаются на странице 278.

ропе неразрешенную проблему армян, указывал на то, что пункты указанного контракта явились грубым нарушением условий Акта о реформах. Будучи международным договором, Акт являлся приоритетным по отношению к внутригосударственному контракту, и у турецкого правительства не было правовых оснований для того, чтобы обойти этот Акт. Нубар в основном протестовал против преднамеренного снижения международного статуса европейских инспекторов до статуса простых османских функционеров, в результате чего они теряли свои полномочия по контролю над реализацией Акта реформ, и нарушался закрепленный Актом десятилетний срок их пребывания в этой должности. Он предупреждал Циммермана, что если туркам сойдут с рук эти нарушения, реформы в очередной раз будут обречены на полный провал.⁶

Протест этот, однако, не дал никаких результатов. Задолго до того, как началась Первая мировая война, Талеат дал понять армянским лидерам, что они теряли время и что Турция ни при каких обстоятельствах не допустит ни европейского, ни, коли на то пошло, какого-либо другого иностранного контроля над администрацией провинций. Он сказал одному армянину – депутату османского парламента: “Неужели вы не понимаете, что есть тысячи способов провалить реформы в стадии их проведения?”⁷ Турецкий биограф Талеата подтверждает, что, тормозя процесс, лидер партии Иттихад и не скрывал, что ждет благоприятного момента, чтобы сорвать весь план.⁸ Талеат, который в тот период был министром внутренних дел, аргументируя свое решение отменить контракт, заявил др. Мордтману: “*C'est le seul moment propice*”.⁹

В своем рапорте в Берлин 2 февраля 1915 г. посол Германии Вангенгейм отмечал, что в соответствии со статьей 5 контракта, подписанного с двумя Генерал-инспекторами, турецкое правительство имело право отменить его.¹⁰

Согласно турецкому историку, контракт был подписан 25 мая 1914 г. и предусматривал месячную зарплату в размере 400 турецких золотых фунтов, а также дополнительную выплату за жилье.¹¹

Употребление слова “благоприятный” весьма красноречиво свидетельствует об общей тенденции ожидания удобной возможности для начала осуществления конкретного плана действий. По мнению другого депутата османского парламента, тоже армянина, о существовании такого плана говорит также яростная реакция Талеата на Акт о реформах и все, что им предусматривалось. Он цитирует следующее заявление Талеата: “Неужели армяне не понимают, что проведение реформ зависит от нас: мы неотреагируем на предложения,

которые могут быть выдвинуты инспекторами... Армяне пытаются создать новую Болгарию. Кажется, они ни чему не научились: все те шаги, с которыми мы не будем согласны, обречены на провал. Пусть только армяне подождут – и у нас наверняка будет свой шанс. Турция принадлежит только туркам”.¹² Этот лозунг – “Турция для турок”, был стандартным обоснованием, на котором лидеры-иттихадисты строили свою антиармянскую кампанию. Известно, что, сподвижник Талеата др. Назим как-то заявил: “Османское государство должно быть исключительно турецким. Присутствие иностранных элементов является поводом для европейского вмешательства. Они [иностранцы] должны быть насильно отуречены”.¹³ Эта позиция нашла свое отражение в той решимости, с какой во время войны были аннулированы международные договоры, являвшиеся результатом применения принципа “гуманитарной интервенции”. 5 сентября 1916 г. османский министр иностранных дел Халиль поставил посла Германии Вольфа Меттерниха в известность, что “османский кабинет вынес решение объявить недействительными Парижский договор 1856 г., Лондонскую декларацию 1871 г. и Берлинский договор 1878 г.”,¹⁴ мотивировав это решение тем, что “все три международных договора налагали на Османское государство “политические оковы”, от которых Порты хотела избавиться”.¹⁵ В тот же день Халиль отправился в Берлин, чтобы добиться поддержки Германии в отмене этих договоров. В своем рапорте от 5 сентября 1916 г. посол Германии Меттерних ставил свое правительство в известность об этом решении и призывал их обратить внимание на озабоченность Турции 61 статьей Берлинского договора, относящейся к “обязательствам Турции в отношении Армении”, равно как и на заявление Халиля о том, что решение это обусловлено “военным положением” (*Kriegszustand*).¹⁶

С технической точки зрения, эти действия по аннулированию могут быть отнесены к воздействию войны; в международном праве нет ясных или единообразных правил относительно сохранения или аннулирования договоров во время войны.¹⁷ Однако в свете того, что на протяжении десятилетий, предшествовавших войне, Османская Турция постоянно нарушала положения договоров, аннулирования приобретают особую значимость. До войны массовые убийства армян совершались в условиях, когда эти договоры, будучи в силе, тем не менее не действовали. Европейские державы возмущались, но на конкретные санкции не шли. Здесь необходимо отметить, что, хотя в соответствующих договорах не было положений, которые предусматривали какие-либо

меры в случае их нарушения, факт остается фактом, что бездействие держав было обусловлено не чувствительностью к правовым тонкостям, а скорее взаимными подозрениями и соперничеством.¹⁸ Полный текст расторжения договоров имеется на немецком языке.¹⁹ Халиль приводит следующие аргументы в пользу аннулирования Парижского и Берлинского договоров:

(1) Положения Парижского договора, запретившие вмешательство во внутренние дела Турции, были нарушены посредством некоторых положений Берлинского договора. (2) В то время как Османская империя неукоснительно следовала двум договорам, Италия, Англия, Франция и Россия постоянно нарушали их. (3) Франция на незаконных основаниях принудила Турцию предоставить Ливану ограниченную автономию. Более того, положения автономии не являлись частью какого бы то ни было международного договора или соглашения, скорее, они были улажены во внутреннем административном порядке. Следовательно, они могут быть признаны недействительными и отменены. (4) Россия вопиющим образом нарушила Парижский договор, занявшись агитацией в Балканских провинциях; она начала агрессию против Турции, осуществив ряд интервенций во внутренние дела Турции и незаконным образом уничтожив статус черноморского портового города Батуми. (5) Сегодняшние условия изменили ситуацию в том плане, что теперь Турция более не находится под попечительством держав и, будучи абсолютно независимым государством, вправе действовать в соответствии с теми правами и преимуществами, которые полагаются таковому государству. (6) Новая ситуация дала основание прийти к заключению, что эти два договора исчерпали свое право на существование.

Необходимо отметить, что посол Германии в Стамбуле Кюгльман указывал на взаимосвязь между продвижением вопроса армянских реформ и наложением на Турцию этих “оков”, соглашения по реформам от 8 февраля 1914 г., как на факт, который обусловил последовавший за этим геноцид. За шесть месяцев до того, как стать министром иностранных дел, Кюгльман в своем докладе от 16 февраля 1917 г., рассматривая историю турецко-армянского конфликта, объяснял “широкомасштабное уничтожение армян как проявление политики истребления”, связывая это с “попытками проведения армянских реформ, в особенности тех, которые имели место в ходе Балканской войны 1912 г.”²⁰ В своих воспоминаниях Талеат подтверждает, что ярость многих турок, включая его самого и его сподвижников, была обусловлена попытками

армян возобновить вопрос реформ именно в это время.²¹ Нельзя сказать, что сами армяне не осознавали маячившей на горизонте опасности: период с 1913 до самой осени 1914 года, когда Турция в одностороннем порядке вступила в войну, присоединившись к лагерю центральных держав, был ознаменован глубоким беспокойством и мрачными предчувствиями, которые подогревались постоянными угрозами турок о возмездии за возрождение вопроса реформ.²² В этой связи следует особо упомянуть письма с угрозами, которые отправлялись в армянскую прессу и патриарху армян. Так, 12 ноября 1913 г. Патриарху, в частности, писали: “...Вы, армяне... никогда не забывайте, где живете... вы, проклятые (*melunlar*), свалили множество бед на голову нашего высокочтимого правительства, подготовили почву для иностранного нападения (*tecavüzet*)... Знайте же, теперь младотурки поднялись на ноги... турецкая молодежь... не будет медлить с осуществлением возложенных на нее обязательств”. Под письмом стояла подпись: исламские младотурки. Через четыре дня было получено еще более угрожающее письмо, содержавшее, среди прочих, и следующие зловещие строки: “до сих пор миллионы *gâvur* [неверных] пали от турецкого меча, и падут еще миллионы. Знайте же, что турки поклялись избавиться от армянских гявуров, которые, как микробы туберкулеза, разлагают нас изнутри”.²³ В одной из серии статей, печатавшихся в газете, издаваемой им же в период перемирия, в газете “Гарун Эфенди Комисер”, агент турецкой тайной полиции, армянин по происхождению, намекал на то, что эти письма, вдохновленные др. Назимом, принадлежали перу Хусейна Азми, который в те годы был главным начальником полиции Стамбула и который сыграл ключевую роль в подготовке и осуществлении в Стамбуле геноцида периода Первой мировой войны. После войны, 1/2 ноября 1918 г., вместе с шестью другими лидерами иттихадистов Азми бежал в Германию.²⁴ Согласно одному из армянских историков, еще в 1913 г. некоторые британские лидеры предостерегали свое правительство, что в случае, если державы принудят Турцию принять Акт о реформах, она не остановится перед массовым истреблением османских армян. По сведениям того же автора, 18 сентября 1918 года член парламента Энюрин Уильямс проинформировал британского министра иностранных дел Грея о том, что в Турции явно ощущается “огромный страх резни”.²⁵

Предупреждение союзников и введение принципа “преступления против человечества”

24 мая 1915 года, когда геноцид армян набирал силу, союзники выступили с совместной декларацией, в которой осуждали “молчаливое допущение, а зачастую и помощь, оказываемую османскими властями” в осуществлении погромов. “Ввиду новых преступлений, совершенных Турцией против человечества и цивилизации, — говорилось в декларации, — союзные правительства публично заявляют... что они призывают к личной ответственности... всех членов османского правительства и тех их агентов, которые вовлечены в осуществление этих погромов”.²⁶

Эта декларация отличалась несколькими существенными характеристиками: 1. в ней было публично заявлено о совместной готовности после войны призвать к ответу тех, кто нес ответственность за совершенные преступления; 2. в ней признавалось соучастие османских властей, путем “молчаливого допущения и зачастую помощи”; 3. присоединение прилагательного “новые” к словосочетанию “преступления Турции” говорило о том, что признаны как факт прошлых погромов, так и укоренившаяся в Турции традиция подобных преступлений; 4. введением термина “преступления против человечества” был задействован новый формат в системе международного права; 5. став реалией международного права, это положение позднее должно было послужить правовым критерием для судебного процесса в Нюрнберге и вынесения приговора верхушке нацистского руководства. Впоследствии оно было в полном объеме принято ООН, составив основную часть преамбулы ее Конвенции по предотвращению геноцида и наказанию за него (9 декабря 1948 года).

Примечания к главе 13

1 G. Jäschke, “Das Osmanische Reich vom Berliner Kongress bis zu seinem Ende (1878-1920/22)”, *Handbuch der Europäischen Geschichte*, 6 (1968): 543, 545-56, n. 36. См. также Y. Bayur *Türk İnkilâbi Tarihi* vol.3, Part 3 (Ankara, 1956), 12; Доклад британского посла Маллета Грею от 23 сентября 1914 г. в FO 371/226/56207.

2 J. (Viscount) Bryce, *The Treatment of the Armenians in the Ottoman Empire 1915-16*. Составлено А. Тойнби, Miscellaneous 31. Government Publications (London, 1916), 635-36.

3 *Austrian Foreign Affairs Archives*. Political Department. (далее DAA). 12 Türkei. Karton 463.

4 См. Van der Dussen, “The Westenenk File”, *Armenian Review* 39 (1986): 46, 57, 69, 72.

5 A.A. Türkei 183/38. A24658. Вложение VI Aug. 20. 1915 report; *Zhamanag* (Istanbul) 6/19 July 1914. также описывается другое, т.е. назначение Абдулхалика, чье сопричастие в геноциде армян описано в V. Dadrian, “The Naim-Andonian Documents on the World War I Destruction of the Ottoman Armenians- The Anatomy of a Genocide”. *International Journal of Middle East Studies* 18,3 (1986): 342, 336-38.

6 A.A. Botschaft Konstantinopel, vol. 168, A12314.

7 V. Papazian, *Eem Hoosherus* (Мои воспоминания), vol. 2 (Beirut, 1952) 235-36. Армянский политический мститель, на которого партия дашнаков возложила некоторые обязанности, в том числе и “отмщение” за преступления, содеянные против армян, убив основных преступников, в своих мемуарах утверждает, что в тюрьме столкнулся с турецким агентом, который был направлен туда для того, чтобы шпионить за ним и установить его личность. Гасана Бурханеддина, агента, как сообщается, заставили признаться в том, что у него было задание убить в Румынии одного из инспекторов. K. Merdjanof. *Eem Gudagu* (Мой завет) (Beirut, 1972), 28-9.

8 T. Çavdar. *Talât Paşa* (Ankara, 1984), 308-11.

9 A.A. Türkei 183/46. A5043.

10 *Там же*, 183/36, A5043.

11 Ismail Danişmend, *Izahli Osmanli Tarihi Kronolojisi* (Аннотированная хронология османской истории), 2nd ed. (Istanbul, 1961), 409.

12 “*Kegham Der Garabedianee Vugayutouni*” (Свидетельства Гегамы Тер-Карапетына) в G.Sassouni, *Badmoutiun Daronee Achkharee* (История Тарона), (Beirut, 1957), 838-39.

13 René Pinon, “La liquidation de l’Empire Ottoman”, *Revue des Deux Mondes* 53 (September 1919): 131.

14 U. Trumpener, *Germany and the Ottoman Empire*, (Princeton, N.J., 1968), 134-39; Frank Weber, *Eagles on the Crescent*, (Ithaca, N.Y., 1970), 201, n. 105.

15 *Там же*, Trumpener.

16 A.A. Türkei 183/44, A24061.

17 L. Oppenheim, *International Law*, vol. 2, paragraph 99, 7th ed., ed. By Lauterpacht (London, 1952).

18 См. глава 7, раздел “Бесплодные договорные обязательства”.

19 Kraelitz-Greifenhorst, “Die Ungültigkeitserklärung des Pariser und Berliner Vertrages durch die Osmanische Regierung”, *Österreichische Monatsschrift für den orient*, 43 (1917): 56-60. Английский текст заявлений Халиля см. Current History, N.Y. ежемесячная публикация Times 5 (February 1917): 822-24.

20 A.A. Türkei 183/46, A5919.

21 *Tâlat Paşanın Hatıraları* (Воспоминания Талеата-паши), E. Bolayir, ed., (Istanbul, 1946), 51, and 50-55.

22 *Mecheroutiette* (Париж, ежемесячник, печатный орган Итилаф) 6, 50 (January 1914): 44-45.

23 Haigaz K. Kazarian, “How Turkey Prepared the Ground for Massacre” *Armenian Review* 18, 4 (Winter, 1965): 31-2.

24 H. Mugurditchian “Kaghdnikneroun Gudzigu” (Клубок тайн), *Hairenik*. Выпуски 1 и 2, номера от 28 октября/10 ноября и от 30 октября/12 ноября 1918 г..

25 A. Nassibian, *Britain and the Armenian Question 1915-1923* (London, 1984), 30-31.

26 *Guerre 1914-1918. Turquie. 887. Arménie. 1*, (May 26, 1915); FO 371/2488/51010 (May 28, 1915); A.A. Türkei 183/37, A17667; *Foreign Relations of the United States*, 1915 Supp., 981 (1928); U.S. National Archives, Record Group 59. 867. 4016/67 (May 28). См. также доклад польского юриста и сотрудника по правовым вопросам Комиссии по военным преступлениям ООН Литавски, который, помимо того, что написал главу II в *History of the United Nations War Crimes Commission and the Development of the Laws of War in U.N. War Crimes Commission* (London, 1948), подготовил еще и отдельный доклад, U.N. Doc. E/CN. 4/W. 20/Corr. 1, p. 1, no. 3 (1948). (В этих работах, включая работу Е. Швелба, "Crimes Against Humanity", *British Yearbook of International Law* (1946): 181, в дате 28-ое мая 1915 г. опечатка: вместо этого должно быть 24-ое мая 1915 г.).

Осуществление геноцида

Обвиняя армян в том, что они, будучи национальным меньшинством предпринимали предательские, сепаратистские и другие действия аналогичного характера, османские власти распорядились, в целях национальной безопасности, осуществить массовую депортацию армянского населения восточных и юго-восточных провинций империи. Эта акция явилась результатом согласованного натиска военных властей и центрального комитета партии Иттихад, которые задалась целью, воспользовавшись войной, очистить Анатолию от армянского населения. Этой кампании предшествовал длительный процесс обсуждений, в который были вовлечены высшие органы партии, военные, министерство внутренних дел и структуры национальной безопасности. В ходе основного сверхсекретного собрания был продуман конкретный план, разработанный в качестве руководства для внутреннего пользования и предназначенный для чиновников и партийных инспекторов, которым было поручено привести в исполнение план геноцида. На собрании присутствовали пять высокопоставленных особ, в руках которых была сосредоточена вся власть в Турции и за которыми было право принимать решения, а именно: Талеат, врачующие политики Шакир и Назим, шеф национальной безопасности Канболат и глава II департамента (разведки) османского генерального штаба полковник Сейфи.¹ В дальнейшем план геноцида расширился и распространился практически на всё армянское население империи, включая и столь отдаленные города, как Бурса, Эскишехир, Конья, а также османскую столицу Стамбул.²

Маскировка этого распоряжения под якобы продиктованную военной необходимостью чрезвычайную меру переселения, послужила прикрытием для плана по уничтожению армянского населения. Подавляющее большинство депортируемых погибли в результате всевозможных прямых и опосредованных зверств, учиненных во время депортации. Уинстон Черчилль писал по этому поводу:

* Примечания к данной главе начинаются на странице 291.

В 1915 г. турецкое правительство предприняло и безжалостно осуществило позорные широкомасштабные массовые убийства и депортацию армян в Малой Азии... очистка Малой Азии от целого народа была полной в той мере, какую могли обеспечить действия столь широкого масштаба... Ничто не дает серьезного повода усомниться в том, что это преступление было запланировано и осуществлено по причинам политического характера. Появилась возможность очистить, наконец, турецкую землю от христианского народа, бросавшего вызов всем турецким амбициям, лелеявшего национальные цели, которые могли быть достигнуты только за счет Турции, и в географическом плане находившегося между турецкими и кавказскими мусульманами.³

После приказа о депортации II департамент турецкого военного министерства начал проводить скрытую пропагандистскую кампанию. Целью этой кампании было отвести вину от турецкого правительства, обвинив армян в том, что они представляли угрозу для национальной безопасности. Так, прикомандированный в министерство морской капитан рассказывал:

В оправдание этого чудовищного преступления (*bu muazzam cinayet*) [геноцида армян] в Стамбуле тщательно готовился необходимый пропагандистский материал. [Он включал в себя такие заявления, как]: “армяне в союзе с врагом. Они начнут восстание в Стамбуле, убьют лидеров Иттихада, и им удастся открыть проливы [для того, чтобы дать возможность флотам союзников захватить Стамбул]”. Это подлое и злонамеренное подстрекательство [было, однако, таким, что] могло убедить только тех, кто не был в состоянии почувствовать даже приступ собственного голода.⁴

Основным средством антиармянской агитации был османский пропагандистский еженедельник *Harb Mecmuasi* (Военный журнал), редактором которого был полковник Сейфи, глава II департамента военного министерства и влияние которого выходило далеко за пределы его пятнадцати тысяч подписчиков. В период перемирия одна из турецких газет заявила, что именно Сейфи, будучи руководителем политического департамента османского генерального штаба, составил стратегическую карту массовых убийств армян и, действуя в тесном сотрудничестве с доктором Б. Шакиром и под покровительством Центрального комитета партии Иттихад, мобилизовал с этой целью *çetes* (бандитов) Специальной организации.⁵ В этой связи весьма знаменательным

представляется то, что этот факт был подтвержден военным уполномоченным посольства Германии в Константинополе полковником, а позднее – генерал-майором Отто фон Лоссовым. В датированном 16 ноября 1916 г. сообщении германскому генштабу Лоссов констатирует, что за “депортацию армян” (*Armenierverschirckungen*) отвечали Сейфи и руководимый им II департамент в составе османского генштаба. “Именно он руководит этим делом и знает обо всем и во всех подробностях” (*der diese Sachen bearbeitet und genau orientiert ist*).⁶ Более того, полковник Фуат Балкан, один из высших руководителей Специальной организации, действовавшей на Балканах, в своих мемуарах, изданных в *Yakin Tarihimiz* (vol.2, 1962, p. 297), утверждал, что Сейфи руководил операциями Специальной организации из своего кабинета в генеральном штабе.

Мобилизация и депортация

Апеллируя к принципу “вооруженного нейтралитета”, Турция при поддержке немецких штабных офицеров, 2-3 августа 1914 года объявила всеобщую мобилизацию. Среди тех, на кого распространялся этот коварный план, были и мужчины армянской национальности, которых призвали на службу в три этапа. Сначала были призваны те, кому было от 20 до 45 лет, затем 15-20-летние и в конце – мужчины в возрасте от 45 до 60 лет, которых использовали в качестве вьючных животных для перевозки военного снаряжения.⁷ Примерно через месяц после этого, 6 сентября 1914 года, министерство внутренних дел посредством зашифрованного циркуляра направило властям провинций приказ держать под контролем армянских политических и общинных лидеров. Когда спустя примерно два месяца Турция наконец вступила в войну, осуществив упреждающее нападение на российские морские порты и суда в Черном море,⁸ военные, пользуясь чрезвычайным положением, стали прибегать к крайне жестоким мерам, обирая армянское население провинций, отбирая у них годами накопленное добро: конфисковывалось все, что подходило под весьма растяжимое понятие продовольственных запасов для нужд армии.⁹ Невзгоды и лишения усугублялись тем, что правительство часто провоцировало столкновения между армянами и жандармами и солдатами. Как заметил недавно один из турецких авторов, “систематические грабежи, нападения и убийства [армян] под предлогом поисков оружия, набора новых рекрутов, поимки дезертиров, стало повседневным явлением”.¹⁰ Имели место и отдельные случаи саботажа

со стороны некоторых лиц и групп армянской национальности.¹¹ Эта неспокойная ситуация достигла кульминации после того, как 24 апреля 1915 г. министерство внутренних дел санкционировало арест всех армянских политических и общинных лидеров, подозреваемых в антииттихадистских или националистических настроениях. Тысячи армян были пойманы и заключены под стражу. Только в Стамбуле в течение нескольких недель было арестовано 2 345 таких деятелей,¹² большая часть которых впоследствии была казнена. Многие из них не являлись националистами и ни в коей мере не были вовлечены в политику. Ни одному из них не были предъявлены обвинения в саботаже в военное время, шпионаже или в каком-либо другом преступлении и ни один из них не предстал перед судом по этим обвинениям.

Последней и решающей стадией доведения армянского населения до состояния полной беспомощности, явилась депортация. 26 мая 1915 г. (по новому стилю) министр внутренних дел обратился к великому визирю с докладной, содержащей просьбу провести через кабинет специальный закон, дающий право на депортацию. 29 мая меморандум был завизирован великим визирем, хотя кабинет вынес решение по этому поводу только 30 мая. Между тем, 27 мая в прессе уже было объявлено о принятии нового чрезвычайного закона, который назывался Временным законом о депортации.¹³ Не отсылая специально к армянам, закон этот давал право командующим армиями, командирам армейских корпусов, дивизий, а также комендантам местных гарнизонов отдавать приказ о депортации групп населения, заподозренных в шпионаже и предательстве, а также в тех случаях, когда этого требовали условия военного времени. Ключевым словом было “ощущение” (*hissetmek*); властям, которые были наделены полномочиями отдавать приказ о депортации, нужно было всего лишь ощутить, почувствовать угрозу или опасность.¹⁴ Эта весьма расплывчато сформулированная, однако стремительно подхваченная санкция привела к депортации огромного количества армянского населения Турции. По признанию одного из турецких историков, министр внутренних дел “намеревался поставить всех перед свершившимся фактом” и “протащил закон через кабинет”, начав осуществление депортации до того, как представил свой законопроект на рассмотрение.¹⁵ Однако необходимо отметить, что 4 ноября 1918 г., в ходе бурных дебатов в послевоенном османском парламенте, предметом которых были армянские погромы, масштаб жертв и ответственность правительства, Временный закон о депортации в конце концов был отменен “ввиду его несо-

ответствия конституции”. Предложение об отмене этого закона было сделано министром внутренних дел Фетхи Окяром.¹⁶ Таким образом, по иронии судьбы, турецкий парламент отменил закон, который им даже не обсуждался и не утверждался ранее, лишь тогда, когда население, ставшее жертвой этого закона, уже было уничтожено.

Экспроприация и конфискация имущества и капиталов

Дополнительный закон, вступивший в силу 10 июня 1915 г., содержал инструкции о том, как регистрировать собственность депортируемых, как гарантировать ее сохранность в одних случаях и избавляться посредством публичных аукционов — в других, сохраняя доходы для передачи владельцам по возвращении после войны.¹⁷ Другой Временный закон, обнародованный 26 сентября 1915 г., касался того, как распоряжаться имуществом и собственностью депортируемых, их долгами, кредитами и активами. Передавая сведения об этом новом законе в министерство иностранных дел Германии, Артур фон Гвиннер, директор *Deutsche Bank*, саркастически заметил, что все одиннадцать статей этого закона спокойно могли быть сведены к следующим двум: “1. Всё имущество армян должно быть конфисковано. 2. Правительство обналичит счета депортируемых и выплатит (или не выплатит) им их долги”.¹⁸

В отличие от Временного закона о депортации, который, будучи утвержденным кабинетом, не был ратифицирован парламентом, как того требовала 36 статья османской конституции, Временный закон об экспроприации и конфискации был вынесен османским парламентом на публичные обсуждения. За двухмесячный период, с 4 октября по 13 декабря 1915 г., единственным сенатором, выступившим против этой меры, был Ахмед Риза.¹⁹ Процесс этих обсуждений проливает свет на то, какие именно политические силы и приоритеты влияли на решения османского правительства.

Во время сессии Сената с 21 сентября по 4 октября 1915 г. сенатор Риза выступил перед своим правительством с прошением позволить депортированным, “сотням и тысячам женщин, детей и стариков, беспомощным, жалким, скитающимся по улицам и горам Анатолии, вернуться в свои родные места или обосноваться там, где они захотят, до того, как нагрянет зима”.²⁰ Затем он представил законопроект, в котором предлагалось отложить применение Временного закона до окончания войны.²¹

Сенатор Риза утверждал, что Временный закон противоречил 16 статье османской конституции, так как о его принятии было объявлено за два дня до созыва парламента. Далее он настаивал на том, что этот закон “противоречил также принципам законности и справедливости, и, следовательно, сначала он должен быть представлен в парламенте и только затем, после окончания войны, войти в силу. Таким образом, на основании 53 статьи конституции я требую изменений, как предложено в представленном нам законопроекте”.²² Последующие дебаты показали, что парламент ничего не знал об упомянутом Временном законе и что никто не знал, когда он будет вынесен в Сенат на рассмотрение и будет ли вообще когда-либо вынесен. А это означало, что ни одно предложение об изменениях не могло быть учтено. После того как сенатор Риза выразил озабоченность тем, что Временный закон может быть вынесен на рассмотрение Парламента слишком поздно или не вынесен вообще, Сенат проголосовал за то, чтобы передать его законопроект в сенатскую комиссию по правовым актам.

Во время сессии сената с 19 октября по 1 ноября 1915 г. сенатор Риза снова призвал своих коллег законодателей до наступления зимних холодов учесть страдания несчастных депортированных, скитающихся в горах Анатолии. Он потребовал, чтобы сенат ускорил предоставление помощи, согласно председателю сената, официально обещанной правительством.²³ Комментируя эти дебаты, известный турецкий историк Байур отмечает, что на сенатора Ризу оказывалось давление с тем, чтобы он отозвал свой законопроект; один из депутатов прикрикнул на Ризу: “Сейчас не время возбуждать сплетни”,²⁴ — намекая на щекотливый политический аспект массовых убийств, которые в то время все еще продолжались. Как утверждает Байур, больше всего нападков на сенатора Ризу было в ходе сессии с 24 ноября по 7 декабря 1915 г., когда сенат вынес решение рассмотреть законопроект только после того, когда он будет ему доложен. Как отмечает Байур, “прошло два с половиной месяца с тех пор, как законопроект был предложен, однако палата депутатов даже не приступила к его рассмотрению. Совершенно очевидно, что парламент намеревался санкционировать применение Временного закона, “заморозив” законопроект Ризы”.²⁵

Во время сессии с 30 ноября по 13 декабря 1915 г. сенатор Риза еще раз поднял голос протеста по поводу нарушения Конституции, которая запрещала применение какого бы то ни было закона до его ратификации парламен-

том. Так как закон был представлен палате депутатов после того как палата собралась, Риза утверждал, что этот вопрос уже стал делом законодательной ветви власти. Сконцентрировав внимание на основных элементах Временного закона, сенатор выдвинул следующее возражение:

Неправомерно называть собственность и имущество армян “брошенным имуществом” [*emvali metruke*], так как владельцы — армяне, не бросали свое имущество добровольно: они были насильно, принудительно [*zorla, cebir ile*] сняты со своих мест жительства и высланы. А теперь правительство через своих чиновников продает их имущество... Никто не может продать мое имущество, если я не захочу, чтобы его продали. Это запрещено 21-ой статьей Конституции. Если мы — конституционный режим, действующий в соответствии с конституционным правом, то мы не можем делать этого. Это чудовищно. Схватить меня за руку, выкинуть из моей деревни, затем продать мое имущество и собственность — этого никогда нельзя допускать, и этого не допустят ни совесть османов, ни закон.²⁶

О том, что эти дебаты действительно имели место, свидетельствует и сообщение, которое 4 ноября 1915 г. было отправлено Моргентау в государственный департамент. В сообщении говорилось также о том, что Талеат самолично оказывал давление на сенатора Ризу и грозился, что если тот будет продолжать агитацию в защиту армян, то против последних будут применены более жесткие меры. Согласно другим источникам, кабинет обещал изменить свое отношение к армянам, если Ахмед Риза и его друзья откажутся от запроса правительству. Ахмед Риза и его друзья так и сделали”.²⁷ Таким образом, Временный закон о брошенном имуществе не претерпел никаких изменений. И хотя впоследствии, 8 января 1920 года,²⁸ турецкое правительство, подписавшее перемирие, перед лицом победивших союзников аннулировало этот закон, разбушевавшиеся кемалисты 14 сентября 1922 г. восстановили его.²⁹

В ходе слушаний в ноябре-декабре 1918 г., проводимых Пятой комиссией османской Палаты, расследовавшей, среди прочего, массовые убийства военного периода, некоторые турецкие депутаты призвали бывшего министра юстиции Ибрагима к ответственности за незаконные аспекты экспроприации. Один из них указал на повсеместные “грабежи и хищения”, которыми сопровождалась конфискация.³⁰ Ибрагим признал, что имели место “злоупотребления”, которые расследовались его правительством.³¹ Другие наблюдатели не

были столь милосердны в своих оценках. Так, в подробном исследовании, посвященном геноциду армян, швейцарский историк Цюрлиндер цитирует “хорошо осведомленный немецкий” источник, согласно которому “то, что произошло, являлось, по сути, широкомасштабной экспроприацией имущества 1,5 миллиона граждан”.³² А американский консул Дж. Б. Джексон 19 августа 1915 г. особо подчеркнул ту огромную роль, которую сыграла конфискация в общей программе турецкого правительства по осуществлению геноцида, определив геноцид как “гигантский план разорения и последний удар, который должен был уничтожить [армянскую] расу”.³³ Этой точки зрения придерживается и турецкий историк Доган Авчиоглу, который подтверждает, что после европейских вмешательств 1856-78 гг., “возникла необходимость радикального решения этой проблемы. Национализация экономики была комплементарной частью этой политики. ...Среди тех, кто очень быстро разбогател за счет экспроприации имущества армян, были влиятельные члены партии [Иттихад], бывшие офицеры, которые были агентами партии, и турецкие иммигранты”.³⁴

Ни Временный закон о депортации, ни Временный закон об экспроприации и конфискации не упоминали армян или какую-либо другую национальность. Однако, во время тайных обсуждений, имевших место после Первой мировой войны в парламенте новоиспеченной турецкой республики, турецким депутатам было сказано, что общие формулировки использовались для того, чтобы скрыть от армян истинную цель закона. Этот факт всплыл во время дебатов 3 апреля 1924 г., когда депутат Муса Кязим выразил несогласие со 2 статьей проекта фискального закона, в котором использовалась маскирующая формулировка “политическая организация людей” (*siyasi zümre*), подразумевавшая немусульманские меньшинства. “Виновность человека должна определяться судом в законном порядке, — настаивал он. — По моему мнению, включение в закон экономического характера статьи, явно отдающей политикой, совершенно неприемлемо. Это постыдно. Я заклинаю вас позволить нам убрать ее”.³⁵ В ответ на этот протест министр финансов Гасан Фехми, представлявший парламентскую комиссию по подготовке упомянутого закона, объяснил, что закон, направленный против немусульман, получил именно такую формулировку, поскольку их прямое упоминание было связано с риском. Он сказал, что комиссия пришла к тайному соглашению с министром финансов относительно того, что закон не должен распространяться на мусульман. Таким образом, он раскрыл тот факт, что принятие во время войны — 13/16 сен-

тября 1915г. — Временного закона по экспроприации и конфискации прошло через аналогичную процедуру:

Не было уничтожено имущество ни одного мусульманина... эти факты можно установить, изучив старые записи тайных обсуждений. В то время парламент тайно заручился гарантиями министра финансов относительно того, что закон этот не будет распространяться на мусульман, которые из-за войны покинули места своего жительства. Мы объявили об этом законе всему миру только после того, как зарегистрировали эти гарантии. В настоящее время мы повторяем ту же процедуру.³⁶

Депутат Кязим снял свое ходатайство, и закон был утвержден.³⁷

Убийства во время геноцида

Вопреки заверениям османских властей, провозгласивших эти чрезвычайные законы, армяне не вернулись из депортации.³⁸ Депортация была ширмой для последовавшего уничтожения. Как отметил американский посол Морган-тау:

Истинной целью депортации были грабеж и уничтожение; на самом деле это была просто новая форма массового истребления. Отдав приказ о депортации, турецкие власти тем самым вынесли смертный приговор целому народу. Они прекрасно понимали это, и в беседах со мной они и не пытались скрыть этот факт.³⁹

Только по официальным данным, представленным турецкой стороной, число убитых составило 800 000,⁴⁰ не считая десятки тысяч призванных в армию, которых уничтожили сами военные. И снова Моргантау:

Очень часто армянских солдат уничтожали группами, так как их хладнокровный расстрел стал обычной повседневной практикой. Почти во всех случаях процедура была одинаковой. В разных местах собирали группы от 50 до 100 человек, привязывали друг к другу по четыре а потом выводили в уединенное место недалеко от деревни. Внезапно воздух наполнялся выстрелами, и конвой турецких солдат угрюмо возвращался в лагерь. Те же, кого посылали хоронить тела, почти всегда находили их полностью обнаженными, поскольку турки, как всегда, крали всю их одежду. В тех

случаях, с которыми мне довелось столкнуться, убийцы действовали более изощренно: чтобы прибавить страданий жертвам, они заставляли их рыть себе могилы.⁴¹

В сообщении своему послу в Стамбуле (2 октября, 1916 г.) заместитель министра иностранных дел Германии Циммерман, который спустя шесть недель заменил министра иностранных дел Ягова на его посту, осуждал убийства, которыми сопровождалась депортация, а также насильственное “массовое обращение” в ислам армянских детей, родители которых были убиты, считая, что это должно было вызвать “недогование всего цивилизованного мира”.⁴² Он добавлял, что обсуждал свои чувства по этому поводу с министром иностранных дел Турции Халилем. Описывая в этом сообщении предпринятые на официальном уровне меры по депортации, Циммерман использовал фразу “под видом законности”.⁴³

Тем не менее, если проследить связь между незаконным указом о всеобщей мобилизации, с одной стороны, и незаконным указом о депортации — с другой, то и здесь помощь Германии станет очевидной (см. прим. 15). Историк Байур также подтверждает, что всеобщая мобилизация была запланирована, тщательно подготовлена и в административном плане организована с помощью германских офицеров, служивших при военной миссии Германии. Отделом военного министерства, который занимался всеобщей мобилизацией, руководил полковник Кресс фон Крессенштейн.⁴⁴ Несмотря на то, что эта мобилизация преследовала и много других целей, она стала основным поводом для скорейшего осуществления плана геноцида. После того как все физически здоровые мужчины армянской национальности были уведены из своих городов, деревень и сел и изолированы в таких условиях, что, по сути, оказались в западне, армянская община стала почти совершенно беспомощной, что превратило ее в легкую добычу. Это был мастерский удар, так как одним попаданием были выполнены все три задачи, поставленные перед операцией по травле населения, выбранного в качестве жертвы: а) насильственное перемещение; б) изоляция; в) концентрация с целью облегчения истребления. Вот почему война предоставляет оптимальную возможность господствующей группе, намеревающейся уничтожить беспомощное меньшинство, сделать это, предварительно окрестив его “внутренним врагом”.

Примечания к главе 14

1 Vahakn N. Dadrian, “The Secret Young-Turk Ittihadist Conference and the Decision for the World War I Genocide of the Armenians”, *Holocaust and Genocide Studies* 7, 2 (Fall, 1993). Один армянин, который был членом *Deutscher Verein* военного периода в Смирне (Измир) и имел контакты со многими информированными немцами, упоминает 26-ое февраля 1915 года как дату, когда 75 высокопоставленных иттихадистов собрались по инициативе военного министра Энвера, чтобы обсудить “вопрос, не терпящий отлагательств”. Согласно этому источнику, план геноцида был доведен до конца именно на этом тайном собрании. Согласно имеющейся информации, участники собрания выразили свое согласие возгласами “Время пришло!” (*vakti gelmiştir*) “Най Агхедеен Усгуспнабджару” (Первопричины армянской катастрофы), *Tashink* (армянская ежедневная газета в Смирне), January 30, 1919. Эта дата соответствует более или менее схожим датам, предоставленным двумя хорошо информированными турецкими источниками, которые отмечают временной отрезок, когда др. Б. Шакир вернулся в Стамбул из Эрзрума. Согласно Филибели Хилми, иттихадистскому инспектору в Эрзруме и помощнику Шакира в организации геноцида в восточных провинциях Турции, целью его поездки было убедить высшее руководство Иттихада позволить ему осуществить задуманный план, дав Специальной организации Восток — структуре, созданной им и находившейся под его командованием, полную автономию, т.е. свободу действий. На тот момент основным планом Шакира было напасть на армян “как на внутренних врагов... угрожавших тылу турецкой армии”. А. Мил, “Umumi Harpte Teşkilâti Mahsusa”, installment no. 100, *Vakit* February 12, 1934. Его отъезд в Стамбул описывается в выпуске no. 98 (опечатка, должно быть 96), February 8, 1934. Генерал Али Ихсан Сабис, в *Harp Hatıralarım* (Мои военные мемуары), vol. 2 (Ankara, 1951), p. 192, упоминает дату 28 февраля/ 13 марта 1915 г. как дату поездки Шакира в Стамбул на собрание.

2 Поверенный посольства Германии фон Нейрат 12 ноября 1915 г. проинформировал Берлин о следующем: “Согласно достоверному источнику, турецкое правительство, вопреки всем своим уверениям, решило депортировать армян также из Константинополя”. А.А. Türkeri, 183/40, A33705. 7 декабря 1915 г. посол Германии Меттерних сообщил в Берлин, что незадолго до того четыре тысячи армян были выселены из Константинополя, что общее число депортированных из османской столицы к тому времени достигло тридцати тысяч и что “постепенно будет осуществлена полная чистка оставшихся в османской столице 80 000 армян”. А.А. Türkeri, 183/40, A36184. Дополнительные факты, подтверждающие план депортации армян, проживавших в Стамбуле, см. в S. Zurlinden, *Der Weltkrieg*, vol. 2 (Zürich, 1918), p. 705. См. также А. Тоунбее, *Armenian Atrocities: The Murder of a Nation* (London, 1915), 77-78; шифровка No. 1121 посла Моргентау от 4 октября 1915 г. U.S. National Archives. R.G. 59, 867. 4016/159; А. Рефик, *İki Komite İki Kital* (Istanbul, 1919), 23-24. Этот офицер турецкой разведки рассказывает об увиденных им самим “зверских” убийствах жертв, проживавших в городах “которые находились далеко от зон, где проходили военные действия”. Однако гораздо существеннее его следующее заявление: “Я даже слышал, что намечено перемещение всего армянского населения Стамбула”. Там же, p. 40. В австрийском докладе говорится о том, что в османской столице имели место предупредительные облавы, бы-

ло арестовано большое число армян, представлявших более низкие слои населения и что в благоприятный момент могли быть пойманы и выселены армяне, представлявшие высший социальный слой. *Foreign Ministry Archives of Austria*. XL Interna. Konfidentenberichte 1914-1918, No. 272. Forderung zur Türkisierung des Reiches. Situationsbericht No. 312. Konstantinopel, August 27, 1915. См. также следующие работы, в которых содержатся свидетельства находившихся в Стамбуле очевидцев — немецких корреспондентов и американского дипломата. В своем “сверхконфиденциальном” докладе корреспондент *Kölnische Zeitung*, одной из ведущих газет Германии, рассказывает о процедуре постепенного уничтожения армянского населения столицы, которая распространялась сначала на провинциалов, затем на одиноких и только после этого на женатых и их семьи. Высмеивая утверждение правительства о том, что арестовываются только лица, заподозренные в предательстве, корреспондент утверждает: “...Наиболее систематичным образом депортируются именно самые безобидные жители, как например, два сторожа моего дома: они просто исчезли после того, как их взяли под стражу... У меня есть достоверная информация о том, что аресты производятся наугад. Осмотрительность и осторожность в процедуре проведения этих действий обусловлены присутствием послов; как только в провинциях дело будет доведено до конца, подойдет черед столицы. Таково общее впечатление протурецких немцев”. A.A. Türkei, 183/38, A30432. Этим корреспондентом был Эрнст фон Нахмер, два доклада которого, датированные 5 и 6 сентября, вместе составляли 22 страницы; цитаты приведены с 3-4 сс. Его *Nachlass* (записки) содержатся в *Deutsches Zentralarchiv*, Potsdam. Другой корреспондент представляет подробности массовых арестов в Константинополе, для которых были определены ежедневные квоты: “Согласно информации доверенных турок, которые находились в тесном контакте с полицейской организацией и были осведомлены о системе депортации, ежедневно из определенных кварталов города должны были быть доставлены от 200 до тысячи человек”. H. Stürmer, *Two Years in Constantinople*, E. Allen trans. (New York, 1917), 51, 53-55, 62-63; оригинал на немецком в *Zwei Kriegsjahre in Konstantinopel* (Lausanne, 1917), 44, 46-49, 54-55. Французский демограф также подтверждает, что армянское население в Константинополе подвергалось “облавам на улицах и уничтожалось”. Daniel Panzak, “L'enjeu du nombre. La population de la Turquie de 1914 à 1927”, *Revue du Monde Musulman de la Méditerranée* 50, 4 (1988): 61. И наконец, можно сделать ссылку на американского дипломата, находившегося на службе в Турции во все время геноцида. 23 августа 1915 г. он сделал в своем дневнике следующую запись: “В столице... аресты армян стали каждодневным явлением”. В записи, сделанной 8 сентября, он говорит о новых арестах больших групп армян “и новом чувстве ужаса”. Lewis Einstein, *Inside Constantinople* (New York, 1918), 253, 285. Пытаясь доказать, что антиармянские меры военного периода не были нецелены на осуществление геноцида, некоторые ученые, стремясь защитить репутацию и интересы Турции, наряду с Константинополем приводят в пример Смирну (Измир), который также избежал депортации, что свидетельствует об отсутствии всеобщего плана по уничтожению. Однако, как показывают немецкие, австрийские и американские документы, большинство армянского населения Смирны избежало депортации не по доброй воле иттихадистов, а вопреки их усилиям провести ее. Эти усилия оказались тщетными благодаря вмешательству немецкого генерала Лимана фон Сандерса, который в тот период командовал войсками в этом регионе. Он пригрозил, что прибегнет

к военной силе, если новые группы армян будут отобраны и депортированы из города, добавив, что он не горел желанием защитить армян, а лишь защищал военные интересы и цели, которые могли быть сорваны из-за “депортации столь массового характера”. Депортация была немедленно приостановлена. A.A. Türkei, 183/45, A31127, No.703; Austrian Foreign Ministry Archives PA 12. Karton 463. No. 89/P. U.S. National Archives, RG. 59.867.00/802.5. Генерала Сандерса поддержал министр иностранных дел Германии Циммерман. A.A. Türkei, 183/45, A30700, No. 1301.

3 W. Churchill, *The World Crisis: The Aftermath* (London, 1929), 405.

Об этих зверствах свидетельствуют объемистые тома на английском, немецком и французском языках, основанные преимущественно на информации нейтральных наблюдателей (швейцарцев, американцев, шведов), а также немецких и австрийских гражданских и военных служащих, находившихся в Турции в качестве ее военных союзников. (1) J. (Viscount) Bryce, *The treatment of the Armenians in the Ottoman Empire 1915-1916*, His Majesty's Stationery Office, Miscellaneous No. 31, A. Toynbee, compiler, (London, 1916). (Виконт Брайс, который является также автором классической работы *The American Commonwealth* (1888), с 1870 по 1893 гг. был профессором королевской кафедры гражданского права в Оксфорде, в 1880 г. стал членом парламента, а с 1907 по 1913 гг. был послом в США и в 1911 г. подписал англо-американский договор об арбитраже. После войны он был назначен председателем Королевской комиссии по германским зверствам в Бельгии, а впоследствии стал членом Гаагского Постоянного арбитражного суда); (2) J. Lepsius, *Deutschland und Armenien 1914-1918* (Berlin, 1919); (3) A. Beylerian, *Les Grandes Puissances, L'Empire Ottoman, et les Arméniens dans les Archives Françaises 1914-18* (Paris, 1983). В связи с тем, что первый том был составлен во время войны, многие критики поставили под вопрос ее непредвзятость и взвешенность. Чтобы доказать достоверность работы, Брайс перед тем, как опубликовать ее, представил материалы ряду ученых для оценки. Среди них был Джильберт Мюрей, профессор королевской кафедры Оксфорда, который заявил: “Я осознаю, что когда идет травля, страсти накаляются... Однако свидетельства, представленные в этих письмах и докладах, выдержат любую придирку и любой скептицизм. Их подлинность не вызывает никаких сомнений...” р. xxxi. Г.А.Л. Фишер, проректор Шеффилдского университета, заявил: “...Где бы и когда бы ни изучались собранные здесь свидетельства... они убедят любого честного исследователя... Они подкрепляются докладами, полученными от датчан, швейцарцев, немцев, итальянцев и других иностранцев... Совершенно ясно, что катастрофа, которая по своим масштабам не имеет аналогов в современной истории, была запланирована именно против армянского населения Османской империи”. Р. xxix. Мурфильд Сторей, бывший президент Американской ассоциации адвокатов, заметил:

У меня нет сомнений в том, что, несмотря на некоторые неточности в подробностях, эти отчеты, бесспорно, устанавливают основные факты. Не следует забывать о том, что в подобных случаях бывает очень сложно собрать свидетельства очевидцев: жертвы в основном не остаются в живых, а преступники не признаются... Учитывая обстоятельства, из всего, что вообще доступно, заявления, которые вы печатаете, являются наилучшим свидетельством. Они принадлежат людям, которые занимают должности, придающие весомость их словам, или же тем людям, у которых нет причин прибегать к фальсификации, и представляется не-

возможным, чтобы такой объем совпадающих свидетельств был сфабрикован... На мой взгляд, опубликованные вами данные... вне всякого сомнения, устанавливают как намерение турецких властей практически искоренить армян, так и их ответственность за ужасающие зверства, учиненные против этого несчастного народа.

pp. xxxi, xxxii. Комментируя компетентность и дотошность Тойнби в подборе материалов, Брайс отметил, что “Ничто не дает повода усомниться в правдивости, представлены одни лишь факты, вопросы, касающиеся будущей политики, старательно и предусмотрительно обойдены”, р. xvi. В своей записке проректору Фишеру сам Тойнби охарактеризовал эту работу как “ужасный отрезок истории. К счастью, когда ты поглощен редактированием и упорядочиванием документов, отношение к самим явлениям притупляется”. FO 96/206/IV, Aug. 4, 1916. В циркуляре, разосланном вместе с книгой 250 американским изданиям, Тойнби отмечал: “Дьявольская суть совершенных зверств и преднамеренный, систематический план, по которому они были организованы из Константинополя, кажутся мне самым ошеломляющим из всего, что произошло”. Там же. В докладе, отправленном из Самсуна 26 мая 1917 г., хорошо осведомленный австрийский генеральный консул Эрнст фон Квиатковски писал своему правительству в Вену: “Насколько мне удалось ознакомиться с книгой, могу сказать на основании своих собственных восприятий и информации, коей я располагаю, что книга в основном отражает правду”. *Austrian Foreign Ministry Archives* PA 12. Karton (or box) 463. Z. 21/P.

4 А. Refik (Altınay), *İki Komite İki Kital* (Два комитета и две резни), (Istanbul, 1919), 40. Отвергая эту агитацию как грубейшую пропаганду, которая “не поддается никакой логике”, Рефик возвращается к своей основной теме, суть которой сводится к тому, что под видом депортации и переселения в связи с военными действиями, Иттихад преследовал цель “уничтожения (*imha*) армян”, Там же, 23. Позднее Рефик стал профессором истории стамбульского университета. В своих мемуарах министр внутренних дел Талеат, стремясь представить предпринятые им антиармянские меры как упреждающие по своей сути и вызванные военной необходимостью, еще раз говорит о неизбежном восстании армян в Стамбуле и открытии проливов для флота союзников. *Talât Paşanın Hatıraları* (Мемуары Талеата-паши), Е. Boyalir, ed. (Istanbul, 1946), 73.

5 Речь идет о ежедневной газете *Sabah*, из которой армянская ежедневная газета, вероятно, спустя один или два дня перепечатала декларацию в краткой форме. *Ariamard* (то же, что и *Djagadamard*), 13 декабря 1918 г. Это свидетельствует о неограниченной власти полковника Сейфи, выпускника Стамбульской турецкой военной академии и на протяжении долгого времени сподвижника военного министра Энвера по Иттихаду; позднее, уже при турецкой республике он стал генералом Дюзгёреном. Согласно и.о. госсекретаря США Уильяму Филлипу, Сейфи “был наделен огромной властью”. FO 371/4173, folio 345 (March 20, 1919), (доклад послу США в Англии Джону Дэвису, по оценке которого Сейфи должен был нести ответственность как один из основных военных преступников). Как было отмечено в прим.1, во время перемирия в руки британской разведки попал документ из досье отдела по национальной безопасности министерства внутренних дел Турции, в котором Сейфи характеризуется как один из пяти высших руководителей Иттихада, являвшихся авторами плана геноцида армян. FO 371/4172/31307, folio

386. Относительно провокационного содержания периодического военного издания *Polis Mecmuası* под редакцией Сейфи см. Н. Sigounee, “Yegern Mu Yev Eer Badmoutyunu” (Геноцид и его история), *Eichmiadzin* (официальное периодическое издание Католикосата в Армении), (February – March - April joint issue, 1965): 20, and G. Kapigian, *Yegernabadoum* (Хроника геноцида... в Сивасе), (Boston, 1924) 89. Турецкое правительство работало также над тем, чтобы отвести от себя вину за окончательное истребление армян посредством Специальной организации. Членами этой организации в основном были ранее судимые преступники, которых без труда можно было представить как истинных злодеев и людей, “не подвластных правительству и не контролируемым им”. На этот метод указывает один из американских авторов, характеризующих неконтролируемую “группу бандитов”, из которых состояла Специальная организация, как “тайную, пользовавшуюся достаточно дурной репутацией группу”. Р. Stoddard, *The Ottoman Government and the Arabs, 1911 to 1918: A preliminary Study of the Teşkilâtî Mahsusa* (Ann Arbor, 1964), 49.

6 А.А. Botschaft Konstantinopel, vol. 174. Редактор издания военного периода *Die Nationalverteidigung* (периодическое издание на немецком языке, продвигавшее интересы Германии в Турции) и ее имевшего политическую направленность ответвления – франкоязычной газеты *La Defense* в своих послевоенных мемуарах критикует Сейфи, называя его безжалостным властелином, управлявшим османским генштабом. Как отмечает этот редактор, Сейфи, будучи там главой II-ого отдела, организовал ликвидацию османских армян посредством “систематических массовых убийств”. Как известно, полковник Сейфи руководил пресловутыми “федаями”, которые в большинстве своем входили в состав банд убийц Специальной организации – основного инструмента при осуществлении геноцида армян. Сейфи обрисовывается и как основной грабитель, сколотивший огромное состояние посредством присвоения богатств жертв предпринятых им смертоносных мер и ряда сделок на черных рынках Германии и Швеции во время войны, Mehmed Zeki Bey, *Raubmörder als Gäste der deutschen Republik* (Berlin, 1920), 35, 37. Согласно корреспонденту одной из германских газет, Зеки был орудием посольства Германии в Константинополе, на которое он работал в качестве агента разведки (*Gewährsmann*), собирая информацию у многих влиятельных турок с которыми он общался на различных уровнях, включая деловой. Strümer, *Two Years* [n.2], 142; в немецком оригинале, *Zwei Jahre* [n.2], 124.

7 Американский посол Моргентхау следующим образом описывает, как армян-новобранцев использовали в качестве вьючных животных, а затем уничтожали:

На их спины была взвалена армейская экипировка всех видов; спотыкаясь под столь тяжким грузом, они подгонялись кнутами и штыками турок... почти по пояс в снегу... Если кто из этих мучеников и умудрялся добраться до места назначения, то их часто убивали. Во многих случаях от солдат-армян избавлялись сразу группами, так как хладнокровный расстрел армян стал обычным явлением.

Н. Morgenthau, *Ambassador Morgenthau's Story* (New York, 1918), 302. Относительно приказа о воинском призыве см. депешу Моргентхау от 10 августа 1915 г. в Вашингтон в Национальном архиве США. RG. 59. 867. 4016/74, и G. Vardar, *İttihad ve Terakki İçinde Dönerler* (Закулисная история Иттихада), S.H. Tansu, ed., (Istanbul, 1975), 271.

- 8 U. Trumpeper, *Germany and the Ottoman Empire 1914-1918* (Princeton, 1968), 51.
- 9 Комментируя эти реквизиции, др. Генри Штюрмер, стамбульский корреспондент влиятельной немецкой ежедневной газеты *Kölnische Zeitung*, отмечал:
 Когда я говорю о реквизициях, я не имею в виду, что по военным нуждам забирались зерно, скот, транспортные средства, быки и лошади, оборудование и так далее... Я не это имею в виду, хотя из-за того, как это все осуществлялось, страна истощилась намного больше, чем того требовала необходимость, так как в деревнях этим занимались неграмотные, жестокие, фанатичные мелкие чиновники, а в городе всячески изошрялись центральные власти. Слишком часто это носило форму насильственной “национализации”, в результате которой собственности и прав лишались в основном армяне, греки и другие подданные остальных стран Антанты.
- H. Strümer, *Two Years* [п. 2], 115.
- 10 Taner Akçam, *Türk Ulusal Kimliği ve Ermeni Sorumu* (Турецкая национальная идентичность и Армянский вопрос), (Istanbul, 1992), 109. См. также J. (Viscount) Bryce, *Treatment* [п. 3], 33-36 (свидетельские показания очевидца событий, американской медсестры Грейс Напп); см. также C. Ussher, *An American Physician in Turkey* (Boston, 1917), 264-65; R. De Nogales, *Four Years Beneath the Crescent*, M. Lee, trans., (New York, 1926), 60-70, 80-89, 95 (подробное описание венесуэльского офицера, который руководил турецкой артиллерией во время подавления обороны Вана).
- 11 Моргентау рассказывает: “некоторые армяне были полны решимости защищать свою жизнь и честь своих женщин от насилия... Для турецких жандармов не было ничего святого. Обыскивая под предлогом поиска спрятанного оружия, они оскверняли церкви, алтари и священную утварь... Они избивали священников до потери сознания”. Н. Morgenthau, *Ambassador* [п.7], 304-305. Комментируя свои откровенные беседы с “влиятельными турецкими деятелями”, вице-консул Германии в Эрзруме капитан фон Шёбнер-Рихтер в своем отчетном докладе от 4 декабря 1916 г. канцлеру в Берлин, раскрывает турецкий план, заключавшийся в том, чтобы спровоцировать армян на “действия по самообороне”, которые в дальнейшем послужили основанием для “преувеличенных описаний” армянского повстанчества, а следовательно и “поводом” для последующих массовых убийств. А.А. Türkei 183/45, A33457. 26 апреля 1915 г. германское консульство в Адане передало в посольство Германии немецкий текст пространного доклада, в котором армянский Верховный Патриарх киликийского престола с горечью жаловался Патриарху Стамбула на “зверское насилие и ужасающее обращение с единственной целью спровоцировать мирных людей на крайние меры для того, чтобы правительство получило возможность оправдать массовые истребления”. А.А. *Botschaft Konstantinopel*, 168 (No. 2540); см. также J. Lepsius, *Deutschland* [п. 3], 53-54. Совершенно очевидно, что целью этих провокаций было создание оснований для того, чтобы иметь возможность отправлять в Стамбул османскому верховному командованию и руководству партии крайне преувеличенные донесения относительно повстанческих действий армян. В своих показаниях, написанных по требованию послевоенного турецкого трибунала, военный комендант округа Йозгат в провинции Анкары, бывший одновременно руководителем призывной комиссии, признал, что имела место “подготовка официальных и неофициальных рапортов военным властям, в основном командующим армейскими корпусами и дивизиями, по-

- носящих армян и тем самым подготавливающих почву для применения против них радикальных мер”. Майор Мехмед Салим (*Yozgat Şube Reisi ve Mevki Kumandanı*), копия письменных показаний содержится в архивах армянского патриаршества в Иерусалиме, под буквой “h” армянского алфавита (поизносится “ho” – 16-ая буква, а не “hee” – 21-ая), File 21, M572, датировано 5 января 1919 г.
- 12 E. Uras, *Tarihte Ermeniler ve Ermeni Meselesi* (Армяне и Армянский вопрос в истории) 2nd ed., (Istanbul, 1976), 612.
- 13 Текст закона на англ. яз. см. в R. Hovannisian, *Armenia on the Road to Independence 1918* (Berkeley, CA, 1967), 51.
- 14 *Takvimi Vekâyi*, No. 2189 (May 19/June 1, 1915)
- 15 Y. Bayur, *Türk* [п.44], 3, Part 3 (1957). 38. Â T.Z. Tunaya, *Türkiyede Siyasal Partiler* (Политические партии в Турции), vol. 1, 2-ое расширенное издание, (Istanbul, 1984), 579; автор характеризует этот “свершившийся факт” как типичный для Иттихада, склонного к тому чтобы обходить официальные правительственные каналы. Согласно показаниям министра финансов Джавида, приказ о всеобщей мобилизации 2/3 августа 1914 г. также был отдан до того, как получить одобрение кабинета. Vakit (Istanbul), *Harb Kabinelerinin Isticvabi* (Слушания кабинетов военного периода) (Istanbul, 1933), 81 [далее – *War Cabinets` Hearings*].
- 16 *Meclisi Mebusan Zabıt Ceridesi* (Стенограммы слушаний в палате депутатов). Период третьего созыва. Пятая сессия. Одиннадцатое заседание. 4 ноября 1918 г., pp. 114-16. Этот факт противоречит утверждению Камурана Гюрюна о том, что 15 сентября 1915 г., когда османский парламент был снова созван, он обсудил этот Временный закон и “принял” его. Kamuran Gürün, *The Armenian File. The Myth of Innocence Exposed* (New York, 1985), 209; p.104, турецкая версия.
- 17 FO 371/4241/170751. 34 статьи воспроизведены в *Documents*, vol.1, (Ankara, 1982), 76-80. (свод шифров и букв, собранных отделом прессы и информации премьер-министра Турции для того, чтобы оправдать или разъяснить антиармянские меры). См. также *Takvimi Vekâyi* от 1/14 октября 1916 г.
- 18 А.А. Türkei 183/39, A29127, доклад от 7 октября 1915 г. Французский текст 11-и статей в А.А. Türkei 183/39, A29127, и J. Lepsius, *Deutschland* [п. 3], 214-16. Австрийский военный уполномоченный выразил свое отношение к этому закону, назвав “все это комедией”. J. Pomiankowski, *Der Zusammenbruch des Osmanischen Reiches* (Vienna, 1969), 169.
- 19 J. Lepsius, *Deutschland* [п. 3], 216-18. Сенатор Ахмед Риза был одним из основных создателей Иттихада, однако впоследствии он стал инакомыслящим и яростно боролся против злоупотреблений Иттихада. 19 октября 1919 г. в своей первой после окончания войны речи в Сенате Риза взывал к памяти “зверски убитых армян”. А.А. Türkei 201/9, A46488. В точности цитируя сенатора, Тунаи воспроизводит его слова на турецком – “*vahşice öldürülen*”. *Türkiyede* [п. 15], vol. 3, 156. На самом деле сенатор употребил фразу “*vahşiyane öldürülen Ermeniler*”. *Meclisi Âyan Zabıt Ceridesi* (Стенограммы слушаний в сенате). Период третьего созыва. Пятая сессия. Второе заседание. 19 октября 1918 г. с.8,
- 20 J. Lepsius, *Deutschland* [п. 3], 216.
- 21 На этот случай законопроект имел дополнения к статье 2 Временного закона, в котором го-

ворилось следующее: “Этот закон вступает в силу после окончания Мировой войны и через месяц после подписания мирного договора”. *Meclisi Âyan* [n. 19], Первая сессия. Двадцать восьмое заседание. 28 сентября, 1919 г., с. 441.

22 Там же, 441. См. также J.Lepsius, *Deutschland* [n. 3], 217. Специальные ссылки на стенограммы записей в сенате, относящихся к сессии, во время которой сенатор Ахмед Риза представил интеллектуальную в защиту армян, см. Tunaya, *Türkiyede* [n. 15], 577 n. 48, и S. Akşin, *Istanbul Hükümetleri ve Milli Mücadele* (Стамбульские правительства и национальная борьба), vol. 1 (Istanbul, 1983), 42-43 n. 59.

23 А.А. Türkiye 183/39, A33514, доклад от 19 октября/1 ноября 1915 г.

24 Y. Bayur. *Türk* [n. 15], 46.

25 Там же, 46-49, 522 *Meclisi Âyan* [n. 19], Вторая сессия. Десятое заседание. 30 ноября 1915 г., 133-34.

26 Турецкий историк Ахмед Рефик, очевидец многих процедур экспроприации, рассказывает об одном случае в городе Анкаре, где, как известно, армян принудили вернуть деньги, полученные ими сразу после продажи их собственности местным туркам. С чувством негодования и стыда Рефик писал: “Ни одно правительство в истории никогда не совершало столь злостного преступления (*gaddarane bir cinayet*). Придет день расплаты за совершение этого преступления против человечества” (*beşeriyet namına bir cinayet*). *İki Komite* [n.4], 41-42.

27 U.S. National Archives. R.G. 59, 867.00/797 S; U.S. Foreign Relations. L. p. 763. Дополнительное подтверждение предполагаемого соглашения между сенатором Ризой и иттихадистским правительством можно найти в А.А. Türkiye 183/39, A33514.

Значение экономических мотивов в осуществлении геноцида подчеркивается следующим инцидентом, который описан послом Моргантау в его дневнике военного времени:

Однажды Талеат выдвинул, возможно, самое удивительное требование, какое мне когда-либо доводилось слышать. Компании “Нью Йорк Лайф Иншуранс” и “Эквитабл лайф оф Нью Йорк” на протяжении долгих лет вели дела с армянами. То, в какой мере эти люди страховали свои жизни, было еще одним индикатором их бережливости.

“Я бы хотел, — начал Талеат, — чтобы вы сделали так, чтобы американские страховые компании отправили нам полный список армян, которые являлись их клиентами. Почти все они мертвы и не оставили наследников, которые забрали бы деньги. Все это, конечно же, отходит государству. Теперь их бенефициарием является правительство. Вы сделаете это?”

Это было уже слишком, и я потерял самообладание. “Вы не получите такого списка от меня,” — сказал я, поднялся и покинул его.

H.Morgenthau, *Ambassador* [n.7], 339.

28 G. Jaeschke, *Türk İnkilâbi Tarihi Kronolojisi 1918-1923* (Хронология турецкой революции), N.R. Aksu, trans. (Istanbul, 1939), 61 (*çıtama* Takvimi Vekâyi, No.3747).

29 Там же, 136 (*çıtama Kavanin Mecmuası*, vol.1, 482 (1922), (*Кодекс публичного права новоиспеченного правительства Анкары*)). Есть несколько работ, относящихся к вопросу конфискации во время войны. После пространных правовых дебатов четверо известных экспертов в области международного права (трое из которых были из парижского университета, а четвертый — из

санктпетербургского) пришли к заключению, что выжившие армяне имели право как на возврат своего имущества и собственности, так и на крупные компенсации. Эти аргументы собраны в книге, изданной Центральным комитетом армянских беженцев, *Confiscation des Biens des Réfugiés Arméniens par le Gouvernement Turc* (Paris, 1929). Некоторые из последних работ: K.Baghjian, *La Confiscation par le Gouvernement Turc des Biens Arméniens... Dits Abandonnés* (Montréal, 1987); S. Toriguian, *The Armenian Question and International Law* 2nd ed., (La Verne, CA, 1988), 85-96; L.Vartan, *Haigagan Dasnuhinku yev Hayeru Lukial Kouykeru* (Армянский 1915 г. и брошенное имущество армян) (Beirut, 1970).

30 *War Cabinet's Hearings*, [n.15], 527. Эти злоупотребления были обнародованы в некоторых мемуарах и в ходе публичных дебатов. 6 декабря 1920 г. в Великой национальной ассамблее депутат Трапезунда Али Шюкрю жаловался на то, что “так называемое брошенное имущество в конце концов стало собственностью хапуг”. *Yakin Tarihimiz*, 4, [1962]: 77. Аналогичное наблюдение было сделано и на сессии Ассамблеи 18 ноября 1922 г. депутатом от Йозгата Фейзом Али. *Türkiye Büyük Millet Meclisi Gizli Celse Zabıtları* (Стенограмма тайных сессий Большой национальной ассамблеи Турции), vol.3 (Ankara, 1985), 1065. Более того, в своих мемуарах министр экономики Джавид признал, что 9 ноября 1918 г. он приказал израсходовать 1 миллион турецких фунтов, вырученных из плана по брошенному имуществу. *Tanin*, 30 августа 1945 г. Пока шли публичные дебаты, в ходе которых некоторые известные турки обвиняли друг друга в воровстве и хищении имущества и богатства, принадлежавшего депортированным армянам, бывший генерал-губернатор провинции Эрзрум Гасан Тахсин (Узер), желая опровергнуть выдвинутые против него на основании определенных подозрений обвинения, в открытом письме в турецкую газету сделал следующее заявление: “До депортации армяне Эрзрума сдали свои изделия из золота и драгоценности на хранение в Банк Оттомани и получили квитанции. После депортации министерство финансов воспользовалось законом о брошенном имуществе, чтобы предъявить права на эти депозиты. Банк отказал. Однако после долгих переговоров и предоставления со стороны министерства материальных гарантий стороны пришли к соглашению, что все банковские депозиты эрзрумских армян будут переведены министерству финансов. В результате Джемал-бей, военный губернатор Эрзрума, и Джелал-бей, директор филиала Банка Оттомани в Эрзруме вместе запечатали пакеты, после чего Джемал-бей отвез их в Стамбул и передал в министерство финансов, получив за них квитанцию. Эта квитанция до сих пор у меня, и я готов опубликовать ее копию”. *Cumhuriyet*, December 19, 1924.

31 *War Cabinet's Hearings*, [n.15], 519.

32 S. Zurlinden, *Der Weltkrieg*, vol.2 (Zürich, 1918), 596.

33 U.S. National Archives. R.G. 59.867. 4016/148 (вложение в доклад посла Моргантау от 30 августа 1915 г.)

34 D. Avcioğlu, *Milli Kurtuluş Tarihi*, (История национального освобождения), vol.3, (Istanbul, 1974), 1137, 1141. Сина Акшин также утверждает, что осуществление депортации армян преследовало экономические цели: избавиться от доминирующей роли меньшинства и конкуренции с ними в бизнесе и промышленности, дав возможность мусульманам контролировать эти сферы. См. Sina Akşin, *100 Soruda Jön Türkler ve İttihat ve Terakki* (Иттихад ве Теракки в контексте 100 вопросов),

(Istanbul, 1980), 283.

35 *Türkiye Büyük Millet Meclisi Gizli Celse Zabıtları* [n.30], vol. 4, p. 429 (Стенограмма тайных сессий Великой национальной ассамблеи Турции, 2 марта 1923 г. – 25 октября 1934 г.), (28-ая тайная сессия, второе заседание).

36 *Там же*. Объяснения бывшего министра финансов Гасана Фехми (Атач) столь же значимы, сколь и то, что, 24 апреля 1922 г. повысив его должность до министерской, Мустафа Кемаль Ататюрк вызвал глубокое изумление всех своих сторонников, так как Фехми был “необразован”. Avcioğlu, *Milli* [n. 34], vol. 2, p. 640n.

37 *Türkiye* [n. 35], 430. В то время министром финансов был Мустафа Абдулхалик, который присутствовал на заседании и пообещал применить закон в том виде, в каком он был сформулирован. То, сколь важную роль он сыграл в геноциде армян в бытность свою губернатором двух больших провинций Битлис и Алеппо, а также заместителем Талеата в министерстве внутренних дел, обсуждается в Dadrian, “The Naim-Andonian Documents on the World War One Destruction of the Ottoman Armenians – The Anatomy of Genocide”, *International Journal of Middle East Studies* 18, 3 (1986): 331-32, 336-38. Необходимо отметить также, что в ходе дебатов некоторые депутаты особо выделили евреев, обозвав их унижительным турецким эпитетом “Mison”. Назвав евреев настоящими “кровопийцами”, они настаивали на том, чтобы закон в обязательном порядке распространился и на них. *Türkiye* [n. 35], 430-31.

38 S.Shaw and E. Shaw, *History of the Ottoman Empire and Modern Turkey*, vol.2, (Cambridge, 1977), 315. В свете того, какой исход имели депортации, весьма знаменательно, что авторы предпочли полностью проигнорировать лживость этих заверений.

39 H.Morgenthau, *Ambassador* [n.7], 309.

40 Эта цифра была обнародована турецким министром внутренних дел послевоенного периода на основе статистики, собранной его министерством. См. Dadrian, “The Naim-Andonian” [n.37], 342, и его: “The Documentation of the World War I Armenian Massacres in the Proceedings of the Turkish Military Tribunal” 23, 4 (November, 1991): 552. В одной из последних работ, автором которой является турецкий историк, эта цифра подтверждается как более или менее точный подсчет, сделанный турецкими властями. Y. Bayur, *Türk* [n. 44], 3, Part 4, p. 787 (1983). Цифра 800 000 удостоверена и самим Мустафой Кемалем в беседе с американским генерал-майором Харбордом, который был руководителем американской военной миссии в Армении в сентябре 1919 г. *Yakin Tarihimiz*, 3, (1962):179. Эта цифра не включает все остальные категории жертв: например, тех, кто был казнен во время службы в турецкой армии, огромное множество молодых женщин, которых принудили к внебрачному сожительству, мусульманские браки или усыновление, жертв насильственного религиозного обращения, а также несчетное количество людей, ставших жертвами невыносимых тягот депортации.

41 H.Morgenthau, *Ambassador* [n.7], 302-03.

42 Два известных турецких автора также осуждали практику принудительного обращения в ислам армянских сирот. См. H. Edib, *The Turkish Ordeal* (New York, 1928), 16; D. Avcioğlu, *Milli* [n.34], 1141.

43 A.A. *Botschaft Konstantinopel*, 174/27, A.A. *Türkei* 183/44 A26071. В одном из своих откровенных заявлений др. Б. Шакир, один из основных архитекторов геноцида, указал на то, что он ожидал,

что многие будут в негодовании и возмущении по поводу его роли и осудят ее как противоречащую, говоря его словами, “законам нации и человечества”. A.E. Yalman, *Yakin Tarihte Gördüklerim ve İşittiklerim*, vol.1 (То, что я видел и слышал в недавнем прошлом), 332.

44 Yusuf H. Bayur, *Türk İnkilâbi Tarihi* (История турецкой революции), vol.3, Part 1 (Ankara, 1953), 476.

Глава 15*

Поддельный характер закона о депортации и сопутствующие действия

Основная ответственность за депортацию

Основную ответственность за эти меры, безусловно, несут члены партии Иттихад. Иттихад смог осуществить свою антиармянскую политику благодаря напористому давлению на турецкое правительство. Действительно, для полного понимания властной структуры османского правительства в условиях чрезвычайного военного положения, необходимо учесть, что исполнительная ветвь в значительной степени избавилась от ограничивающего давления уже обессилевшей законодательной власти.¹ В то же время военные и квази-военные получили преимущество во власти, что было узаконено той же исполнительной властью. Однако все эти институты отступали на задний план перед автократией Иттихада — монолитной политической партии, господствовавшей во всем государственном аппарате.

Как было отмечено выше, Временный закон о депортации² был проведен через кабинет министров в мае 1915 г., когда депортации уже шли полным ходом. Прибегнув к этой неправомерной тактике, «министр внутренних дел Талеат единолично взял на себя чрезвычайно серьезную ответственность... вероятно, он хотел предупредить назревавшую оппозицию внутри кабинета.»³ Четвертая статья этого закона, которая редко приводится в соответствующей литературе, содержала две оговорки. По первой — ответственность за проведение депортаций возлагалась на военного министра (*meriyeti ahkâm*), что соответствовало прерогативам монарха, прописанным в статье 7 конституции. Тем не менее, министерство внутренних дел и находившиеся в его подчинении инстанции — административные центры, службы безопасности, полицейские управления и жандармские силы в провинциях фактически организовали и прове-

* Примечания к данной главе начинаются на странице 313.

ли депортации.⁴ Вторая оговорка касалась формального провозглашения этого закона парламентом «во время его следующей сессии», как предписано 36 статьей османской конституции. Нет никаких доказательств того, что формальное провозглашение имело место, когда временно приостановленный парламент был снова созван 28 сентября 1915 г.

В своих мемуарах министр внутренних дел Талеат намекает на то, что приостановление работы парламента было напрямую связано с запланированными антиармянскими мерами.⁵ Авторы депортации чувствовали, что пока парламент будет заседать, они не смогут осуществить эффективных антиармянских мер, запланированных как ответ на приписываемые армянам антитурецкие действия. Помимо этого, приостановление работ парламента позволило депутатам вернуться в свои избирательные округа и поставить избирателей в известность об армянской угрозе. Таким образом, чтобы облегчить процесс депортации, Верховное правление Иттихада приняло решение о приостановлении работы парламента 1 марта 1915 г.⁶ Этот пример наглядно демонстрирует, каким образом Иттихад, будучи сплоченной и влиятельной политической партией, сумел выдать свою волю как политику правительства и, таким образом, предупредить действия законодательной ветви власти, не дав ей обсудить и лишь затем формально провозгласить Временный закон. Вместо этого Иттихад ловко вывел из игры парламент, пока задача по уничтожению намеченной жертвы не была доведена до конца, и Турция не потерпела поражение в войне. Именно тогда, а не 15 сентября 1915 г., как утверждают Камуран Гюрюн и другие турецкие и нетурецкие авторы (см. прим. 16 главы 14), слабый и присмиривший османский парламент, представлявший побежденную и частично оккупированную страну, поспешно приступил к обсуждению закона с единственной целью быстро отменить его большинством голосов. По своей комичности эта пародия на парламентское обсуждение уступала лишь ужасающей трагедии, постигшей судьбу населения, в отношении которого в годы войны был со всей неумолимостью применен этот поддельный закон.

Специальная организация (Teşkilâti Mahsusa)

За это время лидеры Иттихада тайно сформировали орган, называемый Секретной организацией, одной из основных целей которой было разрешение Армянского вопроса. Имея в своем распоряжении специальные коды, фонды,

кадры, оружие и боеприпасы, она действовала как полуавтономное “государство внутри государства”.⁷ Задача членов этой организации состояла в том, чтобы, дислоцировавшись в отдаленных частях турецкой глубинки, напасть из засады на колонны депортируемых армян и уничтожить их.⁸ Почти все кадры этой организации являлись осужденными преступниками, выпущенными из тюрем империи специальным распоряжением об освобождении из тюремного заключения, отданным министерствами внутренних дел и юстиции.⁹ 10 ноября 1918 г., давая показания перед Пятой комиссией османской палаты депутатов, бывший министр юстиции Ибрагим признался, что освобождение из тюрем именно этих заключенных действительно имело место.¹⁰ Заявка на получение законного имперского разрешения (*Irade*) на формирование Специальной организации была умышленно представлена в “нечетких формулировках, чтобы отвлечь внимание от ее истинных целей”: эта формулировка взывала к “национальным идеалам и целям, гарантией которых должна стать солидарность и сплоченность и для достижения которых нужна Специальная организация”.¹¹ Когда в 1916 г. был вынесен на обсуждение законопроект о включении этих каторжников-убийц в Специальную организацию, последняя к тому времени уже практически завершила свою антиармянскую миссию. Критикуя положения, лежавшие в основе этого законопроекта, сентаор А. Риза заявил, что “убийцы и преступники не могут входить в состав армии”; это заявление было сделано в связи с тем, что законопроект был сформулирован таким образом, чтобы создать впечатление, что набор осуществлялся во благо армии. Однако полковник Бехич (Эркин) из отдела по снабжению военного министерства (*İkmal şubesi*) с гордостью заявил в парламенте, что большинство бывших осужденных было завербовано не в армию, а в *Teşkilâti Mahsusa* — организацию, в которой “они доказали, что могут оказаться полезными”. Поэтому он утверждал, что эти преступники никак не могли оказать пагубное влияние на общее моральное состояние солдат в армии. Рассерженный этим признанием Риза отпарировал: “Мы знаем, в чем сущность этой организации. Мы еще призовем ее к ответу в будущем” (*O teşkilatın ne olduğunu biliyoruz. İlerde hesabını soracağız.*). Несмотря на все это, заместитель министра юстиции объявил этот законопроект “законным”; по его же требованию и его же усилиями этот законопроект был принят в качестве “чрезвычайного” закона (*müstaceliyet*).¹²

В ходе второго заседания серии судебных процессов над верхушкой иттихадистских лидеров (4 мая 1919 г.) защитник полковника Джевада представил

документ, подписанный тем же полковником Бехичем. Датированный 25 ноября 1914 г. и адресованный руководству Специальной организации, этот документ ставил в известность, что впредь в восточных провинциях *вали* смогут участвовать в работах организации, так как принимается закон, санкционирующий участие заключенных. Как выяснилось, некоторые губернаторы восточных провинций, озабоченные рисками, связанными с их соучастием, пытались уклониться, требуя правовой защиты. Документ заканчивается требованием вернуть его по ознакомлению с его содержанием.¹³ Во время второго заседания того же судебного процесса (4 мая 1919 г.) полковник Атиф признал, что *вали* восточных провинций были вовлечены в деятельность Специальной организации.¹⁴

В официально утвержденные обязанности Специальной организации входили разведка, контрразведка и предотвращение саботажа. Однако работы, написанные двумя турецкими авторами, имевшими доступ к секретным документам Специальной организации, указывают на то, что ее основной задачей было приведение в исполнение геноцида армян. Кутай говорит о тайных целях центрального комитета Иттихада при создании Специальной организации, среди которых были “жизненно важные интересы Турции, которые не могли быть открыто признаны как часть программы Иттихада”.¹⁵ А основной руководитель Специальной организации, который “взял на себя обязанности” по депортации армян, признал, что было осуществлено то, что правительство и правоохранительные органы “ни в коей мере не могли” сделать, а именно: “привести в исполнение меры, направленные против групп населения нетурецкой национальности”.¹⁶ Еще более открыто высказался турецкий историк Авчиоглу, который писал:

С целью радикального решения Армянского вопроса Иттихад через Специальную организацию прибег к систематическим и широкомасштабным депортациям. Сотни тысяч армян за короткий срок и *en masse* были выдворены за пределы Анатолии. Подспорьем этой политики, поддерживаемой Германией, в совете Иттихада был др. Бехаеддин Шакир...

Что касается стремительности принятия этих решений и способа их воплощения в жизнь, Авчиоглу заявил:

...решение о ликвидации христианских элементов было принято не при содействии официального правительства, а в штабе Иттихада в результате обсуждений, продолжавшихся несколько месяцев. Молодых офицеров, которым Иттихад доверял, вызвали в Стамбул и вкратце поставили в известность [о доверенной им миссии].¹⁷

Эти тайные цели Специальной организации были впервые раскрыты благодаря усилиям турецкой прессы. 4 ноября 1918 г., через пять дней после подписания перемирия, турецкая ежедневная газета *Hadisat*, печатный орган Ассоциации по защите национальных прав восточных провинций, в открытом письме великому визирю Иззету впервые публично заговорила о существовании и преступной деятельности этой организации в годы войны.¹⁸ В декабре в прессе были опубликованы заявления, сделанные во время дебатов в палате турецким депутатом от Трапезунда, который говорил о Специальной организации как об основном инструменте в осуществлении массовых истреблений, признаваясь: "...До сих пор мы молчали обо всем этом".¹⁹ В открытом письме министру юстиции оппозиционная ежедневная газета *Sabah* наиболее откровенным образом раскрыла как существование Специальной организации, так и соучастие в ее деятельности министра юстиции:

Не вы ли приходили каждое утро домой к Талеату, чтобы получить чудовишные приказы от этого главаря бандитов [*çetebaşı*]? Не вы ли в результате решения, принятого штабом партии Иттихад, освободили из центральной тюрьмы Стамбула самых свирепых убийц, чтобы те зарубили топорами невинных армян в окрестностях тех самых городов и сел, жителями которых они являлись? Не вы ли отдали приказ о таком же освобождении из тюрем в провинциях? Не сводилась ли ваша основная цель к тому, чтобы отобрать самых кровожадных убийц и задействовать их в разбойных группах [Специальной организации], для осуществления которой вы назначили генерального прокурора Апелляционного суда, так как военный министр был представлен офицером высокого ранга? Более того, не вы ли назначили врача, который должен был обследовать отобранных осужденных, чтобы определить, способны ли они в порыве жестокости обеспечить требуемый вами масштаб зверских убийств? Не в кабинете ли того же генерального прокурора Апелляционного суда, который находится прямо под вашим, происходило формирование преступных банд? Не длилась ли организационная работа несколько недель, на протяжении которых можно было наблюдать, как тюремных заключенных приводили в коридоры, расположенные у

кабинета генерального прокурора, палаты Уголовного суда и самого зала суда?²⁰

9 ноября 1918 г., давая показания перед пятой комиссией османского парламента, расследовавшей "ошибки" кабинета министров, великий визирь Саид Халим дважды заявил, что кабинет не санкционировал формирование Специальной организации. Таким образом, организация, которую он назвал "ужасным явлением", была учреждена вне сферы действия правительства.²¹ Аналогичное заявление сделал и министр юстиции.²² Оба высокопоставленных чиновника подтвердили, что цель депортации была сведена, как совершенно отчетливо заявил в своих показаниях великий визирь, к "убийству". В одном из фрагментов своих показаний, говоря об этом, он трижды использовал фразу "массовые убийства" и ни разу не упомянул слово "депортация".²³

Капитан отдела разведки османского военного министерства, в дальнейшем профессор истории стамбульского университета и автор многих сочинений, писал о массовых убийствах:

Преступные банды, члены которых были выпущены из тюрем, пройдя недельную тренировку на учебных полигонах военного министерства, отправлялись на Кавказский фронт в качестве бандитов Специальной организации, содейвавшей самые ужасающие преступления против армян... Иттихадисты задались целью уничтожить армян и таким образом покончить с Вопросом о восточных провинциях.²⁴

Подробности о том, как возникла Специальная организация, как она функционировала, руководилась и контролировалась, можно найти в недавно изданной книге о судьбе меньшинств в военное время.²⁵ Число членов специальной организации оценивается по-разному.²⁶

Попытки утаить намерения и степень ответственности: проблема наказания

Аргумент национальной безопасности и оружие священной войны

24 мая 1915 г. союзники объявили об ответственности турецкого правительства и его должностных лиц за бывшие тогда в полном разгаре массовые убийства. Несмотря на то, что поддерживаемые правительством истребления не прекращались, в ответ на это заявление османцы предприняли всяческие попытки скрыть цель, лежавшую в основе антиармянских массовых убийств.

Турецким ответом было то, что османское правительство “считает своим основным долгом прибегнуть к любым мерам, которые оно сочтет удобными, для обеспечения безопасности [*muhafazai emniyet*] своих границ, и поэтому считает, что не несет ответственности за что-либо, из-за чего оно обязано отчитываться перед каким бы то ни было иностранным правительством”.²⁷ Это заявление само по себе основывалось на международной правовой норме, согласно которой “государство имело право обращаться со своими гражданами по своему усмотрению.”²⁸ В то же время заявление турецкого правительства было искусной уверткой, которая должна была позволить ему оградить себя от уголовных последствий осуществленного намерения. В конечном итоге именно вопрос намерения стал основным камнем преткновения в ходе последующих судебных слушаний. Как отметил один из юристов-теоретиков, “правительства, менее глупые, чем национал-социалистическое правительство Германии, никогда не признаются в своем намерении уничтожить целую группу как таковую, они просто заявят всему миру, что их действия направлены против предателей...”²⁹

Законы, которые вводятся в подобных условиях и с подобным обоснованием, являются фиктивными законами, превращающими сам принцип законности во вседозволенность. Намерение совершить преступление, называемое геноцидом, может быть помещено именно в этот контекст, в котором цели государства, создающего закон, отделяются от последствий его применения. Когда массовые депортации перерастают в массовые истребления, закон, распространяющий свое действие на первое, выдает преступное намерение достичь последнего.

Характерный для воинственной осmano-турецкой традиции религиозный накал лишь укрепил это намерение. Провозглашение 11 ноября 1914 года священной войны (*cihad*) было тщательно спланировано заранее и в этом смысле явилось своевременным катализатором, несмотря на то, что война эта была формально объявлена против держав Антанты, т.е. Франции, Англии и России, в то же время исключая христианских союзников Турции — Германию и Австрию. В своих показаниях в Берлине на судебном процессе над Согомоном Тейлеряном — мстителем, убившим Галеата, маршал Лиман фон Сандерс, глава военной миссии Германии в Турции, заявил, что люди, сопровождавшие колонны депортируемых армян, были объаты духом *cihad*-а, когда нападали на конвоируемых армян только из-за того, что те были христианами.³⁰ В своих

мемуарах Сандерс описывает одну из сцен уничтожения имущества армян в Константинополе сразу после провозглашения священной войны, замечая, что, “как всегда, весь процесс был организован полицией”.³¹ О возбуждающем свойстве *cihad*-а, направленного в особенности против армян, рассказывают и другие очевидцы.³²

Депортация. Правительство публично заверяет в том, что это “переселение”

Обман, обернувшийся для выбранной жертвы столь тяжкими последствиями, состоял в том, что турецкие власти с исключительной заботливостью официально пообещали населению, на депортацию которого под предлогом военной необходимости уже был отдан приказ, что его будут “переселять”. Исход этих депортаций и истинная судьба принесенного в жертву населения отображены в архивных документах, которые изучены и представлены в данном исследовании. Нижеследующее обсуждение, рассматривающее значение правительственных заверений о “переселении” в рамках планирования геноцида, является частью этого усилия. Подобное планирование непременно предполагает, чтобы намеченное в качестве жертвы население было загнано в западню посредством обмана, граничащего с вероломством. Здесь же граждане осmano-турецкого государства были преданы своим же правительством, которое умышленно пошло на попрание принципов доверия и честности.

Как бы то ни было, эта злонамеренная уловка имела далеко идущие цели. Кроме стремления скрыть свое намерение осуществить геноцид, турецким правительством преследовалась еще одна цель — подготовить почву для того, чтобы после войны с него были сняты все обвинения. Вообще, обоснование депортации как продиктованной военным положением чрезвычайной меры, содержит долю убедительности, чтобы не сказать законности, и это обстоятельство не только вводит в заблуждение тех, кто оценивает ситуацию извне, относительно преступного намерения, но и загоняет в тупик исторический анализ и суждения о произошедшем. Это обстоятельство нашло свое отражение в сочинениях некоторых современных османистов, чье мнение отождествляется с “турецкой точкой зрения”. Станфорд Шоу и Эзель Шоу, к примеру, предлагают следующие рассуждения относительно этого вопроса. Приказ о депортации армян сопровождался

подготовительными действиями, целью которых было устроить их в городах и лагерях на территории Мосула в северном Ираке... предоставить им достаточное количество еды и других предметов первой необходимости, которые могли понадобиться им во время их похода и после устройства... армян должны были защищать и о них должны были заботиться до тех пор, пока они не вернулись бы в свои дома после войны... правительство должно было обеспечить их возвращение сразу после разрешения кризиса.³³

Воспроизводя стандартные заявления турецкой стороны, авторы не только настаивают на обоснованности обещаний о переселении, но и утверждают, что правительство действительно намеревалось по окончании войны вернуть в их дома в массовом порядке депортированных людей. Настолько далеко не заходят даже турецкие историки, включая Гюрюна, которые отмечают, что дислокация депортируемых была окончательной.³⁴ Однако то, с какой регулярностью и настойчивостью, после десятилетий выявления новых фактов, снова и снова отзывается эхом заявление турецкого правительства о “перемещении”, является обстоятельством, которое заслуживает определенного внимания, поскольку решается вопрос честности научного подхода к одному из самых важных аспектов осуществления обсуждаемого здесь геноцида.

Даже если не брать в расчет огромный массив свидетельств выживших армян, сводные показания по этому вопросу, представленные турецкими, немецкими и американскими должностными лицами, которые находились на службе в Турции во время войны, полностью разоблачают лживость заявления о перемещении. Вот несколько примеров. В ответ на правительственное заявление, которое было сделано в то время, когда депортации шли полным ходом, относительно того, что депортируемым будут предоставлены новые бесплатные жилищные условия на новых местах, др. Отто Гёпперт, советник по правовым вопросам посольства Германии в османской столице, докладывая об этом обещании в Берлин, достаточно откровенно охарактеризовал его как фарс.³⁵ Льюис Эйнштейн, специальный агент государственного департамента, который в период осуществления геноцида служил в американском посольстве в османской столице, осудил это обещание о перемещении, заявив:

Новые дома будут предоставлены [депортируемым] в Зоре и в пустынной местности, через которую протекает Евфрат. Таков был официальный эвфемизм... черный юмор

отцовской заботы, за которым скрываются самые зверские погромы в Турции... [Здесь же речь шла] о политике депортации с применением силы, которая подразумевала продолжение – полное уничтожение... Дьявольский план, суть которого состояла в том, чтобы заставить армян пройти через всю Малую Азию, целая страна поднялась, чтобы убивать.³⁶

Другой американский чиновник, Лесли Дейвис, американский консул в Харпуге, что на юго-востоке Турции, лично был свидетелем того, как был изменен маршрут огромных групп армянского населения, депортируемого из других провинций Турции и направлявшегося в пустыни Месопотамии, и как их направили в Харпут “с единственной целью зарезать их всех в этой провинции”. В пространном докладе, подготовленном по просьбе своего руководителя, Уилбура Дж. Карра, главы консульского отдела государственного департамента США, Дейвис сделал заключение: “Термин “скотобойня-вилайет” (провинция), который я применил по отношению к этому вилайету... был полностью оправдан тем, что я узнал и увидел своими глазами...”³⁷ Вице-маршал Помянковски, австрийский атташе при османском генштабе на протяжении всей войны, в своих мемуарах отмечал, что “варварский приказ о депортации и переселении всего армянского населения Малой Азии в северные пустынные территории Аравии, т.е. в Месопотамию, где протекает Евфрат, на деле означал искоренение [*Ausrottung*] этого населения”.³⁸ Теодор А. Элмер, профессор американского колледжа в Анатолии, в Марзване (Мерзифон), вспоминал, как начальник жандармерии этого города, “который руководил их [армян] депортацией, зашел в резиденцию нашей миссии и свободно говорил о депортации армян в присутствии всех американцев нашей базы. Он сказал, что до Мосула не дойдет даже один из тысячи...”³⁹ В своей объемистой научной работе по геноциду армян австрийский автор Вольфдитер Бихль также отмечал, что “способ, каким осуществлялась депортация, был издевательством над мероприятиями”, которые, как заявило правительство, были проведены для перемещения армян и предоставления им крова. Далее Бихль отмечает, что “зачастую даже не приходилось применять “усилия” для депортации армян, так как в порыве беспрецедентной жажды крови жертвы тут же, на месте подвергались пыткам и избиению...”⁴⁰

Учитывая колоссальный размах задачи по уничтожению столь большого по своей численности населения с применением скорее всего примитивных

средств, довольно значительное количество жертв смогли выжить, несмотря на регулярные массовые истребления по пути, а также всеобщий мор и истощение в результате суровых переходов вдоль и поперек всей Анатолии. Для этих выживших власти создали ряд промежуточных привалов в пустыне, но и здесь их убивали различными способами.⁴¹ Немецкий сотрудник американского консульства в Алеппо г. Берно был отправлен провести инспекцию этих промежуточных привалов и доложить об увиденных им условиях. В пространном докладе он говорил о том, что не может заставить себя назвать эти привалы даже “лагерями” (*Lager*). Увиденные условия он определил как “настолько нечеловеческие, насколько не могли бы себе представить даже самые жестокие из монголов”. Берно писал:

На входе в эти концентрационные лагеря спокойно можно было поставить надпись, запечатленную на воротах ада Данте: “Оставь надежду всяк сюда входящий”.⁴²

Не все турецкие авторы согласны с позицией турецких властей — как бывших, так и нынешних, — а также их защитников на западе, притворяющихся, что правительство действительно со всей серьезностью говорило о перемещении. Турецкий генерал Али Фуад Эрден, который в то время был начальником штаба Четвертой армии Джемала-паши и который ведал большей частью территории пустынь Месопотамии, в своих мемуарах говорил о том, что не было “ни каких-либо подготовительных мероприятий для того, чтобы дать укрытие сотням тысяч депортируемых...”⁴³ Ахмед Рефик (Алтинай), офицер разведки, служивший во время войны во втором отделе османского генштаба, также утверждал, что те из депортируемых, которым удавалось избежать резни, “сгонялись в пылающую пустыню — к голоду, страданиям и смерти”.⁴⁴

Танер Акчам, самый гонимый из всех инакомыслящих турецких авторов и, возможно, самая многообещающая восходящая звезда на небосклоне турецкой историографии, в своем следующем заключении весьма лаконично подвел итог всей картины:

Тот факт, что ни в начале депортаций, ни по пути и ни в тех местах, которые были объявлены как их предварительные привалочные пункты, не было проведено никаких подготовительных мероприятий, необходимых для организации миграции населения, является достаточным доказательством существования плана по уничтожению.⁴⁵

Комментируя функционирование привалочных пунктов, которые он называл “лагерями смерти” (*ölüm kampları*), Акчам отмечает, что хотя они назывались “концентрационными лагерями”, это был лишь еще один способ уничтожения жертв в пустынях посредством искусственно созданных лишений и эпидемических болезней; “для любого из них выйти оттуда живым было равносильно чуду”.⁴⁶

Примечания к главе 15

1 Турецкий историк Байур цитирует весьма типичное в данной ситуации высказывание военного министра Энвера. Неуважение Энвера к порядку процедуры принятия законов было выражено в его девизе: “Если нет [соответствующего] закона, тогда придумайте закон и [так] у вас будет закон” (*yok kanun, yap kanun, var kanun*). Y. Bayur, *Türk İnkilâbı Tarihi* (История турецкой революции), vol.3, Part 2 (Ankara, 1955) 400. См. также F.Atay, *Zeyindaği* (Istanbul, 1981), 78. Др. Гарри Штюрмер, стамбульский корреспондент немецкой ежедневной газеты *Kölnische Zeitung*, пересказывает инцидент в том же парламенте, когда приспешник Талеата военный министр Энвер “зашел настолько далеко, что в сенате набросился на Ахмеда Ризу, назвав его “бесстыжей собакой” [*edebsiz köpek*], и при этом не был призван к порядку председателем”. H.Stürmer, *Two Years In Constantinople*, E.Allen trans. (New York, 1917), 256; см. также там же, *Zwei Kriegsjahre in Konstantinopel. Skizzen Deutsch-Jung-Türkischer Moral und Politik* (Lausanne, 1917), 232.

2 Текст закона на английском см. R. Hovhannisian, *Armenia on the Road to Independence 1918* (Los Angeles, 1967), 51.

3 Y. Bayur, *Türk*, [n. 1], vol. 3, Part 3 (1957), 38. Турецкий политолог Туная также указывает на метод, который применялся иттихадистами и суть которого состояла в том, что они игнорировали кабинет, когда принимали решения от имени правительства по инициативе всего одного министра. T. Tunaya, *Türkiyede Siyasal Partiler* (Политические партии в Турции), vol. 1, Part 1, 2-ое расширенное издание, (Istanbul, 1984), 579.

4 Там же, (Bayur), 40; см. также С. Paşa, *Hatiralari* (Istanbul, 1977), 440. Историк Байур отмечает, что в начале Первой мировой войны штаб основного руководителя Специальной организации Сулеймана Аскери находился в одном из отделений министерства внутренних дел, созданного специально для того, чтобы руководить миссией этой организации. Bayur, *Türk*, [n. 1], vol. 3, Part 1 (1953), 398.

5 С. Kutay, *Talât Paşanın Gurbet Hatiralari* (Мемуары Талеата-паши в изгнании), vol. 2 (Istanbul, 1983), 907. В частности предложение о приостановлении было сделано генеральным секретарем Иттихада Митхадом Шюкрю (Бледа).

6 Это приостановление за полтора месяца до срока, предписанного законом (поправка к 35

статье конституции от 11 февраля 1915 г.), создало необходимость нового созыва парламента 28 сентября 1915 г., на полтора месяца раньше предполагаемой даты. Jäschke, "Die Entwicklung des osmanischen Verfassungstaates von den Anfängen bis zur Gegenwart", *Die Welt des Islams*, 5 (1917): 37. Фактически работа парламента впервые была прервана 2 августа 1914 г., в день, когда был подписан секретный турецко-германский военный и политический союз. *Takvimi Vekâyi* No. 1946, 12 сентября, 1914 г

7 С. Kutay, *Birinci Dünya Harbinde Teşkilâtı Mahsusa* (Специальная организация во время Первой мировой войны), (Istanbul, 1962), 38. Большая часть данных, приведенных в этой книге, была предоставлена одним из основателей и руководителей Специальной организации Э. Кушчубаши. Относительно детального исследования происхождения, развития, функционирования и руководства организацией см. Т. Тунауа, *Türkiyede*, [n. 3], vol.3, 275-292. Относительно османской традиции постоянно использовать нерегулярные подразделения во всех типах войн см. James Reid, "The Concept of War and Genocidal Impulses in the Ottoman Empire, 1821-1918", *Holocaust and Genocide Studies* 4 (1989): 177-182.

8 В своем докладе от 27 июля 1915 г. кашлеру в Берлин консул Германии в Алеппо Рёсселер описывает подробности погромов, учиненных Специальной организацией, отмечая, что "заключенных, выпущенных из тюрем, одели в военную форму. Они были размещены в местностях, через которые предположительно по плану должны были пройти колонны депортируемых". А.А. Түркей 183/38, A23991; см. также J. Lepsius, *Deutschland und Armenien 1914-1918* (Berlin-Potsdam, 1919), 111; A. Yalman, *Yakin Tarihte Gördüklerim ve İşittiklerim*, (То что я видел и слышал в недавней истории), vol.1 (Istanbul, 1970), 331. Этот способ размещения и нападения из засады на колонны депортируемых описывается в недавно опубликованном обширном исследовании по Османской империи, совместной работе французских страноведов. *Histoire de l'Empire Ottoman*, R. Mantran, ed. (Paris, 1989), 623. Офицер турецкой военной разведки Рефик в своих послевоенных отчетах относительно роли, сыгранной этой организацией, заявляет, что "самые ужасающие преступления против армян были совершены этими бандитами, являвшимися кадрами этой организации (*Ermeni mezaliminde en büyük cinayetleri bu çeteler ika ettüler*). A. Refik (Altınay) *İki Komite İki Kital* (Два комитета и две резни), (Ankara, 1994), 27. Рид описывает "оперативный аспект" турецкой традиции "тотальной войны" ... посредством "обычных локальных нападений" как "ключ к пониманию геноцида армян". "Total War, the Annihilation Ethic, and the Armenian Genocide, 1870-1918" в редакции Р. Оганесяна, *The Armenian Genocide: History, Politics, Ethics*, (New York, 1992), 39-40. По поводу техники засад, описанной одним американским дипломатом, находившемся в одной из этих провинций, армянское население которой было подвергнуто поголовному уничтожению, см. L.A. Devis, *The Slaughterhouse Province* S. Blair, ed. (New Rochelle, N.Y., 1989), 58.

9 F. Atay, *Zeytindağı* [n.1], 35-36. Преобладающее количество осужденных в рядах организации отмечается в A. Toynbee, *The Western Question in Greece and Turkey* (Boston, 1922), 265-66, 279-80. С. Сонил также признает использование осужденных, приписывая это недостаточному количеству жандармов, которые были отправлены выполнять свои обязанности на фронте. "Armenian Deportations: A Reappraisal in the Light of New Documents", *Belleten* (январь 1972 г.) 60.

10 *Harb Kabinelerinin İstikvabi* (Слушания кабинетов военного времени), (Istanbul, 1933), 537. (Серия

публикаций специальных документов в газете *Vakit*, No.2).

11 С. Kutay, *Birinci*, [n.7], 39. Касаясь вопроса отклонения, политолог Мельсон, ссылаясь на массовые убийства гамидовской эпохи, утверждает, что таким образом "резня может достичь желаемого результата без очевидного вовлечения центральных властей". R. Melson, "A Theoretical Inquiry into the Armenian Massacres of 1894-1896", *Comparative Study in Society & History*, 24 (1982):507. Другой американский автор, Стоддарт, специалист по миссиям Специальной организации, предполагает, что власти использовали эту организацию, чтобы переложить бремя за содеянное на "группы бандитов", которые не могли контролироваться из Стамбула. P. Stoddard, *The Ottoman* [n.26], 49,50. Подвергая резкой критике политических и военных лидеров Иттихада за использование Специальной организации, а также офицеров, которые отвечали за кадры этой организации, но более всего осужденных, которые и являлись этими кадрами, высокопоставленный турецкий штабной офицер поставил под вопрос законность использования осужденных. Он был начальником штаба армейского корпуса резервной кавалерии, ряды которой также были пополнены выпущенными из тюрем осужденными. "Военное уголовное право лишает преступников чести носить оружие... тем не менее, эти преступники готовы идти на любые обещания, лишь бы избавиться от оков тюремной жизни... К примеру, подразделение Якуба Джемила состояло из кровожадных преступников (*kanli katil*)". A. Samih, *Büyük Harpte Kafkas Cephesi Hatıraları* (Кавказский фронт в великой войне), (Ankara, 1934), 3, 67-68, 104.

12 *Meclisi Âyan Zabıt Ceridesi* (Стенограммы слушаний в сенате). Третий созыв. Третья сессия. Пятнадцатое заседание. 12 декабря 1916 года, сс.186-88.

13 *Takvimi Vekâyi* No.3543, p.28.

14 *Tarihi Muhakeme* (Исторический процесс), (Istanbul, 1919), 60.

15 С. Kutay, *Talât*, [n.5], vol.3, p.1299. Записи двух офицеров Специальной организации также подтверждают причастность центрального комитета Иттихада. В своих мемуарах один из них, подполковник Специальной организации признал, что центральный комитет санкционировал антиармянские меры, приведшие к массовым избиениям, характеризуя эти меры как репрессии, примененные в отношении армянских "повстанцев". H. Ertürk, *İki Devrin Perde Arkası* (За кулисами двух эпох), S. Tansu, ed. (Istanbul, 1957), 294-98, 306. Человек, являвшийся правой рукой подполковника, также утверждает, что центральный комитет Иттихада — своего рода правление под началом Талеата, составлял особые задания для Специальной организации. G. Vardar, *İttihad ve Terakki İçinde Dönenler* (Закулисная история Иттихада ве Теракки, S. Tansu, ed. (Istanbul, 1960), 244-46, 274. Аналогичное мнение см. в M.R. Esatli. *İttihad ve Terakki Tarihinde Esrar Perdesi* (Завеса тайн в истории Иттихада), 258 (Istanbul, 1975).

16 С. Kutay, *Birinci*, [n.7], 38, 78.

17 D. Avcıoğlu, *Milli Kurtuluş Tarihi* (История национального освобождения), vol. 3 (Istanbul, 1974), 1114, 1135. Необходимо сделать ссылку на следующие сведения, добытые военной и политической разведкой Британии. Докладывая в Лондон о том, что военный трибунал вынес Шакиру смертный приговор, британский верховный комиссар адмирал Джон де Робек писал: "Он был членом небольшого секретного комитета, известного как *Teşkilatı Mahsusa* [Специальная организация], сформированного центральным комитетом Единения и Прогресса [Иттихад] для то-

го, чтобы организовать истребление армянского народа”. FO371/5089/E949. доклад от 18 февраля 1920 г. В докладе, подготовленном стамбульским отделением разведки, M.I.L.C. также утверждалось, что “Тешкилати махсуса [была] создана СUP в 1914 г. для уничтожения армян и находилась под контролем печально известного Бехаеддина Шакира”. FO 371/5171/E12228, p. 7 (29 августа 1920 г.) Турецкий социолог и публицист Ялман, который имел откровенные разговоры со многими иттихадистами (серьезно замешанными как в организации, так и в осуществлении геноцида армян), будучи заключенным британцами вместе с ними под стражу на Мальте, заявил, что “двое влиятельных” иттихадистов помогли создать Специальную организацию. В то время как др. Шакир является слишком широко известной в этом смысле фигурой, под вторым скорее всего имелся в виду др. Назим. Ялман в скрытой форме отмечал, что антиармянские меры отражали “политику по полному уничтожению”, чтобы убрать “опасность”, которую представляли для Турции “густонаселенные армянами восточные провинции”. А.Е. Yalman, *Turkey in the World War* (New Haven, 1930), 220.

18 *Hadisat* (Istanbul), November 4, 1918.

19 *Zamanag* (Istanbul), 12-ое декабря 1918 г; *Ariamard* (Istanbul) 12 декабря 1918 г. Этим депутатом был Хафиз Мехмед, который в дальнейшем в новоиспеченной турецкой республике стал министром юстиции и был казнен в июле 1926 г. по обвинению в заговоре с целью убийства Мустафы Кемалю, основателя республики. E.Zürcher, *The Unionist Factor* (Leiden, 1984), 154.

20 *Sabah* (Istanbul), 21 ноября 1918 г. *Renaissance*, 19 уіаабу, 1919 а.

21 *Слушания кабинетов министров военного времени* [п. 10], 308, 309. Министр экономики Джавид также заявил перед пятой комиссией, что правительство не давало разрешения на формирование Специальной организации. *Там же*, 170.

22 *Там же*, 534, 535.

23 *Там же*, 290, 293-94.

24 A.Refik, *Iki Komite* [п. 8], 23.

25 Vahakn N. Dadrian, “The Role of the Special Organization in the Armenian Genocide during First World War”, *Minorities in Wartime. National and Racial Groupings in Europe, North America and Australia during Two World Wars*, (P.Panayi, ed. (Oxford, 1993), 50-82.

26 Западные источники оценивают количество таких осужденных между тридцатю тысячами, E.Doumergue, *L'Arménie, les Massacres et la Question D'Orient*, (Paris, 1916), 24-25, и тридцатю четырьмя тысячами, S. Zurlinden, *Der Weltkrieg*, vol.2 (Zürich, 1918), 657. Согласно П. Стоддарду, общее число людей, задействованных в этой организации, составляло “около 30 000”, *The Ottoman Government and the Arabs, 1911 to 1918. A Preliminary Study of the Teikilâti Mahsusa* (Ann Arbor, MI, 1963), 58.

27 E.Uras, *Tarihte Ermeniler ve Ermeni Meselesi* (Армяне и Армянский вопрос в истории), (Istanbul, 1950), 621; В издании 1976 г. редакторы вместо фразы “защищая безопасность своих границ” используют выражение “общественная безопасность” (*genel güvenlik*) (Ankara), 612.

28 L. Oppenheim & H. Lauterpacht, *International Law* vol.1, 7th ed. (London, 1948), 583.

29 G.A. Finch, “The Genocide Convention”, *American Journal of International Law* 43 (1949): 743.

30 *Der Prozess Talaat Pascha*. Stenographischer Prozessbericht (Berlin, 1921), 62.

31 Liman von Sanders, *Five Years in Turkey* (Annapolis, 1927), 35.

32 Rafael de Nogales, *Four Years Beneath the Crescent*, Muna Lee, trans. (New York, 1926), 14; Ulrich Trumppener, *Germany and the Ottoman Empire* (Princeton, 1968), 118; в конфиденциальной, предназначенной для внутреннего пользования, служебной записке министерства иностранных дел Германии отмечено, что “джихад возбудил страсти турецкого народа против армян”. A.A. Türkei 183/49, August, 1917; Simon Khoren, “Hishoghutiunner” (Воспоминания) in Teotig ed., *Amenoun Daretzouytzu* (Альманах для всех), vols. 10-14, 1916-1920, p. 133.

33 S.Shaw and E.Shaw, *History of the Ottoman Empire and Modern Turkey*, vol.2 (Cambridge, 1977), 315.

34 Kamuran Gürün, *The Armenian File. The Myth of Innocence Exposed* (New York, 1985), 209. *Его же. Ermeni Dosyasi* (Ankara, 1983), 217; Avcioglu, *Milli Kurtuluş* [п. 17], 1140.

35 A.A. Türkei 183/45, A28792. Доклад от 20 октября 1916 г.

36 Lewis Einstein, “The Armenian Massacres,” *Contemporary Review* 616 (апрель 1917 г.): 490.

37 Leslie A. Davis, *The Slaughterhouse Province. An American Diplomat's Report on the Armenian Genocide, 1915-1917*. Susan K. Blair, ed. (New Rochelle, N.Y., 1989), 181. см. также с. 83, 160.

38 Joseph Pomiankowski, *Der Zusammenbruch des Osmanischen Reiches* (Vienna, 1969 [переиздание оригинального издания от 1928 г.]), 160.

39 Viscount Bryce, *The Treatment of the Armenians in the Ottoman Empire 1915-16*, составитель A. Toynbee (London, 1916, governmental publication Miscellaneous No. 31), Doc.No. 87, p. 341.

40 Wolfdieter Bihl, *Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte* Part I (Vienna, 1975), 172.

41 Краткое описание этих методов см. в Vahakn N. Dadrian, “The Naim-Andonian Documents on the World War I destruction of Ottoman Armenians: The Anatomy of a Genocide”, *International Journal of Middle East Studies*, 18, 3 (август 1986 г.): 351, прим. 60 и 61.

42 A.A. Türkei 183/46, A8613, доклад консула Германии Рёсслера от 14 февраля 1917 г.; полный текст обширного доклада см. в Johannes Lepsius, *Deutschland und Armenien. Sammlung Diplomatischer Aktenstücke* (Potsdam-Berlin, 1919), 486-493. Перевод доклада на английском в Dickran Boyajian, *Armenia – The Case for a Forgotten Genocide* (Westwood, N.J., 1972), 117-124. В дополнение, есть еще поразительный документ государственного департамента, разоблачающий дьявольский характер плана по “перемещению”. Его автором является поверенный американского посольства в османской столице Константинополе. Для того, чтобы обеспечить “конфиденциальность” информации, он был переслан через Копенгаген. Вот несколько отрывков из него:

На “обширных территориях Дер Зора и других местностей на Евфрате и в пустыне... агенты нашли их [депортируемых армян] питающимися травой, растениями, саранчой, а в самых безнадежных случаях – мертвыми животными и человеческими телами... смертность от голода и болезней чрезвычайно велика, и еще больше увеличивается из-за жестокого обращения властей, чье отношение к ссыльным, судя по тому, как их гоняют по всей пустыне, не отличается от того, как ведут себя надсмотрщики над рабами. За редкими исключениями, им не предоставляется никакого убежища, и людей, пришедших с холодного климата, оставляют под палящим солнцем пустыни без воды и пищи... ситуация настолько безысходна и безнадежна, что, как стало известно, многие прибегают к самоубийствам... перегруженное судно, отправленное из Зора вниз по реке, прибыло в Ана, на три десятых мили дальше, с не-

достающими тремя пятими пассажиров. Короче говоря, просматривается четкая *Политика по истреблению этих людей, но при этом отвергается обвинение в массовых избиениях. Кажется, что их смерть по так называемым естественным причинам была предрешена*". (курсив добавлен). Шифрованная телеграмма Гофмана Филиппа, американского поверенного в Константинополе, 12 июля 1916 г. *U.S. National Archives*, R.G. 59.867.48/356.

43 Orgeneral Ali Fuad Erden, *Birinci Dünya Harbinde Suriye Hatıraları* (Сирийские воспоминания о Первой мировой войне), vol.1 (Istanbul, 1954), 122.

44 Refik (Altınay), *İki Komite* [п. 8], 30.

45 Taner Akçam, *Türk Ulusal Kimliği ve Ermeni Sorumu* (Istanbul, 1992), 106.

46 *Там же*, 111.

К вопросу о соучастии Германии

Возобновление Армянского вопроса и новое турецко-германское сотрудничество

Необходимость, продиктованная военным временем, лишь отчасти явилась импульсом, пробудившим склонность турок рассматривать армян как "внутренних врагов", и в этой связи важнейшую роль сыграли политические последствия возобновления Армянского вопроса в период между первой Балканской войной и Первой мировой войной. Кроме того, новая расстановка сил среди держав ознаменовалась тем, что в контексте вновь поднятого Армянского вопроса Россия выступила в качестве защитницы армян, и в этой новой роли ее, хоть и пассивно, поддерживали Англия и Франция. В этой новой ситуации не было попыток неявного саботажа, на которые шли Россия и в меньшей степени Франция в беспокойную эпоху Абдул-Гамида, тем самым срывая усилия Англии, пытавшейся принудить султана провести реформы в провинциях.

Преимуществом политики отгораживания от возможного проникновения чужеродных реформ, предвещавших вторжение в суверенитет Турции, была заложена Германией императора Вильгельма II, которая какое-то время всячески поощряла новое партнерство с младотурецким режимом. В ситуации изменившейся расстановки сил Турция и Германия задалась единой целью воспрепятствовать российским планам по реформам, за которыми предположительно скрывались российские имперские амбиции. Человеком, на которого была возложена эта задача, был посол Германии в Турции Ганс Фрейгер фон Вангенгейм. В бесконечной череде иронических событий, являющихся результатом превратностей и непостоянства дипломатии, планы России теперь срывались так же, как в 1894-96 гг., особенно в период неоднократного пребывания Солсбери в кабинете по ее вине были сорваны планы Англии. В сво-

* Примечания к данной главе начинаются на странице 377.

ей неприкрытой поддержке Турции посол Вангенгейм зашел настолько далеко, что на определенном этапе переговоров по Армянским реформам (сентябрь 1913 г.) заявил, что Германия согласится с условиями предложенного акта соглашения по реформам только в той мере, в какой их добровольно примет сама Турция. В период с декабря 1912 г. по июнь 1913 г. Россия прилагала активные усилия, направленные на то, чтобы подготовить почву для новой конференции по Армянским реформам. Поддерживая армян и призывая их бороться за свое дело как внутри Турции, так и вне ее при помощи прессы и посредством обращений к правительствам и общественным деятелям, посол России в Османской империи в то же время открыто предостерег их от провокаций, которые могли усугубить их положение, добавив при этом: “Необходимо, чтобы в глазах Европы армяне предстали скорее как жертвы турецкого своеволия, чем как политические революционеры, которые, желая воплотить в жизнь свои национальные стремления, вышли, чтобы извлечь пользу из военных поражений Турции”.¹

После того как 6 июня 1913 г. заместитель министра иностранных дел России Нератов направил ноту правительствам Европы, в Константинополе была создана комиссия по реформам в составе представителей шести держав, которая должна была предложить новый проект по реформам. Поскольку необходимо было учесть позицию Турции и Германии, в результате ряда жестких переговоров изначальные условия проекта, задуманного и разработанного экспертом по правовым вопросам российского посольства Андре Мандельштамом, были в значительной степени выхолощены. Согласовав большую часть существенных расхождений, державы совместно с Турцией в конце коцов приняли Соглашение о реформах от 26 января/8 февраля 1914 г., под которым от имени двух лагерей, на которые были разделены державы, подписались представитель России и великий визирь.

О том, какая судьба постигла это соглашение, было изложено в третьей части 12 главы. Однако учитывая то значение, которое придавали этому документу русские, турки и немцы, его целесообразно обсудить и в данной главе. Сообщая новость о достигнутом соглашении своему министру иностранных дел, поверенный России в османской столице Гулкевич выразил глубокое удовлетворение той решающей ролью, которую, по его мнению, сыграла Россия в составлении правового документа международного уровня. Определяя новую политику России по отношению к Армении, Гулкевич заметил, что она

была вызвана “осознанием большой важности Армянского вопроса для России с точки зрения как гуманизма, так и российских интересов.” Тогда он впервые выдвинул идею о неотложности продвижения реформ, которые необходимо было провести под российским или европейским контролем с учетом таких принципов, как “целостность Турции” (*sans porter atteinte à l'intégrité de la Turquie*) и “суверенность султана”.

С точки зрения турецкой, а следовательно, косвенным образом и германской позиции, самым угрожающим элементом этой новопровозглашенной политики было то, что заключение соглашения явилось действием, которое подготовило почву “для оккупации Армении [восточной Турции] в случае, если в результате неспособности или нежелания турецкого правительства реформы провалятся и если страна погрузится в анархию, угрожая безопасности соседствующих с Россией провинций”.² По своей остроте необходимость проведения Армянских реформ уступала лишь суровости тех опасностей, которые предвещала эта новая российская позиция для будущего восточных провинций Турции, не говоря уже о будущем Турции в целом. Таким образом, в результате любопытного поворота событий Армянский вопрос стал Русским вопросом в той степени, в какой эти два вопроса переплелись, и в особенности в восприятии младотурецких лидеров. Угроза, исходившая от России и олицетворявшая для Турции историческое возмездие, теперь как никогда была связана с армянской угрозой, обусловленной неотложностью выполнения положений соглашения, которое в определенной степени было инспирировано русскими.

Сотрудничество Германии с Турцией, которое дошло до своей кульминации 2 августа 1914 г. принятием во время войны секретного турецко-германского военного союза, было прямым результатом разворачивавшегося исторического процесса, который в значительной степени был ускорен заново возникшей российской угрозой. Национальные интересы Германии совпадали с национальными интересами Турции. По определению Вильгельма II и его советников, с российской угрозой нужно было считаться, и ей нужно было противостоять, хотя война казалась неизбежной.

Вторжение германской военной миссии в Турцию

Со строго военной точки зрения, событием, которое катализировало эту конфронтацию в ее зачаточной стадии, явилось создание германской военной

миссии в Турции, прибытие которой в декабре 1913 г. совпало с началом самой последней стадии переговоров по новому соглашению по Армянским реформам. По существу, руководимая бывалыми прусскими офицерами, эта группа должна была реформировать и реорганизовать турецкую армию. Эта миссия не была новшеством в истории турецко-германских отношений. Германия подключилась к работе по преобразованию осmano-турецкой армии еще в 1882 г., когда майор фон дер Гольц был уполномочен султаном Абдул-Гамидом реорганизовать турецкую армию и обучить ее офицерский состав. С турецкой точки зрения, договор о военном союзе, который был впервые предложен военным министром Энвером (июль 1914г.), был практически полностью направлен против России. Турки искали защиты Германии, а немцы, которые хоть и не были впечатлены военным потенциалом Турции того периода, тем не менее настаивали на том, чтобы Турция взяла на себя обязательство осуществить военное вмешательство в случае, если начнется русско-германская война. Стержнем этого договора было соглашение о том, что офицеры германской военной миссии должны взять на себя ответственность за оперативное командование турецкой армией. В соответствующем пункте говорится: *influence effective sur la conduite générale de l'armée*.³

Резкость, с какой русские отреагировали на эти договоренности, в определенном смысле предвещала русско-германскую конфронтацию, которая к тому времени уже начала принимать видимые очертания. Наплыв военных кадров Германии в Турцию в конечном итоге привел к созданию многочисленных связей с военно-промышленным комплексом Германии, в особенности с Круппом, который стал основным поставщиком военного снаряжения и вооружения для турецкой армии. Таким образом, германские военные миссии в Турции явились своего рода предвестниками нарастания германской мощи и усиления ее влияния на борющееся и изнуренное национальное государство. Власть германской военной миссии еще больше возросла после включения в соответствующий контракт пункта, по которому германские офицеры могли получить звание на ранг выше того, которое они имели в германской армии. В высший эшелон германской миссии входили прусский фельдмаршал (фон дер Гольц), два генерала, ставшие, подобным образом, маршалами, т. е. *müsir* (Лиман фон Сандерс и фон Фалкенхайн), три адмирала (Уздом, Сушон и Мертенс) и около десяти генералов, имевших более низкие звания и повышенных

до ранга турецких *ferik-ov* разных степеней. Изначально состоявшая из 70 офицеров, миссия постепенно настолько разрослась, что в самый разгар военных операций насчитывала около 7-8000 германских офицеров и около 12 000 войск.⁴

Самым ощутимым и важным результатом влияния командования и, в частности, адмиралов германской военной миссии явилось то, что они заблокировали способность Турции самостоятельно принимать решения относительно своего участия в войне. Так, им удалось вовлечь Турцию в войну с Россией, что, возможно, было преждевременным и непродуманным шагом. Они начали морские атаки на российские суда и черноморские военные базы, не получив законного разрешения от турок, и тем самым вынудили последних вступить в войну раньше, чем те этого хотели.⁵ Другое условие контракта предполагало, что если полевым командиром соединения был турецкий офицер, то командиром штаба должен был быть германский офицер, и наоборот.

Однако ни эти описания, ни приведенные числа не дают полного представления об истинном масштабе германского влияния, являющегося предметом данного обсуждения. Существовал один фактор, которому все остальные уступали по своей значимости и который не только обеспечивал устойчивое германское влияние, но и значительно усиливал его. Этим фактором были личные отношения военного министра Энвера с германским императором в сочетании с его преувеличенным представлением о потенциале германской военной машины и глубоким восхищением тем, что он считал истинно германскими качествами, — организационными способностями, военной отвагой и дисциплинированностью. Еще в бытность свою полковником Энвер в период с 1909 по 1913 гг. дважды служил в Берлине в качестве военного атташе. В годы его службы Вильгельм II всячески старался создать с ним особые отношения, потакая ему буквально во всем в расчете на его влияние на власть предрержащих младотурок.⁶

Достигнув этого положения, Энвер не во всех, но во многих отношениях стал доверенным лицом германских стратегов в Берлине и в имперском генштабе. Послевоенные отчеты некоторых турецких генералов, которые входили в военный аппарат, изобилуют ожесточенными нападками на Энвера, который характеризуется как марионетка немцев, преждевременно втянувшая Турцию в войну ради собственной славы и во имя сомнительных целей.⁷ Один из этих генералов даже утверждает, что в личной беседе Энвер признался ему в своих

планах “поселить в Анатолии множество (*bir hayil*) немцев”,⁸ предположительно на территориях освободившихся в результате “депортации армян”. Другой генерал жаловался на то, что во время своих поездок на фронт Энвер старательно избегал того, чтобы брать с собой турецких офицеров, и, не считая адъютантов и нескольких секретарей, его всегда сопровождали высокопоставленные немецкие офицеры.⁹ Еще один генерал, Исмет, сетовал на то, что “положение германской военной миссии позволяло ей день ото дня следить за всем, что происходило в стране”, что немцам “доверялись все государственные тайны, будь то политические или военные”.¹⁰ С точки зрения анализа соучастия Германии, ее столь привилегированная позиция приобретает такую важность, что заслуживает особого внимания. В частности, это касается той роли, которую играл генштаб прежде всего в связи с обязанностями, возложенными на одно из его управлений, а именно — отдел разведки (*Istihbarat*), или Второе управление. Это был один из тех немногих отделов, который одновременно был вторым управлением как в военном министерстве, так и в генштабе и таким образом принадлежал двум частично совпадавшим военным юрисдикциям, выполнявшим единую функцию, имевшим одну и ту же идентичность и один тот же персонал. Им руководил друг и сподвижник Энвера полковник Сейфи, он же — один из основных организаторов геноцида.

Более того, согласно турецкому историку, “руководителем Второго управления, которое было центром, куда стекались все военные и политические тайны государства, был назначен немецкий офицер. Это было равносильно тому, чтобы сдать страну немцам”.¹¹ Этим офицером был подполковник Зиверт. В функции Второго управления входили организация, размещение и руководство подразделениями бандитов Специальной организации,¹² которые осуществляли операции в местах массовых расстрелов. То обстоятельство, что полковник Сейфи, турецкий руководитель Второго управления, принимал участие в тайном собрании младотурок, где решение о массовых избиениях было оглашено в качестве программы, указывает на сущность участия этого управления в планировании и осуществлении массовых истреблений.¹³

Аспекты идеологических перспектив Германии

Изучение определенных отношений, лежавших в основе и обусловивших рассматриваемое в данной главе соучастие Германии, оправдано в той степе-

ни, в какой представляется возможным установление самого факта этого соучастия. Существуют несколько категорий отношений, которые подлежат рассмотрению. Одна из этих категорий включает отношения, которые восходят к абдулгамидовской эпохе и к массовым убийствам этой эпохи. В этом отношении выделяются две личности, которые воплощают преемственность политики той эпохи, поскольку по сути она перенеслась в эпоху геноцида военного времени. Взгляды Фридриха Наумана уже были представлены (часть шестая, глава 6). Однако отношение второго из них, императора Вильгельма II (обсуждалось там же), требует специального рассмотрения, причем на двух отдельных, хотя и тесно взаимосвязанных уровнях. Вначале рассмотрим его отношение в целом к исламу и к Турции, которое постепенно развивалось и в конце концов кристаллизовалось в ходе его двух поездок во владения султана, и в особенности во время второй (1898). Сходство между турецким и германским монархами заставило последнего основательно пересмотреть свои взгляды на ислам и теократию, рассматривая их в новой перспективе. В некотором смысле отождествляя себя с турецким султаном, Вильгельм II через эту новую призму начал рассматривать последнего как правителя, власть которого была предопределена Богом, который был заместителем Бога на земле и в котором совместились священная и секулярная власть в своем наивысшем проявлении. Именно это видение привело его к рассмотрению ислама как объединяющей силы, привлекающей истинных верующих притягательной системой идеалов, магнетизм которых он сравнивал с магией аскетических достоинств идеализируемой им Пруссии. По сути, он считал Турцию Пруссией Востока: он сравнивал присущее исламу самоотречение со своим определением прусского пуританства. Его речь в Дамаске 8 ноября 1898 г., в которой он выразил свою солидарность с тремястами миллионами мусульман во всем мире, была символической с точки зрения его идеологического восприятия Турции как теократической страны чудес, преданной священным идеалам и стремлениям ислама.

Однако такое возвеличивание религиозных идеалов и пуританизма вполне могло перерасти в потворство жестокости, причем в той мере, в какой того потребовал бы выход страстей, подавляемых усилиями пуританизма, будь то прусского или исламского. История депортаций во время войны является не чем иным, как одним из проявлений подобной мутации. Исследуя роль Гер-

мании в осуществлении депортаций, возможно, стоит обратить внимание на некоторые факты, свидетельствующие об отношении германского императора к идее подобных депортаций. До военного поражения Германии на Марне (5-12 сентября 1914 г.) он со всей серьезностью рассматривал в Имперском генштабе возможность “очистки” (*evakuieren*) определенных оккупированных регионов Франции и Бельгии от местного населения и “поселения [там] вместо них” (*ansiedeln*) “достойных” немцев. Не менее любопытно и то, что его канцлер охарактеризовал это предложение как “интригующее” и поэтому достойное изучения в качестве одного из дивидендов военной победы. Эта склонность выдворять с насиженных мест большие группы людей еще ярче проявилась в отношении к Эльзасу. 2 апреля 1915 г. адмирал Тирпиц писал в своем дневнике: “Недавно кайзер сказал, что очистит Эльзас от всех французов”.¹⁴ Иными словами, уже тогда император и его клика развлекали себя идеей, которая на сегодняшнем языке называется “этнической чисткой” через насильственную депортацию.

В этом смысле в идеологии турецкого плана по очистке Турции от армянского населения просматривается германский почерк. Сразу же после массовых истреблений армян 1894-1896 гг. генерал фон дер Гольц, которого тогдашний посол Германии Маршал характеризовал как гуру турецких офицеров-патриотов,¹⁵ выступив в пространной статье в защиту новой доктрины турецкого национального возрождения, оценивал ущерб для Турции в случае, если последняя не сможет разработать новый курс, который описывал Гольц. Суть этой доктрины состояла в том, что будущее Турции связывалось с азиатской частью империи и что именно по этой причине она должна была отказаться от своей европейской части и, повернувшись вовнутрь, консолидировать все свои силы в Анатолии. Цель заключается в том, говорил он, чтобы превратить слабое Византийское государство в сильное турецко-арабское посредством укрепления исламских связей между народами этого региона. Его совет заключался в следующем: чтобы нарастить внутреннюю мощь, необходимо сконцентрироваться на провинциях, являвшихся квинтэссенцией азиатской Турции. Гольц повторил свое мнение, заявив, что “сердце Турции находится не в Европе, а в Малой Азии. У Турции больше шансов добиться военных успехов в Закавказье, где военные позиции России слабы и где ее этнические и религиозные связи с местным мусульманским населением будут весьма кстати”.¹⁶ Аналогичной точки зрения придерживались германский полковник фон Ди-

ест и, в особенности, Поль Рорбах, борец за идею продвижения Германии на Ближний Восток. Есть основания полагать, что именно Рорбах был тем теоретиком, который внушил туркам идею о необходимости выселения армян с территорий их предков в восточной Турции в Месопотамию, чтобы заселить и обработать ту местность, по которой должна была быть проложена Багдадская железнодорожная система. Так, французский автор Рене Пинон утверждал, что во время лекции, прочитанной зимой 1913 г., Рорбах предложил эту сделку, которая была в интересах и Турции, и Германии, как решение затянувшегося Армянского вопроса.¹⁷ Авторство Рорбаха в этом вопросе подтверждает и американский посол Моргантау, ссылаясь на французскую газету *Temps*.¹⁸ С аналогичным утверждением выступил и армянский патриарх в Стамбуле. 28 мая/10 июня 1915 г. во время встречи с др. Мордтманном, руководителем армянского отдела в посольстве Германии в Константинополе, патриарх сказал последнему, что депортации, которые в то время осуществляло турецкое правительство, являлись реализацией плана Рорбаха, о котором он, Рорбах, незадолго до этого говорил в своей лекции в Германском географическом обществе.¹⁹ Ссылаясь на эти догадки и приводя новые подробности, а именно, что Рорбах предположительно сделал это предложение во время аудиенции у германского императора, вице-консул Германии в Эрзруме Шёбнер Рихтер в отправленном в Берлин рапорте ставит под сомнение утверждение, что депортации были результатом этого совета.²⁰ Возможно, самым правдоподобным предположением является то, что это предложение было сделано фон дер Гольцем. По имеющимся сведениям, в 1914 г., во время публичной лекции в Берлине, он в общих чертах представил нечто подобное. На лекции, проведенной при поддержке германо-турецкой Лиги (*Deutsch-Türkische Vereinigung*), присутствовали представители турецкого посольства, известные в Германии общественные деятели и члены Лиги. Лига была создана по настоянию министерства иностранных дел Германии, и Гольц был членом совета директоров. Основные пункты представленного предложения сводились к следующему:

1. Вот уже почти целое столетие Россия вмешивается во внутренние дела Турции под предлогом желания защитить подданные национальности.
2. Результатом явилось освобождение всех нетурецких национальностей империи от турецкого господства и значительное сокращение территории Турции.
3. Воспользовавшись кризисом, вызванным Балканской войной, Россия с не-

которых пор взялась за Армянский вопрос, втайне стремясь урезать еще больше турецких территорий через введение нового проекта по реформам.

4. Чтобы спасти Турцию от нового бедствия, необходимо раз и навсегда убрать с русско-турецкой границы полмиллиона армян, проживающих в провинциях Ван, Битлис и Эрзрум, которые граничат с этими территориями. Они должны быть переведены на юг и заново поселены на территории Алеппо и Месопотамии.
5. Взамен арабы, проживающие на этих территориях, должны быть переселены и размещены вдоль русско-турецкой границы.

Хотя на данный момент нет других источников, которые подтвердили бы этот отчет о лекции Гольца, основной тезис, который представлен в его же статье, написанной в 1897 г., сам по себе уже может служить в качестве доказательства, так как более или менее совпадает с основной сутью передаваемой лекции. Более того, происхождение этого источника не дает повода усомниться в его правдивости. Это армянский священник, который в то время был студентом теологии в Берлинском университете. Профессор-немец, который присутствовал на этой лекции, “конфиденциально” передал ему содержание этой лекции, и он, в свою очередь, поспешил сообщить об этом в армянское патриаршество в Константинополе.²¹

Соучастие военных. Приказ о “депортациях”

Роль генерала Бронсарта фон Шеллендорфа

Несмотря на то, что германским властям в Константинополе и Берлине, наверняка замешанным в предпринятии антиармянских мер в годы войны, довольно долгое время удавалось оставаться в тени, существуют две группы документов, свидетельствующих об их причастности. Первая содержится в отредактированных воспоминаниях главы младотурецкой партии Иттихад, министра внутренних дел, а затем и великого визиря (февраль 1917-октябрь 1918) Талеата. Согласно имеющимся сведениям, в декабре 1914 г. генерал-майор Фриц Бронсарт фон Шеллендорф, глава османского генштаба (*Umumi Karargâh*), попросил военного министра и фактического верховного главнокомандующего османскими вооруженными силами Энвера “созвать чрезвычайное тайное собрание с участием соответствующих министров”. В числе других в работе этого собрания приняли участие генералы Гольц и Лиман фон Сандерс, а так-

же самые влиятельные турки – Талеат и Энвер. По имеющейся информации, на этом собрании германские военные представили доказательства саботажа и зверств, учиненных армянами в тылу армии, в связи с чем потребовали предпринять контрмеры (*tedbir*), направленные на ликвидацию этой опасности, которая, по их мнению, угрожала сорвать турецкие военные усилия.²² И в этом случае нет документов, которые подтвердили бы именно эти данные, согласно которым генерал Бронсарт действительно был инициатором плана депортации армян. Однако в беседе с членом британского парламента и агентом разведывательной службы Обри Гербертом Талеат подтвердил, что именно немцы настояли на осуществлении антиармянских мер.²³ Не уточняя, что речь идет именно о немцах, Саид Халим, который в тот период занимал должность великого визиря, также сказал армянскому патриарху, что депортации были результатом “многомесячного давления со стороны военных властей”. 13/26 апреля 1915 г., т.е. через два дня после массовых арестов лидеров армянской общины в османской столице, армянский патриарх посетил великого визиря, чтобы передать ему петицию от имени армянского народа (на 98 странице источника патриарха, указанного в примечании 19). Вторая – это официальный документ, обнаруженный служащими канцелярии британского Верховного комиссара к концу турецкого перемирия. Из него явствует, что именно генерал Бронсарт, будучи начальником штаба османского Верховного командования, отдал приказ о депортации армян, призвав применять “суровые” (*şedide*) меры в отношении армян, входивших в состав строительных батальонов, чтобы предотвратить проблемы, которые они могли создать в связи с процедурой депортации, и держать их под строгим контролем.²⁴ Трудно переоценить всю важность этого документа, особенно если учесть, какую предусмотрительность проявляли немцы, когда определяли свое отношение к турецкой схеме, включавшей, как было отмечено выше, всю совокупность антиармянских мер. Подробнее этот вопрос будет обсужден далее, однако на данном этапе необходимо подчеркнуть, что этот документ совершенно определенно указывает на прямую причастность – предумышленную или непредумышленную – одного из самых высокопоставленных германских офицеров военной миссии Германии в Турции в санкционировании депортации армян. Документ этот выявляет также нечто чрезвычайно важное с точки зрения понимания истинной цели этих депортаций: полное взаимопонимание между германским начальником штаба и его турецкими собратьями относительно необходимости

применения “суровых мер” в процессе депортации.²⁵ Обычно под “суровостью” подразумевается строгость, однако в турецком языке, в особенности принятом и используемом в абдулгамидовскую эпоху массовых убийств армян, чиновники воспринимали это слово как разрешение на умерщвление. Более того, генерал Бронсарт рекомендовал графу фон Шуленбургу, который заменил Шёбнера Рихтера на посту консула Германии в Эрзруме, не следовать примеру своего предшественника и не заступаться за армян.²⁶ Как будет показано далее в этой главе, генерал Бронсарт, прекрасно знавший, каким был исход депортаций, санкционированных им, не только не испытывал сожаления, не говоря уже об угрызениях совести, но до конца своих дней оставался яростным защитником турок.

Геноцидальные последствия приказа и вопрос правовых обязательств

Если приказ, который так или иначе дает разрешение на насильственное уничтожение выбранной группы, формулируется со всей тщательностью и осмотрительностью, то после свершения факта, в отсутствие других обоснований, его можно защищать семантически. Это свойственно подразумеваемым директивам или приказам, заменяющим открытые указания. На самом деле, как правило, приказы последнего типа являются скорее исключением, чем нормой. Даже нацисты полагались на употребление завуалированного термина *Unschädlichmachung*, т.е. “обезвредить” субъект, чтобы замаскировать истинный план по ликвидации. В такой ситуации изначальное намерение может быть доказано на основе реального результата приказа, то есть того простого факта, что намерение уничтожения самым отчетливым образом явствует из результатов, указывающих на истребление. Таким образом, природа намерения не может быть отделена от природы его последствий. Приказ генерала Бронсарта, кроме того, что он относился к “армянскому народу” (*Ermeni ahalinin*), о депортации которого было “принято решение” (*mukarrerdir*), имел еще одну дополнительную специфическую цель, а именно: назначение “армян в строительные батальоны”, где они, исходя из соображений безопасности, должны были подвергнуться “суровому” обращению. И если, к примеру, выяснить, какая судьба постигла этих армян, то можно получить факты, которые позволят понять цель отданного приказа. Возможно, примеры, отобранные из имеющегося в наличии беспорядочного материала, рассказывающего об их судьбе, могут способствовать выполнению этой задачи: они были предоставле-

ны источниками, отождествляемыми с немецким лагерем, и — что не менее важно — были очевидцами событий.

В одном из докладов, адресованных своему канцлеру в Берлин, др. Вальтер Рёсслер, германский ветеран консульской службы в Алеппо, передал отчет германского капитана кавалерии о том, что огромному количеству молодых армян, служивших в строительных батальонах, “перерезали горла” (*durchschnittene Hälse*), разбросав их тела по обеим сторонам дороги, по которой он проезжал, направляясь из Диарбекира в Урфу.²⁷ В другом докладе от 3 сентября 1915 г. Рёсслер рассказывает историю об “убийстве сотен армян, задействованных в дорожном строительстве” в его округе.²⁸ Венесуэльский офицер, который при немецкой поддержке вызвался добровольно воевать на стороне турок, свидетельствовал, что, командуя войсками на восточном и юго-восточном турецком фронте, лично наблюдал за тем, как раз за разом, систематически уничтожался армянский контингент этих строительных батальонов. Вспоминая об одном из таких случаев, он рассказал, как увидел “1300-1500 невооруженных армянских солдат, которые дробили камни и ремонтировали дорогу”, а спустя некоторое время стали жертвами “резни” — этого “ужасающего преступления против человечества”.²⁹ Государственные архивы Германии полны документов с аналогичными свидетельствами о почти унифицированной системе уничтожения здоровых армянских мужчин: призыв в армию — разоружение — изоляция — уничтожение. О том, что подобное распределение армян на строительные работы никак не было связано с восстаниями в тылу турецкой армии, на чем часто настаивают турецкие источники, свидетельствует капитан-лейтенант Ганс Гуманн, морской атташе в Турции и близкий друг военного министра Энвера. В докладе от 16 октября 1914 г., т.е. за две недели до того, как Турция вступила в войну, он сообщал, что армян вместе с греками уже определяли в формирования строительных батальонов. Таким образом, это началось задолго до того, как у армян мог появиться повод или причина задумать восстание, не говоря уже о его реализации.³⁰

Прежде чем подвести итог этого обсуждения, необходимо сделать пару комментариев по поводу зашифрованной телеграммы, отправленной генералом Бронсартом: в конечном итоге, текст этой шифровки предзнаменовал вышеописанные последствия. Во-первых, ни турецкие власти, ни турецкие или протурецкие авторы до настоящего времени не ставили под сомнение ее подлинность. Наоборот, многие из них прямо или косвенно принимали и подтверж-

дали ее подлинность, ссылаясь на нее, когда требовалось подкрепить тот или иной довод. Более того, Турецкое историческое общество — своего рода оружие турецкого правительства, в одном из своих изданий, в *Belleten*, воспроизвело пакет документов, в котором была и зашифрованная телеграмма Бронсарта, а турецкий автор Сонел переработал их и представил в новой брошюре вместе с переводами этих документов на французский и английский (см. прим. 25).

Кроме приведенных выше суждений, существует еще и основополагающий правовой аспект вопроса. Признавая за собой авторство этой зашифрованной телеграммы, немецкий генерал взял на себя такую ответственность, которая выходит за пределы политических и военных аспектов проблемы, выдвигая новую проблему правовой ответственности его ведомства. Он был не только начальником штаба при Ставке главнокомандующего и Генеральном штабе, но и временно, т.е. во время Сарикамышского наступления 1914-1915 гг., был начальником штаба османской Третьей армии, которая вела это наступление. Эти операции имели множество последствий для армянского населения шести провинций, находившихся в зоне командования Третьей армии. Более того, по контракту он был представителем имперской Германии. В первую очередь, он был членом германской военной миссии в Турции и следовательно, был подотчетен именно этой миссии, а через нее — императору Вильгельму II и военным и гражданским властям Германии. Эта миссия была санкционирована самим императором, который назначил ее руководителя — маршала Лимана фон Сандерса, наделив его достаточно широкими и привилегированными полномочиями, которые позволяли ему докладывать напрямую самому императору, обходя посольство Германии и другие промежуточные инстанции. Как рассказывает Сандерс в своих мемуарах, сначала он “был уполномочен Его Императорским Величеством подписать” контракт. Затем, в ноябре 1913 г., он “был вызван к Его Императорскому Величеству”, который рассказал ему о миссии. До своего отъезда в Константинополь генерал Сандерс и первый контингент германских офицеров, среди которых был и Бронсарт фон Шеллендорф, были еще раз вызваны к императору, чтобы получить официальное назначение в эту миссию.³¹

Генерал Бронсарт приводит доводы в свое оправдание, обвиняя жертву после свершения факта

Бронсарт строил свое оправдание на том, что вменял армянам в вину против них же совершенное в годы первой мировой войны преступление. Однако в основе этих обвинений лежат не только приписываемые жертве провокационные действия, но и сложившийся отрицательный образ, что уже подпадает под совершенно конкретные категории предубеждений и стереотипов. И согласно этому обоснованию, армяне заслужили ту участь, которая выпала на их долю. Эта позиция заслуживает особого внимания, так как проливает свет на те социально-психологические механизмы, которые в своей динамике породили, а затем и дали рациональное объяснение обсуждаемому здесь акту соучастия. Совершенно очевидно, что в послевоенные годы враждебность генерала по отношению к жертве не только не смягчилась, но и сохранилась во всех отношениях. Словно глубоко неудовлетворенный тем, что население это не было полностью уничтожено, Бронсарт не прекращал свои выпады против армян как этнической общности. Одним из методов, к которому он прибегал с этой целью, было их сравнение с евреями. Вот пример того, как он поносит оба народа:

Армянин похож на еврея: за пределами своей родины это паразит, высасывающий кровь из народа принявшей его страны. Год за годом они покидают свою родную землю — точно так, как это делают польские евреи, эмигрирующие в Германию, — чтобы заниматься там ростовщичеством. Отсюда и ненависть, которая, выплеснувшись в средневековой форме, была направлена против них, как против неприятного народа, и привела к их убийству.³²

В другом месте он называл армян “подстрекателями”, которых во всей Турции справедливо ненавидели больше, чем самых худших из евреев. Распространяя свою злобу и на американского посла Моргентау, который пытался выступить в защиту армян, Бронсарт с презрением называл его “еврей Моргентау”. Используя игру слов, он описывал Соединенные Штаты как “коррумпированные Соединенные Штаты” (*ver-un-reinigten*), добавляя отрицательную частицу *un* и букву *r* между словами *ver* и *einigten*.³³ Одной из причин этих нападков было то, что в своих мемуарах Моргентау назвал генерала Бронсарта “злым духом”, который вмешивался в дела турок и влиял на некоторые их решения.

Однако учитывая условия, которые царили в Турции во время войны, ни один иностранный генерал не мог рискнуть вмешаться, не имея политической опоры, которая позволила бы такое вмешательство. Бронсарт, будучи начальником штаба при Ставке османского Главнокомандующего, имел такую опору. Его личные тесные связи с Энвером, военным министром и фактическим Главнокомандующим османскими вооруженными силами, укрепляли эту опору. Как было отмечено выше, власть, исходящая от этой опоры, давала также право на санкционирование депортаций армян, которые он выполнял неукоснительно. В этой связи стоит упомянуть немецкий документ военного времени, свидетельствующий о том, что генерал Бронсарт хотел, чтобы меры по депортации распространились также и на греческое население. 2 августа 1916 г. османский Генеральный штаб обратился с просьбой к генералу Лиману фон Сандерсу, командующему 5-ой османской армией, охранявшей весь западный берег Малой Азии, включая Адалию на средиземноморском побережье. Речь шла о депортации “греков с прибрежных зон”; прошение было подписано генералом Бронсартом. По различным причинам, и в том числе по политическим и военным соображениям, просьба не была удовлетворена. Временно.³⁴

Роль и отношение других высокопоставленных немецких офицеров

Фон дер Гольц, фельдмаршал.

Самыми главными среди них были фельдмаршал фон дер Гольц и подполковники Фельдман и Боетрих. О причастности Гольца впервые стало известно из издаваемого на немецком языке армянского периодического издания; эта публикация в основном подтверждала то, что Талеат, как известно, раскрыл в своих мемуарах (прим. 22). Согласно этому изданию, причастность Гольца не вызывала никаких сомнений. “Фактически, план был представлен фельдмаршалу и одобрен им”.³⁵ Гольц пользовался репутацией большего турка, чем сами турки. По сообщению австрийского военного уполномоченного в Турции, некоторые называли его “отуреченным” (*vertürkt*) немцем.³⁶ Когда в первых числах февраля 1915 г. военный министр Энвер назначил его своим “советником”, Гольц не только получил кабинет в военном министерстве, но и по специальному приказу Энвера вошел в верхушку османского главкомандования. Затем Энвер приказал начальнику штаба — немцу, генералу Бронсарту держать Гольца “в курсе (*interrichten*) всех вопросов, связанных с вой-

ной”.³⁷ Необходимо отметить, что окончательное решение “депортировать” армянское население империи, судя по всему, было принято в конце февраля — начале марта 1915 г. Однако какими бы ни были истинная причина и степень причастности Гольца в принятии решений подобного рода, в своих мемуарах он говорит о горечи, которую испытал “всем сердцем” при виде “беспредельных бедствий” (*grenzenloses Elend*) депортируемых армян, с которыми он встретился у Тавра на юге, там где кончается гора, охарактеризовав все это как “ужасающую национальную трагедию”.³⁸ Др. Отто Гёпперт, советник министерства иностранных дел Германии и бывший тайный советник дипломатической миссии в посольстве Германии в Константинополе считал, что следует ставить различие между предоставлением советов и одобрением (*Zustimmung*), заявив по этому поводу: “Действительно, Энвер паша показывал приказ... Гольцу, спрашивая его мнение... [Гольц] и вправду подумал об эвакуации [армян] как о возможном варианте. Безусловно, не стоит забывать и о том, что турки могли использовать это высказывание фельдмаршала как ширму”.³⁹

Фельдман, подполковник.

Еще меньше сомнений вызывает роль подполковника фон Фельдмана, который был главой Первого оперативного отдела в османском Генеральном штабе и который в 1921 г. открыто заявил о том, что “консультировал” турецкие власти по вопросу о необходимости “очистить некоторые территории... от армян”. Не меньшую важность представляет и другое его признание в том, что ко всему этому были причастны и другие “немецкие офицеры”.⁴⁰ Это признание приобретает дополнительную значимость в связи с тем, что Фельдман, как и Бронсарт, сопровождал Энвера в восточную Турцию и во время антироссийской кампании 1914-1915 гг. служил в качестве офицера штаба. Согласно одному немецкому военному историку, Бронсарт и Фельдман были “доверенными лицами Энвера и в ходе ежедневных консультаций обменивались с ним мнениями относительно мельчайших подробностей”.⁴¹

Боетрих, подполковник.

В случае с подполковником Боетрихом, начальником железнодорожной службы в османском Генеральном штабе, многое поражает и в то же время да-

ет значительно больше обличающего материала, чем в предыдущих случаях. Как и Бронсарт, это еще один высокопоставленный немецкий офицер, который приказал депортировать армян и поставил под этим приказом свою подпись. Речь шла о судьбе тех тысяч армян, которые были заняты в строительстве Багдадской железной дороги. Приступив к выполнению своих обязанностей, Ботрих приказал провести депортацию этих армян в два этапа и, подобно Бронсарту, имея в виду процедуру депортации, использовал слова “применение суровых мер”. Степень жестокости примененных мер описывается очевидцем последовавших за этим кровавых боен, жертвами которых стали тысячи подлежащих истреблению армянских рабочих Багдадской железной дороги. “Вблизи Вираншехира на их долю выпала та же участь, что и до них выпала на долю сотни тысяч их братьев. Все они были зарезаны”. (*Mit dem Messer wurden sie alle erledigt*).⁴²

Необходимо обратить особое внимание на некоторые аспекты этого документа. Во-первых, он демонстрирует готовность немецких офицеров выполнить требования турецкого союзника, вне зависимости от того, насколько высока была цена этих договоренностей для совместных турецко-германских военных усилий. Многие из этих армян были квалифицированными рабочими, техниками, инженерами и железнодорожниками. Быстрое завершение проекта Багдадской железной дороги имело стратегическую важность с точки зрения этих военных усилий, являлось насущной необходимостью и должно было принести победу на турецком театре военных действий. В Германии это прекрасно понимали как военные, так и некоторые гражданские представители власти. И тем не менее, по каким-то своим причинам, они присоединились к туркам в их решении депортировать квалифицированных специалистов. В результате погибли десятки тысяч людей и проект был отложен на несколько месяцев, которые обошлись весьма дорого, так как власти испытывали большие трудности с заменой тех, кого они уничтожили.

Во-вторых, немецкая военная и гражданская верхушка, очевидно, не зная о намного более серьезном просчете генерала Бронсарта, сильно встревожилась и огорчилась, узнав о прямой причастности Ботриха к приказам по депортации. Тревогу забил Франц Гюнтер, заместитель главного начальника азиатской железной дороги, выразивший недовольство в связи с тем, что Ботрих, оказавшись настолько глупым, чтобы поставить свою подпись под этим документом и санкционировать приказ, тем самым превратил его в немецкий, таким образом, взвалив ответственность на германское государство. В

частности, он заметил:

Когда-нибудь наши враги хорошо заплатят, чтобы заполучить этот документ... они смогут доказать, что немцы не только ничего не сделали для того, чтобы предотвратить преследование армян, но даже отдали с этой целью определенные приказы, как язвительно отметил один [турецкий] военный командир.⁴³

Министр иностранных дел Германии фон Ягов сразу же передал этот документ в Верховное командование Германии, Фалькенхайну с тем, чтобы против Ботриха были предприняты определенные меры. Однако Фалькенхайн не захотел увольнять последнего, как ему посоветовал Трётлер, немецкий дипломат в министерстве иностранных дел.⁴⁴ Комментируя эти неблагоприятные поступки, капеллан посольства Германии граф фон Лютихау, которого министр иностранных дел Кюльман характеризовал как “символ немецкого духа”,⁴⁵ заявил:

Действительно, немецкие офицеры дали свое согласие на эвакуацию по причинам военно-стратегического характера. И, возможно... турки исказили это одобрение так, чтобы оно выглядело как желание или приказ немцев. Если же выяснится, что турки толкнули немецких офицеров на передний план и последние, не осознав политических последствий, допустили это, как боюсь, к сожалению, и было на самом деле, то никакие попытки по сокрытию [*Verheimlichung*] ни к чему не приведут из-за наличия письменных приказов, скрепленных подписями.⁴⁶

Профессор Рихтер, один из редакторов *Allgemeine Missions-Zeitung*, утверждал, что фактически именно немецкие офицеры “посоветовали” (*den Rat gaben*) туркам депортировать армян.⁴⁷

Гвидо фон Уздом, адмирал.

Один из трех немецких адмиралов, нанятых турками, — Уздом должен был помогать защищать проливы и береговые укрепления в этом районе. Сначала он стал Генерал-инспектором береговой артиллерии и минирования, затем взял на себя командование обороной проливов Дарданеллы и Босфор, и с этой целью специально для него был создан Морской отряд особого назначения “Адмирал фон Уздом” (*Marine-Sonderkommando Admiral von Usedom*). Уздом был олицетворением многих военных традиций Пруссии. До назначения на служ-

бу в Турции он служил адъютантом императора Германии, был капитаном его яхты “Гогенцоллерн” и входил в официальную свиту императора.

В ходе нескольких бесед с немецким адмиралом, непосредственно перед началом войны американский посол Моргантау поднимал тему депортаций около 100 000 греков с азиатского побережья Эгейского моря. Уздом признал, что “эти депортации были предложены туркам немцами”. Что касается “массовых убийств армян”, то вот что рассказывает об этом Моргантау: “Уздом... обсуждал все это спокойно, скорее как военную проблему, и из его замечаний невозможно было догадаться, что речь шла о миллионе человеческих жизней. Он просто сказал, что армяне стояли на пути, что они были препятствием на пути успеха Германии и что поэтому необходимо было убрать их, просто как ненужный хлам”.⁴⁸

Вильгельм Соушон, контр-адмирал.

Был главнокомандующим турецким флотом и командующим Средиземноморской группой военно-морского флота Германии (*Mittelmeer Division*), возглавляемой линейным крейсером “Гоебен” (который позже был переименован в *Yavuz* и присвоен турецким военно-морским флотом), а также крейсером малой грузоподъемности “Бреслау” (также переименованным и названным *Midilli*). Именно Соушон руководил морской атакой на Россию в октябре 1914 г., преднамеренно развязав русско-турецкую войну.

Выражая мнение об армянах и их судьбе во время войны, Соушон говорил: “Турция работает против армян со всей тщательностью и осмотрительностью. Я надеюсь, что эта драма вскоре подойдет к концу”. Как известно, через четыре дня, в августе 1915 г., он занес в свой дневник следующую запись: “Для Турции наступит спасение, когда она покончит с последним армянином; тогда она избавится от ведущих подрывную деятельность кровопийц”.⁴⁹

Зеект, генерал-лейтенант.

Генерал-лейтенант Ганс Фридрих Леопольд фон Зеект прибыл в Турцию в 1917 г. после головокружительного продвижения по службе в германской полевой армии, где он служил в качестве начальника штаба в войсках восточ-

ного фронта, находившихся под командованием Макензена, а затем в Сербии, где Зеект сыграл важную роль в победе Германии. Заменив генерал-майора Фритца Бронсарта фон Шеллендорфа в должности начальника штаба Османского верховного командования, Зеект быстро адаптировался к новой должности и наладил более или менее ровные отношения со своим начальником, военным министром Энвером. Высказывая свое мнение относительно истребления армян в Османской империи, Зеект сказал: “Требования войны вызвали необходимость того, чтобы христианские, сентиментальные и политические соображения просто исчезли” (... *Rücksicht der Kriegsnotwendigkeit halber verschwinden*).⁵⁰ Глубокое чувство преданности туркам побудило его предложить военному министру Энверу и его сподвижнику, великому визирю Талеату поддержку немцев, которая была необходима для того, чтобы дать им возможность покинуть страну после войны.

Граф Эберхард Вольфскеел фон Рейхенберг, майор.

Он прибыл в Турцию в январе 1915 г. и был назначен начальником штаба при губернаторе Сирии в феврале 1915 г. Спустя четыре месяца он стал начальником штаба 8-го армейского корпуса, получив ранг майора османской армии, но оставшись при этом членом военной миссии Германии в Турции.

Его причастность к антиармянской деятельности с апреля по октябрь 1915 г. знаменательна в двух отношениях. Во-первых, это было активное участие в военных операциях, в которых он играл лидирующую роль при уничтожении сопротивлявшихся армян. Во-вторых, будучи адъютантом турецкого генерала, он выполнял эту задачу, следуя его приказам.

Речь идет о подавлении оборонительного восстания армян Муса-Дага в августе-сентябре, во время которого Вольфскеел был наблюдателем, и в Урфе в сентябре-октябре 1915 г. Перед лицом неминуемой депортации и уничтожения, армяне этих двух местностей решили запросить за свои жизни высокую цену, поднявшись против регулярных подразделений османской армии. Генерал Фахри, начальник штаба командующего 4-ой армией Джемала-паши, а в дальнейшем — командующий экспедиционными войсками в Хиджазе и защитник Медины, получил задание подавить и извести армян, которые оказывали сопротивление при депортации. Когда три батальона регулярной армии и множество нерегулярных подразделений, вооруженные двумя полевыми орудиями

и гаубицей, оказались неспособными победить бойцов армянской самообороны в Урфе, Фахри, который в то время был командующим 12 армейским корпусом, приказал майору Вольфскеелу бомбардировать и уничтожить армянский квартал города. Выполняя приказ, офицер германской артиллерии превратил этот квартал в руины. “Постоянно” обвиняя армян в “предательстве” (*Verräter*), майор характеризовал их как источник “неприятностей” (*Scherereien*) для турок, а методы обращения последних с армянами - как “внутреннее дело Турции” (*innertürkische Angelegenheit*). Вывод, к которому он пришел, состоял в том, что наилучшим решением проблемы могла стать массовая депортация армян. Весьма знаменательно, что в направленном в Берлин 29 ноября 1915 г. докладе посла Германии Меттерниха две ссылки на Вольфскеела, связанные с историей в Урфе, зачеркнуты. Это говорит о том, что в окончательный текст они не вошли. Аналогичным образом из приведенного в книге Лепсиуса сообщения Нейрата канцлеру Бетману Гольвегу от 20 ноября 1915 г. вырезаны пространные параграфы поверенного Германии Нейрата, содержащие отчет майора Вольфскеела о военных операциях против армян Урфы.⁵¹

Политические индикаторы соучастия в преступлении

Несмотря на влияние прусского милитаризма на набравшие обороты германские национальные устремления, предшествовавшие Первой мировой войне месяцы давали простор для скорее политического, нежели военного маневрирования, а также для того, чтобы определить такую внешнюю политику, которая позволила бы приспособить политические требования к военным, и наоборот. Статус Вильгельма II был связующим звеном между двумя сферами средств достижения целей. Он был не только верховным правителем имперской Германии, но и, по крайней мере номинально, Верховным Главнокомандующим (*Oberster Kriegsherr*). — статус, который в новой истории был с гордостью достигнут и установлен Фридрихом Великим. Вильгельм II часто посещал германские штабы в Кобленце, Люксембурге, Спа и Плессе и Крещнахе. Начальник германского Генштаба ежедневно докладывал ему. Номинально Вильгельм II был и главнокомандующим, и главой государства, в силу чего он без колебаний вмешивался в военные дела — исходя из государственных интересов.

Учитывая условия и суть секретного турецко-германского союзного дого-

вора от 2 августа 1914 г., роль, которую играли высокопоставленные немецкие офицеры, расквартированные в годы войны в Турции, неминуемо должна была привести к политическим последствиям. Само их присутствие в Турции во время войны уже являлось самым значительным политическим актом, предвещавшим дополнительные военные последствия. С точки зрения этой перспективы, военная служба в Турции предполагала адаптацию к собственным политическим планам турецкого союзника, включая такие операции, как “этническая чистка”. В связи с этим требуется прокомментировать подходы и доктрины архитекторов внешней политики Германии. Главным архитектором был, конечно же, сам император, который, как было отмечено выше (глава 6, параграф 6), подготовил почву для заложения основ этой политики. Формирование военной миссии Германии в Турции и кадровое обеспечение ее высших эшелонов посредством назначения нескольких прусских офицеров было активным проявлением желания Германии наметить политический курс своего военного союзника.

Частью этой политики было и наложение цензуры на немецкую прессу с целью пресечения и утаивания информации о получавших все больший размах массовых избиениях армян (как обсуждалось в 1 параграфе 12 главы). Иногда, чтобы скрыть информацию, целесообразнее умалчивать о ней, чем присоединяться к кампании по дезинформированию и отрицанию. В целом политика Германии по Армянскому вопросу заключалась в старательном избегании любых обсуждений и дебатов, и именно поэтому редкие высказывания по этому поводу заслуживают особого внимания. Согласно имеющимся сведениям, следующее заявление, приписываемое представителями британских спецслужб императору Германии, было сделано им в связи с его третьим визитом в Турцию (октябрь 15-18, 1917г.). В лаконичной форме в ней представляется отношение императора к уничтожению османских армян и резюмируется немецкая политика по этой проблеме. Ссылаясь на “достоверный источник”, отдел политической разведки британского министерства иностранных дел в меморандуме, датированном 25 мая 1918 г., заявлял, что 17 октября 1917 г., на второй день своего визита в османскую столицу, Вильгельм II сказал принимающей турецкой стороне, что “с Арменией... Османское правительство должно поступить по своему усмотрению”.⁵²

Эта немецкая вседозволенность просматривается и в дипломатической корреспонденции министра иностранных дел Германии Ягова. В сообщении от 14

марта 1914 г., адресованном группе немецких бизнесменов, он заявлял, что если турецкое правительство и дальше будет игнорировать желания немцев и их коммерческие интересы, то правительство Германии станет “в высшей степени отчужденным” (*ernstes Befremden*). Это приведет к тому, продолжал он, что “для нас станет невозможным продолжать вести дружественную политику по отношению к Турции”. И “если Турция не внесет быстрые и фундаментальные изменения в свое отношение, — предостерегал он далее, — она не сможет более рассчитывать на нас в разрешении таких дел, как Армянский и другие вопросы”.⁵³ Турки уступили, немцы одержали верх, и менее чем через пять месяцев союз был скреплен.

Одним из последствий союза явилась неизбежная политизация некоторых немецких офицеров, склонных настолько рьяно проявлять свою солидарность с турками и их интересами, что в результате они выходили за пределы своих обязанностей, вытекающих из союзных обязательств. Более всего среди них выделялись Гольц и Бронсарт, которые ревностно пытались защищать престиж и репутацию Турции от попыток своих соотечественников немцев и других унижить или дискредитировать Турцию. В докладе от 22 апреля 1915 г. с грифом “совершенно секретно” (*streng geheim*) князь Готфилд Гогенлоэ, посол Австрии в Германии, ставил своего министра иностранных дел в Вене в известность о крупном инциденте, чреватом серьезными последствиями для будущего турецко-германского союза. Прежде чем изложить его, Гогенлоэ обращался со следующей просьбой: “Я умоляю вас, используя эту информацию, сделать так, чтобы посольство Германии в Константинополе не узнало о том, что я предоставил ее Вам.” Случилось так, что во время визита Гольца в штаб Верховного командования Германии некоторые немецкие офицеры “в присутствии императора высказали мнение, что союз с Турцией представляет весьма незначительную ценность (*sehr gering bewertet*) и фактически определили его как бремя (*Last*) для Германии”. Гольц был “очень огорчен” по поводу этих выражений, однако по возвращении в Константинополь он, “по необъяснимым причинам”, пожаловался на них Энверу. Этот поступок привел “в сильное негодование соответствующие турецкие власти” [*eine ungeheuere Verstimmung*]. Гогенлоэ добавлял, что, побывав незадолго до этого в Берлине, турецкой министр экономики Джавид заявил, что представители министерства иностранных дел Германии “весьма сговорчивы”, чего нельзя сказать о кругах военных офицеров, которые “абсолютно не ценят” турецкий вклад в военные

усилия и считают этот союз “абсолютным излишеством”. “В министерстве иностранных дел Германии сильно разгневаны на этот просчет и в особенности на неуместную болтливость фельдмаршала”.⁵⁴

У генерала Бронсарта было столь же чувствительное отношение к Турции, и он в равной степени ревностно относился к ее репутации. Он делал все, чтобы призвать к ответу немецкоязычную ежедневную газету в Константинополе *Osmanischer Lloyd*, которая частично финансировалась посольством Германии и представляла немецкие интересы в Турции. В письме протеста, адресованном посольству Германии, Бронсарт критиковал редакторскую колонку этой газеты, в которой развивалась мысль о том, что “в Европе ощущается определенная тенденция игнорирования реальных нужд Турции”. Очевидно, немецкая газета позаимствовала эту тему из турецкой ежедневной газеты *Sabah* и, развив ее, писала: “Несмотря на тот факт, что тысячи немцев вернулись в Германию после трехлетней службы в Турции, народ Германии не имеет представления о турецком национальном духе”. Бронсарт полагал, что “ни при каких обстоятельствах” (*keinesfalls*) немецкой газете не следовало “позволять” писать такое. Не удовлетворившись этим упреком, Бронсарт поднял также вопрос статьи, помещенной в другой турецкой газете (*Terkümani Hakikat*), которая, очевидно, была воспроизведена в той же *Osmanischer Lloyd*. Бронсарт призвал посольство Германии быть более бдительным в отношении таких опрометчивых поступков, охарактеризовав их как “политическую неучтивость” по отношению к турецкому союзнику.⁵⁵

И хотя такие проявления крайней шепетильности во всем, что касалось имиджа Турции, носили побочный характер, на самом деле они весьма существенны, так как свидетельствуют о лежащих в их основе прочных отношениях. В данном случае Гольц и Бронсарт выступают как военные, ставшие ярыми политиками. Однако гораздо важнее то, что они настолько персонифицировали условия и цели партнерства с Турцией, что достигли полного отождествления с Турцией и со всем турецким вообще. Здесь наблюдается очевидное слияние милитаризма и политики, когда союзнические интересы смешиваются с личными интересами, исходящими из налаженных личных дружеских связей с турецкими лидерами.

При таких обстоятельствах некоторые военные лидеры в конце концов неизбежно должны были стать ярыми политиками, а политические лидеры, включая дипломатов, — занять милитаристическую позицию. В следующей

части этой главы обсуждение будет сконцентрировано на двух таких немцах, которые, в свете турецкого плана по ликвидации армянского населения, могут рассматриваться как яркие примеры олицетворения идеи *laissez-faire*.

Посол и морской атташе: вопрос о преобладающей роли в причастности к преступлению

Формальное заключение союза само по себе не гарантирует того, что он выживет или будет иметь продолжение. Более важной задачей является реальное выполнение условий этого союза, в особенности в военное время и тем более, когда существуют разъединяющие союзников религиозные различия и культурное несоответствие. В такой ситуации необходимо подпитывать и укреплять союз, чтобы предотвратить или ликвидировать зачатки кризиса, который может угрожать ему или подрывать его. Одним словом, необходимы верные сторожевые псы, и одним из таких сторожевых псов был посол Германии в Турции.

Посол Ганс Фрейхер фон Вангенгейм

Американский посол Моргантау описывал его как “абсолютное воплощение прусской системы”, хотя по происхождению и воспитанию Вангенгейм был не пруссаком, а тюрингцем. Однако в молодости он служил в кавалерии и, “как все, кто представлял общественный порядок того времени, боготворил прусскую военную систему; его потрясающая выправка указывала на то, что он служил в армии, и в истинно немецкой манере он рассматривал практически любую жизненную ситуацию с военной точки зрения”. Для него прусское наследие — система “крупного юнкерского землевладения” — “было олицетворением достигнутого человечеством совершенства”, достойного “почитания и преклонения”.⁵⁶

Из политических соображений, в основном обусловленных военной необходимостью, Вангенгейм поборол в себе изначально невысокое мнение о военном потенциале Турции и в июле 1914 г. представил в Берлин рекомендации о том, чтобы Турция со всей серьезностью стала рассматриваться как кандидат для союза с Германией. Его образ действий в соответствии с условиями союза представляет собой достаточно обширную тему и выходит за рамки данного исследования. Однако его метод запугивания великого визиря (предполо-

жительно, при тайной поддержке Энвера), с целью обеспечить принятие турецким правительством немецкого плана, суть которого состояла в том, чтобы, вторгнувшись в территориальные воды России в Черном море, втянуть Турцию в войну с Россией, является ярким олицетворением того, каким властным и даже безжалостным он мог быть, когда вопрос касался национальных интересов Германии. Вот что сам Вангенгейм доложил в Берлин: “Я сказал ему, что вторжение в Черное море было необходимо с точки зрения интересов Германии, которым при случае мы будем вынуждены подчинить турецкие интересы. И хотя суда, которые должны участвовать в военных действиях, находятся в распоряжении Турции, они принадлежат Германии и поэтому не могут принимать приказы непосредственно от морского министра Турции... Эти заявления, которые я повторил и для других министров кабинета, похоже, возымели действие”. На самом деле Вангенгейм выполнял прямые приказы императора Вильгельма II. Приказ был передан через адмирала Гюго фон Погля, начальника штаба военно-морских сил Германии, а в дальнейшем командующего флотом в открытом море.⁵⁷ Один из турецких авторов отмечает склонность Вангенгейма “запугивать даже министров кабинета”, добавляя, что, “будучи типичным олицетворением немецкого милитаризма, Вангенгейм постоянно вмешивался в дела османского правительства. Он был тираном Стамбула”.⁵⁸

Эти подробности свидетельствуют о склонности посла к воинственности и его готовности проявлять ее в случае необходимости. В то же время они указывают и на его поразительное умение противостоять лидерам правительства и с решимостью и настойчивостью навязывать им желания своего собственного правительства. Как было отмечено выше, в этих дерзких выпадах его скорее всего поддерживали такие лидеры, как Энвер, и в некоторой степени даже Талеат и др. Назим — всесильный закулисный лидер Иттихадистов, со всей ясностью указывает на присущие союзу преимущества, которыми пользовалась Германия и которые давали ей некоторое превосходство и возможность в какой-то степени контролировать процесс определения Турцией своих военных приоритетов. Турция намного больше зависела от Германии, чем Германия от Турции. Это чувство зависимости наряду с признательностью нашло свое самое решительное выражение в словах, сказанных Талеатом во время войны немецкому военному атташе Отто фон Лассову: “Германия наш отец, а Австрия всего лишь наш сосед” (*L'Allemagne est notre père*,

L'Autriche, c'est un voisin).⁵⁹ О том, сколь уязвимыми стали турки к различным проявлениям и требованиям Германии, свидетельствует известное интервью Талеата члену британского парламента Обри Герберту, в котором он заявил, что “оказался связанным по рукам и ногам немцами и что он сказал Совету министров: “Я часто задавался вопросом, почему британцы хотят воевать с немцами, а теперь я знаю”.⁶⁰

Тем не менее, Вангенгейм старательно уклонялся от какого бы то ни было вмешательства в защиту армян, доведя это увеливание до уровня устойчивой политики. Более того, по причине ли его внутренних убеждений, в силу ли ограничений, наложенных на него его берлинским начальством, или же в результате совпадения обоих факторов, но он безоговорочно был на стороне турок, даже когда получал душераздирающие докладные от своих консулов в провинциях о разразившемся геноциде, и даже тогда, когда по долгу службы он пересылал эти докладные в Берлин. И в этом смысле его сообщения в Берлин на данную тему являются ни чем иным, как формальным и официальным проявлением его позиции и косвенно — позиции его правительства. Как было отмечено выше (глава 6, параграф 6, прим.101), в апреле 1915 г., в месяц, который вошел в историю, ознаменовав собой геноцид армян, Вангенгейм безо всяких обиняков передал в Берлин, что ситуация армян была достаточно безнадежной и что высшие интересы Германии требуют, чтобы она не вмешивалась.

Характеризуя положение армян как безнадежное, он был последователен в своем диагнозе относительно общей ситуации, связанной с армянами Турции. В беседе с австрийским военным уполномоченным в Турции вице-маршалом Помянковским, которая по времени совпала с процессом переговоров по Армянским реформам 1913 г., Вангенгейм сказал последнему, что единственным спасением для армян Турции было “обращение в ислам”.⁶¹ Однако, в докладах о неофициальных разговорах с послом США Моргантау всплывает более жесткая, если не зловещая картина. Вангенгейм, как и немецкий генерал Бронсарт, оказался противником армян, питая к ним самый широкий спектр чувств, начиная с простой антипатии и заканчивая настоящей ненавистью. Просто, приняв на веру обвинения и критику турок в адрес армян и пользуясь их же эпитетами, Вангенгейм сказал Моргантау, что “армяне были всего лишь вероломными предателями”.

Намек, сделанный Вангенгеймом Моргантау, однозначно указывал на то,

что при желании он мог бы обеспечить вмешательство в защиту любой национальности, создающей проблемы для турок. Примером такого случая были евреи. Хотя в силу географических и демографических факторов евреи являли собой намного меньшую угрозу, их стремления, связанные с Палестиной и влившиеся в сионистское движение, представляли территориальную угрозу для постоянно сжимавшейся Османской империи. Более того, Талеат питал острую неприязнь к российским евреям, игравшим существенную роль в разработке планов на Палестину. В своей упомянутой выше беседе с Обри Гербертом он охарактеризовал “большинство российских евреев” как “выродков”.⁶² Тем не менее, Вангенгейм самоуверенно убеждал Моргантау, что сможет вмешаться. “Я помогу сионистам, — сказал он мне, полагая, что лично мне это заявление доставит удовольствие. — Но для армян я ничего не сделаю”.⁶³ Затем Вангенгейм взвалил бремя по защите армян на Соединенные Штаты: “Очевидно, что США — это единственная страна, которая заинтересована в судьбе армян”. Ссылаясь на “ваших людей, которые стали их покровителями”, Вангенгейм предположил, что американцы взяли на себя обязательство помогать армянам. По какой-то искаженной логике, Вангенгейм обвинил правительство США в продаже оружия Англии и Франции и в применении союзниками артиллерийских снарядов против турок в Дарданеллах, добавив, что пока правительство США будет сохранять такое отношение, турки ничего не смогут сделать для армян. Примечательно, что за все время этих бесед Вангенгейм и словом не обмолвился о том, что хотел бы помочь, но не мог из-за чинимых турками непреодолимых препятствий. Напротив, он со всей прямотой еще раз высказал свою позицию, которая заключалась в том, что он не желал этого делать. Со своей стороны, маршал Лиман фон Сандерс считал, что Вангенгейм знал, “как добиться своего в Турции”.⁶⁴ Моргантау был поражен степенью абсурдности того, что немецкий посол дерзнул связать американскую помощь союзникам с “турецкими нападениями на тысячи армянских женщин и детей”. Он попытался убедить Вангенгейма в том, что вопрос не заключался “ни в военной необходимости, ни в государственной политике или в чем-то еще”, что это просто “гуманитарная проблема”. Он призвал его учесть тот факт, что речь шла об уничтожении в основном пожилых женщин и мужчин и беспомощных детей: “Почему вы просто по-человечески не можете понять, что эти люди тоже имеют право на жизнь?” Оставаясь непреклонным, Вангенгейм резко отпарировал: “Я не стану вмешиваться”, и произнес на английском час-

то повторяемое изречение милитаристов: “Наша цель — выиграть эту войну”. Стресс и напряжение, вызванные этими событиями, по-видимому, подорвали здоровье немецкого посла, и он почувствовал некоторую слабость. Моргентау рассказывал, что принимал Вангенгейма в своем кабинете в американском посольстве. Он сделал знак Вангенгейму, что далее не имело смысла продолжать этот разговор: “Я с отвращением отвернулся от него. Вангенгейм поднялся, чтобы уйти. Поднявшись, он тяжело вздохнул, и ноги его подкосились. Я вскочил и, подбежав к нему, подхватил его до того, как он успел упасть. Некоторое время он был в совершенном оцепенении; смотрел на меня в полном замешательстве, затем вдруг собрался с силами и вернулся к своей обычной позе. Я взял посла под руку, проводил его вниз по ступеням и посадил в его автомобиль... Спустя два дня за обеденным столом его хватил удар; его отнесли наверх и уложили в постель, но он так и не пришел в сознание”. Вангенгейм умер 25 октября 1915 г. и после пышных похорон в османской столице был предан земле на территории летней резиденции посольства в Терапии, на берегу Босфора. Моргентау следующим образом подытожил все это: “Он был тем человеком и его правительство было тем правительством, которые могли остановить эти преступления... эту резню целого народа...”⁶⁵

Некоторые могут оспорить это мнение, которое звучит как вердикт. Как бы то ни было, можно только удивляться иронии имевшего место совпадения: два наделенных огромной властью дипломата — русский и немецкий, министр иностранных дел и посол, с разницей в двадцать лет умышленно допустили совершение двух случаев массовых убийств армян, тем самым разделив бремя соучастия. Их постигла та же болезнь, которая привела к их смерти, так как болезнь эта — апоплексический удар — оказалась фатальной (см. глава 6, прим. 31, 32 — о судьбе российского двойника Вангенгейма - Лобанова).

Капитан-лейтенант и морской атташе Ганс Гуманн

Из всего немецкого военного персонала, назначенного в годы войны на разные посты в Турции, Гуманн был наиболее важной фигурой в том аспекте, что был связан с военным министром Энвером узами дружбы, которая началась еще в те дни, когда Энвер два срока служил в Берлине в качестве военного атташе Турции (1908-1909 гг. и 1909-1912 гг.). Однако эти отношения были наследием Карла Гуманна, археологические интересы которого много раз приводили его в Турцию, где родился его сын Ганс Гуманн (Смирна-Издмир) и где

он вел раскопки, основной целью которых были исторические памятники древнегреческой цивилизации. Со временем он стал директором Восточного музея в Берлине. Его сын Ганс Гуманн провел большую часть своего детства в Турции, что сильно сблизило его с турками. Это чувство близости получило свое дальнейшее развитие и кристаллизовалось благодаря дружбе с Энвером — сначала в Берлине, а затем и в Константинополе. До назначения в Турцию Гуманн занимал ключевую должность в разведывательной службе германского флота, руководимой влиятельным гранд-адмиралом фон Тирпитцем, чьим верным и восхищенным протеже был Ганс Гуманн, приверженец его доктрины пангерманизма.

После захвата власти иттихадистами в 1913 г. он был назначен капитаном “Лорели”, сторожевого корабля посольства в Константинополе, а затем — морским атташе в посольстве. Как утверждал его друг Эрнест Джах, Гуманн “стал неофициальным посланником Германии... он мог через голову любого посла, напрямую выйти на ближайшее окружение кайзера. Это была потрясающая позиция с необычайным влиянием, чтобы не сказать больше”. В связи с этим именно Гуманну приписывается некая деятельность, которая подготовила почву для вступления Турции в войну. Именно он предложил и смог провести план, благодаря которому немецкая эскадра под командованием контр-адмирала Соушона ушла от преследований британских военно-морских сил, пройдя через проливы, присоединившись к турецкому флоту и став в итоге его частью, чтобы в течение нескольких недель развязать русско-турецкую войну.

Его свободный доступ к Энверу, с которым он тесно общался, обращался по имени, говорил ему по-немецки *Du*, т.е. был с ним “на ты”, дал ему возможность выступать в роли посредника между такими конфликтующими сторонами, как глава немецкой военной миссии, посол Германии, Энвер и генерал Бронсарт. Кроме того, он общался с теми, кто так или иначе поддерживал Энвера и его сподвижников в связи с введением и применением антиармянских мер во время войны — с Бронсартом, Гольцем и Вангенгеймом. Основная его задача заключалась в том, чтобы попытаться максимально обеспечить нужды и требования турок; все остальное, то есть все, что касалось требований союза, либо имело для него второстепенную важность, либо не представляло никакой ценности вообще. В записке, адресованной послу Кюхльману, он призывал последнего во имя политических интересов Германии не от-

ворачиваться от турецких лидеров. “Мы не можем себе позволить отдалить их и тем самым поставить под угрозу нашу ближневосточную политику, которая на Востоке всегда зависела от личных отношений”.⁶⁶

В беседах с американским послом Моргантау он также “с чрезвычайной прямоотой и жестокостью обсуждал Армянский вопрос”. Так, он заявил, что на основании своего глубокого знания турок и Турции он пришел к заключению, что “армяне и турки не могут жить вместе в одной стране. Один из этих народов должен уйти. И я не обвиняю турок за то, что они делают с армянами. Я думаю, что их действия полностью оправданы. Более слабая нация должна уступить”. По наблюдениям Моргантау, сколь бы бессердечным не был немецкий посол Вангенгейм, в своей безжалостности и жестокости даже он уступал Гуманну – “человеку, имевшему большое влияние”. Один немецкий дипломат как-то сказал американскому послу, что “Гуманн был большим турком, чем Энвер и Талеат”.⁶⁷ Опровергая эти предположения, Гуманн в своем двенадцатистраничном докладе⁶⁸ попытался оспорить все, что было сказано Моргантау, тем самым поставив под сомнение серьезность своего опровержения. По ходу он повторил самые невероятные обвинения, которые выдвигали турки против армян во время войны, – такие, например, как утверждение о том, что “из 130 000 турок, проживавших в Ване, 100 000 стали жертвами резни, учиненной армянами”. Более того, отрицая свое прямое участие в консультациях по поводу антиармянских мер, он был достаточно осторожен, чтобы не использовать слово “официально” (*amtlich*), таким образом оставив открытой возможность того, что он мог участвовать неофициально. Однако, как было отмечено выше (глава 6, прим. 98), Вангенгейм сам признался в том, что использовал Гуманна для консультаций и для того, чтобы на неофициальном уровне передавать Энверу важную информацию. Другими словами он избегал официальных каналов, когда речь шла о важных вопросах. Очевидно, что в упомянутом докладе Гуманн пытался воспользоваться своим опытом бывалого разведчика морского ведомства (*Admiralstab, Marineamt*), чтобы сбить людей с толку, в то же время стараясь оспорить предъявленные ему обвинения и даже пустить в ход дезинформацию там, где это было необходимо.

Изучив обвинения Моргантау против Гуманна в официальных записях немецких архивов, относящихся к 1914-1915 гг., швейцарский автор пришел к заключению, что эти записи “подтверждают то, как воспринимал Моргантау” Гуманна. К примеру, в ответ на то, что армян “уничтожают”, Гуманн, как вы-

яснилось, сказал: “Сурово, но полезно”.⁶⁹ Через два дня, т.е. 17 июня 1915 г., Гуманн присовокупил к этому заявлению следующее замечание: “...турецкое правительство использует военное время и занятость Европы, чтобы силовым методом окончательно разрешить Армянский вопрос”. Согласно тому же автору, подобно генералу Бронсарту, Гуманн на протяжении долгих лет продолжал относиться к армянам весьма враждебно и проявлял свое отношение через послевоенную немецкую националистическую газету *Deutsche Allgemeine Zeitung*. Он заключил, что Гуманн “приветствовал и поддерживал уничтожение армянского народа в Османской империи”.⁷⁰ Посол Меттерних, который работал с Гуманном и наблюдал за его контактами, за его отношениями с Энвером и другими властью предержавшими, также резко критикует Гуманна, характеризуя его как “большого мерзавца”.⁷¹

Турецкие подтверждения соучастия немцев

Правительство Германии в ряде случаев требовало от турецких властей публично опровергнуть растущее число сообщений и намеков о том, что немцы посоветовали туркам начать ликвидацию армянского населения. И турки, не колеблясь, шли на это в угоду немцам. Чтобы придать этому отрицанию большую убедительность, они настаивали на том, что то, как именно правительство обращалось с армянами во время войны, являлось исключительно внутренним вопросом, и, следовательно, не имело правовой основы или оправдания для вмешательства какого-либо иностранного государства, включая Германию, в вопросы, решения по которым принимались турецким правительством. Однако картина изменилась после войны, когда многие турки заговорили об определенной причастности Германии. Самой выдающейся фигурой среди них был руководитель партии, министр внутренних дел и с февраля 1917 г. великий визирь Талеат (см. выше прим. 22, 23 и 60).

Журналистские сообщения

Некоторые из этих утверждений носили характер журналистских выпадов, содержащих обычные несущественные декларации. К примеру, в период перемирия, известный турецкий писатель Дженаб Шахабеддин, который в 1915 г. посетил Германию в составе делегации турецких газетчиков и редакторов, утверждал, что ответственность за применение антиармянских мер лежала на

немецких военных офицерах.⁷² Другой турецкий редактор совсем недавно также утверждал, что именно немецкий Генштаб предложил убрать армян, чтобы обеспечить безопасность тыла турецкой армии.⁷³ Еще один турецкий редактор в самой неприкрытой форме указал на вовлеченность немцев, в особенности “немецких востоковедов, которые еще до начала войны в рамках изучения соответствующих проблем, выдвинули вопрос о депортации армян. Один член военной миссии Германии в Турции заявил, что “план по выселению армян являлся немецкой идеей”.⁷⁴ Наконец, необходимо упомянуть монографическое исследование о немецком влиянии в Турции, в котором автор утверждает, что в процессе принятия решений немцы, предвидя опасность вспышки возможных беспорядков, оказали влияние на турок, действуя за кулисами и дергая за нитки (*akil hocalđi*). Здесь нелишне еще раз упомянуть и о приведенном автором слове “сурово” (*şiddetle*): когда немецкий Генштаб призвал турок подавить армян, они приказали сделать это со всей суровостью.⁷⁵

Разоблачение бывшего министра иностранных дел Турции

В архивах британского министерства иностранных дел хранятся записи долголетней переписки между британскими и американскими источниками по вопросу “причастности Берлина к массовым убийствам армян”. Центральной фигурой в этой переписке является Азим, который в 1911 г. был министром иностранных дел Турции и которому впоследствии было поручено склонить иранцев на союз с Турцией, в связи с чем он был назначен послом в Тегеране. В одном из фрагментов этой корреспонденции есть зашифрованная телеграмма, в которой совершенно отчетливо говорится о том, что “Азим-бей может добыть и уже добыл достоверную информацию относительно подстрекательства и соучастия правительства Германии в массовых убийствах армян”. Британские источники отмечают, что, разочарованный тем, как в целом вели себя иттихадисты, и (цитируя один из этих источников) их “подлостью”, Азим был готов разоблачить их. Бегло говоривший на немецком и имевший доступ к послам Турции и Германии в Вашингтоне, он, как выяснилось, добыл информацию о причастности немцев у самого посла Германии.⁷⁶ Упомянутая выше зашифрованная телеграмма относительно “причастности Берлина” была отправлена редактором *Christian Science Monitor* в Бостоне Диксоном Г.Х. Лококу, британскому генеральному консулу в Бостоне, который, однако, в это время был в Лондоне.⁷⁷ Согласно А. Хартви Бетарсту, руководителю лондонского бю-

ро *Christian Science Monitor*, вся эта история, связанная с готовностью раскрыть государственную тайну, разразилась вследствие конфликта, возникшего в турецком отделении Панамско-Тихоокеанской выставки 1915 г. в Сан-Франциско, директор которого, армянин Ваган Кардашян был снят со своей должности в результате вмешательства немецкого посла в Вашингтоне. Однако не совсем понятно, как именно в это дело был вовлечен Азим. Согласно Бетарсту, британскому источнику и юристу, в прошлом у Азима были некоторые раздоры с Иттихадом; он был в курсе некоторых их тайн и еще больше узнал в 1915 году благодаря своей связи с немецким послом.

Последний, очевидно, получил эти документы от турецкого посла. Говорится о том, что Азим знал “подноготную секретного плана”, разработанного против армян, и передал имевшуюся у него информацию “нескольким людям”. Бетарст отмечает также, что правительство США “не слишком хотело, чтобы эти разоблачения вызвали смятение чувств в отношении немцев”.⁷⁸ Что же касается упомянутой корреспонденции, то никакой развязки не последовало. Кроме общих слов о том, что, согласно заявлению бывшего министра иностранных дел, в его распоряжении имеются документы, относящиеся к причастности немцев к уничтожению османских армян, ничего конкретного фактически не было раскрыто или представлено. Остается полагаться лишь на правдивость соответствующих американских и британских источников, а также на их честность.

Намеки, сделанные двумя турецкими депутатами до и после свершения факта

На возможность того, что до начала войны и за несколько месяцев до того, как был заключен турецко-немецкий военный союз, в Германии была заключена сделка с некоторыми представителями германских властей, намекал один из членов турецкого парламента. Этим депутатом был представитель провинции Диарбекир Фейзи. В двух следовавших друг за другом беседах с британским вице-консулом в Диарбекире, который оказался армянином, Фейзи зловеще предсказал, что если армянские лидеры и дальше будут тянуться к британцам и их союзникам, армянскому населению Турции придет конец. Во время встречи 27 августа 1914 г. Фейзи еще раз повторил, чем была обусловлена солидарность Турции с Германией, и по ходу беседы признался, что был в составе делегации турецких депутатов, которые посетили Берлин весной то-

го же года. Когда вице-консул армянин выразил свое удивление по поводу того, как открыто он говорил о столь зловещей перспективе, турецкий депутат резко парировал: “На основании того, что я видел, слышал и узнал там [в Берлине], я пришел исключительно к такому заключению”. Это предсказание приобретает еще большую значимость в свете того факта, что, как известно, впоследствии депутат Фейзи стал одним из самых жестоких организаторов геноцида армян. Согласно докладу британской разведывательной службы, “депутат Фейзи был принят кайзером и награжден Железным Крестом”.⁷⁹

Другой турецкий депутат, член парламента новоиспеченного кемалистского режима, говорят, сделал такой же намек о том, что немецкая вседозволенность стала фактором в успешном осуществлении турецкого антиармянского плана. На тайной сессии (10 июня 1922 г.), во время которой депутаты вели дебаты по поводу проблемы депортации греческого населения Понто́са в районе Трапезунда, Али Шюкрю, депутат от Трапезунда, выразил сожаление по поводу того, что турецкому правительству не удалось решить греческую проблему во время войны, когда условия были намного более благоприятными. Он был недоволен тем, что предпринимаемые меры носили вялый и половинчатый характер, и с ностальгией вспоминал военное время, когда “Германия была за нами, выполняя все наши желания. Теперь же мы предоставлены самим себе. И тем не менее, не суть важно, как именно, но мы должны немедленно решить эту проблему”.

Речь, конечно же, шла о тех крутых мерах, посредством которых была осуществлена депортация армян, имевшая целью их уничтожение. Комментируя этот конечный результат, министр финансов Гасан Фехми в ходе тех же дебатов сравнил ожидавший своего решения греческий вопрос с успешными депортациями армян. Он с удовлетворением отметил, что успех был обусловлен тем, “что армия была распределена по всей стране, а армяне не имели ни малейшего представления о том, что их ожидало”.⁸⁰

Утверждение министра турецкого правительства

Министр экономики Джавид, находился в постоянной связи с представителями Германии, постоянно вел переговоры по экономическим и финансовым вопросам, чтобы поддержать Турцию в постепенно усугублявшейся ситуации тягот военного времени. С этой целью он даже ездил в Берлин и имел консультации на высоком уровне с немецкими должностными лицами. В ин-

тервью, которое он дал Фолли, специальному корреспонденту британской газеты *Morning Post* в османской столице, Джавид в период перемирия утверждал, что именно немцы впервые подняли вопрос о ликвидации армянского населения Турции.⁸¹

Вклад турецкого историка

В своем многотомном исследовании на тему турецкой освободительной борьбы в новейшее время Доган Авчиоглу выступает как один из немногих летописцев, у которого был или которому было позволено иметь доступ к некоторым самым сокровенным тайнам младотурок-иттихадистов. В одном из фрагментов книги, обсуждая армянские депортации, он отмечает, что эти депортации имели широкомасштабный систематический характер и что их цель состояла в “радикальном разрешении Армянского вопроса”. Согласно имевшимся в его распоряжении данным, в ходе совещаний партии Иттихад план этот был выдвинут др. Шакиром и “одобрен” (*onaylandığı*) немцами.⁸²

Эти турецкие заявления и утверждения имеют неофициальный характер и, будучи таковыми, не могут считаться достоверными. Однако учитывая природу обсуждаемого соучастия в преступлении, будет весьма сложно обеспечить свидетельства какого-либо иного характера, которые позволили бы со всей точностью установить ту или иную степень преступного соучастия. В следующей части этой главы будет представлена информация о том, как немецкий начальник штаба Османского верховного командования изъял значительное количество документов и после окончания войны, отбыв в Берлин, увез их с собой. Что же касается остальных материалов, связанных с вопросом виновности в целом, то необходимо знать, как можно наилучшим образом использовать то, что является лишь косвенными доказательствами.

Соккрытие и обнаружение фактов

Условия войны и подготовка к войне таковы, что увеличивают необходимость соблюдения обыкновенной секретности, присущей международной дипломатии и связанной с ней деятельностью по военному сотрудничеству. Турецкий план, направленный против армянского населения, был не только частью этой военной тайны, но и одной из ее основных составляющих. Причастность немцев к его возникновению и осуществлению, вне зависимости от

природы и степени их участия, привела к тому, что они были вынуждены приложить все усилия, чтобы помочь туркам утаить все, что могло свидетельствовать о заложенном в этот план преступлении. С точки зрения собственно германских интересов, утаивание улик, которые могли указать на вовлеченность немцев, представляла еще большую важность.

Уничтожение данных основного тома документов министерства иностранных дел

Усилия немцев в частности были обусловлены их стремлением скрыть эти факты от общественности Германии и, даже, от ее официальных кругов. Несмотря на то, что немецкие дипломаты — сменявшие друг друга послы Германии в Турции и целый сонм служивших внутри Турции консулов Германии, наводняли министерство иностранных дел и ведомство канцлера Германии в Берлине подробностями нарастающей резни, от властей, в том числе и от верховного командования Генштаба, поступали приказы замалчивать эти факты и не доводить их до германской общественности. Протестантский миссионер, историк др. Иоганнес Лепсиус решил пойти против своего правительства и начал тайно собирать информацию и составлять документацию, надеясь, что, поставив в известность общественность, вызовет тем самым ее возмущение, и что в результате оказанного давления правительство вынуждено будет вмешаться и остановить резню. Лепсиус не был новичком в вопросе истории массовых убийств армян. Сразу после массовых истреблений эпохи Абдул-Гамида он отправился в двухмесячную инспекционную поездку на места, где происходили зверства, и затем опубликовал книгу, представив в ней все, что ему удалось выяснить (см. глава 8, прим. 146). Такую же поездку в Турцию он предпринял и в июле 1915 г.; власти Германии в конце концов пошли на уступку и дали ему разрешение на эту поездку. За время своего пребывания в Константинополе Лепсиусу удалось через свои связи в американском посольстве, армянском патриаршестве, с немецкими, швейцарскими и американскими миссионерами и некоторыми турецкими чиновниками тайно собрать свидетельства совершаемых турецкими властями преступлений. Он встретился также с военным министром Энвером, который вызывающе заявил ему, что всю ответственность за происходящее возлагает на армянское население провинций.

Проявив редкую храбрость, Лепсиус подготовил *Специальный доклад*, за-

нявший 303 страницы печатного текста, и тайно разослал его по почте членам Рейхстага (парламент Германии), однако правительству удалось пресечь его доставку. Эта книга была разослана и 10-20 тысячам других немцев, среди которых были руководители церкви, общественные деятели и т.д.⁸³ Было запланировано распространение еще большего количества экземпляров, когда Ибрагим Хакки-паша, турецкий посол в Берлине, заявил решительный протест, воззвав к интересам “общего дела”, для “триумфа” которого необходимо было запретить распространение этого “в высшей степени постыдного” образца пропаганды. В течение нескольких дней министр иностранных дел Ягов любезно известил посла, что книги, о которых шла речь, были “конфискованы”.⁸⁴ Более того, на Лепсиуса оказывалось давление со всех сторон, в особенности со стороны министерства иностранных дел Германии, с требованием прекратить свою деятельность; иногда это давление перерастало в запугивание, принимая форму скрытых угроз. В Голландии, где Лепсиус находился в вынужденной ссылке, он стал объектом унижительного обращения со стороны посла Германии в этой стране, Фридриха Розена, который требовал, чтобы Лепсиус воздержался от публичных заявлений, пока идет война.⁸⁵ Отказавшись молчать, Лепсиус в то же время пообещал не делать и не говорить ничего такого, что могло бы подорвать внешнюю политику Германии и “оскорбить чувства турецкого союзника”. Лепсиус решил посвятить себя благотворительности, чтобы облегчить участь тех, кому удалось выжить.

Однако по ходу развития событий Лепсиус оказался в ситуации, которая вынуждала его уничтожить некоторые официальные немецкие записи, чтобы снять с Германии какую бы то ни было вину или обвинение в причастности к преступлению, связанному с судьбой армян. Он должен был играть роль защитника Германии, в то же время подчеркивая, что одна только Турция несла ответственность за преступления против армян. В результате в 1919 г. был опубликован увесистый сборник документов министерства иностранных дел Германии, содержащий 444 единицы дипломатической и военной корреспонденции и пять приложений по данному делу.⁸⁶

Обстоятельства, которыми была обусловлена публикация этой работы, выдают симптомы озабоченности немцев, которые стремились любыми способами обелить Германию и выдвинуть на первый план масштаб вины и ответственности турок. Министерство иностранных дел Германии через своего представителя др. Вильгельма Золфа заключило с Лепсиусом сделку, согласно

которой министерство отказывалось опубликовать Белую книгу о депортациях и массовых убийствах армян, но взамен давало Лепсиусу доступ к своим документам, чтобы тот подготовил вместо этого другую работу, за которую он нес личную ответственность. Лепсиус согласился, но при условии, что от него ничего не будет утаиваться и что у него будет полный доступ. Должностным лицом, торговавшимся с Лепсиусом относительно того, какие документы можно пропускать и какие необходимо уничтожить, был тайный дипломатический советник др. Отто Гёпперт.⁸⁷ В своем ответном письме от 28 июня 1919 г., отправленном Гёпперту из Голландии, Лепсиус в примирительном тоне убеждал Гёпперта, что он с самого начала «намеревался снять обвинения [т.е. оправдать] (*entlasten*) с Германии». «Я думаю, — писал Лепсиус, — что книга послужит своей цели и рассеет клеветнические обвинения, выдвинутые против немецких чиновников и офицеров».⁸⁸ Выразив удовлетворение намерением Лепсиуса, Гёпперт поставил последнего в известность, что решил изъять новые материалы из документов немецких консулов, которые должны были дополнить уже предоставленные материалы. Собранные бывшим консулом в Алеппо Рёсслером, эти новые документы, не представляя особой ценности с точки зрения немецких интересов (*ohne Nutzen für uns*), в то же время могли «еще больше изобличить турок» и пополнить «главу турецких зверств» (*zur Vervollständigung des Kapitels der türkischen Greuel*).⁸⁹

В этом отношении работа Лепсиуса действительно неполноценна. Некоторые представляющие большую важность отрывки изъятые из определенных документов, чтобы скрыть те эпизоды, в которых отношения и действия немцев прямо ли косвенно ли выдают ту или иную степень их попустительства или причастности; есть места, где предложения и слова заменены или представлены в измененном виде. Такие авторы, как Трумпенер,⁹⁰ Динкель⁹¹ и Бигль, заметили эти пропуски и изъятия, причем последний подробнейшим образом описывает использованный им с этой целью метод.⁹² При тщательном изучении состояния оригиналов этих документов, содержащихся в министерстве иностранных дел в Бонне, оказалось, что в нужных местах подлежащие удалению отрывки были отмечены едва заметными скобками. И хотя многие возлагают вину за это именно на Лепсиуса, нельзя исключать также вероятность тайного вмешательства кого-то из министерства иностранных дел, кто был в прямом контакте с издателем.⁹³

Вопрос о финансовых обязательствах

Вероятно, Гёппертом была выявлена самая невероятная причина, побудившая немецкие власти скрыть факты (сокрытие фактов в годы войны с применением цензуры обсуждалось в главе 12, прим. 9, 10, 11). Выразив глубокую озабоченность по поводу того, какие последствия могли иметь выдвинутые против Германии «по всему миру, и в особенности в Америке...» обвинения в причастности к преступлению, он следующим образом объяснил основную причину этой обеспокоенности: «Это тяжкое обвинение, от которого мы должны избавиться, хотя бы исходя из финансовых соображений, в противном случае мы понесем ответственность за нанесенный ущерб».⁹⁴

Изъятие немцами документов Османского генштаба

Большая часть материалов, представленных в этой главе, указывает на то, что некоторые немецкие офицеры высокого ранга, в особенности те, которые служили в Османском генштабе, в разной форме и в разной степени были причастны к преступлению. Учитывая такое положение вещей, архивы Генштаба должны были содержать материалы огромной важности. Однако генерал-майор Зеект, последний немецкий начальник штаба этого ведомства, уезжая после войны из Турции, поспешил увезти с собой значительную часть этих документов. Министры турецкого правительства, в частности, министр образования др. Риза Тевфик и получивший после войны должность великого визиря Иззет-паша, узнав об этом поступке, публично осудили его. 6 ноября 1918 г. великий визирь Иззет направил в Берлин официальный протест, обвиняя Зеекта в нарушении закона, т.е. в том, что тот увез с собой «*tous les dossiers du Quartier Général Ottoman*», несмотря на официальное обещание не забирать документы, являвшиеся «собственностью правительства». 24 ноября 1918 г. Зеект обещал вернуть только те папки, которые в основном касались турецких военных.⁹⁵ Нет никаких данных о том, к какой категории относились документы, содержащиеся в этих папках, или о том, на каком языке или языках они были сформулированы. Невозможно также установить, были ли эти документы возвращены, и если да, то в каком объеме, когда и какому ведомству турецкого правительства. Такая недостоверность делает невозможным более глубокое исследование этой проблемы и ее последствий. Остается лишь добавить, что все это является частью имевших широкий размах усилий, направленных на сокрытие фактов.

Немецкий документ, содержащий разоблачающий намек

Исключительная ценность этого документа состоит в его редкости. Ни в одном из относящихся к делу досье, исследованных автором этой книги в Бонне и Потсдаме, нет другого документа, который сравнился бы с этим по степени откровенности, с какой агент немецкой разведывательной службы сообщает о том, что получившие широкое распространение слухи и заявления о соучастии Германии частично содержат правду. Документ этот берет свое начало из ведомства Отто Гюнтера Весендонка, эксперта по национальным вопросам политического отдела министерства иностранных дел Германии и специалиста по повстанческим движениям в приграничных районах России. В докладе, датированном 4 мая 1916 г., он цитирует О. Фон Шмидта, заявившего, что, “по утверждению проникательных турок, приказ об истреблении (*Vertilgung*) армян был отдан немцами” (*auf deatshen Befehl*).⁹⁶

Эта язвительная ремарка содержит несколько аспектов, достойных особого внимания. Во-первых, в свете последствий отданного генералом Бронсартом и приведенного выше приказа о депортации, это довольно точное заявление. Во-вторых, в силу занимаемой Шмидтом должности, его заявления представляются более или менее достоверными, так как речь идет о его связях с турецкими и немецкими агентами разведки, задействованными в специальных секретных заданиях. Он был агентом графа Фридриха Вернера фон Шуленберга, который, помимо своей временной консульской работы, занимался организацией и размещением партизан; миссия последних состояла в том, чтобы сорвать военные усилия России посредством саботажа и повстанческих действий на ее закавказских границах. Координировала эти действия турецкая Специальная организация, которая являлась основным инструментом осуществления геноцида армян. Не менее важным обстоятельством представляется и то, что Шмидт был связан с двумя людьми, в разной степени причастными к ликвидации армянского населения, — турком др. Назимом и немцем Гуманном. К примеру, в связи с поездкой Шмидта и Назима в Берлин Гуманн написал письмо Джеху, немецкому агенту, туркофилу, пользовавшемуся поддержкой министерства иностранных дел Германии, рекомендуя др. Назима. Гуманн просил Джеха “с заботой и любовью присматривать за ним”. “Нет надобности говорить о чрезвычайно важной роли этого человека во всей политической жизни Турции”, — писал он.⁹⁷

Самым обличительным в этом документе является прилагательное, исполь-

зуемое Шмидтом для характеристики турок, обвинявших Германию в “истреблении” армян. Это немецкое прилагательное “*einsichtig*”, означающее “проницательный” или “восприимчивый”. Здесь не только не наблюдается обычное для немцев отрицание подобного рода утверждений, но и ощущается желание похвалить тех, кому принадлежали эти утверждения. Эти люди не отвергаются категорически; напротив, за ними признается определенная острота ума. Этот факт подтверждается еще и тем, что фон Весендонк, который был одним из лидеров, руководивших антиросийскими мятежными заговорами, сохраняя молчание, как будто соглашается со Шмидтом; несмотря на свою ответственную должность, он нигде в этом документе не вступает в спор со Шмидтом и не оппонирует ему, в то время как последний, совершенно отчетливо приняв турецкую точку зрения, полностью соглашается с выдвинутыми против немцев обвинениями в причастности к преступлению. И наконец, то же самое можно сказать и о Ёгене Миттвохе, профессоре берлинского университета, египтологе, который руководил отделом, занимавшимся вопросами разведки и пропаганды на Востоке. Его заявление, приложенное в том же документе к докладу Весендонка, просто замалчивает недостатки утверждения Шмидта.

Понятно, что это была конфиденциальная информация, предназначенная исключительно для внутреннего пользования и каким-то образом попавшая в папку с обычными документами. Понятно и то, что и Весендонк, и Миттвох, в большей степени сконцентрированные на других аспектах этого документа, отнесли к заявлению Шмидта как ко второстепенному вопросу, не заслуживавшему специальных комментариев. И то обстоятельство, что они не отвергли или не оспорили мнение Шмидта, не обязательно свидетельствует об их согласии с ним. Тем не менее, факт остается фактом, что Шмидт, служивший в разведке, имевший тесные связи с определенными турками и немцами и знавший об истреблении армян, молчаливо признал, что немцы были соучастниками преступления, тем самым добавив еще одно звено в цепи представленных в данной главе свидетельств.

Разоблачение с помощью двух ветеранов австрийской консульской службы.

Др. Эрнст фон Квиатковски, будучи генеральным консулом Австро-Венгерской монархии в Трапезунде, активно собирал по всей провинции достоверную информацию об обстоятельствах депортации и массового истребления

армян. Из всех австрийских консулов, служивших в Турции в военное время, он добросовестнее всех выполнял эту задачу; его частые доклады в Вену были сфокусированы на этом вопросе. В ряде докладов он информировал своего министра иностранных дел Стефана Барона Буриана о том, что правительство Германии принуждало немецких консулов в Трапезунде и Эрзруме др. Гейнриха Бергфелда и др. Макса Эрвина фон Шёбнера Рихтера “смягчить” свои рапорты об учиненных турками массовых убийствах.⁹⁸ В некоторых других докладах Квиатковски ставил Вену в известность о том, что во всех турецких кругах, включая официальные, усиленно говорят о соучастии немцев.⁹⁹

Один доклад особой важности, который является основным предметом данного обсуждения, был отправлен из Трапезунда 22 октября 1915 г. под грифом “конфиденциально” и адресован Буриану; копия была отправлена австрийскому послу в османской столице Паллавичини. Чтобы должным образом оценить значимость того места, откуда поступил этот доклад, т.е. портового города Трапезунда, необходимо учесть следующий факт. Трапезунд являлся центральным пунктом, куда стекались ресурсы, где была сконцентрирована материально-техническая база и где размещались партизанские банды Специальной организации. Многие из лидеров этой организации, такие как др. Бехаеддин Шакир, Якуб Джемил, Юсуф Риза, и Енибахчели Наил, встречались и планировали свои действия именно в этом городе, который, таким образом, стал центром всей деятельности, связанной со Специальной организацией. Не менее важно и то, что, выбрав этот город местом своих встреч, в Трапезунд съезжались также шпионы и агенты немецкой разведывательной службы, которые тем или иным образом были связаны с деятельностью этой организации. Среди них был и полковник немецкой армии Стандж, командовавший турецким подразделением, в состав которого входил и контингент Специальной организации; в какой-то период войны под его началом находились как Юсуф Риза, так и др. Шакир.¹⁰⁰ Ниже приводится фрагмент из текста доклада австрийского консула в Трапезунде:

Я узнал от немецкого источника, на который, как правило, полагаюсь, что впервые предложение о *Unschädlichmachung* армян – конечно же, не в той форме, в какой это было потом осуществлено, – поступило от немецкой стороны.¹⁰¹

Как было отмечено выше, на немецком языке слово *Unschädlichmachung* –

“обезвредить кого-то”, однако оно имеет также побочное значение – полное уничтожение данного субъекта, что нашло свое подтверждение как в устных и письменных распоряжениях, так и в действиях нацистов во время Второй мировой войны. Приведенный отрывок из документа знаменателен по двум причинам. Он, как представляется, основан на достоверном немецком источнике; его содержание совпадает с обсужденным выше заявлением немецкого чиновника Шмидта. Любопытно, что австрийский консул приложил немалые усилия, чтобы скрыть от своего начальства личность этого источника, – по крайней мере, в официальных записях.

Другой австрийский консул, о котором пойдет речь, – это др. Артур Шевалье де Надамленски, проходивший службу в Адрианополе (Эдирне), в европейской части Турции. В отличие от источника трапезундского консула, его источником был не немец, а турок – “весьма влиятельная личность, имевшая тесные связи с иттихадистской кликой и бывшая в курсе всех их секретов”. Надамленски получил эти разоблачающие сведения через одного из своих тайных информаторов (*Gewährsman*), возможно, турецкого чиновника, который так и не согласился открыть ему личность источника, подчеркнув, однако, его вес и положение, в тех же словах, какие были процитированы выше. Разоблачение это состоит из простого и резкого утверждения, что “Германия хотела осуществления антиармянских мер”. Консул отправил этот доклад как своему послу, так и министру иностранных дел.¹⁰² Учитывая происхождение этого документа и характер указанного источника, к нему следует отнестись с известной долей осторожности и даже подозрительности.

Необходимость этого предостережения обусловлена содержанием доклада капеллана немецкого посольства графа фон Лютихау, включающего всю историю депортаций и массовых убийств армян в годы войны. Приведя множество примеров того, как турки, занимавшие самое разное общественное положение продолжают упорствовать в своем стремлении взвалить всю вину на Германию, как основного зачинщика антиармянских мер, Лютихау подробно останавливается на одном случае. Ссылаясь на турецкие источники, утверждавшие, что присутствовали на собрании, созванном депутатом Малатии Хашимом по возвращении из османской столицы сразу после парламентских весенних каникул 1916 г., капеллан представляет следующий отчет. Согласно дошедшей до него информации, турецкий депутат сказал собравшимся именитым представителям Малатии, что он был свидетелем того, как немецкий посол Вангенгейм [должно быть, это было до его внезапной смерти в октябре

1915 г.] появился в здании османского правительства – Высокой Порты, чтобы “передать поздравления своего правительства по поводу того, что исчерпывающее по своей форме истребление армянского народа увенчалось славным успехом”. Оспаривая в своем докладе правдивость приписываемого Вангенгейму заявления, Лютихау резко реагирует: “Такое бесстыдство переходит все границы”.¹⁰³

Антироссийская идеология в турецко-германском сотрудничестве и ее антиармянские последствия

Поиск достоверных источников пополнил ряд уже существующих еще одним, отличным, однако, от всех остальных источником. Речь идет об источнике, который за шесть месяцев до начала Первой мировой войны предсказал судьбу армян. Ссылаясь на информацию, предположительно предоставленную агентом российской секретной службы, российское периодическое издание *Голос Москвы* в номере, вышедшем в январе 1914 г., обращает внимание читателей на “турецко-германский план депортации проживающих в османских провинциях армян в Месопотамию”. Согласно редакторам газеты, этот план соответствовал турецким и немецким замыслам заселить восток Турции однородным мусульманским населением, тем самым приблизив их к мусульманам Кавказа и давая возможность родственным мусульманским народам объединить свои усилия в борьбе против славян, что, собственно, и было предложено маршалом Гольцем (см. об этом выше в данной главе). В газетной передовице от 17/30 октября 1918 г., отсылая к этому российскому источнику, бывший лейтенант турецкой службы безопасности, армянин по национальности, который во время войны помогал туркам в ликвидации армянской знати в османской столице, подтвердил заявления относительно турецко-германского плана переселения армян в Месопотамию. Армянская газета *Gohag*, как оказалось, была наказана турецким военным судом, который, ссылаясь на существовавшее тогда военное положение, запретил эту газету за переиздание российского прогноза; тогда армянская газета вновь появилась под новым названием *Taylaylig*.¹⁰⁴ Что еще более знаменательно, *Ikdam*, турецкая газета, которая после войны опубликовала открытое письмо президенту Вильсону, признавая виновность Турции, в своем выпуске от 17 января 1914 г. обвинила *Голос Москвы* за публикацию подобного “абсурда”.¹⁰⁵ Необходимо отметить, что в

распоряжении *Охранки* - полицейского управления России, называемого также тайной имперской полицией, были не только свои агенты в османской столице, но и ряд турецких источников, тем или иным образом связанных с османской службой безопасности. 23 января 1914 года, как бы косвенно подтверждая предсказания *Голоса Москвы*, *Охранка* через свои контакты в министерствах внутренних и иностранных дел России разослала секретный доклад, в котором говорилось: “Сегодня во время тайной встречи панисламистов и иттихадистов в Нури Османие [штаб партии Иттихад] некоторые делегаты выступили с критикой русских и христиан... В конце тайного совещания Талеат заявил, что Турция против какого бы то ни было иностранного контроля в Анатолии [имелось в виду предстоящее Соглашение по Армянским реформам в провинциях от 8 февраля 1914 г.]”.¹⁰⁶

Приведенные примеры выдвигают вопрос идеологии, которая видится как фактор, способствующий уже на другом уровне развитию обсуждаемого здесь турецко-германского сотрудничества: речь идет об идеологии, которая отмечена антироссийскими элементами. По всей видимости, все это нуждается в кратком комментарии. Исследуя картину в целом, турецкий социолог Исмаил Бешикчи усмотрел турецко-германский заговор в “депортации сотен тысяч армян, что на деле являлось геноцидом в самом прямом смысле этого слова [*tam anlamiyla bir soykirim*]... это было результатом предприятия, в котором германский и российский империализмы, столкнувшись, ...дали возможность иттихадистам разрешить Армянский вопрос, поощрив распространение тюркизма и пантуранизма”.¹⁰⁷ Эту теорию поддерживал и основоположник идеологии пантуранизма, татарский политический лидер и журналист из России Юсуф Акчура, присоединившийся к иттихадистам после победы их революции в 1908 г. Он основал также *Türk Yurdu* – печатный орган пантуранистов, объединившихся под лозунгом Турецкий Очаг (*Türk Ocağı*). Во время учебы в Париже он проникся идеей расового превосходства пангерманистов. Он также верил, что немцы смогут помочь тюркским народам России обрести свободу и избавиться от царской власти и угнетения. В первом же номере *Türk Yurdu* было публично заявлено о том, что “миром всегда правили представители двух великих наций – турки и немцы”. В этом же номере Акчура утверждал, что российские турки связывали большие надежды с новой турецко-немецкой коалицией.¹⁰⁸ Одно из этих ожиданий было связано с устранением армян и Армении с пути османских турок, тянувшихся к своим соплеменникам на Кавказе и даль-

ше — к стране грез Турану. В речи, произнесенной 29 января 1920 г. во время массовой демонстрации в Стамбуле, Акчура заявил, что турецкие солдаты жертвовали собой во имя независимости Азербайджана, добавив: “Необходимо ликвидировать Армению, которую союзники хотят воздвигнуть в качестве барьера между двумя братскими частями турецкого мира, — Анатолией и Кавказом”.¹⁰⁹ В сущности, Зенковски, как отмечалось ранее, открыто заявил, что “массовое истребление полутора миллионов армян с 1914 по 1916 гг. было в основном обусловлено желанием младотурок ликвидировать армянское препятствие” (см. об этом прим. 5, глава 20).

Главным поборником союза сил пангерманизма и пантюркизма был Текин Алп, который утверждал, что исторически славяне были общим врагом как турок, так и немцев, и что именно по этой причине союз между этими двумя нациями являлся “географической и исторической необходимостью. За последнее тысячелетие отношение турок и немцев к славянским народам не изменилось. Они продолжают оставаться общим врагом славянской мощи и поэтому должны защитить себя от московского медведя... пантюркизм не реализуется до тех пор, пока не будет свергнут московский монстр. Россия, со своей стороны, имеет два препятствия на пути своего развития — немцев и турок... Пока есть славянская опасность, пантюркизм и пангерманизм должны оставаться партнерами и идти по одной дороге”. Полностью приняв этот идеологический план, младотурки-иттихадисты, воодушевленные немецкой опекой и подстрекаемые немецким верховным командованием, ускорив начало военных действий против России, в одностороннем порядке вступили в Первую мировую войну.

В секретном циркуляре, который был произведен на свет самим Алпом и поэтому нигде более не может быть найден, иттихадисты уведомляли свои отделения в провинциях о неизбежном вступлении Турции в войну по причинам, которые были сформулированы следующим образом:

Давайте не забывать о том, что одна из самых важных причин, по которой мы ввязываемся в эту войну, связана с двойной целью нашей нации. С одной стороны, мы очень хотим уничтожить московского врага, чтобы иметь возможность создать естественные границы, которые позволят нам объединиться с нашими соплеменниками и принять их в наши владения. С другой стороны, мы движимы религиозным пылом выволить исламский мир из рабства, навязанного им неверными, и обеспечить независимость верующих мусульман.¹¹⁰

Эта работа появилась на немецком языке в Веймаре, имея целью ознакомить немцев с принципами пантюркского национализма и тем самым скрепить турецко-германское партнерство нового образца, начальные стадии которого были описаны в первой части этой главы. Немцы не только приняли идею союза с Турцией, чтобы противостоять российской угрозе, но и оказали помощь при ликвидации османских армян, которые считались составной частью общей российской угрозы. Приводимые ниже отклики некоторых других представителей немецкого общества на это истребление, возможно, прольют больше света на рассматриваемую проблему.

Немецкие политэкономисты и геноцид армян

Одна из таких реакций состояла в демонстрации сходства с турками — сотворении эдакого образцового индивида, воплощающего в себе определенные общие черты характера. К примеру, немецкий посол Вангенгейм с восхищением сказал великому визирю Саиду Халиму, что “Турция — это Пруссия исламского мира”. Воздав должное высказыванию посла, немецкий профессор экономики и депутат Рейхстага, который незадолго до этого вернулся из своей поездки в Турцию, перешел к оценке важности “массовых убийств армян”, которые к тому времени были в основном завершены. Он заявил, что, ликвидировав армян посредством широкомасштабных массовых убийств, турецкие лидеры дали возможность “этой древней нации господ [Herrenvolk]” достичь определенного уровня “национального или, скорее, религиозного единства” (*eine nationale, oder vielmehr, religiöse Geschlossenheit*).¹¹¹ Другой экономист и лидер немецкого Союза обороны (*Wehrverein*) провел пять недель (приблизительно в то же время, что и упомянутый выше профессор) в инспекционной поездке по Турции. В своем двадцатишестистраничном докладе он подверг критике позицию европейцев, выразив недовольство тем, что Турцию регулярно осуждали за массовые убийства армян, исходя из западных стандартов. В качестве контраргумента он призывал обратить внимание на то, что “в Турции правящая политическая партия при желании вправе распоряжаться имуществом и жизнями своих подданных”. Иначе говоря, он имел в виду, что в этих массовых убийствах не было ничего необычного. Вслед за турками, обвинявшими армян в предательстве и враждебности, автор констатировал, что “к февралю 1916 г. было уничтожено 1,5 миллиона армян”. Безоговорочно одобряя это как

“первый шаг на пути к восстановлению [рычагов] экономического господства в Турции”, немецкий автор добавлял, что “в правительственных кругах царил радость [*Freude*] в связи с тем, что наконец представилась столь долгожданная возможность (*langgewünschte Gelegenheit*)...” Примечательно, что, одобряя описанные им массовые убийства, автор в то же время в своем изложении использовал такие слова, как “ужасы” (*Greuel*), “бойня” (*Niedermetzlung*) и “истребление” (*Ausrottung*), обходясь без повторения эвфемизма “депортации”, используемого турецкими властями для того, чтобы скрыть факт преднамеренного геноцида.¹¹²

Мнения немецких экспертов по уголовному и международному праву относительно соучастия Германии как побочного проявления милитаризма

Возможно, самой основной общей чертой, обусловившей развитие турецко-германского сотрудничества, была традиция милитаризма, которая являлась составной частью обеих культур, в остальном сильно отличавшихся друг от друга. Сколь бы узкую сферу ни охватывало это сходство, оно было достаточным для того, чтобы многие высокопоставленные немецкие офицеры находили общий язык со своими турецкими коллегами или подстрекали их в вопросе уничтожения армян, мотивируя это “военной необходимостью”. В 4 и 5 частях данной главы этот вопрос уже детально рассматривался. Возможно, на данном этапе имеет смысл еще раз в сжатой форме рассмотреть и прокомментировать аспект правовых обязательств в контексте фактора милитаризма, который рассматривался выше как отдельный вопрос.

Это представляется уместным в связи со значимостью создавшего прецедент судебного процесса, который проходил в окружном уголовном суде в Берлине в 1921 г. Речь идет о судебном преследовании молодого человека, армянина по национальности, который среди бела дня на одном из больших берлинских бульваров убил Талеата, автора геноцида армян, и после продлившегося не более часа совещания немецких присяжных был освобожден на основании 51 статьи уголовного кодекса Германии – временное помешательство. Как отмечено в других частях данной работы (глава 22, прим. 6), министерство иностранных дел Германии отклонило просьбу османского послевоенного правительства об экстрадиции Талеата в Турцию, где он должен был предстать

перед судом как военный преступник; впоследствии он был заочно судим в Стамбуле и приговорен к смерти. Во время судебного разбирательства были выявлены некоторые аспекты геноцида армян, самым основным из которых был выдвинутый адвокатом подсудимого вопрос турецко-германского союза и соучастия Германии в преступлении. Др. Иоганнес Вертауер, юрист-консультант и член команды, представлявшей защиту, опротестовал заявление обвинения, напомнившего о том, что Талеат представлял ценного союзника и был гостем Германии.¹¹³ В ответ на это он заявил, что Талеат и его соратники, нашедшие убежище в Германии и “сбежавшие от правосудия”, являлись союзниками правительства, которое было “по сути своей прусским и милитаристским”. Яростно нападая на “милитаристов”, как на поборников насилия, которые, попирая право и справедливость, горят желанием развязать войну и готовы уничтожить все и всех под предлогом “военной необходимости”, Вертауер заявил в своей заключительной речи: “У нас тоже есть люди, склонные к насилию, люди которых мы отправили в Турцию натренировать турецких военных в искусстве насилия... и случилось так, что именно эти насильники (*Gewaltmenschen*), стали теми, кто уничтожил армянский народ... приказ о депортации целого народа – это самая низкая идея, которая когда-либо могла прийти в голову милитаристу... немецкий народ также виновен в том, что позволил дать этот приказ о депортации. Лишь полностью отказавшись от этих принципов и от подобных вероломных, преступных приказов мы сможем вернуть к себе уважение, которого, я надеюсь, мы достойны”.¹¹⁴

Другим представителем защиты был др. Нимейер, тайный советник правительства и профессор права Кильского университета. Он был всемирно признанным авторитетом в области международного права. В своей заключительной речи он представил два аспекта, которые лишней раз подчеркивают нужность и важность настоящей главы. Генеральный прокурор Голник пытался не только защитить репутацию Талеата, жертвы убийства, но и превознести достоинства турецко-германского союза, воплощением которого, по его словам, был Талеат. Таким образом, отметил он, Талеат вознесся на “самые высокие вершины истории”.¹¹⁵ Заявив, что он считает необходимым отреагировать на подобную оценку генерального прокурора, Нимейер сказал: “Во время войны в Турции военные власти как здесь на родине, так и там [в Турции] замалчивали и скрывали [*verschwiegen und verdeckt*] армянские ужасы до такой степени, что это было равносильно одобрению” (*an die Grenze des Zulässigen her-*

anreichenden Weise).¹¹⁶ Таким образом, его мнение совпало с мнением др. Вертауера, его партнера по защите, относительно данного аспекта причастности Германии. Важно и то, что он представил на рассмотрение довод, согласно которому при вынесении судебных решений на основании уголовного кодекса Германии “общепринятые нормы международного права должны рассматриваться как обязательные неотъемлемые элементы юриспруденции Германского рейха, как то предусмотрено 4 статьей конституции империи”.¹¹⁷

Комментируя этот судебный процесс, *New York Times* писала: “Для всех присутствующих было очевидно, что немецкая точка зрения на зверства, учиненные турками в Армении во время войны, заслуживает всяческого порицания...”¹¹⁸

Значение тайной деятельности императора Вильгельма II

Самые веские доказательства на предмет секретности и утаивания фактов возникают при изучении роли, сыгранной императором Вильгельмом II. В пятой части данной главы был вкратце представлен его двойной статус гражданского главы нации и верховного главнокомандующего. Однако есть показания, свидетельствующие о том, что он занимался также деятельностью, граничащей с заговором и предполагающей контролирование тайных планов, санкционирование “секретных миссий”, а также шпионаж и саботаж вне пределов Германии. Один из немецких агентов в своих мемуарах описывает, к примеру, как он был принят Вильгельмом II для выполнения “секретных” миссий “для кайзера”, одна из которых проходила в Константинополе. Он представляет наглядные подробности одной из встреч с Вильгельмом II в министерстве иностранных дел Германии на Вильгельмштрассе, где император лично дал ему секретное задание в Марокко, добавив, как сообщается, следующие слова: “Кроме графа Веделя [граф фон Ботхо Ведель в то время был тайным советником императора и руководил секретной службой под началом самого императора], никто ничего не должен знать об этой миссии. Никто не должен знать, что вы едете передать на словах мое послание капитану военного судна «Пантера». Понятно?” Заставив агента выучить наизусть содержание записки, Вильгельм II спросил: “Вы запомнили ее?” “Да, сэр”. “Затем, — продолжает агент, — взяв у меня записку, он зажег спичку и держал ее до тех пор, пока записка не превратилась в пепел”. Относительно его предыдущего задания в Константинополе в 1905 г. тот же агент пишет: “ Мне было велено

держаться в стороне от всех официальных немецких контактов в Константинополе”. По признанию того же агента, в распоряжении Вильгельма II специально для финансирования этих операций был секретный фонд. После выполнения операций, которые продолжались четыре месяца, он вернулся в Берлин с докладом об Абдул-Гамиде, дворцовых шпионах, предназначенном для подкупа российском и французском золоте, младотурецких диссидентах и Энвере.¹¹⁹

В еще большей степени относятся к делу откровения другого немецкого агента. По разным поводам он трижды побывал на спецзаданиях в Константинополе: во второй половине 1908 г., в первой половине 1909 г. и в последние месяцы второй Балканской войны, т.е. весной 1913 г. Он установил контакт с Энвером, поставленный своим берлинским начальством в известность, что с точки зрения осуществления немецких амбиций в Турции и возмездия, направленного против русских амбиций, тот является ключевой фигурой. Кроме того, по утверждению этого агента, немецкий посол Вангенгейм был его “личным другом”. Именно на этом фоне следует оценивать его следующие откровения. Весной 1914 г. Энвер предпринял “секретную” поездку в Берлин. “Я отвез его на вокзал... Он сказал мне, что у него был долгий разговор с императором, и казалось, был весьма рад этому. Я много раз задумывался над тем, какую роль сыграл этот разговор в последующих событиях на Босфоре”. Согласно тому же агенту, в конце июня — начале июля 1914 г. “Вильгельм II велел отправить зашифрованное послание Энверу-паше, который, получив его, покорно поспешил в Берлин”, где на протяжении двух дней совещался с генералом Мольтке, начальником немецкого генштаба. Все это может быть лучше понято в свете того факта, что “Энвер-бей всегда питал неприязнь к России... Он тайно отправлял в Берлин посыльных, через них предлагая кайзеру свои услуги и заверяя последнего, что военные силы Турции в его распоряжении...” Наконец, автор отмечает, что осенью 1913 г., когда Иттихад прочно утвердился во власти, Энвер и его партия получили большие секретные фонды.¹²⁰

Некоторые из этих свидетельств независимо друг от друга подтверждают и другие агенты или историки. К примеру, капитан Франц фон Ринтелен из немецкого морского штаба (*Admiralstab*) говорит о том, что он получил “*Kaiserpass*” — особый паспорт, который выдавался людям, выполнявшим секретные задания, и владельцам которого немецкие посольства и дипломатические представительства во всем мире обязаны были оказывать помощь любого рода. Не-

мецкий посол в Вашингтоне был в неведении относительно сути его миссии, которая состояла в диверсионном акте, в то время как Циммерман, доверенное лицо Вильгельма II в министерстве иностранных дел, знал об этом.¹²¹ Другой немецкий автор писал, что немецкое Верховное командование через Центральное управление по цензуре осуществляло “тайный” контроль над немецкими газетами, чтобы те не давали информацию о том, что в апреле 1917 г. Энвер побывал в Берлине.¹²² О том, что Энвер послушно выполнял требования немецкого Верховного командования, говорится и в “совершенно секретной” (*streng geheim*) докладной записке генерала Бронсарта от 15 декабря 1917 г., который хвалит Энвера за его сговорчивость и за германофильскую позицию, “порожденную внутренним убеждением”.¹²³ Историк Готлиб, со своей стороны, свидетельствует, что Энвер, как и Талеат, полностью находился под влиянием немецкого посла Вангенгейма,¹²⁴ он вместе с турецким автором, бывшим армейским офицером, утверждает, что Энвер был должником немецких секретных служб.¹²⁵

Все эти проявления сильного воздействия сходятся в одном узле; они отражают усилия центрального источника власти, а именно — институционализированной власти императора Германии, руководившего внешней политикой Германии и направлявшего ее военные усилия. Знаменателен, к примеру, ответ императора князю Бернгардту фон Бюлову, который в июне 1909 г. ушел в отставку с поста канцлера Германии и по рекомендации которого Вильгельм II назначил канцлером рейха Бетмана-Гольвега, отклонив первого кандидата — протурецки настроенного прусского генерала Кольмара фон дер Гольца. Высоко оценив достоинства и способности Гольвега с точки зрения ведения внутренних дел, Бюлов, однако, указал на то, что, по его мнению, Гольвег ничего не понимал во внешней политике. Император отмахнулся от этого предостережения, самодовольно заявив: “Внешняя политика. Вы можете оставить ее мне”.¹²⁶ Его склонность вести войну, прибегая к единоличным секретным сделкам, нашла яркое проявление, к примеру, в том, что он, решив в 1913 г. создать военную миссию Германии в Турции, назначил прусского генерала Лимана фон Сандерса руководителем этой миссии без ведома канцлера или министра иностранных дел.¹²⁷ Будь то боевые офицеры или дипломаты, немецкие должностные лица, работавшие в Турции с местным руководством, в конечном итоге оставались для своего императора мелкими сошками; они были всего лишь исполнителями его политических проектов. Этот факт со всей отчетливостью проступает в следующем “совершенно секретном” (*ganz geheim*) приказе:

В Военно-морской штаб

Через министерство иностранных дел адмиралу Уздому была отправлена следующая телеграмма:

Его Императорское Величество ожидает, что вы, равно как и адмирал Соушон, подчинитесь [*unterordnen*] политическим взглядам посла, которые Его Величество одобряет. Его Величество рассматривает это как первое условие для успешной службы в Турции.

Во исполнение Высочайшего приказа Ф. Мюллер¹²⁸

(Адмирал Георг Александер ф. Мюллер, глава морского министерства Германии).

Заключительные комментарии к вопросу причастности Германии

Преступление, которое является результатом заговора того или иного рода, по определению, с трудом поддается расследованию и, следовательно, установлению веских доказательств; такое преступление зачастую содержит много неясностей, дающих повод для сомнений. Собственно, это является частью самой структуры заговора: нередко эта неопределенность создается преднамеренно и интегрируется в общую систему таким образом, чтобы в дальнейшем затруднить выявление фактов или изменить их вектор. Более того, в данном случае мы имеем дело с официальными записями, которые содержат государственные тайны; потенциально они могут оказаться в высшей степени компрометирующими, если не обвинительными, с точки зрения репутации правительств как Турции, так и Германии. Совершенно очевидно, что существовал секретный план по уничтожению османских армян во время войны. Несмотря на некоторые неясности, реалии турецко-германского политического и военного союза сами по себе настолько существенны, что способны преодолеть создаваемые этими неясностями проблемы. В этой связи необходимо учитывать условия секретности, в которых был создан этот союз, тесное сотрудничество в Османском генштабе между турецкими офицерами, особенно военным министром Энвером, с одной стороны, и высокопоставленными немецкими офицерами — с другой, а также очевидность того, что депортация населения-жертвы была результатом давлений и инициатив этих военных лидеров. Это основные соображения. Они говорят в пользу той точки зрения, что немецкие власти не могут считаться полностью непричастными к процессу

принятия решений относительно депортаций и массовых убийств. Картина еще больше проясняется, когда при попытке исследования вопроса учитывается исторический ракурс, в котором привлекает внимание особое, отличное от других поведение немецких властей во время и, в особенности, после массовых убийств армян в эпоху Абдул-Гамида с 1894 по 1896 гг. (см. глава 6, последняя часть, и глава 12, первая часть); невозможно не заметить и не отметить важность развития новой германской политики в отношении Турции, отражающей возникновение нового сильного притяжения между Германией и Турцией.

Упомянутая выше неопределенность далее проясняется на других двух уровнях анализа: они относятся к конкретным попыткам Германии скрыть роль, которую немецкие военные могли сыграть в депортации армян. Выше говорилось об оплошности подполковника Боетриха и последовавшей за этим панической реакции министерства иностранных дел Германии. Резкость этой реакции была обусловлена не столько тем, что Боетрих сотрудничал со своими турецкими коллегами по штабу в вопросе санкционирования депортации определенной части армянского населения, сколько тем, что он по глупости раскрыл свое активное участие, подписавшись под соответствующим приказом. Выше рассматривались также предпринятые немецкими властями попытки уже после войны изъять относящиеся к делу документы или изменить определенные фрагменты этих документов. Эти попытки и усилия имеют двойное значение. Во-первых, они противоречат духу и букве тех протестов, которые правительство Германии, следуя своему долгу, предъявило правительству Турции, и тем самым выдают, что по своей сути эти дипломатические протесты и возражения были лишь проформой (и намерение союзников создать основу для обеспечения алиби после войны). Во-вторых, они выдают определенную степень беспокойства, которое предполагает чувство страха за возможное раскрытие их причастности, если не подлинной виновности. Если бы не эта тревога, процедура по обеспечению достоверных данных свелась бы к тому, чтобы позволить записям говорить самим за себя, без какого-либо вмешательства.

Условие полного доступа к соответствующим записям было и остается тем фактором, который продолжает создавать проблемы на другом уровне. На этом уровне речь идет о тех серьезных барьерах, которые возникают в связи с турецким синдромом отрицания. Настойчивость, с какой турки продолжают отрицать исторический факт геноцида армян, сбивает с толку и существенно осложняет исследование основных вопросов этой проблемы, в том числе и

вопрос соучастия немцев. Ни одна сторона не может подтвердить, что у нее есть какие-либо документы, имеющие отношение к преступлению, так как считает нужным отрицать сам факт преступления. Таким образом, вопрос причастности Германии рассматривается турками как неуместный, хотя они могут признать, что соучастие имело место только на уровне депортаций, безотносительно к умышленному акту геноцида. Но это условное признание столь же несостоятельно, как и основной аргумент, сводящийся к тому, что антиармянские меры заключались лишь в депортации с единственной целью временного размещения, продиктованного военной необходимостью. Однако, как неоднократно отмечалось в данном исследовании, об истинной цели предприятия судят по его фактическим результатам, а не по вывеске, служащей именно для того, чтобы скрыть эту цель.

По причинам, описанным выше, разрешение вопроса причастности Германии в конечном счете должно быть соотнесено с позицией Вильгельма II как высшей германской властной инстанции. Именно он был наделен соответствующей властью, дававшей ему право предписывать или запрещать, разрешать или отклонять, осуществлять контроль и ослаблять контроль над определенными действиями своих представителей, — действий, чреватых последствиями для судьбы меньшинства, очутившегося перед лицом угрозы быть уничтоженным близким союзником Германии. Другими словами, он был ответственен не только за свой образ действий, но и за образ действий своих подчиненных. Что же касается самих подчиненных, то имеющиеся факты относительно прямых приказов по депортации армян таковы, что напрямую свидетельствуют о соучастии двух высокопоставленных немецких офицеров, а именно: генерала Бронсарта и подполковника Боетриха — как сыгравших первостепенную роль реальных преступников [см. выше в данной главе]. Те же немецкие офицеры, которые так или иначе участвовали в консультациях и обсуждениях и наводили на решение депортировать армян, подлежат обвинению в соучастии в преступном сговоре. Особенно это относится к маршалу фон дер Гольцу и подполковнику Фельдману.

Это лишь известные случаи, когда имеются прямые, подлинные и достоверные свидетельства, касающиеся депортации. Однако не менее существенна и паутина косвенных улик. Как уже было подчеркнуто в настоящей работе, природа данного преступления такова, что требует до некоторой степени полагаться и на не прямые, или, говоря на правовом языке, косвенные улики.

Уголовное право и судопроизводство всегда допускали использование таких показаний при неординарных условиях — таких как наличие тяжкого преступления или характер собранных косвенных свидетельств. Некоторые из многочисленных свидетельств, касающихся адмиралов Уздома, Соушона, капитан-лейтенанта флота Гуманна и посла Вангенгейма, которые были собраны американским послом Моргентау, благодаря ежедневным записям в дневнике, могут показаться спорными. Однако бесчисленные дополнительные доказательства, полученные от огромного количества очень разных и независимых друг от друга источников, включая австрийского консула в Трапезунде Квятковского и немецкого агента разведки О. Шмидта, слишком неоспоримы, чтобы ставить под вопрос достоверность отчетов Моргентау или не принимать в расчет, что весь этот корпус косвенных доказательств не только относится к делу, но и имеет большое значение. Здесь мы имеем дело с такими заявлениями, которые по своей форме претендуют на то, чтобы считаться свидетельствами. К их числу относится, например, обличительное заявление, приписываемое британской разведкой императору. Содержащееся в этом заявлении количество разнообразных источников и данных придает ему качественную ценность, а сами источники приобретают большую достоверность.

Особо выделяется в этих свидетельствах один из основных признаков причастности Германии, а именно: готовность ряда немецких должностных лиц — как гражданских, так и военных, поощрять турок и помогать им в достижении желанной цели — уничтожении армян. Таким образом, они квалифицируются как “соучастники преступления”, несут на себе бремя того, что немцы называют “*Mitschuld*” (соучастие). К этой общей категории разоблаченных лиц относятся не только те немецкие офицеры, которые фактически подписали приказы о депортации, превратившись, таким образом, в соучастников преступления. Есть еще два важных типа, отражающих две формы вовлеченности немцев. Один из них определяется как “внушение” (*Anregung*); в этом случае вовлеченность носит активный характер, так как здесь действующее лицо берет на себя инициативу настраивать и провоцировать турок против армян. Во втором случае мы имеем дело с “согласием” (*Zusage*): здесь действующее лицо занимает пассивную позицию, так как всего лишь реагирует, хотя и в утвердительной форме, на план, представленный ему турками. Однако разница между ними столь незначительна, что не играет существенной роли и не заслуживает внимания, особенно если учесть, что и в том и в другом случае последствия бы-

ли одни и те же, поскольку в обоих случаях выполнялась одна роль — роль подстрекателей геноцида армян.

Все еще пребывая в окопах застывших пережитков прошлого и все еще пожиная плоды полученной в свое время отрицательной премии — безнаказанности, Турция может еще какое-то время отрицать любую и всяческую виновность. С Германией же связаны другие ожидания, и это правомерно, так как она смогла продемонстрировать свою способность к искуплению, которое в значительной мере получила в связи с трагедией Холокоста. Такая способность, однако, не может быть отделена от лежащей в ее основе готовности найти абсолютную истину, которая распространяется и на другой, менее влиятельный и могущественный народ, подчеркивая его трагическую судьбу. Быть может, историки или даже государственные деятели Германии сочтут, что поднятый здесь стержневой вопрос заслуживает того, чтобы быть пересмотренным. В конце концов, речь идет о победе сил цивилизации над наследием варварства, которому почти удалось искоренить древний народ.¹²⁹

Примечания к главе 16

1 Russian Imperial Archives (St. Petersburg). Министерство иностранных дел. Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении, 26 ноября 1912 года — 10 мая 1914 года (Оранжевая книга). (Далее цитируется как DAR). (1915). Docs.No. 8, 22, 32.

2 André Mandelstam, *Le sort de L'Empire Ottoman* (Lausanne, 1917), 236, 243.

3 Carl Mühlmann, “Deutschland und die Türkei 1913-1914”, *Politische Wissenschaft* 7 (1929); 70-80.

4 Там же, 39-43; A.A.Türkei 142/40, A21135, Вангенгейм министерству иностранных дел, 8 сентября 1914; там же, A25509, его доклад от 6 октября 1914 года. В 1917 году был назначен четвертый адмирал — Губерт фон Ребёр-Пашвиц.

5 Joseph Pomiankowski, *Der Zusammenbruch des Ottomanischen Reiches* (Graz, 1969), 54-55; A.A.Türkei, No. 139/39, (Überlassung), доклад No.123, 29 января 1916.

6 Şevket Süreyya Aydemir, *Makedonyadan Ortaasya'ya Enver Paşa* (Энвер-паша. От Македонии до центральной Азии), vol. 2 (Istanbul, 1971). На сс. 531-35 автор описывает сцену подобного подчеркнутого баловства. Император словно хотел публично превознести особу Энвера, продемонстрировать свое особое отношение к нему, что он и сделал на организованном с этой целью банкете. Он посадил Энвера во главу стола, на место, отведенное для почетного гостя вечера, дав следующее объяснение остальным приглашенным атташе: “У вас более высокое служебное положение, чем у Энвера, но он скоро взлетит на позицию главы великой империи. Вот почему я оказал ему честь достойную самого почетного гостя”. После банкета Вильгельм II отыскал его,

заклучил в объятия и, подталкивая в смежную комнату, громогласно объявил: “Энвер, как только ты окажешься у дел, я предоставлю тебе любую помощь, какую ты пожелаешь”. Burham Oğuz, *Yüzyıllar Boyunca Alman Geirçeği Ve Türkler* (Немецкая действительность на протяжении веков), (Istanbul, 1983) 265.

7 Ali Ihsan Sabis, *Harb Hatıralarım* (Мои военные мемуары), (Istanbul, 1943) vol 1, 130-32; в той же книге, vol. 2, (Ankara, 1951), 68, 101; Kâzım Karabekir, *Istiklâl Harbimizde Enver Paşa ve İttihat Terakki Erkânı* (Энвер-паша и руководство Иттихада ве Теракки во время войны за независимость), (Istanbul, 1967), 139.

8 Kâzım Karabekir, *Istiklâl Harbimizin Esaslari* (Основные элементы нашей войны за независимость) (Istanbul, 1933-1951), 23-24.

9 Ahmet İzzet Paşa, *Feryadım* (Мой плач), vol.1 (Istanbul, 1992), 94.

10 Şevket Süreyya Aydemir, *İkinci Adam* (Второй человек), vol.1, 3rd.ed. (Istanbul, 1973), 86.

11 Alptekin Müderrisoglu, *Sarikamis Dramı* (Драма Сарикамышы), vol.1 (Istanbul, 1988), 193.

12 Sabah, 12 декабря 1919; Fuat Balkan, “Beş Albaylar ” (Пять полковников), *Yakin Tarihimiz* 2 (1926): 297; Mehmed Zeki, *Raubmörder als Gäste der Deutschen Republic* (Berlin, 1920), 35.

13 Vahakn N.Dadrian “The Secret Young-Turk İttihadist Conference and the Decision for the World War I Genocide of the Armenians”, *Holocaust and Genocide Studies* 7,2 (Fall 1993): 173-201.

14 О депортациях из Франции и Бельгии см. в Fritz Fischer *Griff nach der Weltmacht* (Düsseldorf, 1967), 99; об Эльзасе см. в книге Главного адмирала фон Тирпица *My Memoirs*, vol. 2 (New York, 1919), 329.

15 *German Foreign ministry Archives. (Die Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes)* Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871-1914 (Далее цитируется как DAG), vol. 12 (2), Doc. No. 3339, “Конфиденциальный” рапорт No.57, с. 562, 5 марта 1898.

16 Относительно первой точки зрения см. в С.Freiherrn von der Goltz, “Stärke und Schwäche des türkischen Reiches” (Сила и слабость Турецкой Империи), *Deutsche Rundschau* XXIV,1 (October 1897): 104, 106, 109, 110, 118. О второй точке зрения относительно России и Закавказья см. в Goltz, *Denkwürdigkeiten* [n.37], 111-12.

17 René Pinon, *La Suppression des Arméniens. Méthode allemande-travail turc* (Paris, 1916), 12-3.

18 Henry Morgenthau, *Ambassador Morgenthau's Story* (Garden City, N.Y., 1918), 366-67.

19 Zaven Archbishop. *Badriarkagan Housherus. Vaverakirner yev Vugayutiunner* (Мои патриарший воспоминания. Документы и свидетельства), (Caïro, 1947), 104. См. также A.S Baronigian, *Blicke ins Märtyrerland* (Lössnitzgrund i. Sachsen, 1921), 3, 4, 6.

20 A.A.Türkei 183/39, A28384, вложение No. 2, August 5, 1915.

21 Rev. Krikoris Balakian, *Hai Koghkotan. Trouakner Hai Mardirosakroutiunen. Berlinen Tebee Zor 1914-1920* (Армянская Голгофа. Из истории армянского мученичества. От Берлина до Зора 1914-1920), vol.1 (Vienna, 1922), 32-3. Автором был получивший образование в Берлине армянский священник, переживший геноцид и впоследствии ставший главой армянской епархии в Манчестере, а затем в Марселе, Франция. Когда вспыхнула война, он вернулся в Константинополь и 24 апреля 1915 года наряду с другими армянскими лидерами был арестован и депортирован навстречу своей смерти. Однако благодаря помощи германского майора ему удалось избежать смерти и выжить.

22 Cemal Kutay, *Talât Paşanın Gurbet Hatıralari* (Воспоминания Талеата-паши в изгнании), vol.3 (Istanbul, 1983), 1197.

23 Aubrey Herbert. “Talât Pasha”. *Blackwood's Magazine* CCXIII (April, 1923) : 426, 436. См в том же изд. Ben Kendim. *A Record of Eastern Travel*. 2nd ed. (London, 1924), 309.

24 FO371/9158/E5523, folios 106-7, депеша британского Верховного комиссара Невилла Гендерсона от 22 мая 1923 года.

25 Воспроизводя приказ Бронсарта о депортации, турецкий автор Салахи Сониел помимо сокращения некоторых слов, неправильно перевел слово *sedide* как “необходимый”, таким образом лишив формулировку приказа скрытого в его тексте намека. *Displacement of the Armenians. Documents* (pamphlet) (Ankara, 1978), 1. В приказах, которые были отданы в эпоху абдулгамидовских массовых убийств, то же слово *sedide* использовалось, чтобы передать смысл массовых убийств, которые применялись в отношении жертв как метод нацеленного на уничтожение террора. J.Lepsius *Armenien und Europa* (Berlin, 1897), 125.

26 *Austrian Foreign Ministry Archives. Vienna.* PA 12. Karton 380,ZI.21, folio 209. рапорт австрийского генерального консула Квиатковского от 26 мая 1917 г.

27 A.A.Türkei 183/44, A24663, вложение No. 3. Английский перевод фрагментов этого доклада см. в *Germany, Turkey and Armenia* (Свод документальных свидетельств о зверствах в отношении армян, полученных от германских и других источников), (London, 1917), 80 – 85.

28 *Там же*, 183/38, A28019, K, No.90/B. No.1950, вложение No.1.

29 Rafael de Nogales, *Four Years Beneath the Crescent Muna Lee, transl.* (New York, 1926), 141, 150.

30 A.A.Türkei 142/41, A27535, Доклад No. 241, 16 октября 1914.

31 Liman von Sanders, *Five years in Turkey* (Annapolis, 1927), 2,3.

32 A.A.Bonn. Göppert Papers (*Nachlass*), vol.VI, file 5 (files 1-8); p.4, February 10, 1919.

33 *German Federal Military Archive* (Freiburg at Breisgau) BA.MA.MSg, 1/2039, из его дневника. Цитируется в Christoph Dinkel, “German Officers and the Armenian Genocide”, *Armenian Review* 44, 1/173 (весна 1991г.): 103.

34 Высказывание Моргентгау о Бронсарте см. Morgenthau, *Ambassador* [n.18], 148. Предложение Бронсарта относительно депортации греков в A.A.Türkei 168/15; отрицательные ответы генерала Сандерса и немецкого посла Меттерниха 3 и 4 августа 1916 г. см. *там же*.

35 Dinkel, “German Officers” [n.33], 79.

36 Pomiankowski, *Der Zusammenbruch* [n.5], 216-17.

37 Colmar Freiherr von der Goltz, *Denkwürdigkeiten* (Воспоминания) Friedrich v.d. Goltz, ; W. Foerster eds. (Berlin, 1929), 393, n. 1; Sanders [n.31], 49, 133.

38 *Там же*, 428.

39 Dinkel, “German Officers” [n.33], 80-01.

40 *Allgemeine Missions-Zeitschrift* (ежемесячник, публикуемый профессором Юлиусом Рихтером и Дж. Варнеком), (30-ое июня, 1921 г.), цитируется в Dinkel, “German Officers” [n.33], 26.

41 Carl Mühlmann, *Das Deutsch-Türkische Waffenbündnis im Weltkrieg* (Leipzig, 1940), 292.

42 Приказ Боетриха в A.A. *Grosses Hauptquartier*, vol. 194, Türkei 41/L, A32610, registry No. 6882, вложение No. 3, 3 октября 1915 г., листы 137, 138. Рассказ о резне армянских рабочих Багдадской

железной дороги предоставлен швейцарцем, фармацевтом этой местности Якобом Кюншлером, *Im Lande des Blutes und der Tränen. Erlebnisse in Mesopotamien während des Weltkrieges* (Potsdam-Berlin, 1921), 76.

43 Документ был найден служащими британского верховного комиссара в Стамбуле в период перемирия и спешно был отправлен в Лондон наряду с переведенной версией. FO371/5265/E7556, 22 июля 1920 г. Само письмо Гюнтера датировано 28 октября 1915 г.

44 А.А. *Grosses Hauptquartier*, [n.42], Registry No. 209, лист 136, 13 ноября 1916 г. депеша фон Ягова; *там же*, лист 140, сообщение Третлера; отказ Фалкенхайна там же, листы 139-40, 19 ноября 1915 г.

45 Richard von Kühlmann, *Erinnerungen* (Воспоминания), (Heidelberg, 1948), 467.

46 А. А. Türkei 183/55, A4156, 6-ое февраля 1919 г. в докладе др. Карла Аксенфельда генералу Б. ф. Шеллендорфу. См. также доклад самого Лютихау. *Там же*, 183/54. A44066, 8-ая с. двадцати-страничного доклада, лето 1918 г.

47 *Allgemeine Missions-Zeitschrift* (февраль 1919 г.): 36.

48 Morgenthau, *Ambassador* [n.18], 49, 365, 395.

49 Dinkel, "German Officers" [n.33], 116.

50 Hans Meier-Welcker, *Seeckt* (Frankfurt am Main, 1967), 154.

51 Во время своей службы в Турции с марта по октябрь 1915 г. майор Вольфскеел написал несколько писем членам своей семьи, в особенности жене и отцу. Его предложение о депортации армян взято из его письма от 15 сентября, а другое высказывание, относительно "внутреннего дела Турции" — из письма от 16 сентября 1915 г. *German Federal Military Archive* [n.33], Документы (*Nachlass*) Wolffskeeel N138/2, N138/6. Он несколько раз повторял свое замечание о том, что армяне были "предателями", в присутствии немецкого очевидца кровавой бойни в Урфе. Bruno Eckart, *Meine Erlebnisse in Urfa* (Berlin-Potsdam, 1922), 27. Другим очевидцем был врач-фармацевт, швейцарец, который видел прибытие в Урфу Вольфскеела вместе с генералом Фахри, чьим "немецким адъютантом" он являлся. Ida Alamuddin, *Papa Kuenzler and the Armenians* (London, 1970), 67. См. также работу другого швейцарского автора, который подчеркивал тот факт, что Вольфскеел руководил "турецкой батареей, которая грохотала целыми днями". Karl Meyer, *Armenien und die Schweiz* (Bern, 1974), 95. Еще один швейцарец, профессор, который расследовал этот вопрос, описывал, какие разрушения нанес Вольфскеел немецкими орудиями (*da kartätschte deutsche Artillerie alles zusammen*). А.А. Türkei 183/54, A38243, registry no. 2228, доклад от 7 сентября 1919 г. о лекции проф. Рагаза. И наконец, можно также сделать ссылку на британского подданного, который, как враг чужестранец, был в годы войны интернирован в Урфу. Он был свидетелем резни и в своем рапорте министерству иностранных дел Британии несколько раз отмечал "бомбардировки" против армян, и роль "немецкого офицера" в этих нападениях. FO608/78/2610, доклад от 10 февраля 1919 г., листы 152-154.

52 FO371/4363. Конфиденциально. Отдел политической разведки министерства иностранных дел, 25 мая 1918 г. Меморандум о настоящем умонастроении в Турции. За содействие составлению этого меморандума отдел политической разведки особенно обязан сэру Х. Румболду в связи с его еженедельными докладами, а также другому "достоверному источнику".

53 А.А. Türkei 158/13, A5135, шифр No. 72.

54 *Austrian Foreign Ministry Archives*. Vienna. (далее цитируется как DAA) P.A. 1. Karton Rot. 947 (f). Секретный доклад No. 5139, шифр No. 189.

55 А.А. *Botschaft Konstantinopel*. 434, No. 15994. 5 октября 1917 г.

56 Morgenthau, *Ambassador* [n.18], 5, 6, 383. Многие из этих сфер детально обсуждены в двух исследованиях. См. Ulrich Trumpeper, *Germany and the Ottoman Empire 1914-1918* (Princeton, 1968) и F.Weber, *Eagles on the Crescent* (Ithaca, 1970).

57 *Grosses Hauptquartier*, vol. 185, Türkei 18, Registry No. 505, 21 сентября 1914, Вангенгейм заместителю министра Циммерману; приказ императора см. *Там же*, 18/1, Registry No.93, 12 сентября 1914. Эти детали в какой-то степени подтверждены великим визирем Саидом Халимом, который содержался британцами на Мальте в ожидании судебного процесса по обвинениям, связанным с депортациями и массовыми убийствами армян. В своем письме протеста с Мальты Саид Халим говорил о том "с каким вероломством немцы организовали это черноморское столкновение, которое безвозвратно подорвало нейтралитет Турции". FO371/4174/127758, листы 408-409. Это восьмистраничное письмо протеста было написано 12 августа 1919 года на Мальте и было адресовано британскому премьер-министру Ллойд Джорджу.

58 Ilber Ortayli, *Osmanli Imparatorlugunda Alman Nufuzu* (Влияние Германии на Османскую Империю), (Istanbul, 1983), 137, и 137 n.13.

59 А.А.Туркеи 158/15, A14133, лист 126. 25 апреля 1916.

60 Herbert, "Talât Pasha" [n.23], 430; *в той же книге*, Ben Kendim [n.23], 314.

61 Pomiankowski, *Der Zusammenbruch* [n.5], 163.

62 Herbert, "Talât Pasha" [n.23], 435; *в той же книге*, Ben Kendim [n.23], 321.

63 Morgenthau, *Ambassador* [n.18], 370.

64 Liman von Sanders, *Five Years in Turkey* (Annapolis, 1927), 14.

65 Morgenthau, *Ambassador* [n.18], 370-73, 378-79, 382-83.

66 А.А. Botschaft Konstantinopel. Vol. 137, Doc.No. 240. 22 февраля 1917 г.. Deutsches Militär in der Türkei. Репарка Дджеха о Гуманне в Ernst Jackh, *The Rising Crescent*, (New York, 1944), 119.

67 Morgenthau, *Ambassador* [n.18], 375-76.

68 Доклад с опровержением см. А.А. Türkei 183/55, A11259.

69 Dinkel, "German Officers" [n.33], 113.

70 *Там же*, 110, 115.

71 Ulrich Trumpeper, *Germany and the Ottoman Empire 1914-1918* (Princeton, 1968), 127.

72 *Hadisat*, 7 ноября 1918 г.

73 Çetin Altan, *Sabah*, 20 января 1992 г.

74 Dilek Zabitcioğlu, *Cumhuriyet*, 20 апреля 1993 г.

75 Ilber Ortayli, *Osmanli Imparatorlugunda Alman Nufuzu* (Немецкое влияние на Османскую империю), (Istanbul, 1983), 122.

76 FO371/2488/161837, 1 ноября 1915 г., *там же* /171151, 15 ноября 1915 г.

77 *Там же* /148432, 12 октября 1915 г.

78 *Там же* /161837, 1 ноября 1915 г.; *там же* /171151, 15 ноября 1915 г.

- 79 Упоминание Фейзи о своей поездке в Берлин см. в Tomas Mugurditchian, *Deekranagerdi Nahankin Tcharteru Yev Kiurderou Kazanioutounneru* (Массовые убийства в провинции Диарбекир и зверства курдов), (Cairo, 1919), 22-26. Высказывания, приписываемые автором депутату Фейзи, независимым образом подтверждаются гражданским инспектором первой степени, армянином, которому удалось избежать участи своих соплеменников благодаря своим тесным связям с Иттихадом. См. его письменное показание, подготовленное по просьбе британской комиссии в Стамбуле. FO371/6500, листы 77-81/344-48. По поводу награждения Фейзи кайзером см. FO371/4172/24597, no. 63490, лист 304.
- 80 Т.В.М.М. *Gizli Celse Zabıtları* (Стенограммы тайных сессий Великого национального собрания Турции), vol.3, (Ankara, 1985), 377, 394.
- 81 Содержание интервью было отдельными частями напечатано в турецкой газете. *Tanin*, 8 сентября 1945 г.
- 82 Doğan Avcioğlu, *Milli Kurtuluş Tarihi* (История национального освобождения), vol.3 (Istanbul, 1974), 1135.
- 83 Миссионерский ежемесячник приводит число 10 000. См. Dinkel в п.40, с.40, но в Richard Schäfer, *Persönliche Erinnerungen an Johannes Lepsius* (Potsdam, 1935), 12 приведено число 20 000.
- 84 А.А. Türkei 183/44, A24404, 9 сентября 1916; там же, 15-ое сентября 1916. Речь идет о *Bericht über die Lage des Armenischen Volkes in der Türkei* (Potsdam, Berlin, 1916).
- 85 А.А. Türkei 183/45, A31131, 16 ноября 1916; A34247, 28 ноября 1916, 30 ноября 1916, 2 декабря 1916; A32822, 2 декабря 1916; 183/47, A178182, 18 мая 1917. Приказ о конфискации книги Лепсиуса см. там же: 183/44, A24404, 15 сентября 1916.
- 86 Johannes Lepsius, *Deutschland und Armenien 1914-1918. Sammlung Diplomatischer Aktenstücke* (Berlin-Potsdam, 1919). Спустя приблизительно одиннадцать лет и четыре года после его смерти расширенная версия его написанного в годы войны Bericht была опубликована под новым заглавием: *Der Todesgang des Armenischen Volkes* (Berlin-Potsdam, 1930).
- 87 Göppert Papers [n.32], 13 февраля 1919, vol.VI, file 1, p.2.
- 88 А.А. Türkei 183/56, A20906, Гаага, 13 июля 1919.
- 89 Там же, 26 июля 1919.
- 90 Trumpeper, *Germany* [n.71], 206, п.15; примером служит цитата заместителя министра Циммермана, с. 219. Вторая часть этой цитаты не вошла в книгу Лепсиуса, с. 136, однако Трумпенер не упоминает об этом.
- 91 Dinkel, "German Officers" [n.33], 86.
- 92 Wolfdieter Bihl, *Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte Part I* (Vienna, 1975), 176, п.402.
- 93 В издании этого тома, помимо Лепсиуса, принимали участие др. Золф, др. Гёпперт и др. В. Рёсслер из министерства иностранных дел Германии. В 1978 году, проводя свои исследования в Берлине, автор поднял вопрос о текстовых сокращениях в разговоре с одной из дочерей Лепсиуса, Гиттой Лепсиус, которая тогда работала его секретаршей и печатала для него всю рукопись. Она категорически отрицала получение от кого бы то ни было каких-либо инструкций по этому поводу, заявив, что слышит об этом впервые.
- 94 Dinkel, "German Officers" [n.33], 82.

- 95 А.А. Türkei 158/21, A48179, folios 158-59, 175 ; Tevfik, Çavdar, *Talât Paşa* (Ankara, 1984), 435-37.
- 96 А.А.Туркеи 183/42, A11715.
- 97 Там же, 158/16, A31746, folio 095-96, доклад Гуммана от 15 ноября 1916 года.
- 98 Bihl, *Die Kaukasus-Politik* [n.92], 334, п.405.
- 99 DAA [n.54], PA XXXVIII/368 No. ZI. 54/P 4 сентября 1915; там же., XII/380, No.84/P., 17 декабря 1915.
- 100 Sanders, *Five Years* [n.31], 106; Bihl, *Die Kaukasus-Politik* [n.92], 351, п.24; sabis, *Harp Hatıralarım* [n.7] vol.2, 191; А.А. Botschaft Konstantinopel, vol.23, 15845, Военная миссия, 27 октября 1917.
- 101 DAA [n.54], XII/463, No. 70/P. Trabzon, 22 октября 1915.
- 102 Там же, PA XII/209, Z.100/P и No. 96/P.C. 10 ноября 1915; Шифрованная телеграмма Nos.20 и 23.
- 103 А.А.Туркеи 183/54, A44066, сс.8, 9 докладов от 18 октября 1918 г.
- 104 *Hairenik*, 17/30 октября 1918.
- 105 *Houshartzan Abril Dasnumegi* (В память о 24 апреля), (Istanbul, 1919), 96.
- 106 *The Hoover Institution on War, Revolution and Peace*. Stanford. Министерство внутренних дел. Департамент иностранных дел секретной службы полиции. Section 4, Doc. No.16609, 13 января 1914.
- 107 Ismail Beşikci, *Kürdistan Üzerinde Emperyalist Bölüşüm Mücadelesi; 1915-1925* (Борьба за империалистический раздел Курдистана 1915-1925), vol.1, (Ankara, 1992), 88-101.
- 108 S.A.Zenkovsky, *Pan-Turanism and Islam in Russia* (Cambridge, MA, 1967), 110-11.
- 109 Цит. À René Pinon, "L'Offensive de L'Asie" *Revue des deux Mondes* (April 15, 1920): 810-11.
- 110 Tekin Alp, *Türkismus und Pantürkismus* (Weimar, 1915), 46-7, 50, 53. Автор, настоящее имя которого было Мойзе Коен, был из Салоник и после поражения турок в Первой балканской войне поселился в 1912 году в Стамбуле. Он был ярым защитником "того, чтобы турки [добились] экономической независимости в своей стране" и чтобы "экономический подъем" (*Hebung*) Турции осуществился посредством турецкого национализма, проводимого министрами, приверженцами идеологии тюркизма", сс. 38, 39, 43, 45.
- 111 *German Foreign Ministry Archives*. А.А.Туркеи 134/35, A8212, сс. 9 и 10 "конфиденциального" доклада. Автором был тайный советник казначейства проф. др. Фон Шульце Гаверниц, который в марте 1916 года посетил Турцию и провел "подробные беседы" в числе прочих и с "ведущими турецкими государственными деятелями".
- 112 А.А.Туркеи 134/35, A18613, pp. 1, 2, 3, 4. Доклад, озаглавленный "Volkswirtschaftliche Studien in der Türkei" (Политико-экономические исследования в Турции), был анонимно написан 2 июля 1916 г. и представлен в министерство иностранных дел 14 июля 1916 г. Другой немецкий автор, который также изучал экономические аспекты истребления османских армян, осудил применение "политических и военных методов германского империализма" в совершенном против армян преступлении геноцида. Он писал; "С целью проложить дорогу для проникновения тюранизма на Кавказ, лидеры Иттихада приступили к безжалостному и полному истреблению османских армян... По особому приказу турецкого правительства, с июня 1915 г. по март 1916 г. более одного миллиона мужчин, женщин и детей под предлогом переселения в Месопотамию было убито с беспрецедентной жестокостью" (beispiellose Grausamkeit). Lothar Rathmann, *Stossrichtung*

- des deutschen Imperialismus im ersten Weltkrieg* (Berlin, 1963), 138.
- 113 *Der Prozess Talaat Pascha*. Стенографический отчет судебного разбирательства. Berlin, (1921), 84.
- 114 *Там же*, 109, 112, 113, 123.
- 115 *Там же*, 84.
- 116 *Там же*, 125.
- 117 *Там же*, 118.
- 118 *The New York Times*, 3 июня 1921.
- 119 Dr. Armgaard Karl Graves. *The Secrets of the German War Office* (with the collaboration of E.L.Fox), 4th ed. (New York, 1914), 56,73,118-19,121.
- 120 * * * (n.a.), *The Near East From Within* (New York, n.d., возможно зима 1914-15), 51, 59, 83-84, 235.
- 121 Captain von Rintelen, *The Dark Invader. Wartime Reminiscences of a German Naval Intelligence Officer* (New York, 1933), 74, 81, 83, 84.
- 122 Dr. Kurt Mühsam, *Wie Wir Belogen Wurden* (Münich, 1918), 149.
- 123 Ernst Werner, "Ökonomische und Militärische Aspekte der Türkei-Politik Österreich-Ungarns 1915 bis 1918", *Jahrbuch für Geschichte* 10 (1974): 396.
- 124 Wolfram W. Gottlieb, *Studies in Secret Diplomacy during the first World War* (London, 1957), 44.
- 125 *Hasan Amca Doğmayan Hürriyet. Bir Devrin İç Yüzü 1908 – 1918* (Еще не рожденная свобода, Внутренняя история эры 1908-1918), (Иstanbul, 1958), 123, 155, 180.
- 126 Fürst Bernhard von Bülow *Denkwürdigkeiten*, vol.2 (Berlin, 1930), 512.
- 127 Erich Eyck, *Das persönliche Regiment-Wilhelms II: Politische Geschichte des deutschen Kaiserreiches von 1890 bis 1914* (Zürich, 1948), 682-83.
- 128 *German War Ministry Archives*. Bundesarchiv Militärarchiv. Kaiserliche Marine-Kabinetts. Archiv der Marine. RM 2/V.1115, 4995/14, August 22 1914.
- 129 Исторический факт, что при определенных обстоятельствах почти любая нация может совершить варварские акты, включая и массовые убийства. В этом смысле изыскания могут извлечь пользу из существующих материалов описательного или аналитического характера, не впадая при этом в чрезмерное ханжество. Следующие два суждения по поводу склонности турок к варварству являются существенными в двух отношениях. Во-первых, они исходят от двух ведущих дипломатов, которые, зная об ужасах геноцида армян, тем не менее продолжали оставаться приверженцами турок. В данном случае признание геноцидального образа действий не предполагает его порицания или наказания. Во-вторых, они идентифицируются с двумя национальными государствами, правительства которых явным образом демонстрируют чувство раскаяния за совершенные в прошлом массовые убийства того или иного рода и заявляют об установлении компенсации за нанесенный ущерб. В контексте данного обсуждения второй вопрос, естественно, имеет второстепенное значение. Варварские преступления подобного масштаба не могут быть измерены размерами материальной компенсации, но они могут быть искуплены искренним раскаянием. Однако чтобы искупить вину, ее прежде всего надо признать. Турки же не только категорически и упорно отрицают факт совершенного преступления, но и демонстрируют при этом вызывающую свирепость. И в связи с этим возникает вопрос: являлся ли совер-

шенный турками геноцид армян возвратом к варварству, или чем-то отличным от сути варварства. Вот эти два суждения, о которых говорилось выше. В длинном и интимном письме "дорогому другу" в министерстве иностранных дел от 30 декабря 1914 года, то есть за несколько месяцев до начала геноцида, посол Вангенгейм говорит об извержении "неистовства турок, масштаб которого иногда трудно предсказать, учитывая варварское состояние населения". A.A.Türkei, 139/34, A46. В период перемирия, когда взбунтовавшиеся кемалисты возобновили массовые убийства оставшихся в стране армян, их основной защитник в османской столице, верховный комиссар США адмирал Бристоль счел своим долгом сообщить в Вашингтон: "Известно, что турки будут грабить, мародерствовать, выселять и убивать христиан тогда, когда, с их точки зрения, предоставится благоприятная возможность... Мое мнение таково, что, зная характер турок-мусульман... если вы пробудите кровожадные инстинкты турок, вместе с их фанатичными стремлениями, то они нападут на христиан, если какая-либо мощная сила не удержит их". *U.S. National Archives. Record Group (RG) 59. 867.00/1361*. Доклад Бристоля в Вашингтон от 23 октября 1920 г., сс. 1 и 2. Подробности об учиненных кемалистами погромах см. в двух докладах С. фон Энгерта, должностного лица, прикомандированного в канцелярию Бристоля, верховного комиссара США в османской столице. Он говорит об убийстве "нескольких тысяч армян", которых он описывает как жертв той же "наглой силы", которая неистовствовала в годы Первой мировой войны, став угрозой для османских армян. Телеграмму от 28 февраля 1920 г. см. *там же*, 867.00/1127; телеграмму от 15 марта 1920 г., также отправленную из Бейрута, см. *там же*, 867.00/1165.

Часть VII

**В ПОИСКАХ ПРАВОСУДИЯ
ПОСЛЕ ВОЕННОГО
ПОРАЖЕНИЯ ТУРЦИИ**

Попытки союзников добиться карательного правосудия

По окончании Первой мировой войны союзники сконцентрировались на задаче наказания за совершенные против армян военные преступления. Сначала они попытались применить в отношении преступников, осуществивших массовые убийства, принципы международного права. Однако за первые послевоенные месяцы первоначальный порыв добиться правосудия ослабел, в конце концов уступив свое место соображениям политической целесообразности. Попытки турецкого правительства отдать своих граждан в руки правосудия также не отличались особой решительностью. Подъем национализма и все более нараставшее вызывающее отношение турецкого населения к союзникам не прибавили правительству решимости в его поисках правосудия. Эта ослабевшая решимость и потухший интерес самих союзников воспрепятствовали усилиям, направленным на осуществление судебного преследования.

Подписав 30 октября 1918 г. перемирие, Турция отдала себя на милость европейских союзников. Соединенные Штаты, объявившие войну Турции только в апреле 1917 г., могли не участвовать в принятии 24 мая Декларации держав Антанты, поскольку в то время еще не были в состоянии войны с Турцией. Характеризуя Турцию, Черчилль говорил, что она “была в плену поражения, и поражения заслуженного”.¹ Британский министр иностранных дел Керзон также осудил Турцию, назвав ее “преступницей, ожидающей приговора.”² Эндрию Рйан, драгоман и специалист по политико-правовым вопросам британской верховной комиссии в османской столице, описывая осторожность турок в начальный период перемирия, отмечает, что они были “настолько осмотрительны, что многие должны были бы приветствовать установление (мира) при любых условиях”.³ С точки зрения союзников, “виновность” Турции в основном касалась военных преступлений и

* Примечания к данной главе начинаются на странице 402.

преступлений, содеянных против своих же граждан. Во исполнение своих предостережений от 24 мая 1915 г., союзники возбудили уголовное дело против турецких должностных лиц, подозревавшихся в причастности к массовым убийствам армян.

Судебная ветвь Парижской мирной конференции

В январе 1919 г. в рамках предварительной Парижской мирной конференции была создана Комиссия по ответственности и санкциям. Ее первая подкомиссия (известная также как Комиссия пятнадцати) под председательством госсекретаря США Лансинга среди прочих правонарушений изучила также “варварские и незаконные методы ведения войны”. Сюда входила и такая категория, как “нарушения законов и обычаев войны и принципов человечности”, что, по мнению французского представителя третьей подкомиссии Ларнод, было “абсолютно” необходимым с точки зрения обеспечения прав человека.⁴

Комиссия пятнадцати проводила свое расследование в соответствии с условиями четвертой Гаагской конвенции. Целью этой конвенции, которая являлась частью Второй мирной конференции 1907 г., было “дальнейшее развитие гуманитарных принципов [на пути к] утверждению возвышенной концепции всеобщего благосостояния человечества”. В преамбуле этой конвенции стороны, заключившие договор, попытались гарантировать, что “население и воюющие остаются под охраною и действием начал права наций, вытекающих из установившихся между цивилизованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания”.⁵ Однако, как отмечает Бассиуни, правовые истоки концепции “преступлений против человечества” необходимо искать в первой Гаагской Конвенции 1899 г. о законах и обычаях войны, где “человеколюбие” используется как общая норма и где “законы человечности” и “требования общественного сознания” определяются как цементирующая основа “принципов международного права”.⁶ Именно в этом контексте **Николас Политис**, член комиссии пятнадцати и министр иностранных дел Греции, предложил ввести новую категорию военных преступлений, которая должна была охватить массовые убийства армян, заявив при этом: “Технически эти действия не подпадают под положения уголовного кодекса, [однако они являлись серьезными нарушениями] законов человечности”.⁷

Несмотря на протесты американских представителей Лансинга и Скотта, которые ставили под сомнение, что по своей природе этот закон был ex-post facto, большинство остальных членов комиссии, правда, “не без колебаний”, согласились с Политисом.⁸ Решение комиссии основывалось на принципах Гаагской конвенции, которая допускала ссылку на “законы человечности” и “требования общественного сознания” в случаях отсутствия четко сформулированных стандартов и предписаний для серьезных нарушений.

В докладе комиссии от 5 марта 1919 г. определены следующие нарушения против гражданского населения: систематический террор, убийства и погромы, надругательство над женщинами, конфискация частной собственности, грабеж, захват имущества, принадлежащего общинам, образовательным учреждениям и благотворительным организациям, произвольное уничтожение общественного и личного имущества, депортация и принудительный труд, казнь гражданских лиц на основании ложных обвинений в военных преступлениях, насилие над гражданскими лицами, а также военными.¹⁰ В окончательном докладе комиссии, датированном 29 марта 1919 г., говорилось об “очевидных требованиях человечности”, которые нарушались “центральными державами совместно с их союзниками”, в особенности Турцией, “применением варварских или незаконных методов, нарушавших... элементарные законы человечности”.¹¹ В заключение в докладе говорилось, что “все люди, относящиеся к враждебным странам... и виновные в нарушениях законов и норм войны или законов человечности, подлежат уголовному преследованию”.¹² С подсказки бельгийского юриста Ролена Жекмена, комиссия включила также, не слишком, однако, акцентировав, преступления, совершенные против армянских граждан, в которых обвинялась Турция.¹³

В результате усилий комиссии некоторые статьи, предусматривавшие осуждение и наказание ответственных за геноцид, были включены в Севрский мирный договор, подписанный 10 августа 1920 г.¹⁴ Согласно статье 26, “турецкое правительство признало” право суда и наказания за союзники и державами, “независимо от каких бы то ни было процессов и судебных преследований в трибунале Турции”. На основании той же статьи, Турция обязывалась слать “всех людей, обвиняемых в нарушении законов и обычаев войны, личность которых уточняется либо по имени и рангу, либо по должности, занимаемой ими в турецких властных структурах”.¹⁵ Далее, на основа-

нии статьи 230 мирного договора, Турция принимала на себя следующие обязательства:

сдать союзным державам тех людей, которые могут быть потребованы последними за ответственность в массовых убийствах, совершенных во время продолжительного военного положения на территории, которая 1 августа 1914 г. являлась частью Турецкой империи. Союзные державы оставляют за собой право назначить трибунал, который будет судить людей, в адрес которых выдвинуты эти обвинения, и турецкое правительство должно будет признать такой суд. Положения статьи 228 применимы в случаях, рассматриваемых в данной статье.¹⁶

Таким образом, Севрский договор обеспечил правовые основы для того, чтобы судебное решение относительно преступлений, совершенных Османской империей против армян во время Первой мировой войны, было вынесено на международном уровне. Однако этим положениям не суждено было вступить в силу. Политическое напряжение между союзными державами и националистические страсти в Турции в конце концов привели к тому, что договор этот был списан за ненадобностью. Об этом речь пойдет в следующей части настоящего исследования.

Британцы в поисках правосудия

В то время, как международное сообщество пыталось добиться наказания турецких военных преступников на основе международного права, британцы, в свою очередь, предпринимали попытки предать правосудию виновных в массовых убийствах. Однако их усилия оказались столь же безуспешными, сколь требуемые Севрским договором.

Верховная комиссия и юристы короны

Сразу после перемирия союзникам нужно было решать, как поступить с врагами, которые обвинялись в военных преступлениях. Обвинения эти делились на две большие категории. Первая включала “плохое обращение” с военнопленными, в основном британскими; вторая подразумевала “депортации и массовые убийства” - преимущественно армян.¹⁷ В ночь с 1 на 2 ноября 1918 г. семь главных младотурецких лидеров совершили неожиданный побег из

Стамбула на борту немецкого эсминца, и это обстоятельство способствовало тому, чтобы против оставшихся высокопоставленных должностных лиц и партийных лидеров были предприняты соответствующие меры. Как сообщал контр-адмирал и заместитель верховного комиссара в Стамбуле Ричард Вебб занимавшему тогда пост министра иностранных дел Артуру Джеймсу Бальфуру, “едва ли найдется хоть один печатный орган, который бы не нападал с яростью на этих людей... за их участие в массовых убийствах”.¹⁸ Описывая в своих воспоминаниях бегство этих семи турок, задержавшийся в Турции генеральный секретарь Иттихада отметил, что соучастие беглецов в “депортациях” армян являлось основной причиной их побега.¹⁹

18 января 1919 г. британский верховный комиссар адмирал Калторп сказал турецкому министру иностранных дел: “Члены правительства Его Величества полны решимости применить должное наказание к тем, кто несет ответственность за массовые убийства армян”.²⁰ Спустя десять дней Калторп телеграфировал в Лондон: “[Турецкому] правительству было указано на то, что когда в Англии узнали о массовых убийствах, британские государственные деятели дали обещание цивилизованному миру, что причастные к этому люди понесут личную ответственность и что правительство Е.В. твердо намерено выполнить [это] обещание”.²¹ 20 марта 1919 г. руководитель британской военной разведки передал в государственный департамент США доклад британского военного атташе, бригадного генерала В.Х. Дидеса, датированный 27 февраля 1919 г. и адресованный генералу Олленби, в котором Дидес заявлял, что “Правительство Его Величества не только желало наказать тех, кто осуществил массовое истребление, но и намеревалось обеспечить это... они никогда не забудут того, что произошло во время войны, и уж точно не станут с этим мириться”.²² В своей зашифрованной телеграмме, направленной 3 апреля 1919 г. Мирной конференции в Париже, заместитель верховного комиссара Вебб заявлял:

Чтобы наказать всех тех, кто был виновен в зверствах против армян, придется осуществить правосудие над огромным количеством турок, поэтому я предлагаю, чтобы на национальном уровне наказание состояло в том, чтобы расчленив последнюю Турецкую империю, а на индивидуальном уровне — осуществить суд над теми высокопоставленными должностными лицами, которые есть в моих списках и участь которых послужит примером.²³

Однако для наказания требовалась соответствующая юрисдикция, приемлемые для суда доказательства, уголовные кодексы, а также механизм для отправления правосудия. Британцы прекрасно понимали необходимость разграничения исполнительных и судебных актов и, по возможности, предотвращения влияния политических факторов на судебный процесс. Многие британские юристы настаивали на том, чтобы суд над турецкими преступниками и их наказание были осуществлены британскими военными судами в оккупированных зонах в соответствии с “Обычным правом войны”, которое, как считалось, включало в себя нарушения законов и обычаев войны.²⁴ Авторитетное мнение юристов короны, высказанное в ответ на подробный запрос из министерства иностранных дел, проясняло, какие правовые последствия могли иметь место при различных альтернативах. Юристы утверждали, к примеру, что британские военные суды на оккупированных территориях правомочны проводить такие суды, “если получают санкцию британского правительства. Вопрос лежит не в плоскости муниципального права, он скорее регулируется обычаями войны и нормами международного права, [и посему] нет никаких *правовых* возражений”.²⁵ Кроме того, эти суды могли рассматривать дела и тех, кто совершал преступления за пределами оккупированных зон, при условии, что “турецкое правительство дало свое согласие на применение такой юрисдикции”.²⁶

Говоря конкретно о таких преступлениях как массовые убийства армян, юристы сочли предпочтительным, чтобы эти преступления “были рассмотрены на основании положений мирного договора, и что нет никаких правовых возражений по поводу заключения этих преступников под стражу. Такое задержание является актом государственной власти, правомерность которого не может быть оспорена ни в одном суде, действующем по нормам статутного и обычного права”.²⁷ Поскольку британцы чувствовали, что турецкое правительство было не в состоянии разобраться со своими собственными преступниками, юристы короны заключили, что было бы “полезным и желательным включить... положение, отменяющее [турецкое уголовное судопроизводство]”, и выдвинуть в качестве условия, что “преступниками должны распорядиться как преступниками, пребывающими под стражей союзников”.²⁸

Перевод подозреваемых prima facie из турецкого заключения в британское

Начиная с января 1919 г. турецкие власти под контролем и зачастую под давлением находившихся в Стамбуле союзных властей арестовали и заключили под стражу множество турок. Арестованные составляли четыре группы: 1. члены центрального комитета Иттихада; 2. два министра правительства военного периода; 3. большое число губернаторов провинций и 4. высокопоставленные офицеры, считавшиеся организаторами массовых убийств во вверенных им зонах. Сначала подозреваемые были отведены в штаб-квартиру военного губернатора, а затем переведены в военную тюрьму, которая находилась в ведомстве турецкого министерства обороны. Однако их пребывание в турецкой тюрьме и рассмотрение их дел турецкими судами создавало серьезные проблемы.²⁹ Помимо этого, ситуация еще более осложнялась в связи с развитием политических событий, как то: 1. греческой оккупацией Смирны (Измир) в мае 1919 г.; 2. массовыми и демонстративными похоронами окружного комиссара (*mutasarrif*) 12 апреля 1919 г. после того, как турецкий военный трибунал вынес ему смертный приговор и казнил за то, что он был главным организатором массовых убийств армян в своем округе; 3. рядом массовых демонстраций против оккупационных сил союзников и за национальные права турок, имевшим место в различных частях Стамбула в период с 20 по 23 мая 1919 г. Как писал турецкий автор, постоянно существовала опасность того, что, желая освободить высокопоставленных заключенных, турки предпримут “штурм военной тюрьмы Бекирага, как это когда-то произошло при взятии Бастилии”.³⁰ Чтобы успокоить общественность, 21 мая османский великий визирь приказал выпустить сорок одного арестанта.³¹ Вслед за этим министр внутренних дел приказал начальнику полиции на время приостановить новые аресты.³² Эти события побудили британцев предпринять меры по переводу задержанных в британское заключение в Мудросе и на Мальте.³³

Турецкие официальные лица не хотели передавать преступников международному или межсоюзному трибуналу. Они утверждали, что выдача турецких подданных противоречит суверенным правам Османской империи, что было признано Англией в договоре по перемирию. Турецкий министр иностранных дел заявил, что согласие турецкого правительства с требованиями о выдаче преступников

прямо противоречило бы суверенным правам, учитывая тот факт, что, согласно международному праву, каждое государство вправе судить своих подданных, обвиняемых

в преступлениях или судебно наказуемых проступках, совершенных на его собственной территории, своими собственными трибуналами. Более того, поскольку Его Британское Величество, заключив перемирие с Османской империей, признало последнюю как *de facto u de jure* суверенное государство, имперское правительство, бесспорно, имеет полную прерогативу свободно применять принципы, свойственные его суверенитету.³⁴

Несмотря на этот аргумент, Комиссия по ответственности и санкциям Парижской мирной конференции постановила, что процессы в национальных судах не должны являться препятствием для рассмотрения дел в международном или союзном национальных судах. 2 апреля 1919 г. министр иностранных дел Бальфур заявил, что, если турки будут упорствовать в своем неподчинении, “на них, по крайней мере, должно быть оказано давление, чтобы они не возбуждали никаких дел против [обвиняемых военных преступников], пока Мирная конференция не примет решения по поводу их дальнейшей судьбы”.³⁵

28 мая 1919 г. 67 заключенных были неожиданно вывезены британцами из военной тюрьмы. Двенадцать из них, в основном бывшие министры, были отвезены на остров Мудрос, остальные — на Мальту. Впоследствии эти 12 министров также были перевезены на Мальту, где к августу 1920 г. число арестантов достигло 118-и.³⁶

Результаты национальной и международной политики

В месяцы, последовавшие перемещению турецких подозреваемых на Мальту, политический климат в Стамбуле и в особенности внутри Турции стал меняться в ущерб союзникам. По мере того, как восставший кемализм³⁷ насаждался по всей территории Турции, правительство султана неуклонно слабело. Более того, между союзниками начались дразги. Проволочки в окончательном мирном урегулировании с Турцией осложняли эту изменчивую ситуацию. Франция и Италия начали втайне обхаживать кемалистов; итальянцы предоставили новому режиму существенную военную помощь, и как французы, так и итальянцы, саботировали усилия британцев, направленные на восстановление и укрепление власти султана и его правительства.³⁸ Уиллис следующим образом подытожил сложившуюся ситуацию:

За два года, прошедших между перемирием Мудроса и подписанием Севрского догово-

вора, турецкое националистическое движение переросло в главную силу, а коалиция союзников практически распалась. К 1920 г. большая часть победителей уже не ставила перед собой цели наказать турецких военных преступников... итальянцы уклонялись от требований британцев арестовать бывших младотурецких лидеров, которые, как оказалось, встречались на их территории. Французы и итальянцы надеялись на получение некоторых концессий в Малой Азии и не желали попусту вызывать вражду влиятельных турецких группировок, в особенности националистов.³⁹

Историк Тойнби, который в качестве делегата от Великобритании участвовал в Парижской мирной конференции, подверг критике тайные намерения союзников, описав их как порочную “жадность”. Результатом этого порока, “видимо, не могло стать ничто более значительное, чем сомнительный почет среди воров, которые чувствуют, что их делу угрожает решительный и талантливый конкурент. Некоторые из этих воров, по меньшей мере, так и не избавились от привычки лезть в карман своего временного партнера”.⁴⁰ В свете этих развитий решимость Великобритании обеспечить правосудие в соответствии с союзным договором от 24 мая 1915 года поубавилась.

К концу сентября 1919 г. уже было очевидно, что просултанскому кабинету Дамада Фериды осталось жить недолго. 17 ноября 1919 г. новый верховный комиссар адмирал де Робек сказал Керзону:

...нынешнее турецкое правительство... до такой степени зависимо от терпимости организаторов [кемалистского] национального движения, что я чувствую, насколько тщетными окажутся просьбы об аресте какого-либо турка, обвиняемого в преступлении против христиан, даже если он не скрываясь живет в Константинополе... Я не считаю депортацию [на Мальту] новых арестантов политически целесообразной.⁴¹

Как бы то ни было, заявление британского адмирала о том, что если не будет начат судебный процесс, то “можно со всей уверенностью предвидеть, что вопрос возмездия за депортации и массовые убийства станет элементом злейшей тревоги в жизни всех вовлеченных стран”, оказалось почти пророческим.⁴²

Проблема веских и юридически обоснованных доказательств

Политические соображения не были единственным препятствием на пути к отправлению карательного правосудия. В середине 1920 годов специалист по

политико-правовым вопросам британской верховной комиссии в Стамбуле Ламб в детальной докладной перечислил те связанные с доказательностью фактов сложности, которые затрудняли эффективное судебное преследование авторов геноцида армян. Эти сложности сводились к: 1. невозможности получения каких бы то ни было турецких документов, отражающих соответствующие приказы и предписания, отданные центральными и провинциальными властями; 2. нежеланию союзных правительств участвовать в преследовании подозреваемых, которые обвинялись в массовых убийствах; 3. “очевидной апатии наших должностных лиц на Среднем Востоке, явствующей из их ответов на запросы верховного комиссара по этому вопросу; 4. массовому истреблению большинства взрослого мужского армянского населения в провинциях и практически всей интеллигенции; 5. тому, что люди, которые могли выступить на суде и предоставить доказательства, не уверены в своей безопасности и не верят, что союзники действительно намерены наказать преступников; и 6. признакам того, что узники в конце концов будут отпущены с острова Мальта.⁴³ Встревоженный последствиями этих препятствий, Ламб предостерегал свое начальство:

Если у союзников не будет искреннего сотрудничества и воли действовать совместно, судебные процессы провалятся и прямое и косвенное массовое истребление около одного миллиона христиан сойдет им с рук. До того как это произойдет, союзникам лучше никогда не делать своих деклараций по этому вопросу и не предпринимать вслед за декларациями арестов и депортаций.⁴⁴

В рапорте, отправленном в Лондон 16 марта 1921 г., верховный комиссар Рамбольд подтвердил некоторые из пунктов, приведенных в памятной записке Ламба.⁴⁵

Ламб утверждал в своей памятной записке, что Британская верховная комиссия через свой греческо-армянский отдел собрала большую массу информации, относящейся к 118 заключенным на Мальте и около 1000 других людей, которые подозревались в том, что прямо или косвенно участвовали в массовых убийствах. Несмотря на свои опасения, Ламб пришел к следующему заключению: “Можно спокойно утверждать, что очень немногие “досье”, как они теперь называются, не будут помечены практикующим адвокатом как “не имеющие оснований”.”⁴⁶

Возможно, самой сложной проблемой в этом смысле было то, что британцам не удалось собрать уличающих доказательств, поскольку они находились в распоряжении турецкого правительства. Как заметил 3 августа 1921 г. заместитель главы восточного отдела министерства иностранных дел В.С. Эдмондс, “возможно, в архивах [турецкого] военного суда в Константинополе и есть некоторые доказательства, [но] документы, представляющие реальную ценность, вне всяких сомнений, будут тайно вывезены до того, как мы начнем их изучать”.⁴⁷ 10 августа 1921 г. британский государственный секретарь выразил свое согласие с мнением верховного комиссара в Стамбуле, добавив, что, учитывая “то отношение к Турции, которое в целом демонстрирует французское правительство”, бесполезно искать помощи французов в осуществлении правосудия над военными преступниками.⁴⁸ Британский судья Линдсей Смит, в свою очередь, настаивал на том, что “турецким правительством было собрано значительное количество изобличающих доказательств, однако бессмысленно надеяться на то, что их можно получить. А посему, единственной альтернативой остается просто держать их в качестве заложников и освободить в обмен на британских заключенных”. Так что он рекомендовал отказаться от планов по судебному преследованию узников Мальты, полагая, что “неудавшийся суд мог принести больше вреда, чем пользы”.⁴⁹

Судебное преследование окончательно приостановлено

В конечном итоге декларация союзников от 24 мая 1915 г. доказала, что во всей этой истории она являлась всего лишь *brutum fulmen* (пустой угрозой); необходимость карательного правосудия уступила место целесообразности политического приспособления. Покинутые союзниками и преследуемые внутри своей страны требованиями найти способ освободить британских заключенных, которых добившиеся к тому времени национальной, политической, и военной власти кемалисты удерживали в качестве заложников, британцы пытались пойти на сделку с представителями кемалистов, договорившись с ними об окончательном освобождении мальтийских заключенных. Однако Мустафа Кемаль отказался признать Соглашение об обмене, заключенное предыдущим правительством 16 марта 1921 г.,⁵⁰ так как в это соглашение не были включены некоторые участвовавшие в массовых убийствах армян иттихадисты, а также восемь других заключенных, обвиняемых в плохом обращении с британ-

скими военнопленными в годы войны. Вместо этого новый министр иностранных дел Юсуф Кемаль (Тенгиршек) настаивал “на обмене всех на всех”.⁵¹ Между тем 16 иттихадистов, которые не подлежали обмену и ожидали суда международного трибунала, 6 сентября 1921 г., после первого частичного обмена, совершили побег с Мальты.⁵² В эту группу входили два командующих армией, четыре губернатора, один окружной комиссар, один депутат и Шюкрю Кайа, руководивший депортациями во время войны. Двое других заключенных, которые, предстань они перед судом, были бы названы “самыми печально известными членами группы” (одним из которых был Таир Джевдет, бывший губернатор Вана), скрылись до этого.⁵³ В своем представленном кабинету окончательном мнении юристы короны настаивали на том, что, по перечисленным выше причинам, турки не могли предстать перед судом и быть признаны виновными, и что единственным средством защиты могло стать применение Севрского договора.⁵⁴

Соглашение по “обмену всех на всех” было достигнуто 23 октября 1921 г., и 1 ноября 1921 г. оставшиеся 53 турка были освобождены. Сразу после этого британцев охватило чувство стыда и вины. Называя некоторых освобожденных ими турок “пресловутыми убийцами” армян,⁵⁵ задействованные в переговорах и принятии решений британские должностные лица дополнили соответствующие документы своими комментариями. Министр иностранных дел Керзон ругал себя за то, что допустил “большую ошибку”, настаивая на освобождении турок из британского заключения; он приписывал свои действия “давлениям, ошибочность которых... всегда чувствовал”. Другой британский чиновник сделал следующий комментарий:

Чем меньше мы будем говорить об этих людях, тем лучше... мне пришлось давать объяснения по поводу того, почему мы освободили турецких заключенных с Мальты, при этом скользя по тонкому льду так быстро, как только мог. Думаю, поднялся большой шум... Среди членов [парламента бытует] прочное мнение, что один британский заключенный стоит целого судна турок, и поэтому обмен этот был оправданным.⁵⁶

В основном оказываемое давление было результатом маневров Уинстона Черчилля, который, будучи в ту пору государственным военным министром, убедил кабинет проявить снисходительность к “менее виновным туркам”.⁵⁷ Любопытно, что после своего освобождения один из турецких задер-

жанных радостно заявил, что в результате “хитрой уловки” Анкары британцы оказались в дураках: среди “британских заключенных” были “шесть мальтийских рабочих с их женами-гречанками и детьми”.⁵⁸

Комментарий по поводу неудавшегося правосудия союзников

С чисто правовой точки зрения, неудавшаяся попытка британцев привлечь мальтийских заключенных к суду на национальном или международном уровне была обусловлена проблемами с доказательностью, которые, в свою очередь, являлись результатом отсутствия обвинительных рычагов и юрисдикционных полномочий. Однако по двум аспектам это были не ограничения, а самоограничения. Во-первых, с самого начала союзники не воспользовались своим статусом и не обеспечили полную оккупацию и контроль Турции, как это было сделано в Германии и Японии в конце Второй мировой войны. Во-вторых, они старательно избегали какого бы то ни было вмешательства в ведение дел в турецких военных судах.

Упомянутые выше заявления британцев о сравнительной ценности турок и бриттов, свидетельствуют о том, что принципы справедливости были попорчены национальной и международной политикой. Декларация союзников от 24 мая 1915 г. была в значительной степени политически мотивированным действием, подобно тому, как в девятнадцатом столетии была провозглашена доктрина гуманитарного вмешательства в защиту угнетенных народов и меньшинств. Эта декларация,⁵⁹ которая постоянно цитировалась на протяжении всей войны, была предвестницей принципа “преступлений против человечества и цивилизации”, впервые принятого в 1919 г. Комиссией (пятнадцати), которая для будущего судебного обвинения описывала “преступления” против “законов человечности” как результат обращения турецких властей с армянскими подданными во время Первой мировой войны⁶⁰, в дальнейшем они вошли в Нюрнбергский Устав (статья 6с) и в Конвенцию ООН по геноциду (преамбула). Тем не менее, в случае геноцида армян Декларация оказалась недолговечной. В этом смысле она удостоилась той же участи, что и многие другие нормы международного права, которые, провозглашая общие принципы, не имеют принудительной силы. Однако союзники, будучи победителями, добившись безоговорочной капитуляции побежденных, упустили редкую возможность посредством Декларации от 24 мая создать новый пробный камень меж-

дународной юриспруденции, требующий силового вмешательства в случаях организованных массовых убийств.⁶¹ Севрский договор, подписанный представителями османского правительства, включал элементы такой международной юриспруденции. Однако, как было отмечено выше, договор был проигнорирован, так как победители предпочли своим обещаниям и принципам политическую и экономическую выгоду.

Доминирующее влияние кемализма своими истоками восходит именно к последствиям некоторых положений перемирия 1918 г.,⁶² которые позволили Турции избежать полной оккупации союзников, сохранить и обновить ряд армейских корпусов, прикрепленных к ним дивизий и штабов и эффективным образом саботировать предусмотренный процесс демобилизации и разоружения. Вдобавок ко всему этому союзники оставили османскую государственную систему нетронутой, дав ей суверенные права *de facto*, и *de jure*. Поступив таким образом, они отказались от власти, необходимой для выполнения обещаний, содержащихся в Союзной ноте 1915 г.

Провал усилий союзников по судебному преследованию иллюстрирует слабость международного права как сдерживающего средства против преступлений, совершаемых различными ведомствами суверенных государств. Политические и практические ограничения, присущие системе, уважающей суверенность независимого государства, почти всегда будут оказываться сильнее, чем требования гуманитарных интервенций.

Примечания к главе 17

- 1 W. Churchill, *The World Crisis: The Aftermath* (London, 1929), 367.
- 2 *Documents of British Foreign Policy 1919-1939*, vol.4. First Series, W.Woodward & R.Butler, eds.(London, 1952) (Заявление министра Керзона, 4 июля 1919), 661.
- 3 Sir A.Ryan, *The last of the Dragomans* (London, 1951), 130.
- 4 FO 608/246, Procès-Verbal no.6, p.57 (folio 417), (8 марта 1919). О постепенно зреющем в политических и правовых кругах союзных стран соглашении о наказании гражданских и военных должностных лиц центральных держав, заподозренных в военных или жестоких преступлениях, см. J.Read, *Atrocity Propaganda 1914-19*, 240-84 (New Haven, CT, 1941); подробнее об обсуждениях комиссии см. там же, сс.254-65. Работа комиссии была разделена на три сферы деятельности, которые обсуждались в трех соответствующих подкомиссиях: (1) Уголовные преступления, касающиеся (а) нарушения мира посредством агрессии и (б) военных преступлений; (2) Военные обя-

зательства, включая преступников, подпадающих под приведенный выше пункт (1) (а), а также их уголовную ответственность и возможное уголовное преследование; (3) Нарушение законов войны, включающие преступные действия, подпадающие под приведенный выше пункт (1) (б), а также их уголовную ответственность и возможное уголовное преследование. Этой последней подкомиссией, иначе называемой Комиссией пятнадцати, руководил Лансинг.

5 *The United States War Crimes Commission, History of the United States War Crimes Commission and the Development of the Laws of War* (London, 1948), 24, 25. См. также *Final Act of the Second Peace Conference, The Hague* (1907), (Cmd. 4175), (1914), переопубликовано в 36 Stat. 2277, Treaty Series No. 539, с Приложением.

6 M.C.Bassiouni, *Crimes Against Humanity in International Criminal Law* (Boston, 1992), 166-67. Выдержки из текстов обеих Конвенций см. 634-37 (Конвенция 1899) и 634-41 (Конвенция 1907).

7 J.Willis, *Prologue to Nuremberg: The Policy and Diplomacy of Punishing War criminals of the First World War* (Westport, CT, 1982), 157.

8 Там же.

9 Когда в 1920 году Советом Лиги Наций был создан Комитет юристов с тем, чтобы разработать устав Постоянной палаты международного правосудия, на первый план снова вышли вопросы человечности и цивилизации. Председатель, бельгийский барон Декамп, включил в концепцию международного права не только такие нормы, как “признанные цивилизованными народами”, но также “согласно требованиям общественного сознания [и] предписанию правового сознания цивилизованных народов”. После долгих дебатов, в процессе которых американский представитель Элиу Рут выразил свои возражения, Комитет признал пересмотренную версию, третий пункт которой относился к “основным принципам закона, признанного цивилизованными народами”. P.C.I.J., Advisory Committee of Jurists, Procès-Verbaux of the Committee, 16 июня -24 июля 1920, сс.310, 318, 331, 344.

10 См. статьи 1, 23, 46, 53 и 56 Четвертой гаагской конвенции, FO 608/246, Procès-Verbal, annexe. 2e Rapport, s.60.

11 Carnegie Endowment for International peace, *Violations of the Laws and Customs of War: Report of the Majority and Dissenting Reports of the American and Japanese Members of the Commission on Responsibilities at the Conference of Paris*, 1919, Pamphlet No.32, с.19.

12 Там же. Выразившими свое несогласие членами комитета были Роберт Лансинг и Джеймс Скотт, считавшие, что добавленные слова “и законы человечности” “неуместны”. Там же, с.64. В своей памятной записке об оговорках они настояли на том, что законы и принципы человечности, не будучи “четкими стандартами”, не могут быть найдены ни в трактатах авторитетных правоведов, ни в международной юридической практике. Они утверждали, что эти законы и принципы варьируются в разные периоды развития правовой системы, от одной правовой системы к другой и в зависимости от обстоятельств. Иначе говоря, они заявили, что не существует зафиксированных универсальных стандартов человечности и что судебный орган в своей работе полагается только на существующие законы, “оставляя на суд совести нарушение моральных норм и действия, противоречащие законам и принципам человечности”. Там же, 73.

13 См. FO 608/246, Третья сессия, 20 февраля 1919, с.20 folio 163).

- 14 The Treaty of Peace Between the Allied Powers and Turkey. *American Journal of International Law*. Приложение, 15 (1921): 179; 1920 Gr. Brit. T.S.No.11.
- 15 Willis, *Prologue* [n7], 180-81.
- 16 Там же, p.181.
- 17 FO 371/4174/129560, p. 2 (Сообщение исполняющего обязанности заместителя государственного министра иностранных дел Тилли от 10 июля 1919 г. юристам короны).
- 18 FO 371/3411/210534, (folio 334). Историк Баюр охарактеризовал всех беглецов, за исключением Талеата, как “воров” (*hirsizlar*). Y.N Bayur *Türk İnkilâbi Tarihi vol.3 Part 4* (Ankara, 1983), 780, n. 91.
- 19 M.Bleda, *İmparatorluğun Çöküşü* (Падение империи), (Istanbul, 1979), 124.
- 20 FO 371/4174/118377, (folio 253).
- 21 Там же.
- 22 FO 371/4173/44216, (folio 50).
- 23 FO 371/4173/53351, (folios 192-93). Такая же агитация имела место в Соединенных Штатах, где осенью 1918 года Чарльз Ливермор из Всемирного фонда мира составил список одиннадцати лиц, “совершивших преступление против цивилизации”, подлежащих “заслуженному наказанию”. В этот список входили три лидера, составлявшие триумвират младотурок, – Талеат, Энвер и Джемал. Willis, *Prologue* [n.7], 43. Аналогичный, но еще более расширенный список был составлен во Франции в 1917 году Танкредом Мартелем, экспертом по международному праву, который настаивал на том, что, в силу характера и масштаба вменяемых им преступлений, указанные люди должны судиться как обыкновенные преступники обычными гражданскими и уголовными судами союзных стран. В заключительном докладе, завершеном 29 марта 1919 года, Комиссия по ответственности в Таблице 2 Приложения 1 обозначила 13 категорий совершенных турками преступлений, подлежащих уголовному преследованию. Читай, *Atrocity* [n.4], 245, 266.
- 24 FO 608/244/8493, (folio 423), 9 мая 1919 (Записи подполковника Дж.Х.Моргана).
- 25 FO 371/4174/129560, сс. 2-3 (folio 430-31), (все курсивы в оригинале). Запрос министерства иностранных дел был направлен 10 июля 1919 г. исполняющим обязанности заместителя государственного министра иностранных дел Дж.А.С. Тилли. Ответ юристов, поступивший 7 августа 1919 г., был подписан Гордоном Хьювортом и Эрнестом М.Поллоком.
- 26 Там же, (folio 431).
- 27 Там же.
- 28 Там же.
- 29 См. Примечание 31 данной главы.
- 30 Şimşir, *Malta Sürgünleri* (Мальтийские изгнанники), (Istanbul, 1976), 113. Другой турецкий автор утверждает, что 150 000 демонстрантов готовы были по малейшему сигналу с любовью и со всей решимостью штурмовать тюрьму, подобно Бастилии, однако полиция блокировала ведущие к ней улицы. Т.М.Гözтепе, *Osmanoğullarının Son Padişahi Sultan Vahdeddin Mütareke Gayyasında* (Последний монарх османской династии султан Вахдедин в тупике перемирия), (Istanbul, 1969), 163.

- 31 Там же, 26 из них были освобождены по приказу военного трибунала с резолюцией “Нет состава преступлений”. *Spectateur d'Orient* (Istanbul), 21 мая 1919. Инфрмировав Лондон о том, что турецкие власти освободили из военной тюрьмы 41 турка, адмирал Калторп отметил, что “были все основания полагать, что [они] виновны в самых ужасных преступлениях... в основном в массовых убийствах”. FO 371/4174/88761 (folio 9) (30 мая 1919). В отношении мальтийских ссыльных специалист по Ближнему Востоку министерства иностранных дел Эдмондс заявил: “Среди этих арестантов, пожалуй, нет ни одного, кто не заслужил бы долгосрочного заключения в тюрьму, если не высшей меры наказания”. FO 371/6509/E8745 (folios 23-24).
- 32 U.S. Admiralty Weekly Intelligence Report No.15, *U.S. National Archives*, R.G. 256,867.002/10 (27 мая 1919). На конференции, состоявшейся 25 февраля 1919 года, британцы решили, что “было нежелательно оставлять на усмотрение турецких властей вопрос наказания таких преступников, которые не могли быть осуждены военным трибуналом со всей компетентностью”. FO 608/244/3700 (folios 311-2). В конференции принимали участие представители Адмиралтейства, военного министерства и министерства иностранных дел.
- 33 FO 371/4174 No. 1302/1 G.(folio 125) (22 мая 1919) и FO 371/4174/88761 (30 мая 1919). Об опасениях британцев по поводу дальнейшего освобождения турецких арестантов из военной тюрьмы (“всех или некоторых из них”) см. FO 371/4173/76582 (folio 381), (Доклад контр-адмирала Вебба от 19 мая 1919 г.)
- 34 FO 608/244/3749 (folio 315) (телеграмма контр-адмирала Вебба в Лондон от 19 февраля 1919 г. цитирует из ноты турецких министров от 16 февраля, полный текст французского оригинала которого см. в FO 608/247/4222 (folio 177)).
- 35 FO 371/4173/47590 (folio 89).
- 36 Четырнадцать человек из последней группы были осуждены за плохое обращение с британскими пленными во время войны.
- 37 Основные принципы кемализма подытожены в двух документах, составленных в период, когда в процессе движения кристаллизовывался возникший в послевоенные годы турецкий национализм: в Декларации съезда кемалистов в Сивасе (9 сентября 1919) и последовавшем за ней Национальном пакте (28 января 1920). См. E.G Mears, “Select Documents” à *Modern Turkey: A Politico-Economic Interpretation, 1908-1923 Inclusive*, E.G.Mears. ed. (new York, 1924), 627-31.
- 38 См. D.Lloyd George, *Memoirs of the Peace Conference*, vol.2, (London, 1939), 871, 878.
- 39 Willis, *Prologue* [n.7], 158.
- 40 A.Toynbee, *The Western Question in Greece and Turkey* (Boston, 1922), 46.
- 41 FO 371/4174/156721 (folios 523-24).
- 42 FO 371/4174/136069 (folio 470).
- 43 FO 371/6500/ W.2178, приложение А (folios 385-118, 386-119), 11 августа 1920 г.
- 44 Там же. Говоря о трудностях, связанных с доказательностью, Ламб далее заявлял: “Хотя с чисто правовой точки зрения ни одно из этих сведений само по себе не представляет ценности, никакое обвинение не могло обойтись без них”. Там же.
- 45 FO 371/6500/ E3557 (folios 63-64).
- 46 Там же (folios 385-118).

- 47 FO 371/6509/ E8745 (folios 23-24).
- 48 Там же (folio 29).
- 49 FO 371/6509/ E10023 (folios 100-01) (мнение от 24 августа 1921).
- 50 FO 371/6500/ E3375 (folio 284/15).
- 51 FO 371/6509 (folio 47) (итоги переговоров 4 августа 1921 г.); Şimşir, *Malta* [n.30], 447.
- 52 FO 371/6509/ E10319 (folios 122-23).
- 53 FO 371/5091/ E16080 (folio 85). Объявляя об этом побеге, британское министерство иностранных дел отметило, что первые два беглеца “нарушили данное слово”, а в связи с последовавшим за этим побегом шестнадцати человек было высказано громогласное возмущение по поводу того, “до какой степени нельзя полагаться на слово, данное турками”. FO 3071/6509/ E10662 (folio 159).
- 54 Willis, *Prologue* [n.7], 162.
- 55 FO 371/7882/ E4425 (комментарий Д.Осборна, 23 мая 1922 г.).
- 56 FO 371/7882/ E4425 (folio 182). Это отношение явствует также из замечания генерала Кемпбела, сделанного в письме, адресованном Ллойд Джорджу, которого он торопил, чтобы тот освободил из турецкого заключения его сына, капитана Кемпбела. Капитан Кемпбел писал своему отцу, а тот передал Ллойд Джорджу: “Я представляю собой большую ценность, чем любой из этих жалких турок”. FO 371/6509/ E8562 (folio 16). Весной 1920 года капитан Кемпбел служил в качестве офицера разведки в Анатолии. Он был задержан кемалистами в марте, так как отзывавшее его письмо не дошло до него.
- 57 Willis, *Prologue* [n.7], 160.
- 58 A.Yalman, *Turkey in My Time* (Norgman, OK, 1956), 106.
- 59 Менее чем за три месяца до перемирия с Турцией французский премьер Клемансо публично заявил, что Франция и Великобритания намереваются обеспечить справедливость в отношении армян “selon les règles supérieures de l'Humanité et de la justice”. K.Ziemke, *Die neue Türkei 1914-1929* (Berlin, 1930), 273. (Письмо Клемансо Армянской национальной делегации, Париж, 14 июля 1918). См. также: The American Committee Opposed to the Lausanne Treaty. *The Lausanne Treaty, Turkey and Armenia* (New York, 1926), 195. Это поручительство, вторя союзной Декларации от 24 мая, оказалось столь же бесплодным, сколь его предшественник. Отречение от Армении и требований армян явилось классическим примером политики приспособления, когда военные поползновения побежденной турецкой нации парадоксальным образом превратились в решающий фактор, обусловивший капитуляцию победителей. Как уже отмечалось, Ллойд Джордж осудил эту капитуляцию, расценив Лозаннский мирный договор, в котором не нашли отражения ни военные преступления Турции, ни Армения, как “подлое, трусливое и постыдное”. D.Lloyd George, *Memoirs*, [n.38], 872.
- 60 E.Schwelb. “Crimes Against Humanity.” *The British Yearbook of International Law* 23 (1946): 181-82; Bassiouni, *Crimes Against*, [n. 6] 170 n.78, 173.
- 61 См. J.L.Brierly, “The Rule of Law in the International Society,” *Nordisk Tidsskrift for International Ret, Acta Scandinavica Juris Gentium* 7 (1936).
- 62 См. Mears, “Select”, [n. 37], 624-26; *British General Staff Files, W.O.100, Execution of the Armistice with Turkey*

app.1 (30 октября – 30 ноября 1918). Некоторые из этих ключевых положений заключались в пунктах 5, 16 и 20. Один британский дипломат предложил другое объяснение: “...министерство иностранных дел дало новые приказы сократить все расходы, предназначенные для защиты меньшинств, а военное министерство было готово покинуть азиатскую железную дорогу – действия, которые нам сложно соотнести со смелыми словами господина Ллойд Джорджа...Анатолия, Армения и христианские общины будут защищены”. Sir R.Graves, *Storm Centers of the Near East*, (Личные воспоминания 1879 - 1929), (Constantinople, 1933), 328

Глава 18*

**О турецких механизмах
отправления правосудия**

Усилия привлечь к ответственности виновников геноцида армян в соответствии с турецким внутригосударственным правом не приносили успеха по внутренним и международным причинам политического характера. Турецкие судебные процессы были полезны в том плане, что документировали преступления, содеянные против армянского народа, однако в плане наказания преступников, они, к большому сожалению, оказались бесполезными. Внутри страны правовые усилия, направленные на привлечение турецких военных и правительственных чиновников, споткнулись о мощное националистическое движение во главе с Мустафой Кемалем. Националистические стремления к единению и национальная гордость противоречили внутреннему импульсу установить вину турецких лидеров в геноциде армян и определить степень их ответственности. На международном же уровне политические соображения вытеснили желание союзников принудить турок признать и привлечь к суду военных преступников. Стремясь добиться расположения кемалистского правительства, Франция и Италия подрывали усилия Британии и — в меньшей степени — Соединенных Штатов, направленные на обеспечение в турецких судах карательного правосудия в защиту армян. Британия, не имея поддержки своих союзников и постоянно встречая противодействие Турции, в конце концов была вынуждена принести свое желание добиться правосудия в жертву политической целесообразности.

Можно провести параллель между стамбульскими и лейпцигскими судебными процессами, где судили немецких военных преступников. В Лейпциге внутренние и международные силы объединились, чтобы помешать судебному преследованию предполагаемых военных преступников. Что же касается Турции, то здесь националистические чувства в Германии препятствовали преследованию собственных граждан в судебном порядке, в особенности под иностран-

* Примечания к данной главе начинаются на странице 433.

ранным давлением. Как во время турецких, так и во время лейпцигских судебных процессов союзники позволили, чтобы политические интересы взяли верх над усилиями по привлечению вражеских должностных лиц. Лейпцигская параллель указывает на то, что провал усилий внутри Турции не должен рассматриваться как исключение. Скорее, извлеченный из всего этого общий урок свидетельствует о том, насколько сложно добиться действенного наказания за геноцид или другие преступления против человечества, используя внутригосударственные механизмы.

Несмотря на свою бесплодность, суд над турецкими лидерами, причастными к геноциду армян, в турецких военных трибуналах, результатом которых стал ряд обвинительных актов, вердиктов и приговоров, имел чрезвычайную, хотя так и не признанную важность. Впервые в истории решение по преднамеренному массовому убийству, определенному как «преступление, согласно международному праву»,¹ было вынесено в соответствии с внутренним уголовным кодексом, тем самым заменив национальные законы нормами международного права. Таким образом, эти судебные процессы показали, что усилия, направленные на то, чтобы внутренние законы рассматривали геноцид как преступление, имеют перспективу. В 1949 г. Специальный комитет Ассоциации американских адвокатов по миру и праву, через Организацию Объединенных Наций определил Конвенцию ООН по геноциду как «свод внутренних преступлений, которые уже во всех странах называются преступлениями согласно обычному праву».² Лемкин также утверждал, что «геноцид — это сложное преступление и состоит из действий, которые сами по себе наказуемы согласно большинству существующих законодательств».³

В 1988 г. Конгресс включил геноцид и попытку совершения геноцида в уголовный кодекс США. Однако такие законодательные инициативы могут быть эффективными только в той мере, в какой они применяются. Как было отмечено выше, международные и внутренние политические структуры работают против их применения. Однако в послевоенной Турции разные давления уравнивали друг друга, и это могло стать достаточным импульсом для начала и конечного успеха усилий, направленных на их применение. Согласившись привлечь к суду турецких военных преступников, османские власти ожидали, что во время Мирной конференции отношение к ним будет менее суровым. Этот факт подтвержден как современными турецкими историками,⁴ так и соответствующими британскими чиновниками⁵. Османские офици-

альные лица объясняли это тем, что турецкий народ не мог нести ответственность за преступления политической партии и ее ставленников в правительстве.⁶ Комментируя первый приговор о смертной казни, вынесенный турецким военным трибуналом, британской верховный комиссар адмирал Калторп отмечал, что турки, включая великого визиря и его сторонников, “считают казнь скорее уступкой Антанте, чем определенным для преступников справедливым наказанием”.⁷

Вдобавок ко всему, побег в ноябре 1918 г. основных авторов геноцида армян стал настоящей сенсацией для многих слоев турецкой общественности, все еще страдавшей после тягот войны и поражения. Антииттихадские группы, которые преследовались и притеснялись до и во время войны, требовали ускорить судебные процессы. Другие, в том числе и многие журналисты, просто сокрушались по поводу зверств, совершенных против армян. К примеру, журнал *Minber*, публикуемый Мустафой Кемалем (Ататюрк) совместно с Ф. Окаром, министром внутренних дел в первом послевоенном кабинете, а в дальнейшем премьер-министром Турецкой республики с 1924 по 1925 гг., подверг резкой критике “попытку уничтожения армян, [которая] была чревата тяжкими последствиями” (*Ermeni milletini ... kirmek sevdiği ... imha etmek ... renki vehâmet*).⁸ Таким образом, нельзя сказать, что внутренние судебные процессы над теми, кто совершил геноцид армян, были лишены политической, общественной и журналистской поддержки внутри Турции. И поэтому провал этих судебных процессов поучителен вдвойне.

Следствие и расследование, предшествовавшие судебному разбирательству

Пятый парламентский комитет

Статья 31 османской конституции подробно описывала процедуру, через которую один или более депутатов могли предъявить какому-либо министру обвинение в должностном преступлении. Такие обвинения в конце концов приводили к разбирательству в Верховном суде, состав, юрисдикция и функции которого были оговорены в статьях 92-95. Если комитет палаты депутатов выносил решение расследовать обвинение, то для того, чтобы дело дошло до суда, согласно конституции, необходимо было получить согласие двух третей голосов всей палаты, а также высочайшую санкцию.

В тот самый день, когда семеро основных лидеров Иттихада совершили побег из Стамбула (1-2 ноября 1918 г.), вызвав “большую суматоху”,⁹ депутат-мусульманин внес предложение о привлечении к ответственности перед Верховным судом министров двух кабинетов военного времени. Предложение свое он снабдил обвинением из десяти пунктов, которые сводились к допущенным этими министрами правонарушениям в связи с участием Турции в Первой мировой войне, включавшим агрессию, военную некомпетентность, политические злоупотребления и экономические преступления. Два из них относились к массовым убийствам армян. 5-ый пункт обвинения оспаривал введение в силу Временных законов¹⁰ как “полностью противоречащих духу и букве нашей конституции”. Резко осуждая “бедствия”, явившиеся результатом применения этих законов и сопутствующих им “приказов и инструкций”, депутат взывал к “верховенству закона и человечности”. По пункту N. 10 министры обвинялись в создании “банд [çetes], покушавшихся на жизнь, собственность и честь, что делало министров соучастниками последовавших за этим трагических преступлений”.¹¹

Для расследования этих обвинений был создан Пятый комитет палаты депутатов, в состав которого вошли 20 избранных по жеребьевке членов. Однако медлительность, с какой работал этот комитет, постоянно уклонявшийся от сути дела, вызвала общественное недовольство. К тому времени, когда вся палата должна была проголосовать за возбуждение судебных разбирательств в Верховном суде, из 256 депутатов, избранных до войны, осталось всего 156; при этом соотношение в сенате составляло 30 из 48.

В ответ на эти тревоги султан 21 декабря 1918 г. распустил палату депутатов и передал полномочия военным судам. Этим действием султан пресек отправление правосудия в Верховном суде, так как больше не существовало палаты, которая должна была проголосовать за выводы, представленные Пятым комитетом, и рекомендовать передачу дел в ведение этого суда. Предпринятый шаг служил политическим интересам султана, так как, урезав парламентскую власть иттихадистов, правительство султана получило возможность действовать свободно и управлять страной посредством своих указов.

Несмотря на то, что процедура была прервана, работа Пятого комитета успела дать свои плоды. В период с 9 ноября по 12 декабря 1918 г. комитет провел 14 слушаний, в ходе которых были допрошены 15 министров, в том числе два шейх-уль-ислама.¹² В результате этих допросов был получен ряд важных

признаний. К примеру, бывший министр юстиции Ибрагим признал факт освобождения из тюрем “значительного числа осужденных по обычному праву преступников, поскольку армия заявила, что нуждается в них”.¹³ Далее Ибрагим признал ответственность за зверства, ставшие результатом Временного закона о депортации, причем как коллективную — от имени кабинета, так и личную — как министр, хотя при этом утверждал, что об имевших место крайностях “правительство не знало”.¹⁴ На резкое возражение депутата: “Что вы имеете в виду, говоря “правительство о них не знало”, проблема возникла не в одночасье, она тянулась восемнадцать месяцев”, Ибрагим взвалил вину на военных, которые, в свою очередь, упорно отрицали “отвратительные деяния”.¹⁵ Другой депутат поднял вопрос о том, что военные “преднамеренно осуществляли депортацию и казни на территориях, которые находились за пределами театра военных действий”. На это бывший министр юстиции ответил: “Об этом мы ничего не знаем”.¹⁶

В дополнение к изобличающим фактам и признаниям, полученным от министров в ходе этих слушаний, комитет добыл и некоторые документы, среди которых были сверхсекретные приказы и инструкции, имевшие отношение к массовым убийствам. В конце эти документы были переданы обвинителям военных судов.¹⁷

Правительственная следственная комиссия

Правительственной следственной комиссии, которая была создана 23 ноября 1918 г. и выполняла свои функции одновременно с парламентским расследованием, было поручено расследовать правонарушения (*seyyat*) правительственных чиновников вне зависимости от их ранга. Согласно 47, 75 и 87 параграфам османского уголовно-процессуального кодекса,¹⁸ мандат этой комиссии, руководимой Хасаном Мазхаром, давал ей широкие полномочия. Эти полномочия, которые включали вызов в суд, обыск, наложение ареста на имущество, арест и заключение, приводились в исполнение судебной полицией и органами военного губернатора. За два месяца комиссия добыла зашифрованные и расшифрованные телеграфные приказы из дюжины пунктов в провинциях, являвшихся центрами депортации и массовых убийств в азиатской и европейской Турции. По одной только провинции Анкара комиссия добыла целых 42 зашифровки. Кроме того, в результате допросов подозреваемых, проведенных представителями судебной власти (*sorgu hâkimi*), комиссия собрала огромное ко-

личество предварительных письменных и устных показаний. Среди подозреваемых были 26 депутатов палаты, возможный побег которых был предотвращен приказом кабинета, по которому им было отказано в разрешении выехать в свои избирательные округа.¹⁹ Намереваясь собрать информацию о структуре, функционировании и системе управления Специальной организации, комиссия составила список из десяти вопросов, направив его в министерство обороны.

Выполнив свою задачу, комиссия передала дела подозреваемых в военные суды; к середине января 1919 года она составила дела на 130 подозреваемых.²⁰ Одновременно председатель государственного совета Решид Акиф-паша вынес решение, что Иттихад и ее руководитель Талеат должны предстать перед судом как подозреваемые *prima facie*. Наряду с предварительными показаниями, согласно уголовно-процессуальному кодексу, комиссия представила также рекомендацию, в которой говорилось, что улики были достаточно вескими, чтобы возбудить уголовное преследование против подозреваемых.²¹

Формирование Военного суда

Следующие шаги военного правосудия были предприняты в начале декабря 1918 г. в ведомости генерального прокурора апелляционного суда в османской столице и в дальнейшем оформлены путем совещания между главой отдела по уголовным делам министерства юстиции с главным юрисконсультом министерства внутренних дел.²² Изначально военный суд был сформирован с имперской санкции 16 декабря 1918 г.²³ В последующей санкции, датированной 25 декабря 1918 г., указывалось, что для тех областей, которые не подпадали под военное право, юридические полномочия будут переданы существующим уголовным судам, как то предписано статьей 88 конституции.²⁴ Третьим решением, датированным 8 января 1919 г., Чрезвычайный (или Специальный) военный суд объявлялся действующим.²⁵ Однако в марте султан сформировал новое правительство, которое, как он полагал, смогло бы осуществить более действенный и быстрый суд над обвиняемыми; на основании имперского разрешения 8 марта 1919 г. был создан устав нового Военного суда.²⁶ На основании положений 371-ой статьи османского уголовно-процессуального кодекса военный суд приказал семи основным лидерам младотурецкого режима, “в настоящее время в бегах”, предстать перед судом в течение десяти дней. В про-

тивном случае они, как оказавшие сопротивление закону, подлежали заочному суду, лишению всех гражданских прав, а их имущество подлежало конфискации без права обжалования.²⁷ “Частью задачи этого трибунала” (*cümlei vazife*) было расследование обвинений в “массовых убийствах и незаконной личной наживе” (*taktıl ve ihtikâr*).²⁸ 26 мая 1919 г. новый Генеральный прокурор расширил круг обвинений, сконцентрировав их вокруг одного основного – “свержение правительства” (*taklibi hükümet*).²⁹ Такой пересмотр соответствовал положениям параграфа 311 уголовно-процессуального кодекса, допускавшего предъявление новых обвинений в случае, если в ходе судебного разбирательства обнаруживались новые преступления.³⁰ Наконец, 23 апреля 1920 г. обвинения были расширены настолько, что включили “восстание” и “нарушение общественного порядка”.³¹ Это действие было нацелено на мятежных кемалистов внутри Турции.

Начало судебного преследования

Доказательства, полученные в ходе подготовки к судебному разбирательству, были вдоль строк обозначены следующими указателями и перекрестными указателями: 1. *ratione personae*, или соучастники (*cerayim failleri*); 2. *ratione loci*, или место преступления; и 3. *ratione materiae*, включающий классификацию и детализацию доказательств. Военный суд применил широкие стандарты в отношении доказательственного права. Основываясь на давней османской судебной традиции, суд применил принцип “личного осуждения” (*hukuku takdiriye*, или *kanaati vıkdaniye*), согласно которому судья мог по своей совести оценить доказательную ценность имеющихся в его распоряжении показаний. Далее: подлинность практически каждого документа, полученного следственной комиссией, удостоверялась юристами министерства внутренних дел, которые делали стандартное примечание – “соответствует оригиналу” (*aslina muvafik* или *mutabik*). К примеру, во время седьмого, восьмого и девятого заседаний серии судебных процессов Йозгат (18, 20 и 22 февраля 1919 г.) некоторые из военных зашифрованных телеграмм были представлены как доказательства обвинения и, как в случае со всеми доказательствами обвинения, были вслух зачитаны в суде. Председательствующий судья принял решение разрешить открытые судебные процессы, заявив: “...Обычно разбирательство в военном суде не бывает открытым, и нет никаких правовых обязательств, принуждающих к

этому... Для того, чтобы продемонстрировать намерение суда провести судебный процесс беспристрастно и в духе великодушного правосудия [*kemali adil ve bitaraf*], я собираюсь воспользоваться правом судебного усмотрения и провести открытые процессы. Суд просто пытается помочь подсудимым и облегчить их защиту” (*teshil ve istiane*).³²

Защита, согласованная в ходе проведенных в тюрьме заседаний “совета кабинета”, была равнозначна обструкции: как в отдельности, так и коллективно подсудимые упорно отрицали все обвинения.³³ Комментируя эту демонстрацию практически единой защитной позиции в суде, Туная использовал слово “в унисон” (*bir ağız halinde*), или “единогласно” (*oybirligi*).³⁴ Пытаясь справиться с таким способом защиты, военный трибунал прибег к трем методам: 1. желая застать подсудимых врасплох, неожиданно обнаруживал зашифрованные телеграммы с их подписями; 2. предъявил им подписанные ими же заявления и признания, которые были сделаны во время устных и письменных допросов, проведенных до суда;³⁵ 3. сурово допрашивал их, изолировав на скамье подсудимых. Полученные признания затем использовались для допроса других подсудимых, в результате чего некоторые из них меняли свои показания.

Основной обвинительный акт

Несмотря на то, что на основании отдельных обвинительных актов в различных местах проходили дополнительные судебные процессы, ключевой обвинительный акт был сосредоточен на министрах кабинета и верхушке правящей партии Иттихад. Лига защиты османских интересов выделяла этот обвинительный акт как “исторический документ”, из-за которого вся страна предстанет перед правосудием и будет осуждена.³⁶ Основной чертой этого ключевого обвинительного акта, отличавшей его от других обвинений, было наличие ряда включенных в него документов. В подтверждение представленных обвинений в нем был процитирован имевшийся в распоряжении суда 41 документ. В основном это были расшифрованные телеграммы, отправленные и полученные министром внутренних дел, командующими III и IV армиями, заместителями командующих V армейским корпусом и XV дивизией в провинции Анкара (оба впоследствии дали показания по поводу этих шифровок), руководителями Специальной организации, двумя военными губернаторами Стамбула и целым сонмом губернаторов провинций и окружных комиссаров. Передовица

турецкой ежедневной газеты охарактеризовала грядущий процесс в военном суде против высокопоставленных должностных лиц и лидеров партии как “самый значительный судебный процесс за 600 лет истории Османской империи”.³⁷

Обвинения

Выдвинутые обвинения были сконцентрированы вокруг партии Иттихад, иногда называемой *Cemiyet* (означает тесно сплоченное сообщество членов партии). Объявив преступными цели партии и методы их достижения, генеральный прокурор особо подчеркнул ее Центральный комитет, Общее собрание и две группы контроля в провинциях под руководством ответственных секретарей и инспекторов. Министерство обороны, военное министерство, в частности, ее Специальная организация, и министерство внутренних дел также были включены в список обвиняемых, так как все они руководились и направлялись двумя основными лидерами партии — военным министром Энвером и министром внутренних дел (позднее великим визирем) Талеатом.³⁸ “Собранные доказательства составляют картину партии, моральный облик которой опорожен бесконечной цепью кровопролитий, грабежа и насилия”.³⁹ Возможно, здесь уместно сделать небольшое отступление и представить оценку американского посла Моргантау, который в своем пространном анализе всемогущего Центрального комитета младотурецкой партии Иттихад (4 ноября 1915 г.) упоминает этих людей как основных лидеров “невидимого и безответственного правительства.” Это всеилие, проявившееся, в частности, при организации “зверств против армян”, он объясняет как результат “абсолютного контроля над армией, военно-морским флотом и гражданским правлением страны. Они сместили многих губернаторов внутренних *вилайетов* [провинций], которые не подчинились их приказам. Они всецело контролируют и палату депутатов, члены которой полностью выбраны ими... они почти всех подчинили себе запугиванием... Оппозиционной партии как таковой не существует. Пресса подвергается тщательной цензуре и должна подчиняться желаниям партии “Единение и прогресс”... Они уничтожили или выселили по меньшей мере две трети армянского населения...”⁴⁰ Основные обвинения обсуждаются ниже.

Заговор

Это обвинение состояло из двух частей: во-первых, подсудимым вменялось в вину, что они умышленно спровоцировали вступление Турции в войну,

“прибегнув к ряду подлых уловок и обманных средств”; они обвинялись также в том, что воспользовались “этой благоприятной почвой для осуществления своих тайных намерений”.⁴¹ Как отмечалось в обвинительном акте, следуя основному плану, партия взялась за осуществление своих “скрытых и заговорщических” целей.⁴² Так, заговор привел к лишению правительства легитимной власти, “высокопоставленные должностные лица которого подчинялись” (*inkiyad*) диктатам партии.⁴³ Основной целью партии Иттихад было “массовое истребление и уничтожение армян”,⁴⁴ для чего они сговорились “выпустить из тюрем банды осужденных преступников”,⁴⁵ якобы для того, чтобы те исполнили свой воинский долг. На деле “в тюрьмах почти не осталось ... преступников и разбойников”, которые позднее в составе Специальной организации должны были выполнить свой долг по “массовому уничтожению” армян.⁴⁶ В обвинительном акте утверждалось, что частью сговора было личное обогащение не только членов этих подразделений, но и основных руководителей партии, которые “тоже стремились к тому, чтобы сколотить состояние” путем “расхищения и разграбления” имущества и собственности своих жертв.⁴⁷ Именно по этой причине, как было отмечено выше, в обвинительном акте особо подчеркивалось, что “основной задачей данного трибунала является расследование массовых убийств и незаконной личной наживы”.⁴⁸ В провинциях организация и контроль над планом по “уничтожению” были вверены ответственным секретарям, тщательно отобранным партийным руководством.⁴⁹

Умысел и цель

Далее в обвинительном акте заявлялось, что “массовые убийства и уничтожение армян явились результатом решений Центрального комитета партии Иттихад”.⁵⁰ Процесс принятия решений предполагал “всесторонние и основательные обсуждения, вследствие которых был “выработан” план против армян.⁵¹ В этой связи стоит обратиться к записи, которую американский посол Моргантау сделал в своем дневнике 3 августа 1915 г. В ней, в частности, отмечалось: “Талеат... сказал мне, что Комитет единения и прогресса [партия Иттихад] тщательно, во всех подробностях рассмотрел вопрос и что они следовали именно той политике, которую официально провозгласили. Он сказал, что я не должен думать, будто решение по депортациям было принято в спешке; на самом деле депортации были результатом длительных и тщательных обсуждений”.⁵² В обвинительном акте утверждалось, что для того, чтобы скрыть

это решение, лидеры Иттихада прибегли к свойственной этой партии тактике “маскировки”. Основной план приводился в исполнение и контролировался на основе “устных и секретных приказов и инструкций”.⁵³ Эти отдаваемые посредством шифровок приказы всегда сопровождалось указанием “по прочтении уничтожить” (*iptal*).⁵⁴

Что касается предумышленного характера преступления, то здесь обвинительный акт возражал против двух возможностей, которые позже выдвинула защита. Одна относилась к военной необходимости, которая, по утверждению защиты, требовала массового переселения посредством депортации; второе к оправданному наказанию нелояльной общины. В обвинительном акте утверждалось, что “депортации не являлись ни мерой, продиктованной военной необходимостью, ни карательным или дисциплинарным действием”.⁵⁵ Скорее всего, они предполагали “массовые убийства... как вспомогательные действия в руководимом из центра плане”.⁵⁶ Этот план не имел ничего общего с “особым инцидентом”, спровоцированным армянами; нельзя также сказать, что массовые убийства “ограничивались определенной местностью”.⁵⁷ Указание в обвинительном акте на всеобъемлющий и руководимый из центра план по уничтожению было основано на нескрываемом намерении Иттихада “решить раз и навсегда [*hall ve fasl*] неразрешенные проблемы и конфликты”, самым проблематичным из которых, по мнению Иттихада, был затянувшийся Армянский вопрос.⁵⁸ В обвинительном акте это утверждение подкреплялось ссылкой на намерение центрального комитета Иттихада “решить Восточный вопрос”.⁵⁹ Свое окончательное подтверждение наличие плана массового уничтожения нашло в двух отдельных вердиктах. 1. Один был частично основан на шифрованной телеграмме, в которой начальник Специальной организации спрашивал ответственного секретаря провинции Харпут о том, “уничтожаются ли” армяне его провинции “или всего лишь депортируются и высылаются”.⁶⁰ Губернатор провинции Харпут Сабит предоставил эту и другую шифровки, когда допрашивался следователем. Очевидно, он придержал их для своей защиты в случае возможного ареста после поражения Турции в войне.⁶¹ 2. В обоснование выдвинутого против руководителя партии Иттихад и министра внутренних дел Талеата обвинения в том, что он давал устные указания интерпретировать приказ о “депортации” как приказ об “уничтожении” (*imha*), были представлены документально подтвержденные свидетельства.⁶²

Военный командующий, в зоне командования которого происходили мас-

совые убийства, подтвердил обвинения в преднамеренном и целенаправленном преступлении. Получив информацию о том, что контингент из двух тысяч армянских солдат, определенных для прохождения службы в строительном батальоне, был загнан в ловушку и истреблен на пути к месту нового назначения на Багдалской железной дороге, генерал Вехиб из зоны командования III-ей армии начал расследование, которое завершилось военным трибуналом и несколькими казнями. Именно в ходе этого расследования генерал Вехиб узнал о широкомасштабных массовых убийствах, которые имели место в шести провинциях зоны командования III-ей армии в месяцы, предшествовавшие его вступлению в должность в феврале 1916 г. В своих подробных письменных показаниях, подготовленных по требованию правительственной следственной комиссии и неоднократно цитируемых в основном обвинительном акте и в двух вердиктах, Вехиб следующим образом подытожил полученные им данные:

Массовые убийства и истребление армян, равно как и разграбление и расхищение их имущества, были результатом принятых Центральным комитетом Иттихада решений... Зверства осуществлялись согласно заранее разработанной программе, и это говорит о том, что налицо явный случай преднамеренности [*mukarrer bir program ve mutlak bir kasd tahtinda yapilan işbu mezalim*]. Было установлено [также], что эти зверства и преступления подстрекались [*teşvik*] окружными прокурорами, чья халатность в отношении своих судебных обязанностей в свете того, что они как изначально, так и впоследствии проявляли равнодушие [*lâkayd*], превращает их в соучастников преступления [*feren zi methal*].⁶³

Убийство и личная ответственность

Высшее руководство Иттихада обвинялось также в совершении должностных преступлений, так как все эти люди являлись членами Центрального комитета партии. Двое из триумvirата — Энвер (военный министр и *de facto* верховный главнокомандующий османскими вооруженными силами) и Джемал (морской министр и командующий IV армией) были военными руководителями. Талеат, третий член триумvirата, был министром внутренних дел и основным связующим звеном между Специальной организацией и Центральным комитетом партии и военным ведомством. Как оба военных губернатора Стамбула, бывшие в подчинении военного ведомства, так и руководитель службы общественной безопасности четко упоминались в основном обвинительном акте как люди, обеспечивавшие кадровый состав Специальной организации в

османской столице. Наиболее четко были выделены члены Центрального комитета партии Иттихад, политики-медики Назим и Шакир. В обвинительном акте они упоминались восемь раз как наиглавнейшие организаторы Специальной организации,⁶⁴ на которую, в свою очередь, неоднократно указывали как на основной инструмент “убийств, поджогов, истреблений, изнасилований и всевозможных пыток”.⁶⁵

В качестве основной группы, руководившей этими преступлениями, были выделены ответственные секретари. Следующее описание, предлагаемое турецким автором, прекрасно осведомленном о многих секретах Иттихада и Специальной организации, возможно, помогут еще больше подчеркнуть важность этой роли, которая была сродни той, что сыграли *gauleiter-ы* в нацистском третьем рейхе:

Этот титул [ответственный секретарь] был создан для того, чтобы рассеять видимость того, что затмевается государственная власть, когда назначаются люди, облеченные силой, требуемой для направления хода событий. Фактически, во всех делах, представляющих важность, *последнее слово* остается за ними. Эти люди ...в соответствии с этой практикой, принимали окончательные решения. Они были отобраны Центральным комитетом – теневым кабинетом – на основании их опыта, возраста, умственных способностей, а также личных связей.⁶⁶

Аналогичное мнение выразил и другой историк, который был в оппозиции к партии Иттихад. Он описал ответственных секретарей как всемогущих комиссаров в провинциях, “осуществлявших контроль над армией”. Что касается членов Центрального комитета, то “они стали достаточно влиятельными, чтобы сравниться с министрами”.⁶⁷ Именно по этой причине, многократно подчеркнув в основном обвинительном акте их стержневую роль, военный трибунал возвратил их дело для отдельной серии судебных процессов. В отдельном дополнительном обвинительном акте, составленном для этих судебных процессов, суд отметил, что эти действовавшие в провинциях комиссары принимали участие в “решении Центрального комитета... [в том], что они сформировали тайную ветвь правительства и низвергли это правительство [*ılgayyür*], действуя внутри партии как специальный кадровый состав высокопоставленных должностных лиц” (*erkâni mahsusa*).⁶⁸ Описывая их роль в уничтожении жертв под предлогом “депортации”, генеральный прокурор в своей зак-

лючительной речи охарактеризовал эти депортации как “предлог для массового уничтожения”, добавив, что “этот установленный факт столь же ясен, как уравнение 2+2=4”.⁶⁹ Заключительным выводом обвинительного акта было то, что поскольку преступления были определены как “совершенные отдельными лицами” (*şahsi ceraim*) или “общеуголовные” (*ceraimi adiyе*), подсудимым не будет предоставлена неприкосновенность, согласно доктрине о действии государства.

Внутренний уголовный кодекс как единственная основа для обвинения

Пытаясь добиться наказания преступников, обвинение полагалось исключительно на османский уголовный кодекс.⁷⁰ Этот кодекс, который в вопросе классификации преступлений и уголовных санкций походил на французский уголовный кодекс, состоял из трех основных разделов. Первые 47 статей определяли принципы виновности, устанавливали границы личной ответственности и ответственности за нарушения. Ко второму разделу, включавшему с 48 по 167 статьи, относились общие преступления, направленные против институтов – таких, например, как правительство. Третий раздел – статьи 168 - 253 – в основном предписывал особые наказания. Из них статьи 168 - 191 относились к актам принуждения и насилия над личностью.

Военный суд классифицировал подсудимых как либо основных преступников, либо соучастников. К первой категории суд применил 1-ый параграф 45-ой статьи уголовного кодекса:

Если несколько людей вместе совершают преступление, или если это преступление состоит из одного или нескольких действий и каждый член преступной группы совершает одно или несколько таких действий с целью нанесения вреда, то такие люди считаются соучастниками, и все они наказываются как отдельные преступники.⁷¹

Далее генеральный прокурор предложил применить по отношению к преступникам первой категории статью 170. В статье говорилось:

Если по закону доказывается факт совершения преднамеренного убийства, вынесение в отношении преступника смертного приговора является правомочным.⁷²

И самое главное: генеральный прокурор добавил последний параграф статьи 55, чтобы включить обвинение в “насильственной смене правительства”, которое в дальнейшем было внесено в исправленный текст обвинительного заключения. В этом параграфе говорилось:

Лицо, которое пытается насильственным образом переделать, изменить или отменить конституцию, или состав и форму правительства, или систему преемственности Османской империи, должно [быть] приговорено к смерти.⁷³

Суд определил подсудимых второй категории как “соучастников первой степени” (*feren zi methal*), по отношению к которым применялся параграф 2-ой статьи 45, говоривший:

Лица, являющиеся соучастниками в совершении преступления, подлежат следующему наказанию в тех случаях, когда закон однозначно это предписывает... приговорение к временным принудительным работам на срок не менее десяти лет, если действия исполнителя преступления требуют наказания смертью или определения на пожизненные принудительные работы...⁷⁴

Юрисдикционное возражение защиты. Конституционный спор

До того как принять предложенную ему 3 марта 1919 г. должность, Дамад Ферид, новый великий визирь, поставил условие, что он хочет, несмотря на очевидное затягивание защиты, “быстрого решения кризиса, чтобы иметь возможность разобраться с авторами преступления, которое вызвало отвращение всего человечества”.⁷⁵ Спустя месяц великий визирь уже дошел до того, что начал рассматривать возможность судебного преследования по обвинению в принадлежности к “преступной организации” всех “активных” членов Иттихада в качестве коллективной единицы.⁷⁶ Процедура, принятая для того, чтобы удовлетворить требование Фериды, создавала почву для обвинений в нарушении конституции. Защищаемые шестнадцатью адвокатами министры не переставали оспаривать компетентность трибунала и подвергать критике процедуры, по которым их задержали и подвергли судебному преследованию.

Руководимые президентом турецкой ассоциации адвокатов и профессором права стамбульского университета С. Арифом (впоследствии депутатом, пред-

седателем парламента и министром в правительстве Анкары), адвокаты защиты в подкрепление своих доводов обращались к некоторым статьям конституции. Защита утверждала, что, согласно статье 31 османской конституции,⁷⁷ процедура привлечения к суду министров, обвиняемых в правонарушениях, определяла Верховный суд как соответствующую инстанцию для проведения судебного разбирательства. Далее защита настаивала на том, что преступления, представленные в основном обвинительном акте, не были “общеуголовными преступлениями”;⁷⁸ они, скорее, относились к применению Временного закона о депортациях, который был введен в силу правительством и санкционирован имперским *Irade* (санкционированием). Так как массовые убийства, имевшие место во время депортаций, были частью государственного акта, виновность или невиновность зависели от объема министерских обязанностей и власти; таким образом, к ним следовало применить не статью 33, а скорее статью 92, которая определяла функции и состав Верховного суда.⁷⁹ Фактически, защита настаивала на следующем: даже если предположить, что статья 33 применима, она предписывала, что в случае, если правонарушение не было связано с официальными действиями и Верховный суд исключался, юрисдикция должна была быть передана уголовным, а не военным судам.⁸⁰ Наконец, по утверждению защиты, у суда не было полномочий для определения применимой в этом деле статьи конституции, так как статья 117-ая предписывала, что единственной инстанцией, имевшей право на точную интерпретацию какой-либо статьи конституции, был сенат.⁸¹

Суд, в первую очередь, отклонил довод, связанный с “государственным актом”. Суд отметил, что даже с учетом того, что погромы были побочным результатом депортаций, погром оставался убийством, отдельным и четким государственным актом. Суд мог рассмотреть этот довод только в том случае, если бы на основании новых доказательств было установлено, что массовые убийства не носили преднамеренного характера, а являлись неизбежным результатом чрезмерного усердия при исполнении служебного долга. Однако на основании имевшихся доказательств суд постановил, что массовые убийства были частью политики и решений, принятых подсудимыми не в качестве официальных должностных лиц, а в качестве членов секретного, заговорщического объединения (*cemiyet*).⁸² Суд отметил также, что защита государства не совместима с обвинительным актом, который видел “основную задачу” суда в том, чтобы расследовать “массовые убийства и незаконную личную наживу”

(*taktil ve ihtikâr*).⁸³ Далее в записке о подробностях был выделен “моральный облик” партии Иттихад, лидерами которой являлись подсудимые, и удостоверялось, что за время своего руководства они совершили “личные преступления” (*şahsi ceraim*).⁸⁴

Затем суд отклонил все оставшиеся конституционные и юрисдикционные возражения. Так как военное положение, введенное самим же Иттихадским режимом, все еще было в силе, ни 32-ая, ни 33-я статьи не могли быть применены для изменения места слушания дела или перевода обвиняемых в юрисдикцию обычных уголовных судов, как то предлагала защита. Более того, статья 113-ая, относившаяся к порядку введения военного положения, предписывала временное приостановление гражданских прав. Суд снова процитировал формулировки обвинительного акта, в котором отмечалось, что “там, где действует военное положение, гражданское и судебное право полностью молчат” (*kavanini mülkiye ve adliye ve adliye tomamiile sakin*), а военные суды становятся единственной карательной инстанцией (*mercii ceraim*).⁸⁵ (В 1909 г. Иттихад сам пересмотрел первоначальное военное право, чтобы иметь большие полномочия для приостановления регулярных законов.⁸⁶) Судом были отклонены также заявления подсудимых относительно того, что Пятая парламентская комиссия отдала предпочтение Верховному суду. Было отмечено, что депутаты всего лишь провели расследование, не приняв окончательного решения; в связи с тем, что султан распустил парламент, невозможность парламентского голосования делала данное требование недействительным. Наконец, в согласии с судебным решением, специальный имперский *Irade*, имевший силу указа-закона, наделял суд необходимой властью и полномочиями для проведения судебного процесса над обвиняемыми. 4 мая 1919 г., в ходе своего второго заседания, суд снова отклонил как возражение, отсылающее к конституции, так и возражение, ставящее под сомнение полномочия суда, поклявшись “неукоснительно следовать славным принципам Корана... и со страхом перед Всевышним” (*Ahkâmi celilei Kuraniyeden zerre kadar inhiraf etmeksizin ... Allah korkusu ile dolu...*).⁸⁷

Отклонив доводы защиты, суд упустил или проигнорировал одно весьма важное соображение. Действительно, по условиям 31-ой статьи османской конституции министры, обвиняемые в правонарушениях, должны предстать перед Верховным, а не военным судом. Однако в самом начале эта статья содержит и элемент условности — “если”. В статье говорится: “Если один или более депутатов желают направить жалобу против министра, ответственность

которого касается вопросов, относящихся к сфере деятельности Палаты...” (*şikayet beyan ettiği halde*). Таким образом, конституция не принуждает соблюдать какую-либо конкретную процедуру, но и не исключает возможность ее соблюдения. Ее положения обязательны только для парламентских процедур; другие же процедуры — как, например, обращение к обычным уголовным судам, не оговариваются. Депутат имеет право и может, но не обязан прибегать к Верховному суду. Следовательно, по своей сути закон этот не безапелляционен; у депутатов и представителей судебной власти, желающих обратиться к уголовной юрисдикции, есть и другие возможности. Более того, во всем мире нет ни одной конституции, положения которой давали бы высокопоставленному или рядовому должностному лицу привилегию оставаться вне досягаемости публичного права в случае совершения обычных правонарушений и преступлений. Возможно, это и есть основная, если не единственная причина, по которой статья 31-ая предварялась союзом “если”. Обвинение не воспользовалось этим, хотя в обвинительном акте подчеркнуло, что преступления, связанные с депортациями армян, “являлись истинной причиной данного судебного разбирательства” (*Takvimi Vekâyi*, No. 3540, 5 мая 1919 г.), с. 8 и как таковые подлежали судебному разбирательству не только в Верховном, но и в других судах.

Основной вердикт

После длительного судебного процесса над министрами кабинета, в процессе которого в мае и июне 1919 г. в основной обвинительный акт был внесен ряд поправок, 5 июля 1919 г. суд вынес основной вердикт.⁸⁸ Суд признал министров виновными как в том, что в результате их согласованных действий Турция оказалась втянутой в Первую мировую войну, так и в осуществлении геноцида армян. В основном вердикте военные преступления иттихадистов связывались с их довоенной карьерой с 1908 по 1914 гг. Суд привлекал внимание к тому, что были преданы идеалы революции Иттихада, которая в 1908 г. свергла режим Абдул-Гамида, и что установленные “впоследствии деспотизм и тирания довели до того, что люди начали тосковать”⁸⁹ по свергнутому режиму. Вердикт особо подчеркивал насильственный захват власти иттихадистами в январе 1913 г., в ходе которого были убиты военный министр Назим и один из его адъютантов.⁹⁰ Создав “четвертую инстанцию власти, помимо и выше существующих трех [ветвей правления], которые образовали правовые рам-

ки османского правительства, [Иттихад], прибегнув к запугиванию, в принудительном порядке [*kuvvei tehdidiye*] изменил [*tağvir*] правительственные механизмы..., что равносильно изменению формы правления”.⁹¹ Суд также постановил, что иттихадисты “неуклонно продолжали сохранять осадное положение, которое по необходимости было объявлено в начале революции”.⁹²

Суд пришел к заключению, что господство над государственным аппаратом соответствовало “особым стремлениям и целям” партии.⁹³ В качестве основной цели приводилась спровоцированная “агрессия”, которая втянула Турцию в Первую мировую войну.⁹⁴ Упомянув о “преступлении против мира”,⁹⁵ трибунал процитировал показания делегата от провинции Трапезунд, который был одним из основных руководителей Специальной организации. Согласно показаниям этого делегата, до начала русско-турецкой войны в ноябре 1914 г. Иттихад организовал партизанские набеги на российский Кавказ, чтобы ускорить войну, которую он же и должен был спровоцировать: “Именно склонности и намерение иттихадистов привели к объявлению войны”.⁹⁶ 4 мая 1914 г., в конце второго заседания Военного трибунала подсудимый Атиф, член Центрального комитета и один из четырех руководителей Специальной организации в османской столице, давая свидетельские показания в суде, также признал факт набегов и саботажа внутри российской территории.⁹⁷

Вторая цель — “организация и приведение в исполнение лидерами партии Иттихад массовых убийств” [*taktil cinayeti*] армян — была раскрыта в ходе предыдущих судебных процессов.⁹⁸ “Этот факт, — отмечал суд, — был доказан и удостоверен [*tahakkuk*] военным судом”.⁹⁹ Вердикт обращал внимание на два дополнительных факта. 1. “Армяне в особенности страдали от того, что конституционные положения, гарантировавшие безопасность и справедливость, оказались голословными; в результате им пришлось выжидать, чтобы при удобной возможности снова обратиться к своим национальным чаяниям”.¹⁰⁰ 2. “Иттихадисты умышленно обостряли расовые и национальные разногласия и распри”,¹⁰¹ без разбору навешивая ярлык антимусульманина на всякого, кто был против Иттихада. В этой связи в вердикте цитировались показания шейх уль-ислама: “Отказаться от Иттихада означало отказаться от ислама”.¹⁰²

Главным преступником был вынесен приговор на основании статей 45 (параграф 1), 55 и 170 уголовного кодекса, как того требовало обвинение в основном обвинительном акте. Талеат, Энвер, Джемал, и др. Назим — верхушка Иттихада и министры кабинета, были заочно приговорены к смерти. Иттихадис-

ты, игравшие менее существенную роль, но также являвшиеся министрами кабинета, были признаны виновными на основании 2-го параграфа 45-ой статьи. Вторую категорию подсудимых суд приговорил к пятнадцати годам заключения и каторжных работ. Бывшие министры почты и торговли были оправданы.

Дополнительные вердикты и завершение судебных процессов

Правовые споры, возникшие в ходе судебных процессов над министрами кабинета, примененные в этих процессах процедуры, а также и более всего основной обвинительный акт и основной вердикт обусловили проведение отдельных, проходивших параллельно судебных процессов. Общим элементом всех приговоров явился вывод, что депортации были поводом для осуществления основного плана — ликвидации депортируемых.¹⁰³ Как гласил приговор Йозгата, в этом факте “нет места сомнениям и колебаниям”. Более того, скрывавшаяся за депортациями истинная цель была доказана на основании документов, составленных и подписанных самими подсудимыми (*hatti destiyle mukarrer vesika*).¹⁰⁴ Будучи основанным на соответствующих османских уголовных кодексах (статьи 45 и 170 уголовного кодекса и статья 171 военного кодекса о расхищении имущества и продовольствия), вердикт, осудив обвиняемых за совершение “массовых убийств, грабежа и мародерства”, взывал в то же время к “высоким принципам ислама”, “человечности и цивилизации”.¹⁰⁵

Как решение суда Йозгата, так и окончательный вердикт нашли предосудительным то, что иттихадистские подсудимые, призывая к убийству армян, проводили свою агитацию “не только среди местных мусульман, но и среди мусульман вообще”, а эта агитация была названа “смертным грехом”.¹⁰⁶ Вердикт суда Йозгата также отклонил довод защиты о том, что убийства невинных людей являлись, якобы, политическими мерами против тех армян, которые принимали участие в саботаже или других мятежных действиях.

Эти обстоятельства не оправдывают преступлений, в которых обвиняются подсудимые. Кроме того, лишь весьма незначительная часть армян была замешана в таких действиях; большинство же демонстрировало свою лояльность... Такое перекладывание вины на другого в любом случае противоречит велениям закона и совести.¹⁰⁷

Трапезундский вердикт также взывал к “высоким принципам ислама и положениям османского гражданского кодекса”, подчеркивая “право всех османских подданных на защиту своей чести, жизни и собственности, без дискриминации со стороны чиновников государства, первостепенным долгом которого и является эта защита”.¹⁰⁸ Суд определил, что вместо этого депортируемые армяне были переданы преступным бандам “рецидивистов”, которые методично грабили, насиловали и убивали своих конвоируемых и, как правило, топили их в Черном море (*bahra ilka etmekle boğdurup mahv ettikleri*).¹⁰⁹

Вердикт, вынесенный ответственным секретарям, признал подсудимых виновными в “массовых убийствах и уничтожении армян, а также в мародерстве и расхищении их имущества и собственности... у них были развязаны руки в их преступных действиях, [в основном заключавшихся в] организации и вовлечении [*tertîp ve ihzar*] преступных банд разбойников, которым было поручено массовое истребление”.¹¹⁰

Однако на деле обвинительные заключения в отношении тех, кто был признан виновными, разительно отличались от сути карательного правосудия, которым руководствовалось обвинение. В ходе судебного процесса в Харпуте др. Шакир, политический руководитель Специальной организации, был осужден и приговорен к смерти заочно. По дополнительным вердиктам только двое из относительно мелких провинциальных должностных лиц и один начальник жандармерии были казнены за соучастие в массовых убийствах армян.¹¹¹ В связи со столь мягкими приговорами контр-адмирал и и.о. британского верховного комиссара в Стамбуле Ричард Вебб заявил: “Интересно наблюдать ... как, дабы обойтись малой кровью, были распределены приговоры между присутствующими и отсутствующими”.¹¹²

Эти процессы были только небольшой частью множества судебных разбирательств, всего лишь подготовка к которым была завершена к тому моменту, когда на смену правительству султана пришел кемализм. 13 января 1921 г. все военно-полевые трибуналы были упразднены, а их юрисдикция была передана обычным военным судам.¹¹³ Почти всем ключевым фигурам Иттихада удалось скрыться из Турции до того, как их призвали к суду.¹¹⁴ Многие менее видные иттихадисты также были заочно приговорены к смерти или к тюремному заключению, однако в большинстве случаев они либо скрылись, либо были освобождены. Лозаннский договор от 24 июля 1923 г.,¹¹⁵ который пришел на смену Севрскому договору, был составлен таким образом, чтобы возможно было

обойти тему военных преступлений и массовых убийств. VIII декларация об амнистии и приложенный к этому договору протокол,¹¹⁶ равно как и то обстоятельство, что кемалисты, взяв верх, положили конец Османской империи, в конечном итоге привели к тому, что попытки добиться справедливости в отношении армян в рамках международного права прекратились.

Политические препятствия на пути внутренних судебных процессов

Данное внутри государства обещание воздать преступникам по заслугам не могло выполняться по тем же причинам, по которым провалились международные усилия. Упорно продолжавшая настаивать на первичности национального суверенитета Турция поборола слабые попытки европейских держав добиться наказания. В данном случае, когда речь шла о преступных действиях, совершенных турецкими подданными по отношению к турецким же подданным и в пределах территориальных границ Турции, приводимый довод приобретал достаточную вескость. Более того, наказание лидеров внутри страны означало бы, что нация признает свою коллективную вину, чего она, как правило, не жаждет делать. При таком раскладе политические противоборства как внутри Турции, так и между союзными державами, зачастую играли в уголовных судебных процессах большую роль, нежели осознание необходимости придерживаться принципов правосудия.

Предварительные стадии судебных процессов

С самого начала первых стадий уголовных процессов в Турции оказались под давлением внутривнутриполитической ситуации. Враги опорочившей себя партии Иттихад, среди которых были журналисты, интеллектуалы, гражданские служащие и отставные офицеры, были в первых рядах кампании, целью которой было добиться наказания лидеров партии. Эти усилия поддерживались султаном, который и сам был врагом Иттихада. Кроме того, в самый критический период судебного процесса (4 марта 1919—17 октября 1920) Дамад Ферид, известный враг Иттихада, занял должность великого визиря. Жажда возмездия поначалу на самом деле была настолько сильной, что в первые несколько месяцев перемирия судебный процесс грозил перерасти в настоящую правлю. На штаб-квартиру и некоторые отделения партии Иттихад были совершены нападения, имущество реквизировано, а собственность находившихся

ся в бегах лидеров конфискована.¹¹⁷ Позднее, в какой то момент “десять высокопоставленных политиков” обратились к султану с просьбой наказать иттихадистов, ускорив процесс судебных разбирательств.¹¹⁸

Однако эти усилия компенсировались за счет остаточной власти и влияния Иттихада, приверженцы и сторонники которого все еще составляли большинство в гражданских службах, военном ведомстве и особенно в полиции.¹¹⁹ Временно уйдя на задний план, Иттихад взялся за формирование сети ячеек сопротивления во многих кварталах османской столицы. Многие кооптированные Иттихадом ключевые фигуры в министерствах внутренних дел и юстиции начали замедлять и уводить в сторону ход судебных процессов. Эти чиновники придерживали чрезвычайно важные документы, усложняли связь с провинциальными властями, задерживали исполнение судебных приказов о подготовке и удостоверении секретных и сверхсекретных зашифрованных телеграмм и в целом препятствовали судебному процессу. Мало того, они еще и помогли скрыться многим из основных подозреваемых.¹²⁰

Пока подозреваемые ожидали суда в военной тюрьме, британские военные власти, которые были ответственны за выполнение условий перемирия, подготовили доклад, в котором говорилось:

“Всем заключенным, общее число которых составляет 112 человек, разрешено весь день свободно разгуливать по тюрьме и общаться. Кроме беглого взгляда на пропуск, лица, переступающие порог тюрьмы, не подвергаются более никакой проверке, и часто можно увидеть, как они проносят в тюрьму увесистые пакеты, по их словам, с едой, хотя в них может быть все что угодно. Женщинам вход свободен в любое время суток, без какой-либо проверки”.¹²¹

Привилегии, которыми пользовались эти подозреваемые, распространялись также и на условия их заключения. Они не содержались в заключении со строгим режимом изоляции и контроля, какое обычно определялось для ожидавших уголовного разбирательства подозреваемых. В своих воспоминаниях один из заключенных рассказывает о том, как министры кабинета собирались в большой комнате, чтобы, как саркастически замечал этот заключенный, проводить заседания тюремного “совета кабинета” с целью обсуждения стратегии защиты. Для консультаций министры даже приглашали Османа, юрисконсульта министерства внутренних дел.¹²²

Судебные процессы

Несмотря на кажущиеся благие намерения, турецкие трибуналы не обладали достаточной силой для проведения полноценного судебного процесса над теми, кто обвинялся в совершении геноцида армян. Эта слабость являлась отражением определенной беспомощности послевоенного правительства. Ни одно правительство, призванное представлять интересы побежденного народа, не может быть сильным; в лучшем случае оно может выполнять функцию амортизатора. Ожидалось, что, установив вину и наказав преступников, турецкие военные суды смогут, проведя государство через “катарсис”, смягчить разрушительные последствия военного поражения и в то же время утихомирить победителей. Однако они были поставлены в позицию, которая по своей сути ослабляла судебную волю по вынесению решения по уголовным преступлениям.¹²³

Ни одна нация, как правило, не способна судить о себе беспристрастно и тем более признаться и обвинить себя в прямом или опосредованном соучастии в зверствах, если, конечно, она не поставлена в условия, когда вынуждена строго придерживаться закона и фактов по делу.¹²⁴ Эта тенденция часто проступала в ходе судебных процессов в турецких военных трибуналах. К примеру, после того, как одним из таких трибуналов был вынесен относительно мягкий йозгатский вердикт, по которому смертный приговор был вынесен только одному мелкому чиновнику, генеральный секретарь более не существовавшей партии Иттихад возмущенно назвал вердикт “приговором, который правительство и суд вынесли против себя и турецкого народа”.¹²⁵ Премьер-министр правительства Анкары охарактеризовал вердикт как “уступку и подтверждение вины собственным правительством”.¹²⁶

Провал стамбульских судебных процессов являлся и отражением нарастающей непокорности турок союзникам, истоки которой лишь частично могли быть приписаны национализму. В гораздо большей степени она была обусловлена нерешительностью победивших союзников. Государственная система Турции осталась прежней, поскольку союзники оказались не в состоянии полностью оккупировать Турцию, таким образом, подспудно признав ее суверенные права. Более того, бесконечные проволочки с подписанием мирного договора и оговариванием условий договора предусматривавших капитуляцию, а также постоянное откладывание судебных процессов над военными преступниками в союзных трибуналах привели к тому, что подозреваемые испари-

лись, свидетели разбрелись, инкриминирующие доказательства были изъяты или стали недоступными, а общественное возмущение и шок в связи со зверствами сошли на нет. Союзные державы не удосужились также внести в соглашение о перемирии уголовные санкции, вместо этого включив их в условия Версальского и Севрского договоров. Создается впечатление, что порой державы намеренно не пользовались своей властью над послевоенной Турцией. К примеру, британцы вернули “около 100 000 военнопленных... в Анатолию, не ставя при этом никаких условий”, хотя военное положение все еще сохранялось.¹²⁷

Именно это имел в виду британский верховный комиссар Томас Хохлер, когда писал в Лондон: “Никогда не думал, что союзники могли до заключения мира и предъявления своих условий так основательно сократить свои военные силы. Мы действовали по принципу, обратному японскому, старая поговорка которых гласит, что в конце битвы самое время надеть шлем”.¹²⁸ Другой британский дипломат выражал свое беспокойство по поводу того, что “тысячи турецких военнопленных в Египте освобождались и возвращались в Турцию, а мы странным образом не предпринимали никаких попыток предотвратить то, что они сразу же записывались в националистическую армию Мустафы Кемалю, чтобы воевать против греков в Анатолии, тем самым снабжая его большим контингентом более или менее натренированных солдат”.¹²⁹ Как известно, основным представителем турецкой стороны на переговорах по перемирию в Мудросе, морской герой Турции капитан Рауф высказал мнение, что условия перемирия, которых он добился, были “весьма благоприятными для Турции”.¹³⁰ Британский верховный комиссар адмирал де Робек считал, что установить порядок в Турции и принудить ее к миру возможно только “посредством оккупационной армии”.¹³¹

Разногласия, расхождения и соперничество между союзниками придали Турции еще большую уверенность в возможности несоблюдения условий перемирия. В течение шести месяцев после установления перемирия британцы, французы и итальянцы действовали в противоположных направлениях, часто срывая усилия друг друга. Французы и итальянцы, поначалу тайно, а затем и открыто начали поддерживать конкурирующее кемалистское правительство Анкары, тем самым ускорив кончину правительства Стамбула и его султана. Эти дипломатические потуги нанесли изрядный ущерб процессу карательного правосудия. Британский генеральный прокурор, консультировавший ми-

нистерство иностранных дел в Лондоне и опосредованно также Британскую верховную комиссию в Стамбуле, заявил о последствиях этих усилий: “Представляется весьма неправдоподобным, что французское и итальянское правительства согласятся участвовать в формировании суда, предусмотренного 230-ой статьей Севрского договора”.¹³² Так британцы были поставлены в весьма тяжелое положение.

Подписав Лозаннский мирный договор союзники окончательно признали новую национальную политику Турции. Принцип карательного правосудия, торжественно провозглашенный как в годы Первой мировой войны, так и по окончании военных действий, после войны был предан забвению.

Примечания к главе 18

- 1 R.Lemkin, “Genocide as a Crime Under International Law”, *American Journal of International Law* 41 (1947): 150.
- 2 G.A.Finch, “The Genocide Convention”, *American Journal of International Law* 43 (1949): 735.
- 3 Lemkin, “Genocide”, [n.1], 150.
- 4 S.Akşin, *Istanbul Hükümetleri ve Milli Mücadele* (Правительства в Стамбуле и национальная борьба), vol.1 (Istanbul, 1983), 140-41; I.Danişmend, *İzahlı Osmanlı Tarihi Kronolojisi* (Аннотированная хронология османской истории), vol. 4, 2d ed. (Istanbul, 1961), 457.
- 5 FO 371/4173/44216, folio 51 (доклад В.Г. Дидса от 20 марта 1919 г.). На листе 50 Дидс открыто заявляет об официальной британской позиции невмешательства во внутренние дела Турции. В интервью местной газете Льюис Гек, комиссар США, оспаривал такую позицию, утверждая, что турки должны привлечь к суду иттихадистских преступников во имя справедливости, а не для того, чтобы добиться более мягких условий мира. Затем он советовал не использовать армянские акты возмездия для оправдания массового истребления армян, которое предшествовало этим действиям, добавляя, что эти два эпизода нельзя сравнивать или смешивать друг с другом, так как армянские акты возмездия были совершенно определенной и отдельной категорией. *Le Journal d'Orient*, April 12, 1919.
- 6 В ответ на неоднократно звучавшие заявления о том, что ответственность должны нести только иттихадисты, комиссар США в Константинополе Льюис Гек отправил в Вашингтон две шифровки, в которых оспаривал эти заявления. 20 января 1919 года он писал, что массовое истребление армян было “в то время с воодушевлением поддержано преобладающим большинством турецкого населения страны”. *U.S.National Archives R.G.* (далее цитируется как R.G.), 256.867.00/59, с. 3 доклада. За одиннадцать дней до этого он передал свое мнение о том, что не только высшее руководство Иттихада, но и “преобладающее большинство высокопоставленных

турецких чиновников являются теми должностными лицами, которые либо активно участвовали в массовом истреблении армян, либо по меньшей мере попустительствовали ему...”, с. 1 доклада от 9 января 1919 г. R.G.256.867.4016/12.

7 R.G. 608/246, folios 654, 656, шифр No. 799 A (19 апреля 1919 г.).

8 “Ermeni Terbiyesi Milliyesi” (Армянская национальная культура), *Minber*, 9 ноября 1918. См. также A.A.Türkei 167/14, р.vi (обзор турецкой прессы посольства Германии в Стамбуле, воспроизведенный из *Le Soir* (стамбульская ежедневная франкоязычная газета), (12 ноября 1918).

9 См. *A.Yalman Yakın Tarihte Görüldüklerim ve İştiklerim*, vol.1 (Istanbul, 1970), 314-15. За два дня до этого коллективного побега два бывших руководителя Главного управления стамбульской полиции Осман Бедри и Хусейн Азми также пытались скрыться, однако были задержаны и обвинены в том, что путешествовали с недействительными паспортами. Однако вскоре они были освобождены, так как вина их была сочтена небольшой, но снова скрылись. *Danışmend, İzahli* [n.4], 451. 10 *Vakit, Harb Kabinelerinin İsticvabi* (Слушания военного министерства), (Istanbul, 1933), 6, 7.

11 *Там же*, (относится к Специальной организации). Этим депутатом был Фуад, представлявший округ Дивание. Его предложение было подготовлено 28 октября, представлено 2 ноября и принято 4 ноября 1918 г. Он умер 14 декабря 1918 г.

Фуад был одним из членов группы арабских депутатов османского парламента, которые, в отличие от других групп, отважно добивались того, чтобы высокопоставленные должностные лица понесли ответственность за преступления, совершенные против армян; это проявилось со всей очевидностью во время слушаний Пятого комитета. С самого начала предложение Фуада было принято в штыки Халилем (Ментеше), ярым иттихадистом, исполнявшим в то время обязанности председателя Палаты депутатов (В годы войны он занимал несколько министерских постов, но дольше всего продержался на посту министра иностранных дел). Он попытался отложить предложение в долгий ящик и уступил лишь под давлением депутата Фуада. *Nesmeddin Sahir Silan “İcinci Meşrutiyette Divani Ali Hareketleri”* (Инициативы Верховного суда в период второй конституции), 2-ая часть. *Tarih Konuşuyor* 5, 29 (июнь 1966): 2472-73. Сенат, верхняя палата османского парламента, по стечению обстоятельств или преднамеренно, 4 ноября 1918 года обсуждал вопрос о расследовании и возможном судебном преследовании преступлений военного времени. Генерал Чюрюксулу Махмуд, бывший министр общественного труда, в тот же день представил соответствующее предложение. *Там же*, часть 3, 6, 31 (август 1966): 2568. В ходе последующих дебатов, т.е. 7 ноября 1918 года, Махмуд предложил, чтобы расследование злостных нарушений было соотнесено с тем, как осуществлялись “внутригосударственная политика (*dahiliye siyaseti*) и управление”. В этом вопросе его поддержал сенатор Решит Акиф, который сослался на “бедствия, постигшие детей этой страны”. *Там же*, часть 8, 6, 38 (октябрь 1966): 3011-12.

12 *Harb Kabinelerinin*, [n.10], 3 - 4.

13 *Там же*, 537.

14 *Там же*, 534 - 35.

15 *Там же*, 520.

16 *Там же*, 523.

17 M.Gökbilgin, *Milli Mücadele Başlarken* (Когда началась национальная борьба), vol. 1 (Ankara, 1959), 57.

18 G.Young, *Corps de Droit Ottoman, Code de Procédure Pénale* (Трактаты османского права. Кодекс уголовных процедур), vol. 7 (Oxford, 1906) 235, 239.

19 FO 371/4141/49194, р.4 (часть II пространного, состоящего из шести частей доклада отдела разведки британских войск в Салониках, 8 марта 1919).

20 R.G. 256, 867.00/59, р.3 (доклад комиссара США в Стамбуле Льюиса Гека от 20 января 1919 года, представленный в Госдеп.)

21 Young, *Corps* [n.18], 247.

22 M.Gökbilgin, *Milli* [n.17], 15.

23 *Takvimi Vekâyi*, No. 3424. Полностью о создании военного суда см. Akşin, Istanbul [n.4], 141-42 и *Takvimi Vekâyi* Nos. 3424 и 3433.

24 *Takvimi Vekâyi*, No. 3430.

25 *Takvimi Vekâyi*, No. 3445.

26 В марте 1919 года было сформировано два военных суда. (1) 8 марта под председательством Февзи-паши. R.G. 256, 867.00/27, R.G. 59, 867.4011/408; *Takvimi Vekâyi*, No. 3493. (2) 19-го марта под председательством Назима-паши, *Journal D’Orient* (Istanbul), 23 апреля 1919; *Takvimi Vekâyi*, No. 3503.

27 *Journal D’Orient* (Istanbul), (15 апреля 1919): 1.

28 *Takvimi Vekâyi*, No. 3540, 5 мая 1919, с.8.

29 *Takvimi Vekâyi*, No. 3571, 13 июня 1919, с.128.

30 Young, *Corps* [n.18], 273.

31 *Takvimi Vekâyi*, No. 3837.

32 *Takvimi Vekâyi*, No. 3540, 5 мая 1919, с.4.

33 Это отрицание побудило Ака Гюндюзю (Енис Авни), прославленного писателя-националиста, имитировать их стиль защиты в своей статье: “Увы, увы, увы, увы. Мы не видели, мы не знали, мы не слышали!” (“*Vah, vah, vah, vah, görmüyorduk, bilmiyorduk, işimiyorduk*”). *Alemdar* (Istanbul), 10 мая 1919. Описание заседаний “Совета кабинета” см. Yalman, *Yakın* [n.9], 339-41.

34 T.Tunaya, *Türkiyede Siyasal Partiler*, vol. 3, 2-ое расширенное издание. (Istanbul, 1984), 210, 281.

35 Османский уголовно-процессуальный кодекс предполагал соблюдение секретности при подготовке к судебному разбирательству, и поэтому защита не имела доступа к документам предварительного следствия и не могла присутствовать на досудебных допросах своих клиентов. Право председательствующего в уголовном суде действовать по своему усмотрению определено статьями 232-34 уголовно-процессуального кодекса и ставит вопрос о том, что можно при оценке доказательности улик полагаться на совесть и выслушивать свидетеля, показания которого “информативны”, освободив его от обязанности присягать суду. Young, *Corps* [n.18], 216-62. 269-ая статья того же кодекса предусматривает новые судебные меры в случае обнаружения расхождения или несоответствия между приобщенными к делу материалами и свидетельскими показаниями на суде. *Там же*, 266.

36 *Le Courier de Turquie* (Istanbul), 3 апреля 1919.

37 *Hadisat* (Istanbul), 26 апреля 1919.

38 Обсуждение обвинения в целом основано на тексте, опубликованном в качестве приложения

- в *Takvimi Vekâyi*, No. 3540; цитаты приводятся с 4-8 страниц этого издания.
- 39 *Takvimi Vekâyi*, No. 3540, с.4.
- 40 R.G.(L.) 59, 867.00/797 1/2; L. p. 762-66. В докладе госсекретарю Лансингу (1 декабря 1919) Моргентау использовал новые слова – “уничтожение армян”, как обозначение недавно свершившегося факта. R.G.(L.) 59, 867.00/799 1/2; L. p. 771.
- 41 *Takvimi Vekâyi*, No. 3540, p.4.
- 42 *Там же*.
- 43 *Там же*, с.7.
- 44 *Там же*, с. 6.
- 45 *Там же*, с. 5.
- 46 *Там же*.
- 47 *Там же* с.4.
- 48 *Там же*, с.8.
- 49 *Там же*, с.6.
- 50 *Там же* с.8.
- 51 *Там же*.
- 52 Н.Morgenthau, *Ambassador Morgenthau's Story* (new York, 1918), 333.
- 53 *Takvimi Vekâyi*, No. 3540, p.5.
- 54 *Там же*, с. 6.
- 55 *Там же*.
- 56 *Там же* с. 7.
- 57 *Там же* с. 6.
- 58 *Там же*, с. 4.
- 59 *Там же*, с. 8.
- 60 *Takvimi Vekâyi*, No. 3771, 9 февраля 1919, с.2.
- 61 *Ariamard*, 12 декабря 1918.
- 62 *Takvimi Vekâyi*, No. 3772, 10 февраля 1919, с.5.
- 63 Письменные показания Вехиба (датированы 5 декабря 1918) были полностью зачитаны во время второго заседания трапезундской серии судебных разбирательств (29 марта 1919). Частично они были включены (1) в основной обвинительный акт, *Takvimi Vekâyi*, No. 3540, 5 мая 1919, с.7, к которому была подшита 12-ая страница написанного от руки документа; (2) в харпутский вердикт, *Takvimi Vekâyi*, No. 3771, 9 февраля 1919, с.1 и (3) в *Le Courrier de Turquie*, 1 и 2 апреля 1919. Копия полного текста в оригинале – на османском турецком языке хранится в архиве армянского патриаршества в Иерусалиме под буквой “h” армянского алфавита (произносится “ho”, 16-ая буква, а не “hee” – 21-ая буква), сс.171-182 папки “h”. Приведенная здесь цитата взята со страницы 5 обвинительного акта, который в вольном переводе на армянский язык был опубликован в *Hairenik*, 13 апреля 1968. Подробности предпринятого генералом Вехибом разбирательства в военном суде см. в *Ariamard*, 10 декабря 1918. Они включают текст (на османском турецком) прокламации генерала, который оповещал части Третьей армии о вердикте суда и о казни начальника жандармерии.

- 64 Более детальное обсуждение лидирующей роли этих двух партийных руководителей см. в Vahakn N.Dadrian, “The Role of Turkish Physicians in the World War I Genocide of the Armenians”, *Holocaust and genocide Studies*, 1 (1986): 169-92.
- 65 *Takvimi Vekâyi*, No. 3540, pp.4-8.
- 66 С.Kutay, *Celal Bayarin Yazmadiğıve Yazmayacağı Üç Devirden Hakikatler* (Факты, относящиеся к трем эпохам, о которых Джелал Байар не писал и не напишет), 12 (1982) (подчеркнуто в оригинале). Сам Байар был ответственным секретарем в Измире (Смирна), провинции Айдин и в 1950-1960 являлся президентом Турецкой республики.
- 67 А.В.Kuran, *Osmanli Imparatorluğunda ve Türkiye Cumhuriyetinde Inkilâp Hareketleri* (Революционные движения в Османской империи и Турецкая республика), (Istabbul, 1959), 479.
- 68 *Takvimi Vekâyi*, No. 3586, 28 июня 1919, с.164.
- 69 *Renaissance* (Istanbul), 6 января 1920.
- 70 *The Imperial Ottoman penal Code*, J.Bucknill & H.Utidjian, trans. (oxford, 1913). 13-ая статья военного права допускает применение гражданского уголовного кодекса в тех случаях, когда военные суды не имеют в своем распоряжении соответствующих военных кодексов. См. A.Billoti and A.Sedad, *Législation Ottoman depuis la rétablissement de la Constitution*, vol. 1 (Paris, 1912), 197.
- 71 *The Imperial Ottoman penal Code*, [n.70], 32.
- 72 *Там же*, с.125.
- 73 *Там же*, с.47.
- 74 *Там же*, с.32.
- 75 А.Тürkeldi, *Görüp İştiklerim* (О том, что я видел и слышал), (Ankara, 1951), 197. В беседе с раввином османских евреев великий визирь Иззет-паша также дал слово чести, что будет преследовать всех соучастников преступления, даже министров правительства. Раввин собирался поехать в Соединенные Штаты, где заявил, что “общественное мнение против нас из-за депортаций и массовых убийств” и где он должен был создать благожелательное отношение к Турции. *Yakin Tarihimiz*, 2 (1962):389.
- 76 Akşin, *Istanbul* [n.4], 201.
- 77 *Ottoman Constitution* (Midhat), *American Journal of International Law* 2 (приложение 1908):367.
- 78 *Takvimi Vekâyi*, No. 3540, pp.10, 11.
- 79 *Там же*, с. 13.
- 80 *Там же*, с. 12.
- 81 *Там же*, с. 11.
- 82 *Там же* с. 14.
- 83 *Там же*, сс. 8, 9.
- 84 *Там же*, сс. 8, 14.
- 85 *Там же*, с. 8.
- 86 Военное право, принятое 19 августа /1 сентября 1910 г. статья 1, перепечатано в A.Biliotti and A.Sedad, *Législation* [n.70], 483. Вторая статья первоначального военного права октября 1877 года объявляет “временно приостановленными” те положения конституции, а также другие законы и административные предписания, которые шли вразрез с военным правом. *Там же*, 195.

- 87 См. *Takvimi Vekâyi*, No. 3540, 5 мая 1919, p.8; *Takvimi Vekâyi*, No. 3543, 8 мая 1919, p.17.
- 88 *Takvimi Vekâyi*, No. 3604, pp. 217-20.
- 89 Там же с. 218.
- 90 Там же, с. 217.
- 91 Там же, с. 219.
- 92 Там же, с. 218.
- 93 Там же, с. 219.
- 94 Там же, с. 218.
- 95 Там же.
- 96 Там же.
- 97 *Tarihi Muhakeme*, K.Sudi, ed. (Istanbul, 1919), 63.
- 98 *Takvimi Vekâyi*, No. 3604, p. 218. Здесь упоминаются йозгатский и трапезундский судебные процессы, которые предшествовали процессу над министрами, см. текст в сноске 103.
- 99 Там же.
- 100 Там же.
- 101 Там же.
- 102 Там же, с. 219.
- 103 Трабзонский Вердикт, *Takvimi Vekâyi*, No. 3616, 6 августа 1919, сс. 1 – 3; Йозгат, *Takvimi Vekâyi*, No. 3617, 7 августа 1919, сс. 1 – 2; Харпут, *Takvimi Vekâyi*, No. 3771, 9 февраля 1919, сс. 1 – 2; Ответственные секретари, *Takvimi Vekâyi*, No. 3772, 10 февраля 1919, сс. 1 – 6; Ерэнка, *Takvimi Vekâyi*, No. 3917, 27 июля 1920, сс. 5 – 6; Частично разбирательства в военном суде нашли отражение в *Tarihi Muhakeme* [п. 97].
- 104 *Takvimi Vekâyi*, No. 3617, 7 августа 1919, с. 2.
- 105 Там же.
- 106 Там же. с.1.
- 107 Там же.
- 108 *Takvimi Vekâyi*, No. 3616, 6 августа 1919, с. 2.
- 109 Там же.
- 110 *Takvimi Vekâyi*, No. 3772, 10 февраля 1919, с. 3.
- 111 Этими приговоренными были: (1) Мехмед Кемаль, представитель исполнительной власти (каймакам) Богазлийана и в период массовых убийств – заместитель окружного комиссара (мугташариф) Йозгата, *Takvimi Vekâyi*, No. 3520.
- (2) Абдулла Авни по прозвищу Айран Баба, который был начальником жандармерии Ерэнка. Он был братом Абдула Гани – видного иттихадиста и ответственного секретаря Эдирне. *Takvimi Vekâyi*, No. 3917, 27 июля 1920, сс. 5-6.
- (3) Беграмзаде Нусрет, руководитель байбуртской исполнительной власти, впоследствии окружной комиссар Эргани, а затем Урфы. *Takvimi Vekâyi*, No. 3924. После падения режима Дамата Ферита и установления кемализма военный апелляционный суд 7 января 1921 г. отменил вердикт Нусрета от 20 июля 1920 года. – от. См. G Jaeschke, *Türk İnkılabı Tarihi Kronolojisi 1918-1923*, 95 (1939). Тогда и Кемаль и Нусрет были объявлены “народными мучениками” (*millî şehid*). Jaeschke,

- “Beiträge zur Geschichte des Kampfes der Türkei um ihre Unabhängigkeit”, *N.S. Die Welt des Islams*, 5:166 (1958). 25 декабря 1920 года власти Анкары назначили пенсию семье Нусрета. См. G Jaeschke, *Türk*, 95. Некоторые подробности об этих двоих, указанных выше в (2) и (3), см. F.R.Atay, *Çankaya*, (Istanbul, 1980), 225-26 и 228-29. Посредством общественных пожертвований, организованных газетой *Tasviri Efkâr*, турецкий народ собрал для семьи Кемалья 20 000 турецких золотых фунтов. 112 FO 371/4174/118392, folio 267 (сообщение от 7 июля 1919).
- 113 Это упразднение относилось к ряду соответствующих политических действий: (1) 29 апреля 1929 года в новом кемалистском Национальном собрании Анкары был представлен законопроект, по которому все официальные решения и указы правительства султана в Стамбуле объявлялись потерявшими законную силу. (2) 7 июня 1920 года правительство Анкары ввело закон No. 7, который упразднил правительство Стамбула, его соглашения и договоры с 16 марта 1920 года, когда союзники официально оккупировали город и установили над ним полный контроль. (3) 3 января 1921 года кемалистское правительство Анкары решило учредить свой независимый суд, который должен был занять место Военного трибунала и провести судебное разбирательство преступлений, предположительно совершенных в период перемирия в Йозгате (провинция Анкары). (4) 25 апреля 1922 года последний кабинет последнего великого визиря под давлением кемалистов объявил, что военные трибуналы неправомочны судить “националистов”, то есть приверженцев кемализма. (5) 6 ноября 1922 года принятые в Анкаре законы были представлены в Стамбуле и объявлены новыми законами страны. (6) Наконец, 31 марта 1923 года была объявлена общая амнистия для всех, кто был осужден военными трибуналами и гражданскими судами. . Jaeschke, *Türk* [п.111]. Все шесть актов описаны соответственно на сс. 76, 80, 95, 128, 142 и 148.
- 114 Большинство из этих военных преступников, однако, были выслежены и казнены армянскими “мстителями”. Эти казни произошли в Германии и России, где нашли убежище все указанные в тексте приговоренные. Талеат был убит в Берлине 15 марта 1921 года. Как известно, Большое национальное собрание Анкары воздало почести Талеату за предпринятые им “депортации” и назначило пенсию его семье. A.Ryan, *The Last of the Dragomans* (London, 1951), 219. Др. Шакир был убит в Берлине 17 апреля 1922 г. Джемал был убит выстрелом из пистолета в Тбилиси (Тифлис) 21 июля 1922 г. Говорят, что Энвер был выслежен в Бухарском Эмирате Агабековым, армянским агентом коммунистических спецслужб, и убит 4 августа 1922 г. во время возникшей стычки. Это подтверждает и турецкий автор. İhsan İlgar, “Ermeni Meselesi”, *Hayat Tarih Mecmuası* 11, 2, no. 11 (1 ноября 1975): 78. Хотя материалы относительно смерти Энвера недостоверны, следующие источники заслуживают внимания: Esad Bey, *Die Verschwörung Gegen die Welt* (Berlin, 1932); “Wie der Klassenkampf im Emirats Bukhara entschieden wurde”, *Frankfurter Allgemeine Zeitung* (Frankfurt), (6 февраля 1980): 9; *Sovetagan Hayastan* (Ереван, ежемесячный журнал), (август 1984): 8.
- Через десять дней после убийства Шакира, д-р Назим, который также нашел убежище в Берлине и какое-то время скрывался в Батуми вместе с Энвером, вернулся в Турцию, чтобы избежать той же судьбы. Это произошло после того, как кемалисты обещали, что он, как и другие иттихадисты, будут приняты на родине при условии, что они присоединятся к новому режиму. Однако Назим, который продолжал обвинять Кемалья и агитировать против него, был обвинен

в участии в заговоре иттихадистов, покушавшихся на жизнь Мустафы Кемалю, и решением независимого суда повешен в Анкаре 26 августа 1926 года. FO371/11528/E5141. Лишь один из командос этих тщательно подготовленных и осуществленных убийств, был схвачен, однако Германский уголовный суд оправдал признавшегося в содеянном обвиняемого, который выследил и казнил бывшего великого визиря Талеата в Берлине. Комментируя это событие, Роберт Кемпнер, заместитель Главного советника США на Нюрнбергском процессе над военными преступниками, заметил, что это происшествие “привлекло мировое внимание к весьма важным развитиям в международном праве”. Из предисловия книги об этом процессе, которая вскоре будет опубликована (с согласия автора). Подробнее о казни и процессе см. V. Dadrian, “The Naim-Andonian Documents on the World War One Destruction of the Ottoman Armenians – The Anatomy of a Genocide”, *International Journal of Middle East Studies* 18 (1986): 359, n. 113.

115 Treaty of Lausanne. 28 L.N.T.S. 12, 117 Brit. and For. St. Papers 543, перепечатано в *American Journal of International Law*. 18 (Приложение 1924): 1.

116 Там же; Декларация об амнистии помещена в статье 1. Один автор следующим образом комментирует провал слабых попыток союзников добиться в Лозанне принятия мер по обеспечению справедливости для армян: “С гуманитарной точки зрения, чрезвычайную важность приобретает необходимость включения в условия договора гуманных положений касательно обращения с армянами... как то предписано Мирным соглашением”. E.Turlington, “The Settlement of Lausanne”, *American Journal of international Law*, 18 (1924): 699-700. Три статьи об амнистии в Лозанском договоре представлены в F.Kandemir, *Istiklâl Savaşında Bozguncular ve Casuslar* (Пораженцы и шпионы в борьбе за независимость), (Istanbul, 1964), 172-73.

117 M.Gökbiğün. *Millî Mücadele Başlarken*, vol.1 (Ankara, 1959 г.), 8-10; Takvimi Vekâyi, No.3462. Соответствующие официальные документы относительно этих актов конфискации перепечатаны в Тулауа, *Türkiyede* [n.34], vol. 2, 55-59.

118 Akşin. *Istanbul* [n.4]. 151. Это обращение было передано 23 января 1919 г.

119 Корреспондент *London Times* заявил, что организационная сеть Иттихада в Турции осталась “почти нетронутой”. *Times* (London). 1 января 1919. Американский верховный комиссар Гек в докладе послу США в Париже подтверждает это наблюдение, выражая свое недовольство тем, что “преобладающее большинство должностных лиц [все еще] являются членами организации С.У.Р.” [Иттихад]. FO 608/342/8514 (Меморандум Керзона, вложение 2, 18 апреля 1919). Турецкий автор Гезтепе также отмечает, что в военном ведомстве, то есть военном министерстве, также было полно иттихадистов. T.M.Göztepe. *Osmanoğullarının Son Padişahi Sultan Vahdeddin Mütareke Gayretleri* (Istanbul, 1969). 89. Французский историк, исходя из собственного опыта в Турции периода перемирия, утверждает, что турецкая полиция была в руках Иттихада и что чрезмерное буквоедство в соблюдении законов со стороны верховных комиссаров союзников в османской столице ставило их в зависимость от турецкой полиции. E.Pech. *Les Alliés et la Turquie* (Paris, 1925), 25, 27.

120 Среди тех, кому удалось скрыться, были три представителя партийной верхушки, по горло погруженные в массовых убийствах армян: трапезундский ответственный секретарь Енибахчели Намет, эрзурумский депутат Филлибели Ахмед Илми и один из руководителей Специальной ор-

ганизации этой области Эбуинтли Джефер; им удалось раздобыть из правительства соответствующие документы (*vesika*) и сбежать на корабле. К числу подобных рискованных предприятий относится и организованный оставшимися на свободе руководителями Специальной организации побег особо проявивших себя преступников из тюрьмы военного министерства Бекирага. Среди последних были командующий шестой армией Халиль, член Центрального комитета Иттихада Кючюк Талеат и бывший губернатор провинции Диарбекир д-р Мехмед Решид. H.Ertürk. *İki Devrin Perde Arkası* (За кулисами двух эпох), S.Tansu, ed. (Istanbul, 1957), 213, 326-27. О побеге генерала Халиля, 8 августа 1919 г., рассказывается в *Takvimi Vekâyi*, No.3731; о том, как он скрывался до ареста и как был организован его побег, см. в Halil Paşa, *İttihad ve Terakki'den Cumhuriyet'e: Bitmeyen Savaş* (От Иттихада до республики. Бесконечная борьба) M.T.Sorgun, ed. (Istanbul, 1972), 265, 280-82. Приказ султана о привлечении Халиля к суду см. в *Takvimi Vekâyi*, No.3480.

121 FO 371/4174 (folio 149), 28 июня 1919.

122 Yalman, *Yakin* [n.9], 339-41.

123 Адаптивное правосудие может приводиться в действие и в обратном направлении. Очень сильное правительство с диктаторской властью может осуществить жесткий судебный процесс и превратить судебное разбирательство в травлю. Правительства военного времени уже по сути своей обладают такой неограниченной или почти неограниченной властью. Насколько слабыми были послевоенные турецкие трибуналы, настолько сильными продемонстрировали себя их аналоги военного периода, полностью поощряемые диктаторским иттихадистским режимом и имевшие достаточную власть, чтобы инсценировать судебные спектакли, имевшие целью казнить бесконечное число армян по обвинению в измене, не соблюдая при этом элементарных правил судопроизводства и доказательственного права (большая часть жертв была просто уничтожена). Американский посол Моргантау в своих мемуарах приводит примеры “публичного повешения без суда и следствия”. *Ambassador*, [n. 52], 311.

124 20 мая 1919 г. советник британского министерства иностранных дел отметил в своих записях “некомпетентность турецких трибуналов” и “гилбертовские методы турецкого судопроизводства” FO371/4173/76582, folio 380. 21 мая 1919 г. британское министерство иностранных дел в «срочной» телеграмме сообщило министру иностранных дел Бальфуру в Париж, что судебные разбирательства в турецком военном трибунале требовали “ошеломляющих дополнений относительно способности турецких властей добиться удовлетворительного результата...” FO371/4173/777213, folio 388. 27 мая 1919 г. эксперт британского министерства иностранных дел приписал на полях документа FO, что “общим для всех турецких судебных процессов” является привычка “ходить вокруг да около”. FO371/4173/780105, folio 419. 10 июля 1919 г. и.о. заместителя министра иностранных дел Тилли отметил в докладе, направленном юристам короны, что “преобладающее большинство [подозреваемых] либо возвращены под стражу для продолжения следствия, либо выпущены на поруки, либо освобождены, либо бежали”. FO371/4174/29560, folio 430/2. 1 августа 1919 г. Британский верховный комиссариат в Стамбуле в историческом обзоре статуса Турции информировал Лондон, что “судебный процесс в турецком военном трибунале оказался фарсом, подорвавшим как нашу собственную репутацию, так и репутацию турецкого правительства”. FO371/4174/118377, folio 256. 21 сентября 1919 г. бри-

танский верховный комиссар вице-адмирал де Робек сказал министру иностранных дел Керзону, что судебные разбирательства в военном трибунале “во многих отношениях неудовлетворительны и хаотичны; ...это такой полный провал, что его результаты ничего не стоят, если вопрос ответственности за депортации и массовые убийства имеет значение для держав... сейчас уже считают, что от военного трибунала мало чего следует ожидать...” FO371/4174/136059, folios 466, 469-70. 17 ноября 1919 г. вице-адмирал де Робек еще раз сказал Керзону, что “турецкий военный трибунал... никогда не был эффективным, его председатель и члены постоянно сменяются, теперь он более чем когда-либо напоминает фарс”. FO371/4174/158721, folio 524. Верховный комиссар США в османской столице Льюис Гек предвидел такой результат с самого начала судебного процесса в военных трибуналах, когда 7 февраля 1919 г. отправил телеграмму, в которой говорилось, что “как сам процесс, так и отношение суда характеризуются медлительностью... показывающей, что нет особого желания провести жесткое или быстрое судебное разбирательство”. *U.S National Archives*. R.G. 256, 867.00/81.

125 M.Bleda, *Imparatorluğun Çöküşü* (Развал империи), (Istanbul, 1979), 62.

126 См. F.Okuyar, *Üç Devirde Bir Adam* (Человек трех эпох), 280 С.Kutay, ed. (Istanbul, 1980). Это тот случай, когда невозможно провести параллель с Германией; поскольку в результате лейпцигских процессов не было вынесено ни одного смертного приговора, в Германии не было причины для аналогичной реакции.

127 FO371/6509, folio 130 (шифровка под номером 982, отправленная британским генералом Харрингтоном в военное министерство 14 сентября 1921 г.).

128 P. Helmreich, *From Paris to Sèvres* (Columbus, OH, 1974), 236.

129 R.Graves, *Storm Centers of the Near East* (Constantinople, 1933), 328.

130 B. Şimşir, *Malta Sürgünleri* (Istanbul, 1976), 18-19.

131 A.Attrep, “«A State of Wretchedness and Impotence» A British View of Istanbul and Turkey, 1919” *International Journal of Middle East Studies* 9 (1978):6.

132 FO371/6509, folio 29, No.851.

Часть VIII

ВЫХОД ГЕНОЦИДА ЗА ПРЕДЕЛЫ ГОСУДАРСТВА. НОВАЯ МИШЕНЬ—РОССИЙСКИЕ АРМЯНЕ

Иттихадисты наносят удар Российской Армении

Большевистская революция и вызванный ею развал российской армии в 1917-1918 гг. коренным образом изменили военные, политические и экономические условия вокруг восточных провинций Турции и Закавказья. В период, предшествовавший началу революции, турецкая III армия (или то, что от нее осталось), проиграв ряд сражений, отступила вплоть до подступов к провинции Сивас, уступив русским значительные территории на востоке Турции. Таким образом, эта армия стала ахиллесовой пятой империи, которая после трех лет изнуряющей войны оказалась перед лицом неизбежного поражения. Вспыхнувшая русская революция явилась одним из тех сюрпризов истории, который спас Турцию от угрозы нависшей над ней большой катастрофы. Не менее важно и то, что тем самым эта армия получила возможность реорганизоваться и в значительной степени восстановить силы для того, чтобы, нарушив временное перемирие, пойти в новое наступление, вернуть потерянные территории и даже продвинуться еще дальше на восток. Вакуум, возникший в военном ландшафте после развала и краха российской кавказской армии, с одной стороны, и возрождение иттихадистских пантуранистских планов — с другой, явились теми факторами, которые, соединившись, побудили турок вторгнуться в Закавказье.

В ходе наступательных операций (весна и лето 1918 г.) трансформированная в Кавказскую группу войск (*Kafkas Ordular Grubu*) III армия была в очередной раз расширена и реорганизована в группу армий Восток (*Şark Ordular Grubu*). Главнокомандующим был Халиль (Кут), дядя военного министра Энвера, заменивший предыдущего командующего III армией генерала Вехиба. Новая группа армий Восток состояла из четырех армейских частей: 1. III армии под командованием генерала Эсада, старшего брата генерала Вехиба; 2. Кавказских исламских армий под командованием 27-летнего Почетного дивизи-

* Примечания к данной главе начинаются на странице 454.

сионного генерала (*Фахри Ферик*) Нури (Киллигила), брата военного министра Энвера; 3. IX армии под командованием генерла Шефки и 4. VI армии под командованием генерала Али Исхана (Сабис); до него этой армией командовал Халиль (Кут), который теперь стоял во главе всей группы армий Восток. Одной из непосредственных целей нового турецкого наступления были территории Закавказья, населенные российскими армянами, иначе называемые Российской Арменией. Падение царского режима и вызванный этим развал экономики всего региона, отягощенный последствиями бедствий военного времени, в значительной степени ослабили и экономику Российской Армении. Более того, беспорядки и социальное смятение, наступившие с приходом большевизма и его проникновением на Кавказ, еще больше обострили кризис. Однако существовал и другой кризис, по своей серьезности уступавший лишь громадным опасностям, угрожавшим самому существованию армянского народа.

Источник этого другого кризиса был напрямую связан с геноцидом в Турции во время войны: приблизительно 300 000 выживших, избежав массового уничтожения и найдя пристанище в прилегающих районах Российской Армении, еще больше усугубляли и без того тяжелое положение Армении. Беспомощные, нищие, они день за днем погибали, истощенные голодом и болезнями, которые приняли масштаб эпидемий по всей территории осажденной Российской Армении. Другими словами, кризис, который переживало армянское население этой территории, был не чем иным как вопросом выживания нации в целом.

Именно на фоне этих событий следует изучать и оценивать геноцидальную суть нашествий турецкой армии, которая, вторгшись в Закавказье, захватила и оккупировала территории, в основном населенные армянами. Особого внимания заслуживают две характерные черты этих военных предприятий. 1. Нижеследующее обсуждение роли, которую в кампании 1918 г. сыграли использованные в качестве орудия смерти турецкие военные, выступает как еще одно свидетельство того, что в османской традиции уничтожения армянского населения предпочтение отдавалось функционально более эффективным военным.¹ 2. Качество источников, свидетельствующих об этой роли, представляет первостепенную важность, так как в данном случае информация исходит не от врагов турок и даже не от нейтральных наблюдателей или свидетелей, а из лагеря двух военных и политических союзников Турции — имперской Германии

и имперской Австрии (Венгрии). Эти источники не могли ни желать, ни позволить себе возводить ложь на своих турецких партнеров; кроме всего прочего, на них была возложена обязанность скорее защищать, нежели подвергать сомнению репутацию своих партнеров. Однако в любом случае они чувствовали себя обязанными, чтобы не сказать вынужденными, поставлять информацию своим правительствам. Кроме того, их “конфиденциальные” и “секретные” доклады были предназначены для внутреннего пользования и исходили из собственных целей; тогда не предполагалось, что они будут обнародованы. Этот аспект данных источников уже сам по себе свидетельствует о достаточной степени подлинности и достоверности обсуждаемых ниже докладов, которые, помимо всего прочего, еще и носили на себе печать официальности.

Далее следует свод соответствующих отрывков из докладов высокопоставленных немецких и австрийских военных, которые в то время размещались в *locus in quo*, а также немецкого дипломата высокого ранга, а именно — министра иностранных дел. Все они едины в своем окончательном выводе, что турецкие генералы, командовавшие турецкими оккупационными войсками в Российской Армении, стремились распространить геноцид османских армян и на российских армян; в этом смысле их вердикты определенно совпадают. Оценивая причину, по которой немецкие военные и гражданские власти самого высокого уровня не только раскрыли, но и безоговорочно осудили нацеленные на геноцид действия своих турецких союзников, необходимо помнить о тех небольших изменениях, которые произошли в структуре союза к концу войны. Острые разногласия, возникшие на основе взаимоисключающих планов относительно Закавказья и проявившегося в связи с этим соперничества, в особенности вокруг огромных запасов бакинской нефти, привели к столкновениям между немецкими и турецкими военными лидерами. Этот важнейший факт в значительной степени умерил обеспокоенность Германии репутацией Турции, в связи с чем отпала и вынужденная необходимость умалчивать и покрывать турецкий план уничтожения армян. Это был еще один опыт того, как острое разочарование и конфликт могут привести к тому, чтобы неявная тенденция утаить факты перешла в явное желание раскрыть их.

Показания немецких военных

Отто фон Лоссов, генерал-майор, военный атташе и с марта 1916 по сентябрь 1918 гг. “военный уполномоченный Германии в Турции”, представитель Германии на Батумской конференции в мае 1918 г., на военной службе в Турции с 1911 по 1914 гг.:

Турки приступили “к полному уничтожению армян и в Закавказье”. (*Völlige Ausrottung der Armenier auch in Transkaukasien*).² “Цель турецкой политики, как я неперестанно повторял, состоит в том, чтобы оккупировать армянские области и уничтожить армян”. (*Ausrottung*).³ “Правящая партия Талеата желает уничтожить всех армян (*alle Armenier ausrotten will*) не только в пределах, но и за пределами Турции”.⁴ После того, как они “взяли в кольцо” (*völlige Abschliessung*) остатки армянского народа в Закавказье, “намерение (*Absicht*) турок... уморить голодом весь армянский народ стало очевидным” (*liegt klar zu Tage*).⁵ “Если исходить из тех докладов и информации, которые доходят до меня здесь, в Тбилиси [Тифлис, Грузия], вряд ли можно усомниться в том, что турки систематично движутся к своей цели... уничтожить те несколько сотен тысяч армян, которых они до сих пор оставили в живых”. (*die Türken systematisch darauf ausgehen ... auszurotten*).⁷

Фридрих Фрейгер Кресс фон Крессенштейн, генерал-майор, июль 1914 г. — командовал военными операциями; служил в турецком генеральном штабе; позднее стал начальником штаба турецкой IV армии в Сирии и Палестине; с сентября 1917 г. — главнокомандующий 8 армией в Палестине; июнь 1918 г. — руководитель имперской делегации Германии на Кавказе:

“Нацеленность турецкой политики на то, чтобы, уморив голодом, полностью уничтожить армян, абсолютно доказана, если, конечно, все еще нужно доказывать, кто несет ответственность за это массовое истребление [*ein zu augenfälliger Beweis für den Vernichtungswillen der Türkei gegenüber dem armenischen Element... als dass noch Zweifel darüber bestehen konnten auf wen die Massakres zurückzuführen sind*].⁷ Намерение турок... совершенно очевидно. Турецкий генерал Эсад без всяких обоснованных причин отказался от моей помощи. Принципы гуманности настоятельно требуют, чтобы центральные державы оказали на турок сильное давление.⁸ Турецкая антиармянская политика со всей очевидностью обнаруживает себя [*zeichnet sich klar ab*]. Турки отнюдь не отказались от своего намерения уничтожить армян [*ihre Absicht... auszurotten*]. Они всего лишь изменили

свою тактику. Там, где это возможно, армян поднимают на ноги и провоцируют в надежде создать предлог для нового нападения на них” [*Man reizt die Armenier, wo nur irgend möglich, man provoziert sie in der Hoffnung dadurch einen Vorwand zu neuen Angriffen... zu erhalten*].⁹

О том, какое воздействие оказали на генерала сцены депортации, очевидцем которых он стал во время своей поездки с командующим IV армией Джемалом-пашой, будучи начальником его штаба, рассказал посол Меттерних на основании полученного от него письма, в котором генерал говорил о том, что “воспоминания о страшных сценах армянских ужасов” скорее всего останутся с ним до конца его жизни (*die schauerhaften Bilder des Armenierelends ihn wohl sein Leben lang nicht verlassen würde*).¹⁰ В последовавшем за этим обширном докладе генерал Кресс подчеркивал, что в рапортах, отправленных столичному начальству, турецкие военные и гражданские власти прибегали к “бессовестным” методам дезинформации об армянах. Он с презрением отмечал использование таких клише, как “военная необходимость”, “угроза нашим путям сообщения и снабжения” и “других предлогов такого же рода”, которые, как он утверждал в своем докладе, приводились для того, чтобы “оправдать убийство тысяч человеческих существ”. В приложенной декларации, подписанной также служившим на Кавказе австрийским дипломатом Георгом Фрейхером фон Франкенштейном, турецким генералам Эсаду, Шефки и брату военного министра Нури делается выговор в связи с распространением “искаженной информации” (*entstellte Meldungen*) о Российской Армении. “Вероломство [*Hinterhältigkeit*] генерала Эсада было обнаружено, когда выяснилось, что его разъяснения о том, что армянские беженцы могли вернуться, не опасаясь быть вырезанными, оказались лживыми” (*unwahr*).¹¹

Эрнст Паракин, подполковник, начальник штаба генерала Халиля (Кут), Главнокомандующего группы армий Восток:

В его докладе о резне в Баку 15-17 сентября 1918 г. в высшей степени осуждающей форме говорится об истреблении армян Турции, а затем и резне бакинских армян. В последней Паракин особенно обвинял турецких военных командиров, а именно: генерала Нури, двадцатисемилетнего брата Энвера, который, будучи главнокомандующим исламской армией, вместе со своим дядей, генералом Халилем, вошел в Баку и оккупировал его. Согласно Паракину, турецкий генерал Мюрсел, командир пятой дивизии, который руководил укреплениями города Баку, поствил его в известность о планах та-

тар уничтожить армян Баку, как только город будет захвачен турецкой армией. Только после трех дней безжалостной резни турецкий командующий и брат военного министра Энвера Нури, получив предостережение от Паракина, ввел военное положение. Турецкое командование действительно дало татарам возможность отомстить. Это предлагалось открыто и постоянно [*die vielfach offen ausgesprochene Ansicht*]. “О планируемой кровавой бойне [*Gemetzel*] предсказывали еще за несколько недель, и она не имела абсолютно никакого отношения к тактическим фазам” военных операций [*ohne jeden Zusammenhang mit taktischen Vorgängen*]. То, что эта резня имела место, было подтверждено и турецким майором, который, вернувшись из инспекционной поездки 17 сентября 1918 г., сказал немецкому начальнику штаба: “Вы правы. В городе было ужасно. Никто не может отрицать этого” [*... ist es schrecklich zugegangen. Man kann es nicht leugnen*]. В связи со своими протестами по поводу резни в Баку Паракин в конце концов был освобожден Халилем от занимаемой должности.

После войны подполковник Паракин опубликовал статью в двух частях в издаваемой в Берлине немецкой газете. Приводим отрывок из первой части:

С лицемерным негодованием [*geheuchelter Entrüstung*] турецкое правительство отрицает все свои варварские действия, совершенные в отношении армян. Эвакуация русских из Анатолии предоставила долгожданную возможность вычистить и российских армян... Кампания по полному уничтожению армян прошла... с неумолимой безжалостностью.¹²

Примечательно, что др. Бехаеддин Шакир, глава отделения Специальной организации Восток и один из основных авторов геноцида армян во время Первой мировой войны, действовал в качестве главного начальника полиции в рядах армии Халиля, которая в сентябре 1918 г. захватила Баку, дав начало резне армянского населения города, продолжавшейся с 15 по 17 сентября.¹³

Эрих Людендорф, генерал, начальник штаба Германского Верховного командования (1916-1918гг.).

Турция погрузилась в убийственную и грабительскую войну (*Mord und Beutekrieg*) на Кавказе.¹⁴

Поль фон Гинденбург, генерал-фельдмаршал, начальник штаба Германского Верховного командования (1916-1918 гг.):

Чудовищные события... которые происходили по всей территории Османской империи, а к концу войны — и в армянской части Закавказья... [они] определялись турками как исключительно внутреннее дело...¹⁵

Другие мнения

Кюльманн. Министр иностранных дел:

После совещания на высшем уровне в Берлине Кюльманн направил в Генштаб и послу Германии в Турции сообщение, в котором, в частности, говорилось: “Информация, предоставленная нам абсолютно надежным нашим агентом... свидетельствует о том, что, нарушая свои обещания, турки систематично следуют своему плану уничтожения армян на Кавказе...” [*die Vernichtung planmässig betreiben*].¹⁶

Свидетельства австрийцев

Австрийский посол в Германии Гогенлоэ министру иностранных дел Австрии Буриану:

Согласно донесениям, “Турция хочет аннексировать весь Кавказ и уничтожить армян [*ausrotten*] всеми возможными способами; массовые убийства и кровопролития считаются в порядке вещей”.¹⁷

Австрийский военный атташе и уполномоченный в Турции вице-маршал Помианковски начальнику Австрийского Генштаба:

Если так будет продолжаться и дальше, нам придется защищать армян на Кавказе не только от массовых убийств, но и от голода...¹⁸

Политическое подстрекательство военных

Свидетельства о том, что турецкие генералы играли роль инструмента во всеобщем истреблении армян как внутри, так и вне Турции, поднимают в этой связи вопрос о власти и полномочиях. Очевидно, что генералы по меньшей мере были в курсе генеральной политики истребления армян и чувствовали себя достаточно уверенно, чтобы быть настойчивыми в своих усилиях и в случае необходимости защищать себя, сталкиваясь с препятствиями или оппози-

цией. В этой связи ссора Паракина с Халилем по поводу варварских бесчинств, учиненных в городе Баку, и дерзкие ответы Халиля являются еще одним свидетельством почти безграничной власти этих генералов, находившихся под защитой партии. Если верить отчету Халиля, то он намекнул Паракину, что если тот не прекратит пререкаться, то сам рискует быть повешенным по решению военного суда.¹⁹ Насколько известно, это единственный случай за все время войны, когда высокопоставленный немецкий офицер, служивший начальником штаба турецкого генерала, нарушил установленные правила и бросил вызов своему военному начальству в ситуации не прекращавшейся резни армян. Угроза наказать немецкого офицера, предав его военному суду, красноречиво говорит о карьере генерала Халиля. По его собственному признанию, эта карьера отмечена верностью Иттихаду как политической партии, а также той огромной ролью, которую он сыграл в осуществлении массового уничтожения армян в предшествовавшие военные годы.²⁰ В ответ на обвинение, переданное ему британским капитаном, посетившим его в тюрьме Бекирага, где он вместе с другими высокопоставленными иттихадистами содержался под стражей в ожидании военного суда, Халиль в 1919 г. гордо и язвительно подтвердил в письменной форме, что число его жертв составляло “300 000 армян... Может, больше, а может, меньше — я не считал...”²¹ Летом 1918 г. в Ереване, столице Армении, он, хвастался перед армянской аудиторией: “Я прилагал все усилия, чтобы смести с лица земли весь армянский народ до последнего” (*Son ferdine kadar yok etmeye çalıştığım Ermeni milleti*).²²

Следует отметить, что преступления, совершенные во время войны генералом Али Ихсаном (Сабис), одним из командующих частями группы армий Восток, в определенной степени совпадали с тем, что делал генерал Халиль. Эти двое командовали 51-ой и 52-ой дивизиями соответственно. Все армяне, служившие при этих дивизиях, включая врачей и фармацевтов, были хладнокровно казнены. Позднее Ихсан принял командование сначала 13-ым, а затем 4-ым армейским корпусом (47-ая и 48-ая дивизии). В сентябре 1918 г., будучи командующим VI армией (2-ой и 14-ой дивизиями) Ихсан обрек на голод десятки тысяч армян, которые в результате погибли от истощения. Капеллан посольства Германии лейтенант фон Люттихау подробно рассказывает о наблюдениях, сделанных им за время длительной инспекционной поездки вглубь Турции. В своем докладе он подробно описывает зверства, учиненные генералом Али Ихсаном (Сабис). “Генерал А. Ихсан-паша без конца и умышленно

давал немцам понять, что в зоне своего командования не оставит в живых ни одного армянина”. Он похвалялся перед немецкими офицерами, что “убивал армян собственными руками” (*rühmte sich mit eigener Hand Armenier getötet zu haben*).²³ 8 марта 1919 г. французский консул в Тавризе, в свою очередь, докладывал: “Али Ихсан-паша, бывший командующий расположенным в Ване армейским корпусом, вошел в Тавриз в конце июня 1918 г. как главнокомандующий османскими военными силами в Азербайджане... Обращаясь к армянской делегации, он сказал приблизительно следующее: “Да будет известно, что, войдя в Хой, я убил всех армян региона, без различия возраста и пола...” Спустя несколько дней, во время приема армянского священника Нерсеса, паша сказал ему: “Я зарезал полмиллиона ваших единоверцев. Могу предложить вам чашку чая”.”²⁴

Из этих собранных фактов явствует не только наследственность геноцидальной роли в поведении ряда турецких генералов, но и очевидность того, что определенные последствия были обусловлены безнаказанностью, о чем речь пойдет в последней части 21-ой главы. Перед нами два генерала, один из которых дослужился в турецком Верховном командовании до должности Главнокомандующего групп армий. Как свидетельствуют очевидцы, оба они открыто кичились тем, что выполнили эту роль. Этот факт имеет существенное значение, поскольку объясняет, почему оказалось возможным повторить геноцид в Российской Армении, где массовое истребление было осуществлено под руководством людей с выдающимся рекордом совершенных прежде преступлений.

Понятие наследия не только подразумевает историческое прошлое, но и содержит идею продолжительности в определенном поведенческом характере людей, представленный определенными людьми. Безусловно, возможность сохранения этой модели поведения тесно связано с безнаказанностью, которой пользовались преступники. Если в уравнение не вносятся изменения — такие, например, как ослабление рычагов власти преступников или резкое изменение состояния жертвы в плане ее уязвимости, то импульс повторного совершения преступления остается достаточно сильным и приобретает потенциал, позволяющий ему в той или иной степени воспроизводить себя.²⁵ Как и во всех других, сравнимых с этой, ситуациях, актуализация наследия, т.е. критический переход от импульса к осуществлению, становится производной от обуславливающих ситуацию факторов, включающих определенные непредвиденные обстоятельства.

Примечание к главе 19

- 1 Vahakn N. Dadrian, "The Role of the Turkish Military in the Destruction of the Ottoman Armenians: A Study in Historical Continuities", *Journal of Political and Military Sociology* 20 (Winter, 1992); 257-288.
- 2 German Foreign Ministry Archives, A.A.Türkei 183/51, A20698, 15 мая 1918 г. Его первый рапорт.
- 3 A.A.Türkei 183/51, A21877, 23 мая 1918 г.
- 4 *Deutsches Zentralarchiv* (Potsdam), Bestand Reichskanzlei No. 2458/9, Blatt 202, рапорт от 3 июня 1918, с.2.
- 5 A.A.Türkei 183/53/ A32123, 10 июля 1918 г.
- 6 A.A.Türkei 183/53/ A31345, 11 июля 1918 г.
- 7 A.A.Türkei 158/20, A31679, 13 июля 1918 г.
- 8 *Deutsches*, [n.4] Blatt 287, 31 июля 1918.
- 9 A.A.Türkei 183/54, A34707, 5 августа 1918 г.
- 10 A.A.Türkei 183/40, A36483.
- 11 A.A.Türkei 183/54, A39244, 3 сентября 1918 г.
- 12 Подробности о резне в Баку, представленные Паракиным, см. в A.A.Türkei 183/54, 26 сентября 1918 г. Рапорт генералу Сикту, начальнику штаба османского верховного командования. Второе заявление относительно распространения геноцида на Российскую Армению см. в "Politik im Orient", *Berliner Tageblatt*. В двух частях – от 24 и 28 января 1920. Приведенный фрагмент из выпуска от 24 января. Их краткое содержание см. в A.A.Türkei 158/24, A1373.
- 13 Murat Çulcu, *Ermeni Entrikalarinin Perde Arkasi "Torlakyan Davasi"* (Istanbul, 1990), 240. Подтверждая, что Шакир был начальником бакинской полиции в дни, последовавшие "освобождению" этого города 15 сентября 1918 г., другой турецкий хроникер приводит некоторые дополнительные данные. Сообщив о том, что, прожив на Кавказе около двух с половиной лет, он достаточно хорошо узнал азербайджанцев, этот автор отмечает, что из всех турок, с которыми общались азербайджанцы, больше всего они любили д-ра Б.Шакира и его соратника Нури-пашу, верховного правителя Баку в тот период. Muhittin Birgen, "Bizimkiler ve Azerbaycan" (Наш народ и Азербайджан), *Yakin Tarihimiz*, 2 (1962):158. Учитывая решающую роль Шакира в разработке, организации и осуществлении геноцида армян в османской Турции в годы Первой мировой войны, его вступление в Баку с армиями двух основных командующих – Халиля и Нури, дяди и брата военного министра Энвера, указывает, если не доказывает, что Иттихад принял решение осуществить геноцид армян и за пределами Турции. Иначе возникает справедливый вопрос: что делал турецкий врач в Азербайджане и какие профессиональные навыки мог использовать врач, действуя в качестве начальника полиции? Ответ, конечно же, следует искать в результатах его недолговременного пребывания в должности начальника полиции – в зверской резне армянского населения этого города, сопровождавшейся разграблением имущества и собственности жертв. (Более подробно об этом см. Примечание 20).
- 14 Erich Ludendorff, *Urkunden der Obersten Heeresleitung über ihre Tätigkeit. 1916-18 (Документы Верховного командования о его деятельности 1916-18)*. (Berlin, 1922), 500.
- 15 Paul von Hindenburg, *Aus Meinem Leben*. (Leipzig, 1934), 168.
- 16 A.A.Türkei 183/51, A28533, No. 1178, 3 июня 1918 г.
- 17 *Austrian Foreign Ministry Archives* (Vienna), 10 Russland/155, No. 61/P.A., 29 мая 1918.
- 18 Там же, *Kriegsarchiv*, KM. Präs, 47/ -I/26-1917, 20 августа 1918.

- 19 Halil Paşa, *Ittihad ve Terakki'den Cumhuriyete: Bitmeyen Savaş* (От Иттихада до республики. Бесконечная борьба), m.Taylan-Sorgun, ed. (Istanbul, 1972), 229.
- 20 Халиль начал свою карьеру в годы Первой мировой войны как военный губернатор османской столицы (*merkez kumandan*). В декабре 1914 г. военный министр Энвер, который был его племянником, попросил его сформировать пятый экспедиционный корпус для вторжения на Кавказ через Иран; план состоял в том, чтобы на пути осуществления мечты иттихадистов о великом Туране помочь окружить и разбить российскую Кавказскую армию. Эта попытка с треском провалилась в основном из-за поражения при Дилмане, который обороняли армянские добровольцы под командованием легендарного героя Андраника, и Халиль летом 1915 г. отступил к провинциям Ван и Битлис. Последовавшее за этим массовое истребление огромного количества армян этих провинций отличалось особой жестокостью: жертв не депортировали, а вырезали недалеко от своих городов и деревень. Взяв на себя командование правым флангом III армии в состав которой входили 51-я и 52-я дивизии (бывшие 1-й и 5-й экспедиционные корпуса) и жандармская дивизия Вана, Халиль при активной поддержке губернаторов этих провинций летом 1915 г. взял на себя инициативу осуществления этого кровопролития. Позднее он взял на себя командование 18-ым армейским корпусом, в состав которого снова вошли 51-я и 52-я дивизии. В январе 1916 г. Халиль стал командующим 6-ой армией в Ираке. Наконец, летом 1918 г. он получил продвижение по службе и был назначен главнокомандующим группы армий Восток, которая двинулась на Кавказ и оставалась там вплоть до перемирия. В течение всего этого периода (1916-1918) Халиль, действуя согласно замыслу своего начальника штаба подполковника Васфи Басри, систематично уничтожал армянское население областей, которые оказывались под его контролем; особенно методично он убивал армянских офицеров и солдат, служивших в его частях, включая военнопленных солдат и офицеров российской Кавказской армии.
- 21 Halil, *Ittihad...*[n.19], 274.
- 22 Там же, 241. Действия Халиля, направленные на осуществление геноцида, независимо друг от друга подтверждают следующие источники. *German Foreign Ministry Archives. A.A.Botschaft Konstantinopel*, vol. 171, No. 60. Рапорт вице-консула Германии в Мусуле Гольштейна от 4 ноября 1915 г.: "Полковник из штаба Халиля [по-видимому, начальник его штаба Басри – В.Н.Д.] только что сказал мне, что армяне Мусула тоже должны быть вырезаны... войска Халиля уже учинили массовую резню на севере". Рапорт вице-консула Германии Шёбнера Рихтера в Берлин от 4 декабря 1915 г.: "Военная экспедиция Халиля на северный Иран повлекла за собой резню его армянского и сирийского батальонов..." A.A.Türkei 183/45, A33457.
- 23 A.A.Türkei 183/54, A44066, pp.12-13, лето 1918 г., 20-страничный доклад.
- 24 *French Foreign Ministry Archives, Series E Levant 1918-1940. Arménie 4. 1919 (folios 41-42)*. Та же выдержка приведена в Etienne Radar, "La question arménienne reste ouverte", *Etudes* (август-сентябрь 1970):208. Согласно издававшейся в Стамбуле в период перемирия ежедневной франкоязычной газете *Renaissance* от 14 января 1919, генерал Ихсан в зоне командования VI армии убил 10 000 солдат-христиан строительного батальона.
- 25 Американский психолог следующим образом объясняет вероятность повторения геноцида: "Общество, которое не признает совершенных им зверств и не пытается разобраться с собственной бесчеловечностью, скорее всего продолжит или повторит эти действия". Ervin Staub, *The Roots of Evil, The Origins of Genocide and Other Group Violence* (Cambridge, MA, 1989), 187.

Глава 20*

Кемалисты наносят удар
Российской Армении

Массовые убийства армян явились важным фактом Первой мировой войны, узнав о котором победоносные союзники публично обязались после войны осудить преступление и наказать тех, кто нес за него ответственность. Масштабы приобретшего характер геноцида массового уничтожения и вытекающих из этого огромных материальных потерь были такими, что армяне позволили себе лелеять надежды относительно получения возмещения от побежденной Турции. Эти радужные надежды включали и возможное присоединение к новорожденной Армянской Республике больших частей турецкой территории. Под этими территориями подразумевались те провинции восточной Турции, которые были преимущественно населены армянами, уничтоженными во время войны именно для того, чтобы раз и навсегда покончить со всеми предполагаемыми армянскими притязаниями создать из этих провинций новую Армению и тем самым заново благословить эти земли как священное лоно древней армянской нации. Многие государственные деятели из лагеря союзников во главе с президентом США Вильсоном: лорд Керзон из Великобритании, Александр Мильеран и Филипп Бертело – премьер-министр и министр иностранных дел Франции, соответственно, положительно относились к такому переделу границ, в особенности в том, что касалось главного приза – провинции Эрзрум. На самом деле, принятый 10 августа 1920 г. Севрский договор допускал такую Армению, которая должна была связать восточную Турцию с Кавказом; этим договором Вильсон был уполномочен провести окончательные границы, что он и сделал в конце ноября 1920 г., создав большую Армению, которая среди прочих провинций и округов должна была включить в себя также Эрзрум, Ерзнка и черноморский портовый город Трапезунд.

По утверждению иттихадистского публициста, именно для того, чтобы избежать подобных развитий, иттихадисты прибегли к массовым убийствам в

этих регионах.¹ Стремление предотвратить претворение в жизнь плана создания новой расширенной Армении явилось тем основным мотивом, который вызвал к жизни, сформировал и окончательно направил восстание кемалистов. И хотя это движение широко поддерживалось довольно большой группой иттихадистов – гражданскими и военными лицами и прежде всего деятелями Специальной организации, которые, будучи *prima facie* подозреваемыми по делу имевшего место во время войны геноцида, видели в кемализме защиту и прибежище, все это было лишь частью общей картины. Гораздо более существенное значение имело то, что лидеры кемалистского движения руководствовались теми же националистическими мотивами, которые довели иттихадистов до совершения геноцида: необходимо было во что бы то ни стало предотвратить потерю восточных провинций, считавшихся сердцем Турции.

Секретный приказ Анкары о “физическом уничтожении Армении”

Кемалистское восстание не только было предпринято, организовано и направлено генералами – выпускниками турецкой военной академии (*колледж по подготовке кадровых офицеров Харбие*), но и опиралось на остатки армейских корпусов турецкой армии, которым предстояло обновить свой состав и реорганизоваться в армию освобождения. Все началось в Эрзруме, в восточной Турции, где в мае 1919 г. генерал Карабекир, как командующий 15-ым армейским корпусом (бывшая IX армия), создал свой новый штаб. Сразу вслед за этим началась подготовка к наступлению, и первой мишенью, конечно же, была новорожденная Армянская республика, поскольку ожидалось, что она должна была выиграть от условий Севрского мирного договора. Этот договор был в какой-то степени навязан правительству султана, представлявшему побежденную Турцию. Спустя шесть недель началось наступление на Армению, хотя до этого, в 1920 году, Мустафа Кемаль трижды запрещал своему подчиненному, генералу Карабекиру начинать его, опасаясь, что нападение на Армению может превратиться в “новую резню армян” (*yeniden bir Ermeni kitali demek olan bu hareket*), в результате чего “весь христианский мир и в особенности Америка ополчатся против нас”.² Однако убедившись в маловероятности столь враждебной реакции, он в конце концов дал Карабекиру разрешение на наступление. Плохо оснащенная, непрофессиональная и неподготовленная новоиспеченная армия новоявленной Армянской республики не могла выдер-

* Примечания к данной главе начинаются на странице 474.

жать натиска вторжения. 6 ноября в ответ на просьбу уже довольно шаткого правительства Армении о перемирии генерал Карабекир передал армянам свои условия. Однако в связи с полученными из Анкары указаниями он был вынужден отказаться от своих условий, хотя за день до этого армяне приняли их; эти указания содержали новые, нарочито жесткие условия, чтобы исключить их принятие. После того, как 10 ноября армяне, как и предполагалось, отвергли эти новые условия, генерал Карабекир возобновил военную кампанию, нацелившись на столицу Армении Ереван³ и вынудив армян во второй раз просить о перемирии. На этот раз они попали в капкан нового и снова нацеленного на геноцид преступного умысла, на что безошибочно указывает недавно найденный официальный документ, исходящий от министра иностранных дел Кемалистского правительства. Будучи отголоском геноцидальных планов предыдущего режима иттихадистов, этот документ представлял собой новую схему геноцида, теперь уже направленного против российских армян Закавказья.

Вот основные компоненты этого нового преступного умысла. Во-первых, посредством следующих утверждений подготавливалась почва для оправдания преступления:

Благодаря положениям Севрского договора, Армения получит возможность отрезать Турцию от Востока. Вместе с Грецией она будет препятствовать общему развитию Турции. Далее, находясь в центре великой исламской периферии, она никогда добровольно не откажется от предназначенной для нее роли деспотичного жандарма и никогда не объединит свою судьбу с судьбой Турции и ислама.

После перечисления этих обоснований сообщалось следующее решение. “Посему Армении необходимо уничтожить как политически, так и физически” (*siyaseten ve maddeten ortadan kaldirmak*)⁴. Затем генералу давались указания относительно методов, которые ему надлежало применить:

Так как достижение этой цели зависит от [ограничений] нашей власти и общей политической ситуации, необходимо приспособляться при приведении в исполнение вышеуказанного решения [*tevfiki icraat*]. Наш уход из Армении в рамках мирного урегулирования исключается. Скорее всего нужно будет прибегнуть к внешне миролюбивому образу действий, который обманет армян [*Ermenileri igfal*] и одурачит европейцев. На самом же деле [*fakat hakikatde*] все это делается для того, чтобы шаг за шагом продвигать-

ся к [указанной выше]... цели. Необходимо пустить в ход туманные и сладкозвучные слова [*mubhem ve mulâyim*] при обсуждении и применении мирных условий, при этом постоянно сохраняя видимость миролюбивого отношения к армянам.

Шифровка заканчивается наказом: “...Эти инструкции отражают истинное намерение [*makasidi hakikiyesi*] кабинета. К ним нужно относиться как к секрету, и они предназначены только для ваших глаз”⁴.

Один только этот официальный документ дает сжатое представление о наиболее характерных особенностях установленной преемственности геноцидальной политики, изучению которой было посвящено данное исследование. Обращение иттихадистов в годы Первой мировой войны к наследственной модели геноцида очевидно и может быть описано следующим образом.

1. Принятие решения о резне было вынесено на самом высоком уровне исполнительной власти, включая коллективные обсуждения, кристаллизацию плана геноцида, санкционирование способов истребления и стандартное обоснование с целью создания видимости законности решения.
2. Использование возможностей, предоставленных войной, в особенности военных механизмов как наиболее удобного инструмента уничтожения и как эффективной системы управления; оптимальная мобилизация ресурсов под предлогом чрезвычайных нужд нации; апелляция к “военной необходимости” как к неоспоримому обоснованию, дающему право на применение радикальных мер.
3. Усилия, направленные на сокрытие уличающего доказательного материала, свидетельствовавшего о секретной цели уничтожения. Основной причиной этого была необходимость уничтожить все, что могло стать основанием для послевоенных обвинений в преступных действиях. Документ предлагал использовать классическую уловку: загнать население-жертву в ловушку и усыпить его бдительность, создав видимость безопасности.
4. Использование ухищрений выдвигает на первый план еще одну важнейшую черту обсуждаемой здесь традиции совершения геноцида. Под “предлогом” (*vesile*) защиты прав азербайджанцев, которые связаны с турками этническими и религиозными узами, генералу было предложено: силой занять всю территорию Армении; временно определить армянские границы таким образом, чтобы “под предлогом защиты прав мусульманских мень-

шинств постоянно иметь возможность для осуществления вмешательства [с нашей стороны]” (*hukuku muhafaza vesilesiyle daimi müdahaleye zemin*); и разрушить армян, в то же время “постепенно вооружая турок этой территории, добиться объединения востока и запада в области и сделать Азербайджан независимым турецким государством, создав национальную силовую структуру”.⁵

5. Севрский договор, который 10 августа 1920 г. подписало османское правительство, но не сумело ратифицировать, упоминался в шифровке как большое место Турции и ее будущего. Как и Берлинский договор 1878 г., Севрский представлял собой попытку улучшить положение армян, однако на деле он привел к еще большим невзгодам. Сколь бы запоздалыми и заслуженными ни казались армянам условия этого договора, содержащиеся в нем обещания вернуть армянам значительную часть исторической Армении возродили в них безумную надежду и ирредентистские устремления. Слишком сильно поверив в решимость победивших союзников претворить в жизнь условия договора, Армянская Республика всего лишь через два года после геноцида во время Первой мировой войны снова стала жертвой превратностей международной политики.

Рождение этого документа совпадает по времени с падением кабинета Дамада Ферита, представлявшего правительство султана в Стамбуле, которое предприняло преследование авторов геноцида армян. С этого времени процесс разбирательства в военных судах существенно замедлился и постепенно прекратился. Это был период, когда национализм, вспыхнувший в ответ на разрушительные последствия военного поражения, всячески подрывал устои карательного правосудия в рамках действовавшего внутри страны закона. Пассивное отношение победивших союзников к становившемуся все более очевидным судебному фиаско было соразмерно их нежеланию, применив силу, спасти оказавшуюся в опасности Армению. Как язвительно заметил Казимзаде, “пока Армения умирала от турецких ударов, западные державы, которые дали ей столько обещаний о помощи и поддержке, просто обсуждали ее судьбу во время первого общего собрания Лиги Наций, [однако] поражение и советизация уже решили судьбу Армении ...”⁶ Гельмрих также отмечал, что, “несмотря на пылкие заявления, ни одно из европейских государств никогда не намеревалось серьезно заняться Арменией. И теперь, очутившись, наконец, перед необходимостью принять решение, они холодно и безжалостно оттолкнули армян

и их новорожденное государство”.⁷ На деле вынесенное в Анкаре решение уничтожить Армению явилось результатом долгих обсуждений, которые привели к выводу о маловероятности вмешательства Англии или какой-либо другой союзной державы в защиту Армении.⁸

Однако в последний момент вступление в Армению находившейся рядом 11-ой Красной армии разрушило план турецкого правительства нанести последний удар по остаткам армянского народа. В кратчайшие сроки сразу после турецкой военной победы, советизировав Армению, эта армия предотвратила исчезновение армянского народа, которое было почти свершившимся фактом. И все же советские армянские источники предоставили доказательства широкомасштабных разрушений в области Александрополя (до недавнего времени называвшегося Лениканом, затем переименованного в Гюмри. Именно здесь 7 декабря 1988 г. произошло армянское землетрясение), которая оставалась под турецкой оккупацией еще пять месяцев, пока предъявленный Советами ультиматум не положил ей конец.

О масштабах этого малого геноцида свидетельствуют многие источники. В телеграмме, отправленной в июне 1921 г. советским министром иностранных дел К.В. Чичериным Александру Мясникяну, председателю Совета народных комиссаров Советской Армении, был представлен следующий список человеческих потерь, понесенных за время оккупации Александрополя и его окрестностей турецкими войсками:

Общее число убитых турками достигло 60 000, из которых 30 000 составляют мужчины, 15 000 – женщины, 5 000 – дети, 10 000 – молодые девушки. Из 38 000 раненых 20 000 составляют мужчины, 10 000 – женщины, 5 000 – молодые девушки и 3 000 – дети. Около 18 000 были уведены в качестве пленных. Выжили только 2 000; остальные умерли либо от голода, либо от болезней, либо от меча.⁹

В своих воспоминаниях британский офицер, подполковник Роулинсон представляет некоторые подробности судьбы этих восемнадцати тысяч людей, большинство из которых были отправлены в Эрзрум в восточной Турции в качестве военнопленных. Подполковник был взят в плен в этом городе и содержался как заложник для последующего обмена на турок, которые в качестве военных преступников находились в британском заключении на Мальте.

Покидая наши старые казармы, мы впервые увидели “армянских пленных”. Те, кого мы увидели, использовались как рабочие (правильнее будет сказать рабы), и даже меня, привыкшего видеть голод, нужду и всевозможные лишения, вид этих мужчин даже тогда вверг меня в шок, какого я никогда прежде не испытывал; и пока я жив, буду помнить об этом. Тогда была середина зимы, повсюду было много снега, а сила и температура арктического ветра были неопишуты; несмотря на это, эти жалкие призраки были одеты, если можно так сказать об их состоянии, в самые отвратительные и грязные, вшивые лохмотья, из которых отовсюду торчали одни кости; казалось невозможным, что доведенные до столь крайнего состояния люди могли выжить.

Подполковник заключил, что “уничтожение” армян являлось основной целью, которая “есть и всегда была в основе тщательно продуманной политики турецкого правительства”.¹⁰

В одном из документов министерства иностранных дел бывшего СССР отмечается, что армянское население Карса и Александрополя стало жертвой двойной кампании по уничтожению: посредством “массового истребления”, с одной стороны, и через голодную смерть в результате “полного экономического разорения” — с другой. Армяне “десятков городов в различных регионах Армении были преданы мечу”.¹¹ В другом документе, предоставленном Академией наук бывшей Армянской Советской Республики, можно прочитать следующее: “Они заставляют родителей отдавать этим палачам своих восьмилетних дочерей и 20-25-летних сыновей. Они насилуют девочек и убивают юношей, и все это на глазах их родителей. Так они ведут себя во всех городах. Молодые девушки и женщины до 40 лет похищаются... Эти города полностью обезлюдели. Ситуация беспрецедентна — ее невозможно описать”.¹² Ключ к пониманию того, чем были обусловлены такой масштаб и такая жестокость истребления, можно найти в документе из центральных архивов бывшей Армянской ССР, где говорится о том, что задача по истреблению армян была в основном возложена на “*çetes* и нерегулярные подразделения”, которые преимущественно состояли из выпущенных из тюрем преступников. В одном “округе Олти” таких “бойцов нерегулярных подразделений” было “около 1000”, а в Бартусском и Отлийском округах было задействовано “4 500 регулярных солдат и от 3000 до 3500 нерегулярных”.¹³ Размеры не прекращавшегося уничтожения населения и материальных разрушений были такими, что министр иностранных дел новорожденной Армянской Республики А. А. Бекзаян, отка-

завшись от смехотворных заявлений о “братстве”, коими изобиловали речи как большевиков, так и кемалистов, предъявил Анкаре три резкие ноты протеста. В них он обвинял турок в проведении “старой политики непримиримой вражды по отношению к Армении”, в результате которой, как он заявлял, турецкая армия опустошает и разоряет страну, где “насилие и убийства”, а также “организованный грабеж и настоящая резня” стали “всеобщим явлением”.¹⁴ Советская Историческая Энциклопедия 1961 г. издания приводит следующие данные относительно понесенных армянами потерь:

... по неполным данным, число жертв только на тех территориях, оккупированных турками в результате турецко-армянской войны, приближалось к 198 000 жизней, [а] потери в результате уничтожения и присвоения турками собственности составили около восемнадцати миллионов в золотых рублях.¹⁵

Бывшие иттихадистские главари снова задействованы

План уничтожения Российской Армении возник в результате взаимодействия ряда факторов, стимулировавших мятежное кемалистское движение сразу после поражения Турции в октябре 1918 г. Акты мести, совершенные группами армянских добровольцев, при всей своей ограниченности все же явились достаточным фактором, чтобы вселить страх в сердца множества турок, все еще живших под угрозой войны в восточных провинциях. Эти “мстители” остались от контингента армянских войск, которые в начале войны входили в состав российской Кавказской армии; в основном это были турецкие армяне, которые по возвращении в Турцию нашли свои деревни и дома в руинах, а семьи бесследно исчезнувшими. Другим фактором явилось появление на Парижской мирной конференции Армянской Республики в качестве стороны, предъявляющей требования, что во многом указывало на готовность принять армянские территориальные притязания, выдвинув их побежденной Турции. Однако с точки зрения приведения в действие кемалистского мятежного движения и создания ядра организации, необходимо учитывать намного более важный фактор. Речь, конечно же, идет об оставшихся лидерах Специальной организации, сыгравшей важнейшую роль в кампании по уничтожению армянского народа во время войны. Как станет очевидно из нижеследующего, все массовые убийства, грабежи и акты насилия, совершенные после того, как

осенью 1920 г. Восточная армия, т.е. 15-ый армейский корпус генерала Карабекира, захватила Армению, были в значительной степени делом рук частей Специальной организации, которыми еще в военное время руководили многие ее главари, каким-то образом внедрившиеся в кемалистское движение под новым знаменем поспешного патриотизма.

Однако, несмотря на торжественные заверения в преданности, среди мотивов побудивших их присоединиться к кемалистскому движению, не последнее место занимал инстинкт самосохранения, заставивший их искать убежище и защиту, которые могло обеспечить им это движение. Дело в том, что некоторые из этих лидеров были «лицами, скрывавшимися от правосудия.» Правительство султана в Константинополе через Специальный военный трибунал выдало ордера на их арест; они должны были предстать перед судом по обвинению в соучастии в преступлениях, связанных с «депортацией и массовым уничтожением армян» (*tehcir ve taktil*). Есть множество свидетельств того, что вторжение в Армению рассматривалось не только как военная кампания, но и как политическое предприятие с целью нанесения *coup de grâce* по тому, что осталось от армянского народа. Особую важность представляет то, что, согласно существующим свидетельствам, вторжение было в основном задумано деятелями этой Специальной организации, в частности, Эйублу «Дели» Халидом (Карсиалан), одним из основных палачей армянского населения восточной Турции. Один из бывших главарей Специальной организации Халид, будучи практически необразованным человеком,¹⁶ являлся командующим 9-ой дивизией, одной из четырех дивизий Восточной армии, которая вторглась в Армению. Согласно хорошо осведомленному об этом вторжении источнику, Халид был одним из тех организаторов вторжения, от талантов которого успех этого вторжения зависел больше, чем от способностей главнокомандующего Карабекира.¹⁷

Готовность Мустафы Кемалья и некоторых членов его свиты принять в свои ряды бывших агентов Специальной организации, вероятнее всего, следует объяснять как симбиоз. Обе стороны нуждались друг в друге и поэтому использовали друг друга, прикрываясь патриотизмом, при этом Кемаль проявлял большую осмотрительность: в противном случае его заверения в том, что он желал отмежеваться сам и дистанцировать свое движение от бывших иттихадистов, были бы разоблачены. Более того, существовала также проблема балласта прежних преданностей. Учитывая этот факт, Кемаль был готов в опре-

деленной степени воспользоваться старыми иттихадистами, однако при жестком условии, что те сделают свой выбор и определятся с тем, кому они преданы на самом деле – ему или таким прожженным лидерам, как Энвер и Талеат. Именно по этой причине поначалу кемалисты относились ко многим коллаборационистам с определенной долей подозрительности, видя в них потенциальных троянских коней. Особая изворотливость проявлялась по отношению к Дели Халиду и полковнику Сейфи (Дюзглрен), начальнику второго управления (разведка) в османском Генштабе – по причине их прежней связи с Энвером.¹⁸

Однако, несмотря на эти беспокойства кемалистов, их все еще сохранившийся симбиоз выполнил свою роль как во время мятежа, так и после него. На уровне словесной и моральной поддержки этот симбиоз распространился даже на таких столпов Специальной организации и основных лидеров партии Иттихад, как Талеат, Энвер и др. Бежаедин Шакир. Эти люди личными письмами поощряли Мустафу Кемалья и Кязима Карабекира в их кампании по спасению Турции от опасностей военного поражения, которое она потерпела в конце Первой мировой войны.

Подстрекательства иттихадистских главарей

Генерал Карабекир больше, чем кто-либо, неустанно настаивал на окончательном военном разрешении проблем, связанных с Арменией, к чему он готовился с момента своего прибытия в Эрзрум 13 марта 1919 г. Вскоре после этого, т.е. 3 апреля, 9-ая армия генерала Якуба Шефки была расформирована и реорганизована в 15-ый армейский корпус, в состав которого вошли 3-ая, 9-ая и 11-ая кавказские армейские корпуса и 12-ая дивизия. В военную зону действия 15-го армейского корпуса, расквартированного в Эрзруме, входили провинции Трапезунд, Эрзрум и Ван. После предъявленных в течение шести месяцев 1920 г. четырех настоятельных просьб дать ему разрешение вторгнуться в Армению, 28 сентября генерал Карабекир наконец получил разрешение из Анкары и без официального объявления войны начал военную кампанию против Армении. В течение двух месяцев Армения была разгромлена и вынуждена подписать Александропольский (Гюмри) мирный договор. Все это происходило при молчаливой поддержке военного министерства действующего правительства султана в османской столице, некоторые высокопоставлен-

штабные офицеры которого тайно поддерживали связь с генералами кемалистского движения. Это была первая дерзкая внешняя военная кампания кемалистов, и как таковая она явилась суровым испытанием для вызова, брошенного кемалистами победоносным союзникам, которые взялись за дело Армении. Невзирая на это, три иттихадистских лидера и основных руководителей Специальной организации, бежавшие из Турции в конце войны, одновременно обратились к генералу Карабекиру с тремя отдельными письмами, призывая кемалистов не колеблясь и не медля идти в наступление на Армению.

Первые два письма были отправлены из Берлина Талеатом и Энвером приблизительно в середине весны 1920 г. Заявив в том, что Армении вряд ли стоило ждать от кого-либо помощи, Талеат призывал: “Мой дорогой Карабеккир, если ваши военные приготовления завершились, начинайте нападение”.¹⁹ Вскоре после этого генерал получил второе письмо, на этот раз написанное Энвером, который в то время гостил в доме у Талеата. Вслед за описанием того, как он, Энвер, во время войны через Патриарха армян предостерег их вести себя как подобает, он тоже призывал: “Мой дорогой [azizim] Карабеккир, я объяснил вам все это для того, чтобы ваша совесть не была отягощена муками во время военной операции, которую вы собираетесь начать, стремясь сохранить целостность страны. Жду с нетерпением новостей о вашей победе...”²⁰ Третье письмо, датированное 4 июня 1920 г. и отправленное из Москвы, было написано др. Бехаедином Шакиром. Одним из тех кому, было адресовано это письмо, был его бывший друг полковник Рюштю, командующий 3-ей дивизией Трапезунда. Во время военной кампании против Армении Рюштю получил продвижение по службе и был назначен на должность заместителя командующего 15-ым армейским корпусом в Сарикамышском секторе фронта, а после захвата Карсской крепости стал её комендантом. Другим адресатом этого письма был Филибели Хилми, известный своей дурной репутацией иттихадистский федаи, заместитель начальника восточного отделения Специальной организации, служивший под непосредственным начальством Шакира. В то время Хилми был депутатом в кемалистском Национальном собрании, представляя Ардаган; он агитировал за возвращение в Турцию бывшего военного министра Энвера и его сподвижников, чтобы восстановить иттихадистский контроль над истерзанной войной Турцией.²¹ Подобно двум другим иттихадистским лидерам, Шакир призывал кемалистов идти в наступление “решиительно и сурово” (*azim ve şiddetle*), иначе “ничего нельзя будет достичь”. Что не

менее важно, он твердил, что не было абсолютно никакой опасности вмешательства союзников, так как они враждовали между собой, при этом Франция и Италия выступали против восточной политики Англии, а Америка полностью отстранилась. “Наши руководители в Берлине находятся в постоянной связи с силами внутри страны”.²² В еще одном сообщении – в своем втором письме Карабекиру, отправленном 7 сентября 1920 г. из Баку, Энвер распекал Карабекира за то, что тот не начал наступление на Армению раньше. “Вы не должны были давать Армении возможность собраться с силами”.²³

Сотрудничество правительства султана

Едва прибыв в Самсун в качестве Генерал-инспектора IX османской армии, Мустафа Кемаль, который все еще представлял вооруженные силы, отождествляемые с правительством султана, начал призывать свое правительство готовить 15-ый армейский корпус к возможному нападению со стороны армянских вооруженных сил. В телеграмме от 24 мая 1919 г., адресованной главе турецкого Генштаба Арабкирли Джеваду-паше (Чобанли), он выразил обеспокоенность тем, что восточные провинции могут подвергнуться опасности и что армянам в их территориальных притязаниях могут помочь британцы, как это произошло в случае с греками, которые к тому времени высадились в Смирне (Измир). Джевад и два его заместителя, Кязим и Басри, в тот же день совместно обратились к премьер-министру для получения разрешения на то, чтобы предпринять соответствующие меры.²⁴ 29 и 30 мая 1919 г. Мустафа Кемаль известил об этом и Карабекира, добавив в письме-сообщении, что он уверен о принятом Кабинетом в Стамбуле решении о “выделении секретных фондов” (*tahsisati mestureden para*) для проведения разведывательных действий на этой территории.²⁵ 5 июня Мустафа Кемаль ещё раз предостерег свое начальство в Стамбуле о греко-армянских видах на Турцию. В ответ на его первые предостережения Мустафа Сабри, шейх-уль-ислам и одновременно заместитель премьер-министра, 9 июня дал разрешение на принятие новых мер безопасности, в том числе и усиление 15-го армейского корпуса в Эрзруме. На основании этого 11 июня военное министерство направило командующему 15-ым армейским корпусом приказ из семи пунктов. Пункт пятый предписывал “принять все предварительные меры, не вызывая при этом подозрение внешнего мира”. Пункт шестой указывал, что “предупредительные меры и меры по

безопасности, а также соответствующая подготовка должны быть начаты таким образом, чтобы отвлечь внимание от их истинной цели [*başka sebeplere istinat*]; они должны проходить в условиях повышенной секретности” [*gayet gizli*].²⁶ В этом сообщении от военных властей в Стамбуле угадываются основные очертания секретного приказа о подготовке к предварительному удару по Армении.

Карабекир: враг Армении и покровитель Азербайджана

Решающая роль этого турецкого генерала состояла в том, что именно он побудил турецкое население восточных провинций, и в особенности тех, кто остался от бывшей IX армии, начать развернутую военную кампанию против Армении. Он использовал свои глубокие знания условий этой территории и соответствующих людей. Весьма важную роль сыграло и то, что, будучи победоносным командующим Первого кавказского армейского корпуса, который в составе армии генерала Вехиба вступил в Армению летом 1918 г., он был уверен в том, что сможет силой оружия еще раз сокрушить Армению. Кроме того, в рассматриваемый период Карабекир служил под началом военного министерства в Стамбуле и, следовательно, был ставленником правительства султана.

В своем объемистом труде о турецкой войне за независимость Карабекир снова и снова повторяет, что Армения являлась как угрозой, так и препятствием на пути к достижению первостепенной для Турции цели установить смежные границы с Азербайджаном и другими тюркскими странами на Кавказе (*Kafkaslarda ebediyen yerleşmek lâzımdır*). Он подвергает критике Халиля Кута, в тот период командующего группой армий Восток, за то, что в конце Первой мировой войны тот воспрепятствовал его планам захватить Зангезур и установить связь с Азербайджаном. Между тем, утверждает он, цель эта могла быть с легкостью достигнута: “Мой штаб находился в Нахичеване... и расстройство моих планов по Зангезуру было военным и политическим преступлением”. Карабекир был убежден, что Нахичеван должен был остаться в руках Турции как неотъемлемая часть моста на восток.²⁷ В том же контексте он характеризовал Нахичеван как “исконную турецкую землю” (*kâmilten öz Türk*) и как коридор, ведущий в Азербайджан.²⁸ Очевидно, Халиль сам пытался захватить Зангезур в 1920 г. и для этого ему было нужно, чтобы Карабекир предоставил ему допол-

нительные силы в 2000 солдат, однако последний считал, что при сложившихся обстоятельствах эта работа должна была быть предоставлена азербайджанцам, хотя “вовсе не уверен, что они [азербайджанцы] в состоянии добиться положительных результатов”.²⁹ В апреле 1920 г. Халиль Кут, в свою очередь, со своего военного командного пункта в Карабахе поставил Карабекира в известность, что его “солдаты намереваются ликвидировать [*temizledikten*] армян Карабаха... Здесь народ и солдаты с нетерпением ждут, когда османские войска перейдут границу, чтобы в короткие сроки достичь поставленной цели”.³⁰ Этот подход полностью соответствовал мыслям Карабекира, который 28 апреля 1920 г. сказал командиру 3-ей дивизии своего армейского корпуса, что “целью всех турок является объединение с их тюркскими братьями. Сегодня история предоставляет нам последнюю возможность. Для того, чтобы исламский мир не остался разъединенным навсегда, необходимо во что бы то ни стало исключить провал кампании против Карабаха. Собственно говоря, нужно довести до азербайджанских кругов, что кампания эта требует большого террора и суровости (*daha azim ve şiddetle*). Необходимо также довести до них, что армян нужно отвлекать до тех пор, пока мы не будем готовы начать нашу кампанию”.³¹

Основная тема, которая проходит по всей книге Карабекира, — это его обещание уничтожить Армению на пути достижения того, что он считал императивом для турецкой нации. То, что Армения все еще продолжала существовать, по мнению Карабекира, было “проклятием” (*belâ*) для Турции,³² и в период с 20 мая 1919 по август 1920 г. он по крайней мере раз 12 клялся уничтожить Армению, используя при этом такие выражения, как “сокрушить” (*ezmek*), “прикончить” (*bitireceğiz*), “растоптать” (*çignememize*), “полностью разорить” (*mahv*), “испустить последний вздох под пятой турок” (*can vereceksiniz*), “уничтожить” (*imha*).³³

Руководство Специальной организации военного времени снова активизируется

Готовясь к нападению на Армению, Карабекир решил подключить к организации 15-го армейского корпуса, переименованного в дальнейшем в Восточную армию, нескольких лидеров Специальной организации, некоторые из которых еще в военное время выполняли штабную работу, занимались матери-

ально-техническим обеспечением и разрабатывали тактику ее деятельности. Главным среди них был полковник Сейфи, который занимал должность руководителя Второго управления в военном ведомстве и как таковой сыграл ведущую роль в организации геноцида. В 1919 г. Сейфи был арестован по обвинению в соучастии в депортациях и массовых убийствах армян, однако благодаря своим связям в военном министерстве был впоследствии освобожден. После формальной оккупации Стамбула британцами в марте 1920 г. он бежал и присоединился к кемалистам в Анатолии. 6 марта 1920 г. Карабекир поставил в известность президиум Большого национального собрания в Анкаре, что он назначил Сейфи на должность начальника Второго управления – разведки своего штаба в Эрзруме; Сейфи должен был руководить секретными операциями, в том числе и пропагандой, в связи с запланированным вторжением в Армению.³⁴

Возвращение полевых офицеров Специальной организации

План генерала Карабекира по вторжению в Армению явился для множества людей долгожданным избавлением, причем на двух взаимосвязанных уровнях. На одном уровне, как уже было отмечено выше, они получали возможность уйти от уголовного преследования в военных судах, начатого последующими османскими правительствами после войны с целью наказания авторов геноцида армян. Другой уровень позволял им не только избежать суда, но и принять участие в новых действиях против армян в рамках военной операции, которая проводилась под новым знаменем патриотизма, предоставляя, однако все те же старые возможности массового уничтожения армян и неизбежного при этом грабежа, которые обещали грядущие военные победы и завоевания. Практически все они во время войны состояли в руководстве Специальной организации и отвечали за операции по физическому уничтожению армян в восточных провинциях Турции.

Среди них особенно выделялись три высокопоставленных лидера Специальной организации – Халиль паша, Енибахчели Наил и Филибели Хилми, которые довольно быстро привыкли к Карабекиру и присоединились к организации под его командованием.³⁵ Все трое были военными, при этом последние двое ушли в отставку с военной службы, чтобы претворять в жизнь тайные планы Иттихада. Все трое во время войны отличились как умелые орга-

низаторы геноцида армян. Наил руководил Трапезундскими, а Хилми – Эрзрумскими массовыми убийствами, в то время как Халиль уничтожал армян провинции Битлис, а также служивших под его началом солдат и офицеров. О том, какую именно роль они сыграли во время вторжения и последующей оккупации армянских территорий, ничего не известно, кроме того, что через какое-то время двое из них – Халиль и Наил, были замечены на азербайджанских опорных пунктах в Закавказье, откуда, видимо, продолжали свои враждебные действия. Однако о трех других агентах Специальной организации есть достаточно данных, чтобы вкратце охарактеризовать их роль. Это Эйбллу “Дели” Халит (Карсиалан), Ебухинтли Джяфер и Топал Осман; сам Карабекир описывал этих людей как “головорезов, которые в эпоху Иттихада сколотили состояние на грабеже (*çetecilik*), теперь же претендуют на то, чтобы участвовать в национально-освободительной борьбе”.³⁶

“Дели” Халид (Карсиалан)

Халид был близким другом др. Назима и одним из основателей того крыла Специальной организации, в задачу которого входило уничтожение армянского населения провинций. Во время Первой мировой войны он был офицером Специальной организации; весной 1915 г., будучи майором, руководил Ардвинским контингентом,³⁷ а весной 1916 г. командовал 1-ым и 2-ым полками Специальной организации, которые включали в себя чорухский контингент (*Müfreze*).³⁸ Некоторые турецкие авторы отмечают, что правительством султана был выдан ордер на его арест в связи с соучастием в “массовых убийствах армян.”³⁹ Историк Авчиоглу также указывает на то, что Мустафа Кемаль пытался вырвать Халида из тисков Карабекира и использовать для собственных нужд, однако Халид некоторое время скрывался в Байбурте из-за своего участия “в качестве лидера Специальной организации” в зверствах, учиненных против армян;⁴⁰ согласно Кансу, он скрывался также в Трапезунде.⁴¹

Гораздо больше сведений о бандитской деятельности Халида во время вторжения Карабекира в Армению дают соответствующие отчеты. Чтобы понять подобную деятельность, нужно иметь представление о структуре войск захватнической армии Карабекира. Она состояла из трех компонентов: регулярных армейских частей (3-ая, 9-ая, 11-ая и 12-ая дивизии); вспомогательных войск, состоявших из двух полков и трех воинских подразделений общим числом около 5000 солдат; нерегулярных войск, включавших несколько банд

и несколько отдельных полков и отрядов курдских племен садкан, хаткан и кечеран, которые в совокупности составляли около 4 500-5 000 вооруженных мужчин — пеших и всадников.⁴² Нерегулярные подразделения обычно попадали под категорию “милис”, т.е. ополчения, или милиции, которые во время Первой мировой войны примыкали к группировкам, задействованным в Специальной организации. Якуб Джемил, к примеру, как отмечает его биограф, вступил в ряды Специальной организации в качестве командира “ополченцев”⁴³ и имел в своем распоряжении 2 000 солдат полка в тот период, когда начал принимать участие в уничтожении армян восточных провинций Турции. Во время этих операций Халид был соратником Якуба Джемилы⁴⁴.

Халид получал от генерала Карабекира специальные поручения относительно военных действий против Армении и армян. Он не только командовал 9-ой дивизией, но и — что гораздо важнее — “собирал бандитов [*çetes*] и перестроивал их в “ополченческие отряды” [*milis müfreze*]; они были прикреплены к частям регулярной армии. Отдавая приказ казнить пленника-армянина, он употреблял эвфемизм “отправьте его в школу”.⁴⁵ Организовывая уничтожение армян в ходе военных операций, Халид среди прочих главарей банд, печально известных своей оперативностью в массовых убийствах, привлек и “истребившего множество армян Мехмеда Сунгура, который присоединился к Халиду во время захвата Карса”.⁴⁶

Турецкие историки свидетельствуют о том, что два пункта выступают здесь как неоспоримые факты: 1. Халиду, который во время вторжения в Армению командовал 9-ой дивизией (сначала, когда 15-ый армейский корпус только начал реорганизовываться, он был командиром 3-ей дивизии), было поручено “организовать бандитские группы”.⁴⁷ 2. Указанные организационные работы имели целью использование этих групп “против армян”.⁴⁸

Эбухинтли Дзяфер

Он активно участвовал в организации и осуществлении массовых убийств армян в провинции Эрзрум, “сколотив на этом большое состояние”. “Один из виновных в армянском деле” (*Ermeni suçlusu*),⁴⁹ он был тесно связан с Халидом и Мустафой Кемалем.⁵⁰

Топал Осман

Подобно упомянутым выше Халиду и Дзяферу, Осман также был в спис-

ке бандитов Специальной организации, подлежащих аресту по решению стамбульского Военного трибунала. Ему, как и всем остальным, было предъявлено обвинение в преступлениях, которые вытекали из его участия в операциях по “депортациям и массовым убийствам” (*tehcir ve taktil*), и не удивительно, что он тоже пытался избежать правосудия.⁵¹ Как было отмечено выше, в годы войны Осман был членом Специальной организации, имел ранг полковника *милиса* и руководил подразделением Специальной организации, в состав которого входили 150 преступников, набранных из тюрьмы Трапезунда, и около 100 “добровольцев” из Гиресуна.⁵²

После того как кемалисты казнили его (в марте 1923 г. он был обезглавлен и повешен перед османским парламентом после того, как его, загнав в западную, убили в доме, где он, заняв удобную позицию, отбивался от служб безопасности Кемалю; службы безопасности пытались арестовать его за убийство депутата турецкого парламента от Трапезунда Али Шюкрю), одна турецкая газета назвала его “обычным преступником”.⁵³ Авчиоглу заявил, что его должны были привлечь к суду за те “зверства и злодеяния”, которые он совершил по отношению к армянам.⁵⁴

Однако кемалисты, и особенно Мустафа Кемаль, ценили в нем бесстрашного бойца, хотя и знали о его склонности к грабежу и воровству. В одном из докладов правительству султана Кемаль, бывший еще Инспектором IX армии, утверждал, что “бандитская группа Топала Османа, который скрывается, чтобы избежать ареста за свое участие в депортации [армян], важна...”⁵⁵ Позднее он стал начальником личной охраны Мустафы Кемалю. Безграмотный, хромящий на правую ногу — отсюда и его имя *topal* (хромой), — Осман сыграл свою роль в захвате и истреблении населения Карса и его окрестностей. Согласно биографу Османа, контингент *çetes* Гиресуна “четыре месяца служил под началом Карабекира во время его нападений на армян”. Было намечено, что Осман и его *çetes* присоединятся к западным войскам в кемалистской войне за независимость, однако “в силу необходимости они были переброшены в Карс”.⁵⁶ Другой турецкий автор упоминает о “насчитывавшем 1000 добровольцев самсунском батальоне”, который был отправлен в Карс с той же целью.⁵⁷

Кючюк Кязим

Еще один *федаи* (смертник) Специальной организации, офицер Кючюк Кязим (не путать с двумя другими Кязимами — Ойзалпом и Дириком) был

майором жандармерии, в то же время являясь ответственным секретарем Иттихада в Муше, в провинции Битлис. Будучи одним из “иттихадистских злодеев” (*İttihatçı suçlular*), он был “целиком и полностью” вовлечен в операции по депортации и массовым убийствам армян, а значит, был в числе тех, чьей “шее угрожала опасность” (*kellesi tehlikede*).⁵⁸ Вслед за Халидом и Дзяфером он тоже вернулся в свой прежний редут – Эрзрум, где принялся всячески обхаживать кемалистов. Ключок Кязим сыграл главную роль в уничтожении армянского населения Муша и Битлиса, за что его подразделение было прозвано “батальоном мясников” (*kasab taburu*).⁵⁹

А также Кязим Ойзалп (Кёпрюлю). См. Также В. Папазян, т. 2, с. 291. См. İlhan Selçuk, Yozbar Selahathin in Vakou, v.1, p.120.

Азербайджанский полк Нури-паши

После ряда столкновений с большевистской Красной армией в Азербайджане Нури в июне 1920 г. через Иран сбежал в Эрзрум. Он взял с собой свой сильный азербайджанский полк из 2 000 солдат и присоединился к силам Карабекира с целью вторжения в Армению.⁶⁰ 31 июля 1920 г. контингент азербайджанского татарского полка прибыл в штаб-квартиру Карабекира вместе с другим подразделением пехоты, которое присоединилось к его армейскому корпусу в Хорасане. Карабекир заявил: “Я воспользуюсь ими во время вторжения в Армению”.⁶¹

Примечания к главе 20

1 Говоря о “депортациях”, этот публицист писал:

“Однако для определенных весьма влиятельных турецких политических деятелей они [депортации] означали уничтожение армянского меньшинства Турции с целью обеспечения в Малой Азии расовой однородности. Одни политические деятели разделяли эту точку зрения в то время, как другие в той или иной степени противостояли ей. Те, кто выдвигал политику всеобщего уничтожения, как говорят, основывались на следующем: “Компактно проживающее в восточных провинциях армянское население является угрозой для самого существования Турции. Мы выступаем в качестве орудий, призванных убрать с дороги эту опасность. Мы знаем, что, независимо от того, добьемся успеха или нет, нас ожидает всеобщее презрение и осуждение”.

Ahmed Emin (Yalman), *Turkey in the World War* (new Naven, ST, 1930), 220. Другой иттихадист, кото-

рый впоследствии стал и до конца жизни оставался доверенным лицом основателя Турецкой республики Мустафы Кемаля (Ататюрка), также писал:

“Шакир был склонен к уничтожению армянского народа в целях предотвращения установления будущей Армении... Если бы армяне остались компактно проживать на востоке, нет никакого сомнения в том, что во время перемирия 1918 г. они не преминули бы создать Армению... Геноцид является одним из самых тажких преступлений против человечества... Я не верю в справедливость возмездия” (имеется в виду, что совершенный турками геноцид был актом мести армянам).

Falih Rifki (Atay) *Dünya*, 17 декабря 1967 г. Еженедельная колонка Атая *Pazar Konuşması* (Воскресная беседа). Говоря о создании и задачах Специальной организации – сверхсекретного иттихадистского объединения военного периода, сфера деятельности которого включала убийства на территории Турции, американский автор, в свою очередь, выделяет одну из таких задач, которая сводилась к тому, чтобы “разрушать любые российско-армянские планы по созданию независимой Армении, оторванной от османской Турции”. Philip H. Stoddard, *The Ottoman Government and the Arabs, 1911 to 1918: A Preliminary Study of the Teşkilâtî Mahsusa*. (Ann Arbor, MI, 1963), 56.

2 Kâzım Karabekir, *İstiklâl Harbimiz* (Наша война за независимость) (Istanbul, 1969), 663, шифровка от 6 мая 1920 г.

3 K. Lazian, *Haiastan Yev Nai Tadu Usd Tashnakirneru* (Армения и Армянский вопрос по договорам) (Cairo, 1942), 191-202. См. также FO406/44/E15522. Полковник Стокс Керзону.

4 Этот затерянный в 1200-страничном фолианте документ представляет собой шифрованную телеграмму, датированную 8 ноября 1920 г. Она была отправлена тогдашним министром иностранных дел Ахмедом Мухтаром генералу Кязиму Карабекиру. Карабекир был главнокомандующим армии восточного фронта, документировавшим всю военную кампанию восставшего кемалистского движения. Первая фаза этой военной кампании включала вторжение в сентябре 1920 года в Армению, которая с мая 1918 года приобрела статус свободной и независимой республики. Неопытная армянская армия была не в состоянии оказать противнику серьезное сопротивление. Инструкции, представлявшие собой план нового витка геноцида, содержались в шифрованной телеграмме, отправленной Карабекиру в самом начале переговоров о перемирии. О секретном плане Анкары по уничтожению Армении см. K. Karabekir, *İstiklal* [n.2], 844-45 (2nd ed. 1969). В первом издании 1960 г. эта шифровка помещена на стр. 901.

Не совсем ясно, почему этот документ был включен в книгу. Вполне возможно, что Карабекир просто проявил педантичность при составлении книги, пытаясь сделать ее как можно полнее с точки зрения содержания документов и не слишком концентрируясь на каждом из множества деталей. Особого внимания, однако, заслуживает тот факт, что, насколько известно, этот документ более нигде не появлялся и что до сих пор никто не пытался оценить его чрезвычайную важность.

5 K. Karabekir, *İstiklâl Harbimiz* [n.2], 845. Родственные узы между турками и азербайджанцами – “собратьями” турок в советском Закавказье, нашли отражение и в том, что турецко-армянский конфликт был перенесен в сферу армяно-азербайджанских отношений. Вспышка вражды между этими двумя народами бывшего Советского Союза, ознаменовавшаяся в феврале 1988 года рез-

ней армян в азербайджанском городе Сумгаите, снова напомнила армянам об их геополитической незащищенности. Зверские и отвратительные методы, примененные во время этой резни, и неспособность советских сил безопасности предотвратить кровавую бойню были настолько мучительными, что воскресили в душах армян воспоминания о геноциде в годы Первой мировой войны и, в частности, чувство покинутости и беспомощности. Эта вспышка варварства, названная заместителем генерального прокурора Советского Союза Александром Катусевым “погромами,” (“*Bakinski Rabochi*”/ бакинская ежедневная газета) 12 марта 1988 г., была усугублена тем, что азербайджанцы “несли плакаты с изображением иранского Хомейни, чтобы подчеркнуть, что они рассматривают этот раздор как предмет исламской гордости и солидарности”. *N.Y. Times*, 13 января 1989. Другие демонстранты в Баку несли турецкие флаги. *Moscow News*, 13 ноября 1988. Это крайне болезненное происшествие было следующим образом описано корреспондентом *Times* Келлером:

“Армян, как и евреев, объединяет ярко выраженное чувство мученичества, восходящее к массовой резне 1,5 миллиона армян, учиненной турками в 1915 году. Армяне воспитаны на этой истории о геноциде, они ощущают себя окруженными... исламскими Азербайджаном, Ираном и Турцией. Еще больше они укрепились в этом чувстве после февральских антиармянских погромов в азербайджанском городе Сумгаите...”

N.Y. Times (11 сент. 1988): S E, с.3. Враждебное отношение к Армении, которая воспринимается турками как географическое препятствие на их пути к объединению с другими тюркскими народами Кавказа, и обращение Турции к геноциду как способу ликвидации этой преграды были подчеркнуты видным исследователем России и пантюркизма: “Массовая резня полутора миллиона армян в 1914-1916 гг. была во многом обусловлена тем, что младотурки стремились ликвидировать армянское препятствие, которое отделяло османских турок от турок Азербайджана, и подготовить почву для территориального объединения ‘Огуза’, или юго-восточной группы.” *Zenkovski, Pan-Turkism and Islam in Russia*, (Cambridge, MA, 1967), 111.

6 F. Kazemzadeh. *The Struggle for Transcaucasia* (1917-1921) (New York, 1951), 292.

7 Paul C. Helmreich. *From Paris to Sèvres. The Partition of the Ottoman Empire at the Peace Conference of 1919-1920*. (Columbus. OH, 1974), 295-96.

8 K. Karabekir. *Istiklal Harbimiz'in Esaslari* (Основные компоненты нашей войны за независимость), (Istanbul, 1951), 32, 35.

9 E. Sarkisian and R. Sahakian. *Vital Issues in Modern Armenian History*, (Watertown, MA, 1965), 55-56 (E. Crakian, transl.). Об ультиматуме Советов, который положил конец пятимесячной турецкой оккупации города, на с. 70.

10 A. Rawlinson. *Adventures in the Near East 1918-1922* (London, 1923), 307, 335. См. также FO371/7877, p.7 (folio 148). (февраль 1922). Другой источник описывает кровавую бойню в Карсе после его захвата, когда “в течение двух недель продолжалась резня мирного гражданского населения этого города и его окрестностей”. E. Sarkisian and R. Sahakian. *Vital*. [n.9], 54, 55-56.

11 E. Sarkisian and R. Sahakian. *Vital Issues*. [n.9], 54 -55.

12 *Ноябрьская революция и Октябрьская Социалистическая революция и победа Советской власти в Армении*, (Yerevan, 1960), 447-48.

13 *Haiğagan SSR Bedağan Gendronagan Badmagan Arkhiv* (Исторический архив Армянской ССР), series 200, list 1, file 867, no.19.

14 A.A. Zapantis. *Greek-Soviet Relations, 1917-1941* (Boulder, CO, 1982), 72, 73. Ноты протеста были предъявлены 29 ноября и 10 декабря 1920 г. и 19 января 1921 г.

15 *Советская историческая энциклопедия*, т.1 (Москва, 1961), 748.

16 Celal Bayar, *Ben de Yazdim* (Я тоже написал) vol. 6, (Istanbul, 1968), 1893 n.2. Как пишет Байар, “*tahsili yok denecek kadar azdi*” (Но это может быть другой Халид).

17 Этим источником является Ресеп Зюйтю. Он цитируется в Nurşen Mazici, *Belgelerle Atatürk Döneminde Muhalefet* (1919-1926) (Istanbul, 1984), 48-9.

18 Kâzım Karabekir, *Istiklâl Harbimizde Enver Paşa ve İttihat Terakki Erkânı* (Позиции Энвера паша и руководства Иттихада ве Теракки в нашей войне за независимость), (Istanbul, 1967, 136, 137). В этих трех сообщениях от 22, 24 и 25 мая 1921 г. Мустафа Кемаль и заместитель начальника штаба Февзи паша возражают против назначения полковника Сейфи командиром дивизии, которую должны были сформировать в Трапезунде, из-за его “преданности Энверу паше”.

19 Cemal Kutay, *Karabekir Ermenistan'ı Nasil Yok Etti?* (Как Карабекир уничтожил Армению?), (Istanbul, 1956), 27.

20 *Там же*, 29 – 30.

21 Karabekir, *Istiklâl Harbimizde Enver* [n. 18], 139. Длинная личная телеграмма Карабекира от 25 мая 1921 г.

22 Karabekir, *Istiklâl Harbimizde* [n. 2], 751-52.

23 Karabekir, *Istiklâl Harbimizde Enver* [n. 18], 40.

24 Mehmed Hocaoglu, *Arşiv Vesikaliriyla Tarihte Ermeni Mezâlimi ve Ermeniler* (Армяне и армянские зверства в истории в свете архивных документов), (Istanbul, 1979), 830.

25 Karabekir, *Istiklâl Harbimizde* [n. 2], 35, 37.

26 Hocaoglu, *Arşiv* [n. 24], 831-32.

27 Karabekir, *Istiklâl Harbimizde* [n. 2], 31, 882; его же, *Istiklâl ... Esaslari* [n. 8], 27.

28 Karabekir, *Istiklâl Harbimizde* [n. 2], 394, 609.

29 *Там же*, 315.

30 *Там же*, 608.

31 *Там же*, 631.

32 *Там же*, 671.

33 *Там же*, 67, 287, 373, 713, 749, 783, 805 в контексте обсуждений генерала. Из специальной корреспонденции можно процитировать следующие случаи. В сообщении, отправленном правительству Анкары 13 апреля, 1920 г., Карабекир заявлял: “Чтобы воскресить Азербайджан, нам придется уничтожить Армению”, с. 584-85; его приказ от 18 апреля 1920 г., с. 603; правительству Анкары 15 мая 1920 г. с. 684; командующему армянским полком от 30 мая 1920 г. стр. 715, где он использует фразу “уничтожить навеки” (*ebediyen mahv*); своим вооруженным силам 4 августа 1920 г., с. 722.

34 *Там же*, 653, 661-662, 667. Необходимо отметить, что до того как Сейфи был назначен начальником второго управления при Османском Генштабе в 1914 г., этот пост был занят самим

Карабекиром. После того, как последний был переведен в зону военных действий, его место занял Сейфи. Позднее Сейфи вошел в состав турецкой делегации, которая вела переговоры с руководством большевиков в Москве с целью получить от них ширококомасштабную военную помощь для кемалистских повстанцев. После окончания этих переговоров Сейфи был назначен командиром 9-ой дивизии 15 армейского корпуса, с. 893, 896.

35 Ihsan Ilgar, "Bir Asir Boyunca Ermeni Meselesi. Karabekir Pağanın Buldugu Çare" (Армянская проблема на протяжении всего столетия. Средство [решения] Карабекира-паши) *Hayat ve Tarih Mecmuasi* 11, 2 (1 октября 1975 г.): 70. Однако впоследствии все трое будут смещены кемалистами в связи с махинациями, на которые они пошли по поручению Энвера, как видно, очень хотевшего восстановить свою ключевую позицию главного лидера иттихадистов.

36 Karabekir, *Istiklâl Harbimiz* [n.2], 411-12.

37 Ali Ihsan Sabis, *Harp Hatıralarım* (Мои военные мемуары), vol. 2 (Ankara, 1951), 192.

38 General Fahri Belen, *Birinci Cihan Harbinde Türk Harbi* (Турецкая война во время Первой мировой войны), vol.3 (Ankara, 1965), 34.

39 Mazhar Müfit Kansu, *Erzurum'dan Ölümüne Kadar Atatürk'le Beraber* (Вместе с Ататюрком от Эрзрума и до самой смерти), vol.1, 2d ed. (Ankara, 1986). Халид привлекается к ответственности за массовые убийства в Ардагане и Ахишке, с. 301-02. Кансу цитирует письмо от Карабекира Мустафе Кемалю, датированное 20 сентября 1919 г., для того, чтобы объяснить обстоятельства; Ihsan Birinci, "Ermenistan Seferi" (Вторжение в Армению), *Hayat ve Tarih Mecmuasi* 2, 7 (1 августа 1967 г.): 31.

40 Doğan Avcioğlu, *Milli Kurtuluş Tarihi 1838 den 1995e* (История национального освобождения с 1838 по 1995), vol. 3 (Istanbul, 1974), 1183-84.

41 Kansu, *Erzurum'dan* [no.39], 301.

42 Karabekir, *Istiklâl Harbimiz* [n.2], 754, 789.

43 Mustafa Ragıp Esatlı, *İttihat ve Terakki Tarihinde Esrar Perdesi* (Завеса секретности в истории Иттихада ве Теракки), (Istanbul, 1975), 460, n.1.

44 Feridun Kandemir в *Resimli Tarih* 2, 21 (сентябрь 1951 г.): 947-49.

45 Birinci, "Ermenistan Seferi" [n. 39] I, (1 февраля 1967): 90.

46 *Там же*, [n. 39]: 68.

47 *Там же*, 67.

48 Avcioğlu, *Milli* [n. 40], 1184.

49 *Там же*, 1185-86; Karabekir, *Istiklâl Harbimiz* [n.2], 411, где Мустафа Кемаль выражает свою поддержку судебному процессу в стамбульском военном трибунале.

50 *Там же*, 83; Avcioğlu, *Milli* [n. 40], 1185-86.

51 Sina Akşin, *Istanbul Hükümetleri ve Milli Mücadele* (Правительства Стамбула и национальная борьба), vol. 2 (Istanbul, 1992), 182; Cemal Şener, Topal Osman Olayı (Дело Топала Османа), (Ankara, 1968), 48-9, 61, 65; Ömer Sami Coşar, *Osman Aga* (Istanbul, 1971), 9-12, где автор отмечает, что окружной прокурор Гиресуна, предупредив его о намерениях стамбульского правительства, уговаривал бежать.

52 *Там же*, (Şener), 55, 61, 65, 105.

53 *Peri*, 4 апреля 1923 г.

54 Avcioğlu, *Milli* [n. 40], 1187-1192.

55 Şener, *Topal Osman* [n.51], 49.

56 *Там же*, 76, 147.

57 Mahmut Goloğlu, *Üçüncü Meşrutiyet 1920* (Третья конституция, 1920), (Ankara, 1970), 284.

58 Avcioğlu, *Milli* [n. 40], 1181, 1183.

59 Vahan Papazian, *Eem Husheru* (Мои воспоминания), vol. 2 (Beirut, 1952), 291.

60 Goloğlu, *Üçüncü* [n. 57], 282.

61 Karabekir, *Istiklâl Harbimiz* [n.2], 775.

Часть IX

**ОБЗОР ГЕНОЦИДА АРМЯН
В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ**

Очевидность некоторых факторов, определивших геноцид армян

Данное исследование в основном было сосредоточено на исторических, политических и правовых аспектах геноцида армян, чтобы подчеркнуть, взаимопроникновение и взаимодействие в этом геноциде факторов, представляющих сложное сплетение. В результате исследование получило широкий охват, который не позволяет представить выводы во всей полноте, оставаясь при этом кратким: этого не позволяет сама структура исследования. Тем не менее, имеет смысл попытаться извлечь из него несколько наблюдений и мыслей, которые могут послужить в качестве связующих звеньев с исследованиями, посвященными другим геноцидам. Такие связи необходимо выявлять для того, чтобы можно было смело войти в сферу сравнительных исследований, которые позволят выработать определенные обобщения и, выйдя за рамки ограничений, свойственных анализу отдельных случаев, пролить свет на универсальные характеристики геноцида. И тем не менее, вместо погружения в анализ сравнительных аспектов геноцида армян эта часть данного исследования ограничится описанием тех проблем, которые вращаются вокруг вопросов предотвращения и наказания геноцида.

В данном исследовании геноцид армян рассматривался в контексте турецко-армянского конфликта. Религиозные раздоры, несмотря на все официальные и неофициальные заверения турок в обратном, сыграли критическую роль в возникновении и нарастании этого конфликта. Торжественные заявления по поводу пресловутой османской либеральности в плане сосуществования внутри империи множества религиозных систем и верований, носителями которых были различные этнические группы, обнаруживают свою обманчивую суть, едва рассеивается тонкая пелена терпимости к немусульманам и их религиозным институтам. Можно даже говорить о пренебрежении, если не презре-

* Примечания к данной главе начинаются на странице 496.

нии, которое испытывали очень и очень многие турки по отношению к ним, *raia gâvurs* — “неверным” немусульманским подданным. Ни одно общество не избавлено от стрессов и напряжений, вытекающих из множества обстоятельств, связанных с межличностными и межгрупповыми конфликтами. В истории межэтнических конфликтов Османской империи самый незначительный конфликтный эпизод чаще всего становился для турок-мусульман удобным поводом открыто выразить свою вражду, которая злилась именно на чувстве презрения к немусульманам. Это презрение было достаточно сильным, чтобы возбудить воинствующую ненависть и враждебность с наступлением эпохи Армянских реформ, в центре которых был основополагающий принцип либерализма, а именно — равенство. Однако ни теократические каноны ислама — в том виде, в каком они интерпретировались и применялись османскими турками, ни коренные интересы широкого провинциального слоя религиозных лидеров империи не хотели и не могли допустить равенства. Ставки были слишком высоки, и турецко-армянский конфликт постепенно обострялся, требуя решений.

Как и другие большие системы религиозных верований, ислам представляет собой широкий спектр принципов и догм, которые не всегда отличаются последовательностью и не всегда совместимы друг с другом. Эти несоответствия давали как религиозным, так и светским лидерам возможность свободно отбирать, искажать или преувеличивать определенные аспекты исламских канонических законов, и в особенности неприятие исламом немусульман и воинственное отношение к ним. Нет необходимости упоминать, что затянувшийся турецко-армянский конфликт давал широкую возможность использовать религию в качестве рычага воздействия. И хотя своим возникновением этот конфликт в основном был обязан именно религиозным различиям, во взрывоопасный и кровопролитный он превратился лишь в результате умышленных и злостных манипуляций исламом. В эпоху Абдул-Гамида понятие турок или тюркский фактически не работало, конфликт вырисовывался в контексте ислама, или мусульман, которым бросали вызов “неверные” армяне. Соответственно, вызванные конфликтом массовые убийства определялись как действия по самозащите мусульман, причем знаменательно, что в эту категорию входила целая группа нетюркских народов — таких как курды, черкесы и лазы. Абдул-Гамид злоупотреблял исламом, всячески эксплуатируя его, особенно в своем статусе султана-халифа, смешивая теократию и автократию и

углубляя религиозные раздоры. Как признал один из турецких историков, для того, чтобы оправдать свой метод правления, он прибег к “переинтерпретации и искажению османской исламской политической теории”.¹

О том, что такое отношение к армянам было преемственным, красноречиво говорят политические развития, которыми ознаменовался сменивший султана режим младотурок-иттихадистов. Они также стали оценивать целесообразность “манипулятивно-инструментального отношения к институциональному исламу...” снова цитируя Мардина. (См. гл. 1, прим. 9). Они также устами Талеата, выступившего в августе 1910 г. на тайном собрании, уверенно подтвердили, что “равенство между мусульманином и гявуром (“неверным”, немусульманином)... есть нереализуемый идеал”, и, следовательно, империя нуждается в “османизации”. (См. гл. 10, прим. 7). Помимо этих соображений, существовал еще фактор турецкого национализма, носители которого настаивали на верховенстве турецкого элемента в делах многоэтнической Османской империи. Провозгласив себя “правлящей нацией” (*milleti hâkime*), они заменили идею равенства идеей нации господ, которой предназначено возвышаться над остальными народами империи.

Сложный характер турецко-армянского конфликта вынуждал турок разбираться с ним на двух, во многих отношениях взаимосвязанных уровнях — внутреннем и внешнем. Внешний уровень подразумевал, что они должны были считаться с державами, многие из которых приняли принцип гуманитарной интервенции. Отношения на этом уровне были настоящей проверкой восточной хитрости и решительности османов в их намерении провести державы и в конечном итоге одержать верх.

“Гуманитарные интервенции” “европейского концерта” девятнадцатого столетия, имевшие целью защиту армян, в основном провалились из-за того, что вовлеченные державы не обратили должного внимания на социально-политические силы, которые вынудили армян оказаться в положении подчиненных. Не сумев отреагировать на этот ключевой фактор, европейцы позволили османскому государству применить более подходящий, однако намного менее эффективный метод ответа на симптомы кризиса, порожденного социально-политической системой. Турецкие власти, демонстрируя видимость согласия с необходимостью реформ, в то же время сделали все, чтобы эти реформы никогда не стали реальностью. В этом отношении весьма полезными оказались проявившиеся и развившиеся на более поздних стадиях беспокойного перио-

да империи манипулятивность и дипломатическая смекалка османских министров иностранных дел, послов и султанов. Бельгийский правовед отмечал, что “отличительными чертами современной османской дипломатии являются чрезвычайно легкая приспособляемость к административному и конституционному жаргону цивилизованных стран; виртуозная хитрость в умении пользоваться этой хитростью, чтобы скрыть за обманчивыми личинами варварскую реальность деяний и намерений; невозмутимая наглость, обыкновение давать обещания, не имея при этом ни власти, ни желания исполнить их, и наконец, отеческий и елейный тон, долженствующий создать впечатление, что турецкое правительство является жертвой несправедливых предрассудков и гнусной клеветы”.² Другой автор выделяет три фазы турецкой дипломатической тактики по вопросу реформ. 1. Сопrotивление державам, настаивавшим на добросовестном выполнении условий договора, в тех случаях, когда это могло сойти с рук. 2. Заверения в согласии с предъявляемыми требованиями, приносимые со всей церемонностью благочестивого мусульманина при полном отсутствии даже видимости выполнения этих условий. 3. Самая рискованная, с мусульманской точки зрения, стадия, когда наряду с торжественными обещаниями появляется также видимость их выполнения.³ Затягивая процесс, выжидая, натравливая державы друг против друга, турки смогли разрядить взрывоопасную на международном уровне ситуацию, при этом не предприняв никаких действий, которые противоречили бы их традиционным верованиям и связанным с ними интересам. Для турок предметом спора было не формальное введение реформ, ряд которых был на самом деле объявлен и введен, а в их эффективном применении. В османской системе армянам “не полагалось” равенства и следовательно, оно не могло быть предоставлено им. Когда обман и проволочки становились неэффективными, турки прибегали к насильственным мерам подавления, которые в первый раз дошли до своего апогея во время гамидовских массовых убийств 1894-1896 гг. Неспособность держав, несмотря на провозглашенный ими принцип гуманитарной интервенции, предотвратить массовое уничтожение османских армян серьезнейшим образом осложнила армянскую проблему. Будучи крайне уязвимыми внутри страны, они, не получив никакой защиты извне, ощутили свою беспомощность и на международном уровне. Однако этот крах был отягощен еще большей депрессией, связанной с тем, что державы не только не сумели предотвратить массовые убийства, но и уклонились от наказания этого преступления. Таким образом,

отсутствие сдерживающих внешних факторов, с одной стороны, и уверенность в безнаказанности — с другой, соединившись, показали туркам допустимость “массового уничтожения армян.” Массовые убийства этого периода представляют важность не только потому, что они предвещали последующий геноцид, но и потому, что преступники не были преданы суду. Этот прецедент дал туркам достаточно веские основания полагать, что последующие убийства также не будут наказываться.

Непримиримость османского правительства, которая все больше нарастала из-за дипломатических кризисов и связанных с ними армянских погромов, нашла свой яростный выход во время Первой мировой войны, в которую Турция вступила с готовностью, в одностороннем порядке спровоцировав и начав военные действия. Кульминацией европейского ритуала, включавшего периодическое предъявление Турции протестов и предупреждений, которым явно не доставало правдоподобия, настала в мае 1915 г. с началом геноцида армян. Угрозы Европы не предотвратили геноцид, а преступники в очередной раз избежали наказания.⁴

Историческая перспектива, использованная в данном исследовании, показывает, что отдельные случаи массовых убийств армян были как пробным камнем, так и прелюдией к холокосту во время Первой мировой войны. Если бы после какого-либо из этих происшествий державы вмешались, как это было сделано в Ливане после резни 1860 г., вопросы предотвращения и наказания скорее всего не возникли бы. Однако им помешали превратности политики в отношениях как друг с другом, так и с турецким государством. Создавая видимость приверженности принципам “гуманитарной интервенции”, они в то же время постоянно погружались в *Realpolitik*; разгадав такое расхождение цели и намерения, турки приняли это на вооружение, когда рассматривали радикальные упреждающие меры. Этот аспект поведения держав прибавил к общей картине третий элемент, который, создавая некий баланс между превентивными мерами и наказанием, на деле искажал и то и другое: внутренний конфликт был непреднамеренным образом обострен тем, что скрытые функции вмешательства держав в силу своей поверхностности принесли не облегчение, а катастрофу. Еще одной причиной трагического исхода гуманитарной интервенции, вроде бы гарантированной определенными нормами международного права, была шаткость самой основы тех договоров, которые предполагали применение этого права. Ряд договоров и соглашений, подписанных между европейскими

державами и Турцией с 1856 по 1914 гг., номинально обязывал османские власти распространить равенство на своих немусульманских подданных.

Однако проблема была в том, что эти соглашения представляли собой не законодательные акты, а всего лишь договоренности между государствами; таким образом, они не устанавливали вину, не назначали судебных разбирательств и не предоставляли механизмов для отправления карательного правосудия. Эти все еще характерные для международного права ограничения обернулись для армян катастрофой. Вместо того, чтобы привести к разрешению Армянского вопроса, эти соглашения всего лишь вывели этот вопрос на международный уровень, тем самым серьезно обострив турецко-армянский конфликт.⁵

Таким образом, внутренний конфликт вышел за рамки государства, создав для турок неблагоприятную международную обстановку. Фритьоф Нансен, который, будучи Верховным комиссаром Лиги Наций, приложил большие усилия, чтобы залечить раны Армении и помочь избежавшим резни армянам и другим беженцам войны реабилитироваться, за что в 1922 г. был удостоен Нобелевской премии мира, заканчивает свою книгу об армянской трагедии следующими горестными словами: «Горе армянам, которые когда-то оказались втянутыми в европейскую политику! Им было бы лучше, если бы ни одним европейским дипломатом никогда не было произнесено слово Армения».⁶

Опыт армян поучителен еще и тем, что он показывает, что если отдельный случай геноцида не был предотвращен, то это не гарантирует наказания его виновников в последующем. И хотя Нюрнберг продемонстрировал поразительный, противоположный пример международного консенсуса, тем не менее, намного большее распространение имеет армянский опыт красивых речей без реальных действий. Международные усилия, направленные после Первой мировой войны на то, чтобы добиться наказания как Турции, так и ее союзницы Германии, показали, что существующие правовые и политические механизмы не могут обеспечить наказание на международном уровне и тем самым стать действенным фактором, способным предотвратить акты геноцида в будущем. Международные усилия европейских держав, направленные на то, чтобы отдать преступников, совершивших геноцид армян, в руки правосудия, отступили перед превалирующим принципом национального суверенитета и стали жертвой махинаций в международной политике. Позволив османскому правительству остаться у дел после поражения Турции в войне, европейские

державы тем самым отказались от власти, необходимой им для того, чтобы покарать за резню. Наличие в Турции суверенного правительства препятствовало проведению международных судебных процессов посредством как обычных правовых барьеров — таких как вопросы юрисдикции, так и чисто практических препятствий — осложняя, например, процесс предоставления доказательств, необходимых для международного судебного преследования. Все это основательно остудило решимость европейцев, которые обратились к политическим маневрам, суть которых состояла в заискивании перед появившимися на арене национальными силами Турции, которые претендовали на то, чтобы составить новое турецкое правительство.

Столь же неэффективными оказались и предпринятые внутри страны попытки наказать виновников геноцида армян. Хотя в военных трибуналах Турции начались судебные разбирательства и недостатка в изобличающих геноцид уликах не было, совершившие его преступники особенно не пострадали. Тот факт, что эти процессы вообще имели место, похоже, был обусловлен тем, что слабое послевоенное правительство стремилось добиться более благоприятных условий мира. Таким образом, суды так и не получили власти, необходимой им для осуществления эффективного преследования преступников. Вместо этого судебные процессы всколыхнули в среде мусульман новую волну националистических страстей, что, в свою очередь, способствовало приходу к власти кемалистского режима. После Первой мировой войны турки, как и немцы, не хотели признавать коллективной вины, которую доказали внутригосударственные процессы. Таким образом, с приходом к власти кемалистского режима множество военных трибуналов, не дошедших до стадии вынесения окончательного вердикта, было распущено, и последняя возможность возмездия исчезла. Разъединенные и потерявшие прежнюю власть европейские державы, будучи не в состоянии предотвратить такой результат, смалодушничав, уступили.

То, что два разных османских режима совершенно одинаково ответили на предъявленные армянами требования по реформам, поучительно для понимания сути этого ответа, приведшего к массовому уничтожению армян — в эпоху Абдул-Гамида и в эпоху младотурок. Речь идет о значении основной модели. Когда два разных режима в течение нескольких десятилетий выбирают один и тот же метод уничтожения — резню, значимость этого сходства критически возрастает, требуя изучения этой общей предрасположенности к резне

как к методу разрешения конфликтов. Необходимость такого анализа становится еще более обоснованной с учетом того факта, что эта *предрасположенность* к резне с течением времени перерастает в *пристрастие*. Опыт армян показывает, что, когда дело доходит до разрешения затянувшегося национального конфликта, несходства, отличающие один режим от другого, в основном стираются, чтобы дать общий ответ. Такая реакция обусловлена наличием стержневых культурных ценностей, которые, как правило, поглощают другие и менее важные ценности и традиции. Традиционная турецкая склонность к жесточайшему насилию в конфликтных ситуациях шла рука об руку с военными традициями турок, в конце концов превратившись в основной элемент турецкой культуры. Турецкое изречение “по праву моего меча” (*kilicimin hakkı ile*), очень четко отражает этот исторический факт. Здесь обращение к мечу вознесено на алтарь праведности, и тем самым жестокая сила приравнена со справедливостью. Такой подход объясняет всю азбуку культуры массовых убийств. От армян ожидалась робость, покорность и смирение — таков был культурный императив турок. Когда армяне начали бороться за свои права, им определили наказание в виде постепенно свирепеющих массовых убийств. Однако по мере того, как державы все больше и больше втягивались во внутренние дела Турции, пытаясь среди прочего найти способы разрешения нескончаемых национальных конфликтов, которые оказывали сильное воздействие на Османскую империю, культура массовых убийств на время затаилась, в конечном итоге трансформировавшись в тайную деятельность. Власти отказывались от ответственности и даже явно отрицали массовые убийства, которые они же тайно санкционировали и помогали организовывать. С приходом новых времен традиция культуры открытых массовых убийств приобрела скрытый характер, все чаще функционируя в условиях секретности. Таким образом, массовые убийства, совершенные турками в новое время, могут быть охарактеризованы как субкультурная деятельность, в которой официальные решения и государственная политика направлены на то, чтобы изобретать отвлекающие средства с единственной целью сокрытия истины.

Когда преступление постоянно венчается успехом, оно становится собственным вознаграждением. Неизменная незащищенность армян, более или менее предсказуемое бездействие держав и — как результат всего этого — уверенность турок в своей ненаказуемости явились теми основными факторами, которые в совокупности своей преопределили этот успех. Весьма приме-

чательно и то, что два основных автора двух геноцидов двадцатого века — геноцидов армян и евреев, известны тем, что превозносили этот успех, считая, что он оправдывал массовые убийства, которые они объясняли высшими национальными интересами. К соответствующей цитате Гитлера мы обратимся в главе 23, посвященной Нюрнбергу (См. глава 23 в параграфе, предшествующем пр. 15, с.); здесь же имеет смысл упомянуть заявление Талеата, сделанное им, как известно, когда он резюмировал свои чувства по поводу “истребления” армян. Согласно имеющимся данным, он обсуждал этот вопрос с Халиде Эдиб, турецкой писательницей-феминисткой. Обоснование, выдвинутое Талеатом, было следующим: “Я убежден, что пока нация делает все от нее зависящее, чтобы защитить свои интересы, и *достигает успеха*, мир восхищается ею и считает это моральным”.⁷ (*курсив наш — В.Д.*)

Однако успех в геноцидальных деяниях не должен восприниматься как нечто само собой разумеющееся. Как было отмечено выше, мероприятия по подготовке должны включать в себя такие ухищрения и хитроумные уловки, при помощи которых жертв можно легче заставить врасплох и загнать в ловушку. Более того, чтобы избежать проблем с ответственностью и подотчетностью, преступный лагерь должен обеспечить наличие специальных исполнителей и уметь, ненавязчиво объяснить им, что их миссия состоит в истреблении людей. Чтобы отвлечь внимание от истинных целей плана, в качестве стандартной процедуры используются иносказания, кодовый язык и максимальное обращение к устным инструкциям. Другими словами, всё предприятие пронизано методом обмана. История геноцида армян на всех своих стадиях была отмечена всем спектром техники обмана, обходных путей и отвлечения внимания, которые использовались преступниками с целью обеспечения и оптимизации успеха. Во время Первой мировой войны особенно частое обращение имели два взаимосвязанных ложных термина — “депортация” (*tehcir*) и “переселение” (*tebdili mekân*), которые были пушены в оборот, чтобы скрыть от множества жертв истинную цель массовых перемещений. Даже Мустафа Кемаль (Ататюрк) не смог сдержаться от того, чтобы прибегнуть к подобной технике обмана и отвлечения. В шифровке от 6 мая 1920 г. (протитировано в гл. 20, прим.2) он предложил, чтобы нападение на Армению было осуществлено по возможности “секретно (*mümkün olduğu kadar sureti hafifcede*) силами *milis* [милиция], созданной при нашем содействии в районах”, окружающих Армению, а также силами “большевиков мусульман...” Иными словами, предлагалось покончить с Арме-

нией с помощью доверенных людей, рассчитывая на поддержку Анкары.

Пожалуй, самой ошеломляющей особенностью всей рассматриваемой истории была практика двухуровневых сообщений. Те приказы, которые были предназначены для широкой общественности, облекались стамбульскими центральными властями в мягкую форму – “депортации”, “переселение”, “защитить конвоируемых”, “снабдить депортируемых хлебом и оливами, наказать правонарушителей” и т.д. Однако вдогонку поступали секретные приказы – уничтожить конвоируемых, учинив резню. Несмотря на все заверения, данные турками немецкому и австрийскому послам относительно их готовности освободить от депортаций армян-католиков и протестантов, на их долю выпала та же участь.⁸ Такая линия поведения побудила некоторых немецких и австрийских консулов и послов упрекнуть Талеата и его сподвижников в том, что последним ничего не стоило пойти на “постыдную ложь” и “двурушничество” (*krasse Lügen, Doppelspiel treiben*), а немецкий посол Меттерних открыто обвинил Талеата в “двойной игре” (*ein Doppel-gänger*).⁹ Даже великий визирь Саид Халим, который в феврале 1917 г. был смещен со своего поста и вытеснен партийным лидером и министром внутренних дел Талеатом, во время проходившего после войны парламентского расследования выразил недовольство тем, что законные приказы о “депортациях” искажались, превращаясь в приказы “убить” депортируемых.¹⁰

Самое обличительное доказательство упомянутого выше образа действий было предоставлено Решидом Акифом-пашой, одним из видных турецко-османских государственных деятелей, который занимал должности генерал-губернатора провинции, министра внутренних дел и дважды был назначен в государственный совет, причем во второй раз на пост председателя совета. 21 ноября 1918 г., в ходе дебатов в Сенате по вопросу совершенных во время войны массовых убийств армян, он признался, что, изучая официальные документы в бытность свою председателем государственного совета, был немало удивлен, обнаружив обличающий документ, который, по его словам, “был официальным приказом о депортациях, отданным известным своей дурной репутацией министром внутренних дел и отправленным в провинции. Однако, после [выхода] этого официального приказа центральный комитет [партии Иттихад] разослал во все пункты [в провинциях] зловещий циркуляр, приказывая ускорить выполнение данного бандитам [*çetes*] задания. Начиная с этого момента бандиты взялись за дело, результатом которого стали зверские массовые

убийства”.¹¹

Чтобы иметь возможность прибегать к подобным ухищрениям, два основных иттихадистских лидера – Талеат и военный министр Энвер установили у себя в домах телеграфные аппараты, с помощью которых отдавали свои секретные неофициальные приказы и инструкции. В случае с Талеатом это стало известно после того, как во время войны американский посол Моргантау неожиданно навестил Талеата в его доме, чтобы обговорить срочное дело, а позднее написал в своих мемуарах: “Я никогда не забуду эту картину... этот огромный турок... усердно орудует телеграфным ключом, а его молодая жена пристально смотрит на него в маленькое окно”.² Впоследствии в своих собственных мемуарах жена Талеата Гайрие подтвердила, что дома он пользовался таким аппаратом.¹³

О том, что Энвер тайно пользовался установленным в его доме телеграфным аппаратом, говорит в своих мемуарах турецкий автор, получивший эту информацию от адъютанта Халиля-паши, командующего турецкими войсками, которые в сентябре 1918 г. атаковали Баку и способствовали его захвату. Согласно условиям Брест-Литовского договора от 3 марта 1918 г., Баку должен был остаться за русскими, и немцы, союзники турок, не хотели, чтобы они захватили Баку. Тем не менее Энвер отправил телеграфом следующий приказ: “Немедленно организуйте местные силы и попытайтесь захватить Баку. При этом вам самим следует сохранять видимость нейтралитета. Бои должны вести местные азербайджанские силы”. После того, как 15 сентября 1918 г. Халиль проинформировал турецкое верховное командование о взятии Баку, “верховный командующий Энвер в полночь послал следующий приказ: “Баку должен был остаться за русскими. С какой стати вы решили, что его необходимо захватить? Вы должны быть в Карсе. Что вы делаете в Баку? Сейчас же вернитесь в Карс!” Однако через каких-то три часа Энвер паша выслал следующую телеграмму: “С большой радостью я узнал новость о захвате города Баку, расположенного на берегу Каспийского моря и принадлежащего Туранской империи. Эту вашу великую заслугу не забудут в турецкой и исламской истории. Я целую глаза наших ветеранов войны и предлагаю вам стихи из первой главы Корана в память о наших погибших героях”. Как отмечает турецкий автор, первая и третья телеграммы были отправлены Энвером тайно, когда он был один в своем доме. Вторая же – настоящая шарада, была отправлена из Генштаба,¹⁴ по всей видимости, для того, чтобы пустить пыль в глаза

начальнику штаба, немецкому генерал-лейтенанту Зеекту. Необходимо отметить, что одной из причин, по которой немцы пытались (но не смогли) контролировать действия турок, отправив с этой целью кавалерию, было желание предотвратить вполне предсказуемую резню бакинских армян; турки сорвали это усилие, взорвав один или два моста, и, как было запланировано, принялись за резню (См. главу 19, прим. 12).

В еще более вопиющей форме эта традиция лицемерия проявилась в планах новоиспеченного правительства Анкары, которое намеревалось завершить искоренение армянского народа, распространив иттихадистский геноцид на Российскую Армению. 8 ноября 1920 г. из Анкары были отправлены две шифрованные телеграммы, одна из которых была адресована генералу Карабекиру, который вторгся в Армению, нанеся поражение ее новой, плохо подготовленной и плохо вооруженной армии. Зловещий характер противоречивости содержания этих двух шифровок по серьезности уступает лишь опасности, которую эта обманчивая проделка предвещала для армян. В примечаниях 2-5 20-ой главы одна из этих телеграмм уже была детально разобрана; о ней говорилось и выше в данной главе. Основной темой телеграммы была следующая: чтобы добиться полного уничтожения Армении, необходимо сбить с толку и провести (*iğfal*) их, как армян, так и европейцев, играя в дружелюбие, а на самом деле тайно и шаг за шагом продвигаясь к осуществлению реальной миссии. Другая телеграмма, направленная армянскому правительству, изобиловала заверениями в “глубокой и истинной дружбе” (*amik ve samimi*) и “гуманности” (*insaniyet*), а также обещаниями оказать Армении экономическую поддержку, чтобы помочь ей восстановиться и добиться “полной независимости и безопасности” (*temamii istiklâl ve emniyet*).¹⁵

Несложно заметить, что проявленные на официальном уровне лицемерие и лживость, отражающие непреодолимую склонность к смертельному коварству, красноречиво свидетельствуют о существовании на субкультурном уровне ряда факторов, посредством которых были осуществлены тайно и обходными путями организованные массовые убийства с тем, чтобы избавить общество в целом и его культуру от бремени вины, подотчетности и ответственности.

Замечание по поводу динамики безнаказанности

При изучении процессов и условий геноцида армян в качестве наиболее

способствовавших факторов рассматривались недостатки норм международного права, нашедшие отражение в недействительных положениях договоров и неэффективных договорных обязательствах. Провалившиеся попытки предотвратить геноцид и предшествовавшие ему события были обусловлены тем, что невозможно было предсказать, насколько сдерживающей окажется политика европейских держав, что, в свою очередь, усиливало незащищенность намеченной жертвы — армянского населения. Начавшиеся после геноцида судебные разбирательства, не будучи полноценными, все же в достаточной степени документировали факт этого геноцида; однако им не удалось довести дело до серьезного карательного правосудия. Этот двойной провал как в плане предотвращения геноцида, так и в плане наказания, возможно, является самой важной чертой армянского случая, которую необходимо еще раз выделить и подчеркнуть. С точки зрения контролирования других возможных вспышек геноцида, карательное правосудие приобретает особую значимость, причем именно в той мере, в какой предотвращение преступления зависит от предсказуемости наказания за него.

Безнаказанность Османской Турции после ряда массовых убийств, имевших место на всей территории империи в гамидовскую эпоху с 1894-1896 гг., придала смелости младотуркам, которые, учинив в 1909 г. очередную резню в Адане, еще раз проверили, насколько поднялась планка ненаказуемости Турции. С точки зрения карательного правосудия, примененного в отношении преступников, совершивших эту резню, результат был столь незначительным, что указывал на ненаказуемость подобных массовых убийств со стороны внешнего мира, и последовавший за этим геноцид во время Первой мировой войны стал логической кульминацией в общей цепи массовых убийств. Две попытки, выйдя за пределы Турции, распространить арменоцид на Закавказье, также должны рассматриваться именно в этом контексте.

Когда такое преступление, как геноцид, не вызывает бурных возражений в стадии осуществления и остается в дальнейшем безнаказанным, преступление становится логически вытекающим в двух смыслах. Здесь дело не только в том, что жертве отказывают в правосудии, но и — что гораздо важнее — в том, что преступника поощряют, позволяя ему переформулировать преступление таким образом, что криминальность действия либо выхолащивается, либо отрицается полностью. Такая склонность к переопределению почти всегда сопровождается множеством обоснований, демонстрируя то, что можно было бы

назвать синдромом отрицания. В подобных случаях преступник обычно отрицает преступление, отрицает жертву, отрицает право любого ставить под вопрос это отрицание и уж тем более не признает права осудить имевшую место криминальность. Предвестники такого всеотрицания никогда не достаивались должного внимания со стороны правоведов и государственных деятелей. Между тем, такое поведение чревато тем, что позволяет потенциальным преступникам рассматривать предыдущее преступление как пример для подражания. Однако еще большей угрозой это всеотрицание является для пережившего геноцид населения и его потомков, которые могут стать мишенью для новых, еще более мощных ударов. Преступник, не испытывающий раскаяния и приободренный разрушением существующих запретов, ненаказанный и неосужденный, отрицающий все и вся — такой преступник не станет долго колебаться прежде чем совершить новое преступление, едва предоставится удобный случай.

Настойчивость армян, требующих правосудия и наталкивающих на неизменное отсутствие интереса к их делу со стороны остального мира, столько времени не давала результата, что вряд ли имеет смысл надеяться на то, что в душе турок возникнет чувство раскаяния. Более того, эти требования могут стать источником усугубления состояния тех же турок. Раздраженные таким образом, турки могут не устоять перед соблазном рассматривать возможность новых и, не исключено, что более радикальных ударов по армянам с целью окончательного искоренения источника обид и обвинений.

Примечания к главе 21

1 Kemal H.Karpat, "The Transformation of the Ottoman State, 1789-1908" *International Journal of Middle East Studies* 3 (1972) : 271.

2 M.Rolin-Jacquemeys, *Armenia, the Armenians and the Treaties* (London, 1891), 87. Авторитет автора этих строк в области международного права придает им большую весомость. Он был издателем *Revue de droit international et de législation comparée*, и дважды — президентом Института международного права. В 1899 г. он принял участие в Первой мирной конференции в Гааге и был назначен докладчиком по четвертой Конвенции по законам и обычаям войны. По окончании Первой мировой войны он поехал на Парижскую мирную конференцию в качестве генерального секретаря бельгийской делегации, позднее был назначен бельгийским верховным комиссаром оккупированной Рейнской области, а впоследствии стал министром внутренних дел Бельгии. В 1930

году он достиг пика своей карьеры, когда был избран судьей Постоянного Суда Международного правосудия. *British Year book International Law* 18 (1937): 156-57 (некролог).

3 An old Indian, *Historical Sketch of Armenia and the Armenians (With Special Reference to the Present Crisis)* (London, 1896), 132-33.

4 Действенность обращения к гуманитарной интервенции в современных условиях внутренних конфликтов и массовых убийств рассмотрена рядом экспертов в области международного права. Фальк, к примеру, перечисляет препятствия на пути продуктивного вмешательства в случаях геноцидальных убийств, подчеркивая, что до тех пор, пока мир не осознает необходимость системных изменений, которые обеспечат новые стандарты международного права, все эти препятствия сохранятся. R.Falk, "Responding to Severe Violations," в *Enhancing Global Human Rights* (1979). Исследовав историю гуманитарных интервенций и нынешнее состояние закона, признающего обращение к силе принуждения, основанного на гуманитарном подходе, два правоведа приходят к заключению, что подобная интервенция, особенно если она односторонняя, не санкционируется ни историей, ни современными стандартами, за исключением тех случаев, когда она санкционирована Организацией Объединенных Наций. Поэтому они оспаривают ценность аргументов в пользу использования Индией военной силы против Пакистана в защиту Бангладеш как прецедентный случай. T.M.Franck and N.S.Rodley, "After Bangladesh. The Law of Humanitarian Intervention by Military Force." *American Journal of International Law* 67 (1973): 302.

Примеру, приведенному этими двумя авторами, включившими в свои аргументы и геноцид армян, последовали два других автора, которые в своих совсем недавних исследованиях в области международного права сослались на "полномасштабное истребление... почти миллиона армян... в Турции." Bazyley, "Reexamining the Doctrine of Humanitarian Intervention in Light of the Atrocities in Kampuchea and Ethiopia", *Stanford Journal of International Law* 23 (1987): 593 и подчеркнули, что "Конвенция [ООН] [по предотвращению и наказанию геноцида] применима и к армянскому геноциду" LeBlanc, "The United Nations Genocide Convention and Political Groups: Should the United States Propose an Amendment?" *Yale Journal of International Law* 13 (1988): 270, 290, 293. См. также D.Matas, "Prosecuting Crimes against Humanity: The Lessons of World War I" *Fordham International Law Journal* (1990): 86-104; L.B.Sohn and T.Buergenthal "Human Intercession on Behalf of Armenians" в *International Protection of Human Rights* (1973), 185 – 191; L.S.Wiseberg "Humanitarian Intervention: Lessons from the Nigerian Civil War" *Revue des Droits de l'Homme. Human Rights Journal*, 70, I, (1974): 61-98.

5 Историк Данишмен отмечает, что первый разлад между лидерами Иттихада, в частности, доктором Назимом, и армянами возник на конгрессе 1902 г., где армяне настаивали на применении Статьи 61, а Ахмед Риза и д-р Назим категорически отклонили это предложение как непозволительное вмешательство держав во внутренние дела Турции. I.Danismend, *Izahli Osmanli Tarihi Kronolojisi* (Хронология истории Османской империи с аннотациями), vol. 4 2nd ed. (Istanbul, 1961), 358-59.

Комментируя этот вопрос в 1920 г., Браун сетовал по поводу того, какой "навязчивой и бесплодной оказалась для армян дружба Великобритании", ответственной за массовые истребления 1896-96 гг. и Первой мировой войны. P.H.Brown, "The Mandate Over Armenia," *American Journal of International Law* 14 (1920): 396, 397-98. Госсекретарь (а впоследствии председатель Верховного суда) США Чарльз Эванс Юз в обращении 1924 г. к Совету по международным отношениям

также приписал «основательную долю бед» в рассматриваемом здесь вопросе «поддержке [британцев], которым не удалось оказать необходимую помощь... [Жертвы были] предоставлены самим себе». С.Е. Hughes, "Recent Questions and Negotiations", *American Journal of International Law*, 18 (1924): 229, 239.

6 F.Nansen, *Armenia and the Near East* (New York, 1976), 324. Занимаясь в качестве Верховного комиссара Лиги Наций помощью России, Нансен пытался добиться справедливости и компенсаций для армян, судьбу которых он определил как "измена нации". Его беседа с лордом Робертом Сесилем, тогдашним заместителем министра иностранных дел Великобритании, показывает, с каким презрением и горечью относился он к внешней политике правительств. Ирония его замечания обусловлена тем, что лорд Сесиль, сын известного британского государственного деятеля 19-го столетия лорда Солсбери, который считается автором Статьи 61 Берлинского договора 1878 года, был одним из очень немногих британских дипломатов, который пытался провести в жизнь «Хартию справедливости для армян». Четыре пункта этой хартии приведены в R.Novannisian, *Armenia on the Road of Independence 1918* (Berkeley, CA, 1967), 248-49. Как известно, Нансен в очень резкой форме сказал лорду Сесилю: "Ваше проклятое, насквозь прогнившее правительство. Хотя, все правительства прогнившие". Цитата приведена со слов его дочери Лив Нансен, которая написала и под фамилией мужа Гойер издала книгу *Nansen Og Verden* (Нансен и мир), (1955), (цитируется по Yayloian, *Mesz Deroutiunneri Gogme Moratzuadz Jhogovourt*), (Народ, покинутый великими державами), *Sowetakan Haiastan*, 4 (1987): 31). Комментируя вопрос о том, почему армяне были покинуты после того, как получили обещания о поддержке, американский философ-прагматик Джон Дьюи отмечает: "Счастливы то меньшинство, которому не покровительствовала христианская нация". *The New Republic* 40 (12 ноября 1929 г.): 268.

7 Halide Edib, *Memoirs of* (New York, 1926), 387.

8 См. Vahakn N.Dadrian, *The Armenian Genocide in Official Turkish Sources*. Collected Essays. Special Issue of *Journal of Political and Military Sociology*, Roger Smith, guest ed., vol. 22, 1 (лето 1994): 137, 143-45 н.12.

9 Vahakn N.Dadrian, "The Naim-Andonian Documents on the World War I Destruction of Ottoman Armenians: The Anatomy of Genocide" *International Journal of Middle East Studies* 18, 3 (август 1986): 327, 339, 349, примечания 37 и 38, 355-57 п. 104; Обвинение, предъявленное Меттернихом Талеату см. в *German Foreign Ministry Archives*, Türkei 159 no. 1, A24679, 7 сентября 1916 г.

10 *Harb Kabinelerinin Isticvabi* (Слушания Кабинета военного времени). Специальная серия публикаций *Vakit*, No. 2 (Istanbul, 1933), 290-91, 295, 325-26.

11 Dadrian, *The Armenian Genocide* [n.8], 85. Выдержки из *Meclisi Ayan Zabıt Ceridesi* (Стенограмма заседаний Сената). Третьего созыва, Пятая сессия, одиннадцатое заседание, т.1, с. 125 (левая колонка).

12 Henry Morgenthau, *Ambassador Morgenthau's Story* (New York, 1918), 140, 143-44.

13 *Hürriyet* (издаваемая в Стамбуле турецкая ежедневная газета), 21 декабря 1982.

14 Burhan Oğuz, *Yüzyıllar Boyunca Alman Gerçeği ve Türkler* (Германская действительность на протяжении веков и турки), (Istanbul, 1983), 325-26. Автор является пасынком Енибахчели Шюкрю, видного руководителя печально известной Специальной организации, и братом Наила – другого лидера этой организации. Будучи вхожим в семью, он узнал много секретов Специальной организации.

15 Kâzım Karabekir, *Istiklâl Harbimiz* (Наша война за независимость), 2nd ed. (Istanbul, 1969), 844.

Глава 22*

Параллельные проблемы в послевоенных судах над немецкими военными преступниками Первой мировой войны

Преступления, в которых по окончании Первой мировой войны были обвинены около 1000 немцев, в некотором смысле отличались от тех, в которых обвинялись османские турки. К примеру, в немецком случае почти все жертвы не были ни немцами по национальности, ни подданными или гражданами Германии. Не было доказательств того, что предполагаемые преступления явились результатом централизованного и организованного плана. Расследуемые зверства в основном относились к военному периоду и не были существенным образом связаны с предвоенной идеологией и планами. Короче говоря, не было доказательств существования всесторонне разработанного плана, нацеленного на уничтожение населения-жертвы в целом. Однако, когда союзники предприняли попытку осуществить судебное преследование преступников, по многим другим аспектам обнаружилось определенные сходные элементы. Действительно, в некоторых отношениях история лейпцигских судебных процессов 1921-1922 гг. удивительным образом походила на стамбульские судебные процессы 1919-1921 гг. В обоих случаях местные правительства противились иностранному давлению и не хотели возбуждать уголовные дела против своих граждан, обвиняемых в военных преступлениях против человечества. Обе нации, однако, в конце концов согласились возбудить дела. Немцы сделали это для того, чтобы ублажить общественное мнение в союзных странах, турки же поступили так, надеясь на вознаграждение в виде более мягких условий мирного договора.

Отказавшись передать немецких граждан в руки союзников для судебных разбирательств, правительство Германии тем самым фактически не признало 228-ую статью Версальского договора, предусматривавшую выдачу преступни-

* Примечания к данной главе начинаются на странице 502.

ков. Презрительное заявление фельдмаршала фон дер Гольца [sic] “мир должен осознать, что... ни один судебный исполнитель не выдаст немцев союзникам”,¹ было симптоматичным, поскольку являлось отражением мощного сопротивления немцев, которому союзники в конце концов уступили. Турецкий ответ на требование выдать подозреваемых в преступлениях был аналогичен немецкому ответу. Против выдачи турецких граждан союзникам возразил не только министр иностранных дел стамбульского правительства, но и глава противоборствующего правительства Анкары Мустафа Кемаль, который отклонил саму идею “признания какого-либо права на распространение юрисдикции иностранного правительства на действия, совершенные турецким подданным внутри самой Турции”.²

Вместо этого оба “потерпевших поражение государства” предложили провести внутренние судебные процессы над военными преступниками. 11 июня 1921 г. правительство Анкары проинформировало британцев, что когда содержащиеся на Мальте заключенные будут освобождены в обмен на британских гражданских и военных лиц, “те, кто обвиняются в преступлениях, будут привлечены к беспристрастному суду в Анкаре — подобно тому, как немецких заключенных судят в Германии”.³ С аналогичными заверениями выступил и министр иностранных дел Анкары Бекир Сами 10 марта 1921 г.⁴ Как оказалось, это, равно как и последующие заверения подобного рода, были всего лишь переговорными уловками. Помимо националистической политики в пользу Турции и Германии работал также правовой аспект — *ex post facto* характер положений как Версальского, так и Севрского договоров, которые не основывались на существовавших государственных и международных законах. Статья 15 османского уголовного кодекса, к примеру, явно запрещала процедуры такого характера (“наказание не может быть приведено в исполнение на основании закона, изданного позднее”). Ни Версальский, ни Севрский договоры не уточняли, на основании какой юрисдикции и каких законов следовало судить преступников и выносить приговор.

Попытки добиться экстрадиции встретили соответствующие сложности. Правительство Голландии отказалось выдать императора Вильгельма II, который нашел прибежище в Голландии после своего бегства из Германии в конце войны. Голландцы не только отвергли такие понятия, как “международная политика” и “международные принципы морали”, на основании которых союзники предлагали судить и наказать императора, но и обосновали свой от-

каз, сославшись на внутригосударственное право и национальные традиции Голландии. Предъявленное императору обвинение голландцы определили как “политическое” и, следовательно, освобождающее от экстрадиции.⁵

Аналогичным образом немцы отказались выдать Талеата-пашу, который, будучи великим визирем, *de facto* являлся главой Османского государства, когда совершил бегство в Германию в конце войны. Министр иностранных дел Германии Золф сослался на параграф 2 статьи 5-ой турецко-германского договора об экстрадиции от 1917 г., который допускал экстрадицию в трех случаях: ордер на арест, вердикт, вынесенный лицу, экстрадиции которого добиваются, или предъявление соответствующих судебных документов. В связи с тем, что военный трибунал к тому времени еще не состоялся, судебной документации и вердикта не было. В любом случае, добавил Золф, “Талеат оставался нам верен, и наша страна открыта для него”.⁶

По мере того, как процессы набирали оборот, внутреннее давление в обеих странах, вызванное возродившимся национализмом, оказало на судебные процессы сильное влияние. По схожим причинам лейпцигские судебные процессы провалились так же, как и аналогичные судебные процессы в Стамбуле. “Немецкая общественность выражала возмущение по поводу того, что могли найтись немецкие судьи, которые приговорили бы военных преступников, а пресса оказывала на суд всяческое давление”.⁷ Многих осужденных при входе и выходе из зала судебных заседаний приветствовали громкими возгласами, в то время как представителей союзников, присутствовавших на процессах, освистывали. Те, кого оправдывали, часто покидали зал суда с букетами цветов, полученных от восхищенной общественности. Тюремные смотрители, которые помогали некоторым из обвиняемых совершить побег из тюрьмы как до, так и после их осуждения, получали публичные поздравления.⁸ Наиболее громким было дело о госпитальном судне “Лландовери Касл”, которое было подорвано торпедой и потонуло, при этом два лейтенанта военно-морских сил стреляли по выжившим, находившимся в спасательных шлюпках. Лейтенанты гордились тем, что *London Times* назвала их “варварами”; немецкая же пресса после того, как они были приговорены к четырем годам заключения, восхваляла их как “героев подводников”.⁹

По всем стандартам карательного правосудия результаты лейпцигских процессов производили гнетущее впечатление. Из 901 дела¹⁰ 888 либо завершились оправданием, либо были прекращены. Было проведено всего 12 процес-

сов; результатом половины из них стал оправдательный приговор, а другой половины - легкие приговоры. Разочарование союзников Турцией, где обвиняемые возвеличивались, а правосудие потерпело крах, было применимо и к Германии. В последнем случае союзники назначили комиссию из союзных юристов, которые должны были изучить, какое воздействие оказывает на судебные процессы публичная реакция. Комиссия единогласно рекомендовала Верховному совету приостановить лейпцигские судебные процессы и привлечь оставшихся обвиняемых к союзническому суду. Что касается Турции, то здесь рекомендации комиссии не дали желаемых результатов.¹¹

Возможно, самая симптоматичная общая черта, связывающая эти два случая, имеет отношение к принципу безнаказанности, через которую можно объяснить, почему геноцид может возникнуть в умах реальных или потенциальных преступников как допустимое и реализуемое предприятие: ненаказанное массовое убийство может стать как прецедентом, так и основанием для осуществления нового геноцида.

После своего суда в Нюрнберге Альберт Шпеер, размышляя об осуществленных Германией во время Первой мировой войны преступных депортациях населения оккупированных территорий, горько сожалел о том, что союзники не смогли довести до конца судебное расследование, которое “пробудило бы чувство ответственности у руководящих политических фигур, если бы после Первой мировой войны союзники действительно провели судебные процессы, которыми они грозились...”¹²

Примечания к главе 22

1 United Nations War Crimes Commission, *History of the United Nations War Criminals Commission and the Development of the Laws of War*, (London, 1948), 48. Возможно, эта ссылка на Гольда ошибочна. Насколько известно, был только один фельдмаршал фон дер Гольц, который умер от тифа в апреле 1916 г. в Багдаде. По всей вероятности, речь идет о генерале Рудигере фон дер Гольце, который в 1919 г. руководил военными действиями против большевиков в Литве и Латвии; под его началом были германские вольные армейские части, балтийская милиция и армейские войска, созданные балтийскими правительствами.

2 *Speech delivered by Mustafa Kemal Atatürk 1927* (Istanbul, 1963), 497.

3 FO 371/6504/E9112, folio 47. Три месяца спустя, то есть 14 сентября 1921 г. Рафет-паша,

министр внутренних дел правительства Анкары, повторил это обещание, когда информировал генерала Харрингтона, высшего военного чина в Стамбуле, о том, что обвиняемые в преступлениях мальтийские заключенные “будут преданы суду сразу по прибытии”. FO 371/6504/E10411, folio 130.

4 FO 371/6499/E3110, p.190; см. также FO 371/5049/E6376, folio 187; A.Yalman, *Turkey in My Time* (Norman, OK, 1956), 106.

5 См. Quincy Wright, “The Legal Liability of the Kaiser,” *American Political Science Review* 13 (1919): 120; N.Y. Times, 22 января 1920.

6 A.A.Türkei 183/54 A45718; *Takvimi Vekâyi* No. 3407. О затажном обмене мнениями по этому вопросу между иностранным ведомством Германии и османским министерством иностранных дел см. FO 371/4173/82190, 371/4174/98910, 371/5173/E6949 618/113/1941, folios 404-15; см. также Y.Bayur, *Türk İnkilâb 1 Tarihi*, 3, Part 4 (Ankara, 1983), 782.

7 War Crimes Commission, [n. 1], 51-52.

8 См. J.Willis, *Prologue to Nuremberg: The Politics and Diplomacy of Punishing War Criminals of the First World War* (Westport, CT, 1982), 126-47.

9 Times (London), 9 июля 1921; “German War Trials: Report of the Proceedings before the Supreme Court in Leipzig”, *American Journal of International Law* 16 (1922): 628-40, 674-724; см. также C. Mullins, *The Leipzig Trials* (London, 1921); Ann.Dig.2: 436 (Reichsgericht 1921).

10 Списки этих подозреваемых были частично составлены и переданы Германии Британией (97), Бельгией (334), Польшей (57), Францией (332), Италией (29) и Румынией (41). Остальные подозреваемые бежали.

11 *German War Crimes: Report of the Proceedings*, Brit.Parl.Papers, Cmnd. 1450 (1921).

12 Willis, *Prologue* [n.8], 173.

Геноцид армян в сравнении с Холокостом. Нюрнбергский процесс

В предыдущей главе обсуждение было сконцентрировано на узком кругу немцев и турок, которые после Первой мировой войны были привлечены к суду в Стамбуле и Лейпциге за военные преступления. Главное внимание было уделено категории преступников, а целью процессов являлось наказание. Однако существует и другой вопрос, тесно связанный с первым, — вопрос, касающийся предотвращения преступления, который ни в коей мере не следует рассматривать отдельно. Ведь сам факт наказания подразумевает реальность, в которой преступление, называемое массовым истреблением, не было или не могло быть предотвращено. Таким образом, между феноменами предотвращения и наказания существует определенная взаимосвязь, и следовательно, для более глубокого понимания геноцида необходимо поменять ракурс, а именно: перенести внимание с преступника на жертву, мученичество которой невозможно было предотвратить. Такой позиционный переход представляется особенно обоснованным при сравнительном анализе армянского и еврейского геноцидов, который в силу ограниченных целей данного исследования может быть представлен лишь в общих чертах. Геноцидальное мученичество этих двух народов имеет много граней и характеристик, сравнительный анализ которых может оказаться спорной и в то же время поучительной задачей. Здесь ограничимся исследованием степени взаимосвязанности двух геноцидов в связи с такими понятиями, как предотвращение и наказание преступления. Следует отметить, что в этом смысле между двумя рассматриваемыми случаями наблюдаются как сходства, так и различия. Сходно все то, что связано с предотвращением преступления: и еврейский, и армянский народы стали жертвами геноцидов, которые не удалось предотвратить. Разница, однако, состоит в том, что в армянском случае, несмотря на соответствующие торжественные и публичные заверения держав Антанты (Франции,

* Примечания к данной главе начинаются на странице 533.

Англии и России, 24 мая 1915 г.), преступникам удалось избежать наказания, тогда как в случае с евреями, как и было обещано, наказание было определено на международном судебном уровне.

В связи с этим возникают два связанных друг с другом вопроса: 1. Сыграла ли безнаказанность преступников, совершивших геноцид армян, достаточно существенную роль, чтобы повлиять на умонастроения и замыслы нацистов, и в особенности Адольфа Гитлера, способствовав принятию последним плана геноцида, подобного тому, что был применен в отношении армян? 2. В какой степени Нюрнбергский судебный процесс, начатый победоносными союзниками сразу же по окончании Второй мировой войны, среди прочих причин был обусловлен пониманием того, что между геноцидом армян и холокостом евреев была взаимосвязь, упомянутая под пунктом 1, и что именно поэтому наказание геноцида — «преступления против человечества» — стало велением времени? Существует много свидетельств того, что Гитлер и его сподвижники были прекрасно осведомлены об армянской катастрофе и что на основе извлеченных из нее уроков сочли для себя весьма приемлемым использование турецкой модели для «окончательного разрешения» вопроса. Однако до того, как погрузиться в изучение этих вопросов, возможно, имеет смысл вкратце остановиться на тех исторических условиях, в которых армяне и евреи периодически оказывались объектом преследований. При изучении обстоятельств, в которых в двадцатом столетии эти народы стали жертвами геноцида, нельзя недооценивать значение уроков, которые могут быть извлечены из накопленного исторического опыта.

Проблема уязвимости евреев и армян как потенциальных объектов мученичества

Значение фактора уязвимости обусловлена тем непреложным фактом, что геноцид в любой его форме и при любых обстоятельствах в первую очередь является не чем иным, как применением силы со смертельными последствиями. Следовательно, он предполагает существенное силовое неравенство между потенциальным преступником и потенциальной жертвой. Наиболее общим элементом синдрома уязвимости армян и евреев являлся их переходивший из века в век статус подчиненного, презираемого меньшинства, к которому они были низведены государствами-нациями и господствовавшими внутри этих

государств группами. Обязательства, вытекающие из такого статуса, носили характер предписаний, и поэтому рассматриваемая уязвимость была обусловлена структурной проблемой. Тем не менее, общие последствия такой структурной организации были существенными. Во-первых, предписанное или наложенное подчинение предполагает множество предрассудков и влечет за собой целый спектр дискриминационных механизмов, которые истощают коллективную психику населения, являющегося объектом таких воздействий. Считается общепризнанным социально-психологическим фактом, что, если определенная группа людей на протяжении определенного периода времени чувствует к себе особое, отличное от других отношение, то через некоторое время многие в этой группе на самом деле начинают ощущать себя другими и, соответственно, вести себя как другие. Один из путей дальнейшего развития этого дифференцирующего процесса привел к возникновению и росту этноцентризма, который, безусловно, имел защитный характер. Для того, чтобы приспособиться к наиболее жестоким слоям господствовавших групп, с которыми им приходилось сталкиваться, а иногда и унять их, евреи и армяне научились быть внешне уступчивыми, в то же время развив внутреннюю жесткость, которая, хотя в основном и подавлялась, все же способствовала их этническому самоутверждению. В результате всего этого они еще больше укрепились в своей решимости сопротивляться ассимиляции и сохранить этническую идентичность, что, в зависимости от тех или иных обстоятельств, включая начало острых национальных кризисов, продолжало нарушать спокойствие, раздражать и даже провоцировать их потенциальных палачей.

Эти социальные ограничения были не единственной проблемой; часто они усугублялись отсутствием прав: армянам, например, было отказано в праве носить оружие, и это на земле, где их противники были вооружены до зубов, в особенности во внутренних и отдаленных провинциях. На протяжении довольно длительных периодов армяне и евреи оставались лишенными политических и гражданских прав народами и, за редким исключением, ни в какой форме не могли быть вовлечены в структуры власти соответствующих обществ. Отсутствие прав зачастую резко контрастировало с экономическими возможностями определенных сегментов этих двух меньшинств. В таких ситуациях экономическое превосходство и власть парадоксальным образом усугубляют уязвимость меньшинств, особенно когда большие пласты соответствующих доминирующих групп испытывают затяжные экономические трудности. Здесь

можно возразить, что сочетание экономического превосходства с политическим бесправием уже по сути своей взрывоопасно. Однако необходимо помнить, что в качестве причинных факторов в данном случае выступают структурные принуждения. Из-за дискриминаций, которым подвергались евреи и армяне, у них не было доступа к определенным занятиям — таким, например, как служба в гражданских, военных и правительственных структурах. Такой расклад, обусловленный существованием преимущественного права, создавал достаточно ограничений, чтобы заставить армян и евреев воздержаться от попыток попасть в сферы, где доходы регулировались фиксированными зарплатами, и направить свои амбиции в торговлю, коммерцию и промышленность, другими словами — заняться исключительно доходной экономической деятельностью, в которой накопление богатства не ограничивалось. Когда клеветники и противники поносили раскрывшиеся в связи с этим таланты и достигнутый успех, они не хотели помнить, что все это произошло именно за неимением прав и в результате упомянутых ограничений. Здесь представляется уместным подчеркнуть, что основную часть армянского и еврейского населения нельзя было назвать ни зажиточной, ни тем более процветающей; особенно это относилось к армянам, 70-80% которых были аполитичными, простыми крестьянами, занимавшимися сельским хозяйством на земле своих предков. В своем знаменитом эссе, которое появилось в эпоху идеологии пантуркизма, пришедшего на смену османизма и заслонившего панисламизм, Юсуф Акчурра следующим образом объяснил основную причину этой эксклюзивной политики: “Равенство с немусульманами не только положило бы конец 600-летнему законному владычеству османских турок, но и дало бы немусульманам доступ к работе в военной сфере и в сфере государственной службы, которые до этого являлись монополией турок”.¹

В уравнении геноцида, в котором власть является решающим компонентом, имеется еще один подобный компонент, который в каком-то смысле функционирует для того, чтобы контролировать применение силы. Речь идет о том, что социологи называют системой возможностей. В случае с любым преднамеренным преступлением ни один преступник, даже при наличии предоставленных властью существенных преимуществ, не рискнет перейти к действиям, если не будет предоставлена удобная возможность. И в этом отношении такие более или менее нормальные условия жизни, как мир, стабильность и порядок, являются непродуктивными. Однако, вспыхнувшая война,

часто умышленно ускоренная потенциальными преступниками, по самой сути своей рождает множество ситуаций, которые, объединившись, становятся идеальной системой возможностей. То, что уничтожение как армян, так и евреев было совершено в водовороте двух глобальных войн, не является случайностью. В обоих случаях преступные группы способствовали ускорению соответствующих войн.² Действительно, природа войны, как правило, такова, что власть законодательных органов ослабляется, если не исчезает вовсе, а исполнительная власть правительства, получив “чрезвычайные полномочия”, усиливается. Во время войны бастионом власти обычно становится исполнительная власть. По мере того, как власть законодательной ветви либо ослабляется, либо полностью исчезает, власть исполнительная в значительной мере укрепляется, а предоставленные войной чрезвычайные полномочия дают ей неограниченные возможности. В обеих системах — нацистской и иттихадистской, основными операторами этих полномочий были так называемые “службы безопасности,” представлявшие собой широкую сеть организаций; уровень предоставленных им полномочий был таким, что позволял им беспрепятственно идти на преступные злоупотребления. В деспотическом обществе во времена войны самым большим источником власти, пожалуй, является военный истеблишмент, отождествляемый с правящей властью. Получив высшую степень власти, обусловленную тем, что результат войны держится на их свершениях, они соответственно взлетают на уровень, предоставляющий им относительное превосходство. Геноцид не только требует своевременного принятия решений, но и функциональной эффективности, от которой зависит его успех. Для того, чтобы операции проходили гладко, без сучка и задоринки, помимо планирования и организации снабжения, необходимо обеспечить и систему команды и контроля. Цель состоит в том, чтобы, обойдясь минимальными затратами, добиться максимальных разрушений. Это задача, для выполнения которой необходимы специальные навыки военных. В обоих геноцидах военные сыграли ключевую роль. Были задействованы не просто обычные офицеры, а офицеры, котрые глубоко прониклись идеологией и целями нацистов и иттихадистов. Верные и преданные, они выполняли важнейшую организационную работу, соблюдая при этом секретность и дисциплину, и участвовали в полевых операциях, командуя бандами убийц. Такие термины, как “нацистские офицеры” и “иттихадистские офицеры” весьма показательны для потенциально смертоносного процесса, в ходе которого специально обучали армейских

офицеров, внушали им партийную идеологию, политизировали военных в целом или определенные их круги. И в этом смысле война предоставляет идеальную возможность запрячь в политическую власть военных и использовать их в качестве орудия геноцида.³

Динамика подобного процесса расширения власти была такова, что незащищенность евреев и армян как меньшинств усугублялась пропорционально такому усилению власти; чем сильнее становились палачи, тем слабее оказывались жертвы. Это механизм, который в конце концов приводит к тому, что можно было бы назвать “загнать жертву в ловушку”. В случае с армянами турки использовали с этой целью четыре способа. 1. Они приостановили работу парламента, был объявлен перерыв до начала геноцида и снова созвали его, когда этот геноцид уже шел полным ходом. 2. Они ввели систему временных законов, составление которых было прерогативой исполнительной власти, т.е. иттихадистов, в руках которых была сосредоточена власть. 3. Вооруженные такими полномочиями, они начали программу по массовым арестам по всей территории Османской империи; в ходе внезапных ночных облав почти все лидеры общин, интеллектуалы, учителя, священнослужители и политические активисты были схвачены, депортированы и ликвидированы. 4. Чтобы еще больше ослабить население-жертву и превратить ее в легкую добычу для последующего истребления, всех здоровых армянских мужчин под предлогом всеобщей мобилизации в три этапа призвали в армию; после предпринятых вслед за этим операций коллективной казни и других смертоносных мер истребления лишь немногим из них удалось выжить.

Евреи подверглись аналогичным процедурам. Ослабление еврейской общины Германии происходило в поступательном темпе, так как началось еще в довоенные годы. На первых порах, когда 23 марта 1933 г. был издан Уполномочивающий акт, он носил общий характер и не был направлен непосредственно против евреев. Как и в случае с упомянутой выше иттихадистской инициативой, нацисты смогли провести акт, на основании которого они получили право издавать законы без их предварительного утверждения парламентом Германии, *Рейхстагом*. Все пять статей этого акта полностью шли вразрез с конституцией Германии. Подобно младотуркам-иттихадистам, нацисты вслед за этим перешли к реализации своего плана по *Gleichschaltung*, заменив парламентскую власть нацистской. Когда началась Вторая мировая война, Уполномочивающий акт, обновленный в 1939 и 1942 в соответствии с 5-ой

статьей, требовавшей его обновления каждые четыре года, приобрел особое значение для евреев. Эти обновления придавали видимость законности массе антиеврейских мер, принятых различными ведомствами господствовавшего нацистского правительства.

Нюрнбергские законы, вступившие в силу 15 сентября 1935 г., будучи побочными продуктами Уполномочивающего акта, представляли собой серию законов, направленных преимущественно против евреев. С тех пор, как в период с 1869 по 1871 гг. евреям официально были предоставлены свободы, и они получили возможность пользоваться почти теми же гражданскими правами, что и немцы, евреи впервые были лишены своих обычных гражданских прав и объявлены второсортными подданными государства. В период с 1935 по 1943 гг. было издано около 250 декретов, по которым евреи были сначала отстранены от службы в государственных органах, лишены профессий, затем им запретили заниматься экономической деятельностью, заставляя их носить Звезду Давида. Последний декрет объявил их «вне закона». Весьма примечательно, что обеим нациям-жертвам без особого труда удалось внушить ложное чувство безопасности, благодаря кодовому слову «депортация», за которым скрывалось ожидавшее их истребление.

Уязвимость евреев и армян не была обусловлена лишь условиями внутри германского и турецкого государств-наций и соответствующими мерами принуждения, к которым прибегали нацистский и иттихадистский режимы. По схожим причинам, однако при различных обстоятельствах оба меньшинства на протяжении длительного времени создавали и пестовали в разных странах объединенные группы поддержки, в которые входили политические круги, диаспоры, а иногда и правительства, которые действовали исходя из целесообразности или в рамках гуманизма. С этим фактором преступники должны были считаться, и именно с учетом этого фактора они в обоих случаях не спешили с планом реализации геноцида, действуя осторожно и стараясь избежать опрометчивых шагов. Нацисты начали с изгнания евреев из общества, за которым последовала экспроприация. Затем появились план и относящиеся к нему переговоры по массовому переселению (Мадагаскарский план). Как отметил Гильберг, «приказ об уничтожении евреев не был дан Гитлером сразу как началась война. Даже Гитлер избегал столь резких шагов. Даже Гитлер колебался перед принятием «окончательного решения».⁴ Отсутствие реальной поддержки этих нацистских планов Западом в сочетании с вызванными войной

чрезвычайными обстоятельствами создали ситуацию, которая побудила нацистов к рассмотрению более радикальных подходов. Когда началась новая стадия депортаций, один из основных нацистских лидеров Иозеф Геббельс 13 декабря 1942 г. отметил в своем дневнике, что в европейской прессе явно прослеживается озабоченность в связи с «преследованием» евреев. «Однако в глубине души я уверен, — писал он, — что и англичане, и американцы счастливы по поводу того, что мы уничтожаем еврейский сброд».⁵ Согласно мнению американского социолога В.И.Томаса, «если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны в своих последствиях». Во всяком случае, нельзя недооценивать влияние такого нацистского восприятия на последующую кристаллизацию их решимости перейти к более резким мерам по отношению к евреям, не принимая в расчет крайне неблагоприятные последствия такого решения. «Окончательное решение» было претворено в жизнь с почти безграничным энтузиазмом. Гигантские масштабы войны против Советского Союза и столкновение с новой демографической проблемой, обращение с миллионными советскими евреями, конечно же, сыграли в этом вопросе свою роль. Однако первостепенным остается то, что внешний мир потерпел крах в своих попытках удержать не на шутку расхрабренных нацистов, что придало им большей смелости. А ведь нацисты долгое время прощупывали почву в ожидании какого-либо противодействия или демонстрации вероятной угрозы.

Геноцид армян также прошел этапы развития, в процессе которых иттихадисты прощупывали почву и бросали пробные шары. Одним из таких сигналов явился массовый арест представителей армянской знати 24 апреля 1915 г. и их немедленная высылка в глубь страны. Учитывая традицию Османской Турции в разрешении подобных вопросов, массовый арест был предвестником грядущих, еще более ужасных событий. Однако этот предвестник зла не задел за живое ни союзников Турции, ни нейтральные государства Европы и Америки. Следующая стадия ознаменовалась изданием 26 мая 1915 г. Временного закона о депортации, неумолимо зловещий характер которого снова мало кого насторожил. Затем турки начали цикл отдельных массовых убийств, уничтожив несколько конвоируемых групп депортируемых. На протяжении почти шести недель турки таким образом испытывали остальную мир на совесть, солидарность и решительность. Центральные державы, союзницы Турции, притворялись, что ничего не знают; державы Антанты, военные противники Турции, были ограничены в своих действиях и в основном поглощены вой-

ной, из которой стремились выйти с победой, а нейтральные державы предпочли остаться в стороне. И вовсе не случайно, что геноцид армян дошел до своей кульминации только после того, как преступники убедились в том, что могут беспрепятственно продолжить свое дело. Начиная с первой недели июня 1915 г. и на протяжении последующих месяцев армянское население непрерывно и систематично уничтожалось — уничтожалось безжалостно и неумолимо, с применением разнообразных в своих зверствах методов.

В обоих случаях фантом внешнего сдерживания так и не материализовался, и не только потому, что другие державы и национальные государства не были склонны к вмешательству, но и потому, что ни у евреев, ни у армян не было родственного государства, которое предприняло бы своевременные и эффективные контрдействия. Как члены меньшинств, отождествляемые как две нации-сироты, они, во время своей обреченности, дошли до наивысшего уровня своей уязвимости.

В совокупности аспекты уязвимости ярко показывают исторические измерения проблемы. Логическим антиподом известного преступника является известная жертва. По множеству причин, некоторые из которых были обсуждены выше, армяне и евреи приобрели «известность» как удобные, если не идеальные мишени для потенциальных групп преступников. Это приобретает еще большую важность с учетом тех многочисленных различий, которые существовали между этими двумя народами с точки зрения происхождения, религии, культуры и демографии. В том же культурном и цивилизационном контексте можно отметить и огромные различия между двумя группами палачей.

Очевидно, что в геноциде различия между жертвами как внутри одной группы, так и между несколькими группами, не играют большой роли. Различия просто исчезают в пучине безразличия, уравниваясь механизмами и перемалываясь в клешнях гигантской махины уничтожения.⁶ В этой связи в заключение можно отметить, что самой выдающейся чертой двух геноцидов с точки зрения обстоятельств, в связи с которыми ни один из них не был предотвращен, является тождественность доверенных лиц, которые разработали, внедрили и эффективно использовали это орудие уничтожения. Вопреки расхожим представлениям, они изначально были связаны не с соответствующими государственными аппаратами, а с двумя монолитными политическими партиями — партией нацистов и партией иттихадистов. Лидеры этих партий просто наводнили эти аппараты после того, как взяли под свой контроль государственно-

ные структуры, проникнув в министерства, контролируя функции последних и в целом навязывая соответствующим правительствам программы рассматриваемых здесь партий. Нельзя позволять монолитной политической партии с диктаторскими устремлениями нарушать границы, которые, как правило, очерчивают функции государства и деятельность правительства, поскольку такая партия может, воспользовавшись этим, приложить все усилия, чтобы добиться своих целей и осуществить свои идеалы. Недопустимо также, чтобы на правила подотчетности в системе управления государственными делами распространялись партийные положения, партийная система поощрений, партийная секретность и партийная дисциплина, став основными, если не единственными стандартами в ведении общественных дел и решении судеб нации. В последующих частях этой главы приведенный довод найдет свое дальнейшее обоснование. Турецкий автор, который был министром обороны в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, а также командующим армией в годы войны и первым великим визирем в период перемирия, в своих мемуарах поставил надлежащий диагноз этой проблеме. Он полагает, что «основной причиной провала иттихадистского правления явилась настойчивость в претворении решений, принятых Иттихадом как тайным [заговорщическим] комитетом, которые, однако, они пытались воплотить в жизнь после того, как взяли контроль над правительством. Они руководили этим правительством, используя тайные рычаги власти, которыми располагали партийные центры».⁷

Некоторые соображения по поводу Армянского геноцида как прецедента и предвестника Холокоста

Это вопрос, представляющий чрезвычайную важность, которая по своей остроте соотносима с тем, насколько сложно дать на него четкий и определенный ответ. Основная сложность заключается в том, что, учитывая природу проблемы, однозначный ответ мог быть дан только самими преступниками, совершившими Холокост, и в первую очередь Гитлером; они или Гитлер должны были бы добровольно представить соответствующую достоверную и четкую информацию, чего они, конечно же, не сделали. То, что особенно Гитлер, как правило, предпочитал крайнюю секретность во всем, что касалось подробностей его планов и интриг, — является историческим фактом. Как будет показано ниже, эта одержимость секретностью проявилась, когда он намекнул на ус-

пешный исход плана геноцида армян во время Первой мировой войны. Его нечаянный свидетель спустя какое-то время умер при сомнительных обстоятельствах.

Ссылки Гитлера на судьбу армян

Идеология Гитлера ни для кого не была секретом, ибо в общих чертах о ней, и в частности, о необходимости уничтожения евреев, говорилось открыто и во всеуслышание. Однако когда дело доходило до планов, механизмов, инструкций и приказов, все либо погружалось в молчание, либо скрывалось за плотной завесой секретности. Здесь мы сталкиваемся с двойственностью характера этой личности — “непревзойденной смесью жестокой честности и искусства маскировки” (*eine unnachahmliche Mischung von brutaler Ehrlichkeit und Kunst des Verbergens*).⁸ Иоахим Фест, подчеркивая характерную для Гитлера “манию скрытности” (*Verheimlichungs-manie*), утверждает, что Гитлер знал о зарегистрированных в прошлом “актах физического уничтожения”, обозначенных словами “ликвидация или истребление”, и, следовательно, был осведомлен об этом “намного раньше своих ближайших последователей... Еще в начале тридцатых Гитлер призывал свое ближайшее окружение развивать “технику депопуляции” и открыто добавил, что под этим он подразумевал ликвидацию целых рас”.⁹

Некоторые высказывания Гитлера, относящиеся к 1920-30-ым годам, указывают на то, что в целом он был осведомлен об армянах и турках: о том, что армяне преследовались турками и что печальным исходом этих преследований явилось их “уничтожение”. В одном из самых ранних из сохранившихся письменных документов, который содержит заявления или речи Гитлера, относящиеся к периоду вплоть до 1924 г., будущий нацистский лидер намекает на то, что армяне стали жертвой отсутствия мужества для борьбы. Следовательно, добавляет он, “решение еврейской проблемы” требует “кровавой схватки”. Иначе, продолжает Гитлер, “немецкий народ станет таким, как армяне” (... *das deutsche Volk wird ein Volk wie die Armenier...*).¹⁰ Приблизительно через два десятилетия Гитлер сделал аналогичную ремарку. На конференции в Клессхайме (17 апреля 1943 г.) он произнес речь, пронизанную бранью в адрес евреев, которых назвал развращенными паразитами, “туберкулезными бактериями, которые угрожают здоровому организму”. Он утверждал, что народы, которые не могли защитить себя от того, что он рассматривал как разрушительное влияние

евреев, были обречены на участь “когда-то такого гордого народа, как персы, которые теперь, подобно армянам, вынуждены влачить жалкое существование”.¹¹ В интервью, данном в июле 1933 г., Гитлер сказал редактору турецкой газеты, что он восхищался зародившимся в современной Турции движением, целью которого было воспитывать любовь к простоте, свойственной местным крестьянам Анатолии. Для него, Гитлера, это движение являлось “сияющей звездой”.¹² В 1935 г. в Германии сложилась такая зловещая ситуация для евреев, что два британских чиновника, которые вели переговоры с немецкими чиновниками из министерства экономики относительно финансовых аспектов переселения евреев Германии в Палестину, выразили свое отчаяние по поводу будущего евреев в нацистской Германии. Один из них, Эрик Милс, Комиссар по миграции и статистике в Палестине, после переговоров писал в личном письме: “...Судьба немецких евреев — это трагедия и, как результат хладнокровного, умного планирования со стороны тех, кто у власти, стоит в одном ряду ...с истреблением армян в Турецкой империи”.¹³

Наиболее обсуждаемое основное заявление Гитлера об уничтожении армян. Чингис-хан как ролевая модель.

Рассматриваемое заявление широко использовалось многими авторами, стремившимися установить связь между геноцидом армян и последующими геноцидальными начинаниями Гитлера, который, как предполагается, был немало впечатлен исходом этого геноцида (в том, что касалось преступников), а именно — его безнаказанностью. Причиной спора были сомнения, связанные с происхождением рассматриваемого документа, а также идентичностью источника, приобретшего и распространившего заключенный в нем материал. Эти вопросы возникли в связи со стоявшей перед обвинителями Нюрнбергских судебных процессов задачей установить преступность намерения и поведения нацистов до и во время войны. Однако, как будет показано ниже, всплывшие со времен Нюрнбергских процессов документальные доказательства рассеяли все сомнения по этому поводу, установив достоверность этого заявления, которое звучит следующим образом “Кто сегодня помнит об уничтожении армян”, (*Wer redet heute noch von der Vernichtung der Armenier*). В первый раз этот документ был передан Луисом Лохнером британскому дипломату в Берлине в августе 1939 г. На протяжении более чем двадцати лет Лохнер был главой Берлинского Бюро Ассошиэйтед Пресс, кроме того, он долгие годы являл-

ся президентом Ассоциации иностранной прессы. 25 августа 1939 г. сэр Невиль Гендерсон, британский посол в Берлине, переслал этот документ в Лондон.¹⁴

Документ является кратким резюме одной или двух речей, произнесенных Гитлером перед главнокомандующими и командным генеральским составом в Оберзальцберге 22 августа 1939 г. во время подготовки к предстоящему вторжению в Польшу. По сути, Гитлер в этой речи убеждает высокопоставленных офицеров быть жестокими и безжалостными, чтобы добиться быстрой победы (*Sein Sie hart, sienen Sie schonungslos, handeln Sie schneller und brutaler als die andern*).

Предстоящее вторжение описано здесь как первый шаг на пути к воплощению призрачного широкомасштабного плана по “обеспечению необходимого нам жизненного пространства” (*gewinnen wir den Lebensraum den wir brauchen*). Глобальная цель заключалась в “переделе мира” (*eine Neuverteilung der Welt*). Прямая ссылка на армян содержится в том параграфе, который представляет контекст одной из идей Гитлера о том, что создание нового мирового порядка требует обращения к массовым убийствам. В качестве иллюстрации приведен пример Чингис-хана, который “осознанно и охотно послал миллионы женщин и детей на смерть (*fröhlichen Herzens*). Тем не менее, он остался в истории как великий основатель государств”. Здесь ход его мыслей ведет к тому, что уничтожение армян служило достижению такой же цели. Турки безжалостно истребили их, чтобы Мустафа Кемаль получил возможность основать новую турецкую государственную систему, а мир не только предал забвению истребление армян, но и принял этот новый порядок вещей, потому что “мир верит только в успех” (*Die Welt glaubt nur an den Erfolg*). (Заметим, что, говоря об уничтожении армян, аналогичную ремарку по поводу успеха сделал и Талеат, автор геноцида армян. Гл. 21, прим. 7).

Это чувство близости, которое Гитлер, по-видимому, испытывал к Чингис-хану, по природе своей было таким, что распространялось и на Мустафу Кемаль Ататюрка, которого он превозносил в той же речи как настоящего государственного деятеля и основателя современной Турции, в то же время отказываясь признавать и называя кретинами (*Kretins*) тех его преемников, которые выступали всего лишь в роли управляющих современной Турции.¹⁵ Фест отмечает, что во время мюнхенского путча в ноябре 1923 г. именно Мустафа Кемаль служил для Гитлера образцом, источником вдохновения, помогшим ему преодолеть сомнения и действовать смело и решительно.¹⁶ Несмотря на

существенные различия между Чингис-ханом и Ататюрком, их роднят схожие элементы, которые нуждаются в некоторых комментариях. Во-первых, в речи, произнесенной 1 ноября перед Большим национальным собранием, Ататюрк осыпал Чингис-хана похвалами, назвав его источником национальной гордости турецкой нации.¹⁷ Более того, три самых известных основоположника современного турецкого национализма, Акчура, Гусеинзаде и Зия Гёкалп, в стихах и в прозе прославили монгольского полководца Чингис-хана, считая его самым первым символом мощи “тюрко-туранских” воинов, свирепость которых не знала границ, когда они совершали свои стремительные набеги. В стихотворении *Туран* Зия Гёкалп описывает его как гения, “увенчавшего мой народ завоеваниями”. В другом стихотворении, также озаглавленном *Туран*, Гусеинзаде Али под литературным псевдонимом А. Турани восхищается тем, как Чингис “сотряс горизонты из конца в конец”. Акчура также “возвеличивал” (*yüceltmiş*) фигуру Чингиса, называя его “турком”. В 1914 г., когда началась Первая мировая война, другой поэт-националист и сподвижник Ататюрка Мехмет Эмин своим звучным призывом “О, турок, проснись!” (*Ey Türk Uyan*), который нашел свои отголоски в нацистском девизе “Проснись, Германия!” (*Deutschland, Erwache*), обращался ко “всем туркам”, призывая их вдохновиться героическими подвигами монгольского завоевателя и превзойти его, взлетев на “алтайские высоты” (родина этого завоевателя): “И поднимите свой яростный голос ... ни один цветок не вырастет без крови... Пусть все турки планеты соберутся и объединятся под вашими знаменами”.¹⁸

Совершенно очевидно, что Чингис и его подвиги завоевателя оказали свое воздействие не только на турок, но и на других жаждущих завоеваний национальных лидеров. Испытывая благоговейный трепет перед масштабами успешного исхода этих завоеваний, они не могли не находиться под влиянием кровавых и жестоких методов, к которым прибегл Чингис для того, чтобы обеспечить успешный исход. Таково обоснование, которое связывает Гитлера с историческим наследием Чингиса и через него с идеей, что геноцид есть тот эффективный механизм, посредством которого можно воплотить в жизнь грандиозные планы. Согласно немецкому психологу Ванде фон Байер, Гитлер сам ввел практику СС *Blutkitt* — традицию Чингис-хана укрепления солидарности между своими ордами посредством совершения безжалостных массовых убийств. Как известно, Гитлер “обнаружил это в книге о Чингис-хане... еще в те дни, когда сидел в тюрьме Ландсберг” (2 февраля — 20 декабря 1924 г.).¹⁹

Другой немецкий автор разглядел в возникновении османской династии предметственность наследия Чингис-хана, таким образом указав на существование связи между османскими турками и монголами. Вот что он пишет по этому поводу: “Османская династия началась, когда орды Чингис-хана – паназиатского монгола – устремились на запад, неся с собой свастику по всей Малой Азии. Она закончилась, когда современный Чингис-хан – паневропейский Гитлер – начал строить планы о том, как его войска, которые несли на себе ту же свастику, дойдут до края земли”.²⁰

Пристрастие к разрушениям, которое красной нитью проходит через все упомянутые исторические эпизоды, обнаруживается и в поведении некоторых самых известных организаторов геноцида армян. Один из них, Халиль Кут, дядя Энвера, de facto верховного главнокомандующего османскими вооруженными силами во время войны, был главнокомандующим группы армий Восток и вторгся в Российскую Армению весной 1918 г. Летом того же года перед огромной толпой армян в столице Армении Ереване генерал Халиль заявил с бахвальством: “Я постарался изничтожить армянскую нацию до последнего человека”.²¹

В период перемирия, находясь в заключении в военной тюрьме османской столицы в ожидании военного трибунала (вместе с другими иттихадистскими лидерами, причастными к организации геноцида армян), этот турецкий генерал, как отмечалось выше, в письменной форме нагло сообщил британскому капитану, что число жертв учиненных им массовых убийств могло достигнуть “300 000... Могло быть больше или меньше. Я не считал”.²² Будучи достаточно откровенными, эти вызывающие признания становятся еще более говорящими, если рассматривать их в контексте граничащего с идолопоклонством благоговения, которое просматривается в отношении Халиля Кута к Чингис-хану. Источником, донесшим до нас эти откровения, является полковник Эрнст Паракин, немец, начальник штаба генерала Халиля. Описывая страшные картины геноцида армян – “решения Армянского вопроса посредством истребления” – полковник Паракин говорит о грандиозных планах Халиля по созданию “общетурецкой империи”, простирающейся от Анатолии и Кавказа до “крайних форпостов турецкого царства на Востоке... доходящих вплоть до сибирских якутов”. Он утверждает, что армян уничтожали с “неумолимой жестокостью”, характерной для “варварского поведения”; резня осуществлялась во имя “этой великой, исключительно национальной Турецкой империи”.

Именно на этом фоне необходимо интерпретировать значимость того, что Халиль назвал своего младшего сына Чингисом – в честь безжалостного полководца. Как рассказывает в своем эссе немецкий штабной офицер, склонность Халиля к пантуранистским набегам нашла отражение в его девизе: “Давайте продвинемся до Туркестана; там я создам новую империю для моего маленького Чингиса” (*Dort will ich das neue Kaisertum für meinen kleinen Dschingis gründen*).²³ Очевидно, что Халиль не раз восторгался Чингис-ханом и в присутствии своих друзей. Как отмечает турецкий историк, Халиль был “абсолютно серьезен, когда торжественно обещал, что сделает все, чтобы его “сын Чингис взойшел на трон Туркестана”. Он не обманывал ни себя, ни кого-либо другого... Он говорил именно то, о чем думал”.²⁴ (Туркестан на персидском означает “земля турок” – земля, которая включает в себя большинство территорий, подпадающих под термин Центральная Азия. Все эти территории в тринадцатом веке пали перед монгольской армией Чингис-хана. Считается, что Тамерлан, еще один завоеватель, известный своим пристрастием к беспощадным погромам, ведет свою родословную от Чингис-хана).

Идущий от Чингис-хана дух истребления овладел умами многих иттихадистских лидеров, которые были столь же одержимы идеями пантуркизма и столь же привержены задаче ликвидации армян как основного и самого проблематичного препятствия на пути к “Туркестану”. Речь, которую произнес иттихадистский вожак Енибахчели Наил за неделю до начала резни армянского населения провинции Трапезунд, является отражением именно этих умонастроений. 5/18 июня 1915 г. Наил выступил с обращением на массовом митинге в общественном парке города Трапезунд. Объяснив, по какой причине Турция вступила в войну, воздав должное немцам, как друзьям и союзникам Турции, жестоко раскритиковав британцев и особенно русских, он закончил свою речь следующей сентенцией: “О, народ [*Ey ahali*]. Мы – отпрыски таких личностей, как Чингис-хан, Тамерлан и Осман; мы их достойные потомки. В наших жилах течет их кровь. Мы должны показать миру мощь нашего оружия. Удары копыт наших коней отдадутся эхом в землях наших врагов. Пришло время показать европейцам христианской веры, неверным русским и их друзьям [которые находятся среди нас] силу нашего меча”.²⁵ Намек на армян как на внутренних врагов в последнем предложении слишком прозрачен, чтобы обойти его вниманием. Правда состоит в том, что в упомянутый период Наил ездил по разным округам провинции, в которой он был ответственным секре-

тарем Иттихада (то есть всемогущим партийным комиссаром, обладавшим правом вето по отношению к генерал-губернатору), настраивая мусульманское население против армян во время тайных сходов и собраний.

Всесильность Наила уступала лишь той ярости, с которой он пускал в ход свое всеилие. Этот факт проиллюстрирован в докладе американского консула в Трапезунде Оскара С. Гейзера, представленном в Государственный департамент. Благодаря ходатайству многих людей, включая греческого примаса Трапезунда, иностранных дипломатов и самих турок, генерал-губернатор согласился временно избавить от депортации армянских детей. Согласно американскому консулу, «около 3000 детей были поселены в пустых домах, которых было множество... Однако этот план пришелся Наилу-бею не по душе... многие из детей были посажены в лодки и вывезены в открытое море, где их выбросили за борт. Я сам видел то место, где 16 тел были вынесены водой на берег и похоронены одной гречанкой неподалеку от итальянского монастыря.»²⁶ Еще более потрясающее впечатление производят показания греческого торговца, который был родом из Трапезунда. Он слышал об умерщвлении путем истязаний троих оставшихся армянских служащих Банка Оттомани, незадолго до этого окончивших колледж. Когда позднее Наил зашел к нему за покупками, торговец, который был знаком с ним, поинтересовался судьбой этих жертв и в ответ услышал следующее: «Будь то в моей власти [*elimden gelirse*], я бы снова создал армян, чтобы заново их уничтожить».²⁷

Как в большинстве случаев уголовного преступления, геноцид требует от преступника соответствующего, в данном случае — предрасположенного к геноциду склада ума. Предыдущее обсуждение указывает, если не показывает очевидным образом, некоторую внутреннюю связь на уровне геноцидального умонастроения между геноцидом армян и еврейским холокостом, в которой преступное наследие монгольского полководца Чингис-хана проступает как связующее функциональное звено. Есть, конечно же, целый ряд факторов, которые были объединены в некую конфигурацию и задействованы, чтобы призвать к жизни и материализовать оба геноцида, идеологическое обоснование которых сводилось к тому, что установление радикально нового порядка может потребовать широкомасштабных разрушений и катастроф. Однако, вне всякого сомнения, пример Чингис-хана возымел огромное влияние и стимулировал не только организацию и осуществление Геноцида армян, но и спровоцированную нацистами катастрофу — Вторую мировую войну, в которой Хо-

локост евреев занимает центральное место. Этот факт признал и председатель комиссии ООН по Военным преступлениям лорд Райт, когда в марте 1948 г., то есть сразу после Нюрнбергского процесса, в целом анализируя это величайшее бедствие, объяснил ужасы Второй мировой войны дошедшим до варварства моральным падением, воскресившим в памяти времена «Атиллы, Чингис-хана и Тамерлана».²⁸

Как было отмечено выше, сделанное 22 августа 1939 г. заявление Гитлера, которому было посвящено все это обсуждение, стало предметом споров. Споры возникли в связи с тем, что обвинение на Нюрнбергском процессе пытались представить в качестве вещественного доказательства документ, из которого взято это заявление. По вышеупомянутым причинам, подлинность документа не была установлена, тем самым ставя под вопрос, но ни в коей мере не отрицая достоверность содержащегося в нем заявления Гитлера. Этот вопрос достоверности детально рассматривается в двух исследованиях. Вывод, к которому приходит автор одной из этих работ Уинфрид Бомгарт, сводится к тому, что существовало пять вариантов рассматриваемого документа. Первый был тот, который раздобыл Лохнер, второй, в свою очередь, состоял из двух вариантов, которые были обнаружены в хранилищах Германского верховного командования; третий поступил от адмирала Бёхма, четвертый — от генерала Гальдера, начальника Генштаба армии, и пятый — из Армейского военного дневника, составленного Х. Гринером, человеком, ответственным за ведение этого дневника. Тщательно изучив документы, Бомгарт пришел к заключению, что документ Лохнера, или его версия, в основном соответствовал двум версиям из хранилища Германского верховного командования, а также пятой версии Гринера, и что, по всей вероятности, все эти версии были основаны на написанных от руки заметках начальника контрразведки адмирала Канариса, тайно сделанных им во время состоявшегося 22 августа собрания.

Однако Бомгарт был далеко не корректен, когда рискнул предположить, что ссылка на армян в речи Гитлера, по всей вероятности, является редакционным «украшением» (*Ausmalen*) со стороны тех, кто готовил доклады по речам.²⁹ Действительно, когда появилась статья Бомгарта (1968), Эдуард Галик готовил к изданию свою книгу *Ohne Maske*, в которую были помещены тексты двух незадолго до этого обнаруженных конфиденциальных интервью с Гитлером, взятых у него в 1931 г. Они свидетельствуют о том, что почти за восемь лет до речи, произнесенной в Оберзальцберге, Гитлер, сославшись на истори-

ческий факт “истребления армян”, сделал в точности такое же заявление. В ходе второго, данного в июне 1931 года интервью, он рассуждал о будущих планах массовой депортации и неизбежном сокрушении соответствующего населения-жертвы. Это интервью у него брал Рихард Брейтинг, влиятельный редактор популярной немецкой ежедневной газеты *Leipziger Neueste Nachrichten*, печатного органа немецких национал-консерваторов. Отступив от своей обычной линии, Гитлер позволил Брейтингу делать заметки, заставив его, однако, поклясться, что все останется в секрете. Вот его замечание:

Люди повсюду ждут нового мирового порядка. Мы намереваемся провести великую политику переселения... Подумайте о библейских депортациях и массовых убийствах средневековья... и вспомните об истреблении армян [*erinnern Sie sich doch an die Ausrottung Armeniens*].³⁰

В пользу того, что это заявление достоверно, говорят связанные с ним подлинные события. Несколько лет спустя силы лейпцигского гестапо были направлены на розыск заметок Брейтинга, поскольку нацистское руководство спохватилось, что, с точки зрения планов Гитлера на будущее, они могут оказаться чрезмерно откровенными и следовательно, подверженными всякого рода интерпретациям и реакциям со стороны Запада. Брейтинг умер в 1937 г. при подозрительных обстоятельствах после того, как встретился с двумя агентами гестапо, перед которыми безуспешно притворялся, что уничтожил записи. Однако после войны они были предоставлены его сестрой. Калик представляет полный список людей, среди которых был и бывший начальник стенографического бюро Рейхстага, который в своих данных под присягой устных и письменных показаниях удостоверил подлинность этих записей; в наиболее подробном виде эта информация содержится в докладной начальника стенографического бюро Рейхстага.³¹

Есть подтверждение того, что в речи Гитлера достоверен не только отрывок об армянах, но и слова, сказанные о Чингис-хане. Контекст тот же, слова произнесены в том же русле; кроме того, Гитлер по другому поводу признает наследие последнего как источник своего вдохновения.

Весь этот спор о происхождении, обстоятельствах появления и достоверности документа, содержащего речь Гитлера, а также некоторые доводы о его качестве нашли отражение в другом исследовании, проведенном К. Бардакчя-

ном, пришедшим к заключению, что документ подлинный.³² Несмотря на то, что мотивы Гитлера, желавшего уничтожения евреев, не во всем были идентичны иттихадистскому желанию уничтожить армян, в системе координат Гитлера эти две нации-жертвы имели один объединявший их элемент: существование обеих было крайне нежелательным. Гитлер особо подчеркивал неотложность “задачи защитить немецкую кровь от загрязнения не только еврейской, но и армянской кровью”.³³

Источники осведомленности нацистской Германии о судьбе армян

Относительная легкость, с какой был осуществлен геноцид армян и с какой преступники избежали карательного правосудия, повлияла на намерения высшего эшелона нацистского руководства рассмотреть возможность аналогичной инициативы в отношении евреев. Как писал Абрахам Сашар, “спустя двадцать пять лет геноцид был с одобрением упомянут фюрером... который считал армянское “решение” поучительным прецедентом”.³⁴ Как было отмечено выше, его поучительность в первую очередь заключалась в том, что преступники были косвенным образом вознаграждены, оставшись безнаказанными. По наблюдению канадского эксперта в области международного права Дэвида Матаса, “ничто не прибавляет преступнику так много храбрости, как знание, что преступление сойдет ему с рук. До нацистов дошел именно этот посыл, содержащийся в провале попытки предать суду преступников, совершивших геноцид армян. Мы рискуем, игнорируя урок Холокоста”.³⁵ Ричард Лихтгайм, один из тех немецких евреев, который, будучи еще совсем молодым лидером сионистского движения, в годы войны лихорадочно вступил в переговоры с иттихадистским руководством Турции, описывал “хладнокровно спланированное уничтожение более одного миллиона армян” (*kaltblütig durchdacht*) как преступный акт, “подобный крестовому походу Гитлера на евреев в период с 1940 по 1942 гг”.³⁶

Хотя в период войны германские власти всячески препятствовали тому, чтобы истории о геноциде армян проникли в Германию, немецкий миссионер и историк Лепсиус уже в 1916 г. проинформировал узкие круги о природе и масштабах примененных турками антиармянских мер. После войны картина резко изменилась, так как многие немецкие миссионеры, особенно протестантские, наводнили информационный рынок потоком рассказов об “армянском мученичестве”. Судебный процесс над убийцей Талеата, состоявшийся в 1921

г. в Берлине, и в особенности то обстоятельство, что присяжные оправдали его, стали событиями, возбудившими широкие круги немецкой общественности, которая таким образом узнала о подробностях зверств геноцида. Как отметил один из экспертов по Холокосту, “в 1920-ые авторы... популяризировали историю геноцида; Франц Верфель, немецкий еврей-романист сделал то же самое в 1930-ые посредством своей книги *Сорок дней Муса-Дага*”.³⁷ Верфель не только написал о “непостижимой судьбе армянского народа” (его предисловие к этому роману), но и осенью 1933 г. провел лекционный тур по городам Германии, используя литературные диспуты и обсуждения, чтобы снова и снова рассказать о подробностях Армянского геноцида. Возмущившись тем, что Верфель взял на себя эту роль, нацистское периодическое издание *Das Schwarze Korps* подвергло его резкой критике как пропагандиста “мнимых зверств, учиненных турками против армян”, и осудило “армянских евреев Америки за то, что последние способствовали продаже книги Верфеля в США”.³⁸

Если перенестись от немецкой общественности как широкой аудитории, узнавшей о геноциде армян, в немецкие официальные круги, в распоряжении которых были документальные источники по Армянскому геноциду, то станет очевидным, что у высшего эшелона нацистских лидеров, включая Гитлера, были большие возможности ознакомиться с мельчайшими подробностями геноцида армян. Некоторые из этих немецких чиновников были ставленниками, перешедшими из военного времени в период перемирия; другие — из Веймарской Республики к нацистской эпохе. Были и фигуры, имевшие двойную идентичность: они последовательно служили и императору Вильгельму II, и Адольфу Гитлеру. Многие из них в разные периоды войны служили в Турции и благодаря этому были хорошо осведомлены об операциях по ликвидации армян. В зависимости от обстоятельств могли быть использованы те или иные каналы и способы передачи имевшейся у них информации нацистским лицам, принимавшим решения; следует учитывать и элемент случайности, обусловленный тем, насколько они отождествляли себя с нацистским режимом и идеологией и в какой степени имели доступ все к тем же лицам, принимавшим решения. Потенциально все они могли иметь эту связь; вероятность того, что они это сделали, применима ко многим, а возможность — лишь к некоторым (Именно исходя из этих параметров неопределенности список и краткое описание соответствующих чиновников представлены в Приложении к данному исследованию).

Особый случай д-ра Макса Эрвина фон Шёбнера Рихтера

Из всех немецких ветеранов Первой мировой войны, которые несли службу в союзной Турции в качестве военных и/или дипломатов и в то же время занимали такую позицию, что могли на начальных стадиях нацистского движения в той или иной степени убедить Гитлера в возможности уничтожения “чужеродных” элементов Германии, самой заметной фигурой был Шёбнер Рихтер. Будучи вице-консулом в Эрзруме, а позднее сокомандиром совместного турецко-германского экспедиционного партизанского войска, он имел исключительную возможность составить представление о как явных, так и скрытых аспектах иттихадистского плана геноцида армян. Когда экспедиционные части продвигались к зоне военных действий, он даже стал свидетелем сцен резни в провинции Битлис, впоследствии описав их в своем последнем докладе канцлеру Гольвегу.³⁹ В период с 30 апреля по 5 ноября 1915 г. он отправил своему начальству 15 пространных докладов, содержащих подробности продолжавшихся депортаций и массовых убийств, а в упомянутом выше последнем докладе сообщил, что, за исключением нескольких сотен тысяч, проживавшие в Турции армяне действительно были уничтожены” (*ausgerottet*). В том же докладе Шёбнер описывает подробности плана иттихадистов насильственно сделать Турцию однородной в этническом отношении страной, целый набор надуманных обоснований, предлогов, ухищрений и сокрытий, связанных с этим планом, методы, разработанные с целью усыпить бдительность жертвы и загнать ее в ловушку, способы использования преступных банд и активное участие во всем этом иттихадистского партийного аппарата. Короче говоря, Шёбнер знал все, что следовало знать об осуществлении геноцида: мотивацию, организацию, механизм и прикрытие.

Передал ли он эти сведения Гитлеру, тем самым внося свой вклад в формирование умонастроения, из глубин которого возникла неоднократно озвученная Гитлером и основанная на примере армян мысль о том, что можно совершить массовые убийства, избежав при этом наказания, продолжает оставаться вопросом, который все еще является предметом споров. Скорее, утвердительный ответ на этот вопрос дала недавно вышедшая немецкая публикация, в основном сконцентрировавшая свое внимание на заявлении, сделанном Гитлером 22 августа 1939 г. в Оберзальцберге. В ней утверждается, что “Гитлер должен был быть полностью осведомлен” (*Hitler muss genau Bescheid gewusst haben*) об Армянском геноциде, “поскольку на начальной стадии наци-

онал-социалистического движения одним из его ближайших сотрудников был др. Макс Эрвин фон Шёбнер Рихтер, т.е. бывший консул Германии в Эрзруме, ужасающие доклады которого о массовых истреблениях армян сохранились”.⁴⁰ Это периодическое издание пошло на шаг дальше, утверждая, что навыки, продемонстрированные в истории с армянами, послужили примером для Гитлера в его аналогичных инициативах против евреев. В этой связи в периодическом издании приводятся такие сходства, как “депортации в военное время, уничтожение путем изнуряющей работы; гибельные марши, подстрекательство других народов с целью заручиться их помощью в ликвидации населения-жертвы; истребление путем изнурения в результате искусственно создаваемых невыносимых условий, включая суровый климат, голодную смерть и эпидемии; создание концентрационных лагерей, бесстыдное поведение, нацеленное на личное обогащение за счет присвоения собственности депортируемых”.

Вопрос прямого и эффективного влияния Шёбнера на умонастроение Гитлера требует краткого упоминания о том, как возникли их взаимоотношения, какова была их природа и чем они завершились. В 1920 г. в Мюнхене Альфред Розенберг, балтийский немец, отец нацистской идеологии, представил Шёбнера Гитлеру. 22 ноября того же года Шёбнер и его жена, посетив нацистское собрание, на котором выступал Гитлер, стали членами нацистской партии. Как для Гитлера, так и для Шёбнера первым толчком, побудившим их заняться формированием националистического движения в Баварии, явилась революционная агитация, проводимая по всей Германии социалистами, и особенно коммунистами Германии. В одной из передовиц своей газеты *Aufbau-Korrespondenz*, основанной в 1920 г. в Мюнхене, Шёбнер предупреждал об опасности коммунизма, за которым, как он заявлял, скрывался “всемирный еврейский заговор по установлению мирового господства”. Поэтому, продолжал он, обе нации — немцы и русские, должны помнить об угрозе “еврейско-большевистской диктатуры”.⁴¹ Еще более воинственную позицию Шёбнер продемонстрировал в другой передовице, опубликованной в начале 1923 г. Обвиняя чужеродные элементы в том, что он называл постепенной коррозией Германии, Шёбнер призывал перейти к “безжалостной и неумолимой” кампании против этих элементов, чтобы, “не зная пощады, очистить Германию” (*rücksichtslose Reinigung Deutschlands*). Он писал: “Мы должны начать безжалостную борьбу против всего, что мешает общности немецкого народа, — ради немец-

кой нации и великого Германского Рейха”.⁴² Примечательно, что в одном из докладов, направленных своему послу во время Первой мировой войны, Шёбнер охарактеризовал проживавших в городе армян словами “эти евреи Востока, эти хитрые предприниматели” (*gerissene Handelsleute*).⁴³ Нелишне отметить, что из напечатанного варианта этого доклада, который включен в относящийся к геноциду армян сборник документов министерства иностранных дел Германии под редакцией Лепсиуса, эта ремарка удалена наряду с некоторыми другими.

Когда в феврале 1920 г. нацисты в Баварии заключили союз с рядом воинствующих националистических обществ и других организаций фашистского толка, и S.A. стали военным крылом этого нового Боевого союза (*kampfbund*), Гитлер назначил Шёбнера руководителем этого союза. С тех пор отношения между ними углубились, так как Шёбнер через свою сеть обширных связей с немецкими промышленниками обеспечивал союз “огромными суммами денег”. В дни неудавшегося мюнхенского путча 8-9 ноября 1923 г., во время которого такие известные нацисты как Розенберг, Юлиус Штрейхер, Герман Геринг и Людендорф пытались свергнуть правительство Баварии, Шёбнер шел рука об руку с Гитлером. Он был одним из первых, кто получил пулю от местной полиции, которая, попав ему прямо в сердце, сразу же убила его. “Падая, он с такой силой дернул руку Гитлера, что фюрер вывихнул плечо и вскрикнул от боли”.⁴⁴

По наблюдению Иоахима Феста, “его влияние на Гитлера было значительным, он был единственным из убитых в Фельдгернгалле 9 ноября 1923 г., кого Гитлер считал незаменимым”.⁴⁵ Аналогичное мнение высказал Трумпенер, в частности, отметивший: “Как и многие другие немецкие должностные лица, служившие в Турции во время войны, Шёбнер Рихтер впоследствии стал заметной фигурой на немецкой политической арене. В первые годы нацистского движения он был одним из ближайших советников Гитлера...”⁴⁶

Нюрнбергское испытание

Если евреи и армяне разделили одинаковую участь из-за того, что их мученичество нельзя было предотвратить, то об этой общности позабыли с учреждением Нюрнбергского суда, в результате которого в отношении банды нацистских преступников было применено карательное правосудие. Масштаб

этого правосудия был обусловлен тем, что наряду с Нюрнбергским, как в Германии, так и в других странах Европы, было проведено множество дополнительных процессов.

Ряд ошибок и неудач победивших в Первой мировой войне европейцев привел к тому, что геноцид армян не был ни предотвращен, ни наказан. Провал процесса правосудия в этом случае (отягощенный печальными результатами Лейпцигских процессов в Германии) побудил союзников уже после Второй мировой войны, в Нюрнберге, прибегнуть к другим методам. Этот новый подход оказался возможным благодаря достижению даже минимального консенсуса и согласия между союзниками. Германское государство и его вспомогательные организации обвинялись по основному вопросу преступного злоупотребления суверенностью, в результате которого его собственные граждане стали жертвами «убийств, уничтожения, порабощения, депортации». Ключевую роль в этом отношении сыграл член Верховного суда США Роберт Джексон. Поставив под вопрос уместность доводов времен Первой мировой войны, представленных американскими членами Комиссии по ответственности, которые были приверженцами доктрины нерушимости и незыблемости суверенного государства, он заявил: «[Н]астроение Соединенных Штатов и мнение большей части мира претерпели серьезные изменения с тех пор, как г-н Джеймс Браун Скотт и секретарь Лансинг обнародовали свои взгляды...»⁴⁷ В своей вступительной речи он противопоставил этой доктрине следующие доводы:

Если один человек с кулаками нападает на другого, то, согласно закону всех цивилизованных народов, это безоговорочно считается преступлением. Как же случилось, что, помножившись на миллион и добавив к кулакам огнестрельное оружие, это преступление стало с правовой точки зрения невинным действием? Суть доктрины заключалась в том, что если в ходе законной войны совершается обычный насильственный акт, то человек, совершивший его, не должен рассматриваться как преступник... Международное право, которое применяется только в отношении государств, может быть проведено в жизнь лишь через войну, так как самым реальным методом принуждения государства является война... Единственным ответом на непокорность было либо признание в собственном бессилии, либо война... Конечно же, та идея, что государство совершает преступления не более как корпорация, является фикцией. И если применение юридической фикции ответственности государства или корпорации с целью пред-

писания коллективной ответственности вполне уместно, то совершенно недопустимо, чтобы приверженность букве закона в этом отношении стала основой для неприкосновенности на личностном уровне. Устав определяет, что лицо, совершившее преступное деяние, не может укрываться за приказами вышестоящих органов или прятаться за доктриной о том, что эти преступления были государственными актами... Устав также признает опосредованную ответственность, которая признается большинством современных законодательных систем, за действия, совершенные другими при осуществлении плана заговора, участником которого стал обвиняемый... Лица осуждаются за действия, которых они не совершали сами, но за которые они были ответственны за то, что участвовали в комбинациях, либо участвовали в планах или заговорах.⁴⁸

Нюрнбергский трибунал был не только оккупационным военным судом, но также и международным судом. Будучи таковым, он во многих важнейших смыслах был первопроходцем с точки зрения преодоления противоречий между внутригосударственным и международным правом в определении уголовных санкций за совершенные государством преступления против человечества. Это нашло свое отражение в процессуальной унификации, нашедшей место в Нюрнбергском Уставе.

Соглашение, ставшее результатом работы Лондонской конференции, было заключено в Лондоне 8 августа 1945 г. Устав, на основании которого был проведен Нюрнбергский процесс 1945-1946 гг., был приложен к Соглашению. Нюрнбергские принципы, которые были сформулированы на основании ряда решений, принятых в связи с этими судебными разбирательствами, важны с точки зрения как прецедентности, так и кодификации. В приговоре, в частности, говорилось:

Юрисдикция Трибунала определена Соглашением и Уставом, и преступления, подпадающие под юрисдикцию Трибунала и влекущие за собой индивидуальную ответственность, изложены в статье 6. Правовые нормы, вытекающие из Устава, являются руководящими и обязательными для Трибунала. Создание Устава явилось применением суверенных законодательных прав тех стран, перед которыми безоговорочно капитулировал Германский рейх, и несомненное право этих стран осуществлять законодательные функции для оккупированных территорий признано всем цивилизованным миром.⁴⁹

Это решение полностью соответствует рекомендациям Комиссии по отве-

тственности 1919 г., процитированным в Фонде Карнеги за международный мир: *Нарушения законов и обычаев войны: доклад большинства и особые мнения американского и японского членов Комиссии по ответственности на Парижской мирной конференции*. Заслуживают внимания также следующие процедурные изменения, нашедшие место в Уставе:

Статья 3 Ни Трибунал, ни его члены, ни их заместители не могут быть отведены обвинителем, подсудимыми или защитой.

Статья 18 Трибунал должен:

(а) Строго ограничивать судебное разбирательство быстрым рассмотрением вопросов, связанных с обвинением;

(б) Принимать строгие меры для предотвращения любых выступлений, которые могут вызвать неоправдываемую задержку процесса, исключать какие бы то ни было не относящиеся к делу вопросы и заявления;

(в) Принимать любые меры во всех случаях неподчинения требованиям суда и налагать надлежащие взыскания, включая лишение любого подсудимого или его защитника права присутствовать на всех или некоторых заседаниях, однако без ущерба для расследования обвинений.

Статья 19 Трибунал не должен быть связан формальностями в использовании доказательств. Он устанавливает и применяет возможно более быструю и не осложненную формальностями процедуру и допускает любые доказательства, которые, по его мнению, имеют доказательную силу.⁵⁰

В результате процессов судебные прецеденты ограничили первичность и исключительность внутригосударственных законов, относящихся к индивидуальной, международной и уголовной ответственности за поведение в военное время. Согласно этим принципам, уголовная ответственность распространялась и на высших должностных лиц государства, включая его правителя, и налагая суровые ограничения на такие обстоятельства защиты, как приказы вышестоящих органов, государственные акты и военная необходимость. Правовые нюансы этих ограничений, рассматриваемые как вопросы обычного международного права, широко обсуждались сразу по окончании Первой мировой войны британскими, французскими и немецкими юристами, столкнувшимися с предложенными условиями Версальского договора.⁵¹ Условие Нюрнбергского Устава, согласно которому для преследования в судебном порядке необходи-

мо, чтобы преступление против человечества имело отношение к войне, т.е. было совершено “в процессе или в связи с войной”, в общих чертах рассматривалось турецким военным трибуналом в 1919 г. В основном обвинительном акте была выражена резкая критика в отношении тайных целей заговорщиков, которые втянули Турцию в войну, нанеся упреждающий удар России. *Takvimi Vekayi*, No. 3540, 5 мая, 1919 г. В основном вердикте это было еще раз отмечено со ссылкой на свидетельские показания одного из членов центрального комитета партии Иттихад. *Takvimi Vekai*, No. 3604. В окончательном отчете Комиссии по ответственности также был подчеркнут тот факт, что “война была заранее задумана центральными державами вместе с их союзниками”, особенно Турцией, “и была результатом предумышленных совместных действий, направленных на то, чтобы сделать войну неизбежной”. Затем эти заранее обдуманные планы связывались с применением во время войны “варварских методов, нарушающих существующие законы и обычаи войны и элементарные законы человечности”.⁵² Главное то, что трибунал подготовил почву для того, чтобы преступление против человечества было отнесено к категории высших преступлений согласно международному праву, рассматривая его как побочное преступление по отношению к общему и отдельному типу военных преступлений и как источник права наций.

Представляется уместным еще раз вернуться к историческим корням этих развитий, в частности, в связи с Армянским вопросом девятнадцатого столетия. Когда британский министр иностранных дел Грей после некоторых колебаний решил присоединиться к французскому и русскому коллегам с тем, чтобы поддержать предъявленное Турции 24 мая 1915 г. официальное предупреждение в связи с новой волной массовых убийств армян, он “видел угрозу наказания как продолжение политики девятнадцатого века против турецких зверств”.⁵³ Не менее важно, что сэр Гартли Шоукросс, Главный обвинитель от Великобритании в Нюрнберге, выделил армянский случай как основу для возникновения Нюрнбергского закона о преступлениях против человечества. Процитировав Горация, чтобы показать, что вмешательство оправдано, когда зверства совершаются диктатором по отношению к своим же подданным, он заявил:

Именно в соответствии с этим мнением действовали европейские державы, которые в прошлом вмешались, чтобы защитить христианских подданных Турции от жестокого преследования. Факт остается фактом, что право на гуманитарную интервенцию посред-

ством войны не является новшеством в международном праве...

Этому доводу предшествовала его оценка границ государственного суверенитета согласно международному праву:

Обычно международное право признает за государством право решать самому, как обращаться с собственными гражданами; это вопрос внутригосударственной юрисдикции... А между тем, в прошлом международное право предъявляло некоторые претензии, связанные с тем, что всемогущество государства имеет пределы и что отдельный человек, как высшая составляющая всего законодательства, не лишен права защиты человечества, когда государство попирает его права до такой степени, что совершает насилие над совестью человечества.⁵⁴

Однако из-за успеха Нюрнберга не следует забывать о тех все еще актуальных угрозах, которые привели к краху международного права во время геноцида армян. Учитывая природу геноцида, практические проблемы, возникающие при введении правовых санкций, ставят под вопрос реальность усилий, направленных на предотвращение враждебных действий. Маловероятно также, что какие-либо будущие инициативы, предпринятые с целью восстановления справедливости, окажутся эффективными, явившись результатом консенсуса, достигнутого между участвующими государствами, как это произошло в Нюрнберге. Нацистские преступления имели слишком большой масштаб, категории жертв были слишком многочисленными, а результаты разрушений слишком катастрофическими, чтобы допустить в Нюрнберге вторжение серьезных разногласий между союзниками. Но самым главным было то, что народы, участвовавшие в судебных разбирательствах нацистских преступлений, были после евреев основными жертвами зверств нацистов. И с этой точки зрения представляется уместным следующий вопрос: можно ли было бы предположить саму возможность Нюрнберга, не говоря уже о реализации этого процесса, если бы жертвами нацистов оказались только евреи и в некоторой степени цыгане (в то время единственные незащищенные меньшинства, у которых не было родственных государств, способных заставить осуществить карательное правосудие)? Как сказал Холмс, ничем нельзя заменить законотворчество, основанное на жизненном опыте.

Примечания к главе 23

1 Yusuf Akçura, *Üç Tarzi Siyaset* (Три политических пути), (Ankara, 1987), 28. Это 32-страничное эссе впервые было опубликовано в виде цикла статей в мае-июне 1904 года, в 24-34 выпусках каирской газеты *Türk*, издателя которой были младотурками (*Genç Türkler*).

2 Хотя Турция вступила в войну с запозданием, ее вступление, умышленно спровоцировав Россию, втянуло последнюю в пучину войны. Нарушив свой притворный нейтралитет, Турция, подстрекаемая Германией и поддерживаемая ее мощными морскими силами, 29 октября 1914 г. совершила внезапное нападение на российские черноморские порты, береговые сооружения и суда, уничтожив несколько мишеней. Как и ожидалось, через несколько дней Россия объявила войну Турции, и ее примеру вскоре последовали ее союзницы Англия и Франция.

3 Обсуждение этой проблемы в связи с Турцией см. Vahakn N. Dadrian, "The Role of the Turkish Military in the Destruction of Ottoman Armenians: A Study in Historical Continuities," *Journal of Political and Military Sociology* 20, 2 (зима 1992): 257-288; его же: "The Role of the Special Organization in the Armenian Genocide" в *Minorities in Wartime* P. Panayi ed. (Oxford, 1993), 50-82.

4 R. Hilberg, *The Destruction of the European Jews* (Chicago, 1969), 127, 250-60.

5 *The Goebbels Diaries*, L. Lochner, ed., trans. (New York, 1948), 241.

6 О проведенном недавно исследовании сравнительных аспектов геноцида армян и холокоста евреев см. Robert F. Melson, *Revolution and Genocide. On the Origins of the Armenian Genocide and the Holocaust* (Chicago, 1992). Обзорную статью об этой работе см. Vahakn N. Dadrian, *Holocaust and Genocide Studies* 8, 3 (зима 1994): 410-17. Общее историческое исследование данной темы см. Vahakn N. Dadrian, "The Convergent Aspects of the Armenian and Jewish Cases of genocide. A Reinterpretation of the Concept of Holocaust", *Holocaust and Genocide Studies*, 3, 2 (1988), 151-69.

7 Ahmet Izzet Paşa, *Feryadım* (Мои стенания), vol. 1, (Istanbul, 1992), 310-11.

8 Golo Mann, Foreword to Edouard Calic's *Unmasked*, R. Barry, trans. (London, 1971), 10. Оригинал см. Edouard Calic, *Ohne Maske. Hitler-Breitung Geheimgespräche 1931* (Frankfurt am Main, 1968), 8.

9 Joachim C. Fest, Hitler. Richard and Clara Winston translators (New York, 1975), 679, 681.

10 Eberhard Jäckel and Axel Kuhn eds., *Hitler. Sämtliche Aufzeichnungen 1905-1924* (Stuttgart, 1980), 775. Соответствующий документ определен как извлеченный из федеральных архивов Германии (Bundesarchiv) R48 I, Reichs Chancellor's Office (Reichskanzlei), dossier no. 2681, pp. 85 ff.

11 Hilberg, *The Destruction* [n.4], 524. Эти данные приведены из сводки, подготовленной д-ром Паулем Отто Шмидтом, переводчиком министерства иностранных дел Германии, по материалам собрания в Клессхайме. Гитлер и министр иностранных дел Риббентроп пытались склонить адмирала Хорти, венгерского регента, предпринять безжалостные рейды против венгерских евреев, говоря иначе — уничтожить их.

12 *Frankfurter Zeitung*, 22 июля 1993; этой турецкой газетой была газета *Milliyet*. Цитируется в *The Speeches of Adolf Hitler. April 1922-August 1939*, vol. 1. Norman H. Baynes, trans. and ed. (Oxford, 1942), 868.

13 Martin Gilbert, *The Holocaust. The Jewish Tragedy* 3d edition (London, 1987), 48-9. Другим официальным лицом был Франк Фоли, офицер службы паспортного контроля в Берлине. Письмо датировано 12 ноября 1935 г. Оно хранится в FO 371/19919.

- 14 *Documents on British Foreign Policy: 1919-1939*. E.L.Woodward, R.Butler and A.Orde eds. Third Series, vol. VII. 1939 (London, 1954). Doc No. 314, enclosure, pp.258-260.
- 15 *Там же*, с. 259. Этот взгляд, согласно которому истребление армян рассматривается как фактор, позволивший установить новую Турецкую республику, и на который указывал и Гитлер, разделяет ряд видных турецких авторов. Определяя в своей работе истребление армян именно этим латино-греческим термином “геноцид”, один из таких авторов (бывший иттихадист, а впоследствии ярый кемалист и доверенное лицо Мустафы Кемала Ататюрка) отмечает, что “нет никаких сомнений” (*şüphesiz*) относительно связи между ликвидацией армян и установлением новой кемалистской Турции. Falih Rifki Atay, “Pazar Konuşması” (Düşünce Yorum), *Dünya*, 17 декабря 1967 г. Современный турецкий автор пошел в своих заявлениях еще дальше, заметив, что “Турецкая республика зиждется на истории истребления одного народа”. Продолжая эту линию, он утверждает, что турецкая война за независимость, которая привела к установлению этой республики, “была организована преимущественно иттихадистами... которые сыграли чрезвычайно важную роль (*son derece önemli bir rolü*)... в качестве инструмента, явившегося их основным подспорьем, выступала Специальная организация, которая заблаговременно осуществила геноцид армян” Taner Akçam, *Türk ulusal Kimliği ve Ermeni Sorumu* (Турецкая национальная идентичность и Армянский вопрос), (Istanbul, 1992), 156, 161. Даже процитированный выше Атай признает, что, если бы план иттихадистов по уничтожению армян не удался, возглавленное Ататюрком движение, целью которого являлось создание нового национального государства, не имело бы успеха; даже с учетом того, что армяне сами накликали на себя беду, “Сотрудничая с царской армией, все это очень больно” (*ne acikli şey*). Falih Rifki Atay *Çankaya* (Istanbul, 1980), 450. Пожалуй, наиболее существенным из этих признаний является то, которое сделал иттихадистский министр иностранных дел и председатель палаты депутатов Халиль Ментеше. В своих мемуарах он признался, что “армяне были ликвидированы”. *Nayat Tarih Mecmuası* 9, 2 (сентябрь 1973): 20. В другой части серии своих мемуаров Халиль отметил, что без этой операции по “ликвидации” (*temizlemek*) “было бы невозможно призвать к жизни (*tekevvün*) наше национальное государство”. *Cumhuriyet*, 9 ноября 1946, выпуск 24.
- 16 *Fest. Hitler* [n.9], 156-57. Французский автор отмечает, что тактика запугивания, примененная Ататюрком в 1936 и 1937 гг. в отношении французов, с целью аннексировать Александретту, которая являлась частью находившейся под французским мандатом Сирии (аннексии, которой он добился, просто отправив туда оккупационные турецкие войска), оказала влияние на то, каким образом Гитлер осуществил аннексию (*Anschluss*) Австрии. Paul du Vêou, *Le désastre d'Alexandrette 1934-1938* (Paris, 1938), 2, 136-39.
- 17 *Nutuk, Kemal Atatürk* (Речь Кемала Ататюрка), vol.3, 7th ed. (Istanbul, n.d.), 1250.
- 18 Первую ссылку на “завоевание” из стихотворения Зии Гёкалпа *Туран* см. на с. 34; вторую — о сотрясании “горизонтов” из стихотворения Гусейназаде — на с. 25; стихотворение Мехмета Эмина — на с. 133. Zarevand, *United and Independent Turania, Aims and Designs of the Turks*. V.N.Dadrian transl. (Leiden, 1971). Панегирик Акчуры Чингис-хану см. в Ercümend Kuran, “Yusuf Akçuranın Tarihçiliği” (Историчность Юсуфа Акчуры) — в Материалах симпозиума, посвященного 50-летию со дня смерти Акчуры (Ölümünün Ellinci Yilinda Yusuf Akçura Sempozyumu Tebliğleri), (Ankara, 1987), 48.

- 19 Leo Alexander. “War Crimes and Their Motivation. The Social Psychological Structure of the SS and the Criminalization of Society.” *Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science*, XXXIX (сентябрь-октябрь 1948): 300.
- 20 Ernst Jackh, *The Rising Crescent* (new York, 1944), 64-5.
- 21 Halil Paşa (Kut), *Bitmeyen Savaş* (Бесконечная борьба), (Istanbul, 1972), 241.
- 22 *Там же*, 274.
- 23 Ernst Paraquin, “Politik im Orient,” *Berliner Tageblatt*, выпуски, относящиеся к 24 и 28 января 1920 г. Вся эта информация содержится в архивах министерства иностранных дел Германии. A.A.Türkei 158/24, A1373. В этой связи следует отметить, что Незими, мусульманин *каймак* из округа Лайс провинции Диарбекир, также упомянул Чингис-хана, когда отказался выполнять приказ генерал-губернатора этой провинции ветеринара д-ра Решида принять участие в резне армян этой местности. Говорят, что он сказал: “Избавьте меня от выполнения приказов в духе Чингис-хана”. (*Cengizhane verilen böyle emirlere mazurum*). После этого бандиты губернатора напали на него из засады и убили. Krieger, *Haussaper* (специальный выпуск, посвященный 50-летию геноцида армян. (Cairo, 1965): 27. См. также A.A.Türkei 183/43, A17939. К No. 61/No. 1703, рапорт консула Германии в Алеппо Рёсслера от 17 июня 1916 г.
- 24 Şevket Süreyya Aydemir, *Makedonyada Orta Asya'ya Enver Paşa* (Энвер-паша. От Македонии до Центральной Азии), vol. 3 (Istanbul, 1972), 541.
- 25 Ghazar Magountz, *Trabzonee Hayotz Deghahanoutinu* (Депортация армян Трапезунда) H.Gosoyian ed. (Tehran, 1963), 60-61.
- 26 *U.S.National Archives*. R.G. 59.867.4016/411. Доклад от 11 апреля 1919.
- 27 *Badmoutiu Haigagan Bondosee* (История армянского Понта) H.Novagimian ed. (Beirut, 1967), 240.
- 28 *History of the United Nations War Crimes Commission and the Development of the Laws of War* (London, 1948), iv.
- 29 Winfried Baumgart, “Zur Ansprache Hitler's vor den Führern der Wehrmacht Am 22 August 1939. Eine quellenkritische Untersuchung” *Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte* 12, 2 (1968), 121-24, 126, 128, 138, 139.
- 30 Calic, *Unmasked* [n.8], 81; в оригинале на немецком там же, 101.
- 31 *Там же*, 16 (в *Unmasked*). Ниже приводится выдержка из докладной Людвиг Кримера: Копия соответствует оригиналу... В годы Второй мировой войны я стенографировал брифинги Гитлера в его ставке. Я узнал его стиль и ремарки в стенограмме. Все бумаги соответствуют последовательности событий. Мне было очень интересно проверять эти бумаги как с фактологической, так и с политической точки зрения. Эта стенограмма Брейтинга, безусловно, имеет огромное историческое значение, так как, насколько мне известно, нет никаких стенограмм закрытых обсуждений у Гитлера периода до 1933 г.
- 32 Kevork B.Bardakjian, *Hitler and the Armenian Genocide* (Cambridge, MA, 1985).
- 33 Henry Picker, *Hitler's Tischgespräche im Führerhauptquartier* 3rd ed. (Stuttgart, 1977), 422, цитируется у Бардакчяна, *там же*, 30. Вслед за Гитлером об армянах как о расе резко выступали и его подчиненные. Идеолог нацистов Розенберг, отождествляя армян и евреев, называл их “отбросами”. Alfred Rosenberg, *Der Mythos des Zwanzigsten Jahrhunderts* (Münich, 1930), 213; В одном из заявлений Германского Верховного командования говорится, что “армяне даже хуже евреев”, Robert

- Cecil, *The Myth of the Master Race: Alfred Rosenberg and Nazi Ideology* (London, 1972), 200. Обе цитаты приведены из Bardakjian, Hitler [n.32], 30.
- 34 Howard M.Sachar, *The Emergence of the Middle East, 1914-1924* (New York, 1969), 115.
- 35 David Matas, "Prosecuting Crimes Against Humanity: The Lessons of World War I," *Fordham International Law Journal* (1990): 104.
- 36 Richard Lichtheim, *Rückkehr. Lebenserinnerungen aus der Frühzeit des deutschen Zionismus* (Stuttgart, 1970), 287, 341.
- 37 Sybil Milton, "Armin T. Wegner: Polemicist for Armenian and Jewish Human Rights," *Armenian Review* 42, 4 (зима 1989): 17.
- 38 *Das Schwarze Korps* (ноябрь 1936).
- 39 А.А.Туркеи 183/45, А33457. См. также Botschaft Konstantinopel K 174, folio 53; документ был доставлен из Мюнхена 4 декабря 1916 .
- 40 *Die Zeit* (немецкая еженедельная газета, издаваемая в Гамбурге), No. 50, "Dossier", 7 декабря 1984.
- 41 Paul Leverkuehn, *Posten auf Ewiger Wache. Aus dem abenteuerlichen Leben des Max von Scheubner-Richter* (Essen, 1938), 186.
- 42 *Там же*, 190-91.
- 43 А.А.Туркеи 183/39, А28584, вложение 2, в "секретном докладе" No. 23, сс. 11-12 15-страничного доклада от 5 августа 1915 г., доставлен из Эрзрума.
- 44 John Dornberg, *Munich 1923. The Story of Hitler's First Grab for Power* (New York, 1982), 295.
- 45 Fest, Hitler [n. 9], 137.
- 46 U.Trumpener, *Germany and the Ottoman Empire 1914-1918* (Princeton, 1968) [n. 44], 207, n.19.
- 47 U.S.Department of State, Report of Robert H.Jackson, *United States Representative to the International Conference on Military Trials*, London, 1945 (1949), 18-20.
- 48 R.Jackson, *The Nürnberg Case as Presented by Robert H.Jackson, Chief of Counsel for the United States* (New York, 1971), 8-83, 88-89.
- 49 M.C.Bassiouni, "International Law and the Holocaust" *California Western International Law Journal* 9, 2 (весна 1979): 283.
- 50 Публикация Государственного Департамента No. 2420. Перепечатано в *American Journal of International Law* 39, (Приложение 1945): 257.
- 51 Подробный анализ об обмене мнениями см. в J.Garner, *International Law and the World War*, vol.2, 483-501 (paras. 588-94) (1920); см также Wright, "War Crimes Under International Law," *Law Quarterly Review* (январь 1946): 40-52, перепечатано в *United Nations War Crimes Commission, History of the United Nations War Crimes Commission* [n. 28], 550-51.
- 52 *Там же*, (Garner), 550-51.
- 53 James F.Willis, *Prologue to Nuremberg. The Politics and Diplomacy of Punishing War Criminals of the First World War* (Westport, CT, 1982), 26.
- 54 H.M.Stationery Office, *Speeches of the Chief Prosecutors at the Close of the Case Against the Individual Defendants*, 63 Cmd. 6964 (H.M.Attorney-General, 1946).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ*

Еще раз об основном предмете данного исследования

Оценивая будущие задачи государственного и международного права в связи с преступлением, называемым геноцидом, прежде всего необходимо выделить основную и универсальную миссию права. Эта задача заключается в сдерживании человеческого поведения посредством системы санкций или правовых последствий. О негативной посылке, предполагающей потенциальную склонность человека к преступным действиям, около 23 веков назад четко высказался Аристотель: "Оторванный от закона и правосудия человек является худшим из всех животных".¹ Таким образом, отсутствие правовых санкций притупляет понятие криминального поведения в сознании преступников. В этом отношении постепенная эскалация геноцидальных погромов армян в османской Турции, от эпизодических и периодических убийств до геноцида в эпоху Абдул-Гамида и, особенно, в эпоху младотурок-иттихадистов, представляется важнейшим фактом. Подчеркивая этот факт, Тойнби, составивший во время войны (1916 г.) один из самых объемных документальных трудов, представивших подробности геноцида армян, указал на прямую взаимосвязь между отказом турок признать этот факт на официальном уровне и последовавшим за этим более радикальным повторением массовых убийств.

Так, оспаривая характерные для военных лет протесты турок, заявлявших о своей невинности, Тойнби, например, не признавал также сопровождавшие эти заявления обвинения армян в предательстве и мятежности, выдвинутые турками, считая, что все это абсолютно "необоснованные" и "легко опровергаемые" измышления, которые "держатся на зыбкой почве" и со всей очевидностью доказывают, что "война была всего лишь благоприятной возможностью, но никак не причиной".² Продолжая настаивать на том, что в данном случае речь идет о заранее обдуманном акте геноцида, он спустя полвека писал в автобиографическом отчете:

* Примечания к заключению начинаются на странице 541.

Массовое истребление армянских подданных в Османской империи в 1896 г. ... было любительским и неэффективным по сравнению с намного более удачной попыткой [их] искоренения во время Первой мировой войны в 1915 г... [Этот] геноцид явился хладнокровным правительственным действием, осуществленным под личиной законности. Это не были массовые убийства, совершенные стихийно толпой частных лиц...³

Одной из причин, по которой массовые убийства эпохи Абдул-Гамида были выполнены на “любительском” уровне, явилось то, что они были менее тщательно разработаны, поскольку к тому времени еще не хватало опыта организации убийств в геноцидальных масштабах. Помимо этого — что гораздо важнее, — существовало некое общее опасение, что безудержные и безразборчивые массовые убийства могли спровоцировать державы на военное вмешательство, будучи истолкованными последними как создание ситуации, дающей им это право на основании определенных договоров (Статья 1-ая Кипрской Конвенции по оборонительному союзу от 4 июня 1878 г. между Великобританией и Турцией; статья 61-ая Берлинского договора от 13 июля 1878 г. между шестью державами и Турцией). К тому времени в Европе и на Ближнем Востоке уже была установлена традиция “гуманитарных интервенций”. Если исходить из позиции преступников, то этот элемент неуверенности придал всей истории массовых убийств более или менее экспериментальный характер. Однако в конечном итоге результат оказался для последних довольно обнадеживающим, так что, планируя грядущие, более радикальные операции подобного рода, они вполне могли рассчитывать на то, что принесение целого населения в жертву будет расценено как игра по правилам.

Еще более обнадеживающей в этом смысле оказалась эпоха Первой мировой войны. Вероятности того, что державы, полностью поглощенные организацией эффективных военных операций и стремлением добиться победы, осуществят вмешательство, практически не существовало. Более того, союз с имперской Германией обеспечил туркам присутствие мощного защитного щита, предоставив иттихадистам максимальную свободу для беспрепятственных операций, направленных против определяемых как “внутренние враги” армян. Убедительная оценка сложившейся в связи с этой проблемой ситуации содержится в “личном, конфиденциальном” письме американского посла Моргантау госсекретарю Роберту Лансингу от 18 ноября 1915 г. По неизвестным причинам Государственный департамент решил вырезать эти отрывки из сборни-

ка, в котором были опубликованы как упомянутый, так и другие официальные документы.⁴

К сожалению, великие христианские державы допустили, чтобы предыдущие массовые убийства армян остались безнаказанными; и эти люди полагают, что преступление, с которым смирились ранее, по всей вероятности, снова будет прощено.

Далее, высказывая свое мнение по поводу взаимосвязи между сериями массовых убийств, Моргантау подтверждает то, на чем постоянно настаивали другие заслуживающие доверия источники, а именно, что на этот раз, т.е. в Первую мировую войну, преступники действовали намного более обдуманно и организовано; преступлению предшествовала долгая подготовка и тщательное планирование. Заявив: “Я твердо уверен, что это самое большое преступление всех времен”, Моргантау отмечает:

...теперь, в ситуации, когда четыре великие державы сражались против них [т.е. турок] и безуспешно пытались вступить в их страну [в Константинополь — через проливы], а две другие великие державы [Германия и Австрия] были их союзницами, они получили прекрасную возможность осуществить свой давно вынашиваемый план по уничтожению армянской расы...⁵

Пожалуй, самым пугающим уроком истории геноцида армян можно считать ту вызывающую горечь логику, которая связывает невозможность предотвращения геноцида с его безнаказанностью. Речь идет о той угнетающе стабильной реальности, которая, вознаграждая бывших и нынешних преступников безнаказанностью, тем самым не только способствует тому, чтобы они не испытывали раскаяния, но и помогает оставаться как всегда беспощадными. Именно в этом контексте следует воспринимать и обсуждать турецкий синдром отрицания. Именно отсутствие наказания подпитывает их, позволяя упорно отрицать факт геноцида.

Сегодня безнаказанность представляет важность не потому, что она явилась побочным результатом пассивной беспечности или бездействия остального мира, а потому что была облачена в видимость правовой защищенности. Речь идет, конечно же, о Лозаннском договоре (24 июля 1923 г.). Победившие союзники по различным причинам уступили давлению непреклонных кема-

листов, которые поразительным образом менее чем за три года смогли превратить нанесшее им огромный ущерб поражение в Первой мировой войне во внушительную победу. Результатом явилось то, что державы, смалодушничав, отказались от Севрского договора, который был подписан ими же за два года до этого и посредством которого они намеревались, начав судебное преследование, наказать авторов геноцида армян и выполнить свои обещания, связанные с будущей Арменией. Убрав из проекта договора все возможные ссылки на массовые убийства армян и на Армению, они поставили свои подписи под Лозаннским мирным договором, тем самым хитроумным способом узаконив безнаказанность, вдобавок ко всему еще и заявив *nolo contendere*, т.е. о том, что они не будут препятствовать Турции в ее настойчивом стремлении предать забвению геноцид армян. Таким образом, соответствующее международное право, вытекающее из этого международного договора, сколь бы фиктивным оно ни было по сути, накинulo на безнаказанность эдакий респектабельный флер, подкрепленный еще и тем, что по сути она получила свой пропуск на мирной конференции. В этой связи нелишне привести следующее мнение французского юриста по поводу того, что благодаря условиям Лозаннского договора Турция избежала угрозы наказания за массовые убийства армян. “Этот договор — гарантия безнаказанности за (совершенное преступление) массовые убийства; это не что иное, как чествование преступления. Целая раса, армяне, была методично уничтожена...”⁶ В этом смысле Лозаннский договор является также памятником триумфу политической целесообразности над фундаментальными принципами правосудия — этих притворных устоев западной цивилизации.

В заключение следует отметить, что стержневые проблемы геноцида выходят за рамки соображений о судьбе отдельных групп, ставших его жертвой, или особенностей отношений между определенным преступником и определенной жертвой. Уменьшение, если не полное устранение этих проблем переносит нас в область перспектив развития международного права, первичной матрицы всех прав человека, включая права потенциальных или настоящих жертв геноцида. Рассматривая проблему безнаказанности, Организация Объединенных Наций 26 ноября 1968 г. приняла резолюцию, переопределившую и на неопределенное время отложившую уголовную ответственность преступников, — Конвенцию по неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества.⁷ Статья 1 (б) включает в себя также прес-

тупление геноцида, “даже если оно не нарушает внутреннего законодательства той страны, в которой [оно было] совершено”. Конвенция дает основание надеяться, что в конце концов правосудие будет восстановлено, тем самым опровергнув известное изречение, что отложенное правосудие есть отказ от него. Однако этим надеждам противостоят фантомные политические силы, которые по традиции продолжают препятствовать эффективным начинаниям, тем самым на неопределенное время откладывая осуществление этих надежд.

Примечания к Заключению

- 1 Aristotle. *Politics*. Book 1, chapter 2, p.6. B.Jowett and T. I. Wining, trans. (New York, 1959).
- 2 Viscount Bryce, *The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire 1915-16*. A.Toynbee, compiler (London, 1916), 627, 629, 631, 633.
- 3 A.Toynbee, *Experiences* (Oxford, 1969), 241, 341.
- 4 *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Lansing Papers 1914-1920*, vol. 1 (Washington, 1939), 762-66.
- 5 *U.S.National Archives*. R.G. (Records of the State Department) 867.00/798S, p. 7 of 9 ff.
- 6 С.Н.Леbeau. *Essai sur la justice en Turquie (á propos du Traité de Lausanne)* (Paris, 1924), 109-110. Согласно сведениям, опубликованным турецким историком, исключение из Лозаннского мирного договора всех пунктов, относившихся не только к массовым убийствам армян, но и просто к Армении, было не случайностью, а результатом частной секретной договоренности, достигнутой во время ленча между главой турецкой делегации Исметом Инёню и лордом Керзоном — главой британской делегации. Когда на следующий день Керзон тем не менее всего лишь слегка коснулся Армянского вопроса, Исмет изумился и сильно забеспокоился. Пытаясь успокоить его после сессии, Керзон, говорят, съязвил: “Неужели вы не в силах выслушать даже подобную обычную надгробную речь?” Şevket S. Aydemir, *Tek Adam. Mustafa Kemal, 1922-1938. (Уникальный человек. Мустафа Кемаль. 1922-1938)*, vol. 3 (Istanbul, 1972), 109, n.2.
- 7 General Assembly Resolution 2391 (XXIII), 23 United Nations General Assembly Official Records (GAOR), Supp. (No. 18) 40, U.N. Doc. A/7218 (1968).

ЭПИЛОГ

Это издание предоставляет мне долгожданную возможность не только исправить некоторые даты и опечатки, но и расширить два алфавитных указателя и, что важнее, включить в книгу два новых блока приложений. Это дополнительные материалы к определенным ключевым вопросам, использование которых, надо надеяться, углубит их дальнейшее изучение. Технические ограничения, связанные с необходимостью сохранения нумерации страниц в представленном новом издании книги, ограничивают возможность включения в нее приложений. Один из упомянутых выше блоков дополнений относится к армянским актам мести, которые унесли жизни около 4000-5000 турок и курдов в период с января по март 1918 г. Надеюсь, что некоторые подробности этого исторического периода помогут полнее представить факторы, которые в совокупности своей привели к геноциду армян в годы Первой мировой войны. Однако, как в свое время подчеркнул ветеран дипломатической службы, посол союзнической Австро-Венгрии Йохан Маргрейв фон Палавичини, который в период войны был дуайеном аккредитованных в Османской империи европейских дипломатов, совершенный турками геноцид ни в коем случае нельзя ставить в один ряд с предпринятыми армянами ответными актами мести. Он, равно как и некоторые другие высокопоставленные должностные лица, отмечал, что в то время как инициатива османских турок представляла собой заранее разработанное и организованное центральными властями массовое истребление, ответные примеры жестокости со стороны армян являлись отдельными, стихийными, не связанными друг с другом запоздалыми актами мести. Действительно, ни одно армянское правительство не планировало и не отдавало приказы о массовой депортации и уничтожении турецкого народа.

Другой ряд документов связан с ключевой ролью, сыгранной в организации геноцида армян одним из его основных авторов др. Бехаедином Шакиром. Роль эта, как оказалось, вышла за пределы Османской империи, охватив Закавказье, где, правда, всего на несколько дней др. Шакир взял контроль над городом Баку в качестве “начальника полиции.” Однако по поразительному

* Примечания к эпилогу начинаются на странице 554.

совпадению именно в эти дни после того, как 14-15 сентября 1918 г. Баку был захвачен османскими вооруженными силами, на улицах и в домах этого города были зарезаны около 25 000 армян. Как и до этого в самой Турции, чтобы замаскировать свою истинную миссию убийцы, Шакир, делая вид, что предметом его забот является лишь закон и порядок, схватил и повесил нескольких мусульман, пару-другую застрелил из своего револьвера и еще нескольких отдал под расстрел — всего около двадцати человек. Однако все эти люди были пойманы за грабежом и воровством в дни массовых убийств и резни.

Об армянских актах мести

Развал огромной российской армии в 1917-1918 гг., совпавший с появлением Советов в марте 1917 г. и большевистской революцией в октябре 1917 г., отвел от Османской империи угрозу казавшегося тогда близким крушения. Потерпев ряд поражений в сражениях 1916 г. и не сумев предотвратить продвижение русской армии вплоть до окрестностей Сиваса, сердца Турции, поникшая духом и изнуренная турецкая армия перестала играть более или менее существенную роль (Некоторые подробности этих развитий в общих чертах описаны в главе 19, сс. 445-446). До того, как эта армия сумела воспрянуть духом, восстановить свои силы и оказаться готовой к тому, чтобы снова предпринять наступательные операции с целью вернуть потерянные в прошлом территории и даже агрессивно двинуться дальше за пределы этих территорий, некоторые разрозненные армянские добровольческие отряды заполнили вакуум, образовавшийся в результате развала российских оккупационных сил. Эти добровольческие отряды на какое-то время взяли контроль над такими городами, как Эрзрум, Ерзнка, Мамахатун (Теркан) и Байбурт — эпицентрами страшных кровавых боёв, связанных с учиненным во время войны геноцидом армян.

Акты возмездия армян в этих городах и местностях, вне всякого сомнения, были вызваны увиденными армянскими добровольцами свидетельствами неопишуемого варварства: там, где совсем недавно жили и процветали армянские общины, все было разрушено и опустошено. В официальных и неофициальных турецких источниках многие из осуществленных армянами актов возмездия описываются как жестокие, и некоторые армянские источники старательно избегают их обсуждения, тогда как некоторые другие неявным образом признают, что все это действительно имело место. Как бы то ни было, очень

многие турецкие историки, публицисты и некоторые защитники турок на Западе пытались представить чрезмерно раздутые данные о потерях, понесенных турками в результате этих действий. Однако свод статистических данных, зарегистрированных в годы войны османской III армией, показывает, что в целом речь идет о 5 000 – 5 500 жертвах.¹ Эти данные подтвердил и генерал-губернатор провинции Кастамону, а в дальнейшем и провинции Сивас Решид-паша, заявивший, что речь шла о “нескольких тысячах турок”. Он находился в непосредственной близости от сцен массовой резни армян, которую сам он решительно отказался осуществить в своей провинции, за что летом 1915 г., в разгар операций геноцида, был смещен со своей должности.²

Жестокие нападения армян на оставшихся в провинции турок, правда, в гораздо меньших масштабах, но все же имели место и до упомянутого выше случая 1918 г. Совершившие их преступники были движимы теми же чувствами ненависти и ожесточенности и в точности теми же причинами, которые толкнули их на эти действия в 1918 г. Даже суровые запреты, наложенные контролирующими оккупированные турецкие территории российскими военными властями, не могли полностью удержать отдельных армян, которые тайно осмеливались предпринимать единичные акты мести. Однако османская и турецкая пропаганда, стремясь извлечь максимум выгоды из возможности, предоставленной этими действиями, прибегала и продолжает прибегать к чрезмерным преувеличениям, искажению и фальсификации фактов. Эта проблема была затронута в докладе, представленном канцлеру Бетману Гольвегу немецким послом Ричардом Кюльманом 17 февраля 1917 г., то есть незадолго до того, как он сам стал канцлером Германии. Отметив, что рассказы турецких очевидцев грешат неточностями, он добавлял, что “многие из этих отчетов могут представлять собой преувеличенное описание событий” и что, памятуя о жестокости, проявленной казаками и российской милицией в отношении беззащитного населения Восточной Пруссии, нельзя исключать возможность их участия в зверствах против турок. Более того, отмечал он, по признаниям тех же очевидцев-турок, гражданское население оккупированной Турции оказало вооруженное сопротивление оккупационным войскам России и многие преступления явились результатом действий, направленных на подавление сопротивления.³ В одном из последующих докладов, датированном 11 мая 1917 г., Кюльман высказал предположение, что именно русские были заинтересованы в том, чтобы, организовав массовые убийства турок, поднять их про-

тив армян, тем самым спровоцировав их новую резню.⁴

Немаловажным представляется и то обстоятельство, что, комментируя этот конкретный эпизод мести армян, австро-венгерский посол Палавичини теми же словами представил природу и размеры понесенных турками потерь. В “конфиденциальном” докладе, отправленном в Вену 16 марта 1918 г., он заявлял, что, “согласно самим турецким должностным лицам (*selbst die Türkischen Beamten*), число турецких жертв составило не более нескольких тысяч” (*nicht höher als einige Tausend*). В том же докладе Палавичини описал эти потери как “незначительные по сравнению с потерями, связанными с массовыми убийствами и депортациями армян, которые продолжаются уже несколько десятилетий... Депортации и массовые убийства 1915-1916 гг. ...были хладнокровно продуманы, спланированы и осуществлены правительством”.⁵

Эта тема относительной незначительности турецких потерь в сравнении с армянской катастрофой повторяется и в некоторых других оценках, данных представителями Западного союза. К примеру, 4 октября 1918 г. британские руководящие сотрудники отдела политической разведки министерства иностранных дел подготовили “конфиденциальный” доклад, в котором тема турецко-германских отношений была рассмотрена в контексте Кавказа. Они описали предпринятые в тот год армянские акты мести как “единичные примеры жестокости, т.е. Ерзнка”, охарактеризовав их как “естественные, хоть и прискорбные”.⁶ В докладе, отправленном в Лондон 3 мая 1919 г., британский верховный комиссар в Стамбуле адмирал Калторп предупреждал свое правительство о том, что преднамеренное преувеличение “сравнительно несущественных” турецких потерь, которое представлялось турками как бедствие, охватившее “огромное число убитых христианами мусульман”, может иметь тяжелые последствия.⁷ В этой связи особого внимания заслуживают комментарии специального помощника государственного департамента, а в дальнейшем, в начале 1919 г., верховного комиссара США в Стамбуле Льюиса Гека, проведенного десять лет на дипломатической службе в Турции. В восемнадцатистраничном докладе, представлявшем анализ состояния Армянского вопроса в первые месяцы перемирия, он писал, что армянские акты мести были “относительно незначительными по своим масштабам... [они] были вызваны животными инстинктами, требующими отмщения за страдания армян”.⁸ В другом документе, датированном 12 апреля 1919 г., Гек советовал туркам не приводить армянские акты мести как довод в свою защиту или оправдание своего собственного

преступления, которое, как известно, предшествовало этим актам мести и, независимо от них, представляло собой ширококомасштабное массовое истребление.⁹

Анализируя Армянский вопрос для формирующих политику США деятелей, представители американской службы безопасности, совместно с Государственным департаментом в марте 1946 г., представили свою собственную оценку этого вопроса. Они выразили обеспокоенность в связи со стараниями турок поставить знак равенства между единичными армянскими актами мести и “уничтожением более миллиона армян, которые в основном были из регионов, находившихся далеко от военных фронтов...” Ими было отмечено, что “акты дикой мести отдельных армянских добровольцев российских восточных войск... не могут быть приравнены к систематическому, организованному и продолжительному массовому истреблению целого народа со стороны османского правительства”.¹⁰

Еще одна сфера эксплуатации армянских актов возмездия связана с попыткой установления соотношения между этими актами и всеобщим турецким синдромом отрицания. Это явление можно было бы назвать игрой в числа, которая строится на утверждении, что турецкие потери во время войны намного превышали потери армян. Лежащая в его основе и вводящая в заблуждение логика заключается в следующем: если преступниками были турки, тогда почему они понесли столь огромные потери? Эта явно надуманная техника подсчета позволяет в отсутствии должного контекста оперировать обманчивым соотношением чисел. Общие потери, понесенные турками во время войны, имели очень мало общего с учиненными армянами убийствами. В основном это были потери, понесенные во время сражений, а также обусловленные военным временем потери среди турецких военных и гражданского населения. Суть попытки, о которой идет речь, состоит в том, чтобы подвести к общему знаменателю две совершенно несопоставимые категории.

Литература, относящаяся к последней категории, наводнена свидетельствами о том, что полное отсутствие минимальных условий, включая требования, связанные с гигиеной, транспортировкой, продовольственным снабжением вкупе с характерной для данной культуры небрежностью, привели к разрушительным последствиям, от которых пострадали как турецкие военные, так и гражданское население. Приведенные ниже соответствующие комментарии высокопоставленных немецких и австро-венгерских военных наглядным обра-

зом демонстрируют, насколько серьезной была проблема, перед которой оказалась Турция во время войны. Основным в этих оценках является признание того факта, что турки дорого заплатили за массовое уничтожение армянского населения, так как из-за этого как страна в целом, так и армия лишились жизненно важного ресурса в сферах, требовавших высокой квалификации, в сельском хозяйстве и особенно в сфере гигиены. Вице-маршал Помянковски (о его отношении и представленных им подробных сведениях о турецких военных усилиях см. с. 321 данной книги): “Злонамеренное уничтожение армянского народа в Анатолии... нанесло большой урон действовавшей в тех краях турецкой армии. Сотни тысяч турецких солдат умерли от голодной смерти. Лишенные условий, необходимых для обеспечения чистоты и гигиены, караваны армянских депортируемых стали носителями и разносчиками болезней. Начавшаяся эпидемия тифа, распространившись по территориям, через которые они проходили, унесла миллион мусульманских жизней”.¹¹ Такое же мнение выразил и маршал Лиман фон Сандерс, глава военной миссии Германии в Турции. Говоря о разрушительных последствиях сыпного тифа, он отметил: “То, что выселение армян таким [разрушительным] образом отразилось на турецкой армии, похоже на кару небесную”.¹² (Подробно о его позиции и степени информированности см. с. 292, прим.2, и с. 308 и 373 данной книги.)

Помимо этого, все упомянутые высокопоставленные офицеры особо подчеркивали еще одну важнейшую причину большого количества жертв среди гражданских лиц: в годы войны после поражений на полях сражений население толпами покидало свои родные места и бежало вместе с отступавшей турецкой армией. Так, немецкий начальник штаба османской III армии полковник Феликс Гуз отмечал, что “перед лицом наступающего противника турецкое население всегда бежит вместе с отступающей армией”.¹³ Помянковски придерживался мнения, что “турецкому населению свойственно впадать в панику и сбегать каждый раз, когда есть угроза, что хотя бы часть территории будет захвачена противником... В результате они оказываются в крайне тяжелых ситуациях, уносящих много жизней... как произошло с линиями коммуникаций и снабжения III армии, когда была угроза российского наступления”.¹⁴ Эту же проблему имел в виду и маршал Сандерс, когда отмечал: “...События в полной мере продемонстрировали, что произойдет, когда турецкие войска начнут отступать. Более того, турецкие солдаты сегодня недоедают, они кое-как одеты и плохо обуты... число турецких дезертиров сегодня превышает

число тех, кто все еще стоит под ружьем... Согласно докладам немецких офицеров Шестой армии, основанных на сведениях, предоставленных немецкими офицерами Шестой армии Ирака... до апреля 1918 г. 17 000 солдат этой армии умерли от голода и его последствий”¹⁵

1918 и 1920 годы: турецкие операции по уничтожению распространяются на Закавказье

В главах 19 и 20, которые соответственно назывались “Иттихадисты наносят удар по Российской Армении” и “Кемалисты наносят удар по Российской Армении”, была предпринята попытка документально обосновать и проанализировать динамику и охват операций, направленных на ликвидацию армян. Выйдя за пределы Османской Турции, смертоносные щупальца турецкой армии вонзились прямо в сердце Закавказья, нацелившись на проживавших там армян. Ни распад Османской империи вследствие Первой мировой войны, ни ее возрождение с приходом новоиспеченного кемалистского режима не внесли больших изменений в дальнейшую разработку и воплощение в жизнь политики, которая была направлена против Армении и армян. Немецкие и австро-венгерские документы достаточно убедительно показывают, что некоторые турецкие командующие, армейские части которых завоевали внушительную часть территории Закавказья, не только непосредственно до окончания Первой мировой войны, но и сразу после нее продолжали применять меры, которые были призваны ускорить искоренение оставшегося армянского населения. Резкий и непреклонный тон сверхсекретного приказа нового правительства Анкары от 8 ноября 1920 г. еще раз подчеркнул неизменный характер этого склонного к уничтожению типа мышления. Командующий кемалистской интервенционистской армией генерал Кязим Карабекир получил приказ уничтожить Армению не только “политически” но и “физически” (*siyaseten ve maddeten*). Чтобы упростить выполнение этой смертельной миссии, Анкара посоветовала турецкому генералу пойти на хитрость, отвлечь внимание от кемалистских планов относительно армян и, прибегнув к необходимым уловкам, ввести в заблуждение и одурачить (*igfal*) европейцев (см. с. 457-460 данной книги).

Весьма важным этапом в этом последовательном плане явились обстоятельства, при которых турецкие силы в самом конце Первой мировой войны

захватили закавказский город Баку, в котором три дня подряд продолжалась кровавая бойня, имевшая целью полное истребление армянского населения этого города. Новые доказательства убедительно свидетельствуют о том, что др. Бехаеддин Шакир, один из основных авторов геноцида армян в самой Турции, будучи временным начальником полиции Баку с 15 по 17 сентября 1918 г., взял на себя организацию этих кровопролитий. На протяжении трех дней и ночей нерегулярные банды, поддерживаемые собравшейся на месте толпой, безжалостно вырезали беззащитное армянское население этого города, которое составляло около 25 000 человек, якобы, в отместку за азербайджанцев, которые, как утверждалось, стали жертвами армян за шесть месяцев до этого. Между тем оккупационные турецкие армейские части под командованием генерала Халиля (Кут), дяди турецкого военного министра Энвера, и Нури, “почетного” генерала, командовавшего “Армией ислама”, который был сводным братом того же Энвера, словно заранее договорившись, на два с половиной дня отложили свое реальное вступление в город. Эта умышленная мера дала преступникам оптимальную свободу и поле действия для осуществления запланированных кровопролитий, которые, как всегда, сопровождались повсеместными грабежами и воровством.

На странице 451 и более подробно в примечании 13 на странице 454 уже было отмечено, что внезапное появление Шакира в Баку, совпавшее с захватом этого города и последовавшей за этим большой резней армян, по всей вероятности, тесно связано с основным, единым планом геноцида армян внутри и вне Турции. Зачатки этого плана восходят к 1906-1908 гг. когда КЕП, т.е. Иттихад, затевал заговор с целью свержения режима Абдул-Гамида и, соответственно, готовился к нему. Этот секретный план предполагал также вовлечение и объединение соседних исламских народов, и в первую очередь азербайджанцев Закавказья. В трех отдельных письмах др. Шакир, испытывая беспокойство в связи с охватившими всё Закавказье кровавыми армяно-азербайджанскими столкновениями 1905-1906 гг., советовал азербайджанцам помнить об исходившей от армян опасности. Так, 22 сентября 1906 г. он писал азербайджанцам, что благодаря численному “превосходству” им будет несложно “позднее разобраться с армянами”.¹⁶ 23 ноября 1906 г., характеризуя армян, он писал, что это люди, враждебно настроенные против ислама и агитирующие против исламских правительств в Турции, Европе и Америке. Далее он убеждал азербайджанцев, что единственный способ ослабить армян — это на-

пасть на них и захватить их богатство: “Вы должны сделать это, чтобы обеспечить свое освобождение от русского ига, так как армяне – единственное препятствие на пути этого освобождения”.¹⁷ В третьем письме, написанном за несколько месяцев до начала увенчавшейся успехом младотурецкой революции июля 1908 г., т. е. 3 января 1908 г., Шакир безошибочно обнаружил свои будущие антиармянские планы. Отметив, что соглашение, достигнутое между КЕП и дашнаками в ходе конгресса 1907 г., созванного противниками гамидовского режима, не принесло особой пользы, он разъяснял, какими мотивами был движим КЕП, заключая это соглашение: Согласно Шакиру, они были обусловлены двумя целями: 1. предотвратить вмешательство иностранных держав в защиту армян, которые, пытаясь добиться этого вмешательства, наносили вред национальным интересам империи; 2. использовать ресурсы и сильные стороны христианских элементов [т.е. армян] для усиления КЕП. Таковы были тактические цели, а суть стратегической цели излагалась в конце этого третьего письма Шакира и сводилась к следующему: “...Как только мы свергнем правительство и учредим палату депутатов, основанную на нашей доминирующей национальной силе, нам незачем будет бояться ни кучки армян, ни европейских держав, склонных угрожать режиму Абдул-Гамида”.¹⁸ Иначе говоря, после этого появится полная свобода действий и широкое поле возможностей, которые позволят поступить с армянами по своему усмотрению.

Османо-турецкая обеспокоенность проблемой европейского вмешательства явилась важным мотивом, призванным оправдать создание плана насильственного истребления армян. Этот план позволял предупредить возможные вмешательства в будущем. Широкомасштабная резня в Баку в 1918 г., в которой Шакир, как выяснилось, сыграл важнейшую роль, также в определенной степени была связана с проблемой вмешательства. Адьютант генерала Халиля, командующего турецкими войсками, захватившими Баку, признался, что в вопросе оккупации военному министру Энверу удалось, прибегнув к двойной игре, одурачить союзных немцев. Когда немецкий начальник штаба турецких вооруженных сил генерал Зеект выразил свое недовольство несанкционированным вступлением войск Халиля в Баку, Энвер в его присутствии отправил из военного министерства телеграмму своему дяде Халилю, резко раскритиковав последнего за своевольное вторжение и приказав отступить. Однако через три часа тот же Энвер, оставшись один, отправил еще одну зашифрованную телеграмму – уже по своему домашнему телеграфному аппарату. В ней он выражал безграничную радость по поводу “самой большой победы, когда-либо

одержанной в истории ислама и Турции. Я никогда не забуду ту огромную службу, которую вы сослужили”.¹⁹

Эта двуличность Энвера, его склонность к двойной игре подтверждается и Юсуфом Хикметом Байуром, ныне покойным старейшиной турецких историков. Выясняется, что с целью провести немецких союзников военный министр и de facto верховный главнокомандующий османских вооруженных сил отправил такую же зашифрованную телеграмму и своему сводному брату, командующему Армией ислама Нури-паше, который должен был захватить Баку и основать на Южном Кавказе новую азербайджанскую государственную единицу. Действительно, эта зашифрованная телеграмма, датированная 4 августа 1918 г. и составленная в присутствии высокопоставленных немецких офицеров, служивших в османском Генштабе, имела целью отвлечь их внимание от принятого турками решения любой ценой захватить Баку. В зашифровке Энвер со всей строгостью приказывает Нури воздержаться от наступления на Баку и, применив всю свою власть, не дать никому другому сделать это. “Таким образом, еще раз повторяю мой категорический приказ” (*Emri kat`imi tekrar ederim ki*).²⁰ Однако вскоре после этого через неведомый служившим в османском Генштабе немецким офицерам канал Энвер передал Нури текст зашифрованной телеграммы, согласно которой последний должен был отреагировать на его, Энвера, приказ. Нури следовало приводить в свое оправдание множество доводов, говорить двусмысленно, увиливать от прямого ответа и вообще избегать выражения полной готовности выполнить приказ Энвера. Ключевой частью этого приказа было указание предотвратить участие “бандитов, которые являются нашими друзьями” (*bize dost çeteler*). Нури не дал никаких гарантий по этому вопросу, что и сыграло свою роль в последовавших за этим антиармянских кровавых боях в Баку.

В зашифрованной телеграмме, отправленной Нури 10 августа 1918 г., Энвер настоятельно требовал, чтобы в окрестностях Баку было сформировано исламское правительство Азербайджана. Между тем немцы были против этого плана, поскольку, согласно дополнительному Брест-Литовскому договору, подписанному 27 августа 1918 г. между Германией и большевистской Россией в результате тайных переговоров, Баку должны были передать русским. Дополнительный договор оговаривал, что Германия должна была воспротивиться попыткам любой третьей стороны вторгнуться в Баку и захватить его.²¹ Однако, к ужасу немцев, Энверу удалось привести в исполнение свой план и с по-

мощью регулярных и нерегулярных военных формирований своего сводного брата и своего дяди Халилия захватить Баку.

Верховное командование Германии сделало все, что могло, чтобы предотвратить нападение турок на Баку; в частности, воинским подразделениям в Грузии было приказано подготовиться к военным операциям и захватить Баку до того, как это сделают турки. Однако генерал Халиль предвосхитил эти операции, отдав секретный приказ уничтожить имевший стратегическое значение железнодорожный мост и тем самым предотвратив своевременную отpravку германских подразделений.²² Немцы поздно узнали о двойной игре Халилия, который, впрочем, впоследствии отказался взять на себя ответственность за эти разрушения.²³

То, что последовало за этим в штабе Халилия, прямо указывает на взаимосвязь между необузданными широкомасштабными турецкими кампаниями по истреблению армян и судьбой последних. Начальник штаба генерала Халилия полковник Паракин, тщетно пытавшийся как можно скорее обеспечить присутствие германских кавалерийских подразделений, необходимых для захвата Баку, категорически протестовал против варварского массового уничтожения армян, начавшегося после захвата города турками.²⁴ В ответ на это надменный Халиль сразу же сместил его с занимаемой должности, заодно пригрозив, что объявит войну союзной Германии, если его и дальше будут раздражать и доносить спорами. Предоставивший эту информацию немецкий военный историк Карл Мюхльман также подтверждает, что османский военный министр генерал Энвер вел, говоря его словами, “двойную игру” (*Doppelspiel*). Лживость Энвера, о которой стало известно в Верховном командовании Германии, потрясла генералов фон Кресса и фон Лосова, которые не хотели верить в то, что это могло соответствовать действительности.²⁵

Несмотря на то, что захват Баку был обусловлен предоставленной войной выгодной возможностью и вездесущими экономическими соображениями, резня армян в этом городе являлась неотъемлемой частью единого плана, нацеленного на полное уничтожение армянского народа. В этом смысле бакинская резня являлась продолжением геноцида османских армян, а Бехаеддин Шакир, одна из ключевых фигур в осуществлении этого геноцида, служил в качестве связующего функционального звена. Более того, стремясь, как и прежде, замаскировать организованный характер массовых убийств в Баку, Шакир позаботился о том, чтобы около двадцати мусульман, уличенных в во-

ровстве и грабеже, были немедленно казнены. Цель была очевидна: создать впечатление, что, будучи начальником полиции, он нес ответственность за правопорядок и не мог допустить беспорядков.²⁶ Как отметил австро-венгерский вице-маршал Помянковски в связи с более ранним применением аналогичной тактики в Карсе и Ардагане, “сначала в оккупированные территории будут введены подразделения убийц, чтобы осуществить запланированную резню. Только после этого должны вступить регулярные войска. Потом они накажут нескольких преступников, чтобы впоследствии иметь возможность заявить, что сами не участвовали в зверствах”.²⁷ Некоторые из своих публикаций этот автор посвятил изучению роли, сыгранной Шакиром в осуществлении геноцида армян во время Первой мировой войны.²⁸

Основной целью данного Приложения являлась попытка представить бесспорные свидетельства осmano-турецкой решимости расширить масштабы геноцида армян до максимума, воспользовавшись благоприятной военной ситуацией и выйдя за пределы Османской империи. Не менее примечательным представляется и то обстоятельство, что для достижения максимального успеха турки традиционно прибегали к хитростям и уловкам. Так, двойную игру, которую в погоне за большим призом — Баку и всем, что было с ним связано, последовательно вел военный министр Энвер, пытаясь провести и одурачить немецких союзников, на протяжении четырех лет поддерживавших Турцию в экономическом, финансовом, военном и политическом планах, не следует считать ни отклонением, ни случайностью. Она являла собой один из примеров вероломства и хитрости, к которой в ноябре 1920 г. прибегли и последователи Энвера — кемалисты, также пытавшиеся обмануть и загнать в ловушку армян Закавказья с целью их “политического и физического уничтожения” и в то же время отвлечь их внимание, предлагая “экономическую поддержку” во имя “глубокой и искренней дружбы и гуманизма”. Две сверхсекретные шифровки, отправленные из Анкары в штаб генерала Карабекира, приказывали, с одной стороны, физически уничтожить Армению, с другой — попытаться усыпить их бдительность притворными предложениями о помощи в экономическом восстановлении Армении и заверениями в желании укрепить новый уровень дружественных отношений (подробнее об этом см. на сс. 458-459 и 494-495 данной книги).

Примечания к Эпилогу

1 Эти данные получены из соответствующих документов турецкого архива военной истории, опубликованных в *Askeri Tarih Belgeleri Dergisi* (Периодическое издание документов военной истории), Специальный выпуск, No.2; том 32, по.83 (март 1983); Специальный выпуск, по.3; том 34, по.85 (октябрь 1985); Специальный выпуск, по.4; том 36, по.86 (апрель 1987). Все эти специальные выпуски содержат исключительно, так называемые, "Армянские документы" (*Ermeni Belgeleri*). Помимо этого, Главное управление по делам прессы и информации при премьер-министре под заголовком "Документы" представило большую выборку этих документов на английском и французском языках. Один этих документов - том 1 (декабрь 1982) на английском языке, использован в данном Приложении в качестве источника. В этих публикациях приведены следующие данные о турецких жертвах:

- (1) Байбурт - 200 человек; *Documents*, vol. 1, doc. No. 58, p. 188 и doc. No. 59, p. 190, однако эта цифра достигает 800 в *Askeri Tarih*, vol. 36, no. 86, doc. No. 2061, p. 60.
- (2) Мамахатун (Теркан) - 300, *там же*, doc. No. 2061, p. 60, но 700 в *Askeri Tarih*, *там же* vol. 32, no. 83, doc. No. 1940, p. 237.
- (3) Ерзнка - 1 500, *там же*, doc. No. 1933, p. 203 и *там же* vol. 34, no. 85, doc. No. 2026, p. 142.
- (4) Эрзрум - 2 127, в *Documents*, vol. 1, doc. No. 69, p. 221, но 4,000 в *Askeri Tarih*, vol. 32, no. 83, doc. No. 1941, p. 241.

Чтобы смягчить проблему, связанную с разницей в приведенных выше цифрах, они были сложены и затем разделены на два, чтобы получить среднее арифметическое. Полученные в результате цифры составили: Байбурт - 500, Мамахатун - 500, Ерзнка - 1 500 и Эрзрум - 3 013. Таким образом, можно сделать вывод, что, согласно официальным турецким данным, число турок, ставших жертвами армянских актов возмездия в январе-марте 1918 г., составляло приблизительно 5513 человек.

- 2 *Reşit Paşanın Hatıraları* (Мемуары Решита паши), С.Р. Yularkiran, ed. (Istanbul, 1940), p.39.
- 3 *German Foreign Ministry Archives* или, А.А. (Auswartiges Amt), *Turkei* 183/46, A58888, no. 111, и A14570.
- 4 *Там же*, 183/47, A15384, no. 591.
- 5 *Austrian Foreign Ministry Archives. Political Archive, i.e., PA. Turkei XII/379. XLII/1-7, no.25/P. - A, folio 210.*
- 6 *British Foreign Office Archives*, или FO, 371/4363 folio 262, p. 2.
- 7 *Там же*, 371/3658, 75852, folio 437.
- 8 *Там же*, folios 440-457, цитата на с. 11 доклада Гека.
- 9 Из интервью, опубликованном в *Le Journal d'Orient*, франкоязычной ежедневной газете, появившейся в Стамбуле в период перемирия; номер от 12 апреля 1919 г.
- 10 *Department of State. Office of Research and Intelligence. "Notes on Armenian National Aspirations and on the Soviet Claims to the Eastern Provinces of Turkey".* March 12, 1946, no. 3523.2, p. 4. Цитируется в Ronald G.Suny, в "Return to Ararat: Armenia in the Cold War", *Armenian Review*, vol.42, no. 3 (Autumn 1989), p.13.

- 11 Joseph Pomiankowski, *Der Zusammenbruch des Osmanischen Reiches* (Graz, Austria, 1969), 165.
- 12 Liman von Sanders, *Five Years in Turkey* (Annapolis, 1927), p. 157.
- 13 Felix Guse, *Die Kaukasusfront im Weltkrieg* (Leipzig, 1940), p. 77.
- 14 Pomiankowski, *Der Zusammenbruch* [n. 11], p.209.
- 15 Sanders, *Five Years*, [n. 12], p.243.
- 16 Yusuf Hikmet Bayur, *Türk İnkılabı Tarihi* (История турецкой революции), vol. 1, Part 1 (Ankara, 1963), p. 344.
- 17 *Там же*, p. 343.
- 18 *Там же*, vol. 2, Part 4 (1952) p. 126.
- 19 İlhan Selçuk, *Yuzbaşı Selahattin'in Romanı* (Istanbul, 1993, 5th printing), p.292.
- 20 Bayur, *Türk İnkılabı Tarihi* [n.16], vol.3, part 4 (1983), p.222.
- 21 *Там же*, pp. 225, 227-28.
- 22 Selçuk, *Yuzbaşı* [n.19], pp. 289, 292.
- 23 Carl Mühlmann, *Das Deutsch-Türkische Waffenbündnis im Weltkriege*, (Leipzig, 1940), pp. 207-8.
- 24 Selçuk, *Yuzbaşı* [n.19], p. 293.
- 25 Mühlmann, *Das Deutsch-Türkische* [n.23], p. 209, p. 211, сноска.
- 26 Murat Çulcu, *Ermeni Entrikalarının Perde Arkası. Torlakyan Davası* (Istanbul, 1990), pp. 240-42.
- 27 *Austrian Foreign Ministry Archives. P.A.X. 156. Report no. 57 P.C DDO.COS-PEL. June 25, 1918.*
- 28 Упоминания о Шакире см. на сс. 198, 204, 220, 227 no. 1, 238, 245 n. 17, 277, 332, 351, 354 n. 13, 363, 371 n.1. См. также в "The Armenian Genocide in Official Turkish Records". Collected Essays by Vahakn N.Dadrian in the Special Issue of *Journal of Political and Military Sociology*, vol. 22, no.1 (Summer 1994), pp. 63-65, 68-71, 73-74, 105, 107, 117, n. 4, 118 n. 9, 128 n.65, 143 n. 11, 150, 156, 161-62, 165, 168. См. также Vahakn N.Dadrian, в трех отдельных выпусках *International Journal of Middle East Studies*.
- (1) vol. 18, no. 3 (август 1986): 329-332. Здесь на четырех страницах роль Шакира анализируется преимущественно на основании османских документов. См. Дополнительно 349, n.44, 350 n.47, 352-53 n. 76, 356-57, n.107, n.108.
- (2) vol. 23, no. 4 (ноябрь 1991): 552, 554, 559, 562, 571 n. 37, 575 n. 58.
- (3) vol. 34, no. 1 (февраль 2002): 85 n.111.

Takvimi Vekâyi issues (Официальная газета османского правительства, приложения [ilâve] которой служили в качестве судебного журнала, освещавшего судебные процессы турецкого военного трибунала, где судили авторов геноцида армян. Стамбул, 1919-20). *Meclisi Mebusan Zabıt Ceridesi* (Стенограммы заседаний Палаты депутатов) Третьего созыва. Пятое заседание. 1918.

Meclisi Âyan Zabıt Ceridesi (Стенограммы заседаний Сената) Третьего созыва. Пятое заседание. 1918 г.

Harb Kabinelerinin İsticvabi (Слушания кабинетов министров военного времени) Пятым Комитетом османской палаты депутатов. Ноябрь-декабрь, 1918 (1333). (Это сокращенная версия стенограмм слушаний, которые ежедневная турецкая газета в Стамбуле *Vakit* в 1933 г. опубликовала в виде специального приложения. Полная версия стенограмм была опубликована самым Пятым комитетом под заголовком *Meclisi Mebusan Zabıtları* [Записи заседаний Палаты депутатов] Парламент третьего созыва, 5ое заседание, No. 521) Istanbul, 1918.

Nutuk. Kemal Atatürk (Речь, К. Ататюрк), vol. 3, 7th ed. Istanbul, n.d.

Tarihi Muhakeme (Исторический процесс [над авторами геноцида армян]) (Kit. Sudi ed.) Istanbul, 1919 (Эта книга содержит стенограммы первых двух заседаний процессов над министрами кабинета описанных в VI, *Takvimi Vekâi*).

К. Karabekir, *İstiklâl Harbimiz* (Наша война за независимость). Istanbul, 1st ed. 1960; 2d ed. 1969. (Обширное собрание официальных документов относящихся в основном к политической и военной корреспонденции между новоиспеченным правительством Анкары и главнокомандующим армией Восточного фронта 1919-20).

A Speech Delivered by Mustafa Kemal Atatürk 1927 (Istanbul, 1963) (Содержит относящиеся к делу документы, подтверждающие мнение Мустафы Кемаля относительно руководства турецкой войной за независимость и ее последствий, 1919-1924 гг. Речь длилась шесть дней, с 15-го по 20-ое окт. 1927 г., и была произнесена перед депутатами и представителями республиканской партии, которая была основана им же. Книга опубликована под эгидой турецкого министерства образования.).

The Imperial Ottoman Penal Code. перевод J. Bucknill и H. Utidjian Oxford, 1913.

Documents. (имели цели продемонстрировать виновность армян и относительную невиновность иттихадистского правительства), vol. I. Составлено отделом информации и прессы, Главное управление, Канцелярия премьер-министра. Анкара, 1982 г.

Sonyel, Dr. Salahi, *Displacement of the Armenians: Documents* (памфлет на английском, французском и турецком) Ankara, 1978.

VII. ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Escor Comm. on Human Rights, Под-ком. по предотвращению дискриминации и защите меньшинств.

U.N. ESCOR Ком. по правам человека, Под-ком. по предотвращению дискриминации и защите меньшинств (38ое заседание.) (Item 57) 7, U.N: Doc. E/CN.4/Sub.2/1985/SR.36 (1985) (краткий отчет 36ой встречи, 29-ое августа 1985).

Agenda Item 4, Предотвращение и наказание за преступление геноцида (1985) (доклад Уайтакера об исторических предпосылках геноцида).

Summary Record of the 36th Meeting of Sub-Comm. (1985) (благоприятный ответ подкомиссии на доклад Уайтакера, определившего резню армян во время Первой мировой войны как геноцид). *Revised and updated report on the question of the prevention and punishment of the crime of genocide*, 38 U.N. ESCOR Ком. по правам человека, Под-ком. по предотвращению дискриминации и защите меньшинств, (Agenda Item 4), 8-9, U.N. Doc. E/CN.4/Sub.2/1985/6 (1985).

The United Nations War Crimes Commission, History of the United Nations War Crimes Commission and the Development of the laws of the War. London, 1948.

VIII. СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

Соединенные Штаты, Госдеп., Национальные архивы, группы отчетов, т.е., R.G. 59 и R.G. 256, Относятся к:

Internal Affairs of Turkey 1910-1929 R.G. 59. 867.4016, Рассовые проблемы (преследование, депортации, погромы и изгнание армян из Турции).

The American Commission to Negotiate Peace at the Paris Peace Conference R.G. 256. 867.00. Турция (политические дела).

Соединенные Штаты, Госдеп., *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1915 Supplement. The World War*. Washington, 1928.

Соединенные Штаты, Госдеп. *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Lansing Papers. 1914-1920*. (L.) (в двух томах) vol. 1. Washington, D.C., 1939.

132 Cong. Rec. (1986) (Заявления множества сенаторов США, отмечающих геноцид армян в своих аргументах в поддержку ратификации Соединенными Штатами Конвенции ООН по геноциду).

The Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Stanford. Министерство внутренних дел Российской империи. Отдел иностранных дел секретной службы полиции. Отделение 4.

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ. КНИГИ ОПУБЛИКОВАННЫЕ НА:

На турецком языке

Akçam, T. *Siyasi Kültürümüzde Zulüm ve İşkence*. (Зверства и пытки в нашей политической культуре). Istanbul, 1992.

_____. *Türk Ulusal Kimliği ve Ermeni Sorumu*. (Турецкая национальная идентичность и Армянский вопрос). Istanbul, 1992.

Akçura, Y. *Üç Tarzi Siyaset* (Три пути политики). Ankara, 1987.

Akşin, S. *100 Soruda Jön Türkler ve İttihat ve Terakki* (Младотурки и Иттихад ве Тераки в контексте 100 вопросов). Istanbul, 1980.

_____. *Istanbul Hükümetleri ve Milli Mücadele* (Стамбульские правительства и национальная борьба), vol. 1. Istanbul, 1983; vol. 2. Istanbul, 1992.

Amca, H. *Doğmayan Hürriyet. Bir Devrin İç Yüzü 1908-1918* (Нерожденная свобода, внутренняя история эпохи 1908-1918). Istanbul, 1958.

Atay, F.R. *Çankaya*. Istanbul, 1980.

_____. *Zeytinadağı* (Оливковая гора). Istanbul, 1981.

Avcıoğlu, D. *Milli Kurtuluş Tarihi*. (История национального освобождения), vol.3. Istanbul, 1974.

Aydemir, Ş. S. *Makedonyadan Ortaasya'ya Enver Paşa* (Энвер-паша. От Македонии до Центральной Азии), vol.2. Istanbul, 1971; vol.3. Istanbul, 1972.

Bayar, C. *Ben de Yazdım* (Я тоже написал), vol.6. Istanbul, 1968.

Bayur, H.K. *Sadrızam Kâmil Paşa. Siyasi Hayatı* (Великий визирь Камиль-паша. Его политическая жизнь). Ankara, 1954.

Bayur, Y.H. *Türk İnkilâbı Tarihi* (История турецкой революции), vol.2 Part 4. Ankara, 1952; vol. 3 Part 1. 1953; vol. 3. 1957; vol.3 Part 4. 1983.

Belen, General F. *Birinci Cihan Harbinde Türk Harbi* (Турецкая война во время Первой мировой войны). vol. 3. Ankara, 1965.

- Beşikci, I. *Kürdistan Üzerinde Emperyalist Bölüşüm Mücadelesi: 1915-1925* (Борьба за империалистический раздел Курдистана в 1915-1925 гг.), vol. 1. Ankara, 1992.
- Bleda, M. *İmparatorluğun Çöküşü* (Распад империи), Istanbul, 1979.
- Cemal, P. *Hatıralar*. Istanbul, 1977.
- Cevdet Paşa, A. *Tezâkir* (Мемуары), vol.1. C. Baysun, ed. Ankara, 1953.
- Çulcu, Murat. Ermeni Entrikalarının Perde Arkası "Torlakyan Davası" (Внутренняя история армянских интриг. "Суд над Торлакяном") Istanbul, 1977.
- Çavdar, T. *Talât Paşa*. Ankara, 1984.
- Coşar, S. *Osman Ağa*. Istanbul, 1971.
- Danişmend, I. *İzahlı Osmanlı Tarihi Kronolojisi* (Хронология османской истории с аннотациями), vol.4, 2d ed. Istanbul, 1961.
- Duru, K. *Ziya Gökalp*. Istanbul, 1949.
- Erden, Orgeneral A.F. *Birinci Dünya Harbinde Suriye Hatıraları* (Сирийские воспоминания о Первой мировой войне), vol. 1 Istanbul, 1954.
- Ertürk, H. *İki Devrin Perde Arkası* (За кулисами двух эпох). S.H.Tansu ed. Istanbul, 1957.
- Esatlı, M.R. *İttihad ve Terakki Tarihinde Esrar Perdeleri* (Завеса тайн в истории иттихада). Istanbul, 1975.
- Galib, A.R.M. *Geçen Asırda Devlet Adamlarımız* (Наши государственные деятели прошлого столетия), Istanbul, 1979
- Gökbilgin, M.T. *Milli Mücadele Başlarken* (Когда началась национальная борьба), vol. 1. Ankara.
- Goloğlu, M., *Üçüncü Meşrutiyet 1920*. (Третья конституция 1920 г.). Ankara, 1970.
- Göztepe, T.M. *Osmanoğullarının Son Padişahı Sultan Vahdeddin Mütareke Gayyasında* (Последний монарх османской династии султан Вахдедин в тупике перемирия). Istanbul, 1969.
- Gürün, K. *Ermeni Dosyası* (Армянское досье). Ankara, 1983.
- Halil Menteşenin Anıları*. Istanbul, 1986.
- Halil Paşa. *İttihad ve Terakki'den Cumhuriyet'e: Bitmeyen Savaş* (От иттихада ве теракки до республики: нескончаемая борьба) M.T. Sorun, ed. Istanbul, 1972.
- Hocaoğlu, M. *Arşiv Vesikalarıyla Tarihte Ermeni Mezâlimi ve Ermeniler* (Армяне и армянские зверства в истории по архивным документам). Istanbul, 1976.
- Izzet, P.A. *Feryadım* (Мой плач), vol.1. Istanbul, 1992.
- Jaeschke, G. *Türk İnkılabı Tarihi Kronolojisi 1918-1923* (Хронология турецкой революции). Niyazi R. Aksu, trans. Istanbul, 1939.
- Kadri, H.K. *Balkanlardan Hicaz'a İmparatorluğun Tasfiyesi. 10 Temmuz İnkılabı ve Netayici* (Ликвидация империи от Балкан до Хиджаза. Революция 10-ого июля и ее результаты). K. Büyükcoşkun ed. Istanbul, 1992.
- Kâmil, P. *Hatıratı Sadrı Esbak Kâmil Paşa* (Мемуары бывшего великого визиря Камиля-паши), шрифт османский. Istanbul, [1913].
- Kandemir, F. *İstiklâl Savaşında Bozguncular ve Casuslar* (Пораженцы и шпионы в борьбе за независимость). Istanbul, 1964.
- Kansu, M.M. *Erzurum'dan Ölümüne Kadar Atatürk'le Beraber* (Вместе с Ататюрком от Эрзрума и до самой смерти), vol. 1, 2^d ed.. Ankara, 1986.
- Karabekir, K. *İstiklâl Harbimiz* (Наша война за независимость), 1st ed. Istanbul, 1960, 2d ed. Istanbul, 1969.
- _____. *İstiklâl Harbimizin Esasları* (Основные элементы нашей войны за независимость). Istanbul, 1951.
- _____. *İstiklâl Harbimizde Enver Paşa ve İttihat Terakki Erkânı* (Энвер-паша и руководство Иттихада ве Теракки в нашей войне за независимость). Istanbul, 1967.
- Kaynar, R. *Türkiyede Hukuk Devleti Kurma Yolundaki Hareketler* (Движения в Турции за создание правового государства). Istanbul, 1983.

- Kocaş, S. *Tarih Boyunca Ermeniler ve Türk-Ermeni İlişkileri* (Армяне в истории и турецко-армянские отношения). Ankara, 1967
- Kuran, A.V. *Osmanlı İmparatorluğunda ve Türkiye Cumhuriyetinde İnkılâp Hareketleri* (Революционные движения в Османской империи и Турецкая Республика). Istanbul, 1959.
- Kutay, C. *Birinci Dünya Harbinde Teşkilatı Mahsusa* (Специальная организация во время Первой мировой войны). Istanbul, 1962.
- _____. *Celal Bayarın Yazmadığı ve Yazmayacağı üç Devirden Hakikatler* (Факты, относящиеся к трем эпохам, о которых Джелал Байар не писал и не напишет). Istanbul, 1982.
- _____. *Talât Paşanın Gurbet Hatıraları* (Мемуары Талеата-паши в изгнании), 3 vols., vols. 2 and 3. Istanbul, 1983.
- Küçük, Y. *Türkiye Üzerine Tezler 1908-1978*, vol. 1. 3d ed. Istanbul, 1980.
- Müderrişoğlu, A. *Sarıkaş Dramı* (Драма Сарикамышы), vol.1. Istanbul, 1988.
- Oğuz, B. *Yüzyıllar Boyunca Alman Gerçeği ve Türkler* (Германская действительность на протяжении веков и турки). Istanbul, 1983.
- Öke, Dr. Mim Kemâl, *Ermeni Meselesi 1914-1923* (Армянский вопрос 1914-1923), Istanbul, 1986.
- Ökte, F. *Varlık Vergisi Faciası* (Трагедия бремени богатства). Istanbul, 1983.
- Okyar, F. *Üç Devirde Bir Adam* (Человек трех эпох). C.Kutay, ed. Istanbul, 1980.
- Orel, Ş. and S. Yuca. *Ermenilerce Talât Paşa`ya Atfedilen Telegrafların Gerçek Yüzü* (Действительная природа телеграмм, приписываемых Талеату-паше армянами). Ankara, 1983.
- Ortaylı, I. *Osmanlı İmparatorluğunda Alman Nüfuzu* (Влияние Германии на историю Османкой империи). Istanbul, 1983.
- Osman N. *Abdulhamid Sani ve Devri Saltanatı. Hayatı Hususiye ve Siyaseti*. (Абдул-Гамид Второй и период его правления. Его личная и политическая жизнь). Шрифт османский. Vol.2, Istanbul, 1328/1912.
- Refik, A. (Altınay), *İki Komite İki Kıtıl* (Два комитета и две резни). Шрифт османский. Istanbul, 1919.
- Sabis, A.I. *Harb Hatıralarım* (Мои военные мемуары), vol. 1. Istanbul, 1943; *idem*, vol.2. Ankara, 1951.
- Şakir, Z. 1914-1918 *Cihan Harbini Nasıl İdare Ettik* (Как мы руководили Мировой войной 1914-1918 гг.). Istanbul, 1944.
- Samih, A. *Büyük Harpte Kafkas Cephesi* (Кавказский фронт в великой войне). Ankara, 1934.
- Şener, C. *Topal Osman Olayı* (Дело Топала Османа). Ankara, 1968.
- Şimşir, B. *Malta Sürgünleri* (Мальтийские изгнанники). Istanbul, 1976.
- Sultan II Abdülhamid Han, *Devlet ve Memleket Görüşlerim* (Мое видение государства и страны). A.A. Çetin è R.Yıldız, eds. Istanbul, 1976.
- Tahsin, P. *Abdülhamit Yıldız Hatıraları* (Мемуары о Илдызе [дворце] Абдул-Гамида.) Istanbul, 1931.
- Talât Paşanın Hatıraları*. (Мемуары Талеата-паши). E.Bolayir ed. Istanbul, 1946.
- Tarihi Mukakeme*. (Исторический процесс [над авторами геноцида армян]). Шрифт османский. K. Sudi, ed. Istanbul, 1919. Первые два слушания над министрами кабинета.
- Tunaya, T.Z. *Türkiyede Siyasal Partiler* (Политические партии в Турции), 3 vols., 2d enl. ed. Ankara, 1984.
- Türkgeldi, A.F., *Görüp İştittiklerim* (О том, что я видел и слышал). 2d ed. Ankara, 1951.
- Uras, E. *Tarihte Ermeniler ve Ermeni Meselesi* (Армяне и Армянский вопрос в истории), 1st ed. Istanbul, 1950; 2d ed. 1976.
- Vakit. *Harb Kabinelerinin İsticvabı* (Слушания в кабинетах военного периода). Istanbul, 1933. (Специальное приложение к Мемуарам и Документам, по.2)
- Vardar, G. *İttihad ve Terakki İçinde Dönerler* (Закулисная история Иттихада ве Теракки). S.H. Tansu, ed. Istanbul, 1960.

Yalman, A.E. *Yakın Tarihte Gördüklerim ve İşittiklerim* (То, что я видел и слышал в недавней истории), 4 vols. Istanbul, 1970.

На английском языке

- Ahmad, F. *The Young Turks*. Oxford, 1969.
 Alamuddin, Ida. *Papa Kuenzler and the Armenians*, London, 1970.
 Argyll, Duke of (Джордж Джон Дуглас Кемпбелл, бывший государственный секретарь по делам Индии и Лорд-хранитель печати), *Our Responsibilities for Turkey*. London, 1896.
 Aristotle. *Politics*. перевод. Jowett è Twining, New York, 1959.
 Armenian National Delegation. *The Lausanne Treaty, Turkey and Armenia*. New York, 1926.
 Bailey, F.E. *British Policy and the Turkish Reform Movement: A Study in Anglo-Turkish Relations 1826-1853*. New York, 1970.
 Bardakjian, K. *Hitler and the Armenian Genocide*. Cambridge, Mass., 1985.
 Bassiouni, M.C. *Crimes Against Humanity in International Law*. Boston, 1992.
 Bat Ye`or [Y. Masriya]. *The Dhimmi: Jews and Christians Under Islam*. D. Maisel, P. Fenton, D. Littman, trans. London, 1985.
 Berkes, N. *The Development of Secularism in Turkey*. Montreal, 1964.
 Bernstorff, J. *Memoirs of Count Bernstorff*. E. Sutton, trans. New York, 1936.
 Boyajian, D. *Armenia. The Case for a Forgotten Genocide*. Westwood, New Jersey, 1972.
British Documents on the Origins of the War 1889-1914, vol. IX: 1. Gooch and Temperley, eds. London, 1926.
 Bryce, J. *Transcaucasia and Ararat*. London, 1896.
 _____. *The Treatment of the Armenians in the Ottoman Empire 1915-16*. Compiled A. Toynbee. London, 1896.
 Calic, E. *Unmasked*. R. Barry, trans. London, 1971.
 Campbell, G. (Duke of Argyll). *Our Responsibilities for Turkey*. London, 1896.
 Carnegie Endowment for International Peace. *Violation of Laws and Customs of War: Report of the Majority and Dissenting Reports of the American and Japanese Members of the Commission on Responsibilities at the Conference of Paris*. Pamphlet No. 32. Oxford, 1919.
 Cecil, Lady G. (дочь Солсбери) *Life of Robert, Marquis of Salisbury*, 4 vols. London, 1921-1931.
 Chaliand, G. and Y. Ternon. *The Armenians from Genocide to Resistance*. London, 1981.
 Charny, Israel W., ed., *Genocide: A Critical Bibliographic Review*, vol. 1, London 1988; vol. 2, London and New York, 1991.
 Churchill, W. *The World Crisis. The Aftermath*. London, 1929.
 Davis, L. *The Slaughterhouse Province*. S. Blair, ed. New Rochelle, New York, 1989.
 Davis, W.S. *The Roots of the War*. New York, 1918.
 Dawson, W.H. *The Cambridge History of British Foreign Policy*, vol. III. Cambridge, 1923.
 De Nogales, R. *Four Years Beneath the Crescent*. M. Lee, trans. New York, 1926.
Documents on British Foreign Policy 1919-1939. First Series. W.L. Woodward and R. Butler, eds. London, 1952.
 Dornberg, J. *Münich 1923. The Story of Hitler's First Grab for Power*. New York, 1982.
 Edib, H. *The Turkish Ordeal*. New York, 1928.
 _____. *Memoirs of Halide Edib*, New York, 1926.
 Einstein, L. *Inside Constantinople*. New York, 1918.
Encyclopedia of World History. W. Langer, rev. ed. Boston, 1948.
 Fawaz, Leila. *An Occasion for War. Ethnic Conflict in Lebanon and Damascus*. Berkeley, 1994.
 Feis, H. *Europe, The World's Banker 1870-1914*. New Haven, 1930.
 Fenwick, C. *International Law*. Rev. enl. ed. New York, 1934.
 Fest, J.C. *Hitler*. Richard and Clara Winston, trans. New York, 1975.
 Festinger, L.A. *Theory of Cognitive Dissonance*. Stanford, California, 1957.
 Garner, J. *International Law and the World War*, vol. 2. London, 1920.

- Genocide. A Critical Bibliographic Review*. W. Charny, ed. vol. 1, London, 1988.
 George, L. *Memoirs of the Peace Conference*, vol. 2. London, 1939.
Germany, Turkey and Armenia (Свод документальных свидетельств о зверствах по отношению к армянам из немецких и других источников) London, 1917.
 Gibb, H.A.R. and H. Bowen. *Islamic Society and the West*, vol. 1:2. Oxford, 1962.
 Gilbert, M. *The Holocaust. The Jewish Tragedy*, 3d. ed. London, 1987.
The Goebbels Diaries. L. Lochner, ed., trans. New York, 1948.
 Goerlitz, W. *History of the German General Staff 1657-1945*, B. Battershaw, перевод., New York, 1953.
 Gökalp, Z. *Turkish Nationalism and Western Civilization*. N. Berkes, trans., ed., London, 1959.
 Gooch, G.P. *History of Modern Europe 1878-1919*. New York, 1923.
 Gottlieb, W.W. *Studies in Secret Diplomacy during the First World War*. London, 1957.
 Grant, A.J. and H. Temperley, *Europe in the Nineteenth and the Twentieth Centuries (1789-1914)*. London, 1962.
 Graves, Dr. A.K. *The Secrets of the German War Office* (при сотрудничестве И.Л. Фокса), 4th ed. New York, 1914.
 Graves, Sir R. *Storm Centers of the Near East (Personal Memoirs 1879-1929)*. Constantinople, 1933.
 Grey, Viscount of Fallodon, *Twenty-Five Years. 1892-1916*, vol. 1. New York, 1925.
 Gürün, K. *The Armenian File. The Myth of Innocence Exposed*. New York, 1985.
 Hackworth, G.H. *International Law*, 8 vols. Vol. 1 Washington D.C., 1940-1944.
 Hartunian, A.H. *Neither to Laugh Nor to Weep. A Memoir of the Armenian Genocide*. Vartan Hartunian trans., Boston, 1968; 2d ed. Cambridge, MA, 1986.
 Helmreich, P.C. *From Paris to Sèvres*. Columbus Ohio, 1974.
 Hepworth, G.H. *Through Armenia on Horseback*, New York, 1898.
 Herbert, A. *Ben Kendim. A Record of Eastern Travel*, 2nd ed. London, 1924.
 Hertslet, E. *The Map of Europe by Treaty*, vol. 4. (1875-1891) London, 1891.
 Hilberg, R. *The Destruction of the European Jews*. Chicago, 1969.
 Hovhannissyan, R. *Armenia on the Road to Independence 1918*. Berkeley, Calif., 1967.
 _____. ed. *The Armenian Genocide: History, Politics, Ethics*. New York, 1992.
 _____. *The Armenian Holocaust*. (Библиография, относящаяся к депортации, массовому уничтожению и рассеиванию армянского народа, 1915-1923) Cambridge, Mass., 1980.
 Hurewitz, J.C. *Diplomacy in the Near and Middle East, A documentary record; 1535-1914*, vol. 1. Princeton, New Jersey, 1956.
The Imperial Ottoman Penal Code. J. Bucknill and H. Utidjian trans. Oxford, 1913.
 Ismail, K.B., *The Memoirs of Ismail Kemal Bey*. S. Story, ed. London, 1920.
International Law: A Contemporary Perspective. R. Falk, F. Kratochwil, and S. Mendlowitz, eds. Boulder, Colorado, 1985.
 Jäckh, E. *The Rising Crescent*. New York, 1944.
 Jackson, R. *The Nürnberg Case as Presented by Robert H. Jackson, Chief of Counsel for the United States. Together with Other Documents*. New York, 1971.
 Karpat, K. *Ottoman Population 1830-1914*. Madison, WI, 1985.
 Kazemzadeh, F. *The Struggle for Transcaucasia (1917-1922)*. New York, 1951.
 Kinross, Lord. *The Ottoman Centuries*. New York, 1977.
 Kuper, L. *Genocide: Its Political Use in the Twentieth Century*. New Haven, Conn., 1981.
 _____. *The Prevention of Genocide*. New Haven, Connecticut, 1985.
 Langer, W. *The Diplomacy of Imperialism 1890-1902*, vol. 1. New York, 1935.
 Lauterpacht, H. *The Grotian Tradition in International Law: A Contemporary Perspective*. R. Falk, F. Kratochwil, and S. Mendlowitz, eds. 1985.
 League of Nations, Permanent Court of International Justice, Advisory Committee of Jurists. *Procés-Verbaux of the Proceedings of the Committee, June 16-July 24*. Geneva, 1920.
 MacColl, M. *The Sultan and the Powers*. London, 1896.

- Marriot, J. *The Eastern Question* (Историческое исследование европейской дипломатии), 4th ed. Перепечатано. Glasgow, 1958.
- Maurois, A. *Disraeli*. H. Miles, trans., Chautauqua, N.Y., 1930.
- Mears, E.G. *Modern Turkey: A Politico-Economic Interpretation 1908-1923 Inclusive*. New York, 1924.
- Melson, R. *Revolution and Genocide. On the Origins of the Armenian Genocide and the Holocaust*. Chicago, 1992.
- Midhat, A.H. *The Life of Midhat Pasha* London, 1903.
- Morgenthau, H. *Ambassador Morgenthau's Story*. New York, 1918.
- Morley, J. *The Life of Gladston*, vol.1. New York, 1909.
- Mullins, C. *The Leipzig Trials*. New York, 1921.
- Nalbandian, L. *The Armenian Revolutionary Movement*. Berkeley, 1963
- Nansen, F. *Armenia and the Near East*. London, 1928. Перепечатано, New York, 1976.
- Nassibian, A. *Britain and the Armenian Question 1915-1923*. London, 1984.
- n.a. *The Near East From Within*. New York, n.d. (возможно зима 1914-15).
- An Old Indian, *Historical Sketch of Armenia and the Armenians* (Со специальной ссылкой на теперешний кризис). London, 1896.
- Oppenheim, L. *International Law*, vol.2 H. Lauterpacht, ed. 7th ed. London, 1952.
- Oppenheim- Lauterpacht, *International Law*. 7th ed. London, 1948.
- Paneth, P. *Turkey. Decadance and Rebirth*. London, 1943.
- Parliamentary Debates. *Armenia*. A.Raffi, ed. London, 1918.
- Pears, Sir E. *Forty Years in Constantinople. The Recollections of Sir Edwin Pears 1873-1915*. New York, 1916.
- The Permanent Peoples Tribunal. *A Crime of Silence*. London, 1985.
- Ramsaur, E.E. *The Young Turks. Prelude to the Revolution of 1908* Beirut, 1965.
- Ramsay, W.M. *Impressions of Turkey During Twelve Years' Wanderings*. New York, 1897.
- Rawlinson, A. *Adventures in the Near East 1918-1922*. London, 1923.
- Read, J.M. *Atrocity Propaganda 1914-1919*. New Haven, Conn., 1941.
- Reitlinger, G. *The SS. Alibi of a Nation. 1922-1945*. New York, 1957.
- von Rintelen, Captain. *The Dark Invader. Wartime Reminiscences of a German Naval Intelligence Officer*. New York, 1933.
- Rolin-Jaequemeyns, M.G. *Armenia, The Armenians, and the treaties*. London, 1891.
- Ryan, Sir A. *The Last of Dragomans*. London, 1951.
- Sachar, H.M. *The Emergence of the Middle East, 1914-1924* New York, 1969.
- Sahakian, R. and E. Sarkisian. *Vital Issues in Modern Armenian History*. E. Cherakian, trans. Watertown, MA, 1965.
- Salt, Jeremy. *Imperialism, Evangelism and the Ottoman Armenians 1878-1896*. London, 1993.
- von Sanders, L. *Five Years in Turkey*. Annapolis, Maryland, 1927.
- Sarkissian, A.O. *History of the Armenian Question to 1885*, reprint, Urbana, IL, 1938, University of Illinois Bulletin, vol. xxxv. 1938.
- Sarkisian, E.E. and R.G. Sahakian. *Vital Issues in Modern Armenian History*. E. Chrakian, trans, Watertown, MA, 1965.
- Scott, J. *Cases on International Law*, 2nd ed. St. Paul, Minn., 1922.
- Seymour, C. *The diplomatic Background of the War 1870-1914*. New Haven, Connecticut, 1927.
- Shaw, S. and E.K. Shaw *History of the Ottoman Empire and Modern Turkey*, vol.2. Cambridge, England, 1977.
- Shriner, G.A. *From Berlin to Bagdad*. New York, 1918.
- Sohn, L.B. and T. Buergenthal. *International Protection of Human Rights*. New York, 1973.
- Sonyel, Dr. Salahi, *Displacement of the Armenians. Documents* (Памфлет на английском, французском и турецком) Ankara, 1978.
- Sontag, R. *European Diplomatic History 1871-1932*. New York, 1933.
- Speech Delivered by Mustafa Kemal Ataturk 1927*. Istanbul, 1963.

- Staub, E. *The Roots of Evil. The Origins of Genocide and Other Group Violence*. Cambridge, 1989.
- Stoddard, P. *The Ottoman Government and the Arabs, 1911 to 1918: A Preliminary Study of the Teşkilatı-Mahsusa* (Специальная организация). Univ. Microfilms. Ann Arbor, Mich., 1963.
- Strümer, H. *Two Years in Constantinople*. E.Allen, trans. New York, 1917.
- Tirpitz, A. *My Memoirs*, vol.2. New York, 1919.
- Toriguian, S. *The Armenian Question and the International Law*, 2nd ed. La Verne, Calif., 1988.
- Toynbee, A. *Armenian Atrocities. The Murder of a Nation*. London, 1915.
- _____. *The Western Question in Greece and Turkey* Boston, 1922.
- _____. *Experiences*. Oxford, 1969.
- Trumpener, U. *Germany and the Ottoman Empire 1914-1918*. Princeton, 1968.
- The United Nations War Crimes Commission. *History of the United Nations War Crimes Commission and the Development of the Laws of War*. London, 1948.
- Ussher, C. *An American Physician in Turkey*. Boston, 1917.
- Walker, C. *Armenia. The Survival of a Nation*. New York, 1980; 2nd, rev.ed. 1990.
- Watt, M. *Islam and the Integration of Society*. Evanston, Illinois, 1961.
- Weber, F.G. *Eagles on the Crescent*. Ithaca, N.Y., 1970.
- Williams, T. *Turkey. A World Problem of Today*. Garden City, N.Y., 1921.
- Willis, J.F. *Prologue to Nuremberg. The Politics and Diplomacy of Punishing War Criminals of the First World War*. Westport, Conn., 1982.
- Yale, W. *The Near East. A Modern History*. New and rev. Ann Arbor, Michigan, 1968.
- Yalman, A.E. *The Development in Modern Turkey as Measured by the Press*. New York, 1914.
- _____. *Turkey in my Time*. Norman, Okla., 1956.
- _____. *Turkey in the World War*. New Haven, Connecticut, 1930.
- Zapantis, A.L. *Greek-Soviet Relations, 1917-1941*. Boulder, CO, 1982.
- Zarevand, *United and Independent Turania. Aims and Designs of the Turks*. V.N. Dadrian trans. Leiben, 1971.
- Zenovsky, S. *Pan -Turkism and Islam in Russia*. Cambridge, Mass., 1967.
- Zürcher, E. *The Unionist Factor*. Leiden, 1984.

На немецком языке

- Alp, T. *Türkismus und Pantürkismus*. Weimar, 1915.
- Baronigian, A.S. *Blicke ins Märtyrerland*. Lössnitzgrund i. Sachsen, 1921.
- Bihl, W. *Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte*. Part I. Vienna, 1975.
- Bismarck. *Denkwürdigkeiten* (Мемуары). P. Liman, ed. (подборка из его писем, речей и личных воспоминаний) Berlin, 1899.
- _____. *Anhang zu den Gedanken und Erinnerungen*. Stuttgart, 1901.
- von Bülow, F.B. *Denkwürdigkeiten*, vol.2. Berlin, 1930.
- Das Staatsarchiv. *Sammlung der Officiellen Actenstücke*, vols. 30 and 32 (1874). Kremer-Aunrode and Hirsch, eds. Leipzig, 1877.
- Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871-1914*, vol.9, Der Nahe Osten; vol.10, Das Türkische Problem 1895. J. Lepsius, A.M. Bartholdy, F. Thimme, eds., 3rd ed. Berlin, 1927.
- Esad Bey, *Die Verschwörung Gegen die Welt*. Berlin, 1932.
- Eyck, E. *Das Persönliche Regiment, Wilhelms II: Politische Geschichte des deutschen Kaiserreiches von 1890 bis 1914*. Zürich, 1948.
- Fischer, F. *Griff nach der Weltmacht*. Düsseldorf, 1967.
- Giesl, W. *Zwei Jahrzehnte im Nahen Orient* (Два десятилетия на Ближнем Востоке. Заметки генерала кавалерии.) Major-General R.V. Steinitz ed. Berlin, 1927.
- von der Goltz, C.F. *Denkwürdigkeiten* (Мемуары). Friedrich v. d. Goltz, W. Foerster eds. Berlin, 1929.
- Guttman, B. *Schattenriss einer Generation* (Силуэт поколения). Stuttgart, 1950.
- Herzl, T. *Tagebücher 1895-1904*, 3 vols.; vol.1. Berlin, 1922, vols 2 and 3, 1923.
- von Hindenburg, P. 1934. *Aus Meinem Leben*. Leipzig, 1934.

- Hohenlohe-Schillingshurst, C. *Denkwürdigkeiten der Reichskanzlerzeit* (Воспоминания из периода пребывания на посту канцлера) Institut für Armenische Fragen. *The Armenian Genocide. Documentation*, vol.I Munich, 1987; vol.II. 1988.
- Jäckel, E. and Axel Kuhn, eds. *Hitler. Sämtliche Aufzeichnungen 1905-1924*. Stuttgart, 1980.
- Jäckh, E. *Der Aufsteigende Halbmond*, 6th ed. Berlin, 1916.
- _____. *Der Goldene Pflug* (Золотой плужный лемех). Stuttgart, 1954.
- von Kampen, W. *Studien zur Deutschen Türkeipolitik in der Zeit Wilhelms II* (Исследования политики Германии по отношению к Турции во время правления Вильгельма II). (докторская диссертация в университете Киля), 1968.
- von Kühlmann, R. *Erinnerungen* (Мемуары). Heidelberg, 1948.
- Künzler, Jacob. *Im Lande des Blutes und der Tränen. Erlebnisse in Mesopotamien während des Krieges*. Potsdam-Berlin, 1921.
- Lepsius, J. *Armenien und Europa*. Berlin-Westend, 1897.
- _____. *Deutschland und Armenien 1914-1918*. Berlin Potsdam, 1919.
- _____. *Der Todesgang des Armenischen Volkes*. Berlin-Potsdam, 1930.
- Leverkuehn, P. *Posten auf Ewiger Wache. Aus dem abenteuerreichen Leben des Max von Scheubner-Richter*. Essen, 1938.
- Lichtheim, R. *Rückkehr. Lebenserinnerungen aus der Frühzeit des deutschen Zionismus*. Stuttgart, 1970.
- Ludendorf, E. *Urkunden der Obersten Heeresleitung über ihre Tätigkeit. 1916-18* (Документы Верховного командования относительно его деятельности 1916-18). Berlin, 1922.
- Ludwig, E. *Wilhelm der Zweite*. Berlin, 1926.
- Marquart, J. *Die Entstehung und Wiederherstellung der armenischen Nation*. Berlin- Schöneberg, 1919.
- Meier-Welcker, H. *Seeckt*. Frankfurt am Main, 1967.
- Meyer, Karl. *Armenian und die Schweiz*. Bern, 1974.
- Muhtar Pascha, Mahmud. *Meine Führung im Balkankrieg 1912*. 5th ed. Imhoff Pascha, trans. Berlin, 1913.
- Mühlmann, C. *Das Deutsch-Türkische Waffenbündnis im Weltkriege*. Leipzig, 1940.
- Mühsam, Kurt. *Wie Wir Belogen Wurden*. Munich, 1918.
- von Müller, G.A. *Der Kaiser... Aufzeichnungen des Chefs des Marinekabinetts Admiral G. A.V. Müller über die Ära Wilhelms II*. (Записки адмирала военно-морского министерства Мюллера об эпохе правления Вильгельма II) W. Görlitz ed. Göttingen, 1965.
- Nadolny, R. *Mein Beitrag*. Wiesbaden, 1955.
- Naumann, F. *Asia*. Berlin-Schonenberg, 1911.
- von Papen, Franz. *Der Wahrheit eine Gasse*. Munich, 1952.
- Picker, H. *Hitler's Tischgespräche im Führerhauptquartier*, 3rd ed. Stuttgart, 1977.
- Pomiankowski, J. *Der Zusammenbruch des Ottomanischen Reiches*. Original Edition 1928, Vienna. Перепечатано, Graz, 1969.
- Rathmann, L. *Stossrichtung des deutschen Imperialismus im ersten Weltkrieg*. Berlin, 1963.
- von Sanders, L. *Fünf Jahre in der Türkei*. Berlin, 1920.
- Saurp, N. *Das Deutsche Reich und die Armenische Frage* (Германская империя и Армянский вопрос). Cologne или Köln (докторская диссертация в университете Кёльна), 1990.
- Schäfer, R. *Persönliche Erinnerungen an Johannes Lepsius*. Berlin-Potsdam, 1935.
- Schraudenbach, L. *Muharebe*. (Война) Berlin, 1924.
- Solf, W. *Gegen die Unvernunft. Der Briefwechsel zwischen Paul Graf Wolff Metternich und Wilhelm Solf 1915-1918*. E. von Vietsch, ed. Bremen, 1964.
- Strümer, H. *Zwei Kriegsjahre in Konstantinopel. Skizzen Deutsch- Jungtürkischer Moral in Politik*. Lausanne, Switzerland, 1917.
- von Tirpitz, A. *Erinnerungen* (Мемуары). Leipzig, 1919.
- Wallach, J. L. *Anatomie einer Militärhilfe. Die preussisch-deutschen Militärmissionen in der Türkei 1835-1919*. Düsseldorf, 1976.

- von Waldersee, A.G. *Denkwürdigkeiten* (Мемуары), vol. I. H. O. Meisner, ed. Stuttgart, 1923.
- Zeki, M. *Raubmörder als Gäste der deutschen Republik*. Berlin, 1920.
- Ziemke, K. *Die Neue Türkei 1914-1929*. Stuttgart, 1930.
- Zurlinden, S. *Der Weltkrieg*, vol. 2. Zürich, Switzerland, 1918.

На французском языке

- Baghdjian, K. *La Confiscation par le Gouvernement Turc des Biens Arméniens... Dits "Abandonnés."* Montreal, 1987.
- Bérard, V. *La politique du Sultan* (Paris, 1897)
- _____. *La mort de Istanboul*. Paris, 1913.
- Beylerian, A. *Les Grandes Puissances, L'Empire Ottoman, et les Arméniens dans les Archives Françaises 1914-1918*. Paris, 1983.
- Biliotti, A. and A. Sedad. *Legislation Ottoman Depuis la Rétablissement de la Constitution*, vol. 1. Paris, 1912.
- Cambon, P. *Correspondance 1870-1924*, vol. I. (1870-1898) Paris, 1940.
- Choublier, M. *La Question D'Orient depuis le Traité de Berlin*, 2nd ed. Paris, 1889.
- Comité Central des Réfugiés Arméniens. (M.M. Gidel, A. de LaPradelle, L. Le Fur). *Confiscation des biens des réfugiés Arméniens par le gouvernement Turc*, Paris, 1929.
- Destrilhes, M. *Confidences sur la Turquie*. Paris, 1855.
- Documents Diplomatiques Français 1871-1900*. Paris, 1951.
- Doumergue, E. *L'Arménie, les Massacres et la Question D'Orient*. Paris, 1916.
- Engelhardt, E. *La Turquie et le Tanzimat ou histoire des réformes dans L'Empire Ottoman*, vols. I 1882 and II. Paris, 1884.
- French Foreign Ministry Archives*. Nouvelle Série. Turquie, Politique Interieure, Jeunes Turcs, Paris, vols. 7 and 8.
- de la Jonquière, Le Vte. *Histoire de l'Empire Ottoman depuis les origines jusqu'à nos jours*, vol. II. new, enl. ed. Paris, 1914.
- Karal, E.Z., *La Question Arménienne (1878-1923)*. K. Dorsan, trans. Ankara, 1984.
- C.H. Lebeau, *Essai sur la justice en Turquie* (á propos du Traité de Lausanne) Paris, 1924.
- Livre Jaune. Affaires Arméniens, Projets de Réformes dans L'Empire Ottoman 1893-1897*. Paris, 1897.
- Mandelstam, A. *La Société des Nations et les Puissances devant le Problème Arménien*. Paris, 1926.
- _____. *Le Sort de L'Empire Ottomane*. Lausanne, 1917.
- Mantram, R., ed. *Histoire de l'Empire Ottoman*. Paris, 1989.
- Morgan, J. *Contre les barbares de l'Orient*. Paris, 1918.
- Nicol, E. *Angora et la France*. Paris, 1922.
- Nolde, B. *L'Alliance franco-russe*. Paris, 1936.
- Noradounghian, G. *Recueil D'Actes Internationaux de L'Empire Ottoman*, vol. 2, 1789-1856. Paris, 1900; vol.3, 1856-1878. 1902.
- Özkaya, I.C. *Le Peuple Arménien et les Tentatives de Rendre en Servitude le Peuple Turc* (Армянский народ и попытки поработить турецкий народ.) Istanbul, 1971.
- Pech, E. *Les Alliés et la Turquie*. Paris, 1925.
- Pinon, R. *La Suppression des Arméniens. Méthode allemande-travail turc*. Paris, 1916.
- Pflanzer, A. *Le Crime de Génocide*. St. Gallen, Switzerland, 1956.
- Renouvin, P., E. Preclin, G. Hardy, *L'Epoque contemporaine. La paix armée et la Grande Guerre (1871-1919)*, 2nd ed. Paris, 1947.
- Schopoff, A. *Les réformes et la protection des Chrétiens en Turquie 1673-1904*. Paris, 1904.
- Ternon, Y. *Enquête sur la négation d'un génocide*. Marseille, France, 1989.
- _____. *Les Arméniens, histoire d'un génocide*. Paris, 1977.
- Vandal, A. *Les Arméniens et la Réforme de la Turquie*. Paris, 1897.
- Young, G. *Corps de Droit Ottoman. Code de Procédure Pénale*, vol. 7. Oxford, 1906.

На армянском языке

- Aghassi. (Garabed Tour-Sarkissian). *Zeitoun yev eer Shurtchanakneru* (Зейтун и его окрестности). Paris, 1968.
- Andonian, A. *Untartzag Badmoutiun Balkanian Baderazmeen*. (Общая история Балканской войны), vol.3. Istanbul, 1912.
- ARF. *Houshabadoun Hai Heghapokhagan Dashnaktzoutian* (Мемориал армянской революционной партии дашнакцутюн. 1890-1950). Boston, 1950.
- Badmoutiun Haigagan Bandosee* (История армянского Понта). Н. Novagimian ed. Beirut, 1967.
- Balakian, Rev. K. *Hai Koghkotan. Trouakner Hai Mardirosakroutiunen. Berlinen Tebee Zor 1914-1920* (Армянская Голгофа. Из истории армянского мученичества. От Берлина до Зора 1914-1920), vol. 1. Vienna, 1922.
- Haigagan SSR Bedagan Centronagan Archiv* (Исторический архив Армянской ССР).
- Hoktemperian Sotzialisdagan Medz Revolutzian Yev Sovetagan Ishkhanoutian Haghaganu Haiasdanum* (Великая Октябрьская социалистическая революция и победа советской власти в Армении). Yerevan, 1960.
- Houshartzan Abril Dasnumegi* (Памятник 24 апреля, 1915 г.) Istanbul, 1919.
- Karigian, G. *Yegernabadoun* (Хроника геноцида ... в Сивасе). Boston, 1924.
- Karo, A. *Abrudaz Ozer* (Прожитые дни). Boston, 1948.
- Lazian, K. *Haiasdan yev Hai Tadu usd Tashnakirneru* (Армения и Армянский вопрос согласно договорам). Cairo, 1942.
- Leo (Arakel Babakhanian). *Turkahai Heghapokhutan Kagharapanouiuni* (Идеология революции турецких армян), vol.1. Paris, 1934.
- Magountz, G. *Trabezonee Hayotz Deghahanoutinu* (Депортация армян Трапезунда). Н. Gosoyian ed. Teheran, 1963.
- Merdjanof, K., *Eem Gudagu* (Мое завещание). Beirut, 1952.
- Mozian, L. *Aksoragane tu Votisaganu: Sev Orerou Hishadagner* (Одиссея изгнанника: воспоминания о черных днях). Boston, 1958.
- Mugurditchian, T. *Deekranagerdi Nahankin Tcharteru Yev Kiurderou Kazanioutounneru* (Погромы в провинции Диарбекир и зверства курдов). Cairo, 1919.
- Parazian, V. *Eem Housherus* (Мои воспоминания), vol.2. Beirut, 1952.
- Teotig, ed. *Amenoun Daretzoutzu* (Альманах для всех), vols. 10-14, 1916-1920. Istanbul, 1921.
- Varantian, M. *Hai Heghapokhagan Dashnaktzoutian Badmoutiun* (История Армянской революционной партии Дашнакцутюн), vol.1. Paris, 1932.
- Vartan, L. *Haigagan Dasnihunku Yev Hayeru Lukial Kouykeru* (Пятнадцатый год армян [имеется в виду геноцид 1915 г.] и покинутое имущество армян). Beirut, Lebanon, 1970.
- Yegarian, A. *Housher* (Воспоминания). Н. Adjemian, ed. Cairo, 1947.
- Yeremian, H. *Houshartzan Van-Vaspourakane* (Памятник Вану-Васпуракану), vol.1. Alexandria, Egypt, 1929.
- Zaven Arkyebiskobos. *Badriarkagan Housherus. Vaverakirner yev Vugayoutiunner* (Воспоминания патриарха Завена. Документы и свидетельства), vol.1. Cairo, 1947.

СТАТЬИ**На турецком языке**

- Balkan, F. "Beş Albaylar" (Пять полковников). *Yakın Tarihimiz* 2 (1962).
- Birinci, I. "Semiyet ve Çeteler" (Партия Иттихад и бандиты). *Hayat* 2 (October 1, 1971).
- Birgen, M. "Bizimkiler ve Azerbaycan" *Yakın Tarihimiz* 2 (1962): 158.
- Ilgar, I. "Bir Asır Boyunca Ermeni Meselesi. Karabekir Paşanın Bulduğu Çare" (Армянская проблема на протяжении столетия. Способ решения Карабекира-паши). *Hayat ve Tarih Mestuası* 11, 2 (1 октября 1975).
- _____. "Ermeni Meselesi." *Hayat ve Tarih Mestuası* 11, 2 (1 ноября 1975).

- Kuran, E. "Yusuf Akçuranın Tarihçiliği" (Историчность Юсуфа Акчуры), на заседаниях симпозиума, посвященного 50-летию со дня смерти Юсуфа Акчуры (*Ölümünün Ellinci Yılında Yusuf Akçura Sempozyumu Tebliğleri*) Ankara, 1987.
- Sertoğlu, M. "Türkiyede Ermeni Meselesi" (Армянский вопрос в Турции), *Belgelerle Türk Tarih Dergisi* 2 (ноябрь 1967).
- Silan, Neameddin Sahir "İkinci Meşrutiyette Divanı Ali Hareketleri" (Деятельность Верховного суда в эпоху второй конституции) *Tarih Konuşuyor*, 2-ой выпуск 5, 29 (июнь 1966).

На английском языке

- Ahmad, F. "Unionist Relations with the Greek, Armenian and Jewish Communities of the Ottoman Empire, 1908-1914." In *Christians and Jews in the Ottoman Empire*, vol. 1. B. Braude and B. Lewis, eds. New York, 1982.
- Alexander, L. "War Crimes and Their Motivation. The Social Psychological Structure of the SS and the Criminalization of Society," *Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science*, XXXIX (September-October 1948).
- Attrap, A. "A State of Wretchedness and Impotence: A British View of Istanbul and Turkey, 1919." *International Journal of Middle East Studies* 9 (1978).
- Bassiouni, M.C. "International Law and the Holocaust," *California Western International Law Journal* 9 (1979).
- Bazyler, "Reexamining the Doctrine of Humanitarian Intervention in Light of the Atrocities in Kampuchea and Ethiopia," *Stanford Journal of International Law* 23 (1987).
- Bosworth, C.E. "The Concept of Dhimma in Early Islam," In *Christians and Jews in the Ottoman Empire*, vol. 1. B. Braude and B. Lewis, eds. New York, 1982.
- Brierly, J.L. "The Rule of Law in the International Society," *Nordisk Tidskrift for International Ret, Acta Scandinavica Juris Gentium* 7 (1936).
- Brown, P.H. "The Mandate Over Armenia." *American Journal of International Law* 14 (1920).
- n.a. "The Constantinople Massacre," *Contemporary Review* 70 (October 1896).
- Dadrian V.N. "The Anticipation and Prevention of Genocide in International Conflicts." *International Journal of Group Tensions* 18, 3 (1988).
- _____. "The Convergent Aspects of the Armenian and Jewish Cases of Genocide. A Reinterpretation of the Concept of Holocaust." *Holocaust and Genocide Studies* 3, 2 (1988).
- _____. "The Naim-Andonian Documents on the World War I Destruction of the Ottoman Armenians-The Anatomy of a Genocide." *International Journal of Middle East Studies* 18, 3 (1986).
- _____. "The Role of Turkish Physicians in the World War I Genocide of the Armenians." *Holocaust and Genocide Studies* 1, 2 (1986).
- _____. "The Role of the Turkish Military in the Destruction of the Ottoman Armenians: A Study in Historical Continuities," *Journal of Political and Military Sociology* 20 (Winter, 1992).
- _____. "The Role of the Special Organization in the Armenian Genocide during the First World War" in *Minorities in Wartime*, P. Panayi, ed. Oxford, 1993.
- _____. "The Secret Young-Turk Ittihadist Conference and the Decision for the World War I Genocide of the Armenians," *Holocaust and Genocide Studies* 7, 2 (Fall, 1993).
- _____. "Documentation of the Armenian Genocide in German and Austrian Sources" in *The Widening Circle of Genocide* I. Charny, ed. New Brunswick, N.J., 1994.
- _____. *The Armenian Genocide in Official Turkish Sources*. Collected Essays. Special Issue of *Journal of Political and Military Sociology*, Roger Smith, guest ed, vol. 22, 1 (Summer, 1994).
- Davison, R. "The Armenian Crisis, 1912-1914." *American Historical Review* 53, 3 (1948).
- _____. "Turkish Attitudes Concerning Christian-Muslim Equality in the Nineteenth Century." *American Historical Review* 59, (1954).
- Des Pres, T. "Introduction, Remembering Armenia." In *The Armenian Genocide in Perspective*. R. Hovannisian, ed. New Brunswick, New Jersey, 1987.
- _____. "The Governing Narratives: The Turkish Armenian Case." *The Yale Review* 75 (1987).
- Dewey, J. "The Turkish Tragedy," *The New Republic* 49 (November 12, 1928).

- DeZayas, "International Law and Mass Population Transfers." *Harvard International Law Journal* 16 (1975).
- Dillon, E.J. "The Condition of Armenia," *Contemporary Review* LXVIII (1895).
- Dinkel, C. "German Officers and the Armenian Genocide," *Armenian Review* 44, 1/173 (Spring, 1991).
- Douglas, R. "Britain and the Armenian Question 1894-7," *The Historical Journal* 19, 1 (1976).
- van der Dussen, W.J. "The Westenenk File. The Question of Armenian Reforms in 1913-1914," *Armenian Review* 39, 1 (Spring, 1986).
- Einstein, L. "The Armenian Massacres," *Contemporary Review* 616 (April, 1917).
- Falk, R. "Responding to Severe Violations." In *Enhancing Global Human Rights*, 207-57, J.Dominguez, R.Falk, N.Rodley, and B.Wood, eds. (1979).
- Finch, G.A. "The Genocide Convention," *American Journal of International Law* 43 (1949).
- Franck, T.M. and N.S.Rodley. "After Bangladesh: The Law of Humanitarian Intervention by Military Force." *American Journal of International Law* 67 (1973).
- Herbert, A. "Talât Paşa," *Blockwood's Magazine* CCXIII (April, 1923).
- Heywood, C. "Boundless Dreams of the Levant: Paul Wittek, the George-Kreis, and the Writing of Ottoman History," *Journal of the Royal Asiatic Society*, 1 (1989).
- Housepian, M. "The Unremembered Genocide." *Commentary* 42, 3 (September, 1966).
- Hovannissian, R. "The Armenian Question in the Ottoman Empire." *East European Quarterly* 6, 1 (1972).
- Howard, W.W. "Horrors of Armenia," *Armenian Review* XVIII, 4 (Winter, 1965).
- Hughes, C.E. "Recent Questions and Negotiations." *American Journal of International Law* 18 (1924).
- Ismail Kemal Bey, "Armenia and the Armenians," *Fortnightly Review* DCX, New Series (October 1, 1917).
- Jacoby, A. "Genocide." *Schweizerische Zeitschrift für Strafrecht (Revue Pénale Suisse)* 4 (1949).
- Karpat, K.H. "The Transformation of the Ottoman State, 1789-1908," *International Journal of Middle East Studies* 3 (1972).
- Kazarian, H. "How Turkey Prepared the Ground for Massacre," *Armenian Review* 18, 4-72 (Winter, 1965).
- Kuhn, A.K. "The Genocide Convention and State Rights." *American Journal of International Law* 43 (1948).
- Kunz, J.L. "The United Nations Convention on Genocide." *American Journal of International Law* 43 (1948).
- Kuper, L. "The Turkish Genocide of Armenians, 1915-1917." In *The Armenian Genocide in Perspective*, 43-59. R.Hovannissian, ed. New Brunswick, New Jersey, (1987).
- Le Blanc, L. "The United Nations Genocide Convention and Political Groups: Should the United States Propose an Amendment." *Yale Journal of International Law* 13, 2 (Summer, 1988).
- Lemkin, R. "Genocide: A New International Crime, Punishment and Prevention," *Revue Internationale de Droit Pénal* 10 (1946).
- _____. "Genocide as a Crime Under International Law," *American Journal of International Law* 41 (1947).
- Mardin, Ş.A. "Ideology and Religion in the Turkish Revolution." *International Journal of Middle East Studies* 2 (1971).
- Matas, D. "Prosecuting Crimes Against Humanity: The Lessons of World War I." *Fordham International Law Journal*, 13, 86 (1989-1990).
- Melson, R. "A Theoretical Inquiry Into the Armenian Massacres of 1894-1896." *Comparative Studies in Society and History*, 24, 3 (July 1982).
- _____. "Provocation or Nationalism: A Critical Inquiry Into The Armenian Genocide of 1915." *À The Armenian Genocide in Perspective*, 61-84 (R. Hovannissian, ed. New Brunswick, NJ, 1986).
- Milton, S. "Armin T. Wegner: Polemicist for Armenian and Jewish Human Rights," *Armenian Review* 42, 4 (Winter 1989)
- Morgenthau, H. "The Greatest Horror in History." *Red Cross Magazine* (March, 1918).
- Nazarbek, A. "Zeitoun," *The Contemporary Review* LXIX, 364 (April, 1896).
- Pears, Sir E. "Turkey, Islam and Turanianism." *Contemporary Review* 14 (October, 19180).

- Perry, D.M. "The Macedonian Revolutionary Organization's Armenian Connection," *Armenian Review* 42, 1/165 (Spring, 1989).
- Peterson, T. "Turkey and the Armenian Crisis," *Catholic World* 61, 43 (1895).
- Reid, J. "The Concept of War and Genocidal Impulses in Ottoman Empire." *Holocaust and Genocide Studies* 4 (1989)
- _____. "Total War, the Annihilation Ethic, and the Armenian Genocide, 1870-1918." in *The Armenian Genocide: History, Politics, Ethics*, 21-52, R. Hovannissian, ed. (New York, 1992).
- Schwebel, E. "Crimes Against Humanity." *The British Year Book of International Law* 23 (1946).
- Sonyel, S. "Armenian Deportations: A Reappraisal in the Light of New Documents." *Bulletin* (January 1972).
- Toriguian, S. "Armenian Insurance Claims Arising from 1915 Massacres." *Klatzor (Special Issue, 1989)*.
- Turlington, E. "The Settlement of Lausanne." *American Journal of International Law* 18 (1924).
- Wiseberg, L.S. "Humanitarian Intervention, Lessons from the Nigerian Civil War." *Revue des Droits de l'Homme. Human Rights Journal* 70, 1 (1974).
- Wright, L. "Crimes Under International Law." *Law Quarterly Review* 62 (1946).
- Wright, Q. "The Legal Liability of the Kaiser." *American Political Science Review* 13 (1919).

На немецком языке

- Baumgart, W. "Zur Ansprache Hitler's vor den Führern der Wehrmacht Am 22. August 1939. Eine quellenkritische Untersuchung," *Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte* 12, 2 1968.
- von der Goltz, "Stärke und Schwäche des türkischen Reiches" (Сила и слабость Турецкой империи) *Deutsche Rundschau* XXIV, (October 1, 1897).
- Harden, M. "Zwischen Ost und West. Armenian in Moabit," *Die Zukunft*, 29, 37 (June 11, 1921).
- Haupt, W. "Deutsche unter dem Halbmond," *Deutsches Soldatenjahrbuch* (1967).
- Jäschke, G. "Beiträge zur Geschichte des Kampfes der Türkei um ihre Unabhängigkeit." *N.S. Die Welt des Islams* 5 (1958).
- _____. "Die Entwicklung des osmanischen Verfassungstaates von den Anfängen bis zur Gegenwart." *Die Welt des Islams* 5, 1-2 (1917).
- _____. "Das Osmanische Reich vom Berliner Kongress bis zu seinem Ende (1878-1922)." *Â Handbuch der Europäischen Geschichte*, (1968).
- Kraeiz-Greifenhorst, F. "Die Ungültigkeitserklärung des Pariser und Berliner Vertrages durch die osmanische Regierung." *Österreichische Monatsschrift für den Orient* 43 (1917).
- Mandelstam, A. "Das armenische Problem im Lichte des Völker- und Menschenrechts." *Institut für Internationales Recht an der Universität Kiel* [серия лекций и монографий] 12 (1931).
- Mühlmann, C. "Deutschland und die Türkei 1913-1914." *Politische Wissenschaft* 7 (1929).
- Paraquin, E. "Politik im Orient." *Berliner Tageblatt* (выпуски от 24, 28 января 1920 г.). Синопис этой серии содержится в архивах министерства иностранных дел Германии. A.A. Türkei 158/24, A 1373.
- Stillschweig, K. "Das Abkommen zur Bekämpfung von Genocide." *Die Friedenswarte für Zwischenstaatliche Organisation* 3 (1949).
- Werner, E. "Ökonomische und Militärische Aspekte der Türkei-Politik Österreich-Ungarns 1915 bis 1918." *Jahrbuch für Geschichte* 10 (1974).

На французском языке

- Hanotaux, G. "En Orient." *Revue de Paris* 6 (1 декабря, 1895).
- Mandelstam, A. "La Société des Nations et les puissances devant le problème arménien." *Revue Générale de Droit International Public* 29, 5 (сентябрь-октябрь 1922): 301-84; 29, 6 (ноябрь-декабрь 1922): 515-46; 30, 5 (сентябрь-октябрь 1923): 414-506; 31, 6 (Новая серия) (1924).
- Panzac, D. "L'enjeu du nombre. La population de la Turquie de 1914 à 1927." *Revue du Monde Musulman de la Méditerranée* 50, 4 (1988).

- Pinon, R. "La liquidation de l'Empire Ottoman." *Revue des Deux Mondes* 53 (сентябрь 1919).
 _____. "L'Offensive de l'Asie" *Revue des Deux Mondes* (15 апреля, 1920).
 Quillard, P. "Pour l'Arménie," *Memoire et Dossier* (19-ый выпуск серии) (Paris, 1902).
 Rio, C. "Étude sur l'article 175 du code pénal mexicain 'genocide'." *Études Internationales de Psychologie Criminelle* 16-17 (1969).

На армянском языке

- Nayrabedian, H. "Hadoutzoum" (Возмещение). *Sovetakan Haiasdan* 8 (1984).
 Hovhannissian, R. "Vane 1896 Tuwee Eenknabashdbanoutiunu" (Самооборона Вана в 1896 г.) *Lrapet*, (июль 1976).
 "Kegham Der Garabedianee Vugayatounu" (Свидетельства Г. Т. К.). В *Badmoutiun Daronee Achkharee* (История Тарона), 838-54, G. Sassouni, ed. (1957).
 Khoren S. "Hishoghutiunner" (Воспоминания), В *Teotig., Amenoun Daretzouytzu* (Альманах для всех), 10-14: 132-36. (1916-1920).
 Mugurditchian, H. "Kaghdniknerou Gudzigu" (Клубок тайн), *Hairenik* (ежедневная газета на армянском языке, которую публиковал автор в Стамбуле на протяжении короткого периода во время перемирия) 1-ый и 2-ой выпуски (28 октябрь /10 ноябрь; 30 октябрь/ 12 ноябрь 1918 г.).
 Sirounee, H. "Yegern tu yev eer Badmutyunu" (Геноцид и его история). *Etchmiadzin* (единный выпуск за февраль- март - апрель 1965 г.).
 Yayloian, A. "Medz Deroutiunneri Goğme Moratzuadz Jhogovourt" (Народ забытый Великими державами). *Sovetakan Haiasdan*. 4 (1987).

ГАЗЕТЫ

(в основном из Константинополя-Стамбула относящиеся к периоду 1908 - 1920 гг.)

Турецкие:

Alemdar; Cumhuriyet; Dünya; Hadisat; Hayat; Hürriyet; Minber; Sabah; Tanin; Tasviri Efkâr; Vakit

Армянские:

Azadamard (Ariamard); Hairenik (ежедневная газета периода перемирия, Стамбул); Nayiri; Zhamanag

Французские:

Le Courrier de Turquie; L'Entente; L'Époque; Le Journal d'Orient; Renaissance; Spectateur d'Orient

Немецкие:

Berliner Tageblatt; Die Zeit; Frankfurter Allgemeine Zeitung, Kölnsche Zeitung

Русские:

Bakinski Rabotchi

Американские:

Boston Globe; New York Times и его еженедельные обзоры: Current History

Великобритания:

LondonTimes

АННОТИРОВАННЫЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ КНИГ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В ДАННОМ ТРУДЕ

На турецком языке:

- Akşin, Sina, 1980*: Критический анализ идеологии Иттихада и условий, при которых изначальный либерализм уступил место автократии и угнетательству меньшинств.
Akşin, Sina, 1983: Описывает условия, при которых правительство султана в Стамбуле ослабело в период перемирия и вовлеклось в безнадежную борьбу с кемалистскими мятежниками в Анатолии.
Atay, F.R.: Автор, бывший иттихадист, а в последствии и ярый кемалист, имел доступ к внутренним кругам обоих режимов, благодаря чему знал о многих тайных подробностях отношений и действий людей, преследовавших армян, с достаточной степенью откровенности рассказывает о своих связях с высшим руководством Иттихада.
Avcıoğlu, D.: Представляет хронику развития турецкой войны за независимость с подробностями, некоторые из которых являются достаточно разоблачительными в связи с тем, что отображают скрытые аспекты депортаций армян во время войны, кульминацией которых стал геноцид.
Bayur, Y.H.: Систематичный подход к поведению иттихадистских властей, ведущих войну и в то же время прибегающих к депортации армян как к чрезвычайной мере, продиктованной военной необходимостью. Написана под эгидой Турецкого исторического общества и со строго турецкой точки зрения.
Bleda, M.: Отредактированные воспоминания главного управляющего партии Иттихад, объясняющие, оправдывающие и обосновывающие многие нарушения и злоупотребления, допущенные верховными партийными лидерами.
Ertürk, H.: Представляет некоторые разоблачающие факты относительно внутренних действий Специальной организации и ее связи с Центральным комитетом партии.
Gürün, K.: Тщательно разработанная попытка всяческого отрицания какого бы то ни было турецкого плана по уничтожению армян, потери которых во время войны полностью приписываются плохому управлению схемы "переселения", курдскому произволу и армянским провокациям посредством мятежных действий.
Karabekir, K.: Обширное собрание официальных документов относящихся к турецкой войне за независимость и вторжению кемалистов в Республику Армения в 1920 г.
Orel, Ş., и S. Yuca: Как и в двух других описанных выше книгах, авторами которых являются Баюр и Гюрюн, эта книга также спонсировалась и была написана при поддержке Турецкого исторического общества, тем самым как прямо, так и косвенно представляя официальную правительственную позицию по многим противоречивым темам, как, например, относительно обращения с армянами во время войны. Целью двух авторов является полная дискредитация другого труда, который как описывается, содержит официальные турецкие документы, относящиеся к санкционированию и осуществлению геноцида армян, называя их "подделками". Для опровержения этих обвинений см. выше: Дадрян, о документах Наима-Антоняна в отделе статей на английском языке.
Refik, A.: Это возможно основная, если не единственная турецкая работа, написанная сразу по окончании войны, которая безоговорочно признает, как то, что суть армянских депортаций во время войны состояла в уничтожении армян, так и то, что обсуждаемые массовые истребления были разработаны и организованы заранее. Эта книга приобретает еще большую ценность в связи с тем, что ее автор был военным и был назначен во Второе управление военного министерства, где, как известно, планировались и разрабатывались военные детали геноцида: он цитирует чиновников министерства, которые пытались состряпать лживые обвинения против армян с тем, чтобы оправдать крайнюю жестокость антиармянских мер. Часть этой книги

посвящена актам возмездия армянских добровольцев при Русской Кавказской армии, которая в 1916 г. захватила несколько восточных провинций Турции, армянское население которых к тому времени уже было уничтожено.

Talât Paşanın Hatıraları: Фрагмент мемуаров Талеата, которые как сообщается были написаны в то время, когда он, укрываясь от правосудия, проживал в Берлине, и отредактированы другими. По сути, это попытка самооправдания и переноса на других вины за обернувшуюся катастрофой и сопровождавшуюся произволом войну, а также за массовое истребление армян.

Uras, E.: Основное начинание, предпринятое бывшим турецким тайным агентом, цель которого состоит в том, чтобы возвести эволюцию Армянского вопроса к его историческим истокам, при этом уменьшая ответственность режима Абдул-Гамида за начало погромов, имевших место в тот период, и в целом взвалить всю вину за бедствия выпавшие на долю армянского народа во время правления Абдул-Гамида, а в последствии и во время Первой мировой войны на армянских революционеров.

Vardar, G.: Еще одна история, рассказывающая о скрытой стороне роли агентов Специальной организации в создании и развитии кемалистского мятежного движения в период с 1918 по 1920 гг. из ячеек, основанных в Стамбуле, под самым носом у правительства султана.

Yalman, A.E. 1970: Первые два тома мемуаров в четырех томах содержат богатую информацию об иттихадистских главарях, которые, вместе с автором, были интернированы на Мальте для того, чтобы в дальнейшем предстать перед международным судом по обвинению в военных преступлениях, в том числе и массовых убийствах армян.

Ahmad, F.: Краткая история об испытаниях и бедствиях младотурок-иттихадистов, желающих править страной в следствии завершившейся успехом революции, не имея, однако, ни необходимого для этого опыта, ни компетентности, ни управленческого персонала.

На английском языке:

Genocide. A Critical Bibliographic Review. Р. Оганесяна о наиболее важных трудах на нескольких языках, относящихся к геноциду армян, представив краткие аннотации вместе с соответствующей библиографией.

Hovannissian, R., 1967: Это исследование всесторонне описывает условия, создавшиеся после геноцида и сыгравшие свою роль в формировании независимой республики Армения, в то же время значительно ухудшающие ее положение как с экономической, так и с политической точки зрения.

Hovannissian, R., 1980: Библиография источников по геноциду армян, включающая архивные документы, опубликованные тома документов, исторические исследования и свидетельства очевидцев.

Institut für Armenische Fragen: Два тома, содержащие большой сборник избранных документов, относящихся к истории преследования и массового уничтожения армян в 19-ом и 20-ом вв. Источниками этого двухтомника послужили архивы Европы, России, Соединенных Штатов, а также рассказы очевидцев на нескольких языках.

Kuper, L. 1981: Основополагающее исследование, посвященное сравнительным аспектам преступления геноцида и проблем концептуализации и формирования теории.

Marriott, J.: Одно из самых лучших исследований происхождения, возникновения и яростного/мощного взрыва Восточного вопроса на Балканах.

Morgenthau, H.: Самый детальный личный отчет, основанный по большей части на регулярных записях в дневнике о процессе принятия решений, организации и осуществлении массовых убийств армян во время войны, рассказанный американским послом в Турции.

Nansen, F.: Верховный комиссар по делам беженцев, получивший Нобелевскую премию за мир, рассказывает о масштабах влияния геноцида армян периода Первой мировой войны на судьбы выживших армян.

Permanent Peoples' Tribunal: Краткое описание заседаний Постоянного Народного трибунала в Сорбоне в Париже, расследовавшего массовые убийства армян во время Первой мировой войны и заключившего, что эти массовые убийства были геноцидом. Среди судей были несколько экспертов по международному праву и три Нобелевских лауреата.

Shaw and Shaw: Всеохватывающий труд по новейшей османской истории с сильной склонностью к турецкой историографической ограниченности, что проявляется в искажениях в толковании Армянского вопроса, особенно в том, что касалось серии массовых убийств, имевших место в новейшее время, включая Первую мировую войну.

Stoddard, P.: Единственное исследование на английском языке, которое рассказывает о самом основании Специальной организации и ее планов действий, относящихся к итрабам. В нем использованы аутентичные турецкие источники, в том числе и интервью с одним из ее основных лидеров.

Trumpener, U.: Один из самых тщательных анализов геноцида армян в свете документов немецких государственных архивов и в рамках политического и военного союза между Германией и Турцией во время войны.

Ussher, C.: Рассказ из первых рук о турецком методе развязывания геноцида в самой восточной провинции Вана, с последующим обвинением армян в провокации.

Walker, C.: Исследование современной армянской истории с точки зрения развивающегося турецко-армянского конфликта и вытекающих из него репрессивных мер османско-турецких властей.

На французском языке

Domergue, E.: Современный французский рассказ о турецком заговоре по ликвидации армянского населения при тайной поддержке немцев. В ней представлена историческая точка зрения.

Englhardt, E.: Одна из самых основательных попыток изучения истории, целей, сложностей, успехов и провалов инициативы по проведению реформ Танзимата в 19 в.

Mandelstam, A., 1917: Существенный вклад первого драгомана российского посольства в понимание условий сложившихся в военное время, при которых армяне Турции были изгнаны, депортированы и уничтожены.

Mandelstam, A., 1926: Правовое исследование многих стадий развития Армянского вопроса с точки зрения международной политики и международного права.

Noradounghian, G.: Всеохватывающее собрание официальных соглашений Османской империи с другими государствами в указанный период.

Schopoff, A.: Каталог договоров и соглашений относящихся к попытке добиться гарантий для христианских национальностей и меньшинств в Османской империи.

Ternon, Y.: Критический анализ турецких шаблонов отрицания геноцида армян.

На немецком языке:

Jäckh, E.: Эта книга, написанная тайным агентом министерства иностранных дел Германии, содержит некоторые разоблачительные признания, относящиеся к массовым убийствам 1894-96 гг. и погромам в Адане в 1909 г., предвещавшим геноцид периода Первой мировой войны.

Künzler, J.: Редкий, полученный из первых рук рассказ очевидца об осуществлении геноцида в Урфе и ее окрестностях.

Lepsius, J.: Расширенная версия документальной информации относящейся к геноциду армян, собранной др. Лепсиусом во время войны.

Pomiankowski, J.: Рассказ очевидца геноцида-австрийского военного уполномоченного, который был прикомандирован в Османский военный штаб - Генеральный штаб.

Stürmer, H.: Рассказ очевидца геноцида-военного корреспондента влиятельной немецкой газеты *Kölnische Zeitung*.

Zurlinden, S.: Подтвержденное документами разоблачение швейцарским историком преступлений связанных с депортацией армян во время войны.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ И ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

УКАЗАТЕЛЬ ТЕМ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Австрия, 8-9, 238, 244
 попустительство резне, 84-87
 Аданская резня, 232, 234, 495
 Азербайджан, 460, 468-469
 Анатолийский колледж, 311
 Анатолийская комиссия по расследованию, 148-149
 Анатолия, 237-254
 Англия, см. Великобритания
 Анкара, 494
 Аннулирование (договоров) актов, 275-276
 Арменаканы, 166-169, 173, 175
 Армения
 тщетность усилий в достижении административных средств по защите своих прав, 55-59
 факторы, препятствовавшие освобождению, 131-137
 лояльная нация, 245
 македонское сотрудничество, 63-64
 число жертв геноцида, 289, 300, прим. 40
 число жертв в Российской Армении, 461-463
 Османская империя, 44-47
 революционеры, 45-47, 53-55
 уязвимость армян, 245-249
 Армянские акты возмездия, 433, прим. 5
 Армянские реформы, договоры, 55-59, 61, 194, 207, 248, 266, 273-277, 320
 Ассоциация Иттихад ве Теракки, 53
- Бавария, 107
 Баку, 450, 493
 Балканская война, 237-254
 Балканская лига, 245
 Балканы, 8-24, 30-36
 Бандиты (çetes), 282, 294, прим.5, 306, 307, 315, прим.11, 471-474, 495-496
 Банк Оттомани, 175-181
 Безнаказанность (за преступление массовых убийств), динамика, XXXII-XXXIII, 157, 257-260, 443-483, 505, 540
 Белградский договор, 8
- Берлинский договор, 38-39, 44-45, 54, 62-63, 75, 83, 86, 89, 109, 133-135, 150, 167, 224, 238-241, 254, 272, 275-276
 Болгария, 69, 89, 275
 Босния, 33-35, 66-67, 110, 238
 Брошенное имущество, 286-287, 299, прим.30
 Бреслау, легкий крейсер (Midilli), 338
 Ван, 166-175
 Великобритания, 8, 10
 Османская империя и, 26-28
 политика партии, 74-84
 карательное правосудие, 392-399
 Вердикты, 425-427
 Вестфальский мир, 27-28
 Виновники за массовые убийства, 303-305, 307
 Внутренний враг, война как испытание на его поражение, 264-267, 290, 291, прим.1
 Военные (турецкие), 252-254, 451-454, 507-509
 Военные суды, XXIX, 413-414, 489-490.
 Временный закон о депортации, 511
- Геноцид, см. также массовые убийства
 определяющие факторы, 483-496
 осуществление, 281-291
 убийства, 289-291
 политико-правовой контекст, 260-267
 массовые убийства как подготовка, 232-235
 предвестник Холокоста, 513-527
- Германия
 соучастие с Турцией, 319-377
 внешняя политика, 107-122
 показания немецких военных, 448-451
 политика невмешательства, 260-267
 отклонение гуманитарной интервенции, 107-122
 параллельные проблемы в судах над военными преступниками, 499-502
 политэкономисты и Армянский геноцид, 367-368
 источники в нацистской системе, 542-546
 союз с Турцией в Первой мировой войне, 260-265
 Герцеговина, 33-35, 66-67, 110, 238
 Главное полицейское управление, 264
 Гнчаки, 144-146, 151-153, 161-163, 166-168, 173, 175

- Гоебен, крейсер (Yavuz), 338
 Греция, 64-68
   война за независимость, 13-17
   Балканская война, 243-245
 Гуманитарная интервенция, XXIX, XXXV-XXXVII, 8-24, 74-122, 131-135, 234, 240, 485-487
 Дашнаки, 45-47, 166-168, 173, 175, 180
 Два одинаковых погрома в Адане, 229-232
 Декларация 24 мая 1915 г., 278, 389, 399, 401
 Демография массовых убийств, 193-200
 Депортации, 283-285, 302-313, 328-337, 339, 491-492
 Джихад, 4, 309
 Диарбекир (Диярбакыр), 191, 194, 199, 331
 Дипломатия держав
   бесплодность противоречивой, 131-137
   манипулятивная, 74-122
   замена идеалов гуманитарной интервенции, 74-122
 Договор Белградский, см. Белградский договор
 Договор Кючук-Кайнарджи, 8-12
 Договор Парижский, см. Парижский мирный договор
 Договор Сан-Стефано, см. Сан-Стефанский договор
 Договор Севра, см. Севрский договор
 Договоры, 133-135, 272-277, 487-488
 Евреи, 300, прим.37, 333, 347, 505-513, 523-524, 525-527, 532
 Ерзка (Эрзинджан) 194, 425, 543, 545
 Ethniké Hetaireia, 64 – 67
 Журнал *de Débats*, 101
 Журналистские сообщения (о соучастии Германии), 351-352
 Загнать жертвы в ловушку, 509
 Заговор (иттихадистов), 416-417
 Зангезур, 468
 Зейтун, 64-68, 161-166
 Изъятие немцами документов (османского генштаба), 359-361
 Интервенция, гуманитарная, см. Гуманитарная интервенция
 Ислам, 3-6. 27-28, 483-486,
   превосходство, 230-232
 Иттихадисты, 5, 120, 223-224, 229-234, 237-241, 247-254, 262, 272-278, 302, 351-352, 365, 371, 410-433, 445-453, 456-458, 463-467, 485-486, 489, 508-513, 519, 537-538
 Йозгатский вердикт, 427
 Кара, 489
 Кемалисты, XXIX-XXX, 396, 399-400, 408, 428, 432, 456-474, 489, 539-540
 Кипрская конвенция, 77, 84, 538
 Комитаки, 62
 Константинопольская резня, 135, 153-155
 Конституционный спор, 422-425
 Конституция Мидхата, 36-39
 Конфискация капиталов, 285-289
 Крит, 64-68
 Крымская война, 9, 17-23, 57
 Культурные компоненты массовых убийств, 200-204
 Курды, 55-59, 144, 147, 151-152, 166-170, 202, 224
 Лагеря смерти, 313
 Лейпцигские процессы, 408-409, 499-502
 Лига наций, 460
 Лозаннский мирный договор, 433, 539, 540
 Лондонская конференция, 529
 Лондонский протокол, 39, 275
 Македонцы, 63, 64
 Марзванский колледж, 311
 Марониты, 28-30
 Массовое потопление, 428
 Массовые убийства (эпохи Абдул-Гамида), см. также Геноцид
   культурные компоненты, 200-204
   демография, 193-200
   инструмент радикальной политики, 204-208
   развязывание спланированных властями массовых убийств, 181-185
   их религиозные аспекты, 186-193
   их субкультура, 153-161, 200-204
   два одинаковых погрома в Адане, 229-232
 Militarizm (германский), 368-370
 Младотурки, см. Иттихадисты
 Мобилизация, 283-285
 Муса Даг, 339

- Мусульмане, 28-36, 158-159, 162, 172, 175, 178-179, 188-192, 240, 250, 260, 264-265, 364, 489
 Мученичество, 505-513
 Наказание, 307, 312-313, 488
 Налогообложение, 144
 Нахичеван, 468
 Нацисты, см. также Холокост, 363, 508-513, 527, 532
 Нюрнбергские законы, 510-511
 Нюрнбергские процессы, 504-532
 Нюрнбергский Устав, 401, 529-531
 Нюрнбергское испытание, 527-532
 Обвинения (военный суд), 415-422
 Обращение, насильственное (в ислам), 198-200
 Объединенные нации, XXVI-XXXII, 257-259, 278, 409, 540
 Обязательства, финансовые, 359
 Освобождение, препятствующие факторы, см. также Гуманитарная интервенция, 131-135
 Османский акт о реформах 1856 г., 30-31, 36
 Основной вердикт, 531
 Офицеры-спасители, 249
 Пакт Халепы, 64
 Парижский мирный договор, 30-31, 33-34, 39, 61, 84, 95, 111, 272, 275, 390-396, 463
 План майских реформ, 92, 150, 182
 Первая мировая война, 8, 257-377, 487
 Переселение, правительственное заявление, 309-313, 491
 Попытки добиться карательного правосудия, 389-402, 408-433
 Попытки утаить факты, 355-364
 Право
   разобщенность общего и публичного права в Турции, 40-43
   международное, 257-259, 272-278
 Правосудие, 399-401, 408-433
 Преступления против человечества, 278, 540
 Проекты реформ, см. Договоры об армянских реформах
 Путчи, 527
 Пятый комитет Палаты депутатов, 287, 410-412
 Разоблачения турецких официальных лиц, 352-364
 Расследования, 408-413
 Религия, 158, 186-193, 483-485
 Российские армяне, 445-474
 Россия, 8-9
   антироссийская идеология в турецко-германском сотрудничестве, 364-367
   ее армянская политика, 87-94
   изменение роли, 87-94
   сербское восстание, 12-13
 Сан-Стефанский договор, 39, 74, 83, 112, 238-239
 Сасун, 62, 144-147, 157
 Сдерживающие факторы, их отсутствие, 222
 Севрский договор, 391, 400, 432-460, 540
 Сербь, 62-63, 240-245
   восстание и вмешательство России, 12-13
   пакт с Болгарией, 241-242
 Система возможностей, 507
 Соединенные Штаты, 347
 Соккрытие фактов, 355-364
 Соучастие, см. Заговор
 Союз национальной обороны, 253
 Специальная организация, 252, 303-307, 450, 463-467, 469-474
Специальный доклад, 356
 Строительные батальоны (ликвидированные), 289, 412, 419
 Судебные процессы (над авторами геноцида), 431-433
 Теократия, 27-28
Teşkilâtı Mahsusa, 303-307, 315, прим. 17
 Трапезундский (Трабзонский) вердикт, 306, 428
 Турция, 8-9
   армянский конфликт, 26-47, 53-57
   принятие радикальной идеологии, 249-252
   союз с Германией, 260-267
   подтверждения соучастия немцев, 351-355
   изгнание с Балканского полуострова, 237-254
   интернационализация внутреннего конфликта, 53-59
   судебное расследование, 408-433
   разобщенность права, 40-43
   военные инициативы, 252-254
   военный трибунал, 531
   сотрудничество с Германией в антирусской идеологии, 364-367
   попытки утаить степень ответственности, 307-313

правящая нация, 5
 статистика об убитых армянах, 289

Убийство и личная ответственность (военный суд), 419-421
 Указы реформы Танзимат 1839 и 1856, 31-33, 41-43, 133-134, 231, ошибки
 Уммет 158
 Умысел и цель (в геноциде), 417-419
 Уполномочивающий акт (23 марта 1933) (нацистский режим), 509
 Урфа, 339-340
 Уязвимость, 505-513

Франция, 8-9, 94-107

Харпут, (элязыг) 185, 311
 Харпутская (элязыгская) провинция и судебный процесс, 418, 428
 Холокост, параллели с, 504-532
 Христиане, 28-30, 158, 199

Цензура, 341
 Цыгане, 532

Черногория, 34-35
 Чингис-хан (как ролевая модель), 515-520, 522

Шариат, 4

Эгин (Агн), 185
 Экономика, 507
 Эрзрум (Эрзурум), 299, прим.30, 456, 457, 467
 Этническая идентичность, 506
 Этническая чистка, 341

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абдул-Гамид. XXIV,
 массовые убийства, 143-208, 220-225, 229-235
 реакция Европы на, 114, 147-151
 его свержение, 53-55
 Абдулхалик, Мустафа, 273, 300, прим. 37
 Авчиоглу, Доган, 288, 305, 355
 Азми, Гусейн, 277
 Акчам, Танер, 210, прим.40, 313, 534, прим. 15
 Акчура, Юсуф, 210, прим. 40, 365, 507
 Алп, Текин, 36, 366
 Аното, Габриель, 70, 96-99, 103-105

Ариф, Джемаледдин, 422
 Асквит, Герберт, 244
 Атай, Фалих Рифки, 474, прим.1, 534, прим.15
 Ататюрк, Мустафа Кемаль, 517

Байер, Ванда фон, 517
 Бакунин, Михаил, 67
 Баларян, Амазасп, 56-57
 Бернгам, Генри, 137, 163-164, 188
 Бассиуни М.К., 390
 Басри, заместитель Мерсинли Джевада, начальника генштаба (в прошлом начальник штаба генерала Халиля Кута), 467
 Батерст А.Харви, 353
 Баюр И.Г., 313, прим.1
 Бей, Авни, 162-163
 Бей, Али, 165
 Бекзаян А.А., 462
 Беннет, Джеймс Г., 223
 Берар, Виктор, 93, 96
 Беркес, Ниязи, 5
 Берно, М., 312
 Бернсдорф, граф фон, посол, 269-170, прим.19
 Бертело, Марселин, 96
 Бертело, Филипп, 456
 Бертран, Дж. 164-165
 Бехич, Эркин, полковник, 304
 Бешикчи, Исмаил, 365
 Бихль, Уолфдиетер, 311
 Бисмарк, 108, 110-112, 114
 Битлис, 273
 Бледа, Митхат Ш., иттихадистский генерал, 313, прим.5
 Боетрих, подполковник, 335-336, 374, 375
 Бомгарт, Уинфрид, 520-521
 Брайс, Джеймс, 165
 Бриерли, Дж., 41
 Брутинг, Ричард, 522
 Бронсар, 342-343, 349, 360, 375; см. также Шелендорф
 Булиниер, М. де ла, 165, 171
 Бюлов, Бернхард фон, 114
 Бюст, Фридрих, 85-86

Вангенгейм, Ганс, 119, 263, 267, 274, 319-320, 344-351, 363, 367, 371, 376
 Вандал, Альберт, 66, 102-103
 Вардар, Галип, 315, прим.15
 Варжапетян, патриарх, 58, 59, 246
 Василяки, депутат, 57
 Вебб, Ричард, 393, 427-428

Вергауер. д-р Иоханнес, 369
 Верфель, Франц, 524
 Весендонк, Отто Гюнтер, 360
 Вестененк Л.С., 272-273
 Вехиб, генерл, 419, 420
 Вильгельм II, XXXIV, 110, 112-122, 261, 323, 325-326, 340-341, 370-373, 375, 500, 524
 Вильсон, Вудроу, 364, 456
 Вольфскеел, фон Райхенберг Эберхард, 339-340
 Винсент, сэр Эдгар, 177

Гарден, Максимилиан, 262
 Гатцфельд, посол, 79
 Гвиннер, Артур фон, 285
 Геббельс, Иозеф, 511
 Гейзер, Оскар, 520-521
 Гек, Льюис, Верховный косиммар США, 433, прим.5
 Гёкалп, Зия, 231, 251-253, 517
 Гельмрих П.К., 460
 Гепперт, Отто, 310, 335, 358
 Гепурт, Джордж, 223-224
 Герберт, Майкл, 158, 171, 179, 184
 Геринг, Герман, 527
 Гешов И.Е., 243
 Гилберг Р. 510
 Гинденбург, Поль фон, 450
 Гири, Артур, 230
 Гирс, Николай, 90-91
 Гитлер, Адольф, 505, 510, 513-532;
 Гладстон, 38, 77-78
 Гогенлоэ, Готфрид, австрийский посол, 342, 343, 451
 Гогенлоэ-Шилингсфюрст, Хлодвиг, принц фон, канцлер Германии, 116
 Голучовски, Агенор, 86
 Гольвег, Бетман, 544
 Гольц, Колмар, маршал, 147, 322, 326-328, 334-335, 342-343, 364, 372, 500
 Горчаков, Александр, 132
 Горчаков, Михаил, 90
 Гофф, Николай, 272-273
 Грей, виконт Фалдона, 81, 531
 Гулкевич, российский поверенный, 320
 Гуманн, Ганс, 348-351, 360, 376
 Гюрюн, Камуран, 297, прим.16, 310

Дамад, Ферид, 397, 422, 429-430
 Де Виалар, полковник, 164
 Дейвис, Лесли, 311-312, 314, прим.8

Де Надамленски, Артур, шевадье, 363
 Де Робек, адмирал, 397, 432
 Дефранс П., 170
 Джавид, министр экономики, 342, 354
 Джафер, Эбухинтли, 472
 Джахид, Гусейн, 5
 Джевад-паша (Арабкирли), 467
 Джевдет, Абдулла, 247
 Джексон Дж.Б., 288
 Джексон, Роберт, 528
 Джемал-паша, 146, 207, 266, 339, 419, 426
 Джемиль, Якуб, 253
 Джордж, Ллойд, 76
 Дидес, В.Х., 393
 Диест, полковник, 326-327
 Дизразли, Бенджамен, 76-79
 Доннерсмарк, Хенкель фон, 92
 Дуглас, Рой, 46

Екатерина Великая, 9-10
 Е'ор, Бат, 187

Жекмен Ролен (бельгийский правовед), 391, 486, 496, прим.2
 Жорес, Жан-Леон, депутат-социалист, 98-99

Заурма-Зелч, Антон фон, 46, 152
 Зеект, Ганс Фридрих Леопольд, 338-339, 359, 494
 Зеки-паша, командующий 4-м армейским корпусом, 146
 Зеки, Мехмед, редактор, 295, прим. 6
 Зимке, К., 264-267
 Золф, др. Вильгельм, 357-358

Ибрагим, министр юстиции, 287, 412
 Игнатъев, граф, 34
 Иззет-паша, Ахмет, великий визирь, 306
 Инёню, Исмет, 541
 Ихсан, генерал Али (Сабис), 452-453

Казимзаде Ф., 460
 Калторп, 393, 410
 Камбон, Поль, 44-47, 68-70, 95, 100-107, 145, 153, 165, 171, 178
 Карабекир, Кязим, 457-458, 463-474, 494
 Кардозо, 258
 Каро, Армен, 175-176, 181
 Карр, Уилбур Дж., глава консульского отдела госдепартамента США, 311
 Кахид, Хусейн, 5

- Квиатковски, д-р Эрнст фон, 361-362
 Кемаль, Мустафа, 399, 408-410, 432, 457, 464, 465, 470-474, 491
 Кемаль Юсуф, 400
 Керзон, лорд, 389, 400, 456,
 Кимберли, лорд, 149-150
 Кинрос, лорд, 144, 179, 187-189
 Кошен, Денис, 98
 Крессенштейн, Кресс фон, 448-449
 Купер, Лео, ХХХІ
 Куран, Ахмед Бедеви, 54
 Кут, Халиль генерал, 452, 453, 455, прим. 20 и 21, 468, 518-519
 Кутай, Джемал, 305, 419, 437, прим.66
 Кушкубаши, Эшраф, глава специальной организации, 314, прим.7
 Кюрри, 149-150
 Кюхльманн, министр, 451
 Кязим, Кючук, 473-474
 Кязим, Муса, 289-290
- Ламб, 398-399
 Ланглер, Уильям, 207
 Лансинг, Роберт, госсекретарь, 259, 391, 528
 Лаутер, Жерар, 6, 230
 Лепсиус, д-р Иоханнес, 193, 199, 356-359, 527
 Лихтгайм, Ричард, 523
 Лобанов-Ростовский, Александр Борисович, 87-94, 97, 103-104
 Лоссов, Отто, генерал, 345, 448
 Лохнер, Луис, 515-521
 Людендорф, Эрих, 450, 527
 Лютихау, граф фон, 337, 363-364, 452
- Максимов, 177, 178-179
 Мазхар, Хасан, 412
 Мандельштам А., 40
 Мардин, Шериф, 6
 Маркварт, Иозеф, 210, прим.37
 Мариотт, Дж., 39-40, 62-64, 146, 229
 Масси, П.Г., 159-160
 Матас, Давид, 523
 Махмуд Чюрюксулу, генерал, сенатор, 434, пр. 11
 Мелсон, Роберт, 160, 211, прим.45, 315, прим. 11
 Меттерних, Вольф, 275, 449
 Миллс, Эрик, 515
 Мильеран, Александр, 456
 Миттвох Ёген, 361
- Моргентау, Г., посол, 6, 287-289, 296, прим.11, 327, 333-334, 338, 344, 416-417, 493, 538
 Морнц А., 152
 Моруа, А., 38
 Мумм. Альфонс фон Шварценштайн, 115
 Муравьев, 69
 Мухтар, Ахмет, временно исполняющий обязанности министра иностранных дел Анкары, 458, 475, прим.4
 Мясникян, Александр, 461
- Надамленски, Артур шевалье, 363-364
 Надолин, Рудольф
 Назим, д-р Мехмед, 170, 253, 260, 275, 277, 360, 426-426,
 Наил, Енибахчели, 470, 519, 520
 Нансен, Фричьёф, 488
 Наполеон III, 66-67, 95, 102, 105-106, 238
 Науманн, Фридрих, 115-116, 120
 Нелидов, 93, 97
 Нойрат, Константин фон, 340
 Нерсес, патриарх, 58-59
 Николай II, 94
 Нимейер, д-р, 369
 Нубар Погос, 273
 Нури Осман, 146, 208
 Нури-паша, брат военного министра Энвера, 474
- Обойно, 17-175
- Палавичини, Иоганн Маркграф, 273, 424, 426
 Пальмерстон, лорд, 29, 31
 Паракин, Эрнст, 449-452, 518
 Парян, Бедрос, 181
 Пирс, Эдвин, 132
 Пинон, Ренэ, 327
 Политис, Николас, 390
 Помянковски, Иозеф, 311, 350, 361
 Пржевальский, М.149
 Пфейфер, лейтенант, 263
- Радолин, князь фон, 92, 207
 Райт, лорд, 521
 Рамсей, Уильям, 200-202, 224
 Ремси-паша, 162
 Ренувен, Пьер, 197
 Рёсслер, Вальтер, 262, 331, 358
 Рефик, Ахмет (Алтинай), 312, 314, прим.8
 Решид, великий визирь, 42, 186
 Решит, Акиф, сенатор, 434, прим.11, 492

- Риза, Ахмед, 296, прим.11, 297, прим.19, 285-288, 304
 Ринтелен, Франц фон, 371
 Рихтер, профессор, 337
 Рихтер, Шёбнер, 327; см. также Шёбнер
 Рйан, Эндрю, 389
 Розбери, лорд, 78-79
 Розенберг, Фридрих Ганс фон, 526
 Рорбах, Поль, 113, 327
 Роулинсон, подполковник, 461-462
 Рюштю, полковник, 466
- Саадеддин, 170-173
 Сабис, см. Ихсан, Али
 Сабит, губернатор Харпута, 418
 Савов, болгарский генерал, 243
 Саид Халим, великий визирь, 307
 Салим, Мехмед, йор, руководитель отдела по призыву Йозгата, 296, прим.11
 Саммерс, Уильям, 78
 Сандерс, маршал Лиман фон, 291, прим. 2, 308, 372
 Сашар, Абрахам, 523
 Сейфи, Дюзгёрен, полковник, 281, 282, 294, пр. 5 и 6, 470, 477, прим. 18 и 34
 Сесиль, лорд Роберт, см. Солсбери
 Скотт, Джеймс Браун, 528
 Самих Азиз, начальник штаба армейского корпуса резерва кавалерии
 Смит, Линдсей, 399
 Солсбери, лорд, 78-81, 106, 135-136
 Сониел, Саляхи, 314, прим. 9
 Соушон Стейндж, 338
 Сулидес, 56
 Сюни, Бабкен, 176, 185
- Талеат, 221, 230, 251-252, 265-267, 273-275, 302-303, 339, 345, 346, 368-369, 415-418, 426, 485, 492-493, 523
 Тахсин, Гасан (Узер), 299, прим. 30
 Тиракян, Грач, 181
 Тойнби, А. 254, 272-273, 397, 537
 Томас У.И., 511
 Топал, Осман, 472-473
 Торлакян, 454, прим.13
 Трумпенер, Ульрих, 527
 Тувенель, М., 29, 137
 Туная Т.З., 313, прим.3
- Уздом, Гвидо фон, адмирал, 322, 337-338
 Уиллис, Дж., 258, 396
- Уильямс, сэр Фенуик, 57
 Уильямс, Талькотт, 42
 Уильямс У.Г., британский вице-консул, Ван, 168-174
 Уильямс, Энюрин, 77, 277
- Фахри, 339
 Фейзи, депутат из Диарбекира, 273, 353-354
 Фельдман, подполковник, 335
 Фест, Иохим, 514, 527
 Фехми, Гасан, 288, 300, прим.36, 354
 Франц-Иосиф I, 93
 Фуад, Мехмед, министр иностранных дел, 29
 Фуфд, депутат из Дирание, 434, прим. 11
- Хакки, Ибрагим, переводчик при дворе, позже великий визирь, 176
 Халиль (Ментеше), 247, 275-276, 290, 451-452, 493, 518-519, см. также Кут, Халил
 Халит, Энублу «Дели», 464, 465, 471-472
 Харбард, генерал-майор, 300, прим. 40
 Хелворт, Джордж, 223-224
 Хилми (Филибели), 470
 Холмс, Оливер, 33
 Холуорд, Сесил М., 145, 147-149, 188-191, 196
 Хосс, Рудольф
 Хохлер, Томас, 432
- Циммерман, Артур, министр иностранных дел Германии, 273-274, 290, 291, прим.2
- Черчилль, Уинстон, 389, 400
 Чингис-хан, 515-523
 Шакир-паша, 170,
 Шакир, д-р Бехаеддин, 253, 260, 281, 305, 315-316, прим.17, 355, 428, 450, 454, прим.13, 465, 474, прим.1
 Шахабеддин, Дженаб, 351
 Шёбнер, Рихтер, д-р Макс Эрвин фон, 291, прим.2, 327, 525-527
 Шелендорф, Бронсарт фон, 262, 328-334, 342, 343, 349, 360, 375
 Шереф, Абдуррахман, 43
 Шипли, 149
 Шмидт, Освальд фон, 360
 Шоу Станфорд и Эзель Курал, 211, прим. 45, 300, прим. 38, 309
 Шоу (муж и жена), 211, прим.45, 309, 310
 Шоукрос, сэр Хартли, 531
 Штрюмер, д-р Гарри, 291, прим.2, 295, прим. 6, 313, прим. 1

